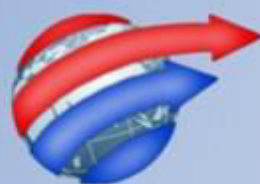

Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации

Монография

Курск - 2017

Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации

Монография

*Под редакцией профессора Л.Б. Вардомского,
профессора Л.И. Попковой,
доцента Цезары Мадры (Познань, Республика Польша)*

Курск 2017

УДК 911.3

ББК 65.04

С833

Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации
[Текст]: монография / редкол.: Л.И. Попкова (отв.ред), Л.Б. Вардомский,
Цезары Мадры; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2017. – 456 с. – ISBN 978-5-88313-
843-9

Материалы монографии освещают результаты исследований, проведенных в России, Польше и Украине по проблемам приграничных территорий.

Предназначается специалистам в области экономической и социальной географии, экономистам, экологам, специалистам по региональной политике и территориальному проектированию, учителям географии, аспирантам, студентам.

УДК 911.3

ББК 65.04

ISBN978-5-88313-843-9© Курский государственный университет, 2017

Содержание

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРИГРАНИЧЬЯ.....	8
И.И. Пирожник, Т. Щипек, Б.П. Власов ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ТУРИЗМЕ	8
А.И. Ильинова СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ ХХ- НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКОВ	17
С.В. Панков ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ	24
Н.В. Проскурина ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....	32
Н.В. Проскурина РУССКО-УКРАИНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ИСТОРИИ ГОРОДА ОСТРОГОЖСКА	35
М.Ж. Сакенов УРАЛ КАК ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И МЕНТАЛЬНЫЙ РУБЕЖ	39
А.В.Третьяков ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ ХХ-ХХІ ВЕКОВ.....	43
РАССЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, МИГРАЦИИ И РЫНОК ТРУДА.....	52
Н.Ю. Власова, В.В. Лазарева ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА	52
Е.Н. Дюканова ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ.....	62
О.Г. Кретьова МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ.....	66
А.А. Панкратов СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	70
А.В. Пастюк ФРАГМЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И УКРАИНЫ.....	80
А.В. Старикова МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ЕВРОРЕГИОНЕ «БАВАРСКИЙ ЛЕС – БОГЕМСКИЙ ЛЕС/ШУМАВА» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БАВАРИИ	84
В.Л. Ушакова РЫНОК ТРУДА ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ.....	88
Н.В. Чугунова СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. (Белгородская область).....	93
З.А. Атаев СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....	98
И. Ю. Барановский ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КЛАСТЕРОВ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	108
Д.С. Елманова НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЕ СООБЩЕСТВО БЕЛЬГИИ: СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА	114
В.В. Галич, В.М.Кузьмина МОЛОДЕЖНЫЙ ВЕКТОР СОТРУДНИЧЕСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ Г. КУРСКА.....	123
М.А. Котельникова, В.М. Кузьмина ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА г.КУРСКА С ГОРОДАМИ ГЕРМАНИИ	126
М.В. Зотова, А.А. Гриценко, А.Б. Себенцов ГРАНИЦА КАК ОГРАНИЧИТЕЛЬ И РЕСУРС ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	129

С.Г. Казаков, А.В. Карякина, Мадры Цезары ВЛИЯНИЕ РАСШИРЕНИЯ ГРАНИЦ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	139
Г.В. Козлова ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ	148
Р.А. Кравченко, Мари Росеро СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИГРАНИЧНОЙ С КОЛУМБИЕЙ ЧАСТИ ЭКВАДОРА.....	151
П.М. Крылов ТРАНСПОРТНО-ТАРИФНАЯ ДОСТУПНОСТЬ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРИГРАНИЧНЫМ ГОСУДАРСТВАМ.....	156
М.К. Мальцева ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ КЛАСТЕРОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	161
Л.И. Попкова, А.С. Овсянников ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ.....	167
Ю.В. Преображенский ОЦЕНКА ВЗАИМНОЙ ДОПОЛНЯЕМОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ И ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ).....	175
И.Е. Требушкова, И.А. Алферова ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧЬЯ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)	179
А.Л.Торян, В.М.Кузьмина ФОРМЫ МОЛОДЕЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И БЕЛОРУССИИ	182
Е.А. Ушаков СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	186
Е.А.Шевченко, В.М.Кузьмина НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	196
О.Г.Чаплыгина ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)	200
ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.....	209
Л.Б. Вардомский НОВЫЕ ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	209
В. М. Васюрин СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ В ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ.....	221
Е.Н. Дюканова, А.В. Карякина, И.Е. Требушкова ВЫСТАВОЧНО-ЯРМАРОЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ФОРМА ВОЗРОЖДЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ.....	224
А.М. Кирюхин УСТОЙЧИВОСТЬ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ВСТРЕЧНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ.....	229
Л.И. Попкова ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	232
Э.М. Эльдаров КАСПИЙСКИЙ ХАБ КАК ФАКТОР РАСШИРЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДАГЕСТАНА	237
А.С. Артемьева, А.М. Васин, Д.С. Елманова, К.Д. Ловягин, К.В. Ростислав, М.А. Топников, Г.Е. Фомина, А.С. Хусаинова ПОЕЗДКИ В РОССИЮ И КИТАЙ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	247
В.А.Колосов АКТУАЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФАНТОМНЫХ ГРАНИЦ	256
К.А. Морачевская ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ.....	267

В.Н. Овсейчик МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ	274
М.Е.Падалка ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ АЭС В ЕВРОПЕ.....	278
Е.А. Пьяных РАЗЛИЧИЯ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РЫЛЬСКОГО И ГОРШЕЧЕНСКОГО РАЙОНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИТОГАМ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ VII СОЗЫВА	281
В.А. Сапрыка ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ.....	286
Н.М. Сысоева ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ РЫНКОВ НА РАЗВИТИЕ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА	290
А.В. Третьяков, В.М. Кузьмина КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	296
Мадры Цезары (Mađry Cezary), Качмарек-Кхубнайя Юлия (Kaczmarek-Khubnaia Julia)УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ЕВРОРЕГИОНЕ НЫСА.....	299
ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ КЛАСТЕРЫ В ПРИГРАНИЧЬЕ	316
Л.М. Ахромеев, И.В. Шарапаев ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ КЛАСТЕР «СНЕЖЕТЬСКИЙ» – БУДУЩИЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ТУРИЗМА НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИИ	316
Е.В. Бирюкова РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ ЦЧР	324
М.М. Вагабов, М.Д. Гаджиев, И.И. Эфендиев ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО КЛАСТЕРА В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ	334
Н.Е. Воинова, Д.В. Арцыбашев, А.А. Шеставина ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ТУРИСТСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ).....	344
О.А. Крутских АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ГОСТИНИЧНОЙ ИНДУСТРИИ Г. ВОРОНЕЖ.....	348
М. Lamparska POSTINDUSTRIAL TOURISM IN POLAND AND CZECH REPUBLIC	352
Е.А. Нелепина, А.В.Саницкий ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЫЛЬСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ	362
А.Б. Себенцов, М.В. Зотова ЭКСКЛАВНОСТЬ И РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	366
М.А.Степанов ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В ТУРИЗМЕ И РЕКРЕАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ.....	375
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	379
О.С. Горбунова, Н.О. Полякова ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭЛЕМЕНТОВ НОВОГО «ЗЕЛЕННОГО КОЛЬЦА» ГОРОДА КУРСКА.....	379
Н.Н. Клюев, И.Ф. Петрова, Л.М. Яковенко, С.А. Буланов ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ КУРСКОЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ	383
Н.Н. Клюев ЭКОЛОГО-РЕСУРСНЫЙ «ДИССОНАНС» В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ	391
С.В. Харченко, С.С. Мухарамова, О.П. Ермолаев ОПЫТ МОРФОМЕТРИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ РЕЛЬЕФА ТЕРРИТОРИИ БАССЕЙНА Р. СЕЙМ НА ОСНОВЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ КОХОНЕНА ...	398
С.В. Харченко, С.Г. Казаков СРАВНЕНИЕ КАЧЕСТВА АППРОКСИМАЦИИ ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ АЛГЕБРАИЧЕСКИМИ И ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИМИ ТРЕНДАМИ ДЛЯ РАЗНЫХ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ	405

С.В. Харченко, В.Б. Горин ВЛИЯНИЕ РЕЛЬЕФА НА РЕДУКЦИЮ ТРАНСПОРТНОГО ШУМА В УСЛОВИЯХ НЕБОЛЬШОГО ПРОДОЛЬНОГО УКЛОНА ДОРОЖНОГО ПОЛОТНА (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ, Г.КУРСК).....	412
С.В. Левыкин, Ю.М. Нестеренко, И.Г. Яковлев, Ю.А. Падалко К РАЗРАБОТКЕ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЙ СТРАТЕГИИ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ БАССЕЙНА Р. УРАЛ.....	418
С.В. Левыкин, П.В. Вельмовский, И.Г. Яковлев, Г.В. Казачков, Д.А. Грудинин К СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЗОНАЛЬНЫХ СТЕПНЫХ ЭКОСИСТЕМ В ОРЕНБУРГСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ.....	427
О.П. Лукашова КЛИМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ РФ И ЕГО ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКОЙ РЕГИОНА	436
С.Г. Сапронова, И.П. Балабина ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАВЯНИСТЫХ СООБЩЕСТВ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ.....	441
И.С. Семенова ТРУДНОСТИ ВЫЖИВАНИЯ АМУРСКОГО ТИГРА В ПРЕДЕЛАХ АНТРОПОГЕННО ОСВОЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ УССУРИЙСКОЙ ТАЙГИ.....	444
И.Ю. Сошникова ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ	449
А.А. Чернышев, С.Г. Казаков РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БЕЛОГО АИСТА (CICONIA CICONIA) В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ	452

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРИГРАНИЧЬЯ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ТУРИЗМЕ

И.И. Пирожник¹, Т. Щипек², Б.П. Власов³

¹*Поморская академия, Слупск, Польша*

²*Силезский университет, Катовице, Польша*

³*Белорусский государственный ун-т, Минск, Беларусь,
e-mail: ipir951@gmail.com, bajkal58@wp.pl, vlasov@bsu.by*

Аннотация. Раскрыты особенности освоения туристского потенциала в трансграничных регионах, выявлены различные типы процессов взаимодействия между туризмом и границами. При их взаимодействии границы могут быть барьером для развития туризма, способствовать формированию самостоятельной туристской дестинации или выступать фактором активной трансформации культурного ландшафта. Проанализированы структура туристских потоков на белорусско-польском участке границы, культурно-исторические и природные объекты в трансграничном регионе и в исторической полосе довоенной границы. В районах концентрации аттрактивных туристских объектов показаны направления формирования туристских кластеров.

Ключевые слова: трансграничный регион, туристские потоки, культурно-исторический потенциал, туристские дестинации.

Историко-культурный и природный потенциал трансграничных регионов в силу их периферийного положения и ограничений для посещения приграничной полосы в период существования биполярного мира был закрыт для массового туристского движения. В последние двадцать пять лет открытость многих постсоветских стран к сотрудничеству в разных сферах несколько активизировало и туристское освоение потенциала их приграничных регионов. Повысился интерес к изучению трансформации природно-географической среды и социально-культурного уклада на бывших пограничных рубежах, существовавших на разных исторических этапах бурного XX века. Развитие различных форм сотрудничества в экономической, природоохранной и туристской сферах часто выступает целью различных международных проектов стран СНГ на вновь сформировавшихся рубежах, выступающих ранее административными границами союзных республик.

Приграничный туризм принято рассматривать с двух пространственных точек зрения: туризм, который сосредотачивается на самой границе, и туризм, обязанный своим существованием наличию

границы, но который не концентрируется непосредственно на границе. Существование политических границ в регионе создает уникальные политические, экономические и социальные условия. Это во многих случаях стимулирует развитие уникальных форм туризма, особенно когда отдельные формы деятельности (азартные игры, клубы «алкогольного туризма», таможенные анклавов и магазины, международные парки) допускаются на одной стороне границы, но ограничены на другой, законодательные нормы, налоговое и валютное регулирование отличаются между странами [1, 3]. При этом в географических исследованиях приграничных туристских регионов выделяется три типа взаимодействия между туризмом и границами: граница, выступающая барьером для развития туризма, граница как туристская дестинация, выступающая особым типом посещаемых местностей, и граница как модификатор туристского ландшафта, выступающая фактором формирования особых трансграничных регионов [2, 10].

Граница как барьер выступает как реальная преграда при доминировании ограничительно-разделительных функций над контактными, а также может формироваться как воспринимаемый психологически образ трудно- или непреодолимой преграды на пути следования путешествующих лиц. Препятствиями для пересечения государственных границ туристами являются меры жесткой миграционной политики, сложных таможенных формальностей, действующих в приграничных странах, а также неблагоприятный климат международных отношений между сторонами, политические конфликты, территориальные споры, государственные перевороты и преступность [3]. Например, при восприятии белорусской границы туристами со стран ЕС важную роль играют также экономические аспекты, например, визовые сборы, курсы валюты, разница цен товаров и услуг, установленные законодательством ограничения на ввоз и вывоз валюты, особенности таможенного регулирования перемещения товаров физическими лицами.

Граница как туристская дестинация становится объектом повышенного внимания со стороны туристов благодаря тому, что часто разделяет страны с различными социально-экономическими системами и политическими режимами, у многих людей возникает интерес приблизиться к границе и взглянуть на соседние государства, без обязательного посещения сопредельных территорий (демаркационная линия на границе Республики Корея и КНДР). При этом сама линия границы с присущими ей атрибутами (исторические памятники на рубежах, демаркационные указатели, наблюдательные вышки, ограждения и др.) часто выступает в качестве достопримечательностей. Значительный интерес могут представлять давние пограничные рубежи с историко-архитектурными памятниками. Примером такого объекта на белорусско-польской границе является открытый в 2013 г. новый вантовый мост и экскурсионный маршрут на остров Пограничный в Брестской крепости с доступом туристов в составе экскурсионных групп. На острове выявлено 37 исторических объектов, относящихся к периоду

середины XIX – первой половины XX вв. Раньше здесь осуществлялся таможенный контроль путешественников, пересекающих границу Российской империи. Сохранились здание таможенной будки XIX в., капониры, фрагменты пороховых погребов, казарм и встроженных в земляные валы казематов Тереспольских укреплений [1].

Граница как модификатор туристского ландшафта часто оказывает существенное влияние на развитие туризма, как в масштабе страны в целом, регулируя объемы въездных и выездных потоков путешествующих лиц, так и в приграничных регионах. В приграничных зонах, где линия раздела является объектом туристского интереса, формируются рекреационные ландшафты, находящиеся в непосредственной близости от пунктов пересечения границ. В тех случаях, когда граница выполняет лишь транзитную функцию, складывается особый ландшафт, для которого характерным является наличие пунктов обмена валюты, отделений страховых компаний, ресторанов, автозаправочных станций и туристских информационных центров. При активизации функции трансформации ландшафта и трансграничной интеграции туристское пространство последовательно проходит стадии: 1) самостоятельного развития и сосуществования объектов по обе стороны границы; 2) развития туристских связей взаимодействующих объектов; 3) формирования открытого туристского пространства и установления двусторонних туристских связей; 4) развития единого интегрированного туристского региона с общей маркетинговой программой, стандартизацией туристского продукта с активной демонстрацией региональных особенностей фольклора, народных промыслов, единых экологических норм и общей системой бронирования услуг [3, 9]. Следует учитывать, что в условиях нарастающей глобализации и противостоящих ей тенденций региональной интеграции трансграничное взаимодействие в сфере туризма порождает также ряд негативных проблем формирования диспропорций на локальных рынках занятости (сезонность занятости, неполный рабочий день, вытеснение местной рабочей силы мигрантами), трансформации культурной идентичности (гибридизация идентичности), секьюритизации границы и проявления других неравенств эпохи неолиберального капитализма [1, 3].

Активный туристский обмен сложился в последнее десятилетие в белорусско-польском трансграничном регионе, где ежегодное число посетителей, пересекающих границу во время поездок, составляет 7–8 млн. иностранцев (нерезидентов) и около 1 млн польских граждан [9]. Наибольший поток регистрируется на гродненско-подляском участке (4 млн. чел.), на брестско-люблинском он несколько меньше (3,8 млн.) [8, с. 75]. Частота поездок, несмотря на отрицательное влияние экономической стагнации в отношениях ЕС и стран Евразийского Экономического Пространства, остается высокой, свыше 72% нерезидентов и 67% польских посетителей совершают по несколько поездок в месяц. При этом около 60% нерезидентов (фактически белорусских граждан) и 75% поляков проживают в полосе на удаленности до 50 км от границы. Основной целью поездок

нерезидентов составляют покупки (80%), посещение родственников (8%), туризм (2%), а среди польских посетителей, при меньшем значении покупок в целях поездок (72%), большую долю составляют посещение родственников (14%) и туризм (7%) [9, с. 4–6].

При таком интенсивном туристском движении в трансграничных районах отмеченные виды трансформации природных и культурных ландшафтов развиваются в приграничных регионах Беларуси (туристский водный путь Августовского канала: Августов–Гродно–Друскининкай) и приграничных городах (Брест–Тересполь на белорусско-польской границе), национальном парке «Беловежская пуша» на белорусско-польской границе, где открыт пешеходно-велосипедный пограничный переход Переров – Беловежа) (рис. 1). С 1 ноября 2016 г. безвизовый режим пересечения границы с 5-дневным сроком пребывания в Гродно и зоне Августовского канала установлен на белорусско-польском и белорусско-литовском участках. Исторический памятник гидротехнического строительства Августовский канал, соединяющий бассейны рек Немана и Вислы, был построен в 1824–1839 гг. Канал, соединивший реки Бебжа и Неман, должен был обеспечить сбыт польских товаров, минуя Пруссию, установившей в нижнем течении Вислы высокие пошлинные тарифы для польских грузов. Общая протяженность канала составляет 103 км. Протяжённость канала по белорусской территории – 23 км, на которых расположены 4 шлюза и 2 плотины [7].

В целях создания благоприятных условий для развития туризма и туристской инфраструктуры на территории, прилегающей к белорусской части Августовского канала и русла реки Неман в Беларуси Указом Президента РБ от 26 мая 2011 г. был создан специальный туристско-рекреационный парк «Августовский канал». Функции по управлению парком возложены на администрацию СЭЗ «Гродноинвест». Общая площадь парка «Августовский канал» составляет около 5,8 тыс. га и состоит из 4 секторов в городе Гродно и Гродненском районе: сектор 1 – Августовский канал и р. Неман (5,5 тыс. га), 2 – Радивилки (39 га), 3 – Сопоцкин (194 га) 4 – Святск (57 га). Въезд и временное передвижение туристов нерезидентов в пограничной полосе и зоне туристско-рекреационного парка «Августовский канал», имеющих документы для въезда в Республику Беларусь, осуществляются в пределах обозначенных туристских маршрутов (велосипедных, пешеходных и других), участков Августовского канала, реки Неман, автомобильных дорог. При этом под территориями, прилегающими к специальному туристско-рекреационному парку «Августовский канал», понимаются территория г. Гродно, а также территории Гожского, Коптевского, Одельского, Подлабенского и Сопоцкинского сельсоветов Гродненского района. Для посещения и пребывания на территории парка туристу-нерезиденту необходимо иметь паспорт и документ, предоставляющий право на посещение туристских маршрутов и объектов зоны Августовского парка. Выдачей и оформлением таких документов занимаются туристские бюро и фирмы. Въезд на территорию зоны парка

может осуществляться иностранными туристами при пересечении границы Беларуси с Польшей через пункты пропуска Лесная (Рудавка) и Брузги (Кузница Белостоцкая), с Литвой через пункты пропуска Привалка (Швяндубре) и Привалка (Райгардас). Программа развития объектов туристской инфраструктуры включает 12 объектов с общей потребностью в инвестициях около 180 млн евро. Представляется, что реализация такой обширной программы требует внедрения технологий кластерного проектирования, что позволит эффективно использовать весь производственный, культурный и научно-инновационный потенциал всего Гродненского трансграничного региона [2].

Значительный интерес для туристского посещения представляют также бывшие приграничные рубежи в процессе формирования государственной территории, оказавшиеся в глубине страны, но сохранившие различные памятники и объекты пограничной инфраструктуры. Примером такого типа регионов выступает полоса бывшей польско-советской границы 1921–1939 гг. в центральной части современной Беларуси (рис. 1). Особый интерес здесь представляют инженерные сооружения оборонительных укрепленных районов «Линии Сталина». В соответствии с оборонительной доктриной межвоенного периода в СССР была принята программа создания укрепленных районов на всей западной границе. На территории Белорусской ССР решение по возведению Минского УРа было принято СТО СССР 15.02.1932 г. Оперативно-тактическая структура предусматривала возведение в его составе 6 батальонных районов по 19 сооружений, 4 батрайона по 15 сооружений и 7 ротных районов по 5 сооружений (всего 209 сооружений). В окончательном виде Минский УР состоял из 10 батальонных районов и 7 ротных районов.

Позже эта практика была перенесена и на новую советско-польскую границу, установленную после воссоединения БССР и Западной Беларуси. Весной 1941 г. в строительстве УРов в Прибалтийском, Западном и Киевском военных округах ежедневно принимало участие почти 140 тыс. человек. При обороне Минска в июне 1941 г. соединения 13-й армии с 25 по 28 июня 1941 г. удерживали долговременные сооружения Минского УРа, а дивизии 22-й армии, опираясь на Себежский и Полоцкий УРы, сдерживали с 4 по 8 июля наступление превосходящих сил немецких войск [4].

Историко-культурный комплекс «Линия Сталина» был создан к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и открыт 30 июня 2005 года в память о защитниках рубежей Минска. Идея создания уникального памятника принадлежит благотворительному фонду помощи воинам-интернационалистам «Память Афгана». Территория историко-культурного комплекса «Линия Сталина», расположенного в 30 км западнее Минска, занимает площадь около 30 га. Историческую основу комплекса составляют сохранившиеся с 1930-х гг. прошлого века долговременные огневые точки (ДОТы) Минского укрепленного района. Это артиллерийский полукапонир, трехамбразурный и двухамбразурный пулеметные ДОТы, а также командно-наблюдательный пункт (КНП). В

настоящее время открыты для осмотра два сооружения – артиллерийский полукапонир № 134 и трехамбразурный пулеметный ДОТ № 292. В экспозиции комплекса представлены противотанковые и противопехотные

Рис. 1. Расположение исторических военно-оборонительных сооружений на территории Республики Беларусь: 1 – линия Сталина, 2 – линия Молотова, 3 – польские укрепления 1920–1930 гг., 4 – немецкие укрепления Первой мировой войны, 5 – немецкие укрепления Второй мировой войны, 6 – граница СССР до 1939 г., 7 – Беловежская пуца, 8 – Августовский канал, 9 – окрестности оз. Большой Супонец, 10 – Тересполь

заграждения, воссозданы позиции полевого заполнения, инженерное оборудование участка бывшей границы.

Историко-культурный комплекс «Линия Сталина» представляет собой комплексный военно-исторический музей под открытым небом. В военно-историческом музее собрана наиболее полная в Беларуси экспозиция всей стоявшей на вооружении в различные годы, начиная со времен Второй мировой войны, военной техники, артиллерии, танков, авиации, стрелкового оружия. В музее представлена уникальная экспозиция российских, польских и немецких бронеколпаков, сохранившихся еще с Первой мировой войны. В экспозиции есть все виды окопов, траншей и противотанковых рвов. Экскурсии для туристов проводятся по трём маршрутам: исторический, площадка военной техники, партизанская деревня. В конце экскурсии можно пострелять в тире из различных видов стрелкового оружия, совершить поездку на бронетехнике, катамаране, попробовать «солдатскую кашу» у походной кухни.

В Белорусском Поозерье в зоне бывшего пограничья (рис. 1) на территории современных Глубокского и Ушачского районов можем ознакомиться не только с историческими событиями и природными уникальными объектами туристского потенциала, но и проследить тенденции изменений в структуре природных ландшафтов, системе сельского расселения, оценить экологическое значение уникальных природных объектов.

В зоне давней границы у ж. д. станции Зябки в 1920 г. в ходе советско-польской войны произошло первое военное сражение с групповым применением танков, что позволяет историкам оценивать данное событие как «белорусскую Прохоровку», положившему начало созданию в последующие годы крупных танковых соединений в Красной Армии [5]. В ходе запланированной операции по прорыву польского фронта в Полоцк были доставлены три танка 2-го танкового отряда Красной Армии, которые были ранее отбиты у деникинской армии и прошли ремонт на Путиловском заводе в Петрограде: «большой» британский Mk V («Рикардо») и два «малых» французских FT17 «Рено». Кроме танков 2-го танкового отряда и пехоты 33-й Кубанской стрелковой дивизии в операции участвовали бронемашины 14-го бронепоезда и бронепоезд № 8 «Раскольников» (командир К. Калиновский). Утром 4 июля 1920 г. под прикрытием бронепоезда танки приблизились к проволочным заграждениям на перешейке между озерами Свядово и Долгое, в ходе артиллерийского обстрела два танка вышли из боя, пробоины получил также бронепоезд. Вперед выдвинулся один из танков, который увлек красноармейскую цепь, что позволило стремительно преодолеть линию окопов. В образовавшийся прорыв устремились бронепоезда, за ними – кавалерия. Части 17-й пехотной дивизии генерала Енджеевского вынуждены были отступить на 15 верст к местечку Плисса, фронт был прорван [5, с. 51]. Несомненно такое событие может быть отмечено мемориальным памятником на ст. Зябки.

На былых пограничных рубежах, на примере д. Кубличи (упоминается с 1552 г., здесь до 1939 г. размещалась пограничная застава), расположенной восточнее озера Большой Супонец, можем проследить изменения в системе расселения и демографическом развитии приграничного региона. В начале XX в. в Кубличах насчитывалось 128 дворов, на начало 2010 – около 180 дворов, проживает более 400 жителей. С 2010 г. Кубличи получили статус агрогородка, здесь работает детский сад-базовая школа, библиотека, отделение связи, Кубличское лесничество ГЛХУ «Ушачский лесхоз», Коммунальное унитарное сельскохозяйственное предприятие Витебской области «Кубличи».

Изучение особенностей природопользования и структуры земель (на основании анализа разновременных топографических карт 1930–1980-х годов на площади 82 км² в окрестностях оз. Большой Супонец), показывает, что за последние семьдесят лет в структуре ландшафтов района бывшего пограничья в два раза увеличилась площадь занятая лесами (с 24,9% по 54,7% от всей площади) и на столько же сократилась площадь

сельскохозяйственных земель (с 58,0% по 27,9%). Вследствие ликвидации хуторской системы расселения в послевоенные годы также уменьшились (с 2,6% по 1,6%) территории под застройкой, при сохранении стабильной доли поверхностных вод.

Высокой туристской атрактивностью обладает расположенное на давнем пограничье, возле хутора Скрабатуны, на границе Ушачского и Глубокского районов Витебской обл., в 19 км на запад от г. п. Ушачи озеро Большой Супонец. Озеро относится к бассейну р. Альзиница (левый приток р. Ушача), площадь зеркала 0,42 км², объем воды около 3,5 млн м³, длина 0,96 км, наибольшая ширина 0,55 км, максимальная глубина 23,5 м, длина береговой линии около 2,62 км, площадь водосбора около 6 км² [6, 7]. Окрестные леса богаты земляникой, черникой, брусникой и грибами. Берега преимущественно возвышенные (на востоке низкие, заболоченные), поросшие кустарником и редколесьем, местами сосновым лесом. Мелководье преимущественно узкое (на востоке и в южном заливе шире), вдоль берегов песчаное, глубже дно илистое с отложениями сапропелей. Наибольшие глубины находятся в центре южной части озера. На востоке узкой короткой протокой соединено с оз. Малый Супонец. На северо-западе вытекает ручей в р. Боярская (название р. Альзиница в верхнем течении). На западе и юге в озеро впадают 2 ручья. В озере обитают окунь, плотва, лещ, щука, линь – база для увлекательной туристской рыбалки.

Неподалеку расположено озеро Долгое – уникальный объект природы, самое глубокое озеро Беларуси (53,6 м) – «белорусский Байкал». Озеро занимает ложбинную котловину, врезанную на 70–80 м в моренные образования. Из-за особенностей строения котловины озеро зарастает слабо. До глубины 5–7 м распространены роголистники рдест блестящий на склонах сублиторали до глубины 15 м – водяной мох фонтиналис (*Fontinalis*). В озере выявлены редкие реликтовые рачки ледниковой эпохи *Limnocalanus macrurus* и *Pallasea quadrispinosa*. По характеру ихтиофауны озеро Долгое типичный сигово-снетковый водоём, здесь водятся угорь, щука, плотва, язь, окунь, налим, линь, уклея и другие виды рыб. Оно служит естественной лабораторией для лимнологов, геоморфологов, гидрогеологов. С целью охраны озера, сохранения комплекса его фауны и флоры, чистоты воды здесь создан гидрологический озерный заказник (1979). При относительно небольшой площади (2,6 км²) оно имеет максимальную для озер Белоруссии глубину (53,6 м). Итогом процессов длительного осадконакопления являются разнообразные отложения, покрывающие дно слоем 2–3 м. На небольших глубинах дно покрыто розовой, зеленоватой, коричневой глиной. В ямах-понижениях скопился почти черный или оливковый ил. На плоских участках обнаруживаются ржавые комки озерной руды – лимонита, встречается также озерная известь. Летом в глубокой котловине озера ветер перемешивает лишь самый верхний слой воды. Глубже температура резко падает, а у дна в жаркие летние дни она не выше 5–5,5°. Высокое насыщение кислородом летом (60–62%) и зимой (45–47%), значительная прозрачность характеризует озеро Долгое как водоем с очень чистой водой. С учетом невысокой

проточности озера очень важно соблюдение норм рационального природопользования на всей площади водосбора озера для сохранения его уникальной экологической системы [7]. Рядом с озером Долгое расположено своеобразное неглубокое (до 3 м) озеро Шо яйцевидной формы, которое хранит много местных легенд. Одна из них, например, рассказывает, что воды озера поглотили древнее кладбище и на его дне находятся каменные кресты. Неподалеку расположено и третье по глубине в Беларуси озеро Гиньково (43,3 м), известное своими пещерами, а точнее – подводными гротами. Такой уникальный характер природных и культурных объектов современных и бывших трансграничных рубежей создают необходимую базу для развития разнотипных туристских дестинаций.

Литература

1. Пирожник И.И. Туристские миграции в трансграничном регионе как фактор активизации экономического сотрудничества (на примере белорусско-польского пограничья) // Проблемы безопасности российского общества. 2015. № 2. С. 141-150.
2. Пирожник И.И. Туристские кластеры как форма активизации трансграничного сотрудничества // Туризм и региональное развитие. Вып. 9 / ред. Л.Ю. Мажар/. 2016, Смоленск: Универсум, С. 11-19.
3. Ступина О.Г. Туризм и государственные границы // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 100-106.
4. Историко-культурный комплекс «Линия Сталина» // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://www.holiday.by/by/skarb/166-istoriko-kulturnyj-kompleks-linija-stalina> (дата обращения 20.03.2017)
5. Третьяк С. Станция Зябки, год 1920 – первый бой советских танкистов // Армия (Минск). 2008. № 2(72). С. 50-52. // Электрон. дан. Режим доступа URL : http://www.mil.by/ru/smi/army_magazine/digital_army/army_media/army_media22008/files/assets/basic-html/page-54.html (дата обращения 26.03.2017)
6. Энциклопедия «Природа Беларуси». Т. 2. Климат и вода. Минск: Белорусская Энциклопедия, 2010. 504 с.
7. Туристские регионы Беларуси / под ред. И. И. Пирожника. Минск: Белорусская Энциклопедия імя П. Броўкі, 2008. 600 с.
8. Ruch graniczny oraz wydatki cudzoziemców w Polsce i Polaków za granicą w 2015 r. / Red. Cierpień-Wolan M., Gielbaga E. Warszawa–Rzeszów, 2016. 163 S.
9. Ruch graniczny oraz przepływ towarów i usług na granicy polsko-białoruskiej w 2015 r. Urząd Statystyczny w Białymstoku, 2016 // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://bialystok.stat.gov.pl/opracowania-biezace/opracowania-sygnalne/inne-opracowania/ruch-graniczny-oraz-przeplyw-towarow-i-uslug-na-granicy-polsko-bialoruskiej-w-2015-r-5,5.html> (дата обращения 20.03.2017)
10. Więckowski M. Tourism development in the borderlands of Poland // Geographia Polonica, 2010. Т. 83. Nr 2. С. 67–81.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX-НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

А.И. Ильинова

Курский государственный университет, Курск

e-mail: dzigarik@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процесс развития социального предпринимательства в России и зарубежных странах. Показана работа государственно-муниципальных структур по формированию сущности социального предпринимательства, особенности его становления и развития в России. Рассмотрены основные направления государственной поддержки социального бизнеса на федерально-региональном уровнях.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, некоммерческие организации, социальные возможности, государственная поддержка.

Социальное предпринимательство – новое явление в российской практике. Социальный бизнес начал зарождаться и активно развиваться с 1970–1980-х годов XX в., появившись почти одновременно в разных точках мира в странах с разными экономическими и социальными условиями, а в 1990-х годах в бывших социалистических странах [1].

В настоящее время социальное предпринимательство стало предметом больших общественных ожиданий. Так, все чаще данная деятельность отмечается как одна из наиболее перспективных сфер развития бизнеса, а в перспективе – важная составляющая социальной политики государства.

Социальное предпринимательство – это новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости [1]. В основе данного понятия лежит функционирование так называемых социальных предприятий, создание которых было направлено на решение определенных социальных проблем, действующих на основе инноваций, финансовой дисциплины и порядка ведения дел в частном секторе.

Социальный бизнес в международной практике стал успешным инструментом решения социальных проблем. В международной практике сложилось так, что в США более привычен первый вариант, а в европейской традиции – второй вариант, когда социальное предпринимательство относят к «третьему», или некоммерческому сектору. Основателем социального предпринимательства является учредитель некоммерческой организации «Ашока: новаторы для общества» (Ashoka: InnovatorsforthePublic) У. Дрейтон. Более 30 лет назад профессор и успешный менеджер Дрейтон пришел в большой бизнес США. Он активно продвигал идеи охраны окружающей среды, непопулярные при правительстве Р. Рейгана. Первой страной, где законодательно была закреплена такая организация стала

Италия. Здесь в 1991 году был принят закон о «социальных кооперативах», положивший начало развитию таких предприятий. Важно отметить, что сегодня **Италия** является единственной европейской страной, где действуют **законы о социальных кооперативах и о социальных предприятиях**.

В 1996 году в Бельгии сформировалась европейская сеть исследователей, которые стали изучать феномен СП, под названием EMES European Research Network (Европейская сеть исследователей социального предпринимательства), включающая институты, центры изучения социального предпринимательства, а также индивидуальных исследователей.

[2] В России первые зачатки социального предпринимательства можно связать с появлением в 1882 году Дома трудолюбия. Он был основан в конце XIX века в Кронштадте отцом Иоанном Кронштадтским и давал каждому «труд, которым он мог бы кормиться и одеваться». Все, кто нуждался в крове, могли получить его здесь, взамен выполняя какие-либо работы по дому вместо оплаты.

В настоящее время проекты социального бизнеса реализуются в медицине, поддержке инвалидов и социально незащищенных слоев населения, содействии профориентации и трудоустройству, экологии и др. Социальный бизнес – новый способ социально-экономической деятельности, который объединяет в себе социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости для дальнейшего расширения и развития деятельности [3].

Выделяют следующие признаки социального предпринимательства: социальный характер, т.е. решение социальных проблем;

- инновационный подход, т.е. применение инновационных подходов в создании продукта;
- масштаб деятельности, т.е. возможность расширения границ и создание подобных институтов;
- финансовая устойчивость, т.е. решение социальных проблем за счет доходов, получаемых от собственной деятельности [4].

Говоря об эффекте социального предпринимательства, необходимо отметить, что развитие данного вида деятельности повышает совокупную экономическую эффективность, так как вводит в экономический оборот ресурсы, которые ранее в таком качестве не использовались. В первую очередь, речь идет о неиспользуемых материальных (отходы производства) и человеческих ресурсах (социально исключенные группы).

Поскольку социальное предпринимательство является феноменом развития рыночной экономики, а также требует определенного уровня развития экономики и общества страны, то необходимо отметить тот факт, что тема такого направления в бизнесе в России начала появляться лишь в последние 10 лет. Так, на этапе зарождения понятие «социальное предпринимательство» связывается с деятельностью некоммерческих организаций и малого бизнеса. Следует отметить, что данная деятельность

была поддержана международными партнерами – представителями фондов и экспертного сообщества.

Тем не менее, популярность социального предпринимательства в России заметно ниже, чем в странах Запада. Так, в Европе и США социальные практики имеют институциональное оформление. Россия же в этом смысле находится лишь на начальном этапе – пока идет «концептуализация» социального предпринимательства. В этой связи, ряд организаций берет на себя функцию проводника идеи и практики социального бизнеса. К таким организациям можно отнести как государственную поддержку социального предпринимательства в рамках деятельности Министерства экономического развития РФ, так и частные организации – например, Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», который также обеспечивает поддержку начинающим социальным предпринимателям.

Фонд «Наше будущее» был учрежден в 2007 г. совладельцем «Лукойла» Вагитом Алекперовым и является первым и до настоящего времени основным фондом поддержки социального предпринимательства в России. Сотрудниками фонда ведется работа по поиску наиболее перспективных инновационных идей и проектов и их эффективной реализации на практике, а также адаптации западных технологий социального предпринимательства к российским условиям. Кроме того, Фондом ежегодно проводится Всероссийский конкурс проектов «Социальный предприниматель», в котором могут принять участие индивидуальные предприниматели, некоммерческие организации, представители малого и среднего бизнеса. По результатам конкурса Фонд предоставляет бизнесменам долгосрочные беспроцентные займы на осуществление проектов социальной направленности, консалтинговую помощь, проводит бизнес-тренинги и оказывает помощь в продвижении проекта.

Комплекс поддержки включает:

- финансовую поддержку в виде грантов, займов и участия в уставном капитале;
- обучение и консультирование по актуальным вопросам их деятельности;
- информационное обеспечение и продвижение;
- иные формы поддержки [5].

Говоря о тех шагах, которые предпринимает государство на пути развития социально бизнеса в стране, необходимо отметить, что, начиная с 2011 года, Минэкономразвития разрабатывает систему субсидий и грантов, на которые могут претендовать социально ориентированные предприятия. Основополагающий нормативный документ министерства, регламентирующий порядок субсидирования подобных организаций, вышел 24 апреля 2013 г. N 220 «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную

поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации». В 2012 году Координационный совет ТПП РФ по вопросам развития социального бизнеса и предпринимательства разрабатывает комплекс мер, необходимых для развития социального бизнеса в России, экспертной оценкой проектов, социологическими опросами, популяризацией социального бизнеса, координацией взаимодействия государственных и общественных организаций. В декабре 2013 года на заседании рабочей группы Совета Федерации проект закона о социальном предпринимательстве, подготовленный Фондом «Наше будущее», был принят к обсуждению в качестве общественной инициативы. Параллельно с продвижением основного законопроекта о социальном предпринимательстве в ноябре 2013 года депутатами Государственной Думы был подготовлен проект «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». В документе было предложено включить в закон новую статью, касающуюся поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, осуществляющих деятельность в области социального бизнеса. Поправки содержат определение социального предпринимательства как «социально ориентированной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, направленной на достижение общественно-полезных целей и решение социальных проблем», а также подробное описание условий и критериев отнесения предприятия к социальной группе.

В 2014 году на рассмотрение в Государственную думу вынесен законопроект с поправками в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», содержащими юридическое определение понятия «социальное предпринимательство». Законопроект, содержащий поправки в ФЗ-209, относит к субъектам социального предпринимательства работу с определенными группами населения, а также определенные сферы деятельности. Согласно документу, к субъектам социального предпринимательства могут быть причислены организации, обеспечивающие занятость инвалидов, женщин, имеющих детей до трех лет, выпускников детских домов, а также лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Законопроектом предполагалось признание социальными предприятиями организаций, осуществляющих социальное обслуживание населения, оказывающих услуги в области здравоохранения, физической культуры, образования, а также занимающихся выпуском медицинской техники, содействующих социальной адаптации и реабилитации отдельных групп граждан, осуществляющих выпуск специальной периодической литературы.

В 2016 году Правительство Российской Федерации утвердило «Стратегию развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года». Документ предусматривает меры поддержки социального предпринимательства. Малое и среднее предпринимательство рассматривается в Стратегии как один из ключевых факторов развития и укрепления экономики России. Один из ее разделов посвящен поддержке

социального предпринимательства, включает дополнительные меры поддержки малых и средних предприятий в области социального предпринимательства, в том числе создание и развитие специализированных организаций инфраструктуры поддержки в субъектах Российской Федерации, предоставление субсидий на реализацию проектов в области социального предпринимательства, меры по популяризации такой деятельности.

Социальное предпринимательство как особый сегмент бизнеса в последние годы приобретает все большую популярность. Продвижению перспективных проектов и инноваций в социальной сфере содействуют программы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, реализуемые в регионах России. Курская область также не стала исключением. С 2015 года на базе Ассоциации микрокредитной компании «Центр поддержки предпринимательства Курской области», подведомственной комитету потребительского рынка, развития малого предпринимательства и лицензирования Курской области, действует Центр развития социального предпринимательства. Целями создания Центра являются поддержка и развитие социального предпринимательства на территории Курской области, популяризация и эффективное продвижение перспективных и стратегических проектов и инноваций в социальной сфере, обеспечение качественно нового уровня поддержки социальных проектов и инициатив, создание эффективной дискуссионной площадки для социальных предпринимателей Курской области с целью выявления проблем и обсуждения законодательных инициатив и законопроектов в данной сфере.

Первыми шагами в функционировании Центра поддержки социального предпринимательства стала организация обучающих семинаров для социально-ориентированных субъектов малого и среднего бизнеса на актуальные темы, такие, как «практические аспекты лицензирования частных дошкольных учреждений», «Социальное предпринимательство – организация деятельности детских центров», «Дети с ограниченными возможностями здоровья в условиях дошкольной образовательной организации», и другие.

В 2015 году в рамках государственной поддержки на базе дефектологического факультета Курского государственного университета руководители и сотрудники детских развивающих центров Курской области прошли обучение на курсах повышения квалификации для социальных предпринимателей на тему «Специфика организации и ведения социального бизнеса». Обучение позволило актуализировать знания субъектов МСП социальной сферы в области психологии и педагогики, а также способствовало повышению качества услуг, предоставляемых детскими развивающими центрами.

Социальные предприниматели, сотрудничающие с Центром поддержки социального предпринимательства, являются постоянными участниками выставок, конференций, форумов. В рамках проведения XV юбилейной межрегиональной универсальной оптово-розничной «Курской Коренской

ярмарки – 2015» и регионального форума малого и среднего предпринимательства «День предпринимателя Курской области 2015» свои выставочные экспозиции представили 19 центров детского развития [6].

В конце 2016 года по инициативе Администрации Курской области на базе Центра поддержки социального предпринимательства был организован региональный этап II Всероссийского конкурса «Лучший социальный проект года». В Курской области конкурс проводился впервые, при поддержке Минэкономразвития России. На региональном уровне в конкурсе приняли участие коммерческие организации, индивидуальные предприниматели, социально ориентированные некоммерческие организации. Победителями стали: ИП Куракса Каролина Владимировна (проект «Открытые возможности»); ООО «Социальные услуги +» (проект «Программа по оказанию гражданам, больным наркоманией, услуг по социальной реабилитации с использованием сертификата»); ООО «Медико-реабилитационный центр «Орто-Доктор» им. Ю.И. Алехина (проект «Центр протезирования, социального консультирования, комплексной реабилитации инвалидов и пребывания для детей с ограниченными возможностями»); ООО «Оздоровительно-реабилитационный центр «Атлант» (проект «ООО «ОРЦ Атлант»); КРОО ДО Центр творческого развития «Диалог» (проект «Диалоги с семьёй в «Диалоге») [7].

За время работы Центра развития социального предпринимательства подготовлен реестр социальных предпринимателей, в котором числится 84 субъекта малого и среднего предпринимательства, 26 из которых начали свою деятельность в 2016 году.

В рамках реализации государственных программ финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства в 2016 году 5 хозяйствующих субъектов социальной направленности получили субсидии на развитие бизнеса в размере более 1 млн рублей. Социальные предприниматели Курской области также имеют возможность получить микрозайм по льготной ставке 5% годовых.

Социальное предпринимательство в Курской области в последние годы становится все более привлекательным. В регионе с каждым годом становится все больше людей, готовых взять на себя ответственность за решение социальных вопросов.

На рисунке 1 представлены результаты опроса, который был проведен среди субъектов малого и среднего бизнеса Курской области по инициативе Центра поддержки социального предпринимательства.

Так, по данным опроса, инициатором которого выступил, детские развивающиеся центры как вид социального бизнеса преобладают на территории Курской области – 72% от общего числа опрошенных (рисунок 1).

Другие направления социального предпринимательства в совокупности от общего объема составляют 28%, в том числе медико-реабилитационные центры – 13%, психологические центры – 7%, производство и услуги, с

участием людей с ограниченными возможностями – 6%, патронажные службы – 2% [6].

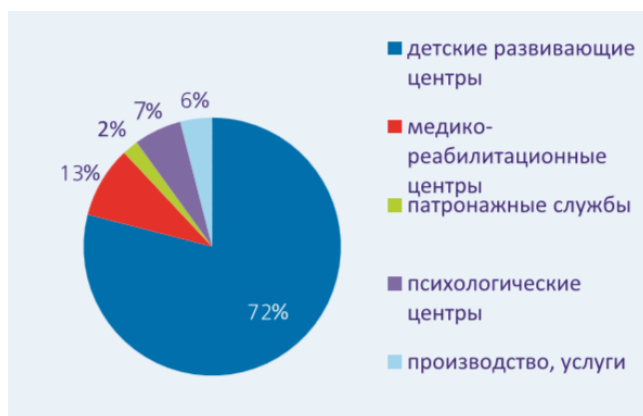

Рис. 1. Результаты опроса субъектов малого и среднего бизнеса, осуществляющих деятельность в сфере социального бизнеса (2016 г.)

Из вышесказанного следует, что социальным предпринимательством является социально ориентированная деятельность всех хозяйствующих субъектов различных организационно-правовых форм и собственности, включая малый и средний бизнес. Развитие данного вида предпринимательства свидетельствует не только об отсутствии должного финансирования социальной сферы в стране и регионах, но и говорит о том, что бизнес начинает осознавать свою социальную роль, понимать, что часть прибыли следует отдавать на общественные нужды как основы гармоничного продвижения вперёд. В условиях слабых возможностей государства и бизнеса стало активно развиваться частно-государственное партнёрство.

Вместе с тем эта работа сдерживается отсутствием действенной нормативно-правовой базы, слабой информированностью хозяйствующих субъектов и населения об этих видах деятельности. Естественно, что социальное предпринимательство не решит всех важных общественных проблем, но его развитие будет помогать наиболее нуждающимся сферам и свидетельствовать о внутригосударственной социальной гармонии, что особенно важно в условиях развития рыночной экономики.

Литература

1. Аларичева М. Эссе Социальное предпринимательство: опыт Польши.// Гражданское общество и решение социальных проблем в Европе. 2009. С.26
2. Московская А.А., Аларичева М.А., Албутова А.И., Васина (Зайцева) М.Н., Лыткина Т.С., Мамута М.В., Попова И.П., Силаева В.Л., Сорокина О.С., Сыкалов И.А., Шлыкова О.В. Социальное предпринимательство в России и в мире. Практика и исследования// Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2011. С.4.–15
3. Мухин А.В. Эволюция понятия социального предпринимательства. Основные функции социального предпринимательства // Новые технологии. 2011. № 2. С. 103-106. С. 104

4. Поддержка социального предпринимательства в регионе. //Электрон. дан. Режим доступа URL: Официальный сайт Администрации Курской области adm.rkursk.ru (дата обращения 23.03.2017)
5. Суева Ю.В. Социальное предпринимательство как инструмент повышения эффективности решения социальных проблем// Российское предпринимательство. Том 17. №6. 2016. С 97
6. Центр поддержки социального предпринимательства. //Электрон. дан. Режим доступа URL: Официальный сайт Ассоциации микрокредитной компании «Центр поддержки предпринимательства Курской области sprr46.ru (дата обращения 23.03.2017)
7. Шеяненко Д.О., Мартынова Т.Н. Инновационные формы оказания социальных услуг: социальное предпринимательство // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2014. № 11. С. 111-119, С.112

ТРАНСФОРМАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

С.В. Панков

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Тамбов
e-mail: psv69tmb@mail.ru*

Аннотация. В географии использование геометрического инструментария в целях изучения территорий и их границ позволяет получить ответ на вопрос, как пространственно и в какой степени сбалансировано устроен тот или иной регион. Указанный подход довольно слабо разработанный, формирующийся раздел географии, актуальность которого в России возрастает в связи с необходимостью развития регионального, приграничного менеджмента и маркетинга, поиском особенностей и конкурентных преимуществ регионов, разработкой приоритетов, стратегий развития приграничья и территориального проектирования.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, административно-территориальные границы, генерализованные карты, картоиды, геометрическая модель.

Анализ создания абстрактных элементарных моделей региона показал, что такая работа всегда являлась одной из главных в череде проблем исследования территорий, тем более это актуально в отношении Центрально-Черноземного района, три из пяти областей которого, являются приграничными. Ведя исследования в данном направлении, обратимся к анализу планиметрических структур одной из областей региона, в частности Тамбовской. Предметом исследования стали внутренние (муниципальные) границы, изучение которых, позволит проанализировать «геометрию» региона и пространственное соотношение территории.

Данный выбор обусловлен следующими факторами: 1) относительная компактность территории Тамбовщины (линейные размеры 230×250 км), позволяет моделировать с минимальными допущениями; 2) конфигурация близкая к идеальному шестиграннику, что даёт возможность практически без искажений соотнести реальную форму с идеальной; 3) центральное положение главного центра, обуславливающего центростремительный характер развития области; 4) равноудаленность узловых и промежуточных центров (для внешнего контура ~ 100 км, для среднего контура ~ 50 км, для внутреннего около 13 км), что делает доступность главного центра одинаковой для всех; 5) радиальный характер транспортных магистралей, формирующий целостность территориального каркаса; 6) ландшафтно-ресурсная однородность территории, даёт преимущества в целях пропорционального развития функционального пространства области.

Рассматривая функционально-селитебное зонирование, базирующееся на реальной топографической основе, мы попытаемся трансформировать его до уровня геометрической модели (Рисунок 1), с целью выявления идеальных пропорций территории, пространственной сбалансированности объектов, включая размещение поселений и транспортных магистралей [1].

Данное моделирование является необходимым начальным звеном в системе территориального планирования, когда требуется теоретическое обоснование развития какого-либо региона, и где элементы модели позволяют «конструировать» пространство, исходя из реальной ситуации с выявлением «слабых мест» и комплексным прогнозированием.

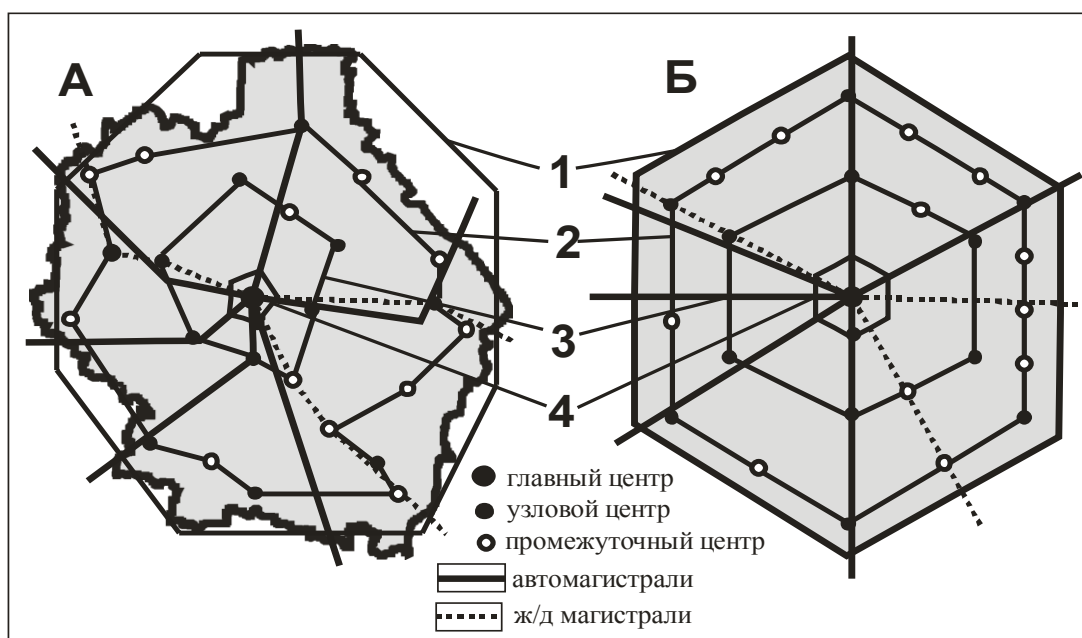

Рис. 1. Геометрическая модель Тамбовской области

Пропуская промежуточные стадии генерализации, остановимся на начальном (А) и конечном (Б) этапах. Географические особенности границы области (1), конфигурация внешнего (2), среднего (3) и внутреннего (4) контуров позволяют без дополнительных допусков трансформировать их в

геометрические. Положение главного, узловых и промежуточных (опорных) центров, также имеют упорядоченное, близкое к фактическому размещение. То же касается и транспортных магистралей, с достаточной степенью легкости преобразующихся в планиметрические проекции. Пространства-секторы между контурами «наполняются» основным содержанием территории – сельскими поселениями, концентрация которых обусловлена преимущественно близостью к узловым и промежуточным центрам, а также сельскохозяйственными угодьями, лесными массивами, водными и рекреационными объектами [2].

Анализируя в целом представленную модель можно сделать следующие выводы о характере исследуемой территории: 1) модель имеет симметричное строение, причем, как продольное, так и поперечное, что подтверждается не только общим строением, но и количеством узловых и промежуточных центров при вертикальном и горизонтальном сечении плоскости фигуры; 2) наличие трёх контуров с примерно равными интервалами и существующие радиальные транспортные линии даёт возможность проектирования радиально-кольцевой транспортной системы на нескольких уровнях, необходимость которой давно назрела. Это разгрузит центральные районы области от транзитного транспорта и позволит соединить все районные центры, а также большую часть сельских поселений, особенно периферийных, в единое транспортное кольцо. Данное обстоятельство положительным образом может повлиять и на перспективное рекреационное развитие области, в плане доступности объектов рекреационно-туристического назначения.

От рассмотрения локальной модели остановимся на некоторых аспектах локальной планиметрии в контексте изучения территории Тамбовской области. В основе планиметрического подхода лежит картографическая база исследуемого объекта. В процессе развития региональных исследований планиметрический подход диктует новые требования к картографическому материалу с точки зрения его информативности и научно-прикладных возможностей. Такое обстоятельство обуславливает необходимость создания, в значительной мере, генерализованных карт с измененной топографической основой. Карты, где в целях наилучшего отображения изучаемого явления искажению подвергнута как картографическая основа, так и специальная нагрузка, и оба искажения должны подчеркнуть важную информацию в географической литературе, называются картоидами. Являясь пространственной теоретической моделью, их применение разумно в тех случаях, когда речь идет о генерализованном анализе и отражении масштабных пространственных явлений [3].

На основе существующих двадцати трёх муниципальных районов Тамбовской области, являющихся ключевыми элементами административно-территориального деления (АТД), приведена последовательная генерализация их конфигураций в несколько этапов.

Исходная карта (Рисунок 2(1)) иллюстрирует фактическое положение муниципальных районов и очертание их границ. Начальная стадия

генерализации (2) отражает первичные трансформации граничных структур, проявляющиеся в выравнивании внутренних границ области (между районами), при этом внешние границы пока остаются неизменными.

На промежуточной стадии (3) происходит «обобщение» внешних границ области и дальнейшее линейное упорядочение границ муниципальных районов. Завершающая стадия (4) окончательно формирует «геометрический» облик области, выстраивая гексагональные контуры муниципальных районов, когда полностью генерализована конфигурация административных единиц с изменением их положения, границ, граничных узлов. Таким образом, пройдя всю цепочку от исходной географической карты до картоида, мы получили территориальную модель области, где отсутствуют свойства и черты карты – масштаб, картографическая проекция, картографическая нагрузка и т.д.

Рис. 2. Стадии генерализации административно-территориальных границ Тамбовской области

При этом на первый план выходят новые качества – возможность выделения планиметрических свойств территорий и применение математического аппарата для анализа социально-экономических явлений и процессов; способность оперировать символами, что расширяет информационно-аналитико-синтезирующие свойства объекта изучения и, конечно же, возможность рационального комбинирования (добавление, изъятие, объединение, вычленение) самой картоидной основой в целях проектирования. Отметим, к преимуществам картоидов можно добавить возможность их использования на любом этапе генерализации, допуская

прямую пошаговую, выборочную и инверсированную обратную генерализацию.

Административно-территориальное деление любой масштабности от муниципального района до страны в целом является важнейшей географической составляющей государственного пространства. Состоянием АД конкретное исторического периода определяется не только формирование опорного каркаса расселения, его главных центров, транспортных магистралей различного уровня, количеством административных единиц, но и зрелостью всей системы национально-хозяйственного комплекса.

Динамика АД в государственном масштабе России диктовалась, преимущественно, объективными причинами, выражая сложившуюся данный момент потребность в упорядочении и сбалансированном социально-экономическом развитии субъектов и эффективностью их управления. Однако изменения АД на уровне регионов, подчас, проявлялись в виде «административного волюнтаризма»: стремлением реализовать желанные цели без учёта объективных обстоятельств и возможных последствий. Такого рода процессы чередовали периоды укрупнения единиц АД и их разукрупнения.

Тем не менее, в результате многократного перекраивания в нашей стране АД заметно улучшилось, и теперь приходится не столько пенять на его искусственность, сколько удивляться тому, что оно все же отражает интересные географические закономерности, которые надо смелее использовать для дальнейшего совершенствования АД. [4]

Примечательным в этом плане может быть Тамбовская область, где рассматриваемые процессы носили скачкообразный характер (Рис. 3).

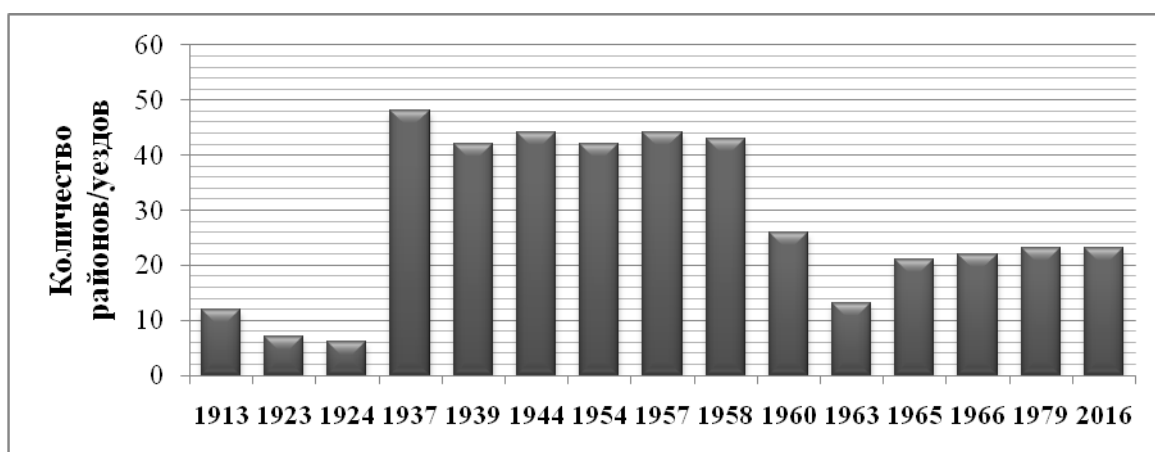

Рис. 3. Динамика административно-территориальных единиц Тамбовской области (губернии) за 1913-2016 гг.

Проблема АД в значительной степени географическая проблема, т.к. носит не только количественные изменения, но территориальные (делимитация границ, дробление или объединение, инфраструктурные преобразования, выбор административных центров).

В Тамбовской области количественная динамика тесно связана с территориальной трансформацией (Рисунок 4). Кратко рассмотрим хронологию указанных изменений.

К 1913 г. административно-территориальное деление Тамбовской губернии включало 12 уездов: Борисоглебский, Елатомский, Кирсановский, Козловский, Лебединский, Липецкий, Моршанский, Спасский, Тамбовский, Темниковский, Усманский, Шацкий и сохранялось без особых изменений до 1918 г.

В течение 1918-1920 гг. происходили изменения границ, ликвидация и образование новых сельсоветов и волостей. В 1923 г. границы Тамбовской губернии подверглись значительному изменению. Елатомский и Спасский уезды отошли к Рязанской губернии; территория Темниковского уезда была разделена между Нижегородской, Пензенской и Рязанской губерниями; в состав Воронежской губернии вошли части Борисоглебского и Усманского уездов; Шацкий уезд вошел в состав Рязанской губернии, за исключением пяти волостей включенных в состав Моршанского уезда. В состав Тамбовской губернии была передана часть территории Воронежской губернии: три волости Задонского уезда; 9 волостей Новохоперского уезда, а также селения Рождественской волости вошли в состав Борисоглебского уезда. Таким образом, в составе Тамбовской губернии в 1923 г. осталось 7 уездов: Борисоглебский, Кирсановский, Козловский, Лебединский, Липецкий, Моршанский, Тамбовский.

Рис. 4. Совмещенные границы Тамбовской губернии и Тамбовской области

В таком составе губерния просуществовала более года. В 1924 г. из семи уездов было образовано шесть: территория Лебедянского уезда вошла в Липецкий уезд. К 10 марта 1924 г. было закончено укрупнение волостей губернии, а в июне-июле 1924 г. прошло укрупнение сельсоветов. Вместо 264 волостей и 1665 сельсоветов стало 92 волости и 698 сельсоветов.

В течение 1928-1929 гг. была проведена административно-территориальная реформа, в ходе которой упразднилось деление на губернии, уезды и волости, вводились новые административные единицы: области, округа, районы. 18 января 1935 г. ВЦИК РСФСР утвердил новую сеть районов. На территории нынешней Тамбовской области были восстановлены ликвидированные в 1930 г. Избердеевский и Ламский районы и образованы новые: Волчковский, Гавриловский, Дегтянский, Красивский, Лысогорский, Платоновский, Полетаевский, Рудовский, Умётский, Хоботовский, Шпикуловский, Шульгинский, Юрловский.

27 сентября 1937 г. ЦИК СССР принял постановление о разделении Воронежской области на Тамбовскую с центром в г. Тамбове и Воронежскую с центром в г. Воронеже. Эта дата на сегодняшний день считается днем основания Тамбовской области. В состав Тамбовской области вошли 48 районов: 26 - из Воронежской, а также города Мичуринск и Тамбов и 22 - из Куйбышевской, а также г. Пенза. Ламский, Сосновский, Староюрьевский районы вошли в состав Рязанской области.

4 февраля 1939 г. – разделение Тамбовской области на Пензенскую и Тамбовскую. В состав Пензенской области отошли г. Пенза, 22 района, которые были выделены из Куйбышевской области при образовании Тамбовской области в 1937 г., а также Заметчинский и Соседский районы. К 24 районам, оставшимся в составе Тамбовской области, были присоединены 14 районов Воронежской области и 4 района Рязанской области. С февраля 1939 г. в состав Тамбовской области входило 42 района.

7 марта 1941 г. был образован Знаменский район. 9 февраля 1944 г. образование Граждановского района за счет разукрупнения Бондарского и Кирсановского районов.

В итоге, к концу Великой Отечественной войны в составе области было 44 района. В связи с образованием Балашовской области Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 января 1954 г. из Тамбовской области в ее состав были переданы два района - Мучкапский и Шапкинский.

С середины 1950-х гг. в области проводилось укрупнение районов. 4 июля 1956 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ об упразднении районов: Туголуковского, Хоботовского, Шульгинского.

19 ноября 1957 г. была упразднена Балашовская область. Мучкапский район, входивший в ее состав, в 1957 г. вошел в состав Тамбовской области. Ранее, в декабре 1956 г., Мучкапскому району был передан ликвидированный Шапкинский район. 16 сентября 1958 г. упразднен Полетаевский район, с передачей его территории Токарёвскому району.

В 1959 г. было произведено дальнейшее укрупнение районов Тамбовской области. 11 марта 1959 г. упразднены следующие районы с

передачей их территории соседним: Алгасовский, Шехманский. 30 октября 1959 г. был упразднен ряд районов и их территория передана соседним районам. Таким образом, на 1 января 1960 г. Тамбовская область имела в своем составе 26 районов.

1 февраля 1963 г. было проведено укрупнение сельских районов. Вместо существовавших ранее 26 районов образовано 13 сельских районов: Жердевский, Инжавинский, Кирсановский, Мичуринский, Мордовский, Моршанский, Петровский, Пичаевский, Рассказовский, Ржаксинский, Сосновский, Тамбовский, Уваровский. 4 марта 1964 г. в Тамбовской области был образован еще один сельский район - Староюрьевский.

12 января 1965 г. были образованы новые районы: Бондарский, Знаменский, Мучкапский, Никифоровский, Сампурский, Токаревский, Умётский. Таким образом, в 1965 г. в Тамбовскую область входили 21 район. 30 декабря 1966 г. и 29 ноября 1979 г. были образованы Первомайский и Гавриловский районы соответственно.

В последующие годы изменений в административно-территориальном делении области не было. На 1 января 2013 г. в составе Тамбовской области 23 района. В результате вековой динамики административно-территориального деления, площадь Тамбовской области составляет 52,2% от территории бывшей губернии.

Главной особенностью проведения административно-территориальных реформ в России является прерогатива центра, часто без учета мнения и интересов регионов. Примечательным может быть зарубежный опыт. Например, в Аргентине создание новых провинций требует одобрения не только федерального, но и местных парламентов. Изменение границ штатов Малайзии нуждается в согласии Совета правителей, как органа центральной власти, и легислатуры заинтересованного штата. Мнение региона определяется с помощью всенародного референдума. Плебисцит при реорганизации территории обязательно требуется в Бразилии. В Германии разработана целая процедура, предполагающая участие населения. В самой «идеальной» ситуации при изменении АД учитывается мнение народа, заинтересованных регионов и центральной власти. Именно так, например, ставится вопрос в швейцарской конституции. Необходимо чтобы формула реорганизации территории любого ранга подразумевала взаимное согласие центра и регионов.

Литература

1. Панков С.В. Сельские поселения как базовый элемент модели территориальной структуры региона // Альманах современной науки и образования. № 11 (42), 2010. С. 127-129.
2. Панков С.В. Планиметрия региона с позиций территориальной организации сельских поселений // Вопр. соврем. науки и практики. Ун-т им. В.И. Вернадского. 2011. № 2(33). С. 18-22.

3. Панков С.В. Сельские поселения: теория и практика регионального исследования: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 406 с.

4. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Н.В. Проскурина

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж
e-mail: prosk.n@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыта специфика изучения и использования историко-культурного наследия приграничных территорий. Выявлена роль историко-культурного наследия в интересах устойчивого социально-экономического развития территории.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, культурно-территориальная общность, потенциал территории.

Приграничные территории занимают особое место в любом географическом пространстве. Особенности приграничного положения определяют характер развития многих процессов и явлений. Возросшие требования к качеству, обоснованности региональной социально-экономической политики заставляют по-новому подходить к оценке собственного потенциала развития территории. Одним из факторов развития территории является историко-культурное наследие (ИКН). ИКН представляет собой территориальное сочетание памятников истории, культуры и природы, имеющих особую ценность (образовательную, репродуктивную, эстетическую и др.) для мира, страны, региона, тесно взаимосвязанных с живой жизнью народа, в контексте определенной культуры [1]. Географические исследования наследия приграничных территорий позволяют рассматривать его не только как фактор экономического развития (организация рекреационной, туристской деятельности и сопутствующих им отраслей экономики), но и как механизм устойчивого развития общества.

Историко-культурное наследие – это своеобразный духовный «фундамент» социума, производная функционирования и развития различных природных и общественных систем, прямо или косвенно участвующих в образовании материальных объектов или в воспроизводстве определенного сознания. В современном мире ИКН несет в себе общественно значимые функции: идеологическую, образовательную, политическую, пропагандистскую. Включаясь в систему социокультурной

памяти общества, наследие осуществляет его социальную пространственно-временную связь, придающую обществу определенную стабильность.

Культурное наследие приграничных территорий целесообразно изучать не вообще, а в пределах определенной культурно-территориальной общности, так как наследие принадлежит и ценно, в первую очередь, отдельным группам населения, которые отличаются от других определенными взглядами, традициями, специфическими способами деятельности и т.д. Понятие «культурно-территориальная общность» в географии введено А.Г. Дружининым (1999) для обозначения различных пространственно-локализованных групп населения, которые отличаются друг от друга специфическими «имманентными им» геокультурными особенностями. Культурно-территориальную общность, можно рассматривать как локализованную в геокультурном пространстве группу людей, отличающуюся от других исторически сложившейся формой совместной жизнедеятельности и своеобразным культурным миром. Данный подход особенно важен при изучении приграничных многонациональных территорий. Когда разнообразное историко-культурное наследие рассматривается и в пределах отдельных этнических групп, в едином общероссийском и региональном пространстве.

Каждой культурно-территориальной общности как исторической целостности присущ свой тип культуры и свое наследие. В процессе развития общности происходят различные культурные изменения, однако это не означает разрыва в развитии культуры, уничтожения старой культуры, отказа от культурного наследия и традиций. Каждый новый этап развития общества наследует культурные достижения предшествующих исторических эпох и включает их в новую систему общественных отношений. В свою очередь, геокультурные процессы определяют внутреннюю дифференциацию культурно-территориальной общности на культуру современную (живую) и на историко-культурное наследие. Но они самым тесным образом связаны между собой. С одной стороны, живая культура создает новое наследие в результате повседневной жизни общества, она как бы «питает» традиции и историческую память людей. На конкретную территорию или в определенные этносы часто привносятся извне новые «инновационные» культурные формы (элементы). Они обогащают и насыщают местное геокультурное пространство. С другой стороны, живая культура любой культурно-территориальной общности «обогащается» за счет наследия. В любой момент, особенно в сложных и конфликтных ситуациях, могут возрождаться (переходить в живую культуру) утраченные ранее традиции, обычаи, нормы, правила и т.д.

Исходя из этих позиций, наследие можно рассматривать двояко. Оно может выступать и невостребованным элементом в современной творческой практике, и активной частью современной жизнедеятельности этноса. В первом случае – это «историческая память», которая существует в виде «реликтов» культуры прошедших исторических этапов развития, музеефицированных ценностей и т.д.[2]. Она может не быть активно

востребованной многие тысячелетия и в жизни общества, и в жизни отдельного человека. Активная же часть наследия, напротив, повседневно участвует в современной жизни общества. Это могут быть различные старинные технологии, специфические способы деятельности, традиции и т.п. Разграничения между составляющими наследия достаточно условны, так как они могут переходить в качественно новые формы существования. При изучении наследия приграничных территорий из единого геопространства, на наш взгляд, следует выделять именно те формы и способы существования культуры (нашедшие свое отражение в ИКН), которые, с одной стороны, позволяют проследить развитие данной территории и проживающих на ней этносов, а с другой, формируют стабильную ситуацию в обществе, гражданскую позицию социума. Именно данная социоориентированная функция историко-культурное наследие, на наш взгляд, и выступает в настоящее время одним из ведущих факторов устойчивого развития территории.

Историко-культурное наследие – это и своеобразный ресурс по отношению к рассматриваемой территории, который влияет (или может повлиять) на экономическое развитие приграничных территорий. Для целей государственного управления и использования данного ресурса можно использовать статистический подход к анализу наследия. Большое практическое значение имеет ранжирование территории по степени насыщенности отдельными объектами историко-культурного наследия. Ввиду несовпадения природных, социально-экономических границ ранжирование территории на основе историко-культурного потенциала целесообразно, с нашей точки зрения, осуществлять в пределах существующего административно-территориального устройства России. Что в свою очередь будет способствовать решению ряда вопросов: распределению средств (бюджетных, местных, культурных, экологических фондов, центров возрождения и т.д.), инвестированию отдельных проектов и программ, а в целом возрождению, сохранению и использованию отдельных элементов историко-культурного наследия.

Рассматривая историко-культурное наследие как совокупность памятников истории, культуры и природы на определенной территории, комплекс оценочных признаков будет включать природные, исторические и геокультурные элементы. Они могут быть представлены: историческими территориями и населенными пунктами, памятниками истории и культуры, культурно-ландшафтными территориями. На основе суммирования этих показателей, рейтинговой оценки пространственной дифференциации данных элементов и осуществляется анализ потенциала ИКН отдельных территорий.

Таким образом, изучение историко-культурного потенциала приграничных территорий может стать основой для формирования региональной и государственной политики, а также послужить научным обоснованием при выборе перспективных направлений социально-

экономического, туристско-рекреационного и культурного развития с сохранением традиционных форм жизнедеятельности.

Литература

1. Проскурина Н.В. Методические приемы географического изучения историко-культурного наследия / Н.В. Проскурина, И.А. Есина, О.А. Кузьменко, С.В. Спиридонова // Территориальная организации общества и управление в регионах: Материалы XI Всероссийской науч.-практич. конф. с международным участием. Воронеж, 2016. С. 161-163

2. Проскурина Н.В. Роль историко-культурного наследия в интересах устойчивого развития региона / Н.В. Проскурина, С.В. Щербинина // Экономические и правовые аспекты регионального развития: история и современность. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 25 марта 2015. Вып. Елабужский институт (филиал) ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». С. 151-156

РУССКО-УКРАИНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ИСТОРИИ ГОРОДА ОСТРОГОЖСКА

Н.В. Проскурина

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж
e-mail: prosk.n@yandex.ru

Аннотация. Автор раскрывает особенности формирования города Острогожска Воронежской области. Выявляет роль русско-украинского пограничья в истории формирования южных рубежей Российского государства.

Ключевые слова: город-крепость, русско-украинское пограничье.

Современный город Острогожск является центром Острогожского муниципального района Воронежской области. Он удален от административного центра г. Воронежа на 111 км. Острогожск расположен на Среднерусской возвышенности, на реках Тихая Сосна и небольшой речки Острогоди (притоки р. Дон). Город был назван по имени р. Острогоди. В названии реки, её топониме, сохранилось древнее русское слово «гощь», которое в давние времена означало место торговли.

Город Острогожск – второй по древности (после Воронежа) город Воронежской области. Датой его основания принято считать 1652 год. В начале XVII века Российское государство начало строительство Белгородской оборонительной (засечной) черты для защиты южных границ государства от набегов татар. Укрепительная линия протянулась на восемьсот километров от Белгорода до Тамбова. Белгородская черта представляла собой систему городов-крепостей, острогов, земляных валов, лесных засек, а также естественных природных препятствий. Острогожск был заложен как город-крепость в этой многокилометровой оборонительной черте. Летом 1652г. Указом государя Алексея Михайловича помимо других

городов-крепостей Белгородской черты было велено заложить 4 города-крепости в границах современного Острогожского района Воронежской области: Ольшанск, Коротояк, Урыв и «жилой город на реке Тихой Сосне у Острогощи на конец Тернового леса» [2]. Так в августе 1652 года началось возведение Острогожска, а этот год принято считать официальной датой его основания.

С середины XVI в. на западной границе России образовалось сильное польско-литовское государство Речь Посполита, куда вошли территории современной Белоруссии и большая часть Украины. Белорусы и украинцы исповедовали православие, тогда как в данном государстве официальной религией было католическое христианство. Начались гонения и притеснения православных, в результате чего и начались массовые переселения украинцев в Великороссию, в Подонье, в том числе и на территорию современной Воронежской области. Украинцам (малороссам, «черкасам» как их тогда называли) Московское государство предоставляло земли для поселения за пределами Белгородской черты, на так называемой Слободской Украине (поселения украинцев тогда называли «слободами» [1]). Украинцам были рады. Не только потому, что они были единой веры с великороссами - православными, но за этим стоял и трезвый расчёт. Редкие крепости не могли полностью защитить южную границу государства. Московское государство не очень приветствовало движение русских крестьян на юг, а требовался «живой щит». Им и должны были стать украинцы.

Так сложилось в истории города, что первыми жителями Острогожска стали именно украинские черкасы, которые бежали от польских притеснений и искали защиты в Московии. 2000 реестровых казаков Черниговского и Нежинского полков, вместе с семьями и имуществом прибыли на строительство города-крепости Острогожск. Возглавлял казаков полковник Иван Николаевич Дзинковский [2]. Воронежский воевода Арсеньев получил царский указ, который повелевал помогать казакам, возводить и обустраивать крепость.

Острогожскую крепость, под руководством воеводы, казаки строили совместно с московскими служилыми людьми. Для своих семей частные строения казаки делали сами. Украинские и русские служилые люди общими усилиями возвели «Новый черкасский городок». Острогожск вошел в состав так называемой Слобожанщины. Как и другие города Белгородской оборонительной линии, он «встал Руси щитом пред кочевой ордой Востока» [1].

Историческая судьба Острогожского слободского полка неотделима от истории других слободских казачьих полков засечной черты. Все вместе казачьи полки составляли Слободское казачье войско (Слобожанщину). Это относительно самостоятельное государство было со своим особым законодательством. Слободская (Слобожанская) юридическая система резко отличалась от русской и частично от правовых систем других казачьих войск. Вероятно, именно Острогожск был первой столицей Слобожанщины. Правда, в отличие от других полковых центров, Острогожск был основан не

за пределами Белгородской линии, а в её пределах...Украинцы вместе с русскими осваивали Черноземье и защищали Россию от продолжающихся набегов татар.

В 1664 году распоряжением царя Острогожский казачий полк был официально узаконен, а казакам предоставили монопольные привилегии. До конца XVII. Острогожский казачий полк проводил политику колонизации окрестных незанятых земель и закрепления их за казацкой старшиной, а более отдаленных свободных земель – за беднейшим населением. В 1670 году острогожцы поддержали восстание под предводительством Степана Разина. Иван Дзинковский поднял бунт против московского правления. Бунт был подавлен, а полковник, его жена Евдокия и другие повстанцы были казнены [2].

История города тесно связана и с царствованием Петра I. Жители города были непосредственными участниками подготовки и осуществления Азовских походов Петра. «Возвращаясь в Москву после второго Азовского похода, Пётр I в начале сентября 1696 года остановился в Острогожске, где встретился с гетманом Украины И.С. Мазепой. Мазепа был заранее приглашён сюда царём. Встреча, по преданию, проходила в специально подготовленном шатре на Майдане (площади). Гетман представил отчёт о положении в Малороссии, о ситуации с казачьими полками и преподнёс Петру украшенные золотом и драгоценными камнями саблю и щит. Мазепа получил ответные дары - Петр подарил ему шубу с собственного плеча за хорошую службу и охрану Малороссии от набегов татар». В настоящее время на этом месте установлен памятный знак города. Это гранитный камень с бронзовым барельефом Петра I и полированной гранитной доской с выбитым на ней текстом: «16 сентября 1696 г. на Майдане Пётр I, возвращаясь из Азовского похода, встречался с гетманом Украины Мазепой и казаками Острогожского полка. Благодарил их за храбрость и верную службу» [3].

До 1764 года Острогожск был полковым городом Острогожского слободского казачьего полка. К началу XVIII в. южный оборонительный рубеж Русского государства отодвинулся от Белгородской оборонительной черты далеко на юг. Город Острогожск утратил свое стратегическое значение. Но он продолжал гордиться своей военной славой. Острогожские казаки участвовали во многих боевых походах русской армии.

В 1765 году Екатерина II ликвидировала Острогожский полк. На его территории были учреждены Бирюченский, Богучарский, Коротоякский и Острогожский уезды. На смену военному делу в Острогожск пришло земледелие. Острогожск был объявлен центром Острогожского уезда. Став центром уезда, Острогожск изменил не только свой статус, но и социально-экономический и культурный облик. Дальнейшее развитие города определяли местные жители – дворяне, купцы, ремесленники. Усилиями новых хозяев он все больше становился торговым центром. Постепенно увеличивалась численность населения. В 1856г в городе насчитывалось 7,5 тыс. человек [1]. По переписи 1897 года в городе проживало около 22 тыс.

человек. По языковому признаку к украинцам (малоросам) себя относили 51,4 %, к русским (великоросам) – 46,8% населения города Острогожска.

С 1779 по 1928 гг. город был уездным городом Воронежской губернии. Здесь сформировался достаточно крупный торговый центр Воронежской губернии. В XIX веке в Острогожске проходили три годовые ярмарки, куда приезжали купцы из соседних губерний. Рост торговли способствовал развитию ремесла. В 1895 через город Острогожск прошла железная дорога Харьков – Балашов.

Крупный этнический массив украинцев сохранялся в городе до середины 20-х годов XXв. Причём только небольшая часть украинцев сохраняла свой родной язык. К середине XX в. доля украинского этноса в структуре населения города Острогожска значительно сократилась и составляла около 7% от общей доли населения. Это свидетельствует не только о развитии ассимиляционных процессов, но и о том, что часть украинцев мигрировала отсюда в другие районы страны.

Процессы этнического смешения русских и украинцев этносов, а в целом и русско-украинское пограничье, нашло свое отражение во многих процессах: в заключении смешанных браков, сближении говоров двух народов и появлении необычного русско-украинского диалекта, сохранении в городском ландшафте элементов традиционно украинской культуры (особенности строительной планировки и украшения жилых домов, организация жилых и хозяйственных построек и пр.), «переплетение» русско-украинских национальных кухонь, проявление «украинских мотивов» в традиционном прикладном народном искусстве, устном народном творчестве и многом другом.

Литература

1. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В.П. Загоровский. Воронеж: ВГУ, 1991.
2. История Острогожска //Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://www.ostrogzhsk.ru/history/index.php> (дата обращения 20.03.2017)
3. Проскурина Н.В. Научно-теоретические подходы к оценке историко-культурного потенциала муниципального образования в интересах развития рекреации и туризма / Н.В. Проскурина // Муниципальные образования современных регионов: проблемы исследования, развития и управления в условиях геоэкологической и политической нестабильности: матер. междунар. науч.-практич. конф. Воронеж, 2016. С. 324-326

УРАЛ КАК ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И МЕНТАЛЬНЫЙ РУБЕЖ

М.Ж. Сакенов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
e-mail: sakenov-1993@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются итоги научной дискуссии географов и историков по проблеме формирования геоконцепта Урала как границы Европы и Азии и связанным с ней вопросам культурно-цивилизационной идентичности России. Рассматриваются те смыслы, которые определяли отношение российской общественности к феномену евро-азиатской границы в период активного формирования государственной идеологии.

Ключевые слова: Урал, евро-азиатская граница, геоконцепт, пограничность, идентичность.

Проблема границ, рубежей, демаркационных линий всегда привлекала к себе повышенное внимание ученых. Вопросы, касающиеся разграничения геопространства, интересуют исследователей на протяжении многих веков, хотя, как известно, любые границы условны и подвижны, а делимитация зависит от ее целей и критериев. Вопрос о границе между Европой и Азией у многих ассоциируется с Уралом.

Разговор о пограничности, во многом определяющем образ Уральского региона возник не случайно, он напрямую связан с географическим положением Урала и его смысловой оси – Уральских гор, издревле осознаваемом как пограничное. К. В. Анисимов пишет, что уже к XVIII в. сложилась мощная традиция осмысления Рифейских гор как границы между Европой и Азией [1]. Впервые в мировой научной литературе идея о проведении границы между Европой и Азией по водоразделу Уральских гор была обоснована шведским ученым Ф.И. Страленбергером в книге «Северная и восточная части Европы и Азии» в 1730 г. Позднее в 1736 году В.Н. Татищев утверждал, что именно он подсказал Страленбергу эту мысль. В своем труде В.Н. Татищев отвергает все старые представления прохождения границы: Геродота - по Дону, арабов - по Волге и Каме, Делиля - по Оби, Гмелина - по Енисею. Татищев не только предлагает принципы разграничения (как это делали многие), он также показывает ее географический смысл, представляя четкие научные показатели различия частей света, разделяемых границей. В качестве ботанико-географических показателей Татищев использует дуб и орешник, поскольку они произрастают только на западных склонах Урала; кедр он рассматривает как типично сибирское дерево. Опираясь на собственные наблюдения, Татищев указывает, что реки западного и восточного склонов Урала отличаются речной фауной: в европейских реках обитает «красная рыба» (семга, лосось), а в сибирских – «белая» (нельма, муксун, таймень)[2].

Весомый вклад в утверждение уральской локализации евро-азиатской границы внесли ученые, возглавлявшие отряды экспедиции Императорской Академии Наук в 18 веке. Последовательное описание геологии, гидрологии, флоры и фауны уральского массива, представленное в отчетах П.С. Паласса, И.И. Лепехина, И.П. Фалька, подтвердило гипотезу В.Н. Татищева.

Как писал Л.Вульф, еще «в восемнадцатом веке существовали различные точки зрения на местонахождение границы между Европой и Азией: иногда ее проводили вдоль Дона, иногда – вдоль Волги, а иногда, как и сегодня, вдоль Урала»[3]. Благодаря открытию Страленберга-Татищева дрейф евро-азиатской границы на восток остановился на Уральских горах.

Сегодня уральская локализация евро-азиатской границы считается основной. Резюмируя подробнейший обзор географических концепций по поводу евро-азиатской границы, А.А. Чибилев отмечает: «Анализ многочисленных вариантов евро-азиатской границы между Каспийским морем и Северным Ледовитым океаном свидетельствует о том, что ключевое место в них занимает Уральский хребет. Это связано с тем, что Урал – единственное горное образование Евразии, вытянутое по меридиану, что нарушает общую картину субширотного орографического строения материка»[4].

Конечно, вопрос о евро-азиатской границе никогда не был сугубо географическим. Скорее, его нужно отнести к сфере культурной и гуманитарной географии, которая касается ментальных границ мирового устройства. В.Л.Каганский заостряет это положение в парадоксальном противопоставлении ментальной и географической сущности евро-азиатской границы: «Граница Европы культурно вполне реальна, но географически условна, она постоянно смещается».

Вопрос о рубеже Европы и Азии стал важной частью европейской идентичности. В исследованиях, посвященных проблемам формирования ментальной карты Европы, не раз отмечалось, что представление о границе между Европой и Азией, Западом и Востоком постоянно менялось, поскольку в интеллектуальных практиках Европы Восток превратился в «социальный маркер» [5]. Границы, отделяющие Восток от цивилизационного центра, роль которого была возложена на Западную Европу, становились «культурным инструментом» в процессе выстраивания идентичностей.

Для России XIX века, которая находилась в активной фазе становления государственной идеологии, вопрос о границе между Европой и Азией приобрел важнейшее геополитическое решение. Оттолкнувшись от Запада и одновременно придерживаясь колониального отношения к Востоку, Россия замерла в пограничном состоянии Европы-Азии. Подобное положение при неопределенности собственного, третьего, пути провоцировало идеологическое и политическое брожение. Общество разделилось на славянофилов и западников. Формируемые интеллектуальной элитой теории резко противоречили друг другу, расшатывая процесс идеологической консолидации. К концу века идеологическое противостояние

разнонаправленных концепций не только не ослабло, но приобрело поистине континентальный размах. Одним из самых острых в этом смысле становится противостояние идей В.С.Соловьева о жертвенности России в процессе объединения Европы и Азии, с одной стороны, и утверждения Н.Я.Данилевского о выходе на мировую арену нового культурно-исторического типа – славянства, которое должно противостоять агрессивному наступлению Европы, с другой. Обе теории не смогли остановить споры вокруг евроазиатского статуса России, породив новую волну противостояния и напряженности. Однако было в этих позициях и нечто общее: они приглушали значение евро-азиатской границы как рубежа, разделяющего континент. Таким образом, крупнейшие философские концепции XIX века склонялись к нивелировке евро-азиатских рубежей, совпадая с новейшими идеями географической науки.

Профессор В. Н. Калуцков, опираясь на результаты своих исследований, представил распространенную сегодня среди географов метагеографическую интерпретацию возникновения в научном дискурсе геоконцепта, закрепившего за Уралом роль границы между Европой и Азией. Согласно концепции В.Н. Калуцкова, на позиционирование Урала в качестве границы частей света определяющее влияние оказал политический фактор – курс Петра Великого на европеизацию России, символически закрепленного переносом столицы государства из Москвы в Санкт-Петербург. Это, по мнению В. Н. Калуцкова, потребовало реорганизации всего российского пространства, в том числе и картографической: приобщение России к кругу европейских стран обусловило необходимость рассматривать Россию к западу от Урала в качестве части Европы (каковой Россия до этого, как следует из логики рассуждений, не являлась). Геоконцепт Урала как границы Европы и Азии стал «культурно-географическим продуктом Санкт-Петербурга», представляя собой фрагмент нового – централизованного вокруг новой столицы – пространства России. Петербург, в силу своего «почти европейского» геокультурного и геополитического положения, создал, таким образом, «свою» границу внутри страны – «границу между Европой и Азией по Уралу»[6].

Пограничность в трудах многих ученых предстает как явление социокультурного и даже цивилизационного порядка, когда Европа и Азия рассматриваются как две полярные по отношению друг к другу цивилизационные модели, взаимодействующие, но практически не пересекающиеся миры, кардинально разные образы мышления. Рубежность Уральского региона, расположенного на стыке культур, стала в этом плане серьезным мифогенным фактором. Ярким примером воплощения «пограничного мифа» Уральского региона, стали эпизоды повести «Детство Люверс» (1922) Б. Пастернака, где героиня, переезжающая из Перми в Екатеринбург, захвачена сильнейшим переживанием, связанным с пересечением границы Европа-Азия. «В очарованной ее голове “граница Азии” встала в виде фантазмагорического какого-то рубежа. Она ждала этого столба, как поднятия занавеса над первым актом географической трагедии, о которой слышалась сказок». Граница между Европой и Азией здесь

символизирует психологический рубеж, приобретает мифопоэтическое значение, о котором точно пишет Е. Фарыно: «Есть определенное место, определенное пространство, где героиня должна измениться, стать другой Женей Люверс из-за того, что она перемещается в другое пространство» [7]. Но, как нам известно, такие ярко выраженные контрасты при пересечении границы могут возникнуть только у литературных и сказочных героев, поскольку евро-азиатская граница в большей степени условна и символична. Об этом писал один из крупнейших географов XX в. Альфред Геттнер: «С названием Восточная Европа легко соединяется мысль о конечной восточной половине Европы, как будто к востоку отсюда лежит нечто иное, чуждое. Противопоставление Европы и Азии, проистекшее из исторического заблуждения, возбуждает ложную мысль как будто можно провести резкую разницу между природой и культурой Азии и Европы. В 1883 году писатель и журналист И.С. Левитов, пересекая границу по железной дороге, так же не ощутил ни особенного подъема, ни торжественности момента: «Дорога по Уралу незаметно подымается в гору, что все представления наши о высоких Уральских горах пропадают, точно иллюзии»[6].

Об искусственности евро-азиатской границы пишет и С.А. Кельцев. Он напрямую говорит о том, что указатель границы является только символическим обозначением, а настоящая Сибирь начинается через 400 верст за Уралом.

Но время не стоит на месте. На Урале сложилась отличная региональная традиция понимания концепта «Граница между Европой и Азией по Уралу» и он прочно занял свое место в уральском культурном пространстве. Граница маркирована десятками памятных знаков, многие из которых имеют длительную историю, привлекая туристов и местных жителей. Нынешнее поколение Уральского региона пытаются вдохнуть в образ границы актуальное содержание, сделав правильные акценты в ее геокультурной символизации и практическом использовании. Например, в Екатеринбурге планируется создать целый досуговый комплекс. Этот комплекс нужен всем – и туристам, и горожанам. В перспективе здесь должны появиться и конференц-центр, и гостиница, и предприятия индустрии развлечений. Инфраструктура комплекса будет представляется в следующем виде: музей под открытым небом, магазины, торгующие сувенирной продукцией, включая и товары с соответствующей символикой; предприятия общественного питания с соответствующей кухней, отражающей кулинарную специфику Европы, Азии, Урала; указатели на различных языках с обозначением широты и долготы данной точки, а также расстояний до известных географических пунктов (до Берлина, Парижа, Нью-Йорка, Лондона, Северного полюса, Москвы, Владивостока и т.д.); часы оригинальной конструкции с указанием времени в различных часовых поясах; артезианские скважины, пробуренные в месте прохождения границы (вот вода из Европы, вот – из Азии, а вот – прямо с границы) и многое другое. Хотелось бы, чтобы туристско-рекреационный комплекс как можно скорее начал функционировать и стал эффективным территориальным

брендом. Нужно в полной мере использовать ресурс, данный уникальным географическим положением, а не пренебрегать им.

Как мы видим, намечается примечательная геокультурная инверсия граничного геоконцепта Урала. Насколько она устойчива, покажет будущее.

Литература

1. Анисимов К.В. Урал и Сибирь в научной литературе XVIII века: становление поэтики этнографического описания (Г.И.Новицкий, В. Ф. Зуев) / К. В. Анисимов // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. Екатеринбург, 2006. С.16–26.
2. Татищев, В.Н. Избранные труды по географии России. М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. 248 с.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2004. С.39
4. Чибилев, А.А. Урал: природное разнообразие и евро-азиатская граница. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 160 с.
5. Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С.267.
6. Калущков В. Н. Граница между Европой и Азией по Уралу: историко- и культурно-географические аспекты геоконцепта // Вопр. географии. Сб. 136: Историческая география. М., 2014. С. 215–227
7. Фарыно Е. Мифопоэтичность пастернаковских локусов: откуда и как туда попадают и как и куда оттуда выбираются / Е.Фарыно // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. М., 2008.С.105–110.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

А.В.Третьяков

Курский государственный университет, Курск
e-mail: dr_tretiyakov@ mail.ru

Аннотация. Статья посвящена определению различных аспектов приграничного сотрудничества на рубеже XX-XXI веков. Автор показал, что в основе причин сдерживающих приграничное сотрудничество лежат историко-психологические факторы, ментальность населения сопредельных территорий.

Ключевые слова: Приграничное сотрудничество, законодательство, историко-психологические факторы, население, народная дипломатия.

В нынешнем году отмечается 100-летие российских революций, 25-летие установления дипломатических отношений с бывшими советскими республиками, а ныне суверенными государствами. Эти юбилеи актуализируют проблему приграничного сотрудничества. Российская империя, Советский Союз в определённой степени данную проблему

нивелировали. Теперь же Курская область является приграничной территорией со всеми вытекающими отсюда проблемами и перспективами. С юго-западной и западной стороны область граничит с Украиной. Протяжённость государственной границы с Сумской областью Украины составляет 245 км.[6] Население приграничных районов Курской области составляет около 143 тыс. человек[4].

В настоящее время ведутся параллельно исследования проблем распада или развала бывших больших государств и всесторонних аспектов формирования современной системы приграничного сотрудничества. Сегодня определённая часть исследователей придерживаются точки зрения, что это был естественный, эволюционный процесс. Другая часть учёных и политиков считает, что это была продуманная хорошо подготовленная насильственная ликвидация государства путём заговора. Естественно, что данный вопрос останется в научно-политическом плане «вечно» дискуссионным. Но историческим фактом является распад СССР и создание на его основе суверенных государств.

Естественно, что формирование и развитие суверенных государств поставило задачу формирования системы приграничного сотрудничества государственно-общественных структур и населения сопредельных территорий. Важно отметить, что новые системы и механизмы трансграничного сотрудничества (взаимодействия) формируются на основе осмысления произошедшего и определения своего места в формирующемся новом геополитическом пространстве.

В настоящее время накал «страстей» независимости, мешавших пониманию геополитической повседневности на постсоветском пространстве поутих. В этих условиях особенность самоидентификационных процессов состоит, прежде всего, в том, что по истечению определённого времени как говорил С.А. Есенин « большое видится на расстоянии» основные социальные слои населения стали понимать реальные планы тех, кто вёл к «отмежеванию». Обещания быстрой и лучшей жизни в самостоятельном государстве не принесли ожидаемых результатов, но способствовали осознанию своего реального положения в новой повседневности. Следовательно, обеспеченность всех сфер жизнедеятельности населения сопредельных, но уже самостоятельных государств или простой житейский рационализм берут верх над политическими амбициями национальных финансово-политических элит всех уровней.

Прав С. Г. Кара-Мурза, говоря о том, что «формы государственных образований сейчас быстро развиваются, разнообразие конфигураций увеличилось и ещё будет увеличиваться. Речь о том, что большая система (хозяйственная, военная и культурная) даёт всем участникам очень большие преимущества. Потому так и старались расчлнить СССР. Все осколки СССР тяготеют к разным формам интеграции (кроме Прибалтики, да и та колеблется)»[2]. В этом и есть, по нашему мнению, смысл развивающихся процессов приграничного сотрудничества и межрегиональной интеграции.

Вышеизложенное показывает, что всё просто и понятно приграничное сотрудничество выгодно всем. Вместе с тем практическая деятельность в этом направлении в основе своей и, по сути, остаётся в движении, но на месте. Среди примеров можно назвать деятельность по разработке и принятию законодательства о приграничном сотрудничестве. Всем понятно, что законы о приграничном сотрудничестве для интеграции в мировое экономическое сотрудничество необходимы всем странам СНГ, в том числе и России. В постсоветский период изменились функции границ. Теперь основная функция «границ - связующая, позволяющая с минимальными издержками перемещаться материальным и нематериальным потокам»[1].

Для России имеющей самую протяжённую границу в мире- более 61 тыс. км, граничащей с 16 странами принятие закона о приграничном сотрудничестве имеет особую важность. Приграничное или прибрежное положение занимают 48 субъектов Российской Федерации, 37 из них имеют сухопутную границу с 14 странами мира. Однако, по мнению экспертов, эти уникальные возможности слабо используются. Так, объём внешней торговли в расчете на одного жителя в двух третях приграничных регионов ниже среднероссийского. А приграничное сотрудничество строится на базе общих для всех регионов законодательных актов и договоров между приграничными субъектами сопредельных государств.

Вместе с тем ещё в 2004 году Совет Федерации предлагал проект закона «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации». В проекте чётко определены задачи приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Это: «1) создание условий по установлению, развитию и укреплению взаимовыгодных и дружественных связей участников приграничного сотрудничества Российской Федерации и сопредельных государств; 2) содействие взаимопониманию и дружбе, созданию обстановки доверия и добрососедства между населением приграничных территорий; 3) поддержка соотечественников, проживающих на приграничной территории сопредельного государства;

4) совместное (согласованное) решение вопросов в области транспорта, энергетики, сельского хозяйства, эффективного и бережного использования природных ресурсов, охраны окружающей среды, социально-демографических, коммунальных и других проблем приграничных территорий; 5) создание условий, способствующих прохождению экспортных и импортных товаров через приграничную территорию, включая содействие обустройству пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации, складов, терминалов, развитию транспортной инфраструктуры, обустройству и развитию приграничной инфраструктуры в целом; 6) повышение эффективности использования производственной и социальной базы приграничных территорий; 7) осуществление согласованной градостроительной и инвестиционной политики на приграничных территориях; 8) создание условий для интеграции систем предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на приграничных территориях; 9) содействие уполномоченным органам Российской

Федерации в обеспечении национальных интересов и национальной безопасности на приграничных территориях, в том числе в сфере борьбы с терроризмом, незаконным оборотом оружия, наркотических средств и психотропных веществ, другими правонарушениями; 10) создание условий для взаимодействия в области образования, культуры, изучения населением приграничных территорий культурного наследия и языков сопредельных государств, сохранения памятников истории и культуры» [3].

Принципами сотрудничества являлись: «1) защита государством прав и законных интересов участников приграничного сотрудничества Российской Федерации и населения приграничных территорий Российской Федерации; 2) ненанесение ущерба экономическим и иным интересам сопредельных государств; 3) взаимность в отношении с сопредельным государством (группой сопредельных государств); 4) учет особенностей приграничных территорий; 5) разграничение полномочий в сфере приграничного сотрудничества между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти приграничных субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления на приграничных территориях; 6) скоординированность действий участников приграничного сотрудничества» [3].

В числе направлений сотрудничества проект закона предусматривал «экономические, научно-технические, информационные, культурные, гуманитарные, экологические, спортивные и иные связи, способствующие решению задач, установленных настоящим Федеральным законом» [3].

Из проекта видно, что был предложен комплекс мер нацеленных на правовое обеспечение эффективного приграничного взаимодействия в интересах государств и людей. Однако отсутствие закона подтверждает осторожную, если не сказать точнее намеренно затягиваемую деятельность по принятию необходимого приграничного законодательства. Базовым международным документом, регулирующим развитие приграничных отношений в настоящее время, остаётся Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, вступившая в силу для Российской Федерации 5 января 2003 года. Особенность конвенции как рамочной, прямо подразумевает необходимость принятия закона Российской Федерации, учитывающего национально-территориальную и государственную её специфику. Однако в настоящее время нужный всем и особенно приграничным регионам федеральный закон отсутствует.

Пример России показывает, что независимые государства на постсоветском пространстве не могут найти политической воли для создания государственных законов определяющих цели, задачи, принципы и направления, пути и способы приграничного и межрегионального сотрудничества. В условиях такого профильного «беззакония» приграничное взаимодействие субъектов суверенных государств осуществляется на субъектно-народных уровнях, но оно имеет теперь и будет иметь в определённом смысле неполноценный, фрагментарный характер. Прежде

всего, потому что приграничные субъекты не опираются на государственное законодательство, стимулирующие создание перспективных систем приграничного взаимодействия.

В апреле 2013 года в Воронеже состоялось заседание подкомиссии по межрегиональному и приграничному сотрудничеству Комитета по вопросам экономического сотрудничества Российско-Украинской межгосударственной комиссии. В своём выступлении председатель комитета Администрации Курской области по развитию внешних связей Виктор Гребенников назвал основные направления приграничного сотрудничества региона.

Сотрудничество курского и сумского регионов осуществлялось в рамках созданного в 2007 году Еврорегиона «Ярославна». «За это время было реализовано немало совместных проектов, самыми крупными из которых можно назвать капитальный ремонт донного водоспуска гидроузла Константиновского водохранилища на реке Синяк Кореневского района Курской области, комплексное экологическое обследование бассейна реки Псел в пределах Российско-украинского пограничья.

Совместная работа велась также и в культурной, и в молодежной среде. Так, изучается традиционная народная культура приграничья Курской и Сумской областей, по результатам экспедиций издавались тематические сборники фольклорных произведений, проводились археологические исследования и изучалась история населения междуречья Сейма и Псла в VIII – XIII веках. Вместе с тем проводились мероприятия по созданию сетевого трансграничного (открытого) университета Еврорегиона «Ярославна». Основной целью этого проекта являлось создание единого образовательного пространства вузов Еврорегиона «Ярославна» путем реализации совместных образовательных программ и проведения совместных научных исследований.

Сотрудничество Курской и Сумской областей в рамках Еврорегиона «Ярославна» не ограничивалось реализацией совместных проектов. Взаимодействовали вузы двух регионов, муниципальные образования, действовала междепутатская рабочая группа Курской и Сумской областей, ежегодно проводилась выставка-ярмарка Еврорегиона «Ярославна», в которой принимали участие представители еврорегионов с российским участием. Было подписано 14 протоколов об установлении побратимских связей между городами и районами Курской и Сумской областей.

Еще одна важная составляющая деятельности курско-сумского еврорегиона – взаимодействие с Ассоциацией европейских приграничных регионов. Представители Еврорегиона «Ярославна» от Курской стороны принимали участие в заседаниях Исполнительного комитета АЕПР, Генеральной ассамблеи и Ежегодной конференции АЕПР. Было отмечено, что администрацией Курской области в перспективе будет продолжена работа по всем направлениям сотрудничества»[5].

Однако и эта работа проводится на основе двухсторонних договоров. Законодательство в России отсутствует. Анализ источников и имеющейся литературы по теме показывает, что причин, которые по формальным и не

формальным признакам могут мешать и тормозят законотворчество в сфере приграничного сотрудничества достаточно много и лежат они во всех сферах обеспечения жизнедеятельности людей проживающих на сопредельных территориях. Вместе с тем мы считаем, что все они изначально находились и сейчас лежат в историко-психологической плоскости. Для более глубокого понимания сущности проблемы следует уточнить, что понимается в современных условиях под приграничным сотрудничеством. В современной России под приграничным сотрудничеством понимаются согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов, местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия нашей страны и сопредельных государств для обеспечения устойчивого развития приграничных территорий России и сопредельных государств, повышения благосостояния их населения, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами.

Все сопредельные с Россией государства целями трансграничного сотрудничества официально определяют, повышение благосостояния народа. Однако достижение этих целей ставится в зависимость от слаженной и продуктивной деятельности всех ветвей государственной и муниципальной власти. Народ же сопредельных территорий как субъект приграничного сотрудничества не рассматривается. Населению в этом процессе отводится роль потребителя кем-то предоставленных услуг или возможностей. Данное суждение раскрывает глубинные корни так называемой народной дипломатии. Из непризнания населения полноправным субъектом приграничного сотрудничества исходят все сдерживающие факторы законотворческого процесса. Дело в том, что работающее законодательство делает всю торгово-экономическую и иную деятельность властно-промышленных элит, центров и приграничных регионов прозрачной. В результате раскроются реальные, а не декларируемые цели. На наш взгляд именно это является основным тормозом позитивных эволюционных изменений в приграничном и межрегиональном сотрудничестве. В данной ситуации следует признать, что психология потребителя никогда не станет психологией перспективно мыслящего творца развития приграничных форм сотрудничества.

Особенностью современного периода приграничного сотрудничества является нестабильность границ на постсоветском пространстве. Дело в том, что ныне самостоятельная Украина являлась частью Российской империи. А отдельные её территории входили в состав Курской губернии. В советское время они были переданы в состав Украинской ССР, являвшейся республикой единого Советского Союза. Важно подчеркнуть, что на этих территориях некогда исторически единого государства, а в современных условиях приграничных территорий сопредельных государств сложились свои семейно-культурные ценности, межнациональный менталитет как основа определения жизненных устремлений и социально-экономических перспектив. Кроме того население российско-украинско-беларусского порубежья тесно связано между собой общей историей, языком, культурой,

схожестью природно-климатического фактора, общностью социально-экономических проблем и процессов.

Возможно, что именно эти историко-психологические основания также тормозят работу по формированию государственного приграничного законодательства. Источники показывают, что власти приграничных областей выступают публично и постоянно за развитие сотрудничества. Однако ссылаясь на отсутствие четких государственных и межгосударственных законов по проблеме фактически, имитируют деятельность по развитию приграничного сотрудничества. Они вынуждены это делать, несмотря на то, что у них есть финансово-материальные и организационные возможности. Но в современных противоречивых условиях социально-государственного строительства они в большей степени заняты созданием устойчиво стабильных социально-психологических основ деятельности областных и районных администраций. Вместе с тем они в меньшей степени определяются улучшением благосостояния населения приграничных регионов.

Именно поэтому на двухлетии Координационного совета по приграничному сотрудничеству, созданного при полномочном представителе президента РФ в Северо-Западном федеральном округе Е. Лукьянов сказал, что население нам поверило и приграничное сотрудничество активизировало своё развитие. Но при этом добавил, что: «Оно держится на основе основ - народном интересе, поэтому его невозможно разрешить или запретить, оно все равно будет, пока по обе стороны границы живут люди».[1] Действительно анализ повседневной жизни показывает, что приграничное сотрудничество – это особый способ выживания людей по разные стороны границы, особенно в период экономических кризисов и политического обострения межгосударственных отношений.

О фактическом бессилии и о мало результативной деятельности властно-политических и экономических элит приграничных государств в развитии сотрудничества свидетельствует встреча Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла 25 июня 2011 года с руководителями пограничных регионов России, Украины и Белоруссии и правящими архиереями пограничных епархий. В своем слове Патриарх сказал, что: «Это праздник не формальный, это праздник не «спущенный сверху». Он проистекает от потребности людей, он отражает их мироощущение, их понимание того, что означает сегодня быть украинцем, белорусом, русским. И вот что мы видим: это энтузиазм людей, это добрые улыбки, это братские отношения. И сама по себе эта атмосфера, которую формируют рядовые люди, - она, я думаю, может и должна транслироваться не только на близлежащие области, находящиеся в трех братских государствах, но и на народы наших стран и на нашу общественность»[1].

В дни Архиерейского Собора состоялось совещание, на котором была высказана идея создания координационного комитета епархий белорусско-российско-украинского приграничья. Предлагалось создать епархиальные отделы по приграничному сотрудничеству, которые могли курировать

систему отношений, своевременно информировать общецерковный комитет и иметь контакты на местах с общественными организациями, развивавшими систему приграничного сотрудничества.

Комитет был создан. Состав этого координационного комитета и его функции утвердил Патриарх. Первым шагом, созданного комитета стало обращение в приграничные епархии с просьбой сформулировать идеи, которые могли бы стать основой программы общих действий. Абсолютное большинство епархий поддержали инициативу главы Русской Православной церкви. Среди возможных мероприятий, которые следовало бы осуществлять на приграничной территории, названы были: совместные богослужения и празднования памятных дат, необходимость и целесообразность разработки новых паломнических маршрутов как сферы туризма. Мы видим здесь также приоритет общественного и церковного начала, опирающегося на общественные движения над государственной практикой в данном направлении.

Однако и здесь мы в концентрированном виде не вооружённым глазом замечаем вышеназванные аспекты проблемы. Прежде всего, здесь отражаются церковные экономические интересы. Дело в том, что Церковь с точки зрения туристской привлекательности обладает наибольшим историко-культурным потенциалом. Туризм же в современных условиях – это быстро развивающийся бизнес не требующий больших финансовых затрат со стороны церкви, которая на постсоветском пространстве в отличие от светской власти сохранила свою инфраструктуру и влияние. Во-вторых, церковь негосударственная организация, а соответственно имеет больше свободы действия, для развития приграничного сотрудничества, используя свои присущие только ей возможности. В условиях отсутствия единого законодательства и наличия, региональных нормативно-правовых актов Церковь опирается на диспозитивные нормы права, которые позволяют делать ей то, что считает целесообразным и нужным. В- третьих, Церковь в отличие от светской власти в полном объеме использует народную дипломатию, потому, что Церковь это прежде всего прихожане.

Весьма интересную, но не бесспорную мысль о факторах сдерживающих приграничное сотрудничество высказал на международной научно-практической конференции 9- 10 декабря 2010 года Г. И. Цуканов. «На данном этапе развития современного общества,- сказал он,- одной из главных проблем, препятствующих взаимовыгодному международному сотрудничеству сопредельных государств, является проблема межнациональных конфликтов. И хотя в большинстве развитых стран не допускается пропаганда, возбуждающая расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (например, ст.2 Всеобщей Декларации прав человека, ст. 29, п. 2 Конституции РФ), столкновения взаимодействующих национальных (этнических) продолжают возникать, что чаще всего обусловлено несовпадением, противопоставлением, ущемлением или игнорированием интересов одной (или сразу нескольких) из сторон» [7, с. 109]. Мы видим, что и здесь автор сдерживающие факторы находит, прежде

всего, в историко-социально-психологической базе населения приграничных территорий.

Из вышеизложенного материала видно, что приграничное сотрудничество уникальное во всех отношениях межгосударственное явление. Его уникальность определяется особенностями геополитической ситуации в определённые исторические периоды, идеологией приграничных государств, общей историко-культурной и языковой общностью. Это процесс многофакторный, сложный и противоречивый. Поэтому он развивается как минимум по трём самостоятельным и в определённой степени независимым друг от друга направлениям: государственном, народном и церковном.

Отсутствие в России в настоящее время единого законодательства о приграничном сотрудничестве ведёт к тому, что в этой деятельности преобладают относительно регулярные разовые мероприятия. Как правило, приуроченные в основном к памятно-юбилейным датам, Однако здесь отсутствует органическая системно-устойчивая работа властных структур всех уровней, общественных организаций, населения и частных лиц по созданию единого международного пространства.

Законодательство о приграничном сотрудничестве не только обеспечит данный процесс юридически, но и создаст правовые условия и гарантии для развития социально - психологически осмысленного и творческого участия населения в обеспечении всех сфер своей жизнедеятельности на приграничных территориях, в том числе и через трансграничное сотрудничество.

Вместе с тем анализ источникового материала позволяет сделать вывод о том, что основные факторы, стимулирующие и сдерживающие процесс развития приграничной интеграции, коренятся в социально-исторических и психологических особенностях различных слоёв общества сопредельных государств. В этой ситуации законодательство о межгосударственном приграничном сотрудничестве должно учитывать историко-психологические и социально-культурные особенности населения регионов. Это позволит создать работающее законодательство.

Литература

1. Боровиков С. России нужен закон о приграничном сотрудничестве. //Электрон. дан. Режим доступа URL : [http:// www. centrasia. ru/newsA/php?st=1140500280](http://www.centrasia.ru/newsA/php?st=1140500280) (дата обращения 01.03.2017)
2. Кара-Мурза С.Г. Предвидеть будущее // Литературная газета. 2011. 20-26 июля. С.3
3. О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации. Проект закона. Приложение к постановлению Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 15 июля 2004 года N 250-СФ //Электрон. дан. Режим доступа URL : <http://www.council.gov.ru/activity/documents/1232/>(дата обращения 01.03.2017)
4. Плохих Г. Приграничные связи побратимских районов // Курская правда.2009. 4 марта
5. Приграничное сотрудничество является одним из ключевых направлений деятельности Администрации Курской области // Курская правда. 2013. 29 апреля.

6. Статистический ежегодник Курской области. 2014. Статистический сборник. Курск, 2014. 445 с.

7. Цуканов Г. И. Приграничное сотрудничество сопредельных государств как средство преодоления межнациональных конфликтов // Права человека: история, теория и практика: Сборник научных статей/ Ред.кол.: В.В.Коровин. В 2-х частях. Часть 2. Курск, 2010. 158 с.

РАССЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, МИГРАЦИИ И РЫНОК ТРУДА

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Н.Ю. Власова¹, В.В. Лазарева²

*¹Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург*

*²Амурский государственный университет, Благовещенск
e-mail: nat-vlasova@yandex.ru, v_lazareva12@mail.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ социального и экономического аспектов устойчивого развития сельских территорий региона. Рассматриваются перспективные направления использования приграничного положения в целях устойчивого развития сельских территорий.

Ключевые слова: приграничные регионы, сельские территории, устойчивое развитие.

На сегодняшний день одним из приоритетов российской политики является обеспечение единства России, целостности и неделимости ее пространства. Среди угроз целостности пространства РФ немаловажную роль играет усиление его внутренних социально-экономических различий, вызванных рыночной трансформацией и глобализацией экономики. Социально-экономическое развитие регионов складывается под влиянием целого комплекса факторов. Среди них – имеющиеся особенности природно-климатических условий, наличие и характер природных ресурсов, сложившаяся структура хозяйствования, накопленный экономический потенциал, системы расселения, социальная структура населения. Все это определяет значительное разнообразие регионов, сложность и противоречивость протекающих в них социально-экономических процессов.

Без учета этих особенностей, управленческие воздействия, принимаемые на федеральном и региональном уровне, могут оказаться малоэффективными, в том числе и в целях обеспечения устойчивого развития территорий.

В настоящее время в проводимых исследованиях по вопросам устойчивого развития сельских территорий выделяются две группы по направленности проблематики:

- исследования, делающие больший акцент на экологическую составляющую;

- исследования, связывающие параметры устойчивости с показателями социально-экономического развития территории.

Учитывая высокий удельный вес сельской местности в России, особую значимость приобретают вопросы устойчивого развития сельских территорий.

Сельские территории России существенно различаются по природно-климатическим условиям, социально-экономическому и демографическому потенциалу. Для значительной части сельских территорий характерно сокращение площадей обрабатываемых земель, снижение количества рабочих мест, уменьшение уровня доходов населения, что в целом обуславливает депрессивные тенденции в экономике и социальной сфере. Детальный анализ процессов, тенденций развития сельских территорий страны, а также проблем возникающих в них, приведен в работах Т.Г. Нефедовой [1].

Практически в каждом исследовании, касающемся развития сельских территорий, авторы в той или иной мере рассматривают факторы, от которых зависит данный процесс. В условиях современной России особое значение приобретают «факторы развития, связанные с географическим положением и, в частности, с приграничностью» [2].

Приграничные сельские территории при наличии общих для всех сельских территорий тенденций, имеют специфические черты и особенности. Функции приграничных сельских территорий несколько шире. Как и прочие приграничные регионы в России, приграничные сельские территории играют особо важную роль в обеспечении безопасности и международного сотрудничества.

По мнению авторов П.В. Дружинина, Т.А. Кодоловой, О.В. Толстогузова «под приграничными регионами следует понимать территории государства, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями. Главным фактором, обуславливающим специфику приграничья, является его географическое положение» [3].

Учитывая специфику их географического положения, требуется разработка особого подхода к выбору путей развития таких территорий, поскольку безопасность страны, ее территориальная целостность, другие политические факторы могут оказывать определенное воздействие на хозяйственные и социальные процессы в зонах приграничья.

Дальневосточные приграничные территории являются важнейшим ресурсом страны, развитие которого связано не только с внутривнутриполитическим курсом Российской Федерации, но и с особым

геополитическим положением этих территорий, спецификой международных связей и приграничного сотрудничества.

Принятие Правительством Российской Федерации «Концепции развития приграничных территорий субъектов Федерации Дальневосточного федерального округа» является важным свидетельством признания приграничных территорий в качестве самостоятельного объекта государственного управления, обладающего существенной спецификой, требующей использования специальных форм и методов регулирования.

К субъектам Российской Федерации, входящим в состав Дальневосточного федерального округа, на территории которых расположены дальневосточные приграничные территории, относятся Приморский и Хабаровский края, Амурская область и Еврейская автономная область.

В амурское приграничье в настоящее время входят административно-территориальные образования, включающие в себя 3 городских округа и 10 муниципальных районов. Они занимают четверть территории области, на которой проживает 59,5% численности населения. В городских округах проживает 63,1% населения, 36,9% - в муниципальных районах. Доминирующую роль в численности населения играет областной центр - 47,7% общей численности населения. Сельские жители составили 26,2% населения приграничья, или 47,6% от общей численности сельского населения области.

На территории области приходится значительный по размерам участок проходящей по р. Амур российско-китайской границы, составляющей 1254 км. В соответствии с приказом ФСБ России от 08 апреля 2013 года № 189 «О внесении изменений в приказ ФСБ России от 14 апреля 2006 года № 157 «О пределах пограничной зоны на территории Амурской области» внесены изменения в пограничной зоне на территории Амурской области, прилегающей к Государственной границе РФ с КНР, установлены пределы пограничной зоны во всех 10 муниципальных районах.

В пограничную зону вошло 60 населенных пунктов, расположенных непосредственно на границе, где на 01.01.2015 г. проживало 30,7 тыс. человек. Тем самым, фактически на всей приграничной территории Амурской области, кроме областного центра граница носит закрытый характер.

Оценка устойчивости развития приграничных сельских территорий Амурской области

В рамках данной работы, анализ устойчивости развития сельских территорий проводился на мезоуровне приграничья (включающий административные районы в составе субъектов РФ, часть внешних границ которых совпадает с государственной границей), в соответствии с подходом А.Г. Гранберга, выделяющим микро-, мезо- и макроуровень приграничья [4].

При анализе устойчивости социально-экономических систем выделяются экономическая, социальная и экологическая устойчивость.

Оценивая место каждой из составляющих, следует учитывать, что особое значение среди них имеет социальная устойчивость. Это определяется, прежде всего, тем, что целевым ориентиром устойчивого развития является качество жизни населения, его экономическое и экологическое благополучие. В то же время именно население является одновременно производителем материальных ценностей и источником прямого или косвенного воздействия на окружающую среду, выполняя тем самым, системообразующую функцию, вокруг которой должны выстраиваться приоритеты обеспечения устойчивости развития [5].

Для обеспечения устойчивости развития сельских территорий важное значение имеет динамика таких демографических процессов, как уровень рождаемости, смертности, половозрастная структура, доля населения в трудоспособном возрасте и степень его занятости, размещение населения и трудовых ресурсов. Оценить устойчивость развития приграничных сельских территорий в сфере демографических процессов можно на основе системы показателей, включающей следующие пороговые характеристики (таблица 1) [6].

Таблица 1

Пороговые и фактические значения показателей демографической устойчивости приграничных сельских территорий Амурской области

	Пороговое значение	Фактическое значение показателя в 2015 году									
		Архаринский	Бурейский	Благовещенский	Константиновский	Магдагачинский	Михайловский	Свободненский	Сковородинский	Тамбовский	Шимановский
Коэффициент рождаемости	20	15,1	12,8	14,1	15,3	14,1	15	11	12,3	14,9	11,5
Коэффициент смертности	7	21,2	17,3	11,7	13,4	15,9	16,2	14,8	15,2	15,9	21
Естественный прирост (убыль)	13	-6,1	-4,5	2,4	1,9	-1,8	-1,2	-3,8	-2,9	-1	-9,5
Коэффициент младенческой смертности	0	13	3,6	2,9	5,2	24,1	4,7	-	8,3	6,2	15,6

Анализ сравнения фактических значений показателей приграничных сельских территорий с пороговыми, принятыми в Амурской области, показал, что практически все показатели близки к критическим пороговым значениям.

Сложившаяся демографическая ситуация в приграничных муниципальных образованиях оказывает значительное влияние на формирование трудового потенциала территории, основной составляющей которого является население трудоспособного возраста.

С точки зрения оценки ситуации с обеспечением трудовыми ресурсами важно учитывать, что демографические процессы в приграничных районах области существенно дифференцированы. Это во многом объясняется различиями по природно-экономическим и социально-экономическим параметрам, неравномерным размещением объектов социальной сферы, наличием рабочих мест и т.п. [5].

Так для Благовещенского района в период с 1990 по 2016 год в последнее время характерна устойчивая тенденция роста численности населения, в других районах происходит уменьшение численности жителей. Причем в наиболее отдаленных районах население в 2016 году по сравнению с 1990 годом составило: в Шимановском – 64,7 %, Магдагачинском – 60,1 %, Сковородинском 63,9 %, Архаринском 56,1 %.

Таблица 2

Динамика населения приграничных районов 1990-2016 гг., тыс. человек

Район	1990	2000	2005	2010	2016	Темп роста 2016 к 1990, в процентах
ЮЖНАЯ ЗОНА						
Архаринский, в.т.ч сельского	27,1 14,6	22,5 11,1	19,9 9,6	18,3 8,6	15,2 6,2	56,1 42,5
Бурейский, в.т.ч сельского	29,7 9,6	28,5 7,4	28,2 6,9	28,4 6,9	21,3 4,9	71,7 51
Константиновский	16,9	15,4	14,7	14,7	12,5	73,9
Михайловский	21,4	18,1	16,4	16,4	14,0	65,4
Тамбовский	25,8	24,9	25,0	25,4	21,8	84,5
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗОНА						
Благовещенский	18,5	18,4	19,5	28,4	24,6	132,9
Свободненский	17,0	15,5	14,2	13,3	14,6	85,9
СЕВЕРНАЯ ЗОНА						
Шимановский	8,5	7,6	7,1	6,9	5,5	64,7
СЕВЕРНАЯ ТАЕЖНАЯ И ГОРНО-ТАЕЖНАЯ						
Сковородинский, в.т.ч сельского	43,0 8,8	36,2 6,7	33,1 13,2	31,4 12,5	27,5 10,2	63,9 115,9
Магдагачинский, в.т.ч сельского	34,1 6,4	28,5 9,2	25,1 8,3	23,4 7,9	20,5 6,5	60,1 101,5

Кроме того, для приграничных территорий региона характерен уровень демографической старости (показатель удельного веса населения в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения выше 12 %) с отрицательными тенденциями изменения, т. е. процесс со временем расширяется и углубляется (рис.1).

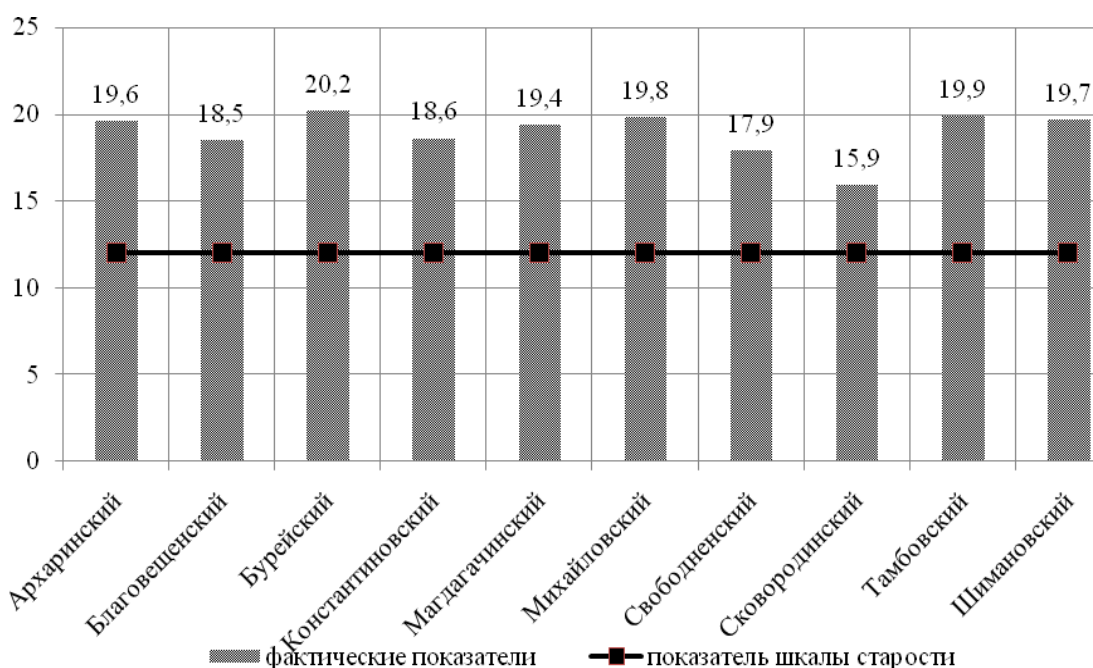

Рис.1. Удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения приграничных районов

В рамках приграничных территорий дифференциация старения населения на уровне муниципальных районов достигает существенных значений. Доля лиц старше 60 лет различается на 5,1 п.п. Максимально низкие показатели старения в административно-территориальных образованиях с наиболее интенсивным новым строительством и обусловлены главным образом миграционным приростом лиц в трудоспособных возрастах.

Как показал анализ, в настоящее время потенциал трудовых ресурсов амурского села в значительной мере исчерпан.

Экономический аспект устойчивого развития сельских территорий

Двигателем развития территории является ее экономика. Экономика села это система отраслей и видов деятельности, включающая в себя кроме сельского и лесного хозяйства, добывающие и перерабатывающие отрасли промышленности, сферу услуг, функционирующие в сельской местности, а также инфраструктуру. Структура занятости населения по ВЭД в приграничных муниципальных районах представлена на рисунке 3.

За последние 10 лет в структуре занятости сельского населения доля занятых в традиционных отраслях сельской экономики сократилась, соответственно занятость перераспределилась в сферу услуг, в том числе финансовых, торговлю, строительство, транспорт и связь.

Несмотря на это сельское хозяйство остается важнейшей сферой занятости и доходов сельского населения. Однако за годы реформ его роль существенно снизилась: в 2000 г. его доля в ВРП Амурской области составляла около 16 %, в 2005 г. – более 9 %, а в 2015 г. – около 8 %.

Основные производители сельскохозяйственной продукции сосредоточены в муниципальных районах южной зоны, имеющей наиболее

благоприятные природно-климатические условия. В центральной зоне, где основу экономики муниципальных районов также составляет сельское хозяйство, условия для развития растениеводства заметно хуже, что оказывает влияние на прибыльность и рентабельность производства. В северной, северной таежной и горно-таежной зонах доминирующей является специализация на добыче золота и лесозаготовках. Сельское хозяйство этих районов ориентировано на производство кормового зерна и мясное скотоводство. Значительную роль в экономике центральной, северной, таежной и горно-таежной зон играет железнодорожный транспорт.

Однако аграрная структура Амурской области в целом и ее районов в частности была реструктурирована в результате проведения земельной реформы, кардинальным образом изменившей размещение и концентрацию крупных сельхозорганизаций и личных подсобных хозяйств. В результате сформировался фермерский сектор, доля которого в производстве сельскохозяйственной продукции ежегодно растет. При этом следует отметить, что жизнеспособность сельскохозяйственных организаций по природно-климатическим зонам Амурской области оказалась существенно дифференцированной (таблица 3).

Таблица 3

Производство продукции сельского хозяйства во всех категориях в 2015 г.

	Южная зона					Центральная		Северная	Северная таежная и горно-таежная	
	Архаринский	Благовещенский	Константиновский	Михайловский	Тамбовский	Бурейский	Свободненский	Шимановский	Магдагачинский	Сковородинский
Продукция сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, в т.ч.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в сельхоз. организациях	28,2	18,8	59,6	54,9	75,9	43,6	31,3	33,7	14,4	4,6
в ЛПХ	37,9	31,7	17,8	21,2	20	42	47,4	61,3	83,2	93,6
в КФХ	33,9	49,5	22,6	23,8	4,1	14,4	21,3	5	2,3	1,7

На юге региона, где природно-климатические условия наиболее благоприятны для развития сельского хозяйства, исторически сформировались крупные предприятия с развитой материально-технической базой, высоким уровнем кадрового потенциала. Не смотря на резкое снижение объемов производства, этим предприятиям все же удалось сохранить свою жизнеспособность. Возникшие при этом проблемы

работников, сокращение, а во многих случаях и потеря доходов от занятости на сельхозпредприятиях частично компенсировались ростом предпринимательской активности не только в сервисном секторе экономики, но и в сельском хозяйстве через создание крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) и индивидуальное предпринимательство (ИП).

Иное развитие получили процессы в центральной части области, где природно-климатические условия для развития сельского хозяйства существенно хуже. Процессы последних десятилетий еще существенно усугубили проблему, приводя к развалу имевшихся хозяйственных структур, разрушению материально-технической базы производства и, что еще более важно, способствуя вымыванию кадрового потенциала. В качестве своеобразной формы борьбы за существование стало создание на их основе более мелких производственных структур, дающих надежду на выживание за счет использования тех преференций, которые создавало государство для развития малого предпринимательства. Как показала практика, этот путь не позволил преодолеть возникшие проблемы. Многократная смена форм хозяйствования сопровождалась все большей деградацией производства на устаревающей материально-технической базе и уменьшением кадрового потенциала сельских поселений.

В приграничных районах центральной, северной и северо-таежной и горно-таежной зонах продолжается падение размеров посевных площадей в сельскохозяйственных организациях (таблица 4).

Таблица 4

Пахотные земли 2015 г. к 1989 г., в процентах

Район	2015 г. к 1989 г., в процентах	Район	2015 г. к 1989 г., в процентах
Тамбовский	95,6	Бурейский	39,2
Константиновский	92,0	Сковородинский	30,5
Михайловский	78,2	Магдагачинский	28,6
Благовещенский	65,2	Шимановский	18,6
Архаринский	52,2	Свободненский	17,1

Как следствие, обладая значительным ресурсным потенциалом, приграничные регионы в 2014 г. произвели только 42,8 % объема сельскохозяйственной продукции, полученной в Амурской области. Имеющиеся резервы пашни сосредоточены в периферийной части области, где наиболее остро проявляется дефицит кадров, обусловленный низкой привлекательностью данных территорий, а также деградацией сельского хозяйства.

Очевидно, за счет внутренних источников обеспечить рост производства сельскохозяйственной продукции не представляется возможным. Сельские безработные вряд ли могут рассматриваться в качестве резерва труда, прежде всего по причине структурного несоответствия спроса и предложения на рынке рабочей силы. С одной стороны, безработных не привлекают имеющиеся у сельских работодателей вакансии, в большинстве

своим состоянием из рабочих профессий (95%), требующих применения мужского труда, с другой стороны, работодатели не устраивают профессионально-квалификационные характеристики работников. Так, среди безработных почти половина (42%) - женщины, занятые в личном подсобном хозяйстве. В составе безработных около 41% - лица моложе 30 лет, предъявляющие повышенные требования к содержанию и условиям труда и не рассматривающие для себя возможным трудоустройство в производстве, где востребован тяжелый низкоквалифицированный физический ручной труд.

Сложившийся в регионе опыт организации переселения не позволяет рассчитывать на обеспечение достаточного по масштабам притока кадров в сельское хозяйство региона и в те поселения, где имеются резервы пахотных земель. Соответственно остро встает вопрос о методах трудоустройства в отрасли. При этом в числе наиболее важных возникает два взаимосвязанных вопроса - на какие источники кадров следует ориентироваться, и о привлечении каких контингентов рабочей силы должна идти речь.

На протяжении долгого времени освоение Дальнего Востока, в том числе и Приамурья, осуществлялось за счет внешних источников трудовых ресурсов. Так для сезонных работ в сельском хозяйстве привлекались студенты, школьники, рабочие, работники учреждений. На сегодняшний день таких возможностей нет.

Поэтому очевидно, что в силу своей территориальной близости таким источником может быть иностранная рабочая сила. В условиях российско-китайского приграничья, решение проблемы возможно путем привлечения рабочей силы из приграничных районов Китайской Народной Республики в рамках проектов в растениеводстве и животноводстве на условиях генерального подряда и субподряда. Как отмечает В.А. Колосов, в приграничных районах Северо-Восточного Китая сформировался значительный сегмент экономики, ориентированный на российский рынок. Многие граждане Китая, владеющие русским языком, могут потенциально стать фронтальерами (трансграничными маятниковыми мигрантами) в ряде российских приграничных регионов [7]. Однако для этого нужны определенные шаги по формированию соответствующей нормативно-правовой базы на федеральном уровне.

Пока что на всем пространстве приграничья действуют противоположные тенденции, о которых говорит Л.Л. Божко. С одной стороны, это процессы относительной изоляции экономики приграничных регионов, а, с другой стороны, попытки сформировать более открытую модель развития приграничных регионов [8].

Очевидно, что нужны взвешенные решения не только на уровне соответствующих субъектов РФ, но и на федеральном уровне, в том числе в рамках пространственной стратегии РФ, поскольку подразумевает межправительственные действия. Как совершенно справедливо отмечается в докладе: «Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и

Украины», такое сотрудничество может успешно развиваться только на принципах равноправия сторон, взаимных финансовых обязательств и должно базироваться на совместно разработанных механизмах совместного финансирования приграничного сотрудничества [9].

Важным моментом является комплексный подход, предполагающий, в том числе и развитие перерабатывающих мощностей. В частности, проведенное исследование проблем и тенденций приграничных сельских территорий Забайкалья показал, что нехватка перерабатывающих мощностей может привести к тому, что сельские территории будут находиться в положении сырьевого придатка соседних регионов России и Китая [10].

По итогам сравнительного анализа приграничных территорий России и Китая, Арсентьева И.Ю., Михайленко А.Н. делают вывод, что разумное использование преимуществ приграничного положения в Китае дает мощный импульс для развития даже самых неблагополучных приграничных территорий [11].

Литература

1. Нефедова, Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа / Т.Г. Нефедова. М.: ЛЕНАНД, 2013. – 456 с.
2. Чистобаев, А.И. Приграничное положение территории как фактор региональной политики / А.И. Чистобаев, Т.П. Захарова. Теория и практика эколого-географических исследований: Итоги научной работы Учебно-научного центра географии и геоэкологии в 2004г. - СПб, 2005. - С.412.
3. Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / под общей ред. Ю.В. Савельева, О.В. Толстогузова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. - 490 с.
4. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов / А.Г. Гранберг. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. - 495 с.
5. Дьяченко, В.Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья [Электронный ресурс] URL:<http://uecs.ru/uecs-91-912016/item/4085-2016-09-08-11-20-44>. - 12.03.2017.
6. Комарцева, В.В. Демографический кризис как угроза экономической безопасности Амурской области // Россия в постреформенный период: региональный аспект // Сб. матер. всерос. заоч. конф. – Биробиджан: АмГУ БФ, 2010. – С. 58-63.
7. Колосов, В.А. Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: Европейский опыт для России? / А.В. Колосов // Региональные исследования. - 2016. - № 3 (53). - С. 83-93.
8. Божко, Л.Л. Методология оценки социально-экономического развития приграничья в условиях интеграционных преобразований / Л.л. Божко // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. - 2013. - № 1 (33). - С. 112-122.
9. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины. ЦИИ ЕАБР, 2013. - 100 с.
10. Фадеева, О.П. Приграничные сельские территории Забайкалья: развитие или деградация? (заметки социолога) / О.П. Фадеева // ЭКО. - 2014. - № 11 (485). - С. 36-54.

11. Арсентьева, И.Ю., Михайленко, А.Н. Российский и китайский подходы к развитию приграничных территорий: сравнительный анализ / И.Ю. Арсентьева, А.Н. Михайленко // Вестник ЧитГУ. - 2012. - № 5 (84). - С. 70-75.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.Н. Дюканова

Курский государственный университет, Курск
e-mail: edyukanova@list.ru

Аннотация. Рассмотрены основные показатели уровня жизни населения Курской области за 2009-2015гг.: объем и структура денежных доходов населения, а также размер заработной платы. Эти показатели позволяют сравнить внутриобластные показатели уровня жизни сельского и городского населения. Проанализирован рейтинг привлекательности Курской области в сравнении с другими регионами России в 2016 году. Приводятся государственные региональные программы, направленные на повышение уровня жизни населения и рекомендации по улучшению их результативности.

Ключевые слова: уровень жизни населения, объем и структура денежных доходов, среднемесячная заработная плата.

Уровень жизни населения – это одна из важнейших социальных категорий, включающая в себя обеспеченность населения необходимыми материальными благами.

В связи с отсутствием однозначного определения категории «уровень жизни населения» вопрос о перечне показателей, необходимых для ее статистической характеристики является предметом многочисленных дискуссий. Чаще всего в научной литературе встречается определение, в соответствии с которым уровень жизни понимается как совокупность товаров и услуг, которыми располагает отдельный человек, семья или социальная группа населения [1,3].

Одним из наиболее важнейших показателей уровня жизни населения, как правило, считается показатель доходов, определяющий возможность приобретения различных товаров и услуг. Доходы используются на финансирование потребительских расходов, в том числе на приобретение населением финансовых активов и имущества (дома, земля и др.), владение которыми также влияет на уровень жизни.

Ввиду отсутствия единого обобщающего показателя, характеризующего уровень жизни населения, для его анализа рассчитывается целый ряд статистических показателей, отражающих различные стороны данной категории [9].

Для оценки уровня жизни населения Территориальный орган Федеральной службы статистики по Курской области использует такие

показатели как доходы населения и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата.

Что касается уровня жизни в Курской области и ее социально-экономической привлекательности, то по рейтингу, составленному в 2016 году российским информационным агентством, регион занимает 34 место среди субъектов Российской Федерации. Из пяти регионов, входящих в ЦЧР, Курская уступает Белгородской (18 место), Воронежской (19 место), Липецкой (20 место).

Данные Территориального органа Федеральной службы статистики по Курской области, позволяют проследить изменения объема и структуры денежных доходов населения в период с 2009 по 2015 гг.

Таблица.

Объем и структура денежных доходов населения [8]

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Денежные доходы – всего, %	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:							
доходы от предпринимательской деятельности	14	13,9	13,4	13,2	12,9	12,7	12,3
оплата труда	33,4	31,7	32,6	32,8	33	32	30,4
социальные выплаты	18,2	22,6	22,7	21,9	22,7	21,1	20
доходы от собственности	2	2,3	1,7	2	2,9	2,8	3,2
другие доходы	32,4	29,5	29,6	30,1	28,5	31,4	34,2

Анализ таблицы показал, что к 2015 году проявились следующие тенденции: на 3% сократились доходы населения, полученные от оплаты труда, зато на 1,8% повысились они за счет других видов доходов. Под «другими видами доходов» здесь понимаются поступление денежных средств от нелегальной трудовой деятельности, «зарплата в конверте», доходы от сбережений в банках и т.д.

За период 2009-2015 гг. среднемесячная зарплата в Курской области составила 18525,59 руб. Однако в этом плане территория региона неоднородна (рис.)

На протяжении всего исследуемого периода в области выделялись территории, в которых заработная плата населения превышала средний показатель по региону. В областном центре средняя заработная плата, как правило, выше за счет концентрации административных функций, финансовых организаций. В число таких территорий вошел центр атомной электроэнергетики г. Курчатова. Однако сам Курчатовский район, исключая его районный центр, относится к числу «бедных» территорий области. В г. Железногорске и районе относительно высокие заработки в железорудной промышленности.

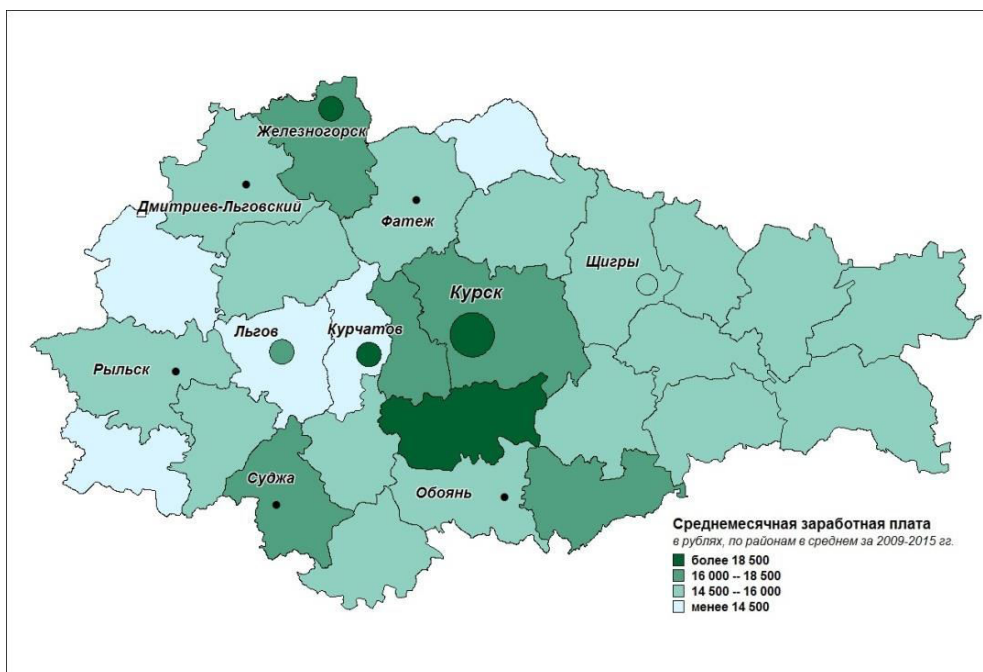

Рис.1. Среднемесячная заработная плата в муниципальных районах Курской области (2009-2015гг.)

Из районов области в группу со средним уровнем заработной платы более 75% от среднеобластной попадают только Железногорский район, в котором проживает часть работников ГОКа, а также пригородные (Курский, Октябрьский, Медвенский) и частично южные районы с более развитым агропромышленным сектором. Что касается высоких зарплат в Медвенском районе, то после анализа материалов представленных СМИ, причина заключается в многолетнем рекордсменстве его по высоким урожаям зерновых культур и сахарной свеклы [2].

Однако по данным статистики район занимает 3-5 место в области по урожайности [8]. Среди аутсайдеров преобладают периферийные районы области [7].

При проведении расчетов коэффициент корреляции среднедушевых доходов и заработной платы очень высокий (0,33). Поэтому низкие показатели уровня жизни в Курской области можно отнести к факторам, выталкивающим население за пределы региона для поиска более достойной оплаты труда.

Основным инструментом регулирования уровня жизни населения является эффективная реализация комплекса мероприятий региональной политики. В Курской области осуществляются развернутые долгосрочные программы сроком до 2020 года, такие как: Стратегия социально-экономического развития Курской области; Содействие занятости населения Курской области; Программа социальной поддержки граждан в Курской области и др.[4,5,6].

Помимо реализации основных государственных программ каждому муниципальному образованию региона необходимо понять не только причины бедности, проживающего в нем населения, но и выявить все

резервы территории, используя которые можно повысить ее социально-экономический уровень. Функции государства по обеспечению достойного уровня жизни граждан должны заключаться в реализации такой региональной политики, которая охватывает не только конкретно регулирование уровня жизни, но и включает в себя социальную защиту, демографическую и миграционную ситуацию, уровень развития образования населения.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект: мол_а № 16-36-00404

Литература

1. Быстрицкая А.Ю., Шатохин М.В. Сравнительная характеристика уровня жизни городского и сельского населения / А.Ю. Быстрицкая, М.В. Шатохин // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. № 2 / 2015. Курск: «Курская ГСХА», 2015– с. 120-121
2. В Медвенском районе двойной праздник. [Электронный ресурс] URL: <http://seyminfo.ru/v-medvenskom-rayone-dvoynoy-prazdnik.html> (дата обращения: 16.03.2017)
3. Насирова У.Н. Концептуальные основы понятия «Уровень жизни населения» в переходной экономике /У.Н. Насирова// Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. № 2 (54) / 2013. Хучанд: ДДХБСТ, 2013 – с. 124-131
4. Об одобрении стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/908005893>, (дата обращения: 20.03.2017).
5. Об утверждении государственной программы Курской области «Содействие занятости населения в курской области» (с изменениями на: 28.12.2016) [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/463602326>, (дата обращения: 20.03.2017).
6. Об утверждении государственной программы Курской области «Социальная поддержка граждан в Курской области» (с изменениями на: 30.12.2016) [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/463602651>, (дата обращения: 20.03.2017).
7. Социальный атлас российских регионов / Портреты регионов [Электронный ресурс] URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/kursk.shtml#household> (дата обращения: 28.03.2017)
8. Статистический ежегодник Курской области. 2016: Статистический сборник / Территориальный ор-ган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2016.– 448с.
9. Харина Н.Л., Стифеев А.И. Тенденции изменения уровня и качества жизни населения Курской области / Н.Л., Харина А.И. Стифеев // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. № 2 / 2013. Курск: «Курская ГСХА», 2013– с. 15-17

МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

О.Г. Кретьова

*Курский институт кооперации (филиал) «Белгородского университета
Кооперации, экономики и права», Курск*

e-mail: kretova-o@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные показатели, характеризующие миграционные процессы. Для анализа статистических показателей были построены графики траектории изменения абсолютных и относительных величин миграционных потоков (прибывших, выбывших, сальдо миграции) по районам Курской области.

Ключевые слова: миграция, миграционный прирост, прибывшие, выбывшие, сальдо миграции.

Миграции рассматриваются как одна из форм массовой реакции людей на социально-экономические, политические, межэтнические изменения в обществе. Чем глубже перемены, тем более интенсивны миграции, разнообразнее их формы, противоречивее последствия.

Созданная в настоящее время серьезная теоретическая и методологическая база позволяет использовать имеющиеся наработки для оценки основных тенденций развития миграционных процессов в регионах.

Курская область позиционируется как регион, в котором естественная убыль превышает миграционный прирост, при этом миграции более чем на 1/3 компенсируют потери населения. Осознавая важность этой составляющей изменения численности населения, нами было проведено исследование миграционной ситуации в Курской области за период с 1990 по 2015 гг.

Существенным обстоятельством, влияющим на миграционную ситуацию, является приграничное положение Курской области. Граница, наряду с контактной и барьерной функциями, выполняет важную фильтрующую роль. Миграционные потоки в приграничье обладают определенной спецификой. В их структуре велика доля соседствующего иноэтнуса. Так, по данным УФМС России по Курской области, в 2015 г. из 58 тысяч иностранных граждан, поставленных на миграционный учет, более $\frac{2}{3}$ (39 тыс.) составляют жители Украины. Кроме того, через Украину проходят транзитные пути в Европу, и она является своеобразным перевалочным пунктом. Особое внимание украинские пограничники уделяют транзитным пассажирам, для которых велика вероятность «осесть» в республике, не достигнув заветной Европы, поэтому часть из них либо остается на территории Курской области, либо пытается пересечь границу нелегально.

Вторым важным преимуществом для мигрантов является выгодное транспортно-географическое положение Курской области, расположенной на пересечении меридиональных транспортных магистралей, связывающих

Центр России и Юг Украины, а также широтных магистралей, протянувшихся с запада на восток (Киев – Воронеж). Разветвленная сеть железных и, особенно, автомобильных дорог способствует повсеместному расселению мигрантов.

Уровень экономического развития проанализируем исходя из опубликованных статистических показателей. По уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в 2010 году Курская область уступает трем областям Центрально-Черноземного экономического района (ЦЧЭР) и двенадцати субъектам Центрального федерального округа (ЦФО) и составляет 14005.2 руб., что ниже, чем по РФ в целом (21192.8) и по ЦФО (26161.7) [2].

Однако доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в Курской области ниже, чем по РФ в целом (10,9 и 13,1 соответственно). В ЦЧЭР Курская область имеет более высокую долю небогатого населения, чем Белгородская и Липецкая области и делит с Тамбовской областью третье место. В ЦФО к уже названным субъектам добавляются Московская область и г. Москва. Таким образом, социально-экономический «фон» миграционной привлекательности Курской области оценивается как близкий к средним показателям: и денежные доходы, и доля бедного населения ниже, чем в большинстве субъектов ЦФО.

Если сопоставить миграционную привлекательности Курской области с показателями социально-экономического развития среди субъектов ЦФО, получим практически прямую корреляцию. Незначительно более высокие показатели миграционной привлекательности по сравнению с уровнем социально-экономического развития объясняются, при прочих равных условиях, более благоприятным природно-ресурсным потенциалом Курской области. Немаловажное значение в современных условиях имеет толерантное отношение коренного населения к приезжим, отсутствие межнациональных конфликтов, что также может рассматриваться как позитивный фактор формирования миграционной привлекательности Курской области.

В данной статье рассмотрим основные показатели, характеризующие миграционные процессы. В постсоветский период развития Курской области миграция оказывала неоднозначное влияние на формирование региональной популяции. Для анализа статистических показателей были построены графики траектории изменения абсолютных и относительных величин миграционных потоков (прибывших, выбывших, сальдо миграции) по районам Курской области. В первой половине 1990-х гг. наблюдался устойчивый рост миграционного потока в область (рис. 1), что позволяло компенсировать естественную убыль населения. Однако во второй половине 1990-х годов миграционный прирост значительно сократился. Более того, с 2001 года количество выбывших из Курского региона стало превышать число прибывших: началась миграционная убыль населения. [1]

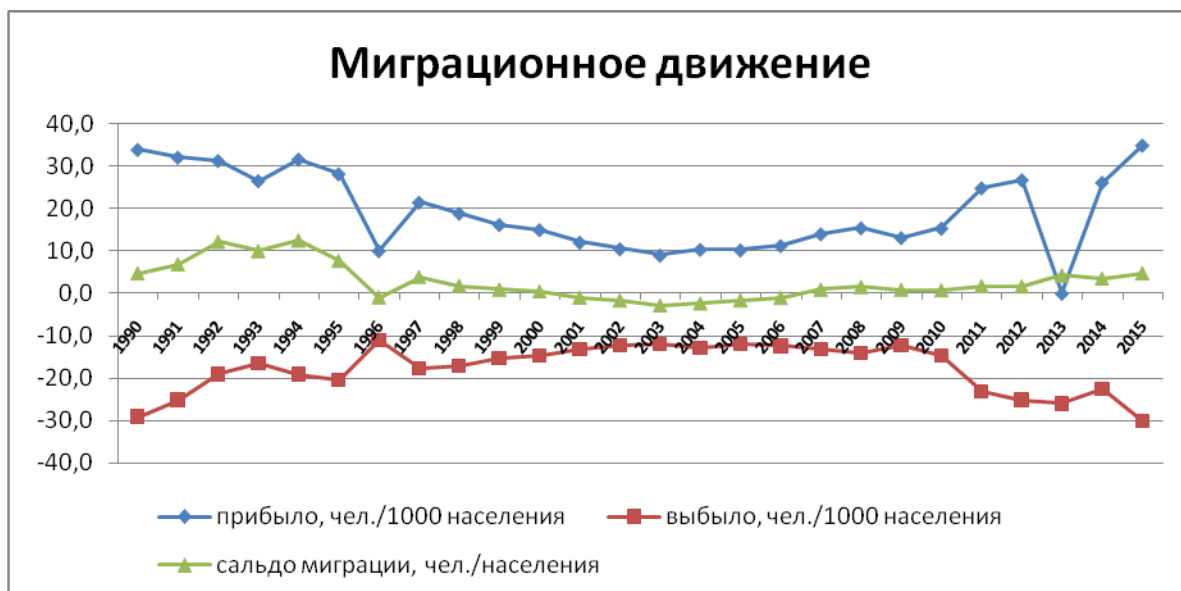

Рис.1. Миграционное движение населения Курской области

*Составлено автором по данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курской области

Определенный вклад в формирование территориальной структуры населения вносят миграции. В исследуемый период (1990-2015 гг.) произошли изменения, затронувшие, в том числе, и миграционные процессы. Произошло обновление направленности исследований миграционной ситуации, появились новые, ранее запретные или неактуальные для исследуемой территории темы.

С начала XXI столетия в Курской области сохраняется внутрирегиональная миграция, носящая, как правило, центростремительный характер – из сельской местности в областной центр и районные города. За исследуемый период соотношение городского и сельского населения области стабильно изменялось в сторону увеличения доли городского населения и снижения доли сельского. Межрегиональная миграция также незначительна по своему объему, однако она имеет отрицательные значения. Курская область является «теряющей» территорией, о чем свидетельствует превышение числа выбытий в другие субъекты Российской Федерации над количеством прибытий в регион.

В области ключевой миграционный обмен происходит с регионами Центрального федерального округа. При этом в Курскую область в основном прибывают из соседних субъектов федерации: Белгородской, Орловской и Воронежской областей, а выбывают в Московскую область, г. Москву и Белгородскую область. Миграционный отток курского населения в столичные и крупные города связан с трудовой миграцией.

С 2000 года и до настоящего времени объем международных миграций, затрагивающих население Курской области, достаточно ограничен, причем миграция со стороны СНГ и Балтии положительна, а с зарубежными странами – отрицательна. В течение последних лет несколько снизился

миграционный отток из Украины, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и вырос приток из Армении.

Курская область оказывается в условиях конкурентной борьбы за трудовые ресурсы, отток которых осуществляется в гг. Губкин, Старый Оскол, Воронеж, Орел.

В целом для миграционных процессов в Курской области характерно незначительное преобладание межрегиональной активности населения над внутрирегиональной и международной. В то же время наблюдается миграционный отток трудоспособного населения области в столичные регионы. Вместе с тем необходимо добавить, что с 2005 года обнаруживаются предпосылки к стабилизации сложившейся демографической ситуации: постепенно уменьшается миграционная убыль курян, что позитивно влияет на состояние общей численности населения региона. Миграционный прирост является внешним ресурсом и оказывает компенсирующее действие, смягчает эффект депопуляции.

Курская область разными экспертами оценивается как имеющая средние индексы миграционной привлекательности, рассчитанные по совокупности признаков. Ожидаемые конечные результаты реализации программы, к сожалению, до настоящего времени не достигнуты: из планируемых 6000 человек в область переселились только 1690 чел. (28 %). Очевидно, по этой причине, были расширены географические рамки территорий вселения. Первоначально планировавшиеся гг. Курск, Щигры, Железногорск, Льгов и районы: Курский, Курчатовский, Октябрьский, Железногорский и Льговский были в новой редакции программы существенно расширены и охватили всю Курскую область.

Важнейшим критерием миграционной привлекательности территории является уровень ее социально-экономического развития – это движущая сила миграции – поэтому важно проанализировать величину среднедушевого дохода по районам и городам Курской области, интенсивность хозяйственной жизни, в т.ч. производственной – сельскохозяйственной и промышленной.

Отдельно следует оценить уровень жилищного и промышленного строительства. Ориентация программы на соотечественников должна предполагать важнейший социальный и гуманитарный пласт – поскольку они возвращаются на родину, где им должны быть рады. По отношению к территориям вселения соотечественники принципиально отличаются от гастарбайтеров, поэтому они нуждаются в качественном «укоренении» путем предоставления условий для трудоустройства, решения жилищной проблемы, обеспечения социальных гарантий.

Качественная программа, направленная на привлечение мигрантов, с нашей точки зрения, должна сопровождаться аналитическими материалами, характеризующими как миграционные потоки в их динамике, так и факторы, способствующие и ограничивающие миграционную активность населения в территориальном разрезе. За весь исследуемый нами период в Курской области ни одна из разработанных программ не стала эффективным

инструментом привлечения мигрантов. Поэтому прогноз численности населения и доля в нем миграций населения должна опираться на скрупулезные исследования возможностей обустройства переселенцев, главными из которых будут развитие промышленного и сельскохозяйственного производства и строительной индустрии, а также повышение благосостояния местного населения, которые и станут лучшими индикаторами для переселения мигрантов, в том числе и соотечественников.

Основными путями стабилизации обстановки будет служить научно обоснованная, взвешенная демографическая политика, направленная на поддержание рождаемости на уровне простого воспроизводства населения, снижение смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте, а также привлечение мигрантов с учетом потребностей региона. Однако достижение устойчивого демографического эффекта невозможно без изменений в темпах социально-экономического развития и повышения уровня благосостояния населения региона.

Литература

1. Статистический ежегодник Курской области. 2015: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2015. – 445 с.
2. Федеральная служба государственной статистики по Курской области [Электронный ресурс] режим доступа: <http://kurskstat.gks.ru>.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.А. Панкратов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва
e-mail: pankratov_aleksey_ml@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению системного подхода и системного метода в миграционных исследованиях с точки зрения исследовательского предмета социально-экономической географии (территориальной дифференциации миграционных процессов). В статье рассматривается понятие системного подхода, приводится краткий исторический очерк развития данной концепции, исследуются особенности применения системного подхода в области миграционных исследований и социально-экономической географии

Ключевые слова: системный подход, системный метод, социально-экономическая география, миграциология, территориальные миграционная система

Введение. Метод системного исследования в процессе научного познания получил широкое распространение еще в глубокой древности – на начальном этапе своего развития активно использовался древнегреческими философами, прежде всего – Аристотелем [1] и Платоном [2]. Яркими представителями системного подхода были Ч. Дарвин [3], К. Маркс [4], В.И. Ленин [5], а также другие выдающиеся ученые, однако в качестве строгой методологической концепции системный подход стал разрабатываться лишь в первой половине – середине XX века, после чего быстро распространился практически во всех областях и сферах научного знания.

Краткий очерк развития системного подхода и системной парадигмы. Понятие системы и системного подхода. В современную науку системный подход пришел из естествознания. О разработке системного анализа задумывался еще В.И. Вернадский [6]. Мы знаем, что отличительной особенностью исследовательского подхода ученого стало мышление на уровне глобальных систем – биосферы и ноосферы [6]. Первые попытки определения и формализации системного метода были предприняты русским советским ученым-энциклопедистом А.А. Богдановым, разработавшим собственную теорию организации и управления – тектологию, в рамках которой были предвосхищены основные положения системного подхода, а также кибернетической парадигмы [7].

В методологическом плане системный подход и системная парадигма были впервые предложены канадским биологом австрийского происхождения Л. фонем Берталанфи, который и считается автором данной концепции. Еще в начальный период своей исследовательской деятельности Берталанфи стал рассматривать живые организмы в качестве строго организованных иерархических систем [8]. В 1930 г. Берталанфи ввел в научный дискурс понятие «открытых систем», выявил и описал их особое свойство – эквифинальность (достижение системой определенного состояния вне зависимости от начальных условий ее развития), в более поздний период канадский ученый сконцентрировался непосредственно на методологической разработке системного метода и системной парадигмы [8].

Появление идей и работ Берталанфи было неслучайным. Воззрения этого ученого совпадали и коррелировались с основными трендами развития науки в середине XX века, которые и определили возникновение новых исследовательских подходов. Причиной тому являлись осуществлявшиеся в то время количественная и синергетическая революции, а также общее развитие нового теоретико-методологического направления – философии науки. Данные изменения стали основой становления нового – постнеклассического этапа функционирования и развития современной науки, в рамках которого системная парадигма приобрела важнейшее значение [9].

Идеи Берталанфи получили широкое распространение в самых различных сферах: от философии науки до многочисленных докладов Римского клуба, отличавшихся ярко выраженной прикладной направленностью, созданных в целях решения глобальных проблем нашей

планеты [10]. В 1970-е гг. выдающийся бельгийский физик и химик И.Р. Пригожин предложил математические модели открытых неравновесных или диссипативных систем, а уже в начале 1980-х гг. вышли его важнейшие работы посвященные данной проблематике – «Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации» [11] и наиболее известная – «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» [12]. Последняя из приведенных работ представляет собой попытку философского осмысления развития науки на протяжении двух последних столетий (XIX-XX вв.). Пригожин считал, что развитие научного знания – это, прежде всего, непрерывный, системный и закономерный процесс. Ученый также отмечал, что метод системных исследований является наиболее универсальным и эффективным способом к познанию сложных объектов, изучению особенностей их функционирования и развития, а также – моделированию их будущих состояний: «системы являются тем частным случаем, в котором становится достижимым идеал исчерпывающего описания. Знание закона эволюции простых систем позволяет располагать всей полнотой информации о них, т.е. по любому мгновенному состоянию системы однозначно предсказывать ее будущее и восстанавливать прошлое» [12, стр. 7].

Параллельно с естествознанием системный подход начал активное распространение в социально-гуманитарных науках: экономике, истории, философии, политологии, социологии и др. Наиболее ярким примером в этой сфере является школа мир системного анализа, также возникшая в 1970-е годы. Известнейшие представители этой школы – И. Валлерстайн [13] и С. Амин в рамках предложенного ими нового подхода синтезировали системное понимание мироустройства Ф. Броделя [14] с элементами экономической теории К. Маркса [4], в результате чего пришли к выводу, что современный мир функционирует как особое цельное образование – система мир-экономики, отсчитывающая свою историю с первой половины XVI века (начало формирования капиталистических отношений в странах Западной Европы). Данное образование неоднородно и состоит из трех основных частей: ядра, полупериферии и периферии, выделяемых по уровню социально-экономического развития. Различия регионов мира в темпах экономического развития определяют существование постоянных колебаний мир-экономической системы до того момента, когда система достигнет точки бифуркации – выхода системы на новый уровень своего развития: постепенно периферия догоняет в своем развитии полупериферию и, таким образом, становится ею, последняя в свою очередь – через некоторое время трансформируется в ядро. Согласно данной теории, неравномерности региональной динамики развития постепенно сглаживаются и выравниваются, в результате чего глобальная система мир-экономики приходит к устойчивой форме своего существования. Данное состояние Валлерстайн называет бифуркацией или началом отсчета нового состояния мировой системы, принципиально иного уровня ее развития [13].

Мир системный анализ подвергся мощной критике как со стороны научных оппонентов, так и со стороны идеологических противников. Первые отмечали утопичность такого подхода, в силу естественного релятивизма, а также – принципиальной неоднородности нашего мира и как следствие этого – объективной невозможности мировой системы во всех своих частях выполнять одновременно функции ядра, как на межгосударственном (индустриальные центры и «третий мир»), так и внутригосударственном (город – пригород – сельская периферия) территориальных уровнях. Вторые – критиковали подход за его неомарксистскую направленность, считая экономические и политические воззрения данной теории устаревшими и не соответствующими реалиям современного этапа мирового развития.

Большая популярность мир системного анализа – его широкое распространение и известность способствовали тому, что не имеющий никакого отношения к политике научно-исследовательский метод в значительной степени стал восприниматься в качестве идеологически окрашенной концепции, что в свою очередь наносило существенный ущерб научному имиджу системного подхода в сфере социально-политических исследований. Данное обстоятельство несколько затормозило развитие системного анализа в политико-экономической сфере. Последовавшая после 1970-х гг. новая волна гуманизации научного знания способствовала распространению принципиально иных способов познания окружающей действительности, а именно – психологических и постмодернистских методов и концепций, которые с конца XX века захватили лидерство в области гуманитарных исследований.

Развитие системного подхода в географии и миграционных исследованиях. География – это система географических наук, изучающая процессы образования и развития территориальных систем, формирующихся при взаимодействии природы и общества, для целей прогнозирования и управления ими. Как видно из данного определения географическая наука естественным образом строится на принципах системного подхода, что определяется широтой ее исследовательского объекта (система общество – природа), а также развитой внутренней структурой – большим числом специализированных географических наук.

Развитие системного подхода в географии и географических дисциплинах осуществлялось своим собственным путем, несколько отличавшимся от общенаучных трендов в философии и теории познания. Во-первых, вхождение системного подхода в географию определила не синергетическая, а количественная революция, начавшаяся в конце 1950-х гг. в США, результатом чего стало образование школы пространственного анализа (ШПА), представители которой выступили за широкое применение количественных методов в географических исследованиях. Во многом, это была долгожданная попытка перевода описательной географической науки на новый язык количественных объяснений и математических моделей, необходимый для формализации и систематизации большого объема накопленных за долгие годы географических знаний. Во-вторых, развитый

Берталанфи в середине XX века системный метод не являлся чем-то принципиально новым и прорывным для географической науки. География всегда развивала комплексный подход к описанию и изучению как природных, так и социально-экономических объектов, потому что именно ей как никакой другой науке всегда была свойственна наибольшая предметная междисциплинарность. Исторически география формировалась и развивалась на стыке многих наук и направлений: геологии, биологии, физики, химии, истории, математики, что и определило широту предметного изучения тех или иных объектов в рамках географических наук. Так, Л.С. Берг еще в 1913 году рассматривал ландшафт в качестве функционально организованного комплекса, отличающегося такими характеристиками как: целостность, многокомпонентность, взаимосвязанность и иерархичность, то есть важнейшими свойствами системы в ее современном понимании [15]. В 1949 году Н.А. Солнцев отмечал, что «ландшафт есть закономерно построенная система более мелких территориальных комплексов» [16, с.65]. Другой известный отечественный физико-географ А.И. Исаченко в определении территориально-природного комплекса также придерживался системного подхода: «сущность географического комплекса вытекает из того, что все природные компоненты на земной поверхности тесно взаимообусловлены и развиваются как части единой материальной системы» [17, с. 6-7].

Справедливости ради, стоит отметить, что широкое и самостоятельное использование понятия «система», как и в целом – системного подхода в рамках географических дисциплин приходится на начало 1960-х гг. и связано с работами выдающегося советского географа и ландшафтоведа В.Б. Сочавы – основоположника нового направления в географической науке – учения о геосистемах [18]. Научные идеи В.Б. Сочавы стали продолжением традиции системного подхода в отечественных науках, заложенной в работах Д.И. Менделеева, В.И. Вернадского, В.И. Ленина и других ученых. Согласно данному Сочавой определению геосистема есть «природное единство всех возможных категорий от планетарной геосистемы (географической оболочки или географической среды в целом) до элементарной геосистемы (физико-географической фации)» [18]. В данном коротком, но очень емком определении также подчеркиваются важнейшие свойства системы: единство, взаимосвязанность, иерархичность, функциональная целостность и взаимодополняемость.

Обращение зарубежных и отечественных географов к использованию системного анализа в середине XX века вполне понятно и оправдано. Это было связано, прежде всего, с саморазвитием географической науки, ее переходом от накопительного и описательного этапа своего развития к этапу количественных объяснений, выявлению природных и социально-экономических закономерностей, а также выработке методологических принципов, собственного понятийно-концептуального инструментария – современного языка географической науки.

В значительной степени системный подход обогатил и социально-экономическую географию – науку о территориальной организации

производительных сил, трудовых ресурсов и систем расселения. Классическим исследовательским объектом социально-экономической географии являются территориальные системы расселения, производства, инфраструктуры и др., а также крупные географические образования – территориально-производственные комплексы (ТПК). Можно даже сказать, что социально-экономическая география является наиболее системной из всех современных наук в силу того, что она сформировалась на стыке гуманитарного и естественно-географического знания, научным фундаментом которой является существование фундаментальной системной взаимосвязи между обществом и природой.

В социально-экономическую географию системный подход пришел несколько позднее по сравнению с физической географией, и именно физико-географы были одними из первых, кто стал задумываться о внедрении системного анализа в сферу СЭГ. Например, В.С. Преображенский предложил использовать понятие геосистема не только применительно к физико-географическим объектам, но и к объектам социально-экономическим, напрямую изучаемым СЭГ [19]. Данная инициатива не получила достаточной поддержки, так как в рамках социально-экономической географии уже долгое время широко использовался другой похожий термин – территориально-производственный комплекс, разработанный Н.Н. Колосовским еще в 1940-х гг. [20]. Связующими элементами ТПК выступили энергопроизводственные циклы, также введенные Колосовским – таким образом, определение понятия ТПК по своей логике оказалось очень близким современному определению понятия системы.

В настоящее время понятия «комплекс» и «система» соотносятся между собой практически как синонимы, однако существенные различия между данными понятиями все же есть: если для системы гораздо большее значение имеют свойства упорядоченности и иерархии, то для комплекса в первую очередь характерно наличие функциональных связей между его составными элементами. Всякий комплекс является системой, но далеко не каждая система может быть комплексом. Система всегда гораздо более «мягкое» и адаптивное образование, может включать в себя любые объекты, которые так или иначе вписываются в ее структуру и дополняют ее, тогда как комплекс характеризуется установленной жесткой организационной структурой, а также строго определенным набором составляющих элементов.

Большой вклад по разработке и внедрению системного подхода в СЭГ внес И.М. Майергойз. С его именем связана одна из важнейших концепций в СЭГ – учение о территориальных структурах хозяйства (ТСХ) [21], в рамках которого большее значение как раз уделяется территориально-иерархическим структурам социально-экономических объектов и систем, а не функционально-производственным связям или энергопроизводственным циклам (как в концепции ТПК Колосовского). В то же время большое значение Майергойз уделял составным элементам территориальных структур хозяйства (ТСХ), среди которых выделил четыре функциональные

подсистемы: материальное производство (промышленность и сельское хозяйство); инфраструктура; население и природные ресурсы [21].

С одной стороны внедрение системного понимания в СЭГ существенным образом обогатило и расширило эконом-географическую науку, с другой – содействовало дальнейшему развитию междисциплинарной парадигмы в рамках экономической географии, что в 1990-е гг. привело к ее разобщению и вслед за этим – расхождению по отдельным региональным направлениям.

Системный подход в миграционных исследованиях. Почему географическая основа миграциологии наиболее эффективна. Переходя к теме миграционных исследований, социально-экономической географии и системного подхода стоит отметить, что именно географическая наука обладает наиболее развитым инструментарием для проведения полноценного миграционного анализа, направленного на выявление причинно-следственных, территориальных и временных закономерностей миграционного процесса. Это определяется комплексным взглядом СЭГ на исследовательский объект миграций, и, следовательно, – возможностью его всестороннего освещения и изучения. В то же время география имеет развитый научно-исследовательский аппарат, собственные концепции территориальных комплексов и систем, а также широкий набор исследовательских методов.

Миграционные исследования – междисциплинарная область научного знания, имеющая единый исследовательский объект (чем является миграционный процесс) и различное предметное освещение этого объекта в рамках важнейших естественных, гуманитарных и экономических наук. География изучает территориальную организацию миграционных процессов; социология – вопросы адаптации и самоидентификации мигрантов; экономика – экономические аспекты миграций и их влияние на рынок труда; политология – участие групп мигрантов в политическом процессе стран и регионов; философия – методологические особенности миграционного процесса; история – исторические особенности миграций [22].

Таким образом, в настоящее время миграциология относительно своего исследовательского предмета раздроблена среди устоявшихся наук, следовательно, процесс ее полноценного формирования как отдельной самостоятельной науки еще впереди: «миграции населения остаются процессом, изучаемым сразу несколькими научными дисциплинами: экономикой, социологией, демографией, историей, этнографией и географией. Особенностью современных исследований миграций населения является незначительное количество работ по теории миграционных процессов. Редко встречаются диссертационные исследования, в которых объединены теоретические работы и эмпирические исследования» [22]. В этом отношении особенно важно, чтобы процесс теоретико-методологической самоидентификации миграциологии как науки осуществлялся на географической основе, так как именно география предлагает комплексный системный взгляд на миграционные процессы. В

данной ситуации системный подход должен стать той методологической основой, в рамках которой будет происходить интеграция социально-экономической географии и миграционных исследований, а ключевым понятием в данной сфере должно стать понятие территориальной миграционной системы.

Данное понятие развивается в отечественной науке с середины 1980-х гг., и связано с работами ученых-демографов М. Б. Денисенко, В. Л. Ионцева и Б. С. Хорева [23], которые одними из первых предложили определение этого понятия. Согласно их подходу составными элементами миграционной системы являются: «общая миграционная подвижность (миграционная активность) населения, территориальное перераспределение населения, миграционное поведение населения, механизм воздействия» [24]. Подобная точка зрения на определение понятия миграционной системы очень неявна и размыта, так как в качестве составных элементов системы вместо конкретных объектов, здесь приводятся целые миграционные процессы, требующие отдельного детального рассмотрения.

Другой взгляд на определение миграционной системы мы можем найти в работе И.В. Ивахнюк «Формирование и функционирование евразийской миграционной системы»: «группа стран, связанных между собой относительно масштабными и устойчивыми миграционными потоками, которые являются результатом действия исторических, культурных, экономических, демографических и политических факторов, приводящих к структурным трансформациям в странах въезда и выезда мигрантов, воспроизводящим направление миграционных потоков и придающим этим потокам устойчивость» [25].

Проблема состоит в том, что в отечественной науке пока встречаются очень сложные, емкие и не совсем ясные с точки зрения социально-экономической географии определения миграционных систем. Если в этом вопросе исходить из системного подхода в СЭГ относительно понятия территориальных систем, то в самых общих чертах можно будет воспроизвести основную организационно-функциональную структуру территориальной миграционной системы. В самом общем виде – это те же самые территориальные системы хозяйства и населения, объединенные между собой всевозможными миграционными потоками-связями. Отличительными характеристиками миграционных систем являются динамичность, открытость и иерархичность. Потоки трудовых мигрантов, а также другие пространственные перемещения есть динамичный элемент, соединяющий статичные территориальные структуры (город – село, город – пригород, город – город). Открытость системы проявляется в определяющем воздействии внешних факторов на характер и направление миграционных потоков. Внешними факторами в данном случае могут выступать – экономические и политические решения, военные действия, природно-климатические условия и др. факторы – то есть те особенности, которые задают направление миграционных потоков. Иерархичность исходит от различных территориальных уровней, на основании чего можно выделить:

локальные, районные, региональные, межрегиональные, государственные и межгосударственные миграционные системы.

Вопросы, изучаемые другими науками в сфере миграциологии также можно встроить в исследовательский предмет миграционных перемещений в рамках социально-экономической географии. Все, что изучается социологией, политологией, экономикой, философией и историей относительно миграционного процесса – все эти особенности могут стать основой для создания отдельных функциональных блоков территориальных миграционных систем внутри географической науки. Именно этим и определяется актуальность и значимость современных миграционных исследований в рамках социально-экономической географии.

Закключение. История развития системного подхода в различных науках и дисциплинах своеобразна и неоднородна. В одних науках системный подход олицетворяется с синергетической революцией, в других – с количественной революцией, в третьих – выступает как идеологически окрашенная концепция. Такой смысловой разброс свидетельствует о широком распространении системного подхода, и о том, что данный подход уже давно вышел за свои первоначальные рамки, став универсальным исследовательским методом. Большую теоретическую и научно-практическую пользу системный подход привнес и в географические науки, существенно обогатив их исследовательский и методологический инструментарий. В настоящее время системный подход выполняет функцию смыслового мостика между социально-экономической географией и миграционными исследованиями, образуя почву для формирования новой науки с географическим уклоном – миграциологии.

Как видно, значение системного подхода для современной науки сложно переоценить. Перед сегодняшними исследователями стоит сложная задача – задача дальнейшей выработки теоретических и методических основ, понятийного и концептуального аппарата как социально-экономической географии, так и других наук. В этом нелегком деле системный подход может принести неоспоримую пользу, так как это универсальный мыслительный метод, с помощью которого возможно устанавливать причинно-следственные взаимосвязи, понимать функциональное устройство сложных объектов, выявлять иерархическую структуру элементов систем – достигать истинного знания об окружающей действительности.

Литература

1. Аристотель. Политика / Пер. С.А. Жебелева // Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. т. 4.
2. Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1990-1994.
3. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. – Перевод с шестого издания (Лондон, 1872). – Санкт-Петербург: Наука, 1991.
4. Маркс К. Капитал (I том) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.

5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1971. – т. 3: Развитие капитализма в России, с. 1-609.
6. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 576 с.
7. Богданов А.А. Тектология – всеобщая организационная наука. Берлин-Санкт-Петербург, 1922. (Переиздание: В 2-х кн. – М.: «Экономика», 1989).
8. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969.
9. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М., 2006.
10. Месарович М., Такаха Я. Общая теория систем: математические основы. Пер. с англ. Э.Л. Наппельбаума, под ред. С.В. Емельянова, М.: «Мир», 1978.
11. Николис Г., Пригожин И.Р. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. — М.: Мир, 1979, 512 с.
12. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986, 432 с.
13. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб, Издательство «Университетская книга», 2001.
14. Бродель Ф. Пространство и история, в трех томах, М.: Наука, 1994, 406 с.
15. Берг Л.С. Опыт разделения Сибири и Туркестана на ландшафтные и морфологические области в кн.: «Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина», М., 1913.
16. Солнцев Н.А. О морфологии природного географического ландшафта. Вопросы географии. 1949, № 16.
17. Исаченко А.Г. Физико-географическое картирование. Л., 1961. ч. III.
18. Сочава Б.В. Введение в учение о геосистемах. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978, 319 с.
19. Преображенский В.С. Теоретические основы рекреационной географии. М.: Наука, 1975.
20. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования, М., 1958.
21. Майергойз И.С. Территориальная структура хозяйства. М.: 1986.
22. Савоскул М.С. Становление и развитие миграциологии в России: опыт междисциплинарного исследования. М.: Региональные исследования №4 (46), 2014.
23. Денисенко М. Б., Ионцев В. Л., Хорев Б. С. Миграциология. М.: Издательство МГУ, 1989. 414 с.
24. Савоскул М.С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX века. М.: Региональные исследования №4 (50), 2015.
25. Ивахнюк И.В. Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы: Автореферат докторской диссертации. М., 2008.

ФРАГМЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И УКРАИНЫ

А.В. Пастюк

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород

e-mail: sapryka@bsu.edu.ru, pastyuk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции фрагментации идентичности населения приграничных регионов России и Украины. Осуществлена актуализация и обоснование теоретических подходов к фрагментации идентичности населения. На основании собственного социологического исследования делаются выводы об уровне фрагментации идентичного населения российско-украинского приграничья. Отмечается высокая степень сегментирования культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов Украины в рамках в рамках европейского, украинского и русского векторов идентификации. Оцениваются негативные последствия трансформации культурно-цивилизационной идентичности при усилении фрагментации. Определено дальнейшее направление трансформации культурно-цивилизационной идентичности российско-украинского приграничья.

Ключевые слова: культурно-цивилизационная идентичность, приграничные регионы России и Украины, фрагментация идентичности

Одними из тенденций социальных изменений, фиксируемых в современном обществе, выступают усиления регионализма и ослабления культурно-цивилизационной идентичности. Данные преобразования обуславливают постепенный возврат к предыдущим идентификациям, закрепленным в рамках исторического наследия. В свою очередь, укрепление региональных и локальных идентичностей предопределяет фрагментацию идентичностей в рамках единой культурно-цивилизационной макрообщности.

В результате на процессах самоидентификации населения сказываются исторические, социальные, географические, культурные, экономические особенности региона, что влияет на восприятие населением собственной цивилизации и культуры. Говоря о межрегиональной внутригосударственной фрагментации идентичности, стоит отметить, что в некоторых случаях она может быть значительно более разнородна, чем, например, у граничащих регионов различных государств. Что может обуславливаться высоким уровнем трансграничной коммуникации и интеркультурации в приграничье, особенно в сравнении с взаимными связями населения регионов одной страны, которые разделяет огромное территориальное и социальное пространство.

В условиях уже отмеченного снижения роли культурно-цивилизационной самоидентификации региональная идентичность (кроме тех случаев, когда границы культурно-цивилизационной идентичности совпадают с региональными), а также локальная, этническая и т.д., может выйти на первое место в сознании индивидов, и, получив политический оттенок, поставить под угрозу единство всей страны. В стабильном обществе с устойчивой культурно-цивилизационной идентичностью региональная идентификация не выходит на первый план в общей иерархии. В обычных условиях региональная идентичность проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона. Ее можно обнаружить также в местном фольклоре, преданиях, мифах, местной интерпретации истории страны и т.п. [1].

М.П. Крылов и А.А. Гриценко склоняются к тому, что разрушение старой идентичности повлекло за собой возврат к предыдущей, закреплённой в рамках исторического наследия территорий. Возникающие административные границы являются своего рода модификацией того, что уже существовало ранее, а не проявлением какой-либо новой сущности [3].

Результатом интенсификации фрагментация идентичности может стать возникновение «фрагментарного общества». В общем виде оно представляется как разрозненное общество, состоящее из значительно обособленных сегментов. Кроме того, оно может выступать в качестве переходного состояния того или иного общества. В данном ключе можно рассмотреть два подхода к понятию «фрагментарное общество». Оно может представлять собой:

– ранее целостное общество, которое под влиянием определенных факторов претерпело значимые изменения, что в итоге способствовало росту его фрагментации и разобщенности;

– общество, находящееся в данный момент в состоянии разобщенности и дисбаланса, но стремящееся к интеграции [2].

С целью исследования культурно-цивилизационной идентичности российско-украинского приграничья в 2015 году сотрудниками Белгородского государственного национального исследовательского университета было проведено исследование «Формирование культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов России и Украины»¹.

С целью определения доминирующей идентичности в сознании населения приграничья респондентам был задан вопрос «Кем Вы себя ощущаете, прежде всего?». На основании полученных данных было выявлено, что население приграничных регионов России ощущает себя, прежде всего гражданами своей страны – россиянами. Этот вариант выбрало

¹Исследование проведено в 2015 году в 8 приграничных регионах России (Белгородская, Брянская, Воронежская и Курская области) и Украины (Луганская, Сумская, Харьковская и Черниговская области). Метод исследования анкетный опрос (N=1000). Использовалась квотная половозрастная выборка. Погрешность составила не более 3,2%.

43,2% респондентов. Вторым по значимости ответом стал вариант «Русским», его выбрало 29,4% респондентов. Остальные варианты набрали менее 10%.

Значительно отличаются результаты ответов на аналогичный вопрос, заданный жителям приграничных регионов Украины. Здесь вариант «Украинцем» выбрало всего 13% респондентов. Однако в наибольшей степени жители украинского приграничья ощущают себя русскими (45,6) (Таблица 1.). Данный выбор объясняется, как национальным составом населения (51,2% опрошенных жителей Украины отметили свою русскую национальность), так и недостатком значимых объектов украинской культурно-цивилизационной идентификации или нежеланием населения востока страны ассоциировать себя с ними. Это, во-первых, подтверждает ориентированность жителей приграничных регионов Украины на идентификацию с себя Россией и во-вторых свидетельствует об отсутствии устойчивой и сформировавшейся украинской культурно-цивилизационной идентичности на этой территории.

Результаты исследования позволили выявить, что как в случае жителями приграничных России, так и Украины, несмотря на культурно-цивилизационные изменения и значительные различия в информации получаемой из источников идентичности происходят лишь незначительные преобразования объектов идентичности. Так, изменились лишь представления об общих культурных символах, но и этот процесс протекал на протяжении последних десятилетий.

В свою очередь защитные механизмы российской идентичности усилились ввиду ухудшения восприятия украинской культуры и носителей идентичности, одновременно с этим украинцы напротив нацелены на усиление интеракции с русской культурой и цивилизацией, что происходит в связи с усилением фрагментации и мозаичности идентичности, а также снижением её устойчивости. Данное противоречие свидетельствует об отсутствии четкой и полностью сформировавшейся идентичности в украинских приграничных регионах.

Таблица 1.

Количественный анализ ответов респондентов на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете, прежде всего»?

Кем Вы себя ощущаете, прежде всего?	Россия	Украина
	%	%
Россиянином/украинцем	43.2%	13.0%
Представителем своего региона	4.6%	12.0%
Жителем своего города, района	7.0%	15.8%
Гражданином мира	6.2%	6.0%
Русским	29.4%	45.6%
Европейцем	2.8%	3.4%
Затрудняюсь ответить	6.2%	4.2%
Нет ответа	0.6%	0.0%
Всего	100.0%	100.0%

Отсутствию устойчивой культурно-цивилизационной идентичности на территории украинских приграничных регионов подтверждается и ответом на вопрос «К представителям какой культуры вы себя относите?». Если у респондентов из приграничных регионов России преобладает ярко выраженное стремление идентифицировать себя с российской культурой (70,8%), то в Украине наблюдается гораздо более высокая дифференцированность ответов. Во-первых, менее четверти украинцев (24,2%) не смогли отнести себя к представителям определенной культуры и выбрали вариант «Мировой», более того, данный ответ оказался наиболее популярным среди респондентов. Во-вторых, к представителям украинской культуры отнесли себя всего 15,8% из числа опрошенных. Из этого следует вывод о том, что население проживающее на территории украинского приграничья, в отличие от российского не имеет четко выраженной единой культурной идентичности. Разобщенность идентичности населения подтверждает социальные противоречия и высокий уровень неопределенности внутри украинского общества. Кроме того, это указывает и на низкую устойчивость идентичности, т.к. в рамках единой общности при коммуникациях носителей различных идентичностей культурные объекты могут не находить должного подтверждения со стороны большинства.

В данном случае, видится маловероятным наличие у жителей приграничных регионов большого числа различных культурно-цивилизационных идентичностей. Однако сегментирование идентичности на некоторое число различных вариаций единой культурно-цивилизационной, представляется вполне обоснованным. Это утверждение справедливо скорее для жителей приграничных регионов Украины, тогда как россияне в большинстве своем идентифицируют себя однозначно как русских. Данная тенденция определяет дальнейшую сегрегацию населения украинского приграничья в рамках европейского, украинского и русского векторов культурно-цивилизационной идентичности. Возможности для преодоления негативных тенденций видятся в усилении трансграничного социогуманитарного и культурного сотрудничества, которые могут создать возможности для снижения негативных тенденций в трансформации идентичности, а также минимизации «барьерной» функции границы в целом[4].

Последующее усиление фрагментации найдет свое отражение в увеличении уровня разобщенности региональных сообществ, а также снижении устойчивости идентичности ввиду существования в локальном пространстве регионов большого числа различных сменяемых вариаций культурно-цивилизационной идентичности. Однако, это может обусловить и повышение уровня адаптивности носителей идентичности к внутреннему и внешнему воздействию. Можно предположить, что длительный период фрагментации идентичности может постепенно привести к переходу населения от потребности в формировании максимально устойчивой идентичности, к постоянному поиску идентификации актуальных к текущему

состоянию культурно-цивилизационной общности, характеризуемого высокой динамикой.

Литература

1. Орачева О.И. Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. 1999. С. 36-43.
2. Солодова В.А. Идентичность постсоветского пространства как основа для формирования фрагментарного общества // Аналитика культурологи. 2013. № 27. С. 60-64.
3. Крылов М.П., Гриценко А.А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2012. № 2. С. 28-42.
4. Сапрыка В.А., Кочетов М.Н. Социогуманитарное сотрудничество приграничных регионов на постсоветском пространстве // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: www.science-education.ru/105-7013 (дата обращения: 10.04.2017).

МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ЕВРОРЕГИОНЕ «БАВАРСКИЙ ЛЕС – БОГЕМСКИЙ ЛЕС/ШУМАВА» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БАВАРИИ

А.В. Старикова

*Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Москва
e-mail: aleksandra.starikova@gmail.com*

Аннотация. Пространственная мобильность населения на территории еврорегиона «Баварский Лес – Богемский Лес/Шумава», сформированного в 1994 г. в рамках трансграничного сотрудничества между Германией, Чехией и Австрией, является важным фактором развития приграничных районов немецкой федеральной земли Бавария. Относительная изоляция восточных районов Баварии и протекающие здесь негативные демографические процессы во многом компенсируются за счёт налаживания миграционных связей в границах данного еврорегиона. Экономический эффект при этом проявляется в укреплении местной экономики и рынка труда, создании новых и сохранении существующих рабочих мест, развитии торговли и бизнеса.

Ключевые слова: еврорегион, мобильность населения, Бавария.

Бавария бесспорно относится к наиболее успешным и экономически развитым территориям Германии и Европы. Несмотря на это, внутри баварских границ сохраняется относительная неравномерность социально-экономического развития. Наименее благополучные районы – баварская периферия – тяготеют к северным (с Тюрингией и Саксонией) и восточным границам, при этом территория вдоль границы с Чехией относится к

наименее развитым районам не только в Баварии, но и во всей Германии. Эти приграничные районы страдают от относительной изоляции, слабости транспортной инфраструктуры и депопуляции. В таких условиях значимым фактором развития и преодоления негативных тенденций становится пространственная мобильность населения как механизм выравнивания региональных дисбалансов спроса и предложения рабочей силы.

Активизация пространственной мобильности населения и социально-экономического развития районов Верхнего Пфальца и Нижней Баварии во многом связана с осуществлением проектов в рамках еврорегиона «Баварский Лес – Богемский Лес/Шумава», объединяющего приграничные территории Баварии, Чехии и Австрии. Межрегиональные связи и единый рынок труда формируются здесь благодаря возвратным миграционным перемещениям различных видов. Ежедневные, еженедельные и сезонные поездки маятниковых мигрантов (комьютеров) в еврорегионе способствуют решению задач трансграничного сотрудничества, установления добрососедских взаимоотношений, постепенного усиления контактной функции границ между странами-участницами. Экономический эффект при этом проявляется как в сохранении, так и в создании рабочих мест [2], в улучшении торгово-инвестиционных связей и в развитии малого и среднего бизнеса [3]. Для налаживания взаимодействия на территории еврорегиона особенно важны перемещения между соседними сельскими районами, в которых в ходе процесса субурбанизации рабочих мест создаются новые предприятия. Некоторые общины с выгодным транспортно-географическим положением развивают экономику, ориентируясь именно на привлечение работников-комьютеров. Примером такого выбора является баварская община Цандт, где размещается главный работодатель района Хам – компания «Zollner Elektronik».

На функционирование еврорегиона влияют различия в размещении населения и демографическая ситуация по разные стороны национальных границ. В 2015 г. почти 60% из 1,5 млн. жителей [1, 5, 6] еврорегиона было сконцентрировано на территории его германской части (центр – баварский город Фреунг). Здесь, как и в австрийской части, плотность населения выше, чем в чешской, включающей районы Пльзенского и Южночешского краёв. С другой стороны, немецкие общины подвержены депопуляции, вызванной старением населения и интенсивным оттоком жителей в трудоспособном возрасте, что ослабляет местную экономику и рынок труда, так как многие баварцы из Нижней Баварии и Верхнего Пфальца при выборе мест жительства и приложения труда отдают предпочтение успешным, динамично развивающимся территориям, проходящим полосой от Нюрнберга к Мюнхену через ключевые экономические и культурные центры Баварии. Демографическая ситуация на австрийской и чешской сторонах еврорегиона более благоприятная, т. к. там выше естественный прирост и доля жителей в трудоспособном возрасте. В такой ситуации для баварских районов важны трансграничные потоки трудовых маятниковых мигрантов.

К факторам, которые могут способствовать притоку иностранных работников в Баварию, наряду с высоким уровнем оплаты труда, можно отнести, как в случае с Австрией, общность культурной и языковой среды, близость образовательной системы и хорошую транспортную доступность на сложном по рельефу баварско-австрийском участке границы. Если в 2004 г. из всей Баварии на работу в Австрию отправлялись около 7 тыс. чел. [7], то в 2007 г. только из её южных и юго-восточных районов – свыше 12,4 тыс. чел. [10]. При этом Верхняя Австрия, округа которой входят в еврорегион «Баварский Лес – Богемский Лес/Шумава», принимала около 4 тыс. этих комьютеров, занятых, как правило, в местной промышленности (для сравнения, в Тироле и Зальцбурге баварцы чаще востребованы в сфере услуг).

Для чешских комьютеров бóльшую роль играют выталкивающие факторы – безработица и низкие заработки в месте проживания. Уровень заработной платы в Германии и Австрии намного выше, поэтому мигранты из Чехии соглашались занимать непопулярные у их соседей рабочие места. Отсюда значительный поток комьютеров: в 2008 г. в Баварии трудилось около 3,7 тыс. чехов [4]. До 2011 г. в отношении дешёвой рабочей силы из стран Восточной Европы действовали ограничения на свободное перемещение по территории Европейского Союза, после открытия границ число трудовых мигрантов возросло. При этом почти 80% из 13,3 тыс. работавших в 2014 г. в Германии чехов трудилось именно на востоке Баварии – совсем недалеко от места жительства [12]. Обратный поток баварцев в Чехию в разы меньше, хотя имеет тенденцию к увеличению, особенно после вступления страны в ЕС (только за 2004–2007 гг. число баварцев в Пльзенском крае выросло со 100 до 600 занятых [8]). Чаще всего немецкие комьютеры заняты в Чехии в сферах корпоративного управления, в научно-технической и в образовании. Среди факторов, сдерживающих рост миграционных потоков с обеих сторон, можно назвать природные барьеры (горные массивы Богемский, он же Чешский, Лес и Шумава), ограничивающие сообщение между странами. Основные транспортные линии исторически имеют здесь низкую пропускную способность.

В общей картине пространственной мобильности еврорегиона, наряду с регулярными поездками на работу, значима роль учебных и туристических потоков, регулярных или эпизодических перемещений с разными целями, например, за покупками.

Так, в рамках сотрудничества в сфере образования действует программа, предполагающая обучение по обмену между германскими и чешскими школами в течение учебного года («EUREGIO-Gastschuljahrprojekt»). Положительное сальдо учебных миграций в германской части еврорегиона характерно, например, для города Пассау с единственным в Нижней Баварии университетом и земельного района Деггендорфа, где расположена Высшая техническая школа. Развитие туризма в рассматриваемых районах Баварии связано с привлекательностью для внутренних и иностранных туристов пейзажей Баварского Леса, долины

Дуная и достопримечательностей древнего Пассау. Значимым экономическим потенциалом обладают отдых и лечение на курортах с целебными источниками, предполагающие повышенную длительность пребывания в этих местах (если средняя длительность в округе Нижняя Бавария – 4 дня, то в общине Шауфлинг – уже 17 дней [1], т. к. здесь находится реабилитационный центр, принимающий в год до 3,4 тыс. пациентов).

Обычной практикой для жителей еврорегиона являются выезды в соседние страны за покупками. Если баварцы едут в Чехию за более дешёвыми продуктами и бензином (особенно в выходные дни, когда немецкие магазины закрыты, а чешские предлагают мелкооптовые закупки), то чешские покупатели пересекают границу ради приобретения дорогих товаров (электроники, бытовой техники, автозапчастей, медикаментов и др.), которые в Баварии стоят дешевле [9]. Жители чешской части еврорегиона редко направляются вглубь федеральной земли (в Регенсбург, Мюнхен и др.), выбирая близлежащие населённые пункты. Баварские власти и предприниматели стремятся полностью использовать потенциал трансграничных поездок населения еврорегиона, предлагая совмещать совершение покупок с краткосрочным отдыхом [11].

Таким образом, получая приток дополнительной рабочей силы, туристов, клиентов местной торговли и сферы услуг районы на баварской периферии отчасти компенсируют негативные последствия своей относительной изоляции, слабости инфраструктуры и депопуляции. Составляя общую картину пространственной мобильности населения в еврорегионе «Баварский Лес – Богемский Лес/Шумава», различные миграционные перемещения являются важным фактором социально-экономического развития приграничных районов Баварии в настоящее время и в перспективе.

Литература

1. Баварское земельное ведомство по статистике. URL: www.statistik.bayern.de
2. Буданова И.А. «Акторность» еврорегионов // Вестник МГИМО-Университета. №3 (30), 2013, С. 57-63.
3. Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. № 2, 2008, С. 48-59.
4. Министерство труда и социальных дел Чехии. URL: www.mpsv.cz
5. Статистическое ведомство Австрии. URL: www.statistik.at
6. Чешское статистическое управление. URL: www.czso.cz
7. Böhme St., Eigenhüller L. Immer mehr Beschäftigte unterwegs. Pendlerbericht Bayern 2005 // IAB Regional, №1, 2006.
8. Expertní síť zástupců podnikových rad a základních odborových organizací. EURES Bavor-sko-Čechy. Závěrečná zpráva. Tento projekt je realizován firmou MKW GmbH, Mnichov. 2009.
9. Grenzüberschreitender Einzelhandel zwischen Bayern und Tschechien. Studie zum Einkaufs- und Freizeitverhalten tschechischer Besucher im Landkreis Cham. IHK Regensburg. 2009.

10. Scientific Report on the Mobility of Cross-border Workers within the EU-27/EEA/EFTA countries. MKW Wirtschaftsforschung GmbH, Munich. 2008.

11. Tschechische Kunden – Chancen für Handel und Tourismus. IHK Regensburg für Oberpfalz / Kelheim, Regensburg. 2015.

12. Wiethölter D., Carstensen J., Stockbrügger M. Beschäftigte aus den neuen EU-Beitrittsländern in Berlin-Brandenburg. Schwerpunktsetzung auf Grenzpendler aus Polen // IAB Regional, №1, 2015.

РЫНОК ТРУДА ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

В.Л. Ушакова

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток
e-mail: ushakova@tig.dvo.ru

Аннотация. В статье анализируются современное состояние и тенденции развития рынка труда приграничного дальневосточного региона.

Ключевые слова: рынок труда, трудовые ресурсы, иностранные трудовые мигранты.

Одним из важных условий устойчивого социально-экономического развития территории являются трудовые ресурсы, численность и качество которых должно отвечать потребностям экономики региона. В современных условиях демографические проблемы, нехватка трудовых ресурсов и несоответствие их профессионально-квалификационного состава требованиям рынка труда являются факторами, сдерживающими развитие отдельных отраслей экономики Приморского края.

В современных социально-экономических условиях состояние рынка труда характеризуется сокращением численности трудовых ресурсов, главным фактором которого является миграционный отток, составивший 56,7% от общей убыли постоянного населения. При сохранении этой тенденции численность трудоспособного населения и трудовых ресурсов уменьшается. Это характерно и для российского рынка труда, но темпы сокращения трудовых ресурсов в Приморском крае за последние пять лет выше (-1,2%), чем в целом по РФ (-0,1%).

С сокращением численности населения изменяется его возрастная структура. Доля трудоспособного населения в общей численности продолжает оставаться доминирующей (59,8%), доля детей и подростков снижалась до 2011 г., а с 2012 г. отмечается его рост. Но доля этой возрастной группы (16,7%) ниже дальневосточного (18,8%) и среднероссийского (17,6%) показателя. Удельный вес населения в возрасте старше трудоспособного ежегодно растет, составив 23,5% (самый высокий показатель из всех дальневосточных субъектов). По прогнозу, в Приморском крае в ближайшие 15 лет произойдет уменьшение числа детей и подростков на 9,7%. Снижение будет происходить среди трудоспособного населения – на

11,3%, а категория лиц старше трудоспособного возраста увеличится на 33,9 тыс. человек, и их доля составит в общей численности 26,9%.

Приморский край отличается невысокой экономической активностью населения, уровень которой (в возрасте 15-72 года) составляет 69,7%. По этому показателю он опережает южные дальневосточные регионы – Хабаровский край (69,6%), Амурскую область (66,8%), Еврейскую автономную область (65,6%) [4]. Низкий уровень экономической активности молодежи до 20 лет связан с необходимостью получения образования. У женщин рост и падение уровня экономической активности связан с семейными обязанностями. Экономическая активность лиц старше трудоспособного возраста зависит от размера пенсии, состояния здоровья, развития системы социальных услуг и др. Следовательно, за счет стимулирования получения молодежью образования, стимулирования рождаемости, более раннего или позднего выхода на пенсию, возможно, влиять на уровень экономической активности населения и, соответственно, численность трудовых ресурсов.

Численность занятых в Приморском крае за последние пять лет увеличилась на 0,6% или на 5,8 тыс. человек, в то время как численность безработных, начиная с 2000-х гг. постоянно уменьшается: по сравнению с 2011 г. (8,0%) уровень общей безработицы в 2015 г. (6,9%) уменьшился на 1,1% (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели, характеризующие современное состояние рынка труда Приморского края (тыс. человек) [5, 6]

	2011	2012	2013	2014	2015
Экономически активное население:					
в том числе	1062,4	1060,9	1068,8	1059,6	1056,6
- занятые в экономике	977,4	988,0	933,0	986,7	983,2
- безработные	85,0	72,9	75,8	72,9	73,4
Экономически неактивное население	504,3	492,5	484,6	476,8	458,5
Уровень общей безработицы, %	8,0	6,9	7,1	6,9	6,9
Численность безработных, зарегистрированных в государственной службе занятости	23,3	19,6	17,4	15,0	15,8
Уровень зарегистрированной безработицы (%)	2,2	1,9	1,6	1,4	1,5

Современная ситуация в области занятости населения характеризуется незначительным ростом численности занятых в экономике. Среди занятых преобладает мужское население. В составе рабочей силы преобладают лица наиболее активного трудового возраста (30-49 лет), на долю которых

приходится 50,7% общей численности занятых, что незначительно превышает дальневосточный (0,1%) и среднероссийский (0,2%) уровни. В составе рабочей силы существенно представлена группа лиц 20-29 лет, их доля в общей численности занятых 21,5%, что превышает на 0,7% дальневосточный уровень и соответствует среднероссийскому [4]. Возрастные группы лиц старше трудоспособного возраста в Приморском крае представлены в общей численности занятых выше (6,7%), чем в целом по РФ (5,1%). По результатам 2015 г. в Приморском крае занятое население молодое (средний возраст в РФ – 40,6 лет, на Дальнем Востоке – 40,5 лет, в Приморском крае – 40,8 лет) [3].

Структуру занятого населения отличает высокий образовательный уровень, где 77,3% – люди, имеющие высшее и среднее профессиональное образование. С другой стороны, образовательная структура занятости в Приморском крае показывает недостаточную ее сбалансированность, что отражается на недостатке специалистов среднего уровня квалификации, прежде всего рабочими специальностями.

Уменьшение численности занятого населения в целом по Приморскому краю произошло за счет уменьшения работающих на предприятиях, в учреждениях и организациях. За период с 2011 по 2015 гг. произошло сокращение числа занятых в строительстве – на 16,5%, в обрабатывающих производствах – на 8,4%, в сельском хозяйстве – на 3,7%.

В ряде отраслей Приморского края, особенно в производственной сфере, наблюдается недостаток ресурсов труда. За счет собственных ресурсов он не может быть восполнен. Главная особенность регионального рынка труда, как и дальневосточного в целом, – это структурный дисбаланс. С одной стороны, в крае в качестве безработных граждан, зарегистрировано в службе занятости в 2015 г. 15,8 тыс. человек, а с другой – потребность работодателей в работниках, заявленная в службу занятости составила 33,2 тыс. человек [4], то есть Приморский край испытывал структурный дефицит рабочей силы в количестве 17,4 тыс. человек. Население не может занять требуемые вакансии по причине отсутствия квалификации необходимой работодателю. 70% создаваемых рабочих мест предназначены для рабочих специальностей. Наибольшая потребность в работниках заявлена в сфере строительства, обрабатывающих производств, сельском хозяйстве и торговли. Сохраняется высокий спрос на специалистов, имеющих медицинское и педагогическое образование.

Для того чтобы восполнить дефицит рабочей силы, работодатели привлекают иностранных трудовых мигрантов. В рассматриваемый период численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в Приморском крае ежегодно, снижается (2012 г. – 26,6 тыс. человек, 2013 г. – 19,9, 2014 г. – 17,4 тыс. человек, 2015 г. – 12,6 тыс. человек) [4]. Сохраняется тенденция наибольшего удельного веса иностранных граждан, получивших разрешение на работу из стран КНР (2011 г. – 38,5%, 2014 г. – 60,9%) и КНДР (2011 г. – 12,2%, 2014 г. – 26,9%).

В современных социально-экономических условиях проблема восполнения численности трудоспособного населения является важной не только для субъектов РФ, но и для большинства развитых европейских стран. Опыт стран с развитой рыночной экономикой показывает, что одним из важнейших направлений восполнения дефицита трудовых ресурсов является привлечение внешних трудовых мигрантов. Без использования их труда в современных условиях не может обойтись ни одна индустриально развитая страна. Специалисты Международной организации труда, на основании долгосрочных прогнозов пришли к выводу, что без иммигрантов уровень европейских жизненных стандартов к 2050 г. снизится до 78% по сравнению с современной ситуацией [1].

Качественно меняется структура международных потоков трудовой миграции населения в результате повышения доли в общем числе мигрирующих специалистов с более высоким уровнем образования. На протяжении последних пяти лет наблюдается тенденция роста привлечения квалифицированной рабочей силы в Приморском крае из КНР и КНДР, которые заняты в сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах и строительстве. Отмечается ежегодное увеличение количества высококвалифицированных специалистов, привлекаемых в Приморском крае из КНР, Японии, Вьетнама и Великобритании.

Доля иностранных граждан, получивших разрешение на трудовую деятельность на территории Приморского края, составила 1,6% (от численности экономически активного населения в возрасте 15–72 лет) и 1,8% от численности занятых в экономике. Международные мигранты не составляют конкуренции российским гражданам, не создают напряженности на рынке труда, поскольку, в основном, занимают неквалифицированные, низкооплачиваемые, малопривлекательные рабочие места, на которые не претендуют жители Приморского края. То есть, внешняя трудовая миграция позволяет восполнить потребность хозяйствующих субъектов Приморского края, в первую очередь, в неквалифицированной рабочей силе.

Анализ структуры безработных, официально зарегистрированных в государственных службах занятости Приморского края, позволяет отметить следующие тенденции. Уровень безработицы (6,9%) превышает дальневосточный (6,4%) и среднероссийский (5,2%) показатели. Существует разрыв между общей и регистрируемой безработицей [2]. Несмотря на устойчивую тенденцию сокращения уровней общей и регистрируемой безработицы, величина разрыва выросла с 3,4 раза в 2010 г. до 4,9 раза в 2015 г. То есть, большая часть безработных предпочитает самостоятельно трудоустроиться, не обращаясь в органы государственной службы занятости.

Проблема женской занятости относится к одной из основных проблем, характеризующих современный уровень рынка труда. Среди безработных в крае мужчин больше, чем женщин. В 2015 г. гендерное соотношение на региональном рынке труда составило 53,2% мужчин и 46,8% женщин. Численность безработных женщин имеет тенденцию к снижению, но среди

зарегистрированных безработных – их больше. Около 69% обратившихся в службу занятости Приморского края составляют женщины. В 2015 г. в число безработных вошли 4,8 тыс. человек, уволенных в связи с ликвидацией организаций, либо сокращением штата, из них 60,4% – женщины (56,8%, 2010 г.). Средний период продолжительности поиска работы у женщин, зарегистрированных в государственной службе занятости больше (5,4 месяца), чем у мужчин (5,2 месяца), при этом 39,4% женщин ищут работу более 4 месяцев, а 11,8% – более 1 года [6].

Уровень безработицы в возрастной группе 16-29 лет выше, чем в других возрастных группах, причем уменьшается он с взрослением молодых людей. Тенденция снижения численности безработных в крае (в 1,8 раза) сопровождается уменьшением численности безработной молодежи (в 2 раза), при этом более быстрыми темпами, чем численность всех безработных. Средний период продолжительности безработицы у молодежи, зарегистрированной в службе занятости самый низкий по сравнению с другими возрастными группами – в 2014 г. он составил 4,2 месяца при среднекраевом показателе 5,3 месяца, при этом 46,8% молодежи имеют продолжительность безработицы до 4 месяцев, а 5% – более 1 года. Среди безработных преобладают лица, не имеющие профессионального образования. Их доля, несмотря на ежегодное сокращение, составила 32,9%. Это свидетельствует о низком качестве предлагаемой рабочей силы. Вторую по численности группу составляют безработные, имеющие основное (общее) образование – 16,8%.

В целом, уровень безработицы в Приморском крае имеет тенденцию к снижению, составив в 2015 г. 6,9%. Самый низкий уровень безработицы стабильно отмечается в северных дальневосточных регионах – Чукотском автономном округе (4,0%), Магаданской области (4,3%) [6].

За рассматриваемый период в Приморском крае наблюдается тенденция снижения напряженности (коэффициент напряженности определяет соотношение спроса и предложения на рабочую силу) на рынке труда. Регион сохранил свои позиции по уровню занятости (среди дальневосточных субъектов он занимает 3 место, 45 – среди российских регионов). Снижение уровня безработицы позволило краю в 2014 г. занять 7 место (2010 г. – 9 место) среди субъектов Дальнего Востока и 62 место среди регионов России [2]. В 2010 г. на 100 вакансий, заявленных работодателями, приходилось 123 человека, обратившихся в службы занятости края за содействием в трудоустройстве. В 2014 г. этот показатель сократился до 27,5 человек на 100 вакансий, то есть в 4,5 раза. Сложная ситуация с обеспечением работой сложилась в Дальнегорском городском округе, Дальнереченском, Красноармейском, Пожарском, Черниговском, Чугуевском, Шкотовском муниципальных районах, где нагрузка на 100 заявленных организациями в службу занятости вакансий составила более 200 человек. Благоприятная обстановка складывается во Владивостокском, Находкинском, Уссурийском городских округах, Октябрьском

муниципальном районе, где нагрузка на вакансию значительно меньше среднекраевой.

Литература

1. Кучина Е.В. Миграция как фактор повышения производительности труда //ЭКО. 2008. № 10. С. 148-161.
2. Обследование населения по проблемам занятости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru> [дата обращения 24.02.17].
3. Приморье в цифрах. 2014: Краткий стат. сб./Приморскстат, 2015. – 89 с.
4. Регионы России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru> [дата обращения 14.03.17].
5. Труд и занятость населения в Приморском крае: Сб./Приморскстат. 2015.– 90 с.
6. Экономическая активность населения, занятость и безработица в Приморском крае: Сб./Приморскстат. 2016. – 39 с.

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. (Белгородская область)²

Н.В. Чугунова

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, Белгород*
e-mail: Chugunova@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены процессы трансформации и тенденции развития системы городского и сельского расселения региона в условиях глобализации, процессов урбанизации, приграничного развития.

Ключевые слова: расселение, агломерация, глобализация, факторы, урбанизация

Изменение политической системы, экономических условий развития России привели к модернизации общества, быстрым модификациям экономики. На пространственную организацию территории значительное влияние стали оказывать общемировые факторы и тенденции развития, к наиболее значимым из которых мы относим процессы глобализации. Непременным атрибутом глобализации является урбанизация - социально-экономический процесс, связанный не столько с ростом городов и городского населения, сколько с усложнением городских систем, повышением роли городов и городского образа жизни в развитии общества, сельской местности.

На жизнеспособность, устойчивость населенных пунктов, особенно сельских, все более значительное влияние оказывают внешние по отношению к

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №17-03-00092

расселению акторы - национальные и транснациональные корпорации, меняющие экономическую структуру регионов. На мобильность населения велико влияние средств массовой информации, ускоряющих миграции населения с периферии в центр. В результате, глобализация усиливает непредсказуемые факторы, воздействующие на развитие системы городского и сельского расселения. Основной формой расселения становятся городские агломерации, сельское расселение, напротив, деградирует на периферии регионов, концентрируясь вокруг крупных городов, пригородов агломераций.

Городские агломерации обладают высокой аттрактивностью, вызывая поляризацию пространства, препятствуя территориально равномерному размещению ресурсов, создавая определенные вызовы развитию регионов.

Система расселения - стохастичная непредсказуемая система, степень влияния на нее минимальна, основной ее особенностью является саморазвитие. В России современные социальные, экономические и культурные изменения протекают в условиях сложной демографической, нестабильной геоэкономической и геополитической ситуаций. Для эффективного управления, поступательного развития регионов необходимо знание факторов и тенденций реальной модернизации систем расселения, определение поляризации центра и периферии, выявление путей их сглаживания, установление будущей модели расселения.

Необходимость исследования роли расселения в пространственной организации общества осознана давно, о чем свидетельствуют многочисленные работы социологов, экономистов, социальных географов (географов-обществоведов): проекты и публикации результатов исследований Независимого института социальной политики, Института социально-политических исследований РАН, исследования экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС), Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), т.е., изучение системы расселения конкретного региона не просто актуально, но и органично.

Объектом данного исследования послужила региональная система расселения Белгородской области.

Главными задачами работы мы считали определение и анализ трансформаций, проблем и тенденций развития системы расселения региона в условиях глобализации, процессов урбанизации, приграничного развития.

Материалы и методы. В работе использованы принципы системности и структурного анализа, применены методы пространственно-временного анализа, статистические, ГИС-технологий, результаты работ российских и зарубежных ученых, а также автора статьи по изучению социально-пространственных изменений Белгородской области, *результаты экспедиционных обследований районов области в 2012-2016 гг.*, официальные статистические данные по области и ее муниципальным образованиям.

Основными факторами расселения населения региона в течение длительного времени были классические: исторические, природно-

ресурсные, социально-экономические, демографические. Основополагающими в течение длительного времени были социально-экономические, играющие и сегодня приоритетную роль. Растет значение еще одной движущей силы в расселении - пространственной мобильности в широком понимании этого термина - движения знаний, материальных и духовных продуктов, населения, приводящие к смещениям и сдвигам территориальной организации общества. В постсоветский период выросло значение фактора процессов глобализации, «проницаемости» территорий, социально-инфраструктурных, институциональных. Взаимозависимость и взаимосвязанность этих движущих сил расселения привели к изменениям городского и сельского населения с соотношения в 1959 г. 19,0% : 81,0% до 67,1% : 32,9% в 2017 г. [1]; росту городского в четыре, сокращению сельского населения в два раза; формированию новых конфигураций систем городского и сельского расселения. Основным источником роста городов являлось переселение сельских жителей в города, вызванное бурным развитием индустриального производства, транспорта. По мнению американского географа У. Зелински (по [2]), устойчивые структурные закономерности в росте темпов и масштабах индивидуальной мобильности населения обусловлены различиями этапов модернизации в разработанной им концепции миграционного (мобильного) перехода (по аналогии с демографическим переходом Ф. Ноутстойна). В соответствии с этой концепцией массовые миграции из сельской местности в города характерны для раннего и позднего мобильного общества (вторая и третья фазы), постепенно затухающие в последующих фазах, что мы и наблюдали в Белгородской области. Движение из сельской местности в города области продолжается, но со снижением абсолютных и относительных показателей. Более мощные миграционные потоки характерны для агломераций между центром и пригородами.

Характерной особенностью проявления процессов глобализации стала массовая урбанизация, связанная с демографическими, технологическими и структурными изменениями, а крупные города - ключевыми элементами общества, основными центрами глобальной стандартизации потребления, культур. В Белгородской области поздний, стремительный характер урбанизации был вызван индустриализацией, освоением Курской магнитной аномалии (КМА), экстенсивный период развития которой закончился к середине 90-х годов XX века [3], ее незавершенный, односторонний характер расценивался как побочный эффект индустриализации. Миграция населения из села не сопровождалась созданием подлинно городского образа жизни, многие «новые» горожане продолжали репродуцировать элементы сельского образа жизни. Позднее миграции населения из республик бывшего СССР, а затем восточных районов страны привели к увеличению доли Белгородской области в составе ЦЧР с 18% в 1989 г. до 21% в 2016 г. (рассчитано по: [4]), стабильному росту городского населения (на определенное время и - сельского). Рассчитанные темпы изменения численности сельского населения и разных классов городов показали, что фазы развития процессов

урбанизации имели свои особенности, но в общих чертах повторяли ее циклы «по Д. Джиббсу» [5] и закономерно перешли из агломерационной в субурбанизационную стадию. Урбанизация, отражая изменение общественно-политических, экономических, институциональных условий России, оказала значительное влияние на ход многих социально-экономических процессов. В расселении - этой сложной инерционной системе - во всех звеньях от крупнейших агломераций, до локальных групп сельских поселений, происходят деформации количественных и качественных параметров. Процессы глобализации, проникая в глубинные районы страны (и Белгородской области), меняют представления о стандартах жизни, ценностных ориентациях населения [6], а «гламурный образ мегаполиса ускоряет безвозвратный отток с периферии, особенно молодежи» [7. С. 17] в крупные города и центры городских агломераций.

Агломерации стали основной формой группового расселения в регионах, дающей максимальный экономический и социальный эффект от концентрации. Факторами развития агломерации принято считать возрастающую отдачу от масштаба, слияние рынков труда, экономию от уменьшения расстояния между производителями и потребителями, приводящие к неравномерному социально-экономическому и экистическому развитию регионов. В Белгородской области сложились две зоны концентрации населения - вокруг городских округов Белгород и Старый Оскол-Губкин. Доминирует в развитии Белгородская агломерация; Старооскольско-Губкинская, несмотря на высокий экономический потенциал, основанный на черной металлургии, уступает ей по демографическому, экистическому потенциалам.

В сельском расселении выделяются два тренда: первый - измельчение сети населенных пунктов в глубинных районах, вызванное многолетним оттоком населения, второй - рост крупных населенных пунктов пригородных зон агломераций. На востоке и юго-востоке области - окраинных муниципальных образованиях - увеличивается сокращение населения, расширяется зона социально-демографического опустынивания, обнаруживается системная взаимосвязь жизнедеятельности населения и современных общественно-политических и макроэкономических процессов, создавая вызовы для развития региона. Наши экспедиционные обследования МО, анкетный опрос жителей позволяют прогнозировать с большой долей вероятности дальнейшее внутритерриториальное перераспределение населения области, падение степени устойчивости многими населенными пунктами периферии и полупериферии с вытекающими из этой ситуации социальными, демографическими, экономическими и экологическими последствиями.

Продолжается смена населением сельского образа жизни городским. Увеличивающийся в последние годы переезд сельских жителей в города вызван рядом вышеуказанных причин, среди которых следует выделить уменьшение занятости в сельском хозяйстве с 24% в 2000 г. до 18% в 2015 г. [8]. Не способствует росту численности сельского населения, отдалённых от

больших городов и административного центра области, современное экономическое и социальное развитие муниципальных образований. Сокращение и вымывание рабочих мест становится устойчивым трендом, как и уменьшение официальной и рост неофициальной занятости, углубление неравенства в распределении доходов, сокращение удельных расходов на образование и здравоохранение в сельской местности в результате проводимых «реформ». Напряженность на рынке труда, по нашим расчетам, в ближайшие годы не сократится [9], а усилится в условиях экономической нестабильности и доминирования новых институтов в АПК. В сельскохозяйственном производстве Белгородской области господствуют монополии - агрохолдинги с малочисленной наемной рабочей силой, ресурсо- и трудосберегающими технологиями. На агрохолдинги в области приходится 86% продукции сельского хозяйства, в отраслях животноводства они производят 98,6% скота и птицы на убой [10] (АПХ «Мираторг», «ГК «Русагро», ООО ГК «Агро-Белогорье», ЗАО «Приосколье», АПХ «БЭЗРК-Белгранкорм» и др.), роль фермерских (крестьянских) хозяйств незначительна, что привело к дальнейшим изменениям в сфере занятости, потере рабочих мест, смене образа жизни сельскими жителями.

Приграничное положение области, государственная граница с Украиной, влияя на развитие порубежных районов через свои фундаментальные свойства - барьерность и контактность в отдельные периоды оказывала неоднозначное влияние на развитие Белгородской области, но доминантными являлись контактные функции. С 2014 г. ситуация изменилась на противоположную: барьерные функции - новый тренд во взаимоотношениях с Украиной - негативно отражаются на уровне и качестве жизни населения приграничных районов, особенно Валуйского и Волоконовского районов как результат разрушения контактных функций и действия социальных и социально-экономических факторов центр-периферийной модели развития региона.

Резюме. Формируемая новая модель современного российского расселения отражает геоэкономическую и геополитическую ситуации, влияющие на пространственную организацию общества.

Литература

1. Белгородская область в цифрах. Краткий стат. сб. Белгород: Белгородстат. 2016. 290 с.
2. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения. [Электронный ресурс]: URL <http://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnye-teorii-migratsii-naseleniya> (дата обращения: 04.02.2017).
3. Chugunova N.V., T.A. Polyakova, N.V. Likhnevskaya. The development of the urban settlement system in Belgorod oblast // J Geography and Natural Resources. 2013. V 34, N 1. P 55-60.
4. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Белгородской области. [Электронный ресурс]: URL: <http://belg.gks.ru>. (дата обращения: 13.01.2017).

5. Кюммель Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М: Ин-т географии АН СССР. 1987. С. 82-100.
6. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. №3. С. 7-23.
7. Трейвиш А.И. Мобильность и развитие общества в пульсирующем пространстве / География мирового развития. Вып. 3. Сб. научн. тр. // Под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2016. 486 с.
8. Белгородская область в цифрах. Краткий стат. сб. Белгород: Белгородстат. 2016. 290 с.
9. Лисецкий Ф.Н., Н.В. Чугунова. Расселение населения муниципальных образований Белгородской области как основной фактор в реализации концепции «Район-Парк» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. - № 1 (172). Выпуск 29/1. С. 46-55.
10. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2011-2015 гг.). Стат. сб. Белгород: Белгородстат. 2016. 284 с.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

З.А. Атаев

Гжельский государственный университет, Московская область
e-mail: ataev-rzn@ya.ru

Аннотация. В статье, рассмотрены стимулирующие и лимитирующие факторы интеграции электроэнергетики России и стран СНГ в единую континентальную энергосистему. Проведен секторный обзор пространственных предпосылок для отраслевой интеграции с особым вниманием на развитие энергосистем России, стран Балтии, Беларусь и Украины.

Ключевые слова: Единая энергосистема России, интеграция электроэнергетики, объединенные энергосистемы, трансграничное сотрудничество.

Введение. По законам физики, электроэнергетику можно назвать самым «географичным объектом» изучения: время генерации электроэнергии и ее потребления должно синхронно совпадать. Отсюда пространственная связность рисунка отраслевой географии и географии расселения. Такая жесткая связь отрасли и территории, образует специфичное территориальное сочетание – энергетическое пространство – или энергетический базис территориальной организации общества [2, с. 17].

Одной из свойств энергетического пространства является ее динамичность, подверженность изменениям и трансформациям под влиянием ряда факторов. Применительно к энергетическому пространству бывшего СССР, в первую очередь, это политический фактор, который все чаще входит

в противоречие с базовыми для развития электроэнергетики расселенческими и экономическими факторами. В результате ограничивается возможность использования благоприятного положения Евразии для глобального развития электроэнергетики («Великое сокращение континентов») [7, с. 8].

Пространственная дифференциация организации общества, предопределяет возможность взаимовыгодной интеграции энергосистем разных стран, групп государств и даже континентов. Отсюда идея – мир как единый обще-планетарный хозяйственно-экономический организм, где связующим звеном («сокращаем») выступает постсоветское пространство. Здесь применимы некие синонимы «сокращение», «Хартланд» и т.д.

В плоскости практической реализации идеи, очевидно, что сегодня в условиях геополитической и геоэкономической нестабильности, вряд ли реализуем планетарный проект. Поэтому более актуально и интересен анализ «положения» постсоветского пространства в континентальной интеграции национальных энергосистем. Но здесь и обнаруживается сложность реализации проекта именно с «западного румба» постсоветского пространства (страны Балтии, Украина), что и определило содержание и цель настоящей работы: *анализ предпосылок для создания «моста» постсоветского энергетического пространства и формирования единой Евразийской энергосистемы.*

Пять стран западного «фасада» (Беларусь, Россия, Эстония, Литва, Латвия) перспективной континентальной энергосистемы функционируют в рамках энергетического кольца БРЭЛЛ (по начальным буквам входящих стран) – соглашения о параллельной работе энергосистем. Подписанное в 2001 году странами Балтии, Россией и Беларусь соглашение предусматривает, что выходящая страна не обязана возмещать убытки.

Место России в Евразийском энергетическом пространстве. После распада Советского Союза из прежнего состава ее Единой энергосистемы (ЕЭС) синхронную работу энергетики смогли технически и финансово обеспечить только системы Украины, Белоруссии, страны Балтии и Россия (без объединенных энергосистем Сибири и Дальнего Востока). К началу 2000 гг. была восстановлена параллельная работа энергосистем всех стран на постсоветском пространстве (кроме Республики Армения и Туркменистан). В параллельном режиме с ЕЭС России, но не синхронно по режиму нагрузки (через вставки постоянного тока 400 кВ) функционирует энергосистема Финляндии. Ее система синхронизирована для работы в составе энергетического объединения Скандинавских стран (NORDEL): Швеции, Норвегии Дании. От ЕЭС России также осуществляется электроснабжение части потребителей бывших Республик Средней Азии, Китая, Монголии, функционирует электроэнергетический переход в Турцию.

Энергосистемы России (СССР) исторически созданы по административному принципу и функционируют в пределах границ субъектов Федерации. Соответственно региональный и отраслевой анализ пространственно совпадает и имеет иерархический характер: ЕЭС России –

зональные объединения энергосистем (Западная и Восточная макрзономические зоны) – территориальные объединения энергосистем (7 ОЭС, в том числе и Дальнего Востока) – 69 региональных систем. Таким образом, постсоветское энергетическое пространство, характеризуется своей сегментной дифференциацией, что актуализирует их анализ (рис.).

Из анализа рисунка следует, слаба пропускная способность мощности электрических связей между европейским и восточным сегментом ЕЭС России. К тому же существующие сетевые связи между ОЭС Средней Волги и Урала, с одной стороны, и ОЭС Сибири – с другой, проходят через территорию Северного Казахстана. Такой вариант сетевых связей был реализован в период существования СССР и исходил из народохозяйственных планов развития тогда еще единого государства. Еще в 1980-е гг. предполагалось усиление системной связи по линии ОЭС Урал – Северный Казахстан – Сибирь посредством строительства сверхмощной ЛЭП 1150 кВ: Итат – Барнаул – Экибастуз – Челябинск. Проект не был реализован, сегодня в эксплуатации находится только российский участок Итат – Барнаул (ОЭС Сибирь). Не было завершено сооружение еще одной межгосударственной сети сверхвысокого напряжения Экибастуз – Тамбов (1500 кВ).

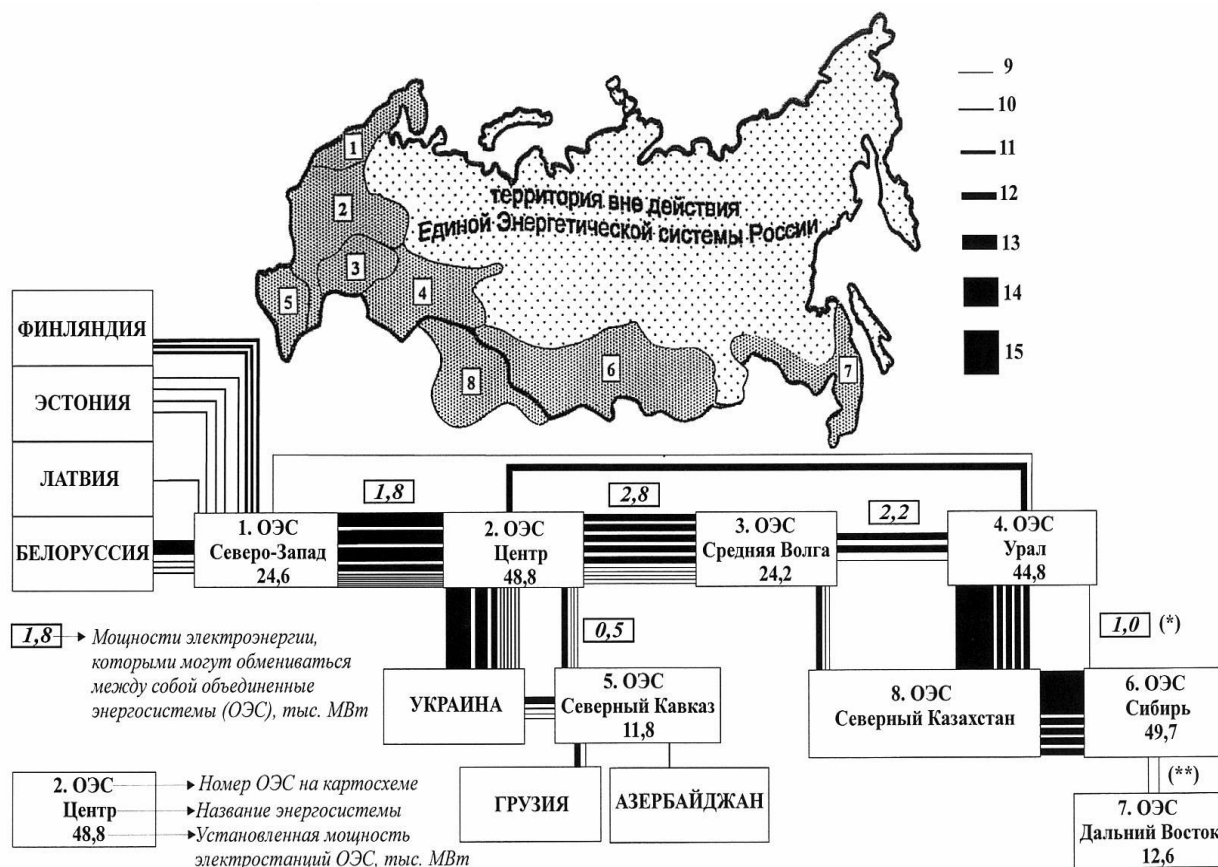

Рис. 1. Установленные мощности электростанций объединенных энергосистем России (ОЭС), структура и пропускная способность электрических связей между ОЭС (2005 г.) [2, с. 32].

1-7 Объединенные энергосистемы России; 8 – Объединенная энергосистема Северного Казахстана. Класс линий электропередач (ЛЭП): 9 – 220 кВ, 10 – 330 кВ, 11 – 400 кВ, 12 – 500 кВ, 13 – 750 кВ, 14 – 800 кВ, 15 – 1150 кВ.

Значком (*) отмечено наличие системной связи между ОЭС Урал и ОЭС Сибирь через Северный Казахстана знак (**) подчеркивает наличие связи между ОЭС Сибирь и ОЭС Дальний Восток только за счет отпаечных ЛЭП 220 кВ (1) Читинская ТЭЦ-1 – ПС Холбон – отпайка на ПС Могоча – ПС Сквородино 500 кВ; 2) ПС Якурим 500 кВ – ПС Таксимо 220 кВ – Нюренгринская ГРЭС).

Из анализа рисунка также вытекает, что между ОЭС Дальнего Востока и другими компонентами ЕЭС России отсутствует надежная системная связь. Так, связь между ОЭС Сибири и Дальнего Востока связана только посредством двух ответвлений (отпаяк) от ЛЭП 220 кВ: 1) Читинская ТЭЦ-1 – ПС Холбон 220 кВ – вторичная сетевая отпайка от ПС Могоча 220 кВ – ПС Сквородино 500 кВ; 2) ПС Якурим 500 кВ – ПС Таксимо 220 кВ – Нюренгринская ГРЭС (ОЭС Дальнего Востока).

Для ликвидации такой топологической незавершенности необходимо сооружение ЛЭП сверхвысокого напряжения. Реализация проекта позволяет объединить на параллельную работу ОЭС «Сибирь» и «Дальний Восток», что будет иметь многовекторный эффект: увеличит связность системообразующей сети между зональными секторами ЕЭС России (Западная и Восточная макроэкономические зоны страны); на порядок повышает надежность энергоснабжения в зоне обслуживания ОЭС «Сибирь» и «Дальний Восток»; усиливает благоприятные предпосылки России в качестве транзитного «моста» для последующей интеграции в рамках Евразийской системы.

Таким образом, относительно структуры европейского сегмента ЕЭС России можно сказать о наличии связной кольцевой топологии системообразующей электросети только применительно к ведущим объединенным энергосистемам: Центр, Северо-Запад, Средняя Волга, Северный Кавказ и Урал.

Даже с учетом слабых оперативных связей между зонами ЕЭС России, ее восточный сектор характеризуется как важный «мост» для последующего наращивания Евразийского энергетического кольца.

Анализ азиатского сегмента ЕЭС России подтверждает реальность расширения системообразующих связей в направлении: Россия – Китай, Россия – Япония, Россия – Канада – США (рис.). Для России важен проект энергетического объединения в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. В регионе можно выделить несколько стран с крупным потенциалом: Япония (самая мощная энергетика в регионе, но изолирована морскими акваториями), Китай (быстрорастущий экономический «гигант» с огромными потребностями в качественных энергоносителях), Россия (ОЭС «Сибирь», «Дальний Восток»), Южная Корея, КНДР, Монголия и др.

В этих странах налицо благоприятные предпосылки для расширения межстрановых связей, с последующей ориентацией на формирование

межгосударственных энергетических объединений (энергетические мосты: «Якутия – остров Сахалин – Япония»; «Дальний Восток – Корейский полуостров» и др.). Очень перспективен энергетический проект (PEACE): Россия – Япония – Южная Корея – КНДР – Китай – Россия [6, с. 211–214, 293]. Наличие крупных национальных и региональных энергосистем (суммарная мощность стран участников проекта – 400 тыс. МВт) позволяет получить системный эффект, в наличие следующие благоприятные факторы:

1. Наличие у стран-участниц проекта различий в электропотреблении, которое позволяет существенно «уплотнить» суммарный график нагрузки. Например, годовой максимум электронагрузки в Японии и Южной Корее приходится на лето, а в России и на севере Китая – на зиму.

2. Использование различий в графике нагрузки посредством гибкого межстранового совмещения нагрузки имеет следствием возможность вытеснения из баланса полупиковых тепловых станций (обычно в этом режиме работают наиболее неэкономичные и изношенные объекты генерации).

3. Аналогично возможно уплотнение недельных графиков (несовпадение национальных праздников) и суточных графиков электрической нагрузки (разница в часовых поясах) и т.д.

Западный сегмент электроэнергетической интеграции. Социалистические страны Восточной Европы, под руководством СССР в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), начали создавать свою объединенную энергосистему «Мир» (штаб-квартира Прага, 1962 г.).

За период 1970-х гг. были сооружены ЛЭП-750 кВ и соответствующие подстанции (ПС: «Винница», «Западноукраинская», «Альбертирша» в Венгрии), что позволило закольцевать энергосистемы восточноевропейских государств, параллельно работающих с ЕЭС СССР.

В начале 1990-х гг. с развалом социалистической системы и СЭВ, страны ранее входившие в энергосистему «Мир» (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия и др.), сохранили параллельную работу в рамках нового межгосударственного объединения стран Восточной Европы (CENTRAL).

Позже, опираясь на иностранные кредиты, была проведена реконструкция национальной энергетики, что позволило синхронизировать работу CENTRAL в рамках Западно-Европейской объединенной энергосистемы (UCTE). Таким образом, уже к концу 1990-х гг. границы европейских энергообъединений и их сетевых комплексов вплотную приблизились к государственным границам России, стран СНГ и Балтии, т.е. к оперативным границам функционирования бывшего ЕЭС Советского Союза [1].

Возникли предпосылки для параллельной работы ЕЭС России с Трансьевропейским объединением энергосистем (TESIS), что позволяет прогнозировать усиление межгосударственных связей в направлении: Россия – Украина – Белоруссия – Польша – Западная Европа. На сегодня, нет принципиальных технологических проблем для реализации такого «моста» и замыкания национальных энергосистем в единое кольцо. Другое дело

недостаточная урегулированность политических, экономических и других спорных вопросов между странами (Украина – Россия, Беларусь – Россия, Россия – страны Европейского совета). Объективно, такой интеграционный проект выгоден всем странам, следовательно можно предположить что со временем субъективные факторы отойдут на второй план.

Особое место в западном векторе расширения межстранового кольца занимают страны Балтии, Украина и Беларусь, являющиеся наиболее важными «коридорами» России для интеграции с энергосистемой стран Европейского Союза (ЕС). Здесь крайне важно менять (не на словах, а на деле) стратегические подходы в отношениях между Россией с одной стороны, странами Балтии, Украиной и Беларусь – с другой: это *не буферные государства*, а крайне выгодные энергетические партнеры.

Страны Балтии. Перспективы развития энергетики в Балтийском регионе связываются со строительством атомных электростанций. Литва планирует строительство новой Висагинской АЭС (3400 МВт). Сейчас строительство заморожено на неопределенный срок по причине несогласованности интересов стран Балтии, Польши, слабого интереса частных инвесторов.

Россия в свою очередь начала строительство Балтийской атомной двухблочной электростанции в Калининградской области (БАЭС, 2388 МВт, Неманский район). Ввод в эксплуатацию планировалось по блокам в 2016–2018 гг., а подключение к сети в 2020 г. Станция способна производить 17.2 млрд кВт·ч электроэнергии в год. Избытки объема и мощности планировалось поставлять в Европу [3-4]. В 2013 г. Литва и Польша отказали в доступе электроэнергии БАЭС в европейскую сеть по своей территории. Фактическая блокада станции привело к неясности перспектив поставок и как результат – замораживание строительства БАЭС.

Внешнее энергетическое пространства Калининградской системы, образует европейская сеть (ENTSO-E) [5]. Куда входит Польша, а процесс вхождения Литвы еще не завершен [10]. Электроэнергетические связи стран Балтии с Россией и Беларусь насчитывают 12 выходов (мощностью 3900 МВт). Современные связи стран Балтии с европейской энергосистемой насчитывают 19 выходов (6650 МВт.) [9-10]. Отсюда вывод: интеграция и синхронизация стран Балтии с Европейской энергосистемой и одновременно десинхронизация с ЕЭС России – это оправданное ожидание.

Уже в декабре 2015 г. начались наладочные работы на энергомостах между Литвой и Польшей (LitPol, 500 МВт) и Швецией – Литвой (NordBalt, 700 МВт). Работы выполняются в соответствии с Общеевропейским стабилизационным экономическим планом, предусматривающим диверсификацию источников электроснабжения стран Балтии. Выражаясь простым языком – отказ от покупки электроэнергии у России и подключение к общеевропейской энергосистеме ENTS-E. Переход Литвы из одной системы в европейскую может быть осуществлен в 2017 году. Для России выход Литвы из соглашения и подключение к энергосетям ЕС сейчас

критично и нежелательно, т.к. это грозит энергетической блокадой Калининградской области. Россия, с учетом комплекса рисков приняло решение о создании в Калининградской области изолированной энергосистемы (2014 г.).

Беларусь. Энергосистема Беларуси представляет собой сложный и разнообразный производственный комплекс. Установленная мощность электростанций энергосистемы составляет почти 9 тыс. МВт. Из них 36 тепловых станций различного класса, суммарной мощностью почти 8,8 тыс., 23 гидроэлектростанции – 26 МВт. Длина электрических сетей – 256 тыс. км. [11].

Годовое потребление электроэнергии в Беларусь составляет примерно 37 млрд. кВт. ч. Собственное производство порядка 34 млрд кВт.ч. в год. Дефицит покрывается поставками электроэнергии преимущественно из Украины, а также небольшим объемом из России по ВЛ-750 кВ «ПС Белорусская - Смоленская АЭС» и несколькими ВЛ-330 кВ (табл.).

Удобное местоположение Республики Беларусь – между сетями РАО «ЕЭС России» и UCTE – позволяет рассчитывать на осуществление проектов по транзиту электроэнергии из России в Европу. Существующая инфраструктура межгосударственных электросвязей Беларусь - Польша ограничена (табл.) и ее развитие в среднесрочный период позволит осуществлять в Польшу транспорт электроэнергии в объемах, не превышающих 200 МВт.

В своем подходе к реализации транзитного потенциала Республика Беларусь в своих действиях исходит из положений и принципов Европейской Энергетической Хартии, конечной целью которой является создание общего недискриминационного рынка электроэнергии на евразийском континенте. Организация транзита не является прерогативой одной страны, поэтому Беларусь вместе с другими странами – в первую очередь, со своими соседями (Россия, Литва, Польша, Украина) и другими странами участвует в разработке крупных международных проектов «Восток - Запад в условиях функционирования «Балтийского кольца», «Параллельная работа стран СНГ с ОЭС Европы». Идея создания единого рынка электроэнергии может быть реализована только посредством организации параллельной работы крупных энергетических объединений - UCTE, CENTREL, NORDEL и объединения энергосистем стран СНГ и ОЭС Балтии. Для этого требуется создание мощной и надежной электрической связи с достаточным количеством ЛЭП-400 кВ. Об этом свидетельствует тот факт, что существующие межсистемные электрические связи Беларусь - Россия фактически уже загружены и требуют усиления. Недостаточны мощности иных межгосударственных ЛЭП (табл. 1).

Таблица 1

Межгосударственные линии электропередач Беларусь [14]

Страна	Наименование подстанций	Напряжение (кВ)	Длина (км)*
Белорусская – Смоленская АЭС	750	418	996
Витебск – Талашкино	330	132	787
Кричев – Рославль	330	102	940
Полоцк – Новосокольники	330	160	570
Гомель – Чернигов	330	103	787
Мозырь – Чернобыльская АЭС	330	112	940
Белорусская – Игналинская АЭС	750	343	810
Молодечно – Вильнюс	330	119	787
Гродно – Алитус	330	75	787
Полоцк – Игналинская АЭС	330	159	810
Сморгонь – Игналинская АЭС	330	159	810
Польша	Россия – Белосток	220	99

Из анализа таблицы 1 вытекает что восточный вектор ЛЭП Беларусь – Россия суммирует мощность 1740 МВт, это наиболее мощный жгут страны. Связи с Украиной ограничены мощностью примерно в 700 МВт., страны Балтии – около 1000 МВт, с Польшей связь крайне слабая ЛЭП-220 кВ.

Вывод по таблице важен с той точки зрения, что из-за высокого дефицита собственных топливно-энергетических ресурсов, Беларусь находится в крайне зависимом положении (до 85 % топливных ресурсов импортируется из России). При фактически полном отсутствии собственных разработанных запасов топлива и дефиците электроэнергии Беларусь ориентирует свои внешнеэкономические отношения на интеграцию с ЕЭС России.

Преимущества объединения заключаются в экономических и технологических выгодах, зависящих от степени межгосударственной интеграции энергообъединений. Эти преимущества Республика Беларусь видит: в снижении необходимой установленной мощности электростанций за счет использования разновременности наступления максимальных нагрузок в энергосистемах и за счет взаимопомощи энергосистем при авариях, проведении ремонтов, освоении нового оборудования, резком увеличении потребления электроэнергии; обеспечении наиболее рационального использования топливно-энергетических ресурсов, оперативном маневрировании ими с оптимальным распределением выработки электроэнергии между электростанциями различных районов и соответствующим регулированием транспортных потоков топлива; повышении общего для единой энергосистемы экономического эффекта за счет наиболее выгодной загрузки совместно работающих станций различных типов и увеличения выработки электроэнергии на наиболее совершенном

оборудовании; создании условий для надежного резервирования электроснабжения наиболее ответственных потребителей и крупных районов за счет работы большого числа электростанций на общую сеть, что позволяет избегать значительных нарушений снабжения при непредвиденном выходе из работы агрегатов, электростанций, ЛЭП [14].

В приведенном перечне очевиден системный эффект интеграции. Иная ситуация складывается при игнорировании этих эффектов под влиянием субъективных факторов политического характера.

Украина. На постсоветском энергетическом пространстве Украина занимает второе место (после России) по отраслевому потенциалу: мощность генерации почти 54 тыс. МВт, а объем производства более 170 кВт·ч/год. Страна характеризуется значительными экспортными возможностями для поставки излишков электроэнергии на европейский рынок (в первую очередь за счет АЭС). Тем самым, Россия и Украина, в некотором смысле являются конкурентами, но попытки «давления» более мощной энергетики России не конструктивны. Об этом свидетельствует картометрический анализ сетевого потенциала [6, л. 44]. Украина имеет развитую сетевую инфраструктуру с переходами в страны СНГ (Молдова, Беларусь, Россия) и в Европу [13].

Тенденция, все большей ориентации Украины на Запад имеет сетевое усиление. Юго-западная часть энергосистемы страны полностью отделена от национальной системы и синхронизирована со Словацкой энергетикой («Бурштынский остров»), а словацкая энергосистема синхронизирована с системой Евросоюза. Суммарная пропускная мощность системообразующих ЛЭП по линии Украина – Европа достигает 6 тыс. МВт и представлена: ЛЭП–750 кВ ПС Западноукраинская, Бурштимская ГРЭС – ПС Альбертирша (Венгрия), Южноукраинская АЭС – ПС Исакчу (Румыния транзитом через Молдавию); ЛЭП–330-500 кВ ПС Мукачево – ПС Рошиор (Румыния), ПС Мукачево – ПС Вельке-Калушаны и Шайосегед (Словакия), Южноукраинская АЭС – ПС Добруджа (Румыния) [12].

Предполагается, что строительство новых системообразующих ЛЭП позволит привести энергосистему Украины в соответствие с европейскими требованиями. Это устранил технологический барьер, сдерживающий экспорт электроэнергии в страны Евросоюза. В этом ключе основная цель энергетической программы Украины – сформировать две (южная и северная) транзитные магистрали сверхвысокого напряжения (750 кВ), что позволит увеличить загрузку мощностей АЭС и объем экспорта. Сейчас поставки электроэнергии из Украины в наиболее выгодном – европейском – направлении обеспечиваются только мощностями «Бурштынского энергоострова» (Бурштынская ГРЭС и ЛЭП-400 кВ) [12].

Соответственно, у Украины существует техническая возможность полностью отделиться от ЕЭС России и «замкнуться» с системой Евросоюза. При таком развитии ситуации, Россия потеряет прямой выход в Европу.

Между тем в наличии все пространственные и технологические предпосылки интеграции с Россией. ОЭС «Центр» РФ и национальная энергосистема Украины связаны по ЛЭП: Курская АЭС – ПС

Североукраинская (750 кВ); Нововоронежская АЭС – Угледорская ГРЭС (500 кВ); Курская АЭС – ПС Конотоп (330 кВ); Курская АЭС – ПС Сумы-Северные (330 кВ); ПС Белгород – Змиевская ГРЭС (двухцепная на 330 кВ); ПС Валуйки (Белгородская обл.) – Змиевская ГРЭС (330 кВ). ОЭС «Северный Кавказ» РФ и энергосистема Украины связаны: ЛЭП 800 кВ постоянного тока ПС Донбасская – ПС Волгоград (двухцепная по 400 МВт, ныне работает только на питательную нагрузку 100 кВ); ПС Шахты – Угледорская ГРЭС (500 кВ); Новочеркасская ГРЭС – Зуевская ТЭС (330 кВ) и др. [8].

Национальные энергосистемы России и Украины имеют производственные проблемы по недостатку регулирующих мощностей, что требует технологического взаимодействия стран (концентрация мощных АЭС и ГРЭС). Поэтому интеграция энергетики Украины и России взаимовыгодно, интересы совпадают и по перспективной связи межгосударственного объединения стран Восточной Европы (CENTRAL), синхронизированной для функционирования с Западно-Европейской ОЭС (UCTE). Тогда следующий шаг – это синхронизация ЕЭС России, стран СНГ, Балтии и Евросоюза. Тогда объединенная энергосистема имеет шанс выхода на побережье Атлантики в форме европейского кольца. Интеграционные процессы возможны и в обратном – восточном направлении ЕЭС России.

Литература

1. Атаев З.А. Географические основы локальной энергетики ЦЭР России: Монография / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2008. – 284 с.
2. Атаев З.А. Территориальная организация локальной энергетики ЦЭР России: Дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. / ИГ РАН – М., 2008. – 295 с.
3. Исполинов А.С., Двенадцатова Т.И. Создание единого энергетического рынка в ЕС: тихая революция с громкими последствиями // Балтийский регион, 2013, №2 (16). – 101-119.
4. Кузнецов В.А., Оленченко А.В. Строительство транспортных и энергетических сетей в Балтийском регионе как стимул развития территорий // Балтийский регион, 2013, №4 (18). – С.7-22.
5. Межевич М.Н. Перспективы развития атомной энергетики в восточной части Балтийского моря как фактор формирования международных отношений в регионе // Балтийский регион, 2013, №2 (16). – 30-40.
6. Проблемные регионы ресурсного типа: азиатская часть России / Под общ. ред. В.А. Ламина, В.Ю. Малова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 386 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; Вып. 4).
7. Пюрвеев Д., Казначеев В., Гречко Г. Великое сокращение континетов // Экономическая и философская газета – № 1 (481) – январь 2004 г.
8. Україна, промисловість та інвестиційна діяльність: Атлас. – Київ: Інститут географії України, Державне науково-виробниче підприємство «Картографія», 2003. – 78 л.
9. Атомный проект. Десинхронизация. Электроэнергетика в странах Балтии: в преддверии ключевых решений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://atomicexpert.com>

10. Гнатюк В.И. О стратегии развития регионального электроэнергетического комплекса Калининградской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecoteco.ru/id1061/>

11. История энергетики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.http://operby.com/istoriya-energetiki-belarusi.html](http://www.operby.com/istoriya-energetiki-belarusi.html)

12. ЛЭП-Бизнес №48 от 26.11.2007 г., С.50–52; №39 от 28.09.2009 г., С.16–17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.business.ua

13. Межгосударственные линии электропередачи Украины и возможности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [starkproject.com/electroenergy/electric-power/...](http://starkproject.com/electroenergy/electric-power/)

14. Электроэнергетика республики Беларусь //Эско – электронный журнал энергосервисной компании «Экологические системы» - №3 март – 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www. http://journal.esco.co.ua/2011_3/art115.htm](http://journal.esco.co.ua/2011_3/art115.htm)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КЛАСТЕРОВ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

И. Ю. Барановский

Смоленский государственный университет, Смоленск
e-mail: i.u.baranovskiy@mail.ru

Аннотация. В настоящее время трансграничное сотрудничество Смоленской области с Республикой Беларусь определяется, в первую очередь, уровнем развития торгово-экономических отношений и взаимодействием в сфере совместного промышленного производства. Одной из наиболее эффективных форм организации совместного производства в мировой практике выступает создание трансграничных кластеров. Трансграничное сотрудничество в сфере промышленного производства в Смоленской области может стать важным механизмом совершенствования экономики региона, позволит улучшить качество жизни населения и выступить в качестве реального механизма интеграции на пространстве Союзного государства России и Республики Беларусь.

Ключевые слова: Смоленская область, кластер, интеграция, промышленное производство, трансграничное торгово-экономическое сотрудничество, Союзное государство.

С начала 1990-х годов, вновь ставшие приграничными регионы, такие как Смоленская область, находятся в фокусе внимания со стороны государства и общества, что объясняется уникальностью и значимостью их экономико-географического положения. Появление новой границы на западных рубежах Смоленской области, с одной стороны, замедлило процессы сотрудничества и налаживания социально-экономических связей с соседними областями Республики Беларусь (появление барьерной функции границы), с другой стороны, в отдельных видах торгово-экономических отношений привело к их бурному развитию (функция границы как фактора трансграничного сотрудничества).

Следует признать, что тенденция общего повышения уровня промышленного развития Смоленской области в 1999-2013 годах [2] не может быть признана устойчивой. Вместе с тем, в течение последних двух лет в большинстве отраслей промышленного производства (особенно сильный в машиностроении) происходил спад. Наблюдается рост в общей структуре производства доли электроэнергетики, химической и лесной промышленности, сокращение – машиностроения (особенно транспортного и приборостроения), строительной, лёгкой и пищевой отрасли. Территориальная структура промышленности характеризуется усилением концентрации производства на наиболее крупных, экспортно-ориентированных предприятиях, размещённых преимущественно в крупных городах (Смоленск, Десногорск, Вязьма, Верхнеднепровский, Сафоново), в то время как в периферийных районах северной, западной и юго-восточной части области продолжается значительный спад объёмов промышленного производства.

В изменившихся условиях ведения хозяйства и трансформации общества в период XXI века необходимо выяснить, каким образом приграничные районы изменили свой социально-экономический уклад в результате проявления барьерной и трансграничной функции границы на западных рубежах страны. Следует отметить, что в настоящее время отсутствует четко сформулированная и научно-обоснованная стратегия трансграничного сотрудничества приграничных регионов Союзного государства России и Республики Беларусь в области совместного развития промышленности.

В настоящее время сфера промышленного производства является одним из ведущих направлений экономической деятельности в Смоленской области, она определяет перспективы развития региона, совершенствования его социально-экономического потенциала. Совершенствование промышленного производства в регионе возможно за счёт увеличения доли выпуска инновационной продукции, ориентированной преимущественно на экспорт за пределы области, в том числе в зарубежные государства. Для Смоленской области актуальным является создание трансграничных территорий с особым экономическим режимом, позволяющим снизить издержки на производство экспортоориентированной продукции.

Национальная промышленная политика России является важным механизмом реализации стратегии и программ социально-экономического развития её регионов, в рамках которых получили ускорение процессы кластеризации. В ряде регионов России были приняты отдельные программы развития кластеров или созданы организационные структуры по их развитию. Это связано с тем, что в последние годы в России (в том числе и в Смоленской области) происходит осознание значимости кластерного подхода в решении задач модернизации и технологического развития промышленности и в практическом внедрении поддерживающих инновационную деятельность институциональных структур.

Существенный вклад в развитие интеграции экономики Смоленской области с Р. Беларусь могут внести приграничные районы. Однако на протяжении 1990-х – 2000-х годов для данных районов Смоленщины существенного улучшения социально-экономической ситуации и увеличения объемов промышленного производства и торговли не наблюдалось. Объем промышленного производства семи приграничных районов Смоленской области по состоянию на 2014 год составляет 4,5 млрд. рублей, что соответствует 2,5% от доли промышленного производства области [3]. Слабый уровень развития промышленности выражается как в сокращении физических объемов производства, а, следовательно, и снижении уровня доходов бюджетов приграничных районов, так и в снижении доли этих районов в общем объеме промышленного производства области.

Низкая доля промышленности в приграничных с Республикой Беларусь районах Смоленской области объясняется как первоначально невысоким уровнем промышленной освоенности данных территорий ещё в советский период формирования производственного комплекса, так и ускоренной деградацией данной отрасли хозяйства в этих районах в постсоветский период, особенно на протяжении первой половины 1990-х и особенно 2000-х годов.

Для приграничья характерно отставание по темпам роста промышленности на протяжении 2000-х годов по сравнению с районами области, расположенными вдоль трассы «Москва-Минск». Руднянский район является единственным, имеющим существенные объёмы промышленного производства, в первую очередь за счёт предприятий пищевой промышленности он имеет показатели производства промышленной продукции на душу населения на уровне средних показателей по области. Фактически происходит деиндустриализация хозяйства ряда приграничных районов, трудоспособное население становится всё больше ориентированным на работу в сфере обслуживания, либо на переезд в другие регионы. По большому счету, за исключением Руднянского района, в приграничных муниципальных образованиях практически отсутствует производственная кооперация с соседними областями Республики Беларусь.

Несмотря на отрицательную динамику промышленного производства в приграничной зоне Смоленской области в течение последних 20 лет, у данного региона имеются возможности для экономического роста, которые основываются на следующих макроэкономических и специфических факторах: 1. выгодное коммуникационное размещение; 2. близость основных мегаполисов страны; 3. некоторое повышение инвестиционной активности; 4. наличие природных ресурсов для создания новых производств по глубокой переработке древесины, цемента, иных строительных материалов; 5. наличие предпосылок для создания высокоэффективных производственных цепочек (кластеров).

В ближайшее время для Смоленской области наиболее приоритетными могут являться следующие направления развития промышленности в рамках формирования кластеров: производство пластмассовых изделий;

металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; производство машин и оборудования; производство транспортных средств и оборудования; производство вооружений и военной техники; химическое производство; производство стройматериалов; деревообработка.

В ближайшее время для приграничных районов Смоленской области наиболее приоритетными могут являться следующие направления развития промышленности в рамках формирования трансграничных кластеров: производство пластмассовых изделий; производство готовых металлических изделий; производство машин и оборудования; производство стройматериалов; швейная промышленность, деревообработка, производство молочных и овощных консервов, животноводческой продукции пищевой промышленности.

Политика поддержки создания конкурентоспособных промышленных кластеров на территории Смоленской области должна включать: развитие общей инфраструктуры и коммуникаций внутри кластера, а также содействие в разработку единой маркетинговой политики и стандартов позиционирования на внешних и внутренних рынках.

Следует отметить, что, несмотря на значительное внимание со стороны руководства региона к проблемам формирования кластеров, в настоящее время планы фонда стратегических разработок на формирование промышленных кластеров пока не оправдались. При этом развитие кластеров на территории региона позволит совершенствовать функционирование не только передовых, пропульсивных отраслей промышленности (электротехника, химическая и лесная промышленность), но и ряда отстающих на протяжении 1990-х годов (машиностроение, пищевая и строительная индустрия).

Смоленская область, благодаря своему приграничному положению, близости к крупным транспортным коридорам, высокой энергообеспеченности и другим преимуществам, является перспективной площадкой для создания индустриальных парков. В связи с этим, на 54,9 га в Смоленском районе осуществляется создание индустриального парка «Феникс», где смогут разместиться предприятия легкой и пищевой промышленности, заводы по производству металлопластиковых изделий.

На базе ПАО «Авангард» в Сафоновском районе также формируется Смоленский композитный кластер, который будет специализироваться на выпуске изделий из композитов - искусственно созданных современных материалов, которые состоят из двух или более компонентов. Они находят все более широкое применение в различных отраслях: авиа-, автомобилестроении. Проект кластера включает в себя частный индустриальный парк в г. Сафоново, а также государственный промышленный парк.

Стратегически успешным направлением развития промышленного производства в приграничной зоне может стать формирование трансграничных кластеров предприятий, которые активно участвуют во внешнеторговом сотрудничестве и поставляют свою продукцию на экспорт.

Несмотря на значительное внимание со стороны руководства региона к проблемам формирования кластеров, в настоящее время реальные проекты в приграничье пока осуществлены не были.

Развитие кластеров на территории приграничного региона позволит совершенствовать функционирование не только передовых, пропульсивных отраслей промышленности (химическая и лесная промышленность), но и ряда отстающих на протяжении 1990-х годов (машиностроение, пищевая, легкая и строительная индустрия). На основе анализа и оценки промышленной производственно-технической базы, конкурентоспособности предприятий, рынков сбыта продукции, могут быть выделены следующие потенциальные кластеры в промышленности: приборостроения; производства стройматериалов – существующие и потенциальные производства кирпича, других строительных материалов, ЖБИ, фаянса; пищевой промышленности – на основе переработки продукции мясомолочного животноводства; химической промышленности; лесной промышленности [1].

В связи с удорожанием ресурсов (рабочей силы и земли) в столичном регионе из Москвы будут последовательно выноситься обработка крупногабаритных грузов, транзитные перевозки и другие виды деятельности. В связи с этим возникает необходимость создания мультимодального транспортно-логистического центра в Руднянском районе Смоленской области с возможностью размещения на его территории производственных предприятий по сборке, докомплектации, упаковке и сортировке товаров. Открытие центра позволит оптимизировать территориальное развитие объектов транспортно-логистического обслуживания международных и межрегиональных грузоперевозок в регионе и интегрировать Смоленскую область в единую транспортно-логистическую систему Российской Федерации.

Размещение трансграничных промышленных кластеров позволит активизировать внешнеторговое сотрудничество региона и стабилизировать социально-экономическую ситуацию, и направлены на развитие в первую очередь инновационной сферы. Важной особенностью формирования инновационных промышленных кластеров должна стать устойчивая связь на технологическом, экономическом уровне с предприятиями аналогичных отраслей, компактно расположенных по отношению к данным кластерам. В перспективе возможно создание кластеров, выходящих за пределы одного района, а также формирование трансграничных кластеров в строительной, пищевой, лёгкой промышленности и отрасли машиностроения в приграничных районах с Республикой Беларусь.

В настоящее время в пределах территории Смоленской области не сформировано пока ни одного современного трансграничного промышленного кластера по классической инновационной модели. Первостепенной задачей, решение которой обеспечит создание и эффективное функционирование приграничных производственных комплексов предприятий машиностроения и пищевой промышленности, должно стать развитие производственной инфраструктуры.

Для предприятий пищевой промышленности, которые могут быть размещены в малых городах и сельских поселениях приграничья, необходимо развитие дорожной сети. Развитию территории области может способствовать и создание транспортно-логистических терминалов в приграничной зоне с Белоруссией. Необходимо формирование и развитие точек экономического роста с последующей организацией на их основе площадок для промышленного освоения; оказание государственной поддержки инвесторам, реализующим инвестиционные проекты на приграничной территории Смоленской области; активизация презентационной и выставочно-ярмарочной деятельности [4].

Использование механизмов приграничного сотрудничества в области совместного промышленного производства и торговли может стать фактором экономического роста Смоленской области, увеличения валового регионального продукта на душу населения, сглаживания социальных и экономических диспропорций, а также может практически закрепить интеграционные инициативы стран России и Республики Беларусь.

В ближайшее время трансграничное межрегиональное сотрудничество на приграничных территориях в значительной степени будет определяться уровнем политической поддержки, как со стороны федеральных властей, так и отдельных руководителей на уровне субъекта, и особенно в рамках сотрудничества властей на местном, районном (муниципальном) уровне. Необходимо создание эффективной и в тоже время работоспособной нормативно-правовой базы трансграничного уровня, заключение совместных договоров между областями и отдельными приграничными районами [1].

Для совершенствования российско-белорусских отношений в производственной сфере нами могут быть предложены следующие мероприятия:

1. Проработать возможность взаимодействия Смоленской, Витебской и Могилевской области в рамках специальной целевой программы, направленной на развитие производственного комплекса в приграничных районах. Данная программа может предполагать льготный режим (налоговый, финансовый (льготное кредитование), административный) для совместных предприятий промышленности, работающих в приоритетных для приграничных районов отраслях. Перспективным направлением может стать осуществление на базе целевой программы перехода к созданию первой российско-белорусской трансграничной особой экономической зоны.

2. В рамках трансграничной особой экономической зоны сформировать совместные российско-белорусские производственные кластеры, функционирующие на платформе индустриальных парков в пределах приграничных районов. Основными направлениями развития производства, реализуемыми в пределах трансграничных кластеров, могут стать отрасли пищевой промышленности (молочная и мясная), деревообработка и производство мебели, химическое производство (в том числе и современные направления: биотехнология, фармацевтика), сельскохозяйственное машиностроение, приборостроение и производство изделий из льна.

3. Содействовать развитию совместной инфраструктуры производства приграничных районов, которая включает модернизацию транспортной инфраструктуры, развитие сети придорожного сервиса, совершенствование системы размещения и функционирования логистических комплексов в приграничной зоне.

4. Рассмотреть возможность создания в приграничных регионах белорусско-российских учреждений подготовки кадров (в первую очередь, специалистов в области технической сферы) для работы на совместных предприятиях в инновационных отраслях производства.

Литература

1. Катровский А.П. Смоленское приграничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию // Региональные исследования. 2010. №4. С. 70-75.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. Стат. сб. М.: Росстат, 2014. 654 с.

3. Социально-экономические показатели развития городов и районов Смоленской области: 2013. Стат. сб. / Смоленскстат. С., 2014. 164 с.

4. Часовский В. И. Структурная трансформация промышленности стран СНГ (территориально-отраслевой аспект): монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. 316 с.

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЕ СООБЩЕСТВО БЕЛЬГИИ: СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Д.С. Елманова

Московский государственный университет, Москва
e-mail: elmanova@gmail.com

Аннотация. Немецкоязычное сообщество — небольшой по площади и населению субъект бельгийской федерации, расположенный на границе с Германией, Нидерландами и Люксембургом. Данный регион на протяжении XX в. неоднократно переходил от одной стране к другой. Его истории, особенностям функционирования в рамках федерации, социально-экономическому развитию, а также особенностям современного трансграничного сотрудничества посвящена данная статья.

Ключевые слова: Немецкоязычное сообщество Бельгии, Бельгия, Эйпен, федерация, федерализм, трансграничное сотрудничество, приграничный регион, еврорегион, туризм.

Немецкоязычное сообщество Бельгии, жителей которого часто называют в прессе самым защищённым меньшинством в Европе [7], является одной из федеральных единиц Бельгии. С лёгкой руки его премьер-министра Карла-Хайнца Ламбертца (1999–2014 гг.) немецкоязычное сообщество Бельгии также характеризуют как самый маленький субъект федерации в

рамках Европейского Союза [10]. Немецкоязычное сообщество находится на стыке одновременно нескольких границ, что определяет характер его социально-экономического развития. Во-первых, это стык двух физикогеографических регионов: средней и высокой Бельгии. Если северная часть территории сообщества характеризуется менее возвышенным и расчленённым рельефом, но в южной — находится возвышенность Высокий Фенн, занимающая промежуточное положение между горными системами Арденн и Айфеля. Во-вторых, это административные границы: 143 из 150 км бельгийско-немецкой границы приходится именно на немецкоязычное сообщество, а также его территория соприкасается с Нидерландами и с Люксембургом (на протяжении 18 км). И, в-третьих — это культурно-языковая граница между германским и романским миром, что, пожалуй, является наиболее определяющим для данной территории.

Несмотря на то, что эта территория является крайне любопытной для изучения с разнообразных точек зрения, исследованию Немецкоязычного сообщества Бельгии посвящено мало научных трудов. В русскоязычных источниках [1, 4] о нём вспоминают лишь при рассмотрении общих вопросов бельгийского федерализма, причём в большей степени учёных волнуют проблемы взаимоотношения северной и южной частей страны. Аналогичная ситуация складывается и в англоязычных работах [9]. Исследования бельгийских и франкоязычных авторов тоже крайне редко основываются на материалах о данной территории. Наиболее полными и интересными являются работы Социально-политического центра исследований и информации [14]. В связи с явно недостаточной изученностью данного региона, особенно в русскоязычной литературе, целью данного исследования является комплексный социально-экономический анализ территории. Немецкоязычное сообщество Бельгии выбрано в качестве объекта исследования, тогда как предметом являются географические особенности функционирования сообщества как приграничного региона. В статье сначала рассмотрена история создания сообщества, поскольку эта территория неоднократно переходила из рук в руки и именно в истории кроются многие современные особенности её развития. Затем рассмотрен процесс постепенного превращения Бельгии в федеративное государство и роль сообщества в этом процессе, а также особенности функционирования региона в рамках сложившейся федерации. Далее проанализировано современное состояние Немецкоязычного сообщества, особенности его экономического развития. Завершает статью описание трансграничного региона Маас — Рейн, в который входит сообщество, а также разобраны два примера взаимодействия в области туризма, которые смогли развиваться благодаря именно трансграничному межстрановому сотрудничеству. Рассмотрим сначала историю развития данной территории.

Немецкоязычное сообщество Бельгии является частью так называемых Восточных Кантонов — территории, которая в течение XX в. неоднократно меняла свою государственную принадлежность. Территория с XV в. находилась под властью герцогства Бургундского, а позднее эти земли

переходят под власть испанских Габсбургов. В XVIII в. территория современного немецкоязычного сообщества перешла под контроль Австрийской империи. Наполеоновские войны привели к изменению государственной принадлежности этой территории. По решению Венского конгресса 1815 г. территория современного немецкоязычного сообщества и региона Мальмеди (в настоящее время входит во Франкоязычное сообщество) были переданы Пруссии, которая впоследствии, в конце XIX в. стала частью Германской империи [14].

В августе 1914 г. немецкие войска, нарушив договор о нейтралитете Бельгии, заняли почти всю территорию страны. Оккупация длилась около четырёх лет. По Версальскому мирному договору 1919 г. Бельгия получила, в качестве компенсации, от Германии Восточные Кантоны. Новые земли пробыли в составе Бельгии всего 20 лет: в 1940 г. территория Бельгии была оккупирована Германией. После того, как в 1940 г. Гитлер присоединил Восточные Кантон (Эйпен-Мальмеди) к Германии, большинство местных жителей приветствовали данное решение, так как считали себя немцами. В 1944–1945 гг. Восточные Кантоны были освобождены англо-американскими войсками, и после войны передали управление Бельгии [14].

После войны в Бельгии началась политика «очищения»: почти каждый второй из жителей Восточных Кантонов был под следствием, один из шести взрослых был задержан или заключён в тюрьму. Власти Бельгии по примеру Франции в Эльзасе и Лотарингии в течение почти двух десятилетий пытались проводить агрессивную ассимиляционную политику, политику дегерманизации. Официальным языком стал французский. Немецкая администрация, учителя, госслужащие заменены франкоязычными гражданами [14].

Однако в связи с постепенной федерализацией страны немецкий язык приобрёл не только официальный статус языка регионального, но и стал одним из государственных языков всего королевства. Устройство современной бельгийской федерации отличается определённой сложностью: страна одновременно делится на регионы и языковые сообщества, в ведении каждого из которых находятся свои группы компетенций. С одной стороны, Бельгия разделена на три региона: Фландрию, Валлонию и Брюссельский столичный регион [4, 12]. В их зону ответственности входит три группы полномочий: рациональное использование природной среды (землепользование, городское планирование, дороги, охрана окружающей среды), социально-экономические вопросы (поддержка бизнеса, энергетика, транспорт, биржа труда), а также организация местных органов власти. Параллельно с регионами Бельгия делится на три языковых сообщества: Фламандское или Нидерландскоязычное (к нему в территориальном отношении относятся Фландрия и Брюссельский столичный регион), Французское или Франкоязычное (Валлония и Брюссельский столичный регион) и Немецкоязычное (часть валлонской провинции Льеж). Все три языка в стране являются официальными. В компетенции языковых сообществ — вопросы культуры (изобразительное искусство, библиотеки,

защита языка, радио и телевидение, поддержка прессы) и образование и личные вопросы (оказание медико-санитарной помощи, медицинское образование, социальная помощь) [4, 12]. Такая сложная система в стране складывалась постепенно. Рассмотрим ход формирования системы на примере Немецкоязычного сообщества.

В 1962–1963 гг. в Бельгии принято новое законодательство об использовании языков в административных вопросах. Было произведено разделение Бельгии на три территории по языковому принципу: Фламандское, Французское и Немецкоязычное. При этом не вся территория Восточных Кантонов вошла в немецкоязычное сообщество: район города Мальмеди вошёл в состав Французского сообщества. Была утверждена программа внедрения немецкого языка в образовательный и управленческий процессы. В процессе государственной реформы 1968–1971 гг. были созданы представительные органы языковых сообществ. В 1973 г. в Немецкоязычном сообществе (тогда оно называлось «немецкое культурное сообщество») наряду с «французским культурным сообществом» и «нидерландским культурным сообществом») был создан Совет (Rat der deutschen Kulturgemeinschaft, RdK) — это «прародитель» современного парламента немецкоязычного сообщества [14].

Вторым крупным событием является государственная реформа 1980–1983 гг. Новая конституционная статья предусматривает, что Сообщество имеет право заниматься культурными и гражданскими вопросами, а так же решать некоторые другие задачи (при согласовании с Валлонией). Как фламандцы и валлоны, немцы стали иметь собственную автономию. Новые местные органы были образована в 1984 г., а с начала 1990-х гг. она была приравнена почти во всех правах к фламандской и валлонской автономиям.

Согласно конституции Бельгии (статье 139) у немецкоязычного сообщества существуют также дополнительные полномочия, которые были ей переданы со стороны Валлонии [12]. Перераспределение компетенций было реализовано в три этапа. В 1995 г. — немецкоязычному сообществу было отдано управление культурным наследием: памятниками и историческими местами. В 2001 г. — руководство археологическими раскопками и занятостью в этом секторе. В 2005 г. — надзор за коммунами и полицейскими зонами сообщества (с 2009 г. также над межкоммунальными организациями), финансирование общин (фонды коммун и субсидируемые работы), управление церковными советами, вопросами похорон и захоронений. Тем не менее, в отличие от французского и фламандского сообществ, немецкоязычное — не несёт ответственности за использование языков в административных вопросах (в данном случае оно остаётся в ведении федеральной власти).

Ещё одной бельгийской особенностью, аналогов которой в мире не существует, напрямую касающейся и немецкоязычного сообщества, является так называемый льготный языковой режим для отдельных коммун. Его суть заключается в том, что, несмотря на то, что официальным признан только один язык, употребление второго разрешено при обращении в

административные учреждения и при выборе детского сада и начальной школы для детей. Всего таких коммун на территории Бельгии 25. При этом все коммуны Немецкоязычного языкового сообщества имеют льготный языковой режим для франкоговорящих жителей. Последний лингвистический закон, определивший роль немецкого и французского языка в языковом сообществе был принят 19 апреля 2004 г. и касается употребления языков на различных ступенях образования [2, 5].

Перейдём к рассмотрению современного функционирования Немецкоязычного сообщества. Оно занимает всего 2,8 % территории Бельгии (853,64 км²), и имеет ещё меньшую долю по населению — всего 0,7 % (77,5 тыс. на начало 2016 г.). В административном отношении сообщество подразделяется на кантоны Эйпен (в его составе коммуны Эйпен, Кельмис, Лонтцен и Рарен) и Сен-Вит (Амель, Бюллинген, Бург-Ройланд, Бютгенбах и Сен-Вит) (рис. 1) [6].

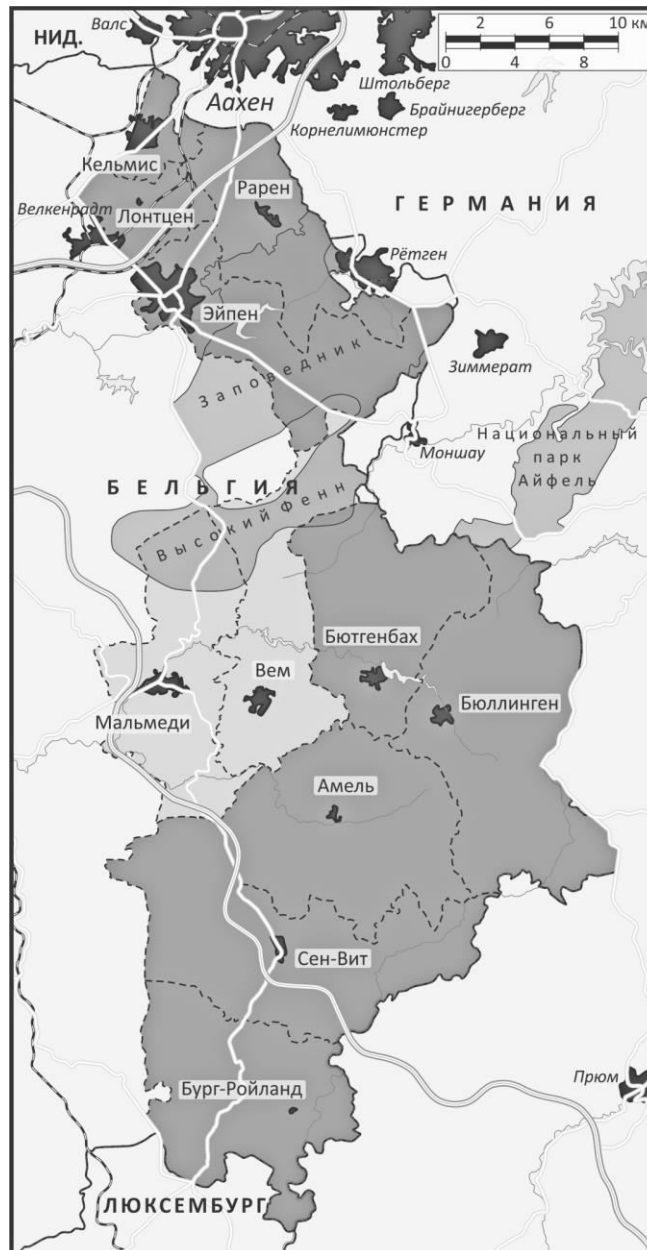

Рис. 1. Немецкоязычное сообщество Бельгии

Выгодность как физико-географического, так и экономико-географического положения немецкоязычного сообщества определяется его приграничным положением. Благодаря тому, что долгое время его территория принадлежала Германии именно через него проходил один из основных путей, связывавших Рейн-Рурскую агломерацию с Люксембургом и северной Францией, что обозначило меридиональную ось развития данной местности, сохранившуюся и в настоящее время. Нахождение же в составе современной Бельгии определило широтные связи, как с основной территорией страны, так и в более глобальном масштабе между Францией и Германией.

На мезоуровне, особенно для северной части немецкоязычного сообщества, является принципиальным нахождение в зоне влияния не только бельгийского Льежа, но и немецкого Аахена и нидерландского Маастрихта.

Ближайший же город-«миллионник» — не Брюссель, а Кёльн. В основном такая ситуация связана с общими закономерностями системы расселения этого региона, ориентированной на северо-восток в сторону Рейн-Рура.

Северная часть немецкоязычного сообщества расположена на периферии агломерации, образованной бельгийскими городами Льежем и Хасселтом, нидерландским Маастрихтом и немецким Аахеном (иногда в литературе встречается аббревиатура АЛМА, по первым буквам городов), что даёт ей определённые преимущества [3]. С одной стороны, жители сообщества могут работать и пользоваться услугами, предоставляемыми в крупных городах. С другой стороны — вести более размеренный образ жизни в небольших городах, расположенных в более экологически чистой зоне, питаться местными продуктами и т. д. Благодаря сочетанию этих факторов немецкоязычное сообщество становится привлекательным и для жителей крупных городов, которые с большой охотой перебираются сюда жить.

В экономике немецкоязычного сообщества доминируют малые и средние предприятия: 81 % всех компаний имеют менее десяти сотрудников. Почти три четверти всех занятых работают в компаниях с менее чем 100 рабочими. Тем не менее, значительная доля занятых приходится на трудоёмкие отрасли производственного сектора (22 %), а на торговлю (включая обслуживание транспортных средств) — только 14 %, в медицинских и социальных услугах занято 13 %. В структуре занятости растёт доля сферы услуг, в том числе транспортных и логистических. Север и юг немецкоязычного сообщества обладают различиями в экономике. Если север в большей степени характеризуется промышленными предприятиями и развитой транспортной инфраструктурой, то юг — лесным хозяйством, деревообрабатывающей промышленностью и животноводством. Различаются даже виды туризма: для севера характерен культурно-исторический туризм, а для юга — спортивный и природный [14].

Программы трансграничного сотрудничества в Немецкоязычном сообществе развивается в основном в рамках еврорегиона Маас — Рейн. Он был создан в 1976 г. и является одним из первых примеров трансграничного сотрудничества во всей Европе. Его целью является выявление и повышение осведомлённости общественности о схожести интересов различных территорий, входящих в регион, в сфере управления, экономики, культуры, образования, инфраструктурных проектов. Головные органы еврорегиона расположены в бельгийском городе Эйпен — столице Немецкоязычного сообщества. Еврорегион Маас — Рейн включает в себя провинцию Льеж (Бельгия), немецкоязычное сообщество (Бельгия), провинцию Лимбург (Бельгия), южную часть провинции Лимбург (Нидерланды), немецкие районы Аахен, Дюрен, Ойскирхен, Хайнсберг и город Аахен [3].

Если в 1970-е и 1980-е гг. трансграничное сотрудничество в рамках созданных еврорегионов носило скорее экспериментальный характер, то начиная с 1990-х гг. начинается настоящий бум развития данных территорий. В основном это было связано с развитием институтов Европейского Союза и

активизацией его региональной политики, направленной на выравнивание социально-экономических различий внутри стран, входящих в данную организацию. Одним из основных инструментов с тех пор остаются программы «Interreg». В настоящее время действует уже пятая по счёту программа, рассчитанная на период 2014–2020 гг. Её воплощением стал проект «EMR2020», являющийся, по сути, стратегией развития еврорегиона Маас — Рейн. Он предусматривает девять приоритетных направлений сотрудничества в рамках еврорегиона, включая пять ключевых тем: экономика и инновации, рынок труда, образование, культура и туризм, здравоохранение, безопасность, — и четыре сквозные темы: мобильность и инфраструктура, устойчивое развитие, пространственная «грамотность», защита общих интересов и региональный маркетинг [3].

Рассмотрим подробнее два примера трансграничного сотрудничества Немецкоязычного сообщества, оба в сфере туризма, являющейся одной из приоритетных в программе развития еврорегиона.

Природный парк (Naturpark) Высокий Фенн — Айфель располагается на границе Германии и Бельгии. Его общая площадь составляет 2,7 тыс. км², из которых на бельгийскую часть приходится 700 км² [13].

История данной ООПТ началась в 1960 г., когда в районе германского города Аахен был создан природный парк Северный Айфель (Nordeifel). Годом позже на территории Восточных кантонов Бельгии было создано некоммерческое общество «Высокий Фенн — Айфель». В 1971 г. правительства Бельгии и федеральных земель Северный Рейн-Вестфалия и Рейнланд-Пфальц подписали соглашение о совместном развитии природного парка. В 2004 г. часть природного парка на территории Германии, ранее занятая военным полигоном Фогельсанг, получила статус национального парка Айфель. Природный парк включает ландшафты разных типов: северо-западная часть региона в районе г. Эйпен представлена холмистой равниной Феннфорланд, где ведётся сельскохозяйственная деятельность. Между Эйпеном и Мальмеди расположена заболоченная местность Высокий Фенн, а восточная часть парка занята горным массивом Айфель. Данная ООПТ предназначена для защиты не только природных, но и антропогенных объектов. Например, в 1988 г. был создан пешеходный маршрут вдоль остатков римского акведука, снабжавшего водой Кёльн. С 2013 г. реализуется проект по благоустройству заброшенных фруктовых садов. Также осуществляется благоустройство живых изгородей [13].

В природном парке реализуется ряд проектов, финансируемых по линии региональных, федеральных и общеевропейских программ. Существенную поддержку парку осуществляют коммерческие организации и волонтеры. Правительство земли Северный Рейн-Вестфалия в 2004 г. выделило средства на обеспечение доступа в парк лиц с ограниченными возможностями, а с 2005 г. оно финансирует оборудование смотровых площадок. Кроме того, средства поступают в рамках европейской программы поддержки трансграничного сотрудничества «Интеррег» [13].

Ещё один пример — это преобразование уже недействующей железной дороги Vennbahn в сеть прогулочных маршрутов. В 1880-х гг. на территории современных Восточных кантонов Бельгии, в то время входивших в состав Германской империи, была проложена железная дорога — Фенбанн. Она была предназначена для вывоза угля и железной руды. Её протяжённость составляла 130 км, она пересекала весь регион от Люксембурга до Аахена, где располагался металлургический завод. Строительство железной дороги привело к развитию экономики в ряде населённых пунктов: например, в Сен-Вите на железнодорожной станции работало более 1 тыс. чел. [15].

После поражения Германии в Первой Мировой войне Бельгии были переданы не только Восточные кантоны, но и железнодорожная инфраструктура Фенбанна вместе с земельными участками под ней. Аргументом для такого решения послужила важность железной дороги для предприятий Эйпена, Мальмеди и Сен-Вита. Поскольку железная дорога на некоторых участках оказалась восточнее новой границы, это привело к формированию германских анклавов на территории Бельгии. Грузооборот на железной дороге начал снижаться ещё во время Великой Депрессии, и с 1930-х гг. на отдельных участках стало прекращаться грузовое сообщение. Регулярная перевозка грузов по Фенбанну прекратилась в 1989 г. До 2001 г. по дороге осуществлялось движение туристических поездов, в том числе на паровозной тяге, но плохое состояние полотна вынудило прекратить и пассажирское сообщение. С 2007 г. осуществляется демонтаж инфраструктуры на отдельных участках. Теперь на остатках Фенбанна, как максимум, можно увидеть лишь дрезины [15].

В то же время при поддержке еврорегиона Маас — Рейн и программы «Интеррег» вдоль Фенбанна (на насыпи или параллельно ей) был проложен велосипедный маршрут. Разные участки маршрута были открыты в 2008–2013 гг. Велодорожка входит в валлонскую сеть веломаршрутов RAVeL [15].

Итак, Немецкоязычное сообщество представляет собой особенный с многих точек зрения регион на стыке физико-географических и языковых областей, обладающий уникальной в своём роде автономией. Регион активно вовлечён в трансграничное взаимодействие, но оставаясь «в тени» больших городов, он одновременно пользуется благами цивилизации и неспешным образом жизни.

Литература

1. Герасимова О. Е. Проблема сосуществования различных этносов в рамках одного государственного образования (на примере Бельгии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2006. — Т. 4. — № 22. — С. 32–37.
2. Елманова Д. С. Последствия становления лингвистической границы в административно-территориальном делении Бельгии // Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития: Материалы научно-практической конференции с международным участием, посвящённой К.И. Арсеньеву. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 243–250.

3. Елманова Д. С. Трансграничное сотрудничество в сфере высшего образования на примере еврорегиона Маас — Рейн // Российско-Белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития. — Смоленск: Универсум, 2016. — С. 81–89.
4. Елманова Д. С. Фламандско-валлонские взаимоотношения: конфликт или стимул развития Бельгии? // Региональные исследования. — 2010. — № 4. — С. 76–82.
5. Décret relatif à la transmission des connaissances linguistiques et à l'emploi des langues dans l'enseignement. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etaamb.be/fr/decret-du-19-avril-2004_n2004033080.html (дата обращения 30.03.2017)
6. Direction générale Statistique et Information économique [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.statbel.fgov.be> (дата обращения 10.03.2017).
7. European Region info (January 2010). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tery.org/pdf/news2009.pdf> (дата обращения 15.07.2016).
8. Euregio Meuse-Rhin. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.euregio-mr.com/fr> (дата обращения 31.08.2016).
9. Heisler M. O. Managing Ethnic Conflict in Belgium // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. — Vol. 433, Issue 1. — P. 32–46
10. Institutions — Le statut de «Région européenne de l'année» / Le Soir. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archives.lesoir.be/institutions-le-statut-de-region-europeenne-de-l-annee-_t-20040518-ZOPDAL.html (дата обращения 15.07.2016).
11. La communauté Germanophone et son parlement / Parlament der Deutschsprachigen Gemeinschaft. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pdg.be/PortalData/34/Resources/dokumente/broschueren/Broschuere_DG_FR_November_2014.pdf (дата обращения 16.07.2016).
12. La constitution belge / Le Sénat de Belgique. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.senate.be/doc/const_fr.html#mod_term (дата обращения 16.07.2016).
13. Le Parc naturel Hautes Fagnes — Eifel. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bostrange.be> (дата обращения 31.03.2017).
14. Sägesser C., Germani D. La Communauté germanophone : histoire, institutions, économie // Courrier hebdomadaire du CRISP. — 2008. — № 1 (1986). — P. 7–50.
15. Vennbahn [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vennbahn.eu/> (дата обращения 30.03.2017)

МОЛОДЕЖНЫЙ ВЕКТОР СОТРУДНИЧЕСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ Г. КУРСКА

В.В. Галич, В.М. Кузьмина

Юго-Западный государственный университет, Курск
e-mail: Kuzmina-violetta@yandex.ru

Аннотация. В статье подчеркиваются социальные функции молодёжных объединений, которые берут на себя защиту прав и интересов своих членов, заботятся о создании условий для поддержки социальных инициатив. Многие молодёжные организации в уставных документах предлагают использовать возможности объединений как института социализации своих членов.

Ключевые слова: сотрудничество, молодежь, общественные организации

Современный Курск связывают отношения дружбы и экономического партнёрства с 27 городами России, такими как, Украины, Белоруссии, Сербии, Польши, Германии, Черногории, Великобритании, а также различными союзами и ассоциациями[1]. На основании соглашений о дружбе и сотрудничестве, администрация города Курска проводит успешную работу по укреплению и развитию партнерских связей. Каждый год проводятся встречи, форумы а также конференции с целью продвижения и обмена делегациями для принятия участия в культурных и спортивных праздниках.

Направления деятельности с европейскими молодежными организациями ярко представлены на примере сотрудничества с представителями города Дембно (Польша). Начало сотрудничества с польскими друзьями было положено 11 лет назад, когда КРДМОО «Детский центр мира» познакомились со Станиславом Линкевичем, членом делегации из города партнерских связей Дембно, который побывал в гимназии №44. Через несколько месяцев КРДМОО «Детский центр мира» получили приглашение от администрации города Дембно посетить с дружеским визитом этот прекрасный польский город.

Курское областное отделение Российского Фонда мира было создано в сентябре 1961 года. В настоящее время отделения Фонда мира активно работают в 57-ми регионах Российской Федерации. Фонд мира является партнером государства в продвижении международного диалога, укреплении стабильности и безопасности на планете: Фонд зарегистрирован при ООН, имеет статус участника в Совете Европы.

С 1992 г. в целях приобщения детей и молодёжи к работе Фонда мира в Курской области активно работает единственная в своём роде детская миротворческая и благотворительная организация «Детский Центр Мира». В 2009 году при Курском областном отделении создан Совет национальностей как новая форма межэтнического общения и сотрудничества.

Вклад курских миротворцев не остался незамеченным на региональном и федеральном уровнях: миротворческие и благотворительные программы «Мир дому твоему» и «Друзья рядом» были отмечены Президентским Грантом. Неоднократно Комитет по делам молодежи и туризму Курской области присуждал гранты и сертификаты Детскому Центру Мира за уникальные проекты для детей и молодёжи.

При КОО РФМ был создан Совет национальностей как новая форма межэтнического общения, сотрудничества и народной дипломатии. Работа Совета является важной, поскольку на территории Курской области проживают представители 115 национальностей и обучаются студенты из более 40 стран мира[2].

Фонд мира заслужил огромный авторитет и признание в России и в нашем родном Курской области, внося большой вклад в становление гражданского общества, реализацию инициатив, направленных на

укрепление мира, дружбы, согласия, доверия и взаимопонимания между народами, развитие милосердия и гуманизма. Фонд мира реализует общероссийские миротворческие и благотворительные программы: «Память народная», «Дети России», «Забота», «Мир и культура», «Мир и молодёжь». В Курске помимо выше названных общероссийских программ действуют проекты «Дети разных народов», «Друзья рядом», «Дорогие мои земляки».

IV Миротворческий форум «Мы разные, мы вместе» в 2016 году проводился на базе КГУ. Организаторами форума выступили Администрация Курской области и Курское региональное отделение Международного общественного фонда Российский фонд мира при участии Совета ректоров вузов Курской области. В работе форума приняло участие более 300 человек, была организована работа площадок по различным направлениям образовательных программ. Представители школ г. Курска №№ 27, 32, 44, 19 рассказали о дружеских связях с городами партнерских связей: Дембно (Польша), Виттен (Германия), Чичестер (Великобритания), Гюмри (Армения). В этом году студенты университета представили на федеральных форумах ряд проектов, связанных с социокультурной адаптацией иностранных граждан в России, и получили поддержку на их реализацию, выиграв несколько грандов. Проекты также способствуют укреплению положительного имиджа России среди молодежи других стран.

Иностранные студенты также не остались в долгу перед гостями КГУ. Для них ребята приготовили национальные блюда и колоритные творческие номера.

Реализация программ, акций и конкурсов фонда мира и Детского Центра Мира - это благоприятные условия для воспитания патриотов России с развитым чувством гражданской ответственности, гордости и национального достоинства, уважения к человеку как личности и готовности к выполнению конституционных прав и обязанностей по отношению к другим народам и конфессиям; освоения новых форм и направлений культурного обмена, укрепления международных, дружеских и партнёрских связей не только ветеранских, но и молодежных и детских организаций ближнего и дальнего зарубежья, обмен опытом в сохранении ценностей международного культурно-исторического наследия, памяти Победы в Великой Отечественной войне, воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма[3].

Все больше усиливаются социальные функции молодежных объединений. Они берут на себя защиту прав и интересов своих членов, заботятся о создании условий для поддержки социальных инициатив. Многие молодежные организации в уставных документах предлагают использовать возможности объединений как института социализации своих членов. Важно подчеркнуть также, что большинство этих организаций реализуют программы по созданию социальных молодежных служб, бирж труда, развитию молодежного предпринимательства, спорта, выявлению и поддержке молодых талантов, летнему отдыху, решению жилищных проблем и т.д.

Литература

1. Кузьмина В.М. Анализ международных ситуаций.-Курск: ЮЗГУ, 2016.
2. Кузьмина В.М., Подболотова М.Г. Ценностные ориентации молодежи как основа для межнационального согласия в современном обществе //Народы Северного Кавказа: история и современность Материалы всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2012. С. 119-122.
3. Кузьмина В.М., Литвиненко А.О. Россия-Украина: национальные особенности деловых переговоров // Прикладная лингвистика сегодня и завтра: актуальные проблемы: Материалы V Межвузовского студенческого форума по прикладной лингвистике. Ответственный редактор Е.И. Абрамов. М., 2014. С. 99-101.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА г.КУРСКА С ГОРОДАМИ ГЕРМАНИИ

М.А. Котельникова, В.М. Кузьмина

Юго-Западный государственный университет, Курск
e-mail:Kuzmina-violetta@yandex.ru

Аннотация. В августе 2016 года Юго-Западный государственный университет принял делегацию, состоящую из 11 учеников и 2 преподавателей Георгианской гимназии из округа Хильдбургхаузен. Школьники посетили различные музеи, лицей №6, а так же множество исторических мест Курска и Курской области.

Ключевые слова: сотрудничество, образование, молодежь

Специфика молодежного культурного обмена округа и Курской области предполагает культурное образование молодежи за пределами образовательных учреждений, предполагает содержательное проведение досуга молодых граждан из России в Германии и граждан ФРГ в России. Различного рода увлечения имеют возрастные, социально-культурные и региональные особенности. Культурное образование способствует дифференцированному подходу к искусству и культуре, поощряет собственную изобразительно-эстетическую деятельность в области музыки, танца, ритмики, игры, театра, литературы, изобразительного искусства, архитектуры, кино, фотографии, видеоискусства, средств массовой информации и компьютеров[2]. Кроме того, оно развивает фантазию и креативность, умение формировать мнение, способность критики и толерантность по отношению к собственным и чужим культурным проявлениям в их социальных связях, предоставляет содержательные возможности проведения досуга и активного осмысления собственной ситуации. Таким образом, основной целью развития международного сотрудничества с Россией и в частности с Курской областью является развитие идей и практики международных молодежных обменов, вовлечение молодежи в международные отношения, содействие социальной и

культурной интеграции молодого поколения в современное глобализующееся общество, а также пропаганда русского языка и культуры в округе – партнерах и, соответственно, распространение и пропаганда в России немецкого языка и культурных достижений и традиций германского народа[4].

Интеграция молодых мигрантов стала одной из неотложных задач молодежной политики реабилитационного центра. Значимость данного направления работы обусловлена прежде всего влиянием демографических факторов: каждый четвертый новорожденный в Германии имеет родителей-иностранцев и как следствие — одна треть всех детей ФРГ происходит сегодня из семей с так называемым миграционным фоном[1]. Наиболее значительные группы мигрантов — из Турции, бывших югославских республик, Италии и Греции. Кроме того, в Германии, в частности в округе появилось и значительное количество возвращенцев из Восточной Европы, особенно из бывшего СССР (прежде всего Казахстана и России), обладающих правом на получение немецкого гражданства. Вместе с тем многие из них, в том числе дети, подростки и молодежь, очень слабо знают немецкий язык, что значительно затрудняет получение ими полноценного образования, профессиональной подготовки и последующего трудоустройства. Поэтому основные усилия направляются на стимулирование и поддержку изучения мигрантами государственного языка. Языковые курсы для них создаются даже в детских садах. Кроме того, всем совершеннолетним мигрантам при прибытии в округ предлагается посещать курсы по интеграции, на которых их учат не только немецкому языку, но и рассказывают о традициях и культуре Германии, особенностях быта, поведения и психологии коренных жителей[5].

Администрация Реабилитационного центра «Тюрингский лес» в Курской области имеет связи и проекты не только с ЮЗГУ, но и с РГСУ, а также с политехническим колледжем. Такие тесные связи администрации округа Хильдбургхаузен с Курской областью обусловлены долголетней историей сотрудничества, а также многолетним личным знакомством руководителей молодежного обмена (например, Томаса Мюллера, Сабины Гро, Клауса Шписа с Мариной Николаевной Игнатовой и Бетге Детлефом). Большое значение сыграло и личное знакомство с Курской областью, где только ландрат Томас Мюллер успел побывать уже более 50 раз.

Дружеские связи между комитетом образования и науки Курской области и Реабилитационным центром «Тюрингский лес» развиваются в течение 13 лет. В 2016 году планируется продолжить работу международного лагеря по оказанию помощи школам-интернатам Курской области, а также организовать стажировку студентов Курского филиала РГСУ в учреждениях социального обслуживания Германии и летний отдых для 20 детей-сирот в Тюрингии.

В период работы международного лагеря молодежь двух стран занималась не только ремонтом образовательных учреждений, но и посетила памятные места Курской области, образовательные учреждения,

познакомилась с традициями нашего края. Все это способствовало сближению российской и немецкой молодежи[3].

Юго-Западный государственный университет посетили члены совета директоров Общества помощи детским домам Курской области (г. Хильдбургхаузен, Германия) Сабина Гро и Клаус Шпис.

Партнёрские отношения университета с административным округом Хильдбургхаузен начались с приезда госпожи Гро и господина Шписа в марте 2015 года, когда они, приятно удивлённые, насколько хорошо студенты владеют немецким языком, пригласили ребят на практику в свои организации. Через несколько месяцев с руководством вуза встретился уже ландрат округа господин Мюллер. Тогда он подчеркнул, что необходимо стимулировать интерес молодёжи России и Германии к изучению языка и культуры друг друга, поддерживать совместные образовательные и социальные проекты.

И вот уже два года подряд летом шесть студентов факультета государственного управления и международных отношений (ГУиМО) проходили практику в немецких организациях социальной поддержки и защиты населения: сообществе образовательных учреждений и реабилитационном центре «Тюрингский лес» для людей с ограниченными возможностями.

Приезд немецких гостей в ЮЗГУ в октябре 2015 года стал новым этапом в развитии отношений двух сторон: был подписан договор, согласно которому летом 2016 года состоится международный молодежный обмен. Организации Хильдбургхаузена примут студентов факультета ГУиМО на производственную практику, а в ЮЗГУ с культурно-ознакомительными целями прибудут гимназисты из Хильдбургхаузена.

В августе 2016 года Юго-Западный государственный университет принял делегацию, состоящую из 11 учеников и 2 преподавателей Георгианской гимназии из округа Хильдбургхаузен. Школьники посетили различные музеи, лицей №6, а так же множество исторических мест Курска и Курской области.

Для подведения итогов данного проекта и встречи с ректором ЮЗГУ 15 августа 2016 года прибыли в Курск Ландрат округа Хильдбургхаузен господин Мюллер, а также руководители проекта госпожа Гро и господин Гутшалк.

В планах Реабилитационного центра «Тюрингский лес» расширение сотрудничества не только в ЮЗГУ, но и с другими образовательными учреждениями города Курска.

Литература

1. Fluchtursachen wirkungsvoll bekämpfen [Электронный ресурс] // Deutschland.de. Режим доступа: <https://www.deutschland.de/de/topic/politik/deutschlandeuropa/fluchtursachen-wirkungsvoll-bekaempfen>

2. Кузьмина В.М., Новикова А.В. Культурно-дипломатические традиции при ведении переговоров в Германии // Прикладная лингвистика сегодня и завтра: актуальные проблемы. Материалы V Межвузовского студенческого форума по прикладной лингвистике. Ответственный редактор Е.И. Абрамов. М., 2014. С. 122-124.
3. Кузьмина В.М. Анализ международных ситуаций.-Курск: ЮЗГУ, 2016. 176 с.
4. Кузьмина В.М., Подболотова М.Г. Ценностные ориентации молодежи как основа для межнационального согласия в современном обществе // Народы Северного Кавказа: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2012. С. 119-122.

ГРАНИЦА КАК ОГРАНИЧИТЕЛЬ И РЕСУРС ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.В. Зотова, А.А. Гриценко, А.Б. Себенцов

Институт географии РАН, Москва
e-mail: zotova@igras.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности повседневной жизни в российском пограничье, определяющие его специфику по сравнению с другими территориями России. Описаны широко распространенные практики, связанные с государственной границей и во многом ориентированные на использование открываемых ею возможностей. По результатам полевых наблюдений и многочисленных интервью для каждого участка пограничья был определен характерный набор повседневных практик населения, связанный с трудовой деятельностью, получением образовательных и медицинских услуг, посещением родственников и друзей, покупкой товаров повседневного спроса, продуктов питания и топлива, досугом (развлечения, санаторное лечение, туризм) и паломничеством.

Ключевые слова: Государственная граница, повседневная жизнь, социальные практики, российское пограничье

Введение. Современное пограничье России крайне разнообразно по генезису, степени освоенности, структуре хозяйства, социально-экономической обстановке. Сильно различается и характер соседства с сопредельной страной - степень социально-культурной контрастности, история и современное состояние двусторонних отношений, предпосылки и уровень приграничного сотрудничества, существующие и потенциальные угрозы национальной безопасности.

Появление новых и открытие старых границ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. вкупе с резким падением уровня жизни подавляющего большинства граждан России и стран СНГ, кризисным состоянием экономики и всплеском национализма привело не только к оттоку населения из многих приграничных районов, но и к существенной трансформации жизни местных сообществ, вынужденных адаптироваться к изменившимся

обстоятельствам. При этом ситуация на различных границах заметно различалась. На постсоветских границах она усугублялась разрывом производственных цепочек, осложнением семейных и межличностных связей из-за возникших трудностей с пересечением границы, кризисом идентичности, тогда как в «старом» пограничье взаимодействия с сопредельными территориями Норвегии, Финляндии, Китая способствовали относительному смягчению кризиса переходного периода за счет развития выездного туризма, импорта дешевых потребительских товаров и услуг и т.д.

Повседневная жизнь жителей разных участков пограничья имеет много общих черт. Положение у границы дает возможность извлечения ренты, связанной с регулярными приграничными поездками для покупки товаров, родственными и дружескими связями с соседями, ведением малого бизнеса, поддержанием профессиональных контактов. В приграничье деятельность местных сообществ тем или иным образом неизбежно связана с соседними территориями (за исключением немногих случаев полного закрытия границы).

Задача настоящей статьи – исследовать жизнь всего российского пограничья через приграничные практики локальных сообществ, выделить их движущие силы и ограничения, основные свойства, а также факторы, определяющие их динамику.

Феномен повседневности. В течение двух последних десятилетий повседневность превратилась в модную научную проблему. Это недвусмысленный показатель социального заказа, ответа науки и культуры в целом на теперь уже мощно заявившую о себе потребность в осмыслении и утверждении повседневной жизни как ценности современной культуры [10].

Попытки дать однозначное определение повседневности не имели успеха: повседневность использовалась некоторыми учеными как собирательное понятие для проявления всех форм частной жизни [13], другие понимали под этим «серые будни» или способ жизни, ежедневные повторяющиеся действия [3]. По определению социолога Агнес Хеллер «повседневная жизнь есть совокупность деятельности индивидуумов к их воспроизводству, которые, соответственно, создают возможность к общественному воспроизводству» [15]. По мнению культуролога В.Д.Лелеко, предметная область повседневности включает в себя три основные сферы: трудовую (производственную), потребительскую (непроизводственную), сферу досуга и частной жизни.

Социологи и историки изучают повседневность в контексте условий жизни населения, общественного мнения, а также формирования норм поведения большинства населения страны в тот или иной исторический период. В географических работах она в первую очередь рассматривалась с точки зрения разнообразных практик населения. Особое внимание практикам, в первую очередь, усиливающим барьерную функцию границы (boundary-producing practices), уделяли исследователи, применявшие подходы критической геополитики [14]. В начале 2000-х годов стал распространяться так называемый «западный» подход, сфокусированный на усилении

социальной интеграции приграничных территорий соседних стран и распространении практик пересечения границ под влиянием роста их «прозрачности» [12]. В некоторых географических работах исследовано сочетание практик, усиливающих барьерность границы и подчеркивающих национальные особенности, с практиками транснациональных взаимодействий, направленных на согласование интересов разных сторон [18]. Повседневность становится фокусом исследований либо при комплексном анализе отдельных участков пограничья [17], либо при изучении отдельных социальных практик пересечения границы, например, приграничного «шоппинга» или трудовой миграции [20]. Во всех этих исследованиях социокультурные практики и опыт повседневной жизни людей представлен в контексте процессов интеграции, культурного разнообразия, де-территоризации, процессов размывания границ (de-bordering) и усиления их функций (re-bordering), сегрегации и социальной дифференциации сообщества.

В данной работе мы будем рассматривать многообразие приграничных территорий и дифференциацию российского пограничья через призму повседневной жизни местного населения. Повседневное не просто фиксирует инаковость или общность, но показывает, почему формируется иное или общее (схожее) социокультурное пространство. Поскольку повседневность всегда апеллирует к конкретному опыту, формирующемуся в течение длительного времени [5], мы делаем попытку исследовать жизнь всего российского пограничья через приграничные практики локальных сообществ. Была поставлена задача по возможности охватить все основные практики, составляющие повседневную жизнь человека (работа, потребление (быт) и отдых), и оценить их доминирующие мотивы, динамику и вовлеченность местного населения.

Материалы и методы исследования. Информационную базу исследования составили результаты экспедиционных поездок авторов в 2013-2016 гг. в регионы России, граничащие с Финляндией, Эстонией, Латвией, Польшей, Казахстаном и Китаем, а также города этих стран, во время которых проведено более 100 экспертных интервью с представителями региональной и местной власти (комитеты по экономике, внешним связям, приграничному сотрудничеству, туризму, культуре), научной и экспертной элиты, сотрудниками таможенных служб, иностранных представительств и консульств, торговых палат, промышленных предприятий, некоммерческих организаций.

Принимая во внимание российскую специфику, можно выделить следующие области, основанные на мотивах пересечения границы и посещения соседнего государства: трудовая деятельность, покупка продовольственных и других потребительских товаров, покупка топлива, получение услуг (в том числе медицинских и образовательных), родственные контакты, досуг, религиозные связи. В связи со спецификой предмета и отсутствием официальных данных использование каких-либо количественных оценок при изучении повседневности затруднено. На

основании обширной эмпирической базы, собранной в ходе экспедиций, и многочисленных интервью с экспертами, авторами были определены *распространение и направление выделенных повседневных практик* на всех участниках российского пограничья. Практики были формализованы в таблице, в соответствующей ячейке которой фиксировалось наличие и направление явления (табл.1).

Таблица 1

Мотивы и направления повседневных приграничных потоков населения в российском пограничье

Сегменты российского пограничья	Мотивы повседневных приграничных поездок															
	из России								в Россию							
	1	2	3	4	5	6	7	8	8	7	6	5	4	3	2	1
Норвежский				■		■						■	■			
Финский	■	■		■		■					■	■	■			
Эстонский				■		■		■	■	■	■	■	■			
Латвийский				■		■		■	■	■	■	■	■			
Литовский				■		■					■	■				
Польский		■	■	■		■					■	■				
Белорусский	■		■	■		■		■	■	■	■	■	■		■	■
Украинский								■	■	■		■				■
Абхазский						■		■	■	■	■	■	■	■	■	■
Грузинский				■		■		■	■	■						
Югоосетинский						■		■	■	■	■	■	■	■	■	■
Азербайджанский				■		■		■	■	■			■			
Казахстанский	■			■				■	■	■	■	■	■	■	■	■
Монгольский				■		■				■	■		■			
Китайский			■	■		■					■	■	■			■
Северокорейский																

1) трудовая деятельность; 2) образовательные услуги, 3) медицинские услуги, 4) покупка продовольственных и других потребительских товаров; 5) покупка топлива; 6) досуг и развлекательные услуги; 7) паломничество, 8) родственные связи. *Составлено по экспертным оценкам и экспедиционным наблюдениям.*

Приграничные практики имеют существенные различия на старых границах, унаследованных от Советского Союза, и новых, образовавшихся после его распада. Однако объединяют эти практики движущие силы, которые мотивируют население к пересечению границы соседнего государства, превращая его в привычную повседневность приграничных сообществ. Мы исходим из того, что они вытекают, во-первых, из свойств границы как таковой, т.е. границы как линии или института - барьерности, контактности и режима; во-вторых, из свойств соседствующих государств и взаимоотношений между ними, т.е. особенностей контакта двух стран (разница в ценах, правилах и условиях ведения бизнеса, структура пространства, организация расселения и т.д.). Важно отметить, что повседневная жизнь определяется не только экономическими различиями между странами, но и свойствами граничащих территорий: плотностью экономической жизни и населения, системой расселения, наличием крупных городов и транспортных магистралей. Граница структурирует пространство, определяя и конфигурацию потоков, проходящих через пограничные пункты пропуска, создавая возможности для частной инициативы и стимулируя развитие малого бизнеса (бензоколонки, магазины и т.д.).

Необходимо понять, как движущие силы (ресурсы) повседневных практик и ограничения, вызванные границей в двух ее ипостасях (границы как линии и как зоны контакта), влияют на повседневную жизнь населения приграничья, а точнее, на три ее основные составляющие - работу, потребление и отдых (по В.Д. Лелеко) (табл. 1) [10].

Граница как институт и рубеж: ограничения и движущие силы. Граница сама по себе является существенным барьером, ее пересечение требует значительных затрат времени, энергии и финансовых средств. Кроме того, как физический барьер она затрудняет взаимодействия и перемещения, экономические и профессиональные связи. Вокруг границы в России и в некоторых граничащих с Россией странах (Финляндия, Литва) распространена практика введения пограничных зон, в пределах которых ограничены свободное передвижение людей и их хозяйственная деятельность. Приграничные зоны закрыты для иностранцев. Это ограничивает использование многих территорий для туризма.

Однако в ограничениях хозяйственной деятельности, накладываемых в погранзонах, есть и определенные *положительные стороны*. На приграничных территориях, обычно в пределах 5-25 км от границы, создаются национальные и природные парки, заповедники, а иногда и зоны отдыха. Так, вдоль бывшего «Железного занавеса», где воздействие человека

на окружающую среду было минимальным, сформировался так называемый Зеленый пояс Европы, объединяющий особо охраняемые природные территории. Многие местные жители высказываются за сохранение пограничного режима, так как он гарантирует им безопасность и спокойствие. Так, в приграничной полосе Карелии обеспечивается неприкосновенность дач, и их владельцам не нужно тратить на охрану.

Сама граница как институт является важным местом приложения труда, особенно в периферийных и отдаленных районах. Жителей российских приграничных регионов работа в федеральных органах (пограничной службе ФСБ, таможенных управлениях ФТС, службе ветеринарного и фитосанитарного контроля Россельхознадзора) привлекает стабильностью и относительно высокой оплатой.

Пограничье как зона контакта двух стран. Смягчение пограничного режима на некоторых диадах российских границ, особенно в результате введения малого приграничного передвижения (МПП) и облегчения выдачи виз, открыло для жителей приграничных районов новые возможности - в первую очередь, использование различий в ценах и в условиях ведения бизнеса для *трудовой деятельности*. Это касается многочисленных *посреднических услуг* - по оформлению различных документов, в том числе международных страховок, необходимых для пребывания в соседней стране; консультационных и юридических услуг по открытию бизнеса предпринимателям из соседней страны, услуг переводчиков (особенно на российско-китайской границе), риэлтерских услуг по покупке недвижимости в соседней стране (преимущественно в Финляндии и Эстонии).

Широко распространены на границе и *незаконные посреднические услуги* – челночная торговля и теневой бизнес. Теневые сферы занимают важное место в жизни приграничных территорий, так как граница как феномен всегда притягивает криминал и преступность. «Серые» трансграничные практики оказывают негативное влияние на экономику приграничных регионов. Теневой экспорт дешевой ликероводочной и кондитерской продукции из Казахстана, серые схемы экспорта леса в Китай, теневая продажа морепродуктов на Дальнем Востоке наносят значительный ущерб экономике приграничных регионов и подрывают местные предприятия. В то же время теневая занятость часто снимает экономическую напряженность. Например, челночный бизнес был основным источником доходов значительной части населения приграничных регионов и позволил заметно смягчить социальные последствия переходного периода, особенно в Калининградской области и на Дальнем Востоке, поддерживая привычный уровень жизни за счет мелкого «серого» бизнеса [7].

К середине 2000-х гг. рентно-спекулятивная модель отношений с соседями сменилась более дифференцированными взаимодействиями. Распространились частные транспортные перевозки через границу для удовлетворения торговых потребностей (Польша, Китай) и для «откатки» виз

(Финляндия)³. На российско-китайской границе распространены так называемые «помогайки» (граждане Китая, предлагающие российским гражданам свои услуги в качестве гидов, «фонари» (подставные лица, перевозящие товар якобы для личных целей), «кирпичи» (организаторы перевозки грузов, управляющие группой российских граждан для переправки товаров [4]. После начала политического кризиса в Украине на российско-украинской границе возник полулегальный рынок транспортных услуг: частные маршрутные такси, как правило, не пересекают границу и довозят пассажиров только до пункта пропуска, по другую сторону их уже ждет другое такси [6].

Влияние соседа также проявляется через феномен «репликации заграницы по эту сторону границы». Другими словами, культурный рубеж границы может быть скопирован в приграничную зону, давая возможность без ее пересечения соприкоснуться с соседом, обеспечивая импорт потенциального внешнего туризма. Например, в Белгородской области (особенно в Грайворонском районе) получил распространение новый туристический продукт – этнический украинский «ностальгический» туризм в пограничье для тех граждан России, чье пребывание на территории Украины в настоящее время невозможно. Белгородчина широко рекламирует свою пространственную и культурную близость к Украине (блюда украинской кухни, языковые особенности, общеславянские хороводные традиции и др.) [6]. Китайский Хэйхэ, известный в Китае как «окно в Европу», привлекает не только россиян, но и китайских туристов, которым предлагается почувствовать себя в России. Китайские туристы, не пересекая реку физически, что требует получения заграничного паспорта и сопряжено со значительными денежными затратами, могут отправиться в мини-круиз по реке Амур и купить российские товары, не выезжая из города (Бийе, 2014). Такой новый ландшафт также меняет повседневность приграничных территорий, работая на привлечение внутренних туристов и повышая спрос на товары и услуги.

Жизнь у границы заметно меняет *потребление* местных жителей. Разница в ценах дает возможность заметно экономить, покупая более дешевые товары за границей. «Потребительский туризм» стал одним из самых популярных мотивов пересечения границы для жителей сопредельных со странами ЕС и Китаем российских регионов. На отдельных участках российской границы сложились гибкие, динамичные и асимметричные трансграничные рынки [11], появились свои ходовые товары.

Различия в ценах позволяют соседним регионам развивать сферы торговли и туризма, создавать новые рабочие места, окупать инвестиции в новую инфраструктуру, и в результате заметно трансформировать облик приграничных территорий. В небольших городках у границы (главным образом, не с нашей стороны) строят крупные автозаправки, логистические и торговые центры, не соответствующие местному потребительскому спросу,

³ <http://turimm.com/viza/otkatat-vizu-v-finlyandiyu-v-spb.html>

часто превращая приграничье из маргинальной территории в центры роста за счет привлеченного спроса из-за границы.

Поездки за покупками, с одной стороны, сильно зависят от конъюнктуры: при заметной динамике курса валют может измениться направление потока. Если до падения курса рубля через границу ездили преимущественно россияне, то в конце 2014 г. произошел резкий скачок числа шопинг-туристов из многих соседних стран, особенно стран Балтии, Китая, Казахстана, Белоруссии, активно скупавших на российской стороне, кроме традиционного бензина, некоторые продовольственные товары, электронику, бытовую технику и даже автомобили. В то же время в пограничье устойчивы стереотипы, которые часто определяют практики. Хотя поток жителей российского приграничья в соседние регионы ЕС и Китая после падения курса рубля заметно сократился, он далеко не прекратился. Несмотря на отмену польской стороной в июле 2016 г. режима МПП, расходы калининградцев по другую сторону границы в третьем квартале 2016 г. сократились всего на 15,3% по сравнению с аналогичным периодом 2015 г.⁴ Поездки за границу для большинства жителей приграничья – это и возможность сменить обстановку. Глубокие и прочные исторические связи между русской и европейской культурой, а также высокая оценка россиянами европейской среды определяют высокую и стабильную привлекательность соседних стран ЕС [8].

Параллельно с «потребительским» **туризмом** в пограничье активно развиваются и другие его виды - оздоровительный, событийный, познавательный и развлекательный. Возможность побывать на «чужой» территории и получить новые ощущения стимулируют жителей пересекать границы не только с целью покупок, но и за разнообразными услугами и развлечениями (посещение кафе, музеев, культурных мероприятий и концертов) [2].

Известно, что приграничные территории, как правило, являются периферией и удалены от центров экономического роста с развитым рынком качественных услуг [7]. Повседневные приграничные практики часто позволяют населению компенсировать периферийность за счет использования инфраструктуры соседних стран. Наиболее ярко эта практика проявилась в сфере *медицинских услуг*. В средних и малых городах России ныне трудно получить ряд медицинских услуг высокого уровня, особенно в сфере кардиологии, хирургии, эндопротезирования и стоматологии. Жители Калининградской, Смоленской и Псковской областей все чаще обращаются за такими услугами в приграничные центры Белоруссии, Эстонии, Латвии, Польши. Появился даже термин «родильный туризм». «Стоматологический туризм» стал новым направлением туристической индустрии на севере Китая. Цены на большинство услуг здесь заметно ниже, а качество обслуживания выше, чем в российской провинции.

⁴ <http://olsztyn.onet.pl/pol-roku-bez-malego-ruchu-granicznego-resort-podsumowuje-zyski-i-straty/196zwdm>

В отличие от пограничья России с ЕС и Китаем, где вектор поездок направлен в сторону соседа, на российско-казахстанском пограничье за медицинскими услугами (роды, операции на открытом сердце, диагностика и лечение онкозаболеваний) ездят в Россию. Так, в Центре микрохирургии глаза в Оренбурге ежегодно оперируют около 4 тыс. граждан Казахстана.

Заключение. Рентно-спекулятивная модель отношений с соседями, типичная для российского пограничья в первое постсоветское десятилетие, сменилась более дифференцированными взаимодействиями, связанными с развитием малого бизнеса, разнообразных услуг, туризма. Тем не менее, использование разницы в ценах на товары и услуги остается важным стимулом приграничных обменов и на «старых», и на «новых» границах. В повседневной жизни традиционное деление пограничья на «новое» и «старое» не срабатывает: многообразие практик и их сочетаний приводит к тому, что на границах со странами ЕС и Китаем часто формируются схожие модели повседневности. Они определяются в первую очередь следующими факторами: 1) экономическими различиями между соседними территориями; 2) структурой экономического пространства и плотностью хозяйственной жизни; 3) мотивами пересечений границы; 4) знанием соседней страны и господствующими в общественном сознании стереотипными представлениями о ней.

При всем разнообразии частных черт и особенностей можно выделить несколько моделей повседневности, сформировавшихся на российских границах.

1. Практики, основанные главным образом на значительной разнице в ценах на товары и услуги и зависящие от конъюнктуры, характерны для пограничья с Китаем.

2. Практики, возникающие на границе между территориями с разным уровнем экономического развития и компенсирующие периферийность одного из соседей, характерны для пограничья с ЕС, во многом определяются общественными представлениями и меньше зависят от конъюнктуры.

3. Симметричные практики, основанные прежде всего на родственных связях, встречаются на отдельных участках российско-белорусского и российско-казахстанского пограничья

Повседневные практики в приграничье способствует росту доходов населения, обретению людьми опыта действий в иной социальной среде, росту интереса и доверия соседей друг к другу, сохранению взаимовыгодных и добрососедских отношений, формированию идентичности «трансграничного жителя», которому комфортно по обе стороны границы. Их результатом может стать возникновение трансграничного рынка труда и потребления, общего информационного и социокультурного пространства.

Прямые контакты позволяют противостоять негативным стереотипам и сопоставить предрассудки и предубеждения с действительностью. Непосредственные контакты и близкие соседские взаимоотношения дают шанс «сократить» культурную дистанцию. Так, на местном уровне у россиян

установились добрососедские отношения с эстонцами, поляками, латышами на локальном уровне, сравнительно мало зависящие от политической конъюнктуры, поскольку в этих отношениях заинтересованы обе стороны. Кризисные явления и острые конфликты на межгосударственном уровне не приводят к тотальному свертыванию приграничных взаимодействий: повседневные потребности людей и нужды экономики, накопленный в предыдущие годы позитивный опыт, запечатленный в сознании местных жителей, способствуют сохранению критически необходимого уровня контактов. В результате «образ врага» трансформируется в «образ хорошего соседа».

Исследование было осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда, в рамках проекта «Российское пограничье: вызовы соседства» (грант №14-18-03621, руководитель В.А. Колосов).

Литература

1. Бийе Ф. Современность в пространственном измерении: открытые рынки, герметичность и вертикальность в двух приграничных городах России и Китая // Экономическая социология. Т. 15. № 2. Март 2014, с. 76-95
2. Бредникова О., Воронков В. Граница и реструктурирование социального пространства (случай Нарвы-Ивангорода) // Кочующие границы. Сб. статей по материалам международного семинара (Нарва, 12—16 ноября 1998) СПб.: ЦНСИ, 1999. Труды. Вып. 7. С. 19—25.
3. Василенко В. С. Культура повседневности: сборник статей и эссе. — Красноярск: СФУ, 2012. — 186 с. — 1000 экз.
4. Журавская Т.Н. «Серый» импорт на российско-китайской границе: что нового? // Экономическая социология. Т. 12. № 5. Ноябрь 2011, с. 54-71
5. Зайцева Т.А. повседневность как исследовательская проблема // Вестник Томского государственного университета. 2013, Выпуск № 2 (10), с. 5-11
6. Заяц Д.В., Зотова М.В., Туров Н.Л., Ключников М.И. Кризис российско-украинских отношений: последствия для трансграничных взаимодействий Белгородской области // Известия. Серия географическая, 2017, №4
7. Колосов В.А., Зотова М.В., Вендина О.И., Себенцов А.Б. Российское пограничье: современные вызовы и подходы к изучению / Проблемы регионального развития России Сб. 141. / Отв. Ред. В.М, Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. - с. 234-256
8. Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа? // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 170-186.
9. Ларин А.Г. Китайские мигранты: их представления о работе, учебе и условиях жизни в России (по результатам социологического опроса) // Проблемы прогнозирования, 2009, выпуск №3, с. 140-160
10. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. - СПб., 2002. - 320 с.
11. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013.
12. Berg E. Deconstructing border practices in the Estonian-Russian borderland, Geopolitics, 2000, 5:3, p. 78-98
13. Borscheid, P. Plädoyer für eine Geschichte des Alltäglichen // Ene, Liebe, Tod. Studien zur Geschichte des Alltags. – Münster, 1983. – S.1-14.

14. Campbell D, Writing Security. United States Foreign Policy and the Politics of Identity (Bloomington, IN: Indiana University Press 1992)
15. Heller A. Das Alltagsleben // Materialien zur Soziologie des Alltags. – Köln, 1978.
16. Houtum, H. Van & Velde M. Van der. The power of cross-border labour market immobility. Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, 2004, 95(1), pp. 100-107.
17. Laine J. Threats, Challenges, and Finnish-Russian Cross-Border Security Cooperation: A Finnish Perspective / Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe, by Derek Hall (Editor), 2016, p. 178-191
18. Paasi A., Prokkola E-K. Territorial Dynamics, Cross-border Work and Everyday Life in the Finnish–Swedish Border Area // Space and Polity, 2008, Vol. 12, No. 1, pp. 13–29
19. Stéphenne N., Pesaresi M. Spatial Permeability Model at the European Union Land Border. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2006.
20. Velde, B.M.R. Van der, Spierings, B.H.A. Cross border shopping and the “bandwidth of familiarity”: exploring the positive impact of national borders on consumer mobility in the Euregion Rhine, Nijmegen : Nijmegen School of Management, 2008, 26 p.

ВЛИЯНИЕ РАСШИРЕНИЯ ГРАНИЦ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

С.Г. Казаков¹, А.В. Карякина¹, Мадры Цезары²

¹*Курский государственный университет, Курск*

²*Университет им. Адама Мицкевича, г. Познань, Польша*

e-mail: kazaks@rambler.ru, ragngild@gmail.com, cezary@amu.edu.pl

Аннотация. С начала XXI столетия Европейский Союз значительно расширил свои границы за счет вступления в него новых стран-участниц. Это не могло не сказаться на территориальной дифференциации сельского хозяйства ЕС и проводимой им аграрной политики. В статье проанализированы основные изменения агрогеографических показателей, характеризующих особенности распределения сельскохозяйственного производства Европы

Ключевые слова: агрогеография, Европейский Союз, сельское хозяйство

Большинство высокоразвитых стран Европы имеют в мировом разделении труда специализацию на производстве промышленной продукции, при этом сельское хозяйство ЕС - динамичная отрасль экономики, характеризующаяся постоянными количественными и качественными изменениями в территориальной организации и структуре производства. Это позволяет говорить об актуальности географического исследования территориальной дифференциации сельского хозяйства ЕС.

Условно на территории ЕС принято выделять несколько сельскохозяйственных зон. Такое деление вызвано как агроклиматическими особенностями, так и социально-экономическими факторами развития

национальных экономик стран-участников союза (в первую очередь это относится к восточно-европейским странам).

Разумеется, что увеличение числа членов ЕС, которое особенно активно происходило в 2004-2007 годах, когда было принято 12 новых стран-участников, не могло не сказаться на территориальной организации сельского хозяйства и проводимой единой аграрной политике (ЕАП). Изначально основными бенефициарами проводимой ЕАП оказались крупнейшие страны «старой» Европы – Франция, Германия и Великобритания. Из новых государств-членов наибольшее влияние ЕАП оказывает на сельскохозяйственное производство Польши.

В июле 2013 года в ЕС вошла Хорватия, однако, из-за того, что к 2015г. органами Европейской статистики данные по этой стране не были полностью интегрированы в общеевропейский формат (данные по Хорватии в статистических ежегодниках приводились отдельной главой) объектом нашего исследования является ЕС-27.

И в отечественной, и в европейской агрогеографии выработался примерно схожий подход к методике и этапам изучения территориальной организации сельского хозяйства. Условно его можно разбить на три блока:

1. Изучение сельскохозяйственного использования земель и их оценка
2. Методы типологии и районирования сельского хозяйства
3. Социально-географические исследования сельского хозяйства

Следует отметить, что отечественные агрогеографы, занимавшиеся проблемами размещения сельскохозяйственного производства за рубежом (И.М. Кузина, М.Б. Вольф, Ю.Д. Дмитриевский, В.А. Пуляркин) не так много внимания уделяли европейскому континенту. Их классические работы посвящены в основном либо высокоразвитому аграрному сектору Северной Америки, либо полунатуральному хозяйству развивающихся стран [1, 3]. Европейское сельское хозяйство в современной отечественной географии чаще всего рассматривается в небольших страноведческих очерках, либо как фон для сравнения с российскими регионами [2].

Среди европейских географов наибольший вклад в изучение изменения территориальной организации сельского хозяйства под влиянием Единой аграрной политики ЕС внесли следующие авторы: J. Bański (2007), M. Biczowski (2013, 2016), A. Dubownik (2011, 2016), E. Kacprzak (2010), S.L. Morgan (2010), J.D. Poeg и D. Roep (2003), R. Rudnicki (2010, 2013, 2016), G.A. Wilson (2008), M. Biczowski, A. Dubownik (2016).

Информационной базой для нашего исследования послужили данные Евростата, опубликованные на официальном сайте Европейского Союза [4].

В настоящее время прослеживаются несколько тенденций развития сельского хозяйства, характерных для всего пространства ЕС. К числу последних можно отнести процесс укрупнения фермерских хозяйств, являющийся одним из направлений аграрной политики Евросоюза. Так, средний размер сельскохозяйственных предприятий за период с 1995 по 2015 годы возрос в среднем на 35%.

В 2015 году в Европейском союзе насчитывалось 13,7 млн. сельскохозяйственных предприятий (ферм), которые обрабатывали более 174 млн. га сельскохозяйственных угодий, что составляет две пятых общей земельной площади ЕС-27 (рис. 1).

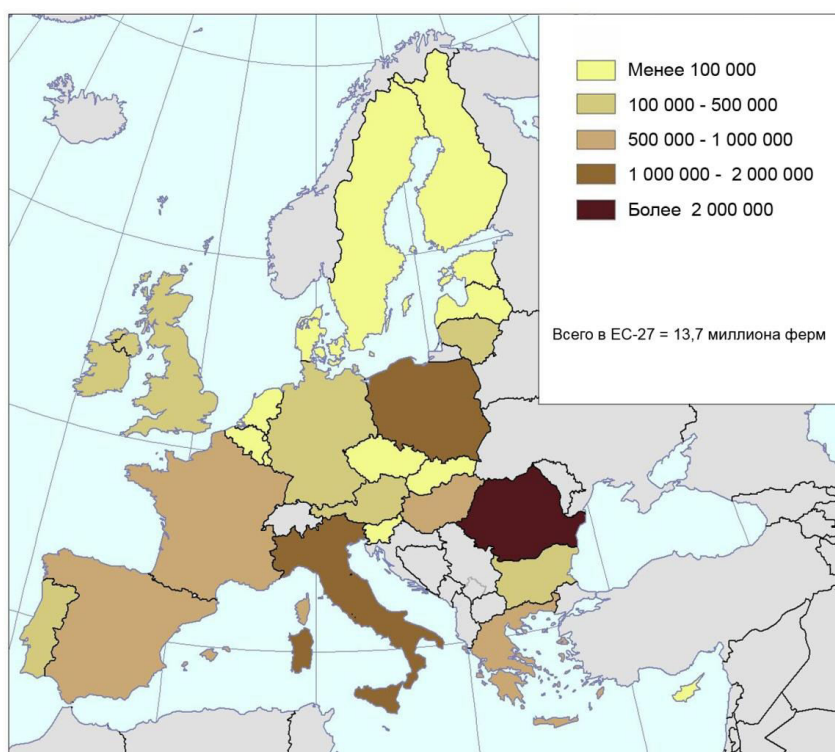

Рис. 1. Количество сельскохозяйственных предприятий в ЕС-27, 2015г.

Средний размер европейской фермы не превышает 15 га, однако региональные различия этого показателя очень велики. С одной стороны почти половина всех агропредприятий ЕС (6 млн.) представляют собой очень мелкие хозяйства (менее 2 га), обрабатывающие небольшую часть (2,5%) всех сельскохозяйственных земель. На другом полюсе находятся крупные фермы (с площадью более 100 га), которые владеют половиной (50,2%) сельхозугодий Евросоюза (рис. 2).

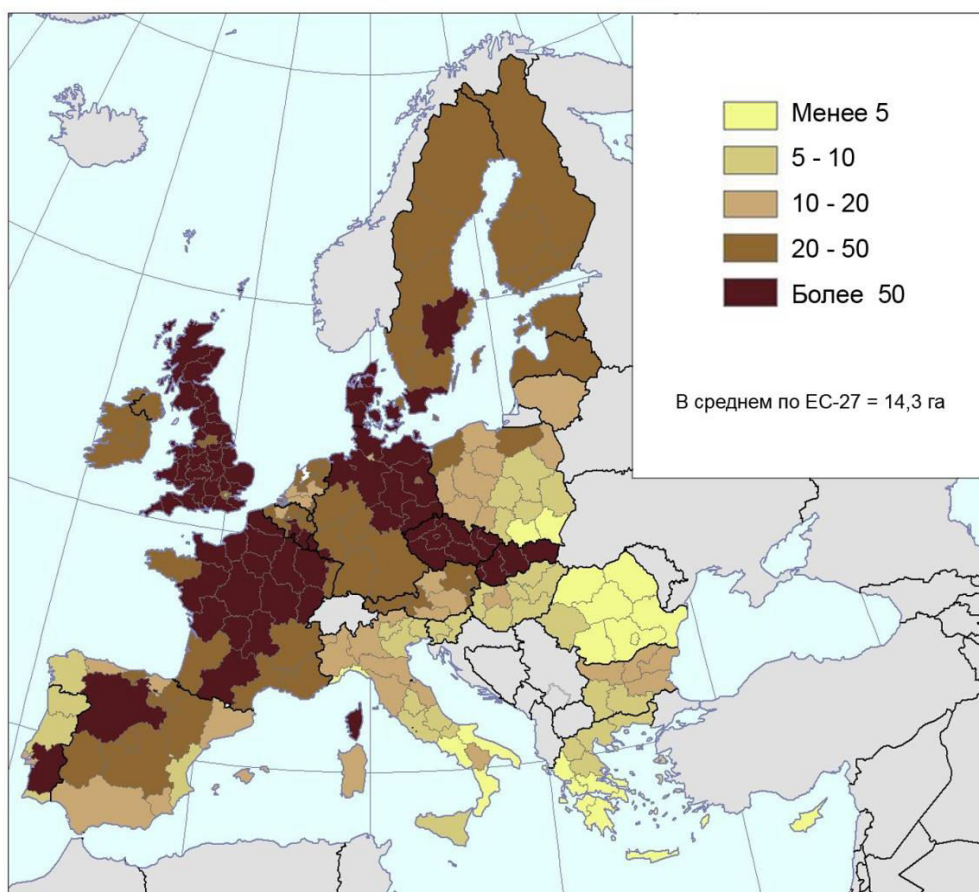

Рис. 2. Средний размер агропредприятий ЕС-27, 2015

Почти третья часть (31,5% или 3,9 млн. штук) всех агрохозяйств ЕС-27 находились в Румынии. Это очень небольшие предприятия, три четверти которых занимают площадь менее 2 гектаров. Каждая четвертая ферма Евросоюза находится либо в Италии (13,2%), либо в Польше (12,3%), и их также можно охарактеризовать как небольшие (в среднем менее 10 га).

Этот контраст находит отражение и в показателях экономической деятельности агропредприятий. Из более чем 12 млн. ферм в 2015 году почти 45% хозяйств имели годовой доход менее 4 тысяч евро, и произвели только 1,5% всей европейской сельскохозяйственной продукции. С другой стороны доход 2% крупнейших агрохолдингов превышал 250000 евро, а их продукция составляла почти половину европейского аграрного производства (рис. 3).

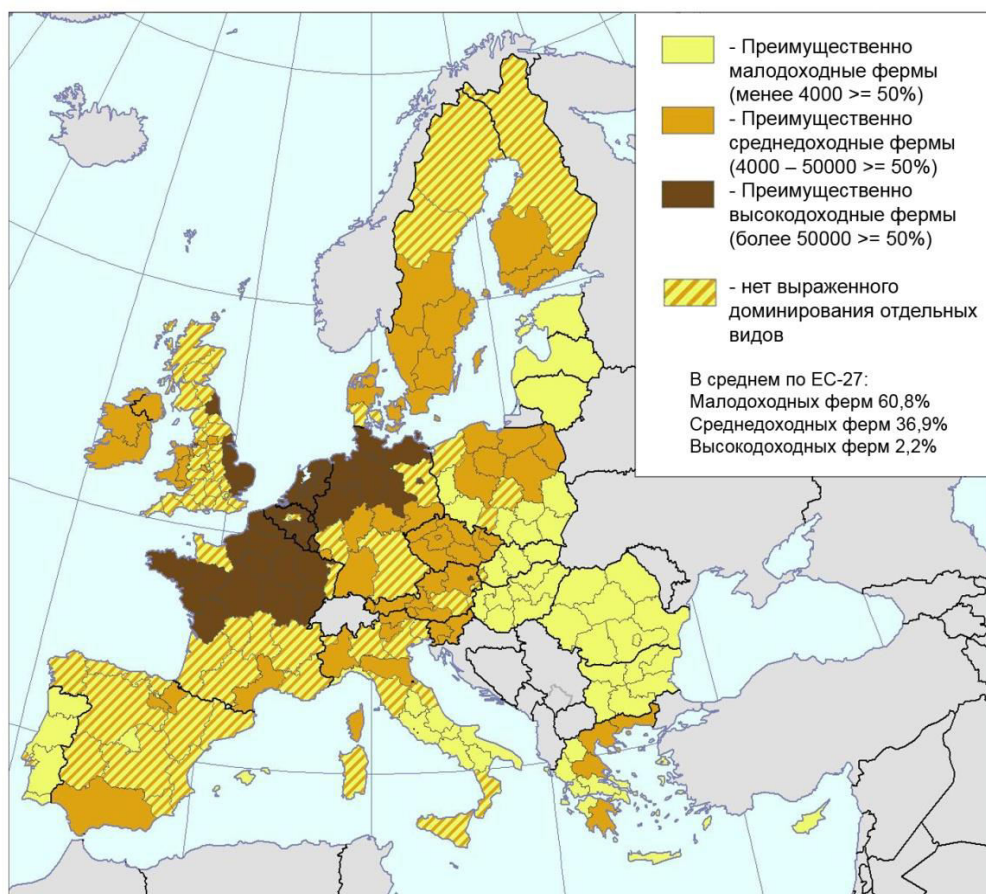

Рис.3. Распределение ферм по годовому доходу, 2015г.

Половина всех земель, используемых в сельском хозяйстве на территории ЕС-27, обрабатывалась только в четырех государствах-членах: Франции (16,0% от общей площади угодий), Испании (13,6%), Великобритании (9,7%) и Германии 9,6%). Четвертая часть (23,3%) земель принадлежит фермерам в Польше, Румынии и Италии, на долю же остальных 20 государств-членов приходится только оставшаяся четверть сельскохозяйственной земли Евросоюза (рис. 4).

«Площадь сельскохозяйственных угодий, млн.га»

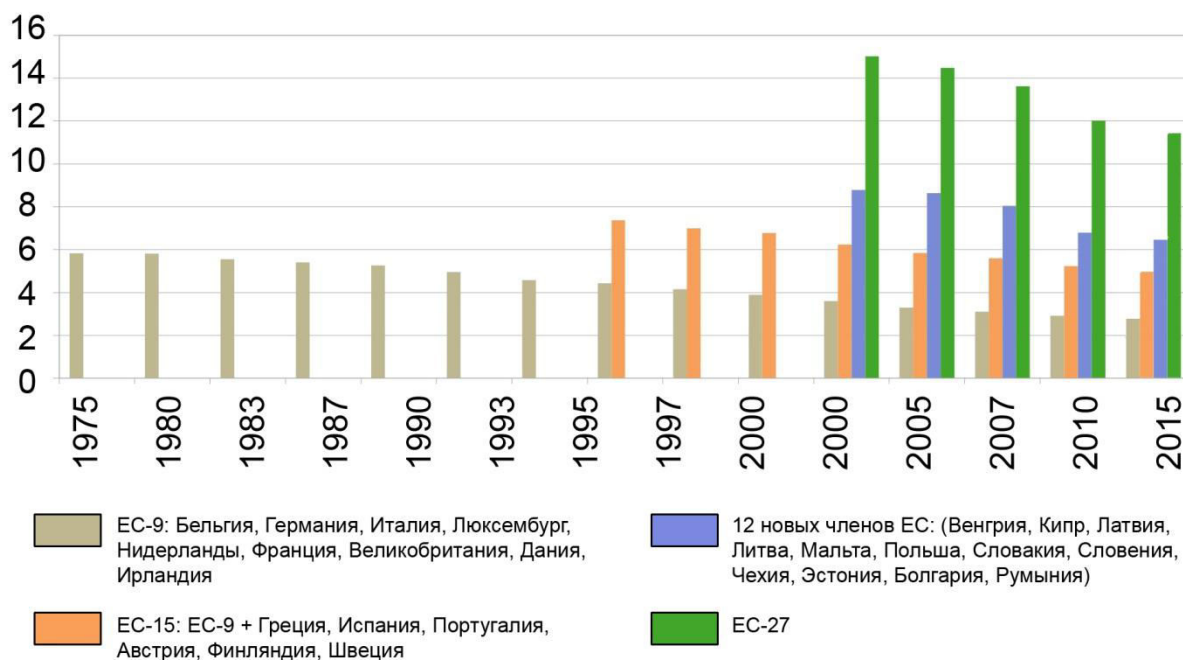

Рис.4. Изменение площади сельскохозяйственных угодий в ЕС (1975-2015)

Почти 60% сельскохозяйственных земель в ЕС-27 были использованы в качестве пахотных земель в 2015 году, причем большинство из них используется для производства зерновых культур. Еще одна треть (34,0%) угодий приходилась на пастбища и сенокосы.

На многолетние культуры, такие как виноградники, оливковые деревья и сады, приходилось чуть более 6%, а на приусадебные сады и огороды около 0,2% обрабатываемых земель.

Большинство сельскохозяйственных угодий использовалось в качестве пахотных земель в 20 государстве-члене ЕС, эта доля возрастает до 90% в Дании и Финляндии. При этом в Австрии, Люксембурге, Словении, Соединенном Королевстве и Ирландии, где имеется высокая доля ферм, специализирующихся на выпасе домашнего скота, большинство сельскохозяйственных угодий были заняты постоянными улучшенными пастбищами и лугами. Доля сельскохозяйственных земель, занятых многолетними культурами, была относительно высокой в некоторых средиземноморских странах, самые высокие доли (более 25%) приходятся на Кипр и Грецию (рис. 5).

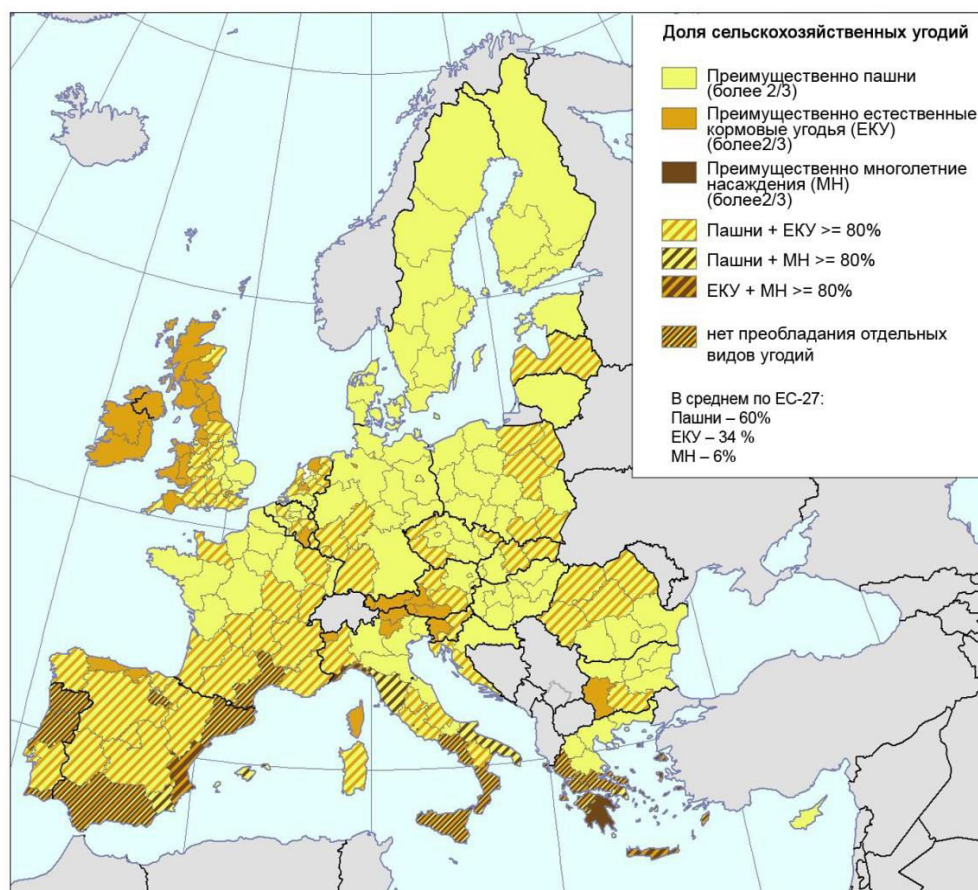

Рис. 5. Распределение сельхоз угодий в ЕС, 2015г.

В 2015 году каждая четвертая (24,9%) ферма в ЕС-27 специализировалась на полевых культурах (например, зерновые, эфиромасличные культуры и овощи). Еще одна из каждых пяти (20,1%) ферм занималась возделыванием многолетних растений (например, с виноградниками, оливковыми рощами или фруктовыми садами).

Специализированные откормочные предприятия с молочными коровами, овцами и другими жвачными и/или «зерноядными» (свиньи или домашняя птица) животными, а так же смешанные скотоводческо-земледельческие хозяйства вместе занимают почти половину (46,7%) всех сельскохозяйственных угодий Евросоюза.

Для сравнения различных видов домашнего скота в ЕС используется условная единица, называемая «единица животноводства» (LSU), этот показатель близок к отечественному понятию «условная голова скота». Для расчета единиц домашнего скота диапазон различных согласованных весов применяется к различным типам сельскохозяйственных животных, чтобы получить цифры, эквивалентные одной взрослой молочной корове или 10 овец. Исходя из этого, в 2015 году поголовье скота в странах ЕС-27 составило 135,2 млн. условных голов, из которых половина (47,4%) приходилось на крупный рогатый скот, чуть более четверти (27,4%) составляли свиньи, а 15,0% - домашняя птица. Более половины (50,7%)

европейского поголовья скота сосредоточено всего в четырех государствах, а именно: во Франции, Германии, Испании и Соединенном Королевстве.

В 2015 году в ЕС-27 в сельском и лесном хозяйстве и рыбной ловле было занято 11,3 млн. человек в возрасте старше 15 лет (из которых 1,1 млн. были старше 65 лет), что эквивалентно 5,2% всех занятых в экономике.

По данным сельскохозяйственной переписи, доходы от сельскохозяйственной деятельности являлись единственным источником финансирования для 25 млн. человек, из этого числа 23,5 млн. человек являлись либо владельцами, либо членами семьи владельца. После учета количества фактически отработанного времени и пересчета его в эквиваленты полной занятости (измеряемые как «годовые рабочие единицы»), по данным переписи, в 2015 году в фермерских хозяйствах работало полный рабочий день 9,9 млн. человек. Доля аграрной рабочей силы (в пересчете на полный рабочий день) была самой высокой в Польше (19,1% от общего количества в ЕС-27), Румынии (16,2%) и Италии (9,6%).

Сельское хозяйство является преимущественно семейным видом деятельности в Евросоюзе, примерно три четверти (77,8%) трудозатрат в сельском хозяйстве поступает от владельца или членов его/ее семьи. На Мальте, в Хорватии, Ирландии и Польше на семейный труд приходилось более 90% объема выполненных работ в сельском хозяйстве.

С другой стороны, в ряде стран основная часть рабочей силы приходилась на наемный труд - Словакия (71,9%) и Чешская Республика (77,7%). В некоторых странах, где семейный труд преобладает существует сравнительно большие объемы трудозатрат наемных работников, в частности, нерегулярный (сезонный) труд (часто для сбора скоропортящихся культур) составляет от 10% до 20% в сельском хозяйстве на Кипре, Италии, Нидерландах, Греции и Испании.

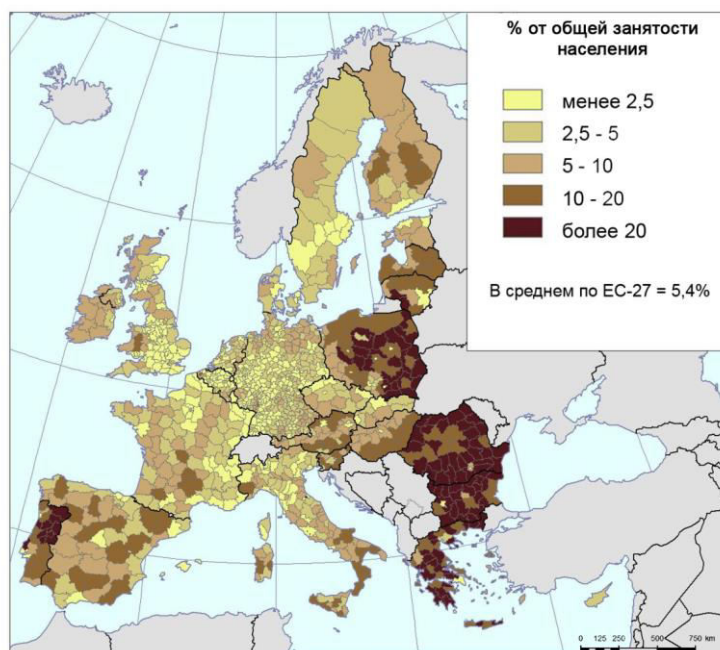

Рис. 6. Доля занятых в сельском хозяйстве в ЕС-27, 2015г.

Современный этап развития европейского сельского хозяйства характеризуется обеспечением внутренних потребностей в продовольствии за счет собственного производства. Это в первую очередь характерно для ключевых стран Западной Европы, в первую очередь для Франции. Полностью обеспечивая себя основными видами сельскохозяйственной продукции, Франция является крупным экспортёром пшеницы и сахара. Германия уступает Франции не только в общей стоимости произведенной продукции, но и не обеспечивает внутренние потребности в мясомолочных продуктах. Высокой степенью самообеспеченности среди стран ЕС выделяется Дания, специализирующаяся на экспорте свинины, мяса птицы, сыра и животного масла. Бельгия и Нидерланды обеспечивают свои потребности в животноводческой продукции (отчасти ее экспортируя), производстве картофеля, сахара, но вынуждены ввозить зерновые. Собственная продукция животноводства составляет 100% рынка Финляндии, по 90% в Швеции и Испании. Особняком стоит Ирландия, экспортирующая 90% произведенного в стране масла, 25% сыра и 80% говядины, но ввозящая около 50% растениеводческой продукции. Низкой обеспеченностью собственным продовольствием характеризуются страны Восточной Европы.

Сельское хозяйство Европейского Союза остается не только важнейшей отраслью материального производства, дающей значительный экспортный доход, но и значимой внешнеполитической составляющей по обеспечению продовольственной безопасности стран-участников ЕС.

Литература

1. Кузина И.М., Смирнягин Л.В., Харитонов В.М. Соединенные Штаты Америки. Эволюция сельской местности и меняющаяся география аграрного сектора// География, общество, окружающая среда. Городец, 2004. С. 347-383
2. Нефедова Т.Г. Сельская местность Финляндии. География. - 2010. - № 1 (1 - 15 января). - С. 6-15
3. Пуляркин В.А., Егоров И.Д. Типы и районы сельского хозяйства в развивающихся странах. - Якутск: Бичик, 2001. — 235 с.
4. Agriculture, forestry and fishery statistics. 2015 edition. <http://ec.europa.eu/eurostat>
5. Bański J., 2006, Geografia polskiej wsi, PWE, Warszawa.
6. Biczkowski M., 2013, Przestrzenna alokacja wsparcia finansowego z instrumentów wspólnej polityki rolnej i ich wpływ na rozwój społeczno-gospodarczy obszarów wiejskich, Acta UL Folia Geogr. Socio-Oecon., zeszyt 13, pp. 93-114 .
7. Biczkowski M., 2016, Fundusze unijne wdrażane poprzez Regionalne Programy Operacyjne jako neoendogeniczny czynnik rozwoju obszarów wiejskich, „Studia Obszarów Wiejskich”, tom 41, pp. 63-81.
8. Biczkowski M., Rudnicki M., Dubownik A., 2016, Działania PROW ukierunkowane na wsparcie działalności pozarolniczej: ocena zróżnicowania przestrzennego i innowacyjnego wpływu na rozwój obszarów wiejskich
9. Dubownik A., 2010, Oddziaływaniw środków Unii Europejskiej na różnicowanie działalności gospodarczej na obszarach wiejskich województwa wielkopolskiego, [v:] R. Rudnicki (red.), Fundusze Unii Europejskiej jako czynnik modernizacji rolnictwa polskiego, Seria: Studia i Prace z Geografii i Geologii, nr 7, Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań.

10. Dubownik A., 2011, Rola środków Wspólnej Polityki Rolnej Unii Europejskiej w przekształcaniach rolnictwa w województwie wielkopolskim, Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań.
11. Kacprzak E., 2010, Pozyskiwanie środków finansowych Wspólnej Polityki Rolnej przez grupy producenckie w Polsce, „Studia Obszarów Wiejskich”, tom 24, pp. 99-119.
12. Morgan S.L., Marsden T, Miele M., et al., 2010, Agricultural multifunctionality and farmers' entrepreneurial skills: A study of Tuscan and Welsh farmers, „Journal of Rual Studies”, volume 26, Issue 2, pages 116-129.
13. Poeg J.D., Roep D., 2003, Multifunctionality and rural development: the actual situation in Europe, [in:], G. van Huylenbroeck and G. Durand, Multifunctional Agriculture; A new paradigm for European Agriculture and Rual Development, Ashgate, Hempshire, England, pp. 37-53.
14. Rudnicki R., 2010, Zróżnicowanie przestrzenne wykorzystania funduszy Unii Europejskiej przez gospodarstwa rolne w Polsce w latach 2004-2006, Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań.
15. Rudnicki R., 2013, Spatial differences in the use of European funds by agricultural holdings in Poland in the years 2002-2010, „Studia Regionalne”, Vol. 36, pp. 72-87.
16. Rudnicki R., Biczkowski M., Dubownik A., 2016, Działania PROW ukierunkowane na wsparcie działalności pozarolniczej : ocena zróżnicowania przestrzennego i innowacyjnego wpływu na rozwój obszarów wiejskich, „Studia Komitetu Przestrzennego Zagospodarowania Kraju PAN”, tom 173, pp. 71-87.
17. Wilson G.A., 2008, From 'week' to 'strong' multifunctionality: conceptualizing farm-level multifunctional transitional pathways, „Journal of Rual Studies” 24, pp. 367-383.

ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.В. Козлова

Курский государственный университет, Курск
e-mail: kozlovagali@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования толерантности школьников в ряде районов Курской области, в ней представлены результаты проведенного исследования, демонстрирующие отношение учителей географии к данной проблеме, и показатели уровней сформированности толерантности у обучающихся.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, уровень толерантности, воспитание

Одной из актуальных проблем современных образования в России является формирование у детей и молодежи такого важного качества личности как толерантность. Вызвано это тем, что в последнее время значительно возрос уровень социальной напряженности, которая наиболее остро проявляется в межэтническом взаимодействии.

Толерантность (*от лат. tolerantia терпение*) терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Она необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является

признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции [2].

Проявления интолерантного поведения в межнациональных отношениях, особенно среди молодежи, к сожалению характерны и для Курской области, несмотря на то, что национальный состав населения области достаточно однороден – более 90% составляют русские. Проживающие на территории области представители других национальностей (украинцы, армяне, цыгане, белорусы, азербайджанцы, татары, молдаване и др.) составляют менее 10%. Тем не менее, негативное отношение к людям других национальностей проявляется достаточно часто.

Быть толерантным – это, значит понимать и признавать тот факт, что люди отличаются по внешности, положению, поведению, ценностям и обладают правом сохранять свою индивидуальность. Формирование толерантности является глобальной проблемой, и решаться она должна через воспитание детей. Воспитание в духе толерантности способствует развитию у подрастающего поколения навыков независимого и критического мышления, выработки суждений, основанных на морали.

Особое внимание развитию толерантности необходимо уделять в детском возрасте в рамках семьи и школы, т.к. детям, проще объяснить насколько важна терпимость в современном мире.

Проблема формирования толерантности в школах г. Курска и Курской области (Курский, Коньшовский, Суджанский районы) изучалась нами совместно со студентами магистратуры направления подготовки Педагогическое образование направленность Географическое образование Мамедовой Т., Пеньковой Е. Мы пытались выявить отношения педагогов к проблеме формирования толерантности учащихся и определить у школьников уровень их толерантности. В исследовании участвовало 25 учителей географии и 300 обучающихся образовательных организаций названных районов.

Установлено что все, участвующие а опросе, учителя работают над формированием толерантности у школьников, используя различные методы и опираясь индивидуальный подход, но к сожалению, не все педагоги в полной мере доносят суть данного понятия до детей. Так, национальный вопрос обходят стороной 48% учителей, боясь вызвать отрицательную реакцию детей. Возможности негативных последствий поступков и решений учащихся разьясняют лишь 70% педагогов, а остальные считают, что это должны делать родители.

Не все учащиеся понимают что такое «толерантность». 28 % опрошенных не смогли четко сформулировать суть понятия. 22 % детей определяют «толерантность», как терпимое отношение к людям других наций, верований, культурных традиций, политических убеждений. 17 % – считают, что это хорошее отношение к пожилым и слабым людям, 15 % – ответили, что это хорошее отношение к бедным, 18 % – назвали

уважительное отношение к людям других национальностей (8 %) и религий (10 %) (рис.1). Все это свидетельствует о недостаточной работе учителей и родителей по разъяснению школьникам важности данного качества личности.

Рис.1. Толерантность в понимании обучающихся

При изучении уровня толерантности мы использовали диагностику разработанную Степановым В.П., которая содержит опросник где условно выделено 4 уровня: высокий и невысокий уровни толерантности, а также высокий и невысокий уровни интолерантности. [1]. Выявлено, что большинство обучающихся (46%) имеют низкий уровень толерантности, высокий уровень имеют 25% испытуемых, 29% учащихся обладают интолерантностью: из них 6% имеют высокий уровень интолерантности (рис.2). На наш взгляд данный результат также свидетельствует о недостаточной совместной работе школы и родителей по воспитанию толерантной личности.

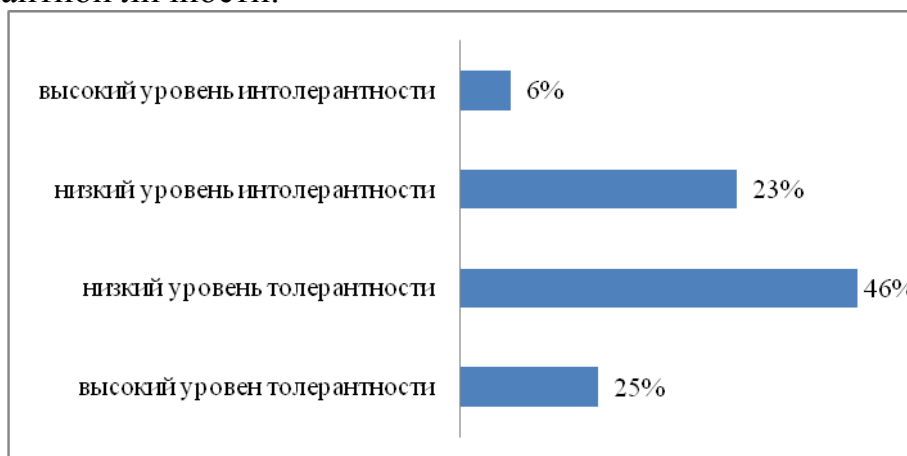

Рис.2. Уровень толерантности обучающихся

Сопоставление данных по районам исследования, показало что лучше всего обстоит ситуация в Суджанском районе, где высокий уровень толерантности имеют около 50% испытуемых. По нашему мнению это

обусловлено активной и систематической работой учителей и родителей по воспитанию толерантности, в связи со сложной политической обстановкой на территории Украины, с которой граничит данный район.

Таким, образом, современная школа с самых первых дней обучения, при поддержке родителей, должна быть местом, где создаются благоприятные условия для межнационального общения, где обучающимся прививается уважение к своей культуре и культурам других народов. Негативное отношение к чужой культуре возникает из-за отсутствия знаний о народах и их отношениях, о национальных культурах и традициях. Содержание школьной географии нацелено на изучение данных вопросов, что возлагает на неё особую роль в формировании толерантности обучающихся.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy
2. Степанов П.В. Воспитание толерантности у школьников: теория, методика, диагностика / Под ред. Л.И. Новиковой. М.: АПКИПРО, 2005

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИГРАНИЧНОЙ С КОЛУМБИЕЙ ЧАСТИ ЭКВАДОРА

Р.А. Кравченко, Мари Росеро

*Латиноамериканский центр науки и образования «MITAD DEL MUNDO», Республика Эквадор
e-mail centrlcemm@yahoo.com*

Аннотация. Рассмотрены приграничные с Колумбией территории кантонов Эквадора. Плотность населения существенно ниже, по сравнению со средней по стране. Данные территории можно отнести к депрессивным районам. Установлено, что высокие таможенные пошлины, на многие товары, провоцируют массовый, контрабандный ввоз товаров из Колумбии в Эквадор.

Ключевые слова: приграничная территория, контрабандная торговля, Эквадор, Колумбия, Тулькан.

Республика Эквадор граничит с государствами Перу и Колумбия. С соседними странами Эквадор имеет достаточно оживленные экономические, социальные, культурные и миграционные связи. Протяженность сухопутной границы с Колумбией составляет около 600 км.

Административно–территориальное устройство Эквадора предусматривает деление на 24 провинции, которые в свою очередь делятся

на кантоны. С Колумбией граничат три провинции северной части страны: Эсмеральдас, Карчи, Сукумбиос.

В таблице 1 представлены отдельные данные по приграничным кантонам. В скобках указана провинция.

В Эквадоре выделяют три основных континентальных природных области: прибрежная, горная и амазонская (территория верховий притоков бассейна р. Амазонка к востоку от горной системы Анд, с преобладанием экваториальной сельвы). Вдоль колумбийской границы расположены все три области. Авторы считают обоснованным выделение так же промежуточных областей: предгорно-прибрежной и предгорно-амазонской.

Демографические показатели получены по статистической информации Национального института статистики [1] на основе результатов переписи 2010 г. К настоящему времени численность населения страны увеличилась и превышает 16 млн. чел. Однако специфика учета населения в стране в период между переписями может основываться в ряде случаев на оценочных показателях. В связи с этим, для сравнительных демографических характеристик разных территорий обоснованно использовать результаты именно переписи населения.

Плотность населения приграничных кантонов составляет 17,1 человек на км², что существенно ниже средней по стране (51 чел./км²). Уровень урбанизации (53 %) так же ниже, чем средние по стране показатели (около 63 %).

Таблица 1

Приграничные с Колумбией кантоны Эквадорских провинций

Кантон	Природная область	Площадь кантона, км ²	Население, тыс. чел.	Плотность населения, чел/км ²	Уровень урбанизации, %
Сан Лоренсо (Эсмеральдас)	Прибрежная	3106	42,5	13,7	54,8
Тулкан (Карчи)	Горная и частично предгорно-прибрежная	1801	86,5	48,0	61,9
Сукумбиос (Сукумбиос)	Предгорно-амазонская и горная	1502	3,4	2,7	16,2
Каскалес (Сукумбиос)	Амазонская	1248	11,1	8,9	18,8
Лаго Агрио (Сукумбиос)	Амазонская	3139	91,7	29,2	52,9
Путумайо (Сукумбиос)	Амазонская	3559	10,2	2,9	21,6
Всего: 6 кантонов		14355	245,4	17,1	53,0

Основная территория используется для сельского хозяйства, представленного растениеводством, животноводством, рыболовством. Так же развито лесоводство. В городских населенных пунктах существует промышленность по переработке сельскохозяйственной продукции, мелкие ремонтные и обрабатывающие предприятия, торговля, сфера услуг.

С точки зрения экономического развития большинство провинциальных зон страны относятся к депрессивным территориям по сравнению с крупным экономическим центром г. Гуаякиль и столицей страны г. Кито. Приграничные с Колумбией кантоны в своей основе, так же можно отнести к депрессивным районам.

Республика Эквадор в последние годы оказалась в непростой экономической ситуации в связи с резким падением цен на нефть. Одной из мер пополнения бюджета явилось увеличение сборов и таможенных пошлин на товары потребления иностранного производства, в том числе колумбийские.

Основная транспортная магистраль Панамериканское шоссе (Panamericana) соединяющая Эквадор и Колумбию проходит через г. Тулькан, центр одноименного кантона и провинции Карчи. Кантон характеризуется наиболее высоким уровнем урбанизации (61,9 %) среди рассматриваемых административно-территориальных образований. Населения города оценивается от 50 до более 60 тыс. человек. Отличия связаны с разной интерпретацией принадлежности пригородных зон, и учетом населения выехавшего на временную работу и учебу.

Здесь расположен пункт пропуска, миграционный контроль, таможня. В качестве национальной валюты в Эквадоре используется доллар США. В Колумбии своя национальная валюта - песо. Въезд в Колумбию для эквадорских граждан безвизовый, по внутреннему эквадорскому общегражданскому документу, называемому «седула». Цены на многие товары потребления в Колумбии существенно ниже, чем в Эквадоре. В непосредственной близости от границы, около 5 км к северу от Тулькан, расположен колумбийский город Ипиалес, население которого порядка 100 тысяч жителей.

Эти факторы явились предпосылками активного развития контрабандной, беспошлинной торговли.

Изучение приграничной территории показало, что происходит массовый выезд населения за покупками в Колумбия, как из г. Тулькан, так и из столицы расположенной в 250 км. к югу по Панамериканскому шоссе. Наибольшим сбросом пользуются такие товары потребления, как компьютеры, мобильные телефоны, телевизоры, другая бытовая техника, одежда, обувь, алкогольная и табачная продукция. Закупается как для нужд населения приграничной зоны, так и в больших объемах для продажи в столице, в г. Кито.

Проверка проводится в отношении грузового автотранспорта. Специфика приграничной торговли состоит в том, что для легкового автотранспорта практически не проводится таможенный досмотр.

Рис. 1. Эквадорско - Колумбийская граница. Кантон Тулькан

Осуществляется лишь формальный осмотр и свободный пропуск товаров запрещенных к беспошлинному провозу, без задержек и поборов. Более того, как правило, не проверяются документы при пересечении границы.

Таким образом, граница фактически беспрепятственна для пересечения и ввоза контрабандных товаров в приграничной зоне. На рисунке 1 показана Эквадорско - Колумбийская граница, где отражено, что происходит активное движение легкового автотранспорта, и формальный таможенный досмотр.

Покупка товаров в г. Ипиалес осуществляется, как правило, в обычных супермаркетах, в два – три раза дешевле, чем в Эквадоре. Однако в Колумбии невыгодный обмен валют. Поэтому в г. Тулькан существует отлаженная, более благоприятная для эквадорцев система обмена. Надо отметить, что в городе не существует официальных обменных пунктов. Однако инициатива населения позволяет заполнить эту нишу. На рисунке 2 показана одна из точек по обмену. Полиция не препятствует индивидуальному уличному обмену валют.

Рис. 2. Точка обмена валют в г. Тулькан. Улица Боливар

В отличии от активных торговых связей в приграничной территории следует обратить внимание на тот факт, что маятниковая трудовая миграция практически отсутствует.

У населения приграничной зоны сглажены диалектные отличия испанского языка. В то время, как во внутренних районах Эквадора, колумбийцы четко выделяются особенностями диалектного произношения.

Еще один из значимых политических, социально-экономических криминальных аспектов – это производство и транспортировка наркотиков (кокаина). Хотя как Колумбийское, так и Эквадорское законодательство предусматривает достаточно суровое наказание за участие в наркоторговле. Основной производитель это Колумбия. Эквадор тоже участвует в производстве, но в основном выступает как территория транспортировки.

Порой колумбийские производители перемещались через границу, организуя изготовление кокаина в амазонской, предгорно-амазонской части Эквадора. Получил известность эпизод нанесения колумбийскими войсками удара по укрывшимся в приграничной части Эквадора колумбийцам. Это привело к дипломатическому скандалу. Был еще ряд конфликтных ситуаций, в том числе спровоцированных колумбийскими повстанцами. И в целом ситуация на части эквадорско-колумбийской границы являлась причиной ряда политических конфликтов [2, 3].

В течение последних десятилетий в Колумбии шло вооруженное противостояние правительства и оппозиционных движений. Одним из мест укрытия ряда групп и ветеранов партизанского движения являлась территория Эквадора. В последнее время руководство Колумбии предприняло инициативы по мирному урегулированию длительного вооруженного конфликта с повстанцами. Это снизило напряженность в приграничной зоне.

Литература

1. Instituto Nacional de Estadística y Censos/
<http://www.ecuadorencifras.gob.ec/censo-de-poblacion-y-vivienda/> (In Spanish).
2. Paredes, C. La frontera de Colombia con Ecuador, cada vez más “caliente”. – Semana, 23 años. - 2007. <http://www.semana.com/on-line/articulo/la-frontera-colombia-ecuador-cada-vez-mas-caliente/89487-3> (In Spanish).
3. Briscoe, I. Conflictos en la frontera: Las nuevas zonas calientes en América Latina/ FRIDE. – 2008.
http://fride.org/descarga/COM_Bordelands_Americas_ESP_jul08.pdf (In Spanish).

ТРАНСПОРТНО-ТАРИФНАЯ ДОСТУПНОСТЬ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРИГРАНИЧНЫМ ГОСУДАРСТВАМ

П.М. Крылов

*Московский государственный областной университет,
ОАО Российский институт градостроительства и инвестиционного
развития «Гипрогор», Московская область
e-mail: pmkrylov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается фактическая транспортная связность территории российского Дальнего Востока с приграничными государствами. Детально рассматривается транспортно-тарифная доступность регионов российского Дальнего Востока на весну 2017 года.

Ключевые слова: Дальний Восток, приграничные связи, региональная транспортная система, транспортно-тарифная доступность, географическое положение.

В настоящей статье нами рассматриваются транспортные связи и транспортно-тарифная доступность российских регионов Дальнего Востока с государствами российского приграничья.

Регионы Дальнего Востока имеют уникальные для России параметры транспортно-географического положения: их внутренняя транспортная связность (в т.ч. транспортно-тарифная доступность) хуже, чем внешняя связность их региональных центров. Оторванность Дальнего Востока от других макрорегионов России отмечается во множестве исследований. Государственная политика в области субсидирования авиаперелётов внутри Дальнего Востока и с территории Дальнего Востока в Европейскую часть России для части жителей региона не решает всех проблем существования Дальнего Востока в едином транспортном пространстве России.

Развитие внешнеэкономических связей, облегчение визовых требований для россиян, постепенный (но нестабильный) рост их благосостояния всё больше связывает регионы Дальнего Востока с ближайшими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В первую очередь, это КНР, Республика Корея, Япония и ряд других государств. Упрочнение международных транспортных связей на Дальнем Востоке сдерживается низкой плотностью населения в российских регионах Дальнего Востока, монополизмом транспортных компаний и, как следствие, высокой стоимостью авиабилетов даже на небольшие по расстоянию маршруты. Особенно ярко это проявляется в сравнении с транспортными связями городов Европейской части России с приграничными государствами первого и второго порядка.

Несмотря на то, что только часть регионов Дальнего Востока выходят к государственной границе России, внешние транспортные связи связывают с

внутренние, не выходящие к границе России регионы (например, Республика Саха (Якутия)).

Внешние транспортные связи можно разделить на следующие основные группы:

1) регулярные (реже сезонные) транспортные маршруты автомобильного, речного, железнодорожного транспорта России с КНР (Амурская область, Еврейская А.О., Хабаровский край, Приморский край);

2) регулярные транспортные маршруты авиатранспортом крупнейших городов (и агломераций) региона (Владивостока, Хабаровска, Южно-Сахалинска, Благовещенска, Якутска) с государствами АТР (КНР, Японией, Республикой Корея⁵ и др.)

3) чартерные, нерегулярные авиамаршруты городов Дальнего Востока с городами и курортами государств АТР (КНР, Таиланд, Вьетнам, США (о. Гуам), Содружество Северных Марианских островов (о. Сайпан) и др.);

4) специализированные уникальные транспортные связи (железнодорожные и авиамаршруты), в т.ч. преимущественно рассчитанные не для граждан России (авиамаршрут между Владивостоком и Пхеньяном⁶, железнодорожное сообщение России и КНДР).

Огромный диспаритет в расселении и экономическом потенциале государств АТР по сравнению с Дальним Востоком привёл к ситуации, когда с российской стороны отправной точкой для авиамаршрутов являются города-региональные центры (их аэропорты), тогда как в государствах АТР отправными точками (городами) будут как столичные города, так и отдельные региональные центры (например, города Пусан или Харбин).

Неэффективность приграничной транспортной системы России и КНР (в т.ч. сложности в прохождении процедур пограничного и таможенного контроля для пассажиров) привела к организации многовидовой транспортной связности России и Китая (автобусный транспорт соперничает не только с железнодорожным, но и также с авиатранспортом).

Наибольшим разнообразием тарифов для приграничных транспортных связей Дальнего Востока отличается авиатранспорт, которому мы и посвятим основную часть настоящей работы.

Как известно, стоимость авиабилета всех классов состоит не только из стоимости авиационного керосина, использования (в т.ч. лизинга) воздушного судна, объёмов перевозок, но также и из субъективных факторов. К ним можно отнести уровень конкуренции (монополизма) на определённом направлении, уровень платёжеспособного спроса пассажиров, курс рубля по отношению к национальным валютам государств АТР, маркетинговую политику авиакомпаний и др. факторы.

⁵ Республика Корея рассматривается в настоящей статье в качестве приграничного государства первого порядка, хотя фактически таковым не является.

⁶ Граждане России и других стран мира (за исключением граждан КНДР) не могут самостоятельно забронировать и (или) купить авиабилеты по направлению Владивосток – Пхеньян.

Для изучения транспортно-тарифной связности территории сравним стоимость и частоту пассажирских связей российских аэропортов с городами АТР⁷. Необходимо отметить, что такие города региона, как Благовещенск, Хабаровск, Владивосток и Южно-Сахалинск имеют преимущества по сравнению с другими городами Дальнего Востока, так как расположены ближе других к приграничным государствам. Следует отметить, что г. Биробиджан не имеет международного аэропорта и относится к зоне тяготения аэропорта «Новый» города Хабаровск.

Ниже в таблицах 1-3 приведены сравнительные параметры транспортно-тарифной доступности городов АТР при вылете из аэропортов Дальнего Востока на период 17-23 апреля 2017 г. (при покупке билета в конце марта 2017 г.). Нужно отметить, что возросшая в последние годы связность авиатранспортом региональных центров Дальнего Востока между собой компенсирует для некоторых из них отсутствие прямых рейсов в города приграничных государств АТР.

Рейсы с пересадкой (сегменты маршрута), выполняемые одной авиакомпанией существенно снижают стоимость перелёта (билета для пассажиров).

Таблица 1

Транспортно-тарифная связность городов Дальнего Востока с Сеулом, билет экономического класса в одну сторону, минимальная стоимость, руб.

город, аэропорт	средняя частота связей, рейсов в день	средняя стоимость билета, руб.
Владивосток, «Кневичи»	3	10820
Хабаровск, «Новый»	2	11880
Якутск, «Якутск»	менее 1	17600
Южно-Сахалинск, «Хомутово»	менее 1	11600
Петропавловск-Камчатский, «Елизово»	-	10800 (с пересадкой)
Благовещенск, «Игнатьево»	-	12200 (с пересадкой)
Магадан, «Сокол»	-	10800 (с пересадкой)

Необходимо отметить, что авиамаршруты между городами Дальнего Востока представлены с наибольшей частотой сообщений по направлению с городом Сеулом – не только столицей Республики Корея, но и одним из крупнейших городов АТР вблизи российской границы. Помимо Сеула, рейсы в Республику Корея в 2017 году выполняются в Пусан (из Владивостока), Чжонджу и Яньян (из Хабаровска).

⁷ Использованы данные систем бронирования авиабилетов «Полет-сирена» и «Амадеус»

Таблица 2

Транспортно-тарифная связность городов Дальнего Востока с Токио, билет экономического класса в одну сторону, минимальная стоимость, руб.

город, аэропорт	средняя частота связей, рейсов в день	средняя стоимость билета, руб.
Владивосток, «Кневичи»	1	13000
Хабаровск, «Новый»	менее 1	11450
Петропавловск-Камчатский, «Елизово»	менее 1 (лето)	12230 (с пересадкой)
Южно-Сахалинск, «Хомутово»	менее 1	12765
Якутск, «Якутск»	-	28000 (с пересадкой)
Благовещенск, «Игнатьево»	-	16500 (с пересадкой)
Магадан, «Сокол»	-	15500 (с пересадкой)

Помимо авиамаршрутов с Токио, российские города Дальнего Востока связаны также с городом Саппоро (Южно-Сахалинск).

Таблица 3

Транспортно-тарифная связность городов Дальнего Востока с Пекином, билет экономического класса в одну сторону, минимальная стоимость, руб.

город, аэропорт	средняя частота связей, рейсов в день	средняя стоимость билета, руб.
Владивосток, «Кневичи»	менее 1	5600
Хабаровск, «Новый»	менее 1	6300
Якутск, «Якутск»	-	17300 (с пересадкой)
Петропавловск-Камчатский, «Елизово»	-	15500 (с пересадкой)
Южно-Сахалинск, «Хомутово»	-	12200 (с пересадкой)
Благовещенск, «Игнатьево»	-	14600 (с пересадкой)
Магадан, «Сокол»	-	15500 (с пересадкой)

Китайскими городами, с которыми связаны региональные центры российского Дальнего Востока, также являются Гонконг, Шанхай, Яньцзи, Харбин.

По данным, приведённым в таблицах 1-3, можно сделать вывод о средней стоимости билета для каждого из рассмотренных городов Дальнего Востока применительно к рейсам в Сеул, Токио и Пекин.

Отдельного рассмотрения заслуживают уникальные транспортные связи между российскими городами – региональными центрами Дальнего Востока и городами АТР, которые не связаны прямыми авиарейсами с другими городами российского Дальнего Востока. Сюда можно отнести сезонные (в летний период) рейсы между Петропавловском-Камчатским и г.

Анкоридж (США), между Владивостоком и Пусаном (Республика Корея) или Гонконгом (КНР).

Ниже, в таблице 4, приведены значения среднеарифметической стоимости авиабилета по направлению из городов-региональных центров Дальнего Востока в Сеул, Токио и Пекин.

Таблица 4

Транспортно-тарифная связность городов Дальнего Востока с Сеулом, Токио, Пекином (среднеарифметическое значение), билет экономического класса в одну сторону, минимальная стоимость, руб.

город, аэропорт	средняя стоимость билета, руб.
Владивосток, «Кневичи»	9807
Хабаровск, «Новый»	9877
Якутск, «Якутск»	20967
Петропавловск-Камчатский, «Елизово»	12843
Южно-Сахалинск, «Хомутово»	12188
Благовещенск, «Игнатьево»	14433
Магадан, «Сокол»	13933

Таким образом, транспортно-тарифная доступность Хабаровска и Владивостока (основных авиатранспортных узлов всего Дальнего Востока) – самых южных и самых крупных по числу жителей городов-региональных центров российского Дальнего Востока наилучшая по сравнению с другими региональными центрами региона.

Наихудшие значения (не считая г. Анадырь) характерны для Якутска, что связано с отсутствием рейсов с более дешевыми билетами крупнейших российских авиакомпаний (в т.ч. «Аэрофлота»), связывающих Якутск с другими городами региона.

Сравнительно невысокая средняя стоимость авиабилетов между российскими региональными центрами: Магаданом, Петропавловском-Камчатским, Южно-Сахалинском, Благовещенском с городами АТР связана не только с наличием прямых (беспересадочных) рейсов, но также и с широкой сетью местных (внутри Дальнего Востока) авиалиний, связывающих эти города с Хабаровском и (или) Владивостоком – крупнейшими авиатранспортными узлами Дальнего Востока.

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ КЛАСТЕРОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М.К. Мальцева

*Балтийский Федеральный Университет имени Иммануила Канта,
Калининград*

e-mail: maltseva.maltseva@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены основные объекты инновационной и промышленной инфраструктуры, действующие на территории Евразийского Экономического Союза, механизм институциональной поддержки кластерной политики ЕАЭС, особенности формирования трансграничных кластеров внутри Союза.

Ключевые слова: кластер, трансграничный кластер, инфраструктура, ЕАЭС, кластерная политика, приграничный регион

Приграничные регионы обычно являются периферийными в своих странах, а значит, и менее развитыми. В ходе реформ для старых приграничных регионов возникли новые возможности по развитию трансграничного сотрудничества, усилению интеграции сопредельных регионов, росту экспорта и изменению структуры экономики. Более развитый регион или осуществляющий при государственной поддержке более активную политику получает от сопредельного региона необходимые ему для развития ресурсы[3]. Фактически лидирующий в сотрудничестве регион расширяет границы своих кластеров, вовлекая в них предприятия сопредельного региона и создавая дополнительные при необходимости. В 90-х годах ряд российских предприятий из приграничных регионов вошел в кластеры сопредельных регионов в качестве поставщиков сырья и продукции[4]. Для дальнейшего развития отношений требуются институциональные преобразования. В ЕС обычно создается еврорегион, что позволяет упорядочить сложившиеся связи, создать условия для новых и привлечь средства в создание инфраструктуры. Экономической основой развития такого региона в Евразийском Экономическом союзе могут стать трансграничные кластеры. Развитие кластеров является перспективным инструментом повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Основной вектор развития экономики Евразийского Экономического Союза заложен в договоре о ЕАЭС и приложениях к нему. Согласно «Протоколу о промышленном сотрудничестве», закрепленному в Приложении №27 к договору о ЕАЭС, полномочия Евразийской экономической комиссии в рамках консультативной поддержки и координации деятельности государств-членов по основным направлениям промышленного сотрудничества в рамках Союза заключаются в разработке рекомендаций, оказании информационного обмена, разработке и реализации

совместных программ[10]. При этом помимо инновационных и промышленных кластеров выделяется несколько объектов промышленной инфраструктуры:

1. Территория опережающего развития (ТОР) – в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций имеют особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности

2. Технопарк – комплекс из объектов инженерной, транспортной, жилой и социальной инфраструктуры, резидентами которого являются малые и средние предприятия, научные организации, учебные заведения, организации инновационной инфраструктуры, производственные предприятия

3. Бизнес-инкубаторы – организации, созданные для поддержки предпринимателей на ранней стадии их деятельности.

Все они обладают определенными экономическими льготами и преференциями.

Таблица 1

Преференциальные характеристики объектов промышленной инфраструктуры в ЕАЭС

Наименование объекта инновационной инфраструктуры	Преференции и субсидии			Привязка к территории
	Таможенные льготы	Налоговые льготы	Государственные субсидии	
Особые (специальные) экономические зоны (ОЭЗ, СЭЗ)	да	да	да	да
Промышленные и инновационные кластеры	да/нет	да	да	да
Свободный порт	да	да	да	да
Территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) и зоны территориального развития		да	да	да
Индустриальные и промышленные парки		да	да	да
Технопарки		да	да	
Бизнес-инкубаторы			да	
Научно-технические центры			да	

По данным Евразийской экономической комиссии на территории Российской Федерации на 2016 год действует 25 инновационных кластеров, 59 промышленных и 14 наукоградов [10].

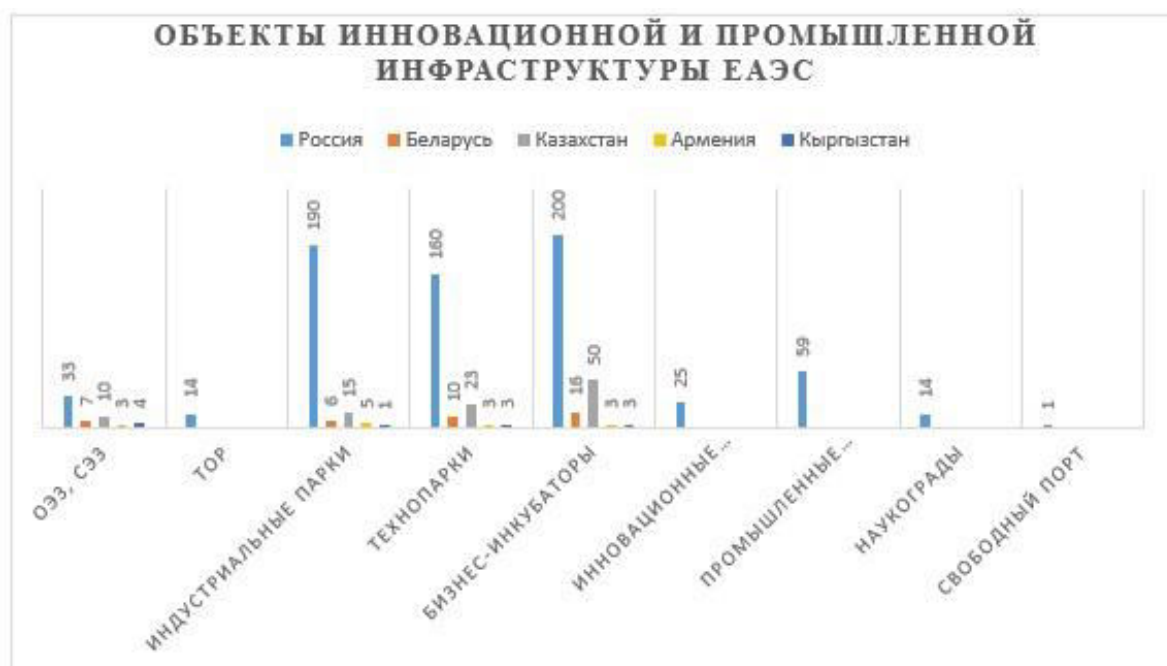

Рис.1. Соотношение объектов инновационной и промышленной инфраструктуры в государствах-членах ЕАЭС.

Основная институциональная поддержка кластеров в ЕАЭС осуществляется на национальном уровне. Правительства определяют развитие кластерной политики путем принятия соответствующих законов (о наукоградах, ОЭЗ, ТОРах, и т.д.) [1]. Далее федеральными ведомствами разрабатываются программы (Минэкономразвития и Минпромторг в РФ). На конкурсной основе выбираются пилотные проекты, которые будут получать государственные субсидии в рамках программы развития малого и среднего бизнеса.

В Российской Федерации действует «Концепция социально-экономического развития РФ до 2020 года», которая предполагает развитие слабоосвоенных и отстающих регионов путем внедрения кластерной организации экономики, а также государственную финансовую, административную и инфраструктурную поддержку. В рамках действующей концепции, Министерство Экономического Развития разработало программу поддержки малого и среднего бизнеса, по которой на конкурсной основе определяются пилотные кластерные проекты, которые имеют право через Центры развития кластеров на предоставление им субсидий. Аналогичный механизм разработан Министерством промышленной торговли для развития промышленных кластеров в целях эффективного импортозамещения.

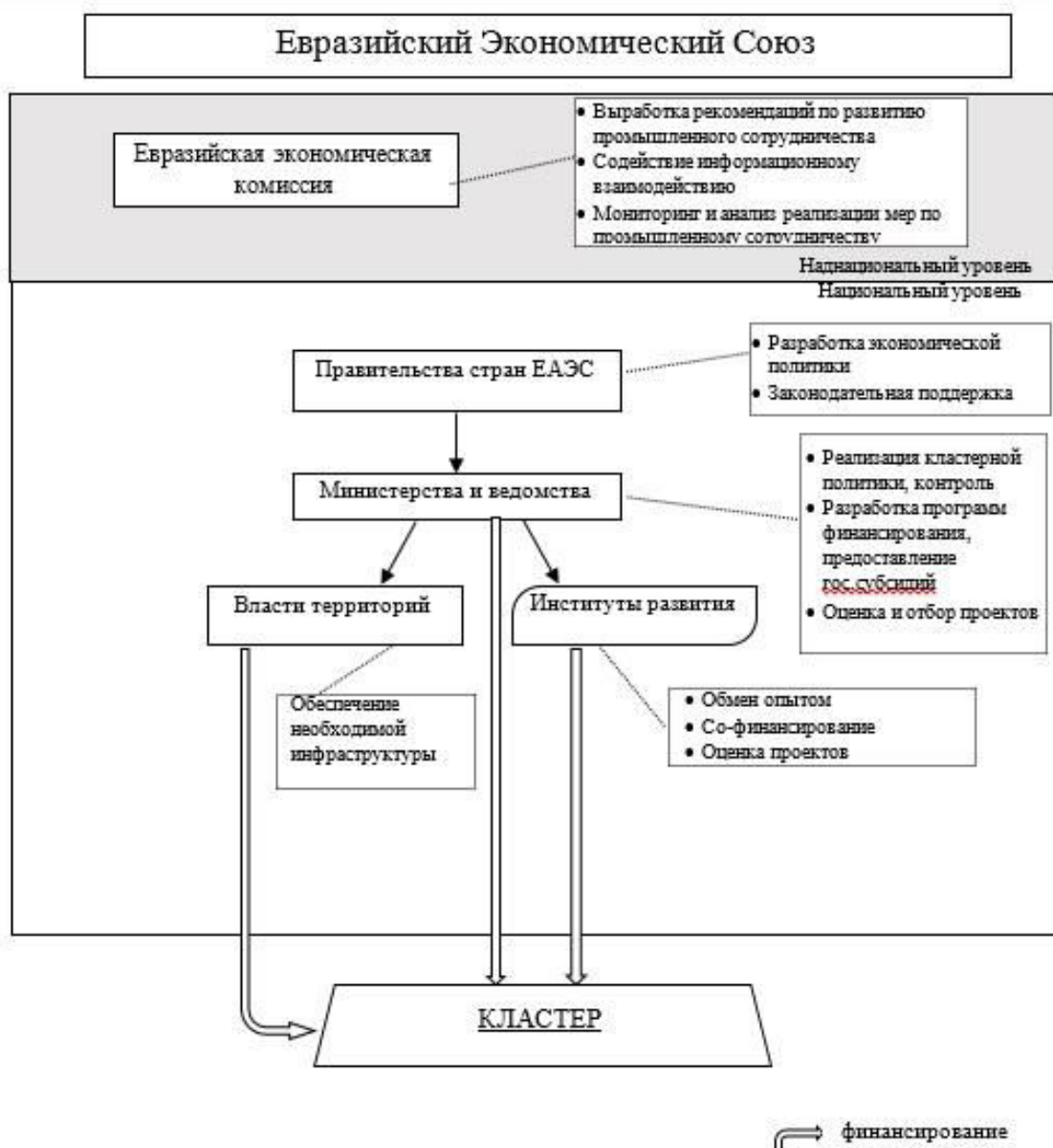

Рис.2.Схема механизмов поддержки развития кластеров в ЕАЭС

При определении трансграничного кластера в первую очередь следует исходить из того, что его агенты располагаются с разных сторон границы, взаимодействуют друг с другом и связаны с определенным рынком[5]. Поэтому под трансграничным кластером обычно понимается устойчивое взаимодействие широкого круга взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимодополняющих агентов, локализованных в приграничных территориях соседних стран, функционирующих в смежных отраслях, занимающихся совместным созданием товаров и услуг[8]. Из рисунка 2 видно, что лидирующее положение по формированию кластеров занимает Россия, при этом внутри ЕАЭС не сформировано ни одного трансграничного кластера между странами-участницами союза.

Если обратиться к опыту Европейского Союза, который создан гораздо раньше Евразийского Экономического Союза и в котором довольно успешно проводится кластерная политика, стоит отметить, что на данный момент

действует более 9 крупных эффективных трансграничных кластеров внутри Союза[9].

В Европейском Союзе основа механизма развития кластеров лежит на наднациональном уровне, государства-участники союза лишь обеспечивают благоприятные условия, со-финансирование и необходимую инфраструктуру [6]. В ЕАЭС на наднациональном уровне определен вектор развития, проводится таможенная политика для создания благоприятных условий, когда как механизм поддержки и финансирование разрабатываются на государственном уровне. Государство инициирует создание кластеров, проводит налоговую, бюджетную политику. При этом в пределах Евразийского Экономического Союза не сформировано ни одного трансграничного кластера между государствами-членами союза.

Это можно объяснить различным уровнем интеграции в союзах. В ЕС страны отдали большую часть своего суверенитета и имеют сильный правовой наднациональный механизм. Действует эффективный механизм по обмену данными. Например, предприятие может осуществлять свою внешнеэкономическую деятельность в любой стране Европейского Союза, выплачивать налоги и таможенные пошлины, при этом дальнейшую реализацию берут на себя государственные органы регистрации предприятия и органы третьей страны.

В ЕАЭС законодательно закреплено развитие интеграционных процессов, которые заключаются в формировании общего рынка и свободы перемещения товаров, однако более глубокое взаимодействие отсутствует. На данный момент все еще действует так называемый «принцип резидентства», согласно которому предприятия осуществляют свою налоговую и иную только в стране регистрации предприятия. Отсутствует общие базы данных, правовыми актами не предусмотрено регулирование передачи и учета банковских сведений, налоговых, таможенных между государствами. Все это значительно усложняет процессы трансграничного сотрудничества.

Можно сделать вывод, что само понятие трансграничного кластера для ЕС и ЕАЭС различается. В Европейском Союзе с таким глубоким уровнем интеграции и эффективным наднациональным механизмом, общей валютой, а также отсутствием фактических границ и межгосударственных барьеров оно трансформируется в более широкое понятие международный кластер, тогда как в ЕАЭС процессы формирования трансграничного кластера между странами внутри союза либо задействуя внешние границы практически схожи. В обоих случаях необходима специальная разработка государственных программ, закрепление необходимых для развития преференций и т.д. Закрепление в законодательстве Евразийского Экономического Союза мер, регулирующих создание и использование единых для всех государств-членов Союза информационных баз данных, а также наднационального финансового фонда значительно упростит организацию администрирования и будет способствовать более глубокой

интеграции и, в результате, процессу кластеризации и развития экономики в Союзе.

Трансграничный кластер может создаваться на основе соглашений региональных властей и бизнеса сопредельных регионов или даже по инициативе регионального бизнеса через создание специальных трансграничных структур. Приграничные регионы иногда обладают сходным уровнем развития экономики и технологий, но чаще характеризуются значительной асимметрией по уровню экономического развития и по темпам роста [7]. В первом случае создание кластера усиливает синергетический эффект в развитии сопредельных территорий, во втором в дополнение к нему обычно происходит сближение уровней развития сопредельных регионов за счет более быстрого развития менее развитого региона[2]. Но в любом случае возможность создания трансграничных кластеров реализуется в тех направлениях приграничного взаимодействия, которые строятся на взаимовыгодной основе.

Подводя итоги, стоит сказать, что формирование трансграничного кластера в ЕАЭС определяется в первую очередь активностью государственных структур, национальных и региональных, и созданием государственно-частного партнерства. Требуются соглашения сопредельных регионов, которые бы определяли условия и льготы для развития бизнеса, финансовую поддержку образовательных и исследовательских центров, создание условий для их интеграции и повышения инновационной активности.

Литература

1. Ан Е.А. Кластерный подход к инновационному развитию трансграничных территорий Казахстана и России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. - № 3. - С. 31-34
2. Бакланов П.Я., Шинковский М.Ю. Трансграничный регион: понятие, сущность, формы. - Владивосток: Дальнаука, 2010. - 276 с.
3. Вардомский Л.Б. Проблемы и тенденции регионализации постсоветского пространства // Вопросы глобализации и регионализации на пространстве бывшего СССР. - М.: ИМЭПИ РАН, 2002. - С.15-36
4. Дружинин П.В. Развитие экономики приграничных регионов в переходный период. - Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. - 245 с.
5. Михайлов А.С. Формирование международных кластеров в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2013. - № 1. - С. 53-66.
6. Рекорд С.И. Развитие промышленно-инновационных кластеров в Европе: эволюция и современная дискуссия. - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. - 109 с
7. Черняк Е.Г. Модель формирования стратегии экономического роста приграничного региона // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. - №5 – С.69-72
8. Sölvell Ö. Clusters – Balancing Evolutionary and Constructive Forces. Second edition. - Ödeshög: DanagerdsGrafiska. 2009. - 140 p.
9. Regional Clusters in Europe. Observatory of European SMEs, Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2002. № 3. P. 21–26.

10. Евразийская экономическая комиссия:
<http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/Pages/default.aspx> дата обращения:
21.03.2017г.

ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Л.И. Попкова¹, А.С. Овсянников²

¹*Курский государственный университет, Курск*

²*ООО «НТР-ПРОЕКТ», Воронеж*

e-mail: geopoli@mail.ru, artem_ovsyannikov@mail.ru

Аннотация. Выполнен анализ обеспеченности населения 119 муниципальных районов продовольствием за счет личных подсобных хозяйств.

Ключевые слова: устойчивость, потенциальный контингент потребителей, постоянное население, целевой индекс устойчивости, уровень продовольственной безопасности.

Стабильное развитие общества невозможно без решения проблемы продовольственной безопасности, что предполагает обеспечение доступности населения к ассортименту качественных товаров. Одновременно это может способствовать сохранению трудовых ресурсов в сельской местности. Поэтому в условиях введения Российской Федерацией контрсанкций западным странам необходимо стремиться создать равные возможности для выхода отечественных товаропроизводителей на региональные рынки. В этой связи требуется широкое применение показателей, которые могут отразить не только общий уровень продовольственной безопасности, но и место основных организационно-правовых форм аграрного сектора экономики, включая личные подсобные хозяйства, в обеспечении продовольствием населения конкретных муниципалитетов. Это особенно актуально для областей Центрального Черноземья, где происходят постоянные процессы сокращения численности сельских поселений.

Центральное Черноземье – основной земледельческий регион Центрального Федерального округа. Более 10 лет на его территории происходит структурная перестройка отраслей животноводства, в результате которой преимущество по объемам производства получили крупные сельхозпредприятия. С одной стороны, этому способствует деятельность агрохолдингов по увеличению поголовья скота на собственных предприятиях, а с другой — мероприятия по ограничению содержания животных и птиц в личных подсобных хозяйствах [8]. Таким образом, доступ населения к более экологически чистой продукции снижается. В то же время численность работников сельхозпредприятий на территории муниципальных

районов областей Центрального Черноземья только за период 2009 — 2014 гг. снизилась с 126,3 тыс. чел. до 108,3 тыс. чел. или на 14,3 %.

Кроме того, растущее влияние крупных товаропроизводителей может привести к неконтролируемому росту цен на продовольствие и дальнейшему ухудшению экологической ситуации. По мнению некоторых учёных основной угрозой продовольственной безопасности является не импорт продовольствия, а снижение покупательной способности населения [3,4]. Сегодня система показателей продовольственной безопасности формируется под значительным влиянием экономических факторов. В основном применяются следующие показатели: располагаемые ресурсы домашних хозяйств по группам населения; суточная калорийность продуктов питания; потребление в расчете на душу населения; объемы и динамика производства сельхозпродукции; удельный вес и качество отечественной продукции; обеспеченность торговыми площадями на 1000 чел. постоянного населения [1]. Кроме того, самодостаточность населения территории определяют исходя из соотношения физиологической нормы потребления по основным продуктам питания и количества фактически произведенного продовольствия в расчете на душу населения [7, 9].

В области организации и управления обеспечением продовольственной безопасности необходимо развивать государственные информационные ресурсы, оценивать устойчивость продовольственного снабжения регионов, городов [1]. Поэтому появляется необходимость в применении универсальных показателей, отражающих общий уровень обеспеченности населения продовольствием в границах муниципалитетов, а также возможности для их участия в территориальном разделении труда. Должны быть внедрены индикаторы, которые объективно могут показывать способность возобновления запасов продовольствия и их экспорта за счет собственных сил и средств на конкретной территории за счет различных форм аграрной экономики, особенно личных подсобных хозяйств.

Подход к проблеме, предлагаемой нами, основывается на определении таких количественных и качественных характеристик системы расселения как: самодостаточность — способность самообеспечения жизнедеятельности населения необходимыми видами продовольствия в границах конкретной территории (сельское поселение, муниципальный район, регион); наличие потенциального контингента потребителей продукции, включая местное постоянное население (чел.). На основе этого для сельских поселений агропромышленного типа был разработан специальный показатель - целевой индекс устойчивости, отражающий возможности муниципалитетов производить продукцию не только для своих нужд, но прежде всего как товарную продукцию, предназначенную для потребления за пределами их границ.

Первоначально апробация методики была проведена укрупненно с учетом двух форм (сельхозпредприятий и личных подсобных хозяйств) аграрной экономики на примере пяти муниципальных районов Воронежской области, а затем по сельским поселениям, находящимся в их границах [6].

Благодаря развитию муниципальной статистики появилась возможность конкретной оценки степени участия хозяйств населения в обеспечении продовольственной безопасности муниципальных районов Центрального Черноземья. Объектами исследования нашей работы выбраны территории Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Тамбовской областей. Предмет исследования: социально-экономическая устойчивость систем расселения муниципалитетов. Цель исследования: количественная оценка устойчивости пяти областей, отражающая уровень продовольственной безопасности населения на территории 119 муниципальных районов, обеспечиваемого за счет деятельности личных подсобных хозяйств.

Исходными данными являются: численность постоянного населения (чел.); объем продукции хозяйств населения (далее объем производства) в фактически действующих ценах (млн. руб.); стоимость условного минимального набора продуктов питания (тыс. руб. в год на чел.). Для того, чтобы конвертировать объем сельхозпродукции в условный показатель «потенциальный контингент потребителей» требуется научно-обоснованная экономическая оценка минимума потребностей в продовольствии на одного человека в год в денежном выражении. В нашем исследовании применяется показатель Центральной базы данных государственной статистики – «стоимость условного минимального набора продуктов питания в месяц, тыс. руб.», который был скорректирован в пересчете на закупочные цены с учетом максимальной торговой наценки 30% [10].

В нашем исследовании последовательность расчета включает два этапа:

1) Определяется потенциальный контингент потребителей хозяйств населения (C) муниципального района (чел.). Для этого объем продукции, произведенной личными подсобными хозяйствами (R) делится на среднедушевую стоимость условного минимального набора продуктов питания в год в закупочных ценах (B_2);

(1)

$$C = R : B_2$$

2) Рассчитывается целевой индекс устойчивости $I_{S(ПХ)}$ системы расселения муниципалитета (ед.), обеспечиваемый личными подсобными хозяйствами, как отношение потенциального контингента потребителей (C) к численности постоянного населения (P).

(2)

$$I_{S(ПХ)} = C : P$$

Исходя из полученных результатов, объекты исследования можно распределить по пяти возможным уровням продовольственной безопасности по значению $I_{S(ПХ)}$, ед. (табл.1). Отрицательным в рамках принятой методики

Таблица 1

Распределение 119 муниципальных районов областей Центрального Черноземья по уровням продовольственной безопасности, обеспечиваемых хозяйствами населения за 2014 год

Области Центрального Черноземья	Количество МР - объектов исследования, ед.	Распределение муниципальных районов (МР) по уровням продовольственной безопасности, обеспечиваемой хозяйствами населения по значениям целевых индексов устойчивости $I_{S(ППХ)}$, ед.:				
		0,01 - 1	1,01 - 2	2,01 - 3	3,01 - 4	4,01 - 5
		очень низкий	низкий	средний	высокий	очень высокий
Белгородская	19	10	8	1		
Воронежская	31	1	9	15	6	
Курская	28	4	10	12	2	
Липецкая	18	4	6	7		1
Тамбовская	23	5	16	1	1	
Всего	119	24	49	36	9	1
Доля МР от их общей численности по уровням продовольственной безопасности, %	100,0	20,2	41,2	30,3	7,5	0,8

исследования является значение целевого индекса устойчивости I_S от 0 до 1 ед., которое соответствует очень низкому первому уровню продовольственной безопасности. Такое значение показателя $I_{S(ППХ)}$ означает, что система расселения региона не является самодостаточной и не обеспечивается продовольствием за счет деятельности хозяйств населения.

Полученные результаты указывают на преобладание низкого уровня продовольственной безопасности (более 61% объектов исследования) за счет хозяйств населения на большей части территории Центрального Черноземья. Эти различия, на наш взгляд, определяются несколькими важнейшими экономико-географическими факторами: размещением хозяйств населения относительно региональных центров, наличием в границах муниципальных районов городских поселений, численностью постоянного населения райцентров, транспортно-географическим положением относительно автодорог федерального и межрегионального значения. Отдельно следует

выделить административный фактор, для анализа которого необходимо специальное исследование.

Расчеты целевых индексов устойчивости $I_{S(ППХ)}$ за 2014 год по 119 муниципальным районам подтверждают, что 24 из них (20% от общего числа) отличаются очень низким уровнем продовольственной безопасности, обеспечиваемой личными подсобными хозяйствами. Возможности самообеспечения этих территорий существенно ограничены, одной из причин чего является относительно высокая численность постоянного населения райцентров. Низкий уровень продовольственной безопасности отмечался в 49 районах (41,2% от их общего числа). При создании благоприятных условий эти муниципалитеты способны обеспечить продовольствием не только собственное население, но и жителей рядом расположенных районов. Это большая часть территории (16 и 23 муниципальных районов) Тамбовской области, а также 8 из 18 муниципальных районов Белгородской области.

Средний уровень продовольственной безопасности за счет деятельности хозяйств населения сформировался в 36 муниципальных районах или 30,3% от их общего числа. Эти муниципалитеты тяготеют к пригородной территории некоторых областных центров (Воронеж, Курск, Липецк), а также к средним (Железногорск, Губкин, Россошь, Лиски, Борисоглебску) и большим городам (100 – 250 тыс. чел.) Елец, Ст. Оскол. Кроме того, аналогичные показатели обеспеченности продовольствием характерны для муниципальных районов Воронежской области, где райцентрами являются города с численностью населения 10-25 тыс. чел. : Богучарский, Эртильский, Павловский, Калачеевский. Развитие хозяйств населения обусловлено и выгодным транспортно-географическим положением вдоль участков автомагистралей федерального значения Елец-Воронеж-Богучар (рис.1), а также межрегионального Курск-Воронеж-Борисоглебск. При этом в Белгородской области, несмотря на наличие центров потребления и относительно более качественную транспортную инфраструктуру сохранность традиционного российского села находится под угрозой, $I_{S(ППХ)}$ в 18 из 19 районов менее 2 ед.

Подобным образом размещены девять объектов исследования (7,5% от их общего числа) с высоким уровнем продовольственной безопасности за 2014 год, четыре из которых (Каширский, Панинский, Нижнедевицкий, Репьевский муниципальные районы) отметились в зоне Воронежской крупногородской агломерации (табл. 1). На юго-востоке Центрального Черноземья в отдалённых от областного центра районах Воронежской области имеются территории с такими же показателями (Воробьевский, Петропавловский районы), которые выгодно размещены относительно опорных центров хозяйства и расселения гг. Бутурлиновка и Калач с численностью постоянного населения 25 и 20 тыс. чел. соответственно.

В Курской области по значению $I_{S(ППХ)}$ от 3,01 до 4 ед. выделяются Горшеченский и Черемисовский районы, а в Тамбовской – Староюрьевский район (рис.1). Несмотря на весьма существенное сокращение численности

сельского населения за межпереписной период 2002-2010 гг., в большинстве из перечисленных муниципалитетов личные подсобные хозяйства обеспечивают потребности населения в продовольствии и за пределами своих территорий [5]. Единственный муниципальный район с очень высоким уровнем продовольственной безопасности определился в Липецкой области к югу от г. Елец.

В современной социально-экономической географии пока нет показателей, имеющих прикладное значение для оценки состояния продовольственной безопасности.

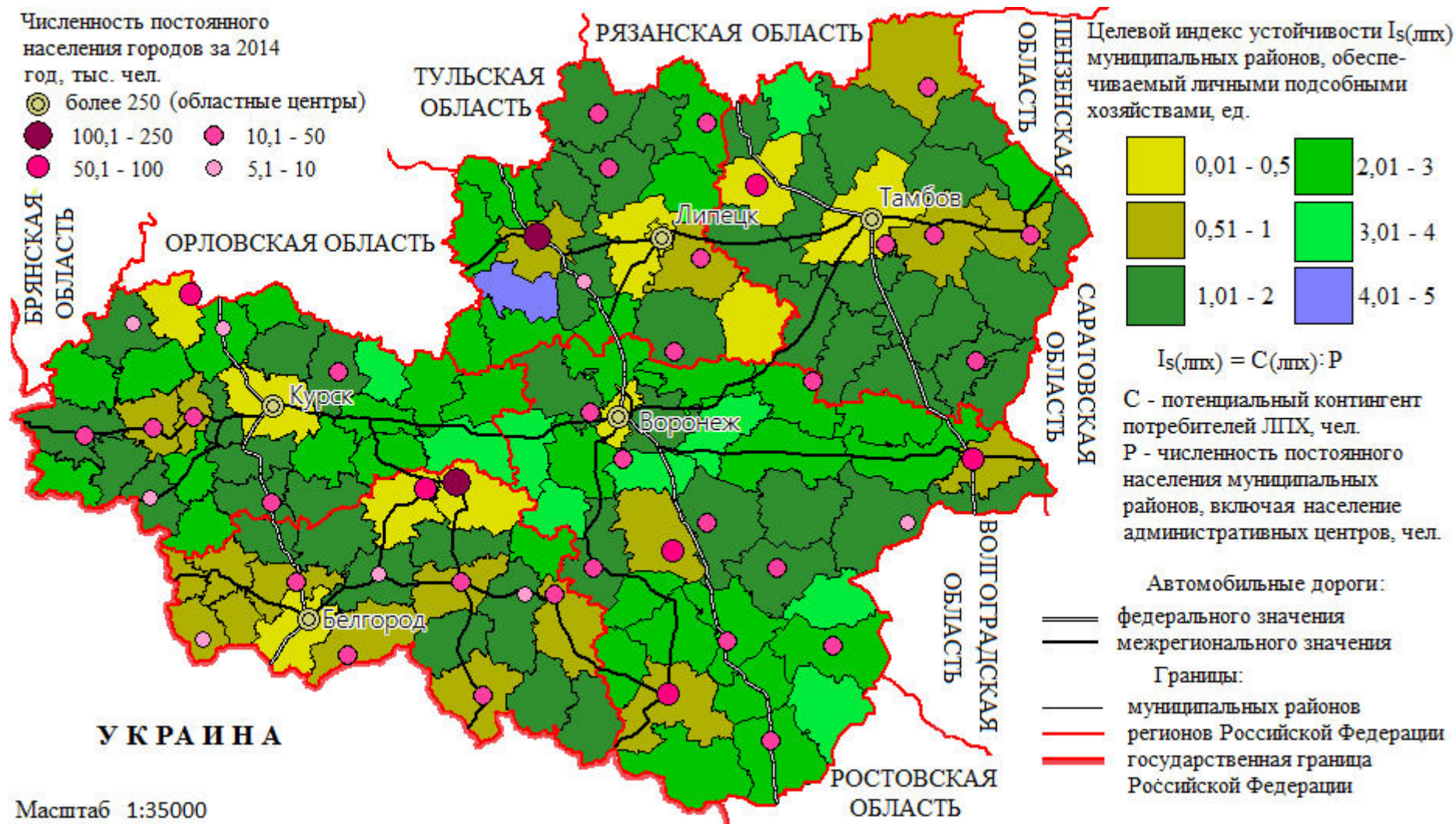

Рис. 1. Территориальные различия в обеспеченности продовольствием постоянного населения муниципальных районов Центрального Черноземья за счет личных подсобных хозяйств за 2014 год (на основе расчетов целевых индексов устойчивости)

В настоящее время в основном акцент делается на результаты деятельности всего аграрного сектора, когда производятся расчёты обеспеченности по отдельным видам продукции, что делает систему показателей сложной для восприятия. Такой подход не даёт достаточного представления о степени участия местного населения муниципалитетов в развитии экономики на своей территории и его месте в решении проблемы продовольственной безопасности региона, что во многом и обеспечивает устойчивость системы сельского расселения.

Представленные результаты подтверждают, что применение целевого индекса устойчивости в качестве показателя продовольственной безопасности позволяет определять территории, где нарастают противоречия между интересами представителей агрохолдингов и местного мелкотоварного хозяйства. Таким образом, для руководящих работников сферы регионального и муниципального управления появилась возможность проведения исследований для своевременной оценки уровня обеспеченности населения любого муниципалитета продовольствием за счет деятельности каждой из форм аграрного сектора экономики (сельхозпредприятий, крестьянских фермерских хозяйств, личных подсобных хозяйств), что необходимо для более глубокой проработки программ развития сельских территорий с учетом интересов местного населения [2].

Литература

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120.
2. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р.
3. Крупко А.Э., Зарытовская А.И. Продовольственный комплекс ЦЧР: динамика, проблемы, перспективы и территориальные аспекты развития: монография. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2014. 312 с.
4. Новосёлов Ю.А. Импортзамещение и его роль в продовольственной безопасности и развитии АПК / Продовольственная безопасность, импортзамещение и социально-экономические проблемы развития АПК: материалы международной научно-практической конференции (Новосибирск, 9–10 июня 2016 г.). Новосибирск: СибНИИЭСХ СФНЦА РАН, 2016. С. 12 – 18.
5. Овсянников А. С. Устойчивость системы расселения как фактор развития Воронежской области / Вестник Тамбовского университета. Сер. Естественные и технические науки, 2013. Т. 18, вып. 2. С. 667-672.
6. Овсянников А.С. Современные процессы расселения населения староосвоенного региона России (на примере Воронежской области): дис.канд. геогр. наук. Воронеж, 2014. 222 с.
7. Першукевич П.М., Тю Л. В. Обеспечение продовольственной безопасности Сибирского федерального округа: проблемы и перспективы / Продовольственная безопасность, импортзамещение и социально-экономические проблемы развития

АПК: материалы международной научно-практической конференции (Новосибирск, 9–10 июня 2016 г.). Новосибирск: СибНИИЭСХ СФНЦА РАН, 2016. С. 12 – 18.

8. Попкова Л.И. Проблемы развития Центрального Черноземья / Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. С. 381-403.

9. Федотов В. И. Куролап С. А., Нестеров Ю. А. Структурные блоки региональной модели устойчивого эколого-экономического развития Центрального Черноземья / Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. Воронеж: ВГУ, 2003. N 2. С. 5 – 14.

10. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28.12.2009 N 381-ФЗ

ОЦЕНКА ВЗАИМНОЙ ДОПОЛНЯЕМОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ И ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Ю.В. Преображенский

*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г.Чернышевского, Саратов*
e-mail: toprofag@yandex.ru

Аннотация. В статье приводится схема оценки потенциала взаимодействия приграничных районов. Анализируются социально-экономические показатели соседствующих районов Саратовской области и Западно-Казахстанской области.

Ключевые слова: взаимная дополняемость экономики, приграничные районы, потенциал интеграции, Саратовская область, Западно-Казахстанская область

В общем виде алгоритм выявления потенциала социально-экономического взаимодействия между районами (выделенными в ходе экономического районирования или же муниципальными районами) можно описать как последовательность «соседство-взаимодополняемость-связность». Подобная оценка может быть дана как районам, лежащим в одном субъекте РФ, так и в разных (а также в разных странах). На первом этапе, «соседство», ставится вопрос о том, соседями какого порядка являются районы. Приграничное сотрудничество необязательно осуществляется через районы, непосредственно примыкающие к границе, это могут быть соседи второго и третьего порядка, но в этом случае следует скорее говорить о межрегиональном (межобластном) сотрудничестве.

На втором этапе необходимо выявить комплементарность (взаимодополняемость) районов. Взаимодополняемость возникает вследствие асимметрии (у одного района избыток ресурсов того или иного

рода, у другого – недостаток). Подобная асимметрия может наблюдаться в количестве трудовых ресурсов, уровне технологического развития, развитости сферы услуг. Вопрос о торговой дополняемости на уровне стран ставится И.П.Гуровой. Она делает вывод об относительно низком уровне дополняемости экономик стран на постсоветском пространстве, в особенности нефтедобывающих стран [1].

На третьем этапе оценивается характер связности между районами, т.е. инфраструктура, нормативные аспекты сотрудничества и пр.

Применим указанные алгоритм в отношении приграничных районов Саратовской (СО) и Западно-Казахстанской области (ЗКО) (соседей первого порядка).

Соседство. С «саратовской стороны» пограничными являются шесть районов, с «казахстанской» - четыре (см. таблицу 1).

Таблица 1

Общие границы между районами Саратовской и Западно-Казахстанской областями

Район СО	Район ЗКО
Питерский	Жанибекский
Новоузенский	
Александрово-Гайский	Казталовский
Дергачёвский	Таскалинский
Озинский	
Перелюбский	Зеленовский

В соседской матрице нелишне будет учитывать и внутриобластное соседство, поскольку оно также может оказаться значимым: другие районы региона могут являться более сильными центрами притяжения, чем районы по ту сторону границы.

Связность. Железнодорожный и автомобильный пропускные пункты представлены в Озинском районе. В сущности, наличие только одного пропускного пункта тормозит взаимные отношения. В расположенной на востоке Оренбургской области, к примеру, таких пунктов гораздо больше. Перспективным представляется открытие пропускного пункта в Александрово-Гайском районе.

Взаимодополняемость. На данном этапе одним из важнейших вопросов становится актуальность статистической информации. Если Казахстанская статслужба своевременно пополняет информацию по районам интересующих нас областей, то отечественные службы дают крайне скудную информацию по большинству требуемых показателей (например, по объему инвестиций). В связи с этим придётся ограничиться

только показателями, в равной степени представленными «по обе стороны» границы.

Таблица 2

Некоторые показатели социально-экономического развития районов Саратовской и Западно-Казахстанской областей (составлено автором по данным [2],[3]).

Район	Численность населения, 2015	Промышленное производство, млн. рублей, 2015*	Средняя заработная плата, рублей, 2015*
Александрово-Гайский	13034	183	23035
Новоузенский	19433	390	17408
Дергачёвский	30659	107	15378
Озинский	18017	366	16144
Перелюбский	13819	124	16061
Питерский	16803	142	16579
Казталовский	30628	97	16214
Таскалинский	17214	116	18187
Зеленовский	56359	25818	19196
Жанибекский	16783	99	17818

* Значения по промышленному производству и заработной плате были переведены в рубли по среднему курсу за 2015 год

В отношении демографической составляющей каких-то существенных «перекосов», диспропорций выявить не удаётся. При анализе социально-демографического блока следует учитывать систему расселения. В Саратовской области ближайшими значимыми в региональном масштабе городами оказываются Саратов и Балаково (соседи 2-3 порядка на местном уровне), тогда как Зеленовский район окружает Уральск – относительно крупный казахстанский город. Поэтому разница в демографическом давлении для казахстанских районов будет направлена скорее в южном направлении.

Столь значительный объём промышленного производства в Зеленовском районе связан с добычей нефти и газа. Богатство минеральных ресурсов создаёт возможность дополняемости (например, переработки нефти на Саратовском НПЗ), однако здесь ключевое значение имеет инфраструктурный аспект. Благодаря наличию нефтепровода Атырау-Самара, нефть поступает именно на Самарский НПЗ. Причём собственно Самарская область с Казахстаном не граничит.

В остальном же районы обладают сходной сельскохозяйственной специализацией, обусловленной относительной общностью природных условий аридной зоны. Здесь возможны процессы интеграции в пищевой промышленности, когда продукция растениеводства или животноводства

будет перерабатываться на территории другой страны, будут востребованы мощности консервных, маслоэкстракционных и других заводов.

Очевидно, что в отсутствие промышленности глубокого передела по обе стороны границы длинные технологические цепочки «через границу» складываться не будут. Более интересная экономическая интеграция имеет давнюю историю между соответствующими районами Казахстана и Оренбургской и Челябинской областью. Здесь уже несколько десятилетий нарабатываются связи в металлургии. Отметим, что слабая взаимодополняемость пограничных районов является в какой-то степени препятствием для создания «регионов сотрудничества» в Азии (по аналогии с еврорегионами). При интенсификации инвестирования, развитии промышленности («удлинении» технологических цепочек) здесь будет образовываться потенциал, который можно будет использовать, в том числе используя определённые интеграционные форматы (подробнее см. [4]).

По уровню зарплат существенных различий между российской и казахстанской стороной не отмечается за исключением Александрово-Гайского района. Однако ждать трудовой миграции из соседнего Казталовского района не стоит, во-первых, по причине отсутствия значимых точек роста в районе, а, во-вторых, аналогичная разница в зарплатах наблюдается с ближайшими Новоузенским и Дергачёвским районом, так что при прочих равных условиях вероятны скорее трудовые миграции из этих регионов. Однако миграционные процессы вызваны не только экономической составляющей, а целым рядом факторов (см. [5]).

На завершающем этапе желательно провести анализ взаимодополняемости на более высоком региональном уровне, рассмотреть возможности использования тех или иных приграничных районов в качестве транзитных.

Таким образом, предлагается схема оценки потенциала социально-экономических связей приграничных районов, которая может быть использована и для других регионов.

Литература

1. Гурова И.П. Дополняемость экономик как фактор региональной торговли на пространстве СНГ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-1. С. 187-191
2. Департамент статистики Западно-Казахстанской области. URL: http://stat.gov.kz/faces/zko/reg_main
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst63/DBInet.cgi>
4. Каленюк А.А., Сидорова Е.Ю., Козырева О.Н., Авдеева Е.С., Коротина В.Л., Жверанцева М.С., Каримова Э.Р., Герасимова В.В., Титаев В.Н., Курмакаева Е.Ш., Леонов П.А., Мендель А.В., Фадеева Н.П. // Евразийская интеграция на современном этапе: проблемы, тенденции и перспективы. Саратов, 2014.

5. Уставщикова С.В. Миграционная активность населения муниципальных районов саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2016. Т. 16. № 3. С. 156-161.

ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧЬЯ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

И.Е. Требушкова¹, И.А. Алферова²

*Курский государственный университет¹, Курск
Курский институт кооперации (филиал) Автономной
некоммерческой организации высшего образования «Белгородский
университет кооперации, экономики и права»², Курск
e-mail: irinatrebushkova@ya.ru, irina.alferova.2012@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрено значение транспортной системы для экономики Курской области. Произведен анализ состояния транспортной системы в создании условий устойчивого территориального и социально-экономического развития, определены основные мероприятия по развитию транспортной инфраструктуры региона.

Ключевые слова: транспортная система железнодорожный, автомобильный транспорт, устойчивое развитие, приграничные территории.

Курская область имеет выгодное экономико-географическое положение. Она расположена на юго-западных склонах Среднерусской возвышенности на пересечении важнейших торгово-экономических путей, связывающих центральную часть России с Украиной и Поволжьем, а также автомагистрали и авиалинии, идущие из Москвы в Крым, на Кавказ и другие районы. Через территорию области проходят линии высоковольтной передачи, газопроводы Шебелинка – Харьков – Белгород – Курск – Орел – Брянск; Уренгой – Ужгород [4].

С распадом СССР ее геополитическое положение изменилось, она стала приграничной. Курская область имеет юго-западную и западную границу с Украиной (Сумская область), что благоприятно для поддержания экономических связей с ближним и дальним зарубежьем.

Автотрассы и железнодорожная сеть связывают Курскую область с Москвой, Санкт-Петербургом и другими городами России, промышленно-развитыми центрами Украины и Закавказья. Развитая сеть железных и автомобильных дорог позволяет доставлять грузы практически в любую точку России, страны ближнего и дальнего зарубежья. Все районы и города области связаны с областным центром – г. Курском автомобильными дорогами с твердым покрытием [4].

Основными видами транспорта в Курской области являются автомобильный и железнодорожный. Железнодорожные линии общего пользования на территории области относятся к Московской и Юго-Восточной железным дорогам.

По данным 2015 г. транспортная сеть включает 1566,1 км железнодорожных путей, из них 510,3 км – подъездных путей, 16860,9 км автомобильных дорог общего пользования, из которых 65,5 % – с твердым покрытием, протяжённость электрифицированных линий – 242 км. Современная густота железнодорожных путей сообщения в регионе составляет 52,2 км/1000 км² территории, автомобильных дорог с твердым покрытием – 368 км/ 1000 км².

Через территорию области проходит железнодорожная магистраль «Москва-Харьков», «Киев-Воронеж» и другие линии, расположены три крупных железнодорожных узла: Курск, Льгов, Касторное и 65 железнодорожных станций.

В пределах области пролегают федеральные трассы: М-2 («Крым» Симферопольское шоссе), Москва – Тула – Орел – Курск – Белгород – государственная граница с Украиной на КПП «Нехотеевка», продолжается по территории Украины под номером М-20, является составной частью европейского маршрута Е-105), М - 3 «Украина» Москва – Калуга – Брянск – государственная граница с Украиной таможенный пост МАПП Троебортное), продолжение дороги по территории Украины – автострада М-02 в направлении Киева, составная часть европейского маршрута Е-101; федеральные автомобильные дороги: А -142 «Муханово – Хомутовка», А-144 (Курск – Воронеж – Борисоглебск – а/д М - 6 – Саратов); автодороги: Р -190 (Становое – Тим – Троицкий – Губкин), Р-199 (Курск – Прямыцыно – Курчатов –Льгов – Рыльск – Городище – граница Украиной) , Р-200 (Дьяконово – Суджа – граница с Украиной (на Сумы) [1]. Основная роль в создании условий устойчивого территориального и социально-экономического развития Курской области принадлежит Администрации области, в частности комитету строительства и архитектуры Курской области. Стратегический план развития транспортной инфраструктуры сформулирован в «Схеме территориального планирования Курской области» в разделе «Мероприятия по развитию транспортного комплекса». Однако при реализации мероприятий по развитию транспортной инфраструктуры необходимо решить проблему координации всех взаимодействующих структур. Необходимо создание более сбалансированных условий транспортного доступа, поскольку через территорию области проходят транспортные автомагистрали, имеющие федеральное значение: Москва-Симферополь, Курск-Борисоглебск, Тросна-Лемеша, предназначенные для осуществления местных и дальних транспортно-экономических связей Курской области. Повышение эффективности производства продукции животноводства в обеспечении

устойчивого развития сельских территорий. В этой связи целесообразна реконструкция федеральной магистральной автодороги М-2 «Крым» от Москвы через Тулу, Орёл, Курск, Белгород до границы с Украиной на участке Юго-Восточного обхода г. Курска [2]. Трасса М-2 объявлена международной автомобильной дорогой стран СНГ в составе коридора «Граница Норвегии – Мурманск – Санкт-Петербург – Москва – Орел – Курск – Белгород – Харьков – Симферополь – Ялта». Её модернизация обеспечит бесперебойный и безопасный проезд автомобильного транспорта, углубление и расширение межрегиональных и внешнеэкономических связей. Для увеличения грузопотоков, расширения межрегиональных связей необходима реконструкция автомобильных дорог «Лукьяновка – Тим» – Ястребовка – Старый Оскол и «Курск – Воронеж – Борисоглебск» – Касторное – Липецкая область. Так, например, в Курской области, являющейся приграничным регионом, некоторое время функционировали хорошо оборудованные многосторонние автомобильные пункты пропуска (МАПП) в структуре Курской таможни и подъездные пути (дороги) в приграничных районах очень плохого качества (нуждающиеся в капитальном ремонте), находящиеся в муниципальном ведении. Совместная работа вышеуказанных структур по координации заканчивалась заявлениями о недостаточном финансировании муниципальных образований для ремонта дорожного покрытия. В настоящее время ситуация изменилась к лучшему, однако многие участники внешнеэкономической деятельности (ВЭД) уже наладили перевозки через таможенную границу через пункты пропуска соседних регионов (Белгородская и Брянская области) и не считают необходимым изменять налаженную систему. Развитие транспортной инфраструктуры направлено на создание предпосылок устойчивого социального и экономического развития территорий посредством определения основных направлений развития их пространственного каркаса, совершенствования пространственной организации социальных, производственных, транспортных и других инженерных инфраструктур, систем защиты природной и историко-культурной среды. В конечном итоге реализация этих мероприятий позволит: создать условия для роста уровня жизни населения и экономики области; повысить инвестиционную привлекательность территории; обеспечить рост качество жизни населения, посредством принятия на профессиональной основе эффективных решений по пространственной организации обустройства территории; увеличить эффективность использования территорий посредством зонирования (определяющего пространственное распределение планируемого характера изменений состояния и использования территорий и необходимых для их реализации градостроительных ограничений и регламентов) и районирования (определяющего пространственную организацию территориального

управления), сбалансированности интересов различных видов деятельности (отраслей и функций) и различных уровней территориального управления, связанных с использованием территории и определяющих развитие ее инфраструктур. В целях достижения более сбалансированного развития необходима модернизация транспортных звеньев, связывающих малые и средние города области, сельские и островные территории с трансроссийскими и трансевропейскими сетями и транспортными центрами (железные дороги, автострады, аэропорты и многофункциональные центры) [2].

Таким образом, устойчивое функционирование транспортного комплекса положительно влияет на рост эффективности всей экономики региона, способствует сокращению потерь продукции в процессе ее движения по элементам инфраструктуры, рационализации технологии проведения работ, повышению мобильности производственных ресурсов и выявлению резервов роста хозяйственной деятельности предприятий транспорта региона [3].

Для Курской области, имеющей важное геополитическое и экономическое значение для России, располагающейся на границе государства, развитие транспортной инфраструктуры является не только желаемым, но и необходимым условием долгосрочного устойчивого развития [2].

Литература

1. Автострады. – URL: <http://russtrans.ru> (дата обращения 18.04.2017 г.)
2. Безуглая Е. В. Значение транспортной инфраструктуры в обеспечении устойчивого развития Курской области // Молодой ученый. – 2013. – № 9. – С. 152-154.
3. Гасанов М., Омаров А. – URL: Транспортная инфраструктура – фактор устойчивого развития <http://institutiones.com/general/1111-transportnaya-infrastruktura.html> (дата обращения 18.04.2017 г.)
4. Требушкова И.Е. География пищевой промышленности Курской области. Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. – 197 с.

ФОРМЫ МОЛОДЕЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И БЕЛОРУССИИ

А.Л.Тороян, В.М.Кузьмина

Юго-Западный государственный университет, Курск
e-mail: Kuzmina-violetta@yandex.ru

Аннотация. Поддержка молодежных объединений является не только актуальной задачей, но и перспективным направлением деятельности органов государственной власти, преследующей цели

самореализации молодежи в российском обществе, что невозможно без ее реального участия в реформах и становлении новых социальных основ жизни россиян.

Ключевые слова: молодежное сотрудничество, Курская область, Белоруссия

Администрация Курской области уделяет особое внимание развитию международного и межрегионального молодежного сотрудничества, последовательно развивает партнерские связи с приграничными территориями.

Международный молодежный проект «Славянское содружество» реализуется с 2002 года, организатором которого выступает Администрация Курской области, комитет по делам молодежи и туризму Курской области при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе.

Участники лагеря – студенты и преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, молодые ученые, лидеры общественных молодежных организаций, руководители и специалисты сферы молодежной политики из регионов Российской Федерации и стран СНГ, а также молодые соотечественники, приживающиеся за рубежом.

Ежегодно более 500 человек принимают участие в работе этой многопрофильной площадки.

За эти годы участниками лагеря стали более 6000 человек из 73 субъектов Российской Федерации, стран СНГ, Ближнего и Дальнего Зарубежья, представители 480 организаций – учебных заведений светского и духовного образования, органов исполнительной власти, учреждений по работе с молодежью, общественных организаций» проходят:

- конгресс молодых соотечественников;
- Форум студенческих научных обществ и молодых ученых духовных и светских учебных заведений;
- Форум делегатов молодежных организаций «Содружество молодежи – Международное сотрудничество»;
- Международная выставка-презентация студенческих проектов и программ «Студенческое сотрудничество – социальное партнерство – содружество государств»;
- творческий фестиваль «Славянское созвездие».

С 23 по 25 ноября 2012 года в городе проходил IV Международный конкурс-фестиваль исполнительского искусства «Золотые таланты содружества». Он объединил студентов музыкальных учебных заведений России, Белоруссии.

23 октября 2012 г. в Курском государственном университете состоялась молодежная научно-практическая конференция «Лидерство и

социальная активность российской молодежи как стратегический ресурс развития общества». Организаторами конференции выступили кафедра психологии Курского государственного университета, Комитет по делам молодежи и туризму Курской области, Совет молодых ученых и специалистов Курской области, СНО факультета педагогики и психологии.

Работа конференции проходила по следующим направлениям: специфика и пути развития лидерства в молодежных объединениях, основные формы и факторы социальной активности современной российской молодежи, факторы риска и предупреждение асоциальной активности и деструктивного лидерства в молодежной среде. К началу проведения мероприятия был издан сборник материалов, редактором которого выступили руководители совета молодых ученых и специалистов Курской области В.И. Тимошилов и Д.В. Беспалов. В сборник вошли статьи молодых ученых из 10 городов, представляющих три братских славянских государства (Россия, Белоруссия, Украина).

На пленарном заседании были прослушаны и обсуждены доклады как молодых ученых, так и их научных руководителей. Выступили профессор А.С.Чернышев, доцент Д.В. Беспалов, доцент И.Н. Логвинов и др.

В рамках секционного заседания были обсуждены доклады молодых ученых КГУ и других учебных заведений. В ходе конференции проанализирован широкий круг вопросов, касающихся лидерства, социальной и асоциальной активности молодежи. Участники конференции выступили с предложением сделать данную конференцию ежегодной [2].

14 ноября в 16.00 в Детской школе искусств № 6 состоялся III областной молодежный Фестиваль национальных культур «Друзья рядом».

Фестиваль проводится в целях:

- сохранения национального культурного наследия народов, проживающих на территории Курской области;
- формирования уважения и интереса к богатому многообразию культур и национальных традиций, сохранение преемственности и популяризация народного искусства;
- патриотического и нравственного воспитания молодежи;
- реализации мероприятий по профилактике экстремизма и терроризма среди молодежи;
- выявления талантливых исполнителей и творческих коллективов, занимающихся народным национальным творчеством;
- расширения межнациональных, межрегиональных культурных отношений.

В 2013 году Фестиваль национальных культур проходил с 10 октября по 10 ноября. Участниками Фестиваля стала молодёжь всех национальностей, проживающая на территории Курской области, студенты

высших и средних профессиональных учебных заведений города Курска и Курской области.

В Фестивале были представлены более 20 стран мира: Китай, Индия, Татарстан, Шри-Ланка, Туркменистан, Армения, Азербайджан, Италия, Белоруссия и Россия – это творческие коллективы, исполнители по направлениям: эстрадная, народная песни; народный, современный танцы; инструментальное исполнительство [2].

До начала мероприятия гостей встречали ансамбль песни и танца «Горница» (Золотухинский район), ансамбль народной песни «Радица» (Курский институт социального образования (филиал) РГСУ), а также театр мимики и жеста «Ты слышишь?» (Курский институт социального образования (филиал) РГСУ).

В ходе мероприятия участники и гости могли ознакомиться с выставкой «Страны и континенты» Центра толерантности Курской областной научной библиотека им. Н. Н. Асеева, фотовыставкой Курского государственного медицинского университета, а также с фотоархивом Фестиваля [1].

Фестиваль «Друзья рядом» стал одним из немногих возможностей познакомиться с культурным наследием и творческими традициями народов мира. Уверенно развиваясь, он открывает новые имена и объединяет в творческом содружестве молодежь разных национальностей, проживающую на территории Курской области.

II Российско - Белорусский молодёжный Форум, который проводился в 2015 году., ставил целью содействие развитию потенциала молодёжных общественных объединений Союзного Государства, активизация участия молодёжи в процессе принятия решений, разработка и реализация двусторонних проектов в сфере молодёжной политики между, формирование общего плана действий различных молодёжных объединений.

Поддержка молодёжных объединений является не только актуальной задачей, но и перспективным направлением деятельности органов государственной власти, преследующей цели самореализации молодежи в российском обществе, что невозможно без ее реального участия в реформах и становлении новых социальных основ жизни россиян. Молодежные, детские общественные объединения – активные участники формирования и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации.

Литература

1. Кузьмина В.М. Анализ международных ситуаций.-Курск: ЮЗГУ, 2016.
2. Кузьмина В.М., Подболотова М.Г. Ценностные ориентации молодежи как основа для межнационального согласия в современном обществе //Народы Северного

Кавказа: история и современность Материалы всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2012. С. 119-122.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Е.А. Ушаков

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток
e-mail: ushakov.tig.dvo@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрено социально-экономическое положение субъектов юга Дальнего Востока, которые имеют границу с Китаем. Была проанализирована динамика социально-экономического показателей в регионах за период 2011-2015 гг.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, приграничные субъекты, юг Дальнего Востока.

Субъекты юга Дальнего Востока России (Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская область) имеют ряд особенностей. Эти регионы отдалены от федерального центра. Значительная часть территории этих субъектов еще слабоосвоена. Особое значение в их развитии имеет ресурсная база (минерально-сырьевой комплекс, лесные ресурсы, рыба и морепродукты). Все рассматриваемые субъекты имеют сухопутную границу с Китаем, на юге Приморского края проходит граница с КНДР. Приморский и Хабаровский края имеют морскую границу (рис. 1). Самым благоприятным интеграционным потенциалом экономико-географического положения обладает Приморский край, Амурская область, Еврейская автономная область. Хабаровский край имеет также благоприятный интеграционный потенциал ЭГП [4]. На территории региона проходит Транссиб, через который открывается выход на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Приморский и Хабаровский край обладают портовой инфраструктурой, через которые активно осуществляется грузооборот со странами АТР. В результате рассматриваемый регион все больше вовлекается в интеграционные связи со странами АТР. Приморский и Хабаровский края, Амурскую область можно отнести к субъектам с высоким потенциалом для развития российско-китайского сотрудничества. Еврейская автономная область обладает умеренным потенциалом сотрудничества с Китаем [2].

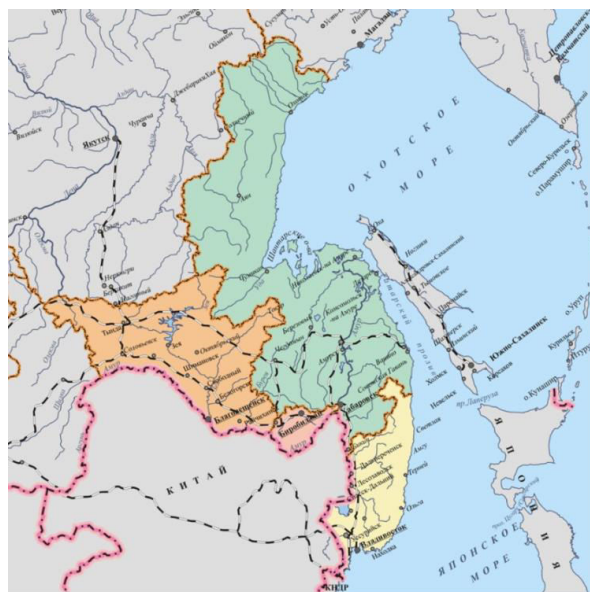

Рис. Приграничные субъекты РФ на юге Дальнего Востока
 - Приморский край - Еврейская автономная область
 - Хабаровский край - Амурская область

Рис. 1. Приграничные субъекты юга Дальнего Востока.

Регионы различаются между собой в социально-экономическом развитии, что обусловлено рядом факторов (ресурсной базой, историческим развитием, экономико-географическим положением и другие). Среди субъектов юга Дальнего Востока наиболее развитыми можно назвать Приморский и Хабаровский край. Необходимо отметить, что у каждого региона есть внутренние различия. В последние годы к ним стала подтягивать Амурская область, но у нее есть ряд нерешенных социально-экономических проблем. Менее развитым является Еврейская автономная область (таб. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика приграничных субъектов юга Дальнего Востока

	Приморский край	Хабаровский край	Еврейская автономная область	Амурская область
Территория, км ² .	164673	787633	39266	361913
Численность населения, тыс. чел.	1929,0	1334,5	166,1	805,7
Прирост населения, %	-0,2%	-0,3%	-1,4%	-0,5%
Среднедушевые денежные доходы, руб.	33018	36666	24459	30232
Соотношение среднедушевых доходов к стоимости набора товаров и услуг в субъекте.	2,05	2,13	1,56	2,05

Среднемесячная заработная плата, руб.	33807	38041	30896	32902
Соотношение среднемесячной заработной платы к стоимости набора товаров и услуг в субъекте	2,10	2,21	1,97	2,23
Соотношение стоимости набора товаров и услуг в регионе к среднероссийскому показателю, %	120	128	117	110
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	970,5	716,5	75,1	422,1
Уровень безработицы, %	6,9	5,9	7,9	5,6
Объем отгруженных товаров и услуг, млн. руб.	260902	316613	9537	128965
<i>Из них</i>				
<i>Добыча полезных ископаемых, млн. руб.</i>	<i>15714</i>	<i>62020</i>	<i>888</i>	<i>69428</i>
<i>Обрабатывающие производства, млн. руб.</i>	<i>183179</i>	<i>200113</i>	<i>4369</i>	<i>28671</i>
<i>Производство и распределение электроэнергии, газа и воды, млн. руб.</i>	<i>62009</i>	<i>54475</i>	<i>4280</i>	<i>30863</i>
<i>Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство», млн. руб.</i>	<i>44207,0</i>	<i>52139,1</i>	<i>5356,8</i>	<i>49769,6</i>
Объем сельскохозяйственной продукции, млн. руб.	40951	22687	6276	46713
Оборот розничной торговли, млн. руб.	341743	271562	22368	147413
Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	116068	109002	12977	103890
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² .	498,5	449,9	59,6	261,3
Доходы бюджета, млн. руб.	107973,9	90924,6	10320,8	52149,1
Доля собственных доходов бюджета, %	79	82	54	78

В Приморском крае транспортная и портовая инфраструктура, которая стала играть значимую роль после перестройки. Особо важно отметить прибрежное положение региона, за счет которого также развито рыболовство и рыбопереработка. Главным экономическим центром края является – административный центр Владивосток. Более развитыми среди муниципальных образований - Уссурийск, Находка, Артем, Арсеньев и прибрежные районы юга Приморского края. Менее развиты сельские районы края, особенно центральные. В крае существуют «депрессивные» города Дальнегорск, Партизанск, Спасск-Дальний, Дальнереченск.

В Хабаровском крае более развиты северные районы, прежде всего за счет минерально-сырьевой базы (добыча драгоценных металлов), экономический центр - Хабаровск, а также Ванинский район за счет портовой инфраструктуры. Менее развиты южные сельские районы юга

края. Необходимо отметить, что в крупном промышленном городе Комсомольска-на-Амуре существует ряд социальных проблем.

В Амурской области очень важна роль добычи полезных ископаемых (добыча драгоценных металлов), которая составляет 53,9% объема отгруженных товаров и услуг. Практически все предприятия по добыче полезных ископаемых расположены на севере региона. Ряд северных районов (Тындинский, Сковородинский, Магдагачинский) по социально-экономическим показателям являются лидерами в области. Менее развиты сельские районы, расположенные в центральной и южной части субъекта.

Еврейская автономная область наименее развита из всех регионов юга Дальнего Востока. Практически по всем показателям занимает последнее место в Дальневосточном федеральном округе. Областной центр Биробиджан имеет «депрессивные» показатели в социальной и экономической сфере. Наиболее развит Облученский район с производством строительных материалов. Наименее развиты южные территории области (рис. 2) [5].

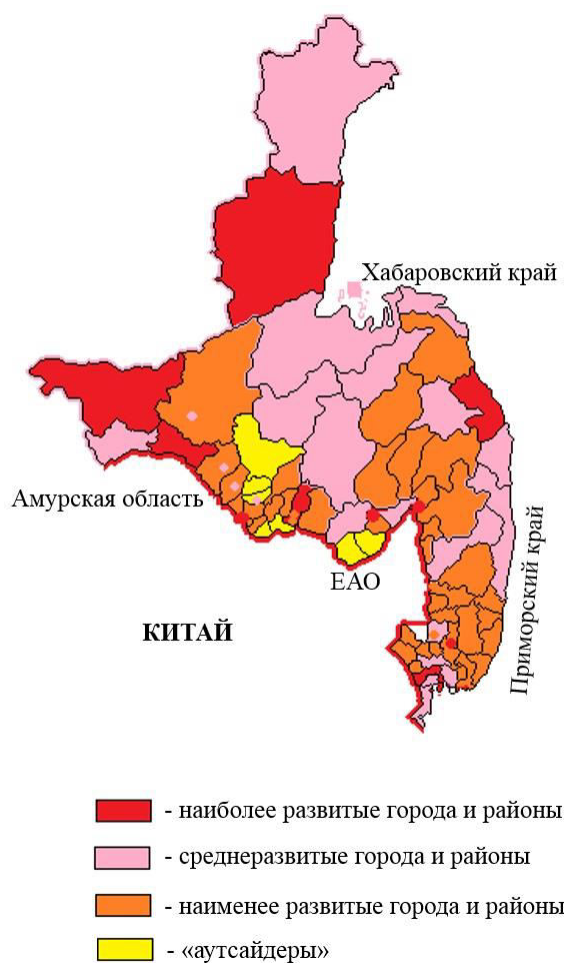

Рис. 2. Социально-экономическое положение городов и муниципальных районов субъектов юга Дальнего Востока.

Одним из показателей может служить сравнение между собой рассматриваемых субъектов по стоимостным показателям, которые приведены в коэффициент с учетом стоимости жизни регионов, которые высчитываются на душу населения. Всего берется 20 показателей – в социальной сфере, промышленном производстве, инвестициях, сфере торговли. Чем ближе коэффициент к 1, тем более динамично развивается субъект по отношению к другим рассматриваемым регионам. Если коэффициент близок к 0, то регион смотрится на фоне других регионов более слабо. В 2011 году большую динамику в социально-экономических показателях имел Приморский край (за счет подготовки саммита АТЭС) и Амурская область. Еврейская автономная по отношению к другим регионам смотрелась довольно слабо. По итогам 2012 года Приморский край имел в основном отрицательную динамику, вследствие окончания подготовки саммита АТЭС – в результате в крае резко сократились инвестиции в основной капитал, отрицательная динамика была в социальной сфере и промышленном производстве. Остальные регионы развивались равномерно, но больше выделялся Хабаровский край. В 2013 году произошедшее наводнение в бассейне Амура повлияло на негативно на динамику социально-экономических показателей в Еврейской автономной области и Амурской области. По итогам 2014 года субъекты развивались более равномерно, но социально-экономическим показателям более лучше выглядели Приморский и Хабаровский край. А 2015 год характеризовался лучшим для Амурской области (за счет строительства космодрома Восточный), менее из всех смотрелся Приморский край. В целом при подсчете периода 2011-2015 гг., наибольшую динамику имели Хабаровский край и Амурская область, а наименьшую динамику показала Еврейская автономная область здесь. В целом по итогам 2015 г. при сравнении социально-экономического положения регионов за период последних лет Хабаровский край и Амурская область стали лучше выглядеть Приморского края, а Еврейская автономная область остается аутсайдером при их сравнении (таб. 2).

Таблица 2

Сравнение приграничных субъектов юга Дальнего Востока по показателям в социальной и экономической сфере

	Приморский край	Хабаровский край	Еврейская автономная область	Амурская область
Социально-экономическое положение субъектов по	0,368	0,666	0,291	0,847

стоимостным показателям на душу населения с учетом стоимости жизни в субъекте, 2015				
Динамика социально-экономических показателей с учетом стоимости жизни в субъекте				
2011	0,687	0,424	0,177	0,763
2012	0,283	0,623	0,518	0,481
2013	0,561	0,712	0,320	0,465
2014	0,547	0,530	0,402	0,389
2015	0,333	0,421	0,516	0,626
2011-2015	0,425	0,624	0,193	0,657

Необходимо рассмотреть динамику социально-экономических показателей в каждом регионе отдельно:

1. Приморский край

Социально-экономическое положение Приморского края в период 2010-2012 гг. во многом определялось подготовкой к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 году. В этот период резко возрос приток инвестиции прежде всего за счет федерального бюджета. Вследствие этого край отличался по отношению к другим регионам более положительной динамикой социально-экономических показателей. После проведения саммита уже в 2013 году в крае произошло замедление роста в социально-экономических показателях, а в ряде случаев снижение, особенно в инвестициях в основной капитал - более чем на 40% и в строительстве - почти на 30%.

В последние годы Приморский край характеризуется снижением социально-экономических показателей. Реальный объем произведенных товаров и услуг в крае за 2015 год упал на 16,8% (в основном за счет падения производства в обрабатывающих отраслях), инвестиции в основной капитал снизились на 22,8%, строительства на 27,2%, ввод в действие жилых домов на 25,7%.

В крае продолжается снижение численности населения. За период 2011-2015 гг. численность населения в крае снизилась на 1,1, численность трудовых ресурсов - на 4,8%, а среднегодовая численность занятых в экономике на 1,4%. В то же время за этот период объёма отгруженных товаров и услуг составил 15,5%, сельскохозяйственной продукции 27,0%, оборота розничной торговли 29,1%.

По уровню жизни населения (к среднероссийскому показателю, с учетом реальной стоимости жизни в Приморском крае) край значительно отстает. Так среднедушевые доходы населения составляют 89% от

среднероссийского уровня (в 2011 – 76%), по среднемесячной заработной плате 83% (в 2011 – 86%). Несмотря на положительную динамику среднемесячных доходов населения (2011-2015 гг. рост на 23,8%) происходит снижение реальной среднемесячной заработной платы по отношению к среднероссийскому уровню.

Приморский край в последние годы испытал проблемы, связанные с резким сокращением инвестиций после саммита АТЭС, а также с общим кризисом, что привело к снижению целого ряда социально-экономических показателей, которые до этого имели положительную динамику.

2. Хабаровский край.

Социально-экономическое положение Хабаровского края характеризуется его снижением динамики социально-экономических показателей по отношению к другим регионам. В крае сохраняется сокращение численности населения. Так за последние 5 лет (2011-2015) численность населения снизилась на 0,6%, - численность трудовых ресурсов сократилась на 3,2%, среднегодовая численность занятых в экономике - на 1,8%.

Многие социальные показатели региона выглядят хуже среднероссийских. Например, набор фиксированных товаров и услуг в крае стоит на 28% дороже, чем в среднем по стране, но в последние годы проявляется тенденция выравнивания данного показателя. Среднедушевые денежные доходы населения с учётом реальной стоимости товаров и услуг в регионе в 2015 году составляли 94% от среднероссийского уровня. Среднемесячная заработная плата составляла 83% от среднероссийского уровня в 2011 году, и 86% в 2013 году, а по итогам 2015 года – 83%.

Положительным является рост промышленного производства за счет добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств. За период 2011-2015 гг. объем отгруженных товаров увеличился в крае на 38%. Это происходило в основном за счет роста добывающих производств на 62% и обрабатывающих на 51,2%. За этот период произошло сокращение объема сельскохозяйственной продукции на 12,2%, которая имеет тенденцию к сокращению каждый год. На фоне кризиса последних лет с 2013 года произошло значительное сокращение инвестиций (-54,9%) и строительства (-44,3%). Также за последние 5 лет произошло реальное падение доходов в местный бюджет на 20,6% в основном за счет сокращения безвозмездных поступлений из федерального бюджета и незначительного сокращения собственных доходов в бюджете.

3. Еврейская автономная область.

Еврейская автономная область - один из менее развитых регионов Дальневосточного федерального округа. В этой области также происходит отток населения. За 2011-2015 гг. численность населения в регионе снизилась на 4,8%, численность трудовых ресурсов - на 4,5%, а среднегодовая численность занятых в экономике снизилась на 4,6%.

В регионе есть немало социальных проблем - высокий уровень безработицы и низкие доходы населения. Среднедушевые доходы населения с учетом реальной стоимости товаров и услуг составляет 69% от среднероссийского уровня. В 2011 г. он составлял 80% от среднероссийского уровня. Среднемесячная заработная плата с учетом стоимости товаров и услуг в регионе составляет 77% от среднероссийского уровня (в 2011г. - 84%).

На фоне кризиса последних лет здесь, как и в других регионах резко сократились инвестиции в основной капитал, строительство. Объем отгруженных товаров и услуг за 2011-2015 гг. показал незначительный рост на 5,3% за счет роста добывающих производств (+93,9%) и производства электроэнергии газа и воды (+10,1%). Обрабатывающие производства в свою очередь показали снижение на 7,3%.

В регионе отмечается высокий уровень инфляции по отношению в т. ч. к другим регионам – инфляция за 2011-2015 гг. составила 56,3%. Реальный оборот розничной торговли за этот период показал снижение на 3,9%. Особенно сильно на экономику региона сказалось наводнение 2013 года, после которого регион до сих пор полностью не восстановился. Объем сельскохозяйственной продукции по отношению 2011 года показал снизился на 29,1%. Произошло сильное сокращение доходов в бюджете, как за счет значительного снижения безвозмездных поступлений из федерального бюджета, так и за счет собственных доходов - более чем на четверть за последние 5 лет.

4. Амурская область.

Амурская область можно отнести к среднеразвитым регионам Дальневосточного федерального округа. В то же время здесь немало проблем в социальном и экономическом. Продолжается снижение численности населения – в период 2011-2015 гг. на 1,9%. Еще более заметно сократилась численность трудовых ресурсов области - на 8,4%, а среднегодовая численность занятых в экономике региона - на 3,6%.

Амурская область занимает первое место в Дальневосточном регионе по дешевизне фиксированного набора товаров и услуг. За 2015 он составляет 110% от среднероссийского (в 2011 – 115%). Доходы населения также ниже среднероссийского уровня. Среднедушевые доходы населения составляют 91% от среднероссийского уровня (в 2011 г. - 76%). Среднемесячная заработная плата в 2011 году составляла она составляла 89% от среднероссийского уровня, а в 2015 году опустилась до 87%.

По итогам 2015 года возросло промышленное производство, инвестиции в основной капитал, строительство, тогда как в других регионах эти показатели снижались на фоне кризиса. В целом по динамике социально-экономических показателей за последние 5 лет (2011-2015) регион характеризуется лучше других регионов юга Дальнего Востока.

На итоги социально-экономического развития региона в 2013 году довольно серьезно повлияло наводнение. За этот год произошли значительные снижения в экономических показателях: ВРП сократилась - на 10,6%, объем отгруженных товаров и услуг – на 10,0%, объем сельскохозяйственной продукции – на 26,9%. Однако ликвидация последствий наводнения сказалось на увеличении объёмов строительства жилья и увеличении доходов в местном бюджете за счет безвозмездных поступлений- прежде всего из федерального бюджета на устранение последствий наводнения в регионе в 2013 году. В дальнейшем по итогам 2014 года объём производства сельскохозяйственной продукции не только восстановился, но и показал рост по отношению к 2012 году на 17,5% (таб. 3).

Таблица 3

Сравнение динамики социально-экономических показателей приграничных субъектов ДВФО с КНР, 2011-2015

	Российская Федерация	Дальневосточный федеральный округ	Приморский край	Хабаровский край	Еврейская автономная область	Амурская область
ВРП, % (2010-2014)	+17,2	+12,0	+10,1	+17,0	+3,3	+2,8
Прирост населения, %	+1,0	-1,6	-1,4	-0,7	-5,9	-2,9
Среднедушевые денежные доходы, %	+7,1	+15,1	+23,8	+6,9	-5,3	+30,7
Среднемесячная заработная плата, %	+7,5	+12,7	+3,6	+11,0	+0,0	+0,4
Инфляция, %	+51,4	+49,5	+49,1	+52,9	+56,3	+54,8
Численность рабочей силы, %	+1,0	-2,4	-2,2	-6,2	-6,6	-7,4
Среднегодовая численность занятых в экономике, %	+1,0	-1,7	-1,0	-1,8	-7,6	-3,6
Объем отгруженных товаров и услуг, %	-7,5	+9,8	+15,5	+38,0	+5,3	+18,7
<i>Из них</i>						
<i>Добыча полезных ископаемых,</i>	-8,0	+5,9	+1,2	+62,0	+93,9	+70,5

%						
Обработывающие производства, %	-4,2	+0,4	+28,6	+51,2	-7,3	+6,0
Производство и распределение электроэнергии газа и воды, %	-24,3	-13,9	-8,8	-7,4	+10,1	-24,5
Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство», %	-21,0	-40,8	-68,9	-51,0	-71,1	+16,4
Объем сельскохозяйственной продукции, %	+4,6	-3,0	+27,0	-12,2	-29,1	+42,3
Оборот розничной торговли, %	-4,8	+7,1	+29,1	+22,5	-3,9	+42,3
Инвестиции в основной капитал, %	-12,9	-44,1	-61,3	-45,7	-55,2	-15,5
Ввод в действие жилых домов, %	+46,1	+34,9	-6,7	+42,9	+13,2	+57,2
Доходы бюджета субъекта, %	-19,6	+1,4	-24,2	-20,6	-30,5	-25,8

Особо важную роль в развитии регионов (особенно в социальной сфере) играют крупные населенные пункты. Главным центром Приморского края является Владивосток, который концентрирует более половины экономики края, официально зарегистрированных работающих, оптовой и розничной торговли и других видов деятельности. Такая же ситуация характерна и для Хабаровского края с его центром Хабаровском. От развития этих городов будут сильно зависеть динамика социально-экономических показателей субъектов, в которых они находятся.

Особенности развития экономических центров российского Дальнего Востока во многом связаны с факторами и предпосылками хозяйственного развития, обуславливающими их специализацию. В структуре экономических центров на данном этапе сохраняют свое значение добывающие виды экономической деятельности с углубленным комплексным (в зависимости от спроса потребителей) использованием местных и транзитных природных ресурсов. В перспективе в функциональной структуре экономических центров российского Дальнего Востока, вероятнее всего, сохранят свое приоритетное значение добывающие виды экономической деятельности с дальнейшим углубленным комплексным использованием местных и транзитных природных ресурсов, ориентированные в основном на спрос зарубежных потребителей [1].

На дальнейшее развитие территории рассматриваемых регионов будут влиять следующие факторы: 1) геополитический фактор – развитие приграничных территорий в зоне «контактных» структур; 2) наличие местоположение на территории приграничных регионов минеральных и природных ресурсов, которые востребованы на мировых рынках; 3) «человеческий» фактор – его количественные и качественные характеристики; 4) экономико-географическое и транспортно-географическое положение приграничных регионов по отношению к странам АТР; 5) географическое положение относительно морей Тихого океана – обеспечивает широкие транспортные возможности [2].

Литература

1. Бакланов П. Я., Романов М. Т., Мошков А. В. Территориальные структуры хозяйства и экономические районы в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. – 2011 - №2 – с. 18-28.
2. Корниенко О. С. Сравнительная оценка потенциалов регионов Дальнего Востока // Региональные исследования. - 2014 - №1 – С. 42-49.
3. Романов М. Т., Чурзина А. А. Развитие сети городов в приграничных регионах России в новых условиях // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2012 - №1 – С. 40-45.
4. Ткаченко Г. Г. Экономико-географическое положение как фактор интеграции субъектов Дальнего Востока России со странами Северо-Восточной Азии // Региональные исследования. – 2014. - №3. – С. 42-50.
5. Ушаков Е. А. Оценка эффективности социально-экономического развития муниципальных образований субъектов юга Дальнего Востока // Географические исследования восточных районов России: этапы освоения и перспективы развития. – Владивосток: Дальнаука, 2014. – С. 320-326.

НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.А.Шевченко, В.М.Кузьмина

Юго-Западный государственный университет, Курск
e-mail:Kuzmina-violetta@yandex.ru

Аннотация. Россия – перспективная страна с точки зрения интернационализации образования. Она принимает достаточно большое количество студентов, которое с каждым годом становится все больше.

Ключевые слова: высшая школа, сотрудничество, международное пространство

Первым наиболее важным направлением являются иностранные студенты. В прошлом 2014-2015 учебном году численность иностранных

студентов в России выросла на 7,6% или 15 700 человек и составила 221 400 человек[2].

Больше всего иностранных студентов по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в российских учебных заведениях – из стран СНГ, Балтии и Грузии (79%). Их число увеличилось на 12,3% и достигло 175 500 человек. На втором месте – учащиеся из стран Азии (без СНГ), их стало больше на 11,2%, до 31 700 человек. На третьем – студенты из Африки, которых за год прибавилось на 19%, до 9400 человек.

Представителей Европы стало больше на 5,9% (1800 человек). Центральной и Южной Америки – на 8,3% (1300 человек). Меньше всего в России студентов из США и Канады – около 200 человек (их число практически не изменилось). По данным Росстата, в прошлом году после трех лет роста резко упало число лиц без гражданства – сразу на 55%, до 4500 человек[3].

Традиционное большинство студентов из стран входящих СНГ обусловлено многими причинами, среди которых русский язык и его высокая распространенность на данной территории, более высокий по сравнению с местными вузами качество образования и его относительная доступность в сравнении с европейскими и американскими вузами.

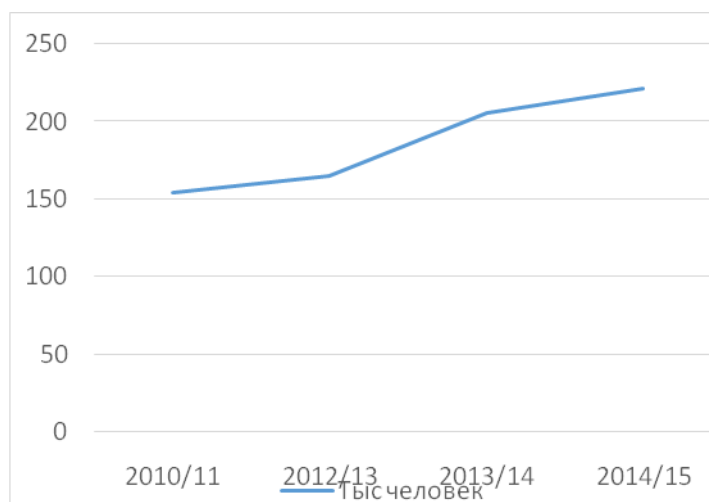

Рис. 1. Динамика количества иностранных студентов обучающихся в российских вузах за период 2010-2015 гг в тысячах человек

Как видно из диаграммы идет активный прирост студентов, но темпы роста несколько снизились. Так если на момент 2013/14 учебного года темп прироста составил 19,9%, то в 2014/2015 году такой же показатель составил 7,6%. Но несмотря на такое снижение в следующем году можно ожидать также увеличение числа учащихся.

Традиционное большинство студентов из стран входящих СНГ обусловлено многими причинами, среди которых русский язык и его высокая распространенность на данной территории, более высокий по

сравнению с местными вузами качество образования и его относительная доступность в сравнении с европейскими и американскими вузами[4].

Также можно наблюдать достаточно скромный, но рост количества студентов из дальнего зарубежья. Преимущественно, они приезжают из стран Азии и Африки. Предполагается дальнейший рост в связи с активизацией сотрудничества России со странами Азии и Африки по большому числу сфер международного сотрудничества.

Что касается сертификация и признания дипломов, то Россия заключила множество двусторонних и многосторонних соглашений с 70 странами по всему миру. Среди недавно заключенных договоров можно выделить соглашение с Францией, ЮАР, Перу, Венесуэлой, Кубой, Македонией и Сербией[1].

Все вышеупомянутые договора были заключены в период с 2010-2015 года. С Францией Россия имеет давние дипломатические и культурные отношения, поэтому неудивительно, что страны решились расширить сотрудничество в данной сфере. Стоит сказать, что это одна из первых стран Европейского Союза заключившая подобное соглашение, что создает прецедент заключения подобного соглашения с другими участниками интеграционного объединения.

Если говорить о странах Латинской Америки, Перу, Венесуэла и Кубе, то с ними у нас существуют достаточно теплые отношения уже очень длительное время. Поэтому под заключением этих договоров лежит как политическая и культурная основа, так и историческая[5].

По данному направлению планируется подписание еще 20 соглашений. Следовательно, можно ожидать, что число стран в которых будут признаваться в равной степени дипломы России и страны-подписанта будет только расти. Среди наиболее вероятных партнеров могут быть страны Латинской Америки и Азии, в рамках сотрудничества стран-членов БРИКС и других межгосударственных образований.

Что касается научно-исследовательских проектов и стажировок, то Россия достаточно активно принимает в этом участие. Программа по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования предусматривает в 2013–2016 гг. гранты на совместные исследования российских и зарубежных ученых по широкому кругу специальностей. Общий объем выделяемых грантов составит 10,98 млрд руб. на весь период реализации программы (четыре года).

Молодежным обменов, обменов будущими лидерами уделяется меньше внимания. Поддержка молодежных обменов осуществляется в рамках программы краткосрочных ознакомительных поездок в Российскую Федерацию молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств «Новое поколение». В 2011 г. основными региональными приоритетами

программы были страны СНГ и США, позднее могут быть подключены к программе другие государства[6].

Данная программа скорее направлена на установление и поддержание контактов с молодыми лидерами стран и не может в полной мере содействовать развитию экспорта российских образовательных услуг. Средний возраст молодых лидеров, посетивших итоговую конференцию участников программы «Новое поколение» в 2013 г., составил 30 лет. Для развития экспорта образовательных услуг необходимы программы обменов будущими лидерами (школьниками, студентами), теми, кто может получить или продолжить образование в России по программам бакалавриата, магистратуры или аспирантуры[7].

В заключении можно сказать, что Россия – перспективная страна с точки зрения интернационализации образования. Она принимает достаточно большое количество студентов, которое с каждым годом становится все больше. Было заключено достаточно большое количество договоров о взаимном признании дипломов, а в планах находится заключение еще 20 соглашений. Это увеличивает вовлеченность российских ученых и студентов в международную образовательную среду. Но есть и проблемы в плане недостаточного внимания к молодежным обменов. Осуществление краткосрочных поездок в Российскую Федерацию не способствуют росту престижа российских заведений высшей школы, а следовательно тормозит развитие экспорта образовательных услуг.

Литература

1. Кузьмина В.М. Анализ международных ситуаций.-Курск: ЮЗГУ, 2016.-176с.
2. Германская служба академических обменов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.daad.ru>
3. Институт имени Гёте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/ruindex.htm>
4. Кузьмина В.М., Подболотова М.Г. Ценностные ориентации молодежи как основа для межнационального согласия в современном обществе //Народы Северного Кавказа: история и современность Материалы всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2012. С. 119-122.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

О.Г.Чаплыгина

Курский государственный университет, Россия

e-mail: ogchaplygina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены тенденции развития внешней торговли Курской области, являющейся приграничной территорией. Отмечены положительные направления этой деятельности и сложные стороны.

Ключевые слова: внешняя торговля, внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, приграничный регион.

В современных условиях развитие экономического сотрудничества между государствами и их районами имеет глобальное и региональное значение. Рост взаимозависимости мира, возникновение и обострение глобальных проблем увеличили потребности в усилении многостороннего сотрудничества и способствовали расширению его сфер. Международное экономическое сотрудничество осуществляется в различных формах, среди которых важнейшей является внешняя торговля.

Российская Федерация проводит политику последовательного развития взаимовыгодного товарообмена со всеми зарубежными странами, которые проявляют к этому готовность. Активное участие во внешней торговле очень важно как для всей страной, так и для ее регионов, для каждого предприятия в отдельности, что связано со значительными преимуществами: оно позволяет более эффективно использовать имеющиеся ресурсы, приобщиться к мировым достижениям науки и техники, в более сжатые сроки осуществить структурную перестройку своей экономики, а также более полно и разнообразно удовлетворять потребности населения.

Анализ современных тенденций развития внешнеторговой деятельности России и ее регионов представляет особую актуальность и предполагает широкий и комплексный подход к оценке многих явлений современности, возникающих как в мировом хозяйстве и международных отношениях, так и внутри страны, связанных с изменениями в состоянии отечественной экономики и перспективами ее развития.

Эти явления бесспорно многообразны. Среди них наиболее важным представляется процесс вхождения России в постоянно развивающуюся мировую экономику при сохранении национальной безопасности и наращивание конкурентоспособности своей продукции, как на международном, так и на внутреннем рынках.

На современном этапе изучение особенностей внешней торговли на примере отдельных регионов представляет интерес. В качестве такой территории взята Курская область, которая располагается в Центральной России и имеет благоприятные предпосылки для развития экономических связей. Этому способствуют выгодное геоэкономическое, в том числе приграничное положение, богатый природно-ресурсный потенциал, развитый индустриально-аграрный комплекс[3]. Контакты региона со странами ближнего и дальнего зарубежья положительно сказываются на социально-экономическом развитии территории.

Стоит подчеркнуть, особое значение размещения у границы, именно этот фактор способствует приграничному сотрудничеству, составляет важную особенность современных международных связей регионов, поскольку именно на границе непосредственно пересекаются многие жизненно важные проблемы государств, включая внешнеполитические, экономические, гуманитарные контакты [4] .

Географические стороны изучения внешней торговли включают следующие составляющие: внешнеторговый оборот, товарную структуру экспорта и импорта, торговое партнерство.

Курская область активно развивает внешнюю торговлю. Имеют место положительные тенденции в этой деятельности, сопровождающиеся возникновением сложностей, что связано с меняющейся ситуацией на внешнем и внутреннем рынках. На долю региона приходится 0,1% экспорта и 0,3% импорта России.

Внешнеторговый оборот региона с 2009 г. постепенно набирал рост. Наблюдалось восстановление объемов экспорта и импорта товаров после их обвального падения в конце 2008 – начале 2009 годов, тем не менее, в итоге объем внешней торговли Курской области оказался существенно ниже докризисного уровня (рис.1).

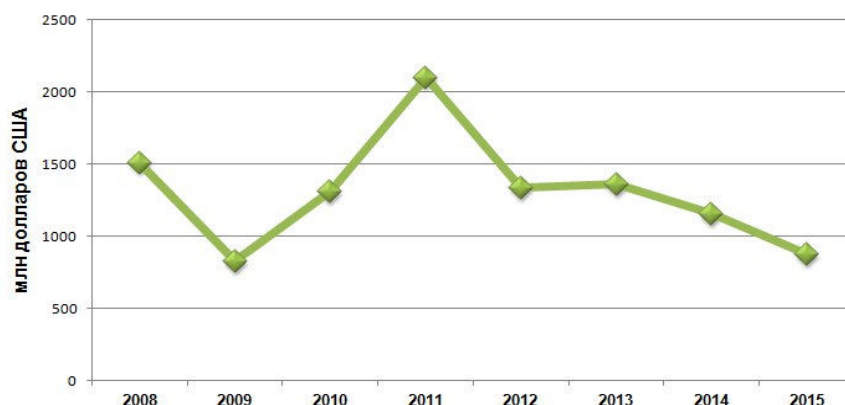

Рис. 1. Внешнеторговый оборот Курской области

В 2009 г. он составил 826,3 млн. долл., в том числе экспорт – 411,4 млн. долл. (49,8 % в общем объеме внешнеторгового оборота), импорт –

414,9 млн. долл. (50,2 % в). Снижение внешнеторгового оборота области по сравнению с уровнем 2008 года составило 685,5 млн. долл. или 45,3 % и уменьшилось на 33,9 % за счет сокращения объемов экспорта, и на 11,4 % от падения импорта [2].

Внешнеторговая деятельность Курской области в 2010 г. была положительной, что свидетельствовало об улучшении внешнеэкономической конъюнктуры. Показатель внешнеторгового оборота региона составил 1310,5 млн. долл. и вырос по сравнению с уровнем 2009 года на 64,3 %. Доля экспорта составила 54,2 %, импорта – 45,8 %. Отмечалось увеличение экспорта к уровню 2009 г. – 185,3 % и импорта – 144,8 %, что выше общероссийских показателей.

В 2011 г. отмечается рост показателей внешней торговли, затем был отмечен существенный спад к 2012 г. Внешнеторговый оборот характеризуемого региона в 2012 г. достиг 1350,6 млн. долл. Удельный вес экспортных поставок составил 50,1 %, импорта – 49,9 %. Эти показатели имеют отрицательную динамику. Внешнеторговый оборот сократился на 35,6 %, экспорт – на 48,3 %, импорт – на 14,8 % по отношению к 2011 г. Уменьшение внешнеторгового оборота произошло за счет снижения объемов экспорта на 30,0 % и импорта – на 5,6 % .

В 2013 году ситуация сохраняется примерно на уровне 2012 г. Существенные изменения характерны для 2014 г. Внешнеторговый оборот сократился по сравнению с 2013 года на 11,3 % , экспорт – на 17,1 % , импорт – на 5,3 % . Сальдо внешней торговли – отрицательное.

Снижение показателей в 2014-2015 гг. продолжалось. Внешнеторговый оборот региона уменьшился по сравнению с 2014 г. на 23,1 %. Экспорт составил 65,8 % , импорт – 88,5 % к уровню 2014 г. Сокращение экспортных поставок области произошло за счет падения экспорта в страны дальнего зарубежья (рис.2).

Импортные поставки Курской области в 2015 г. к уровню 2014 г. уменьшились на 11,5 %, что связано с падением ввоза из стран СНГ на 42,3 %. Импорт из стран дальнего зарубежья увеличился на 12,0 %. Соотношение между ввозом и вывозом - отрицательно [1].

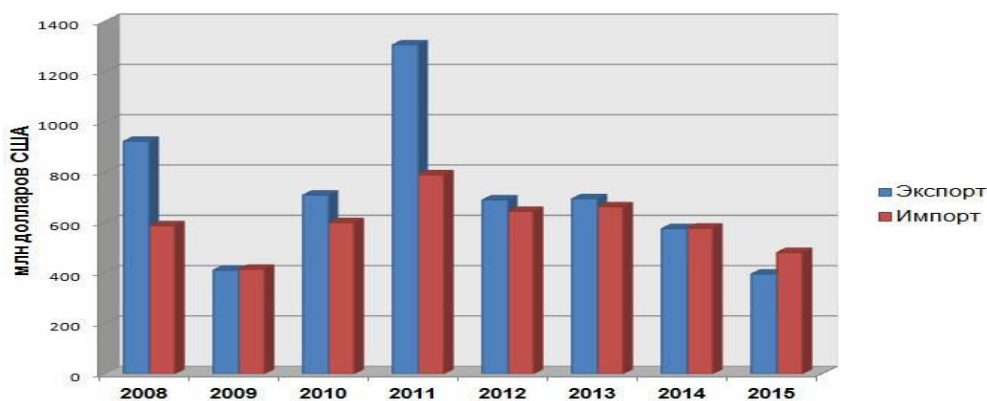

Рис.2. Экспорт и импорт Курской области

Показатели, характеризующие состояние внешней торговли Курской области, не отличаются стабильностью. Это связано со сложными процессами геополитического и геоэкономического характера, с ситуацией на мировом, национальном и региональном рынках.

Товарная структура внешней торговли отражает уровень развития и специализацию хозяйства территории.

Экспорт по итогам 2009 года: руды и концентраты железные (55,3 % от общего объема экспорта), продукция химической промышленности (13,4 %), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (8,4 %), металлы и изделия из них (8,2 %), машины, оборудование и транспортные средства (7,6 %), кожевенное сырье (2,5 %), древесина и целлюлозно-бумажные изделия из нее (2,0 %), текстиль, текстильные изделия и обувь (2,3 %), прочие товары (0,3 %).

Ведущими экспортерами Курской области в 2009 г. являлись: ОАО «Михайловский ГОК» (50,0 % в общем объеме экспортных поставок Курской области), ЗАО «Курскрезинотехника» (6,9 %), ООО «БИАСПЛЕН К» (5,4 %), ЗАО «КОНТИ-РУС» (4,1 %), ООО «Курск-химволокно» (2,3 %), ООО «Курский завод «Аккумулятор» (2,0 %), ООО «Курская кожа» (1,7 %), УК "Группа предприятий "ГОТЭК" (1,5 %), ООО ТД «Электроаппарат» (1,0 %) и другие.

Импорт включал: машины, оборудование и транспортные средства (29,1%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (26,3% от общего объема импорта), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (11,1%), продукция химической промышленности (11,5%), металлы и изделия из них (8,6%), минеральные продукты (7,8 %), текстиль, текстильные изделия и обувь (3,6%), кожевенное сырье и изделия из него (0,1 %), прочие товары (1,9%).

Наиболее значительно за 2009 год к уровню 2008 года сократились импортные поставки машиностроительной продукции и целлюлозно-бумажных изделий, более чем на 40,0 %.

В 2009 г. в общем объеме внешнеторгового оборота Курской области страны СНГ занимали 53,3 % , страны дальнего зарубежья – 46,7 % .

Крупнейшим внешнеторговым партнером региона из стран СНГ являлась Украина - 65,0 %, доля Республики Беларусь - 18,7 %, Казахстана –11,4 %, Республики Азербайджан – 1,5 %, Республика Молдова – 1,2 %. Во внешней торговле со странами СНГ сложилось отрицательное сальдо за счет существенного превышения импортных операций из Украины, Беларуси и Молдовы над экспортными операциями в данные страны. Со всеми остальными странами СНГ сложилось положительное сальдо внешнеторгового оборота. Причем, его величина увеличилась к уровню 2008 года с Узбекистаном, Таджикистаном и уменьшилась с Казахстаном, Киргизией, Грузией, Туркменией, Арменией, Азербайджаном.

Ведущими внешнеторговыми партнерами региона из стран дальнего зарубежья за указанный период были: Словакия (17,9 % в общем объеме внешнеторгового оборота со странами дальнего зарубежья), Китай (17,8 %), Турция (9,4 %), Венгрия (7,9 %). В число новых внешнеторговых партнеров вошли страны: Турция, экспортные поставки продукции в которую составили железорудные окатыши, химические волокна, необработанные шкуры и кожа, и Дания, из которой было получено высокотехнологичное оборудование для стройиндустрии. Появление новых внешнеторговых партнеров являлось положительной тенденцией в условиях общего спада внешнеторговой активности. По ряду стран (более 60 %) в 2009 г. к уровню 2008 года уменьшился объем внешнеторгового оборота: со Словакией, Китаем, Венгрией, Румынией, Италией, Польшей, Германией, Чехией, Францией, США, Финляндией, Норвегией, Нидерландами, Латвией, Швейцарией, Египтом, Сербией. Увеличился – с Турцией, Данией, Кот Д'Ивуаром, Кубой, Канадой, Испанией, Эстонией и Монголией.

Внешнеторговое сальдо со странами дальнего зарубежья – положительное.

Объем импортных поставок из стран дальнего зарубежья сократился к уровню 2008 года на 23,1 %. Наиболее значительно сократились поставки из Германии (на 74,0 %), Швейцарии (на 84,2 %), Венгрии (на 39,8 %), Австрии (на 87,3 %).

Возросли поставки из Канады – в 1,8 раза (кукуруза, аппараты оптические); Индии – в 4,7 раза (фрукты, орехи, чай, кофе, фармацевтическая продукция); Кот Д'Ивуара – на 37,0 % (какао и продукты из него); Чехии – на 21,9 % (пластмассы и изделия из них, древесина, изделия из стекла, машины для обработки почв, товары народного потребления).

Доминирующую долю в структуре импортных поставок из стран СНГ занимали Украина (79,6 %), Беларусь (18,0 %). Казахстан (6,8 %).

В последующие годы характеризуемого периода структура экспорта и импорта в основном сохраняла основные свои статьи, но удельный вес тех или иных видов продукции имел некоторые изменения. Состав же партнеров дополнялся в силу подписания новых договоров региона с государствами.

Так, в 2013 г. в общем объеме внешнеторгового оборота Курской области на долю стран СНГ приходится 53,0 %, на страны дальнего зарубежья – 47,0 %.

В экспортных поставках на долю стран СНГ в 2013 г. приходилось 35,3 %; страны дальнего зарубежья – 64,7 %. Основными партнерами из дальнего зарубежья, в которые Курская область вывозила свою продукцию, являлись: Китай, Словакия, Польша, Румыния, Италия, Чешская Республика, Турция, Германия, Тайвань и Греция.

В импорте удельный вес стран СНГ составил 71,2 % , стран дальнего зарубежья – 28,8 % . На первом месте среди стран СНГ, в которые Курская область поставляла товары, была Украина, на долю Республика Беларусь и Казахстан приходилось 39,83% .

К основным партнерам из стран дальнего зарубежья, из которых область ввозила продукцию, относились: Германия, Швейцария, Франция, Гана, Италия, США, Австрия, Китай, Аргентина и Япония

В 2014 г. число стран-партнеров Курской области по внешней торговле составило 85 (ближнее и дальнее зарубежье). Этот ряд дополнили: Албания, Бангладеш, Черногория, Шри-Ланка.

В объеме экспорта области в страны СНГ лидерство сохранила Украина, затем – Беларусь, Казахстан, Азербайджан. Экспорт товаров в дальнее зарубежье осуществлялся в Китай, Словакию, Румынию, Польшу, Турцию, Италию, Латвию, Чехию и другие страны.

По объему поставок в Курскую область из стран СНГ выделялись: Украина, Беларусь, Казахстан, Молдова. Из стран дальнего зарубежья: Германия, Швейцария, Нидерланды, Италия, Китай, Польша, Франция, Аргентина, Соединенные Штаты Америки.

В 2015 г. система экономических санкций продолжала оказывать негативное влияние на внешнеторговую деятельность Курской области.

Внешнеэкономическую деятельность осуществляют более 260 предприятий и организаций Курской области, которые сотрудничают с 85 странами ближнего и дальнего зарубежья, как отмечалось ранее.

Статьи экспорта: руды и концентраты железные (25,9 % от общего объема экспорта), продовольственные товары (25,2 %), продукция химической промышленности (19,4 %), металлы и изделия из них (11,4 %), машиностроительная продукция (9,7 %), текстиль, текстильные изделия и обувь (7,4 %), древесина и изделия из нее (0,5 %), кожевенное сырье (0,4 %) и прочие товары (0,1 %).

Ведущие предприятия – экспортерами Курской области являются: АО «Конти - РУС», ОАО «Михайловский ГОК», ООО «Курскхимволокно», ООО «ИСТОК+», ОАО «Курскрезинотехника», ООО «Совместное предприятие «Бел-Поль», АО «Курский электроаппаратный завод», ОАО «Фармстандарт-Лексредства», ГК «ГОТЭК», ОАО «Корневский завод низковольтной аппаратуры» (табл. 3).

В 2015 г. в объеме экспорта страны дальнего зарубежья занимали 62.3%, из них основными партнерами являлись: Китай, Польша, Германия, Латвия, Сингапур, Италия, Румыния. Вывоз в страны СНГ в основном пришелся на Украину, Азербайджан, Туркмению и другие.

Структура импортных поставок: продукция химической промышленности, каучук (35,8 %), машиностроительная продукция (31,4 %), продовольственные товары (12,9 % от общего объема импорта), металлы и изделия из них (8,4 %), древесина и изделия из нее (6,9 %), текстиль,

текстильные изделия и обувь (1,7 %), минеральные продукты (2,0 %), прочие товары (0,9 %)

Таблица 3

Предприятия-экспортеры Курской области

№ п/п	Наименование предприятия-экспортера	Наименование экспортируемой продукции
1.	ОАО «Михайловский ГОК»	Окатыши, концентрат
2.	ЗАО «КОНТИ-РУС»	Кондитерские изделия
3.	ОАО «Курскрезинотехника»	Резинотехнические изделия
4.	ООО «Курскхимволокно»	Волокно и нити полиамидные
5.	ОАО «Фармстандарт-Лексредства»	Лекарственные препараты
6.	ООО СП «Бел-Поль»	Пух
7.	Единая производственная площадка ООО «Источник Тока Курский», ООО «ИСТОК +», ООО «Курский аккумуляторный завод», включая ООО Торговый дом «Курский»	Аккумуляторные батареи
8.	ООО «Курский электроаппаратный завод»	Низковольтная аппаратура
9.	ГК «ГОТЭК»	Гофролоток, гофрокартон, упаковка
10.	ОАО «Кореневский завод низковольтной аппаратуры»	Предохранители
11.	ОАО «Рудоавтоматика»	Электрическое оборудование
12.	ООО «Торговый дом Белашофф»	Пухо-перовая продукция
13.	ОАО «Курскмедстекло»	Ампулы стеклянные медицинские
14.	ОАО «Геомаш»	Двигатели, запчасти, инструменты
15.	ООО УК «Русский Дом»	Мука пшеничная
16.	ФГУП «Курская биофабрика–фирма «БИОК»	Биопрепараты
17.	ОАО «Глобус»	Канцелярские товары
18.	ОАО «Электроагрегат»	Электроагрегаты
19.	ОАО «Суджанский завод тракторных агрегатов»	Оборудование, автозапчасти
20.	ЗАО «Курский комбинат хлебопродуктов»	Мука пшеничная

В составе вывоза также преобладали поставки товаров из стран дальнего зарубежья – 62.8% от общего объема ввоза области. Среди них основными партнерами являются 5 стран – Швейцария, Германия, Нидерланды, Италия и Китай – на них приходится 74.4% общего импорта стран дальнего зарубежья.

Импорт из стран СНГ составил 37.2% общего вывоза области. Украина удерживает первые позиции. Партнеры, с которыми сложились устойчивые связи - Беларусь, Казахстан, Азербайджан и другие страны.

В настоящее время особое внимание уделяется реализации взаимовыгодных связей с территориями стран-членов Евразийского экономического союза. Регионы Республики Беларусь активно

сотрудничают с Курской областью. Контакты с приграничьем Украины приостановлены, однако торговые связи осуществляются.

Развитие внешней торговли региона сдерживается рядом сложных положений, что требует решения этих проблем.

Для экспорта Курской области характерна во многом моноструктура, в связи с чем, необходима практическая реализация мер по развитию экспортного потенциала предприятий перерабатывающих производств.

Отмечается недостаточный уровень государственной поддержки производителей экспортноориентированной продукции несырьевых видов продукции.

Имеют место ограниченные финансовые возможности у предприятий области на обновление производственной базы за счет приобретения передового импортного оборудования, позволяющего выпускать конкурентоспособную продукцию.

Существуют длительные сроки возмещения НДС по экспортным поставкам, что отвлекает средства из производственного оборота и снижает заинтересованность предприятий и организаций в расширении экспортных поставок.

Имеют место недостаточные финансовые возможности у предприятий области на проведение рекламно-представительской работы в других странах путем участия в презентациях, выставочно-ярмарочных мероприятиях.

Характерно слабое развитие логистической и транспортной инфраструктуры (отсутствие совместных приграничных торговых комплексов и крупных перевалочных баз, терминалов для хранения грузов).

Проявляется несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы организации и ведения приграничной торговли.

В целях сохранения и повышения конкурентоспособности экспортной продукции, создания новых предприятий с участием иностранного капитала, формирования положительного имиджа Курской области целесообразно осуществление следующих мер:

- развитие импортозамещающих производств (сельское хозяйство, пищевая и перерабатывающая промышленность);

- проведение ежегодных презентаций об инвестиционном и экспортном потенциале региона в посольствах зарубежных государств с полным или частичным финансированием затрат на проведение презентационных мероприятий продукции предприятий области;

- оказание широкой информационной поддержки организациям области по вопросам выставочных мероприятий, проводимых в зарубежных странах;

- активное использование современных информационных ресурсов для продвижения сведений в бизнес – сообщества зарубежных стран о продукции, производимой курскими организациями;
- финансирование из средств регионального бюджета затрат на создание объектов инвестиционной инфраструктуры;
- публикация в отечественных и зарубежных СМИ материалов о регионе, его экспортных возможностях;
- осуществление рекламных мероприятий для информационного обеспечения иностранных инвесторов пакетом предложений по наиболее интересным региональным проектам.

На наш взгляд, возможно создание новых сайтов, которые бы в полной мере отражали информацию о приоритетных отраслях экономики Курской области, ведущих и начинающих предприятиях. Важным является их постоянное обновление и подача информации в интересной форме и по содержанию, и по внешнему виду.

В целом необходимо в полной мере реализовывать направления внешнеторгового сотрудничества, активно продвигать производимую продукцию, вести поиск эффективных форм внешнеторговой деятельности, используя преимущества приграничного положения.

Литература

1. Курская область в цифрах. 2016: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2016.–96 с
2. Статистический ежегодник Курской области. 2016: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2016.– 448 с.
3. Чаплыгина О.Г. Внешнеэкономическая деятельность приграничного региона
// Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: материалы междунар. научн –практ. конф. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2014 – С.413 – 415.
4. Чаплыгина О.Г. Приграничное сотрудничество: значение и приоритеты
// Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: материалы междунар. научн.-практ. конф. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2015 – С.223–225.

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

НОВЫЕ ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л.Б. Вардомский

ФГБОН Институт экономики РАН, Москва
e-mail: wardom@yandex.ru

Аннотация. Особенности развития приграничных территорий обусловлены с одной стороны их окраинным положением в государстве, а с другой, близостью к соседним странам. Исследованию этих своеобразных территорий посвящено множество научных работ в России и за рубежом, преследующие разные цели и опирающиеся на разные подходы и методы⁸. Задача настоящей статьи – оценить влияние фактора соседства с новыми государствами на экономический рост смежных с ними регионов России – новых приграничных регионов (НПР), в 2005-2015 гг. В этот период на постсоветском пространстве произошли большие изменения с точки зрения, размежевания стран по интеграционным приоритетам, углубления евразийской интеграции, соотношения стран по величине экономики, исчерпания потенциала роста у сырьевой модели развития, характерной для стран СНГ, начала модернизации национальных экономик. Исследование показало неоднозначное влияние евразийской интеграции на развитие НПР.

Ключевые слова: постсоветское пространство, внешнее соседство, приграничные регионы

Влиянию внешнего соседства посвящено довольно много работ связанных с изучением: 1) влияния на развитие приграничных регионов международной интеграции, прежде всего, европейской, 2) собственно приграничного сотрудничества и его институтов, 3) формирования трансграничных регионов и кластеров, 4) социальных процессов,

⁸ В частности проблематика новых границ и приграничных регионов, их экономической, социальной и политической трансформации была исследована в ряде обстоятельных российских исследований «Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. Ред. Л.Б.Вардомского и С.В. Голунова. М., Волгоград. 2002; Международная интеграция российских регионов. Ред. И.И.Куриллы. Программа «Международные исследования в общественных науках. М.Логос,2007; Л.Б.Вардомский. Российское порубежье в условиях глобализации. М. Изд. «Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2008; «Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства» Ред. В.А.Колосов и О.В.Вендина. М. Новый хронограф, 2011 и доклад «Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины». Ред. А.М. Анисимова. Доклад №17, Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. С-Пб. 2013 г.

происходящих в смежных регионах стран, 5) влияния границ и их функций на трансграничную социальную коммуникацию и межгосударственное движение факторов производства. Но внешнее соседство – один из факторов, влияющих на развитие регионов стран [1], и его действие у рассматриваемых регионов далеко не одинаково. Соседство – неотъемлемая характеристика географического положения региона, в котором синтезируются плюсы и минусы территориального соприкосновения государств и их регионов, в которых, в свою очередь, отражаются особенности политических отношений стран-соседей, уровни их развития, структурные характеристики экономики.

Соседство вообще - одно из главных направлений анализ популярного ныне территориального маркетинга, который призван улавливать сдвиги в потребительских настроениях и деловую активность в ближнем пространственном окружении с точки зрения спроса и предложения новых товаров, бизнес – решений, институциональных инноваций.

Влияние внешнего соседства на развитие региона осуществляется через адаптацию его экономики к спросу соседней страны и использование возможностей соседа для наращивания производственного потенциала региона с целью увеличения предложения товаров и услуг по другим рыночным направлениям.

В полной мере влияние соседства с зарубежным рынком на развитие раскрывается в условиях развитой трансграничной инфраструктуры, этнокультурной близости, весомого экономического и инновационного потенциала региона и сопредельной страны и, конечно, доверительных отношений между странами - соседями. В этом случае возможно получение трансграничного агломерационного эффекта в его материальном и нематериальном выражении, рост отдачи от накопленного в регионах капитала, формирования новой специализации и новых рынков. В целом же концепция соседства во многом тождественна концепции близости, которую в последние годы активно разрабатывают в России и за рубежом [2]

Постсоветский сдвиг на восток при падающей взаимной связанности национальных экономик

Знаковым событием в геоэкономических условиях развития НПР стоит более быстрое развитие стран Центральной Азии и Прикаспийского региона, чем постсоветского региона в целом, включая Россию. Доля стран ЦА и Азербайджана в общем ВВП СНГ по номиналу увеличилась с 10,5% в 2005 г. до 19,2% в 2015 г. (табл. 1). В инвестициях в основной капитал она возросла с 16,9% до 22,6%, а в общей численности занятых в СНГ - с 22 до 25,7%.

Таблица 1

Изменение доли стран СНГ в общем ВВП (в текущих ценах) за
2005 - 2015 гг ., в %

Страны	2005	2010	2015	2015*
СНГ	100,0	100,0	100,0	100,0
Россия	76,1	75,9	72,0	71,3
<i>Белоруссия</i>	3,0	2,8	2,9	2,9
<i>Украина</i>	8,9	7,0	4,9	4,9
<i>Азербайджан</i>	1,3	2,6	2,9	2,9
<i>Грузия</i>	0,7	-	-	0,7
<i>Казахстан</i>	5,7	7,4	10,1	9,9
Молдова	0,3	0,3	0,4	0,4
Армения	0,5	0,5	0,6	0,6
Киргизия	0,2	0,2	0,4	0,4
Таджикистан	0,2	0,3	0,4	0,4
Туркменистан	1,7	1,1	1,9	2,0
Узбекистан	1,4	1,9	3,5	3,6

Источник: [3] *Данные Мирового банка. Курсивом выделены страны-соседи.

Наибольший вклад в рост доли центральноазиатских стран внес соседний Казахстан. Среди других динамичных соседей следует выделить Азербайджан. У Украины и России доли в общем ВВП заметно сократились. У Белоруссии она сократилась на 0,1 процентного пункта, а у Грузии осталась неизменной. Следует подчеркнуть, что ускоренный рост восточной части СНГ был связан с расширением добычи углеводородов и другого минерального сырья.

На фоне сдвига экономики СНГ в Азию у России наблюдался скорее обратный процесс – усиление европоцентричности размещения российской экономики, о чем свидетельствует увеличение доли федеральных округов, размещенных в европейской части России в общем ВВП (Табл.2). Более быстрое развитие европейской России в большой степени было связано с развертыванием сборочных производств и наращиванием выпуска сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Таблица 2

Изменение долей федеральных округов в общем ВРП России
за 2005 - 2015 гг. (в %)

Округа	2005	2008	2010	2014	2015
Европейские ФО	67,5	71,1	69,8	70,5	70,1
Уральский ФО	17,1	14,2	13,6	13,6	13,8
Сибирский ФО	10,8	10,2	11,0	10,4	10,4
Дальневосточный ФО	4,6	4,5	5,6	5,5	5,7

Источник: [4]

Сдвиг на восток у России произошел в основном за счет дальневосточных регионов. При этом внутриматериковые регионы Урала и Сибири за 2005-2015 гг. сократили свои доли в ВРП. Пока не вполне ясно, что это: долгосрочный тренд или реакция на резкие перепады мировой конъюнктуры в производстве и потреблении топлива и сырья?

Тенденция более быстрого развития стран ЦА и Азербайджана сохранится в обозримом будущем и экономический потенциал постсоветского пространства будет неуклонно меняться в пользу его азиатской части. Одновременно будет возрастать значение этой части постсоветского пространства для российской внешней торговли. Уже сейчас это проявляется вполне отчетливо. В 2005 - 2010 г. общая доля стран ЦА и Азербайджана во внешней торговле России со странами СНГ составляла 25-27%, а в 2015 - 2016 гг. она достигла 35-37%. Но рост доли произошел на фоне серьезного спада в 2012-2016 гг. взаимных торговых отношений РФ и СНГ: с 124,2 млрд. долл. до 56,7 млрд долл. Сегодня торговля РФ и стран СНГ по объему приблизилась к уровню 2005 г. – 51,9 млрд долл. (здесь и далее данные ФТС РФ).

Схожая динамика, но с меньшей амплитудой была в обороте торговли РФ и стран востока СНГ: 13,9 млрд долл. в 2005 г., 36,8 млрд долл. в 2012 г. и снижение до 24,3 млрд. долл. в 2015 г. и 20,5 млрд долл. в 2016 гг. При этом 65-70% этого оборота приходится на торговлю России с Казахстаном.

Минэкономразвития РФ склонно объяснять эту ситуацию внешними факторами: падением мировых цен на сырьевые товары, санкциями и контрсанкциями, «украинским фактором», падением курса рубля и т.п. [5] Действительно, все это имело место. Взаимный товарооборот России и Украины, достигнув максимума в 2011 г. – 48,9 млрд долл., затем начал неуклонно сокращаться: 15 млрд долл. в 2015 г. и 10,2 млрд долл. в 2016 г.

Но «культбит» взаимных торговых связей обусловлен не только политическими факторами. С Казахстаном явного политического конфликта нет, а взаимная торговля после стремительного роста в 2005 - 2012 гг. с 9,9 млрд долл. до 25,8 млрд долл., в 2015 г. опустилась до 15, 6 млрд. и в 2016 г. - до 13 млрд долл.

В 2005 - 2015 гг. структурно экономика России, хотя и менялась, но за счет либо развертывания сборочных производств, что в основном приводило к наращиванию импортных связей из третьих стран, либо импортозамещения, что сдерживало рост ввоза, прежде всего, из стран СНГ. В связи с этим потенциал России, как интеграционного ядра Евразии, не рос пропорционально росту ее экономики. С другой стороны, экономики стран СНГ росли в основном за счет тех производств, которые находили сбыт в третьих странах.

Экономическое лидерство России в регионе также ограничивает сильная подверженность ее хозяйства «внешним» шокам. В периоды ухудшения мировой конъюнктуры это негативно сказывается на экономиках стран - партнеров через падение курса рубля и через это спроса на их товары и рабочую силу. Темпы роста России в последние годы были значительно ниже, чем у многих постсоветских партнеров. Нынешнее экономическое состояние России некоторые исследователи объясняют ее попаданием в «ловушку среднего дохода» [6].

Либерализация взаимной торговли в виде двухсторонних режимов свободной торговли, зоны свободной торговли в рамках СНГ, запущенной в 2012 г., и создания в 2010 г. единого таможенного пространства в рамках ЕврАзЭС, в 2015 г. преобразованного в ЕАЭС, не смогла обеспечить устойчивый рост взаимной торговли. Его могли бы стимулировать совместные проекты, но их число довольно ограничено. В силу этого объемы взаимной торговли сильно зависят от колебаний мировых цен на биржевые товары и полуфабрикаты: «пульсирующая» динамика торговли РФ и стран СНГ тесно коррелирует с динамикой цен на нефть: 54,4 долл. за баррель в 2005 г., 121,4 долл. в 2012 г. и 44 долл. в 2016 гг.

Особенности динамики ВРП новых приграничных регионов

Общая доля 25 НПР (без учета Чечни и Крыма) в общем ВРП России за 2005-2015 гг. увеличилась с 21,1% до 22,6%, но при этом доля соседних с Казахстаном регионов сократилась с 13,5% до 12,4%, соседних с Белоруссией - практически не изменилась, а пограничных с Украиной - выросла с 3,5 до 4,6% от ВРП РФ. За счет Дагестана доля северокавказских республик в ВРП РФ увеличилась с 1% до 1,43% (табл. 3). Иными словами, динамика НПР была противоположна изменениям на постсоветском пространстве.

Наиболее сильно в общем ВРП России выросла доля Краснодарского края (+0,92%), хотя этот регион лишь отчасти можно отнести к числу НПР, поскольку край изначально выходил к международным водам СССР и России на Черном море. Тем не менее, до 2014 г. регион соседствовал с Украиной по Керченскому проливу и акваториям Азовского и Черного морей, на востоке граничит с Абхазией, с новым, хотя и не вполне международно признанным государством. Наиболее сильно сократилась доля Тюменской области (без округов) – на 0,7%.

Следует отметить, что у всех регионов, пограничных с Украиной, доля в ВРП РФ выросла, хотя и в разной степени, а в 2014 - 2015 гг. все они, несмотря на свертывание экономических и социальных связей с этой страной и стагнацию российской экономики, показали положительную динамику ВРП. Для сравнения, с украинской стороны доли угольно - металлургических областей: Донецкой и Луганской в ВРП Украины за 2005-2013 гг. сократились довольно сильно: с 14,2% до 10,8% и с 5,4% до 3,6%, соответственно. У остальных пограничных областей: Сумской Харьковской и Черниговской доли в ВРП Украины оставались сравнительно стабильными.

Таблица 3

Доля приграничных регионов в общем ВРП России
в 2005 и 2015 гг.,%

Регионы	2005	2015	Регионы	2005	2015
1. Краснодарский край	2,07	2,99	14. Алтайский край	0,75	0,76
2. Самарская обл.	2,23	1,90	15. Курская обл.	0,48	0,51
3. Челябинская обл.	1,94	1,80	16. Астраханская обл.	0,39	0,49
4. Ростовская обл.	1,46	1,80	17. Брянская обл.	0,37	0,41
5. Новосибирская обл.	1,31	1,51	18. Смоленская обл.	0,36	0,39
6. Тюменская обл. (без округов)	2,08*	1,38	19. Курганская обл.	0,28	0,28
7. Воронежская обл.	0,74	1,26	20. Псковская обл.	0,22	0,20
8. Оренбургская обл.	1,18	1,19	21. Северная Осетия-Алания	0,17	0,20
9. Волгоградская обл.	1,13	1,13	22. Кабардино-Балкария	0,20	0,19
10. Белгородская обл.	0,80	1,05	23. Карачаево-Черкесия	0,09	0,10
11. Омская обл.	1,22	0,95	24. Ингушетия	0,04	0,08
12. Саратовская обл.	0,95	0,95	25. Респ. Алтай	0,05	0,06
13. Дагестан	0,50	0,86	Всего НПП	21,09	22,56

Источник: [4] * оценка автора

У областей пограничных с Украиной ВРП на душу населения был ниже чем в среднем по России, но отношение регионального показателя к среднероссийскому за 2005 -2015 гг. заметно вырос у всех, причем у Белгородской области индекс почти достиг 100% от среднероссийского уровня в 445 тыс. руб. на душу населения. У наименее благополучной Брянской области индекс вырос с 40% до 49% , у Воронежской – с 45 до 79%, Курской – с 58% до 67%, Ростовской – с 48 до 62%.

Иная картина наблюдалась у регионов пограничных с Казахстаном: за

2005- 2015 гг. доля в ВРП России сократилась у Тюменской, Самарской, Омской и Челябинской областей, заметно выросла только у Новосибирской и Астраханской областей. Регионы «замедленных темпов развития» составляют почти сплошной пояс вдоль российско-казахстанской границы от Волгоградской до Омской области. Большинство из регионов, сопредельных с Казахстаном, в 2014-2015 гг. имело отрицательную динамику ВРП.

Похожая ситуация наблюдалась с казахстанской стороны границы: большинство пограничных областей развивалось медленнее, чем страна в целом. Доли в ВРП Казахстана существенно сократились у Актюбинской, Североказахстанской, Костанайской и Павлодарской областей.

У преобладающей части приказахстанских регионов России ВРП на душу населения также ниже среднероссийского уровня, хотя большая их часть относится к высокоиндустриальным районам страны. Но динамика индекса была различной. У ряда регионов индекс заметно прибавил: у Астраханской с 56% до 71%, Новосибирской- с 70% до 80%, у республики Алтай – с 35% до 44%. У Алтайского края, Волгоградской, Курганской и Саратовской областей индекс увеличился незначительно, на 3 – 4 процентных пункта. У наиболее индустриальных регионов казахстанского сегмента произошло сокращение индекса. Наиболее сильно он снизился у Тюменской области с 170% до 140%, у Омской с 87% до 70%, Самарской – с 99% до 87% и Челябинской с 79% до 75%.

В пограничном поясе России и Белоруссии: Псковская, Смоленская и Брянская области в 2005-2015 гг. развивались примерно среднероссийскими темпами, а Витебская, Могилевская и Гомельская области в период 2008 - 2015 гг. темпами немного ниже среднебелорусских⁹.

Экономика северокавказских республик развивалась быстрее, чем у большинства НПР, но в силу малых размеров экономики, это не привело к заметному увеличению их долей в ВРП РФ. Эта группа регионов характеризуется самыми низкими показателями ВРП на душу, но индекс у большинства из них за 2005-2015 гг. заметно вырос, составляя от 26% у Ингушетии до 42% у Дагестана. Сильно вырос индекс ВРП на душу и у Краснодарского края: 58% в 2005 г. и 80% в 2015 г.

Соседство и экономический рост новых приграничных регионов

Приблизительную оценку влияния соседства на развитие НПР можно сделать на основе показателя «внешнеторговая квота», который исчисляется как отношение объемов торговли региона с соседней страной к ВРП региона. Чем выше объем торговли и выше его доля относительно

⁹ ВРП в Белоруссии рассчитывается с 2008 г.

произведенной в регионе добавленной стоимости, тем потенциально сильнее соседство влияет на развитие региона. В связи с этим снижение барьеров на пути товаров, услуг, людей и капиталов в связи с углублением интеграции, должно способствовать развитию взаимных торговых и инвестиционных связей и через это вызывать рост экономики регионов. Но практика постсоветских интеграционных проектов этого пока не подтверждает. Кризис во взаимных отношениях России и Украины пока не особо угнетает экономический рост в сопредельных НПР, а Таможенный союз и ЕАЭС не обеспечил более быстрый рост приграничных регионов казахстанского сегмента.

В определенной мере это связано с низким уровнем внешнеторговой квоты. В среднем по Украине отношение внешнеторгового оборота с ней к ВРП России невелико и за рассматриваемый период довольно сильно уменьшилось: в 2005 г. – 3,17%, 2010 - 3,03% и в 2015 г. – 1,40%. По Казахстану внешнеторговая квота была меньше, но более стабильна, соответственно, 1,55%, 1,23% и 1,46%.

В 2015 г. величина квоты у большинства НПР колебалась в пределах 1 - 3%, то есть влияние соседства на их экономику было довольно слабым. В годы высокой торговли РФ с Украиной и Казахстаном (2007-2008, 2012 - 2013 гг.) значение квоты было в 2-3 раза выше. Более значимо фактор соседства проявлялся у Белгородской, Челябинской, Оренбургской и Ростовской областей. Именно эти регионы по величинам объемов торговли с соседями и внешнеторговой квоты можно отнести к опорными базами сотрудничества РФ с Украиной и Казахстаном. Например, у Ростовской области в 2007 г. объем внешней торговли с Украиной составил 2,6 млрд долл. или 33,4% от внешнеторгового оборота, а внешнеторговая квота - 14,7%. В 2015 г. эти показатели составили, соответственно, 1 млрд долл., 13,8% и 5%.

У Оренбургской области внешнеторговый оборот с Казахстаном за 2005-2013 гг. вырос с 658 млн долл. до 1670 млн долл, но затем стал сокращаться составив 1010 млн. долл. в 2015 г. и 615 млн. долл. в 2016 г. Доля Казахстана во внешнем товарообороте области за 2005-2013 гг. выросла с 22,9% до 38,5%, но в 2016 г. упала до 24,3%. Внешнеторговая квота была более стабильна: 2005 г. – 8,7%, 2010 г.- 8,9%, 2013 г.- 7,4% и в 2015 г. - 7,9%.

Среди НПР наиболее сильно влияние соседства проявилось в Белгородской области, что было обусловлено таким специфическим фактором как близость Харькова – одного из крупных центров экономики, науки, образования и культуры бывшего СССР, с которым сохранились тесные экономические и социальные связи после его распада. Близость креативного Харькова способствовало вовлечению белгородских властей в разнообразные проекты сотрудничества двух городов, которые обрели характер приграничного. Многочисленные трансграничные связи

гражданского общества и бизнеса в большой мере осуществлялись на неформальной основе. Тандем Белгород – Харьков стал важным центром коммерческих и частных транзитных сообщений, что оживило сопутствующие виды деятельности. Он превратился в фокус инноваций в трансграничных взаимодействиях, из которого они распространялись по всему украинскому сегменту НПП [7]. В конечном итоге это вызвало рост взаимной торговли между областью и Украиной: 1,9 млрд долл. в 2005 г. и около 4 млрд долл. в 2013 г. В 2005 г. внешнеторговая квота достигала 36%, постепенно сокращаясь до 20% в 2013 г.

Превращение «Слобожанского тандема» в ведущий центр российско-украинской торговли и сотрудничества способствовало созданию благоприятной атмосферы предпринимательства в Белгородской области, которая одной из первых среди российских регионов занялась модернизацией сельского хозяйства на основе развертывания в регионе агрохолдингов и стала обретать функции житницы Москвы и Московской области, постепенно замещая украинские поставки. И когда в силу известных событий торгово-посредническая миссия области стала угасать (в 2015 г. взаимный оборот с Украиной составил 1,3 млрд долл., внешнеторговая квота 11%), ее развитие уже в основном опиралось на агробизнес и другие сферы экономики ориентирующиеся на рынок Московского региона. В этой связи следует отметить, что валовая добавленная стоимость создаваемая в Московском регионе составляет примерно четверть от ВДС РФ, что лишь немногим меньше совокупной ВДС формируемой экономиками Белоруссии, Казахстана и Украины. Созданная для обслуживания торговли с Украиной транспортная инфраструктура и логистика стали обслуживать новую миссию региона.

Схожие, хотя и менее масштабные, процессы характерны для всего украинского сегмента НПП. В целом же благоприятное влияние соседства на развитие экономики сопредельных с Украиной регионов объясняется рядом причин. Во – первых, растущими объемами торговли вплоть до государственного переворота на Украине, которые по объему были значительно больше, чем связи регионов, пограничных с Беларусью и Казахстаном, со своими странами-соседями.

Во-вторых, новые государственные границы, благодаря их барьерным функциям, выразившихся в изъятиях и ограничениях для свободной торговли, создавали шансы для развития отдельных секторов экономики приграничных регионов, ориентирующихся на российский рынок.

В третьих, сравнительно либеральный предпринимательский климат в российско-украинском пограничье способствовал активности компаний обеих стран, которые получали возможность строить бизнес на существующих между странами различиях по уровню внутренних цен, издержек, налогов и т.д.

В четвертых, в российские регионы происходила миграция специалистов из Украины, которых привлекали более высокие зарплаты, а после государственного переворота на Украине в российские области стал перетекать и украинский бизнес, который принес в российские регионы новые компетенции и новые возможности развития.

Таким образом, в приукраинских НПР развитие опиралось, с одной стороны, на расширение внешнеэкономических связей с Украиной и обслуживание транзитных потоков, а, с другой, - на формирование новых функций в системе межрегионального разделения труда России под влиянием внутреннего спроса и разного рода протекционистских практик. Иными словами, положительное действие украинского соседства на региональное развитие проявлялось как через расширение взаимных связей, так и через ограничения в торговле. Сейчас между РФ и Украиной выросли большие геополитические барьеры для торговли и сотрудничества. В связи с этим приукраинские регионы РФ будут стремиться шире использовать возможности создаваемые ЕАЭС, близостью к Московскому региону и зарубежным рынкам в зоне Средиземного и Черного морей.

Развитие Краснодарского края, показавшего за 2005-2015 гг. наиболее высокую динамику, было связано не с особенностями соседства и торговыми связями с соседями, а с приморским положением, благодаря которому Краснодарский край стал крупным центром торговли России с Турцией и средиземноморскими странами. Барьерность новых границ позволяла развивать портово-транспортные, курортные и агропромышленные функции за счет сокращения импорта соответствующих товаров и услуг (транзитных и туристических) из Грузии и Украины. В годы после воссоединения с Крымом, край стал выполнять важную функцию по интеграции полуострова в экономику России. Олицетворением данной функции является строительство моста через Керченский пролив.

Кавказское соседство северокавказских республик практически не заметно как фактор их развития, поскольку в основном опирается на внутрироссийские факторы (внутренний спрос, федеральную поддержку республиканских проектов). Это объясняется как слабостью их экономик и низкой степенью их взаимодополнения, так и транспортными проблемами в сообщении с соседними Азербайджаном и Грузией и. В частности товарооборот наиболее динамичного Дагестана с Азербайджаном в 2015 г. составил около 150 млн. долл., что составляло более 40% от внешнеторгового оборота региона, но всего 1,6% от его ВРП.

При довольно контактной границе, которая в условиях таможенного союза стала «прозрачной», казахстанское влияние на развитие сопредельных российских регионов заметно меньше, чем украинское

влияние в 2005-2013 гг. Одна из причин структурные особенности: при том, что общая добавленная стоимость НПП сопредельных с Казахстаном близка к объему выпуска Казахстана, они обладают однотипной экономикой с преобладанием в ней горнодобывающей и металлургической промышленности, отраслей ТЭК и начальных переделов химического производства. В силу этого основу товарооборота составляет отрасли производящие товары с низкой добавленной стоимостью, но сильно зависящие от циклических колебаний мировой конъюнктуры. Одновременно это отрасли, в которых велика доля вертикально-интегрированных компаний с большим государственным участием. Новые же виды деятельности, генерирующие взаимные торгово-производственные связи в достаточном объеме в 2005 - 2015 гг. не возникали. А если и возникали, то в основном благодаря инвестициям из третьих стран, которые порождали товаропотоки другой географической ориентации.

Приграничное сотрудничество России и Казахстана опиралось в основном на взаимодействие властей разного уровня и при слабой вовлеченности в него местных и региональных сообществ. Коммерческий и частный транзит по объему был значительно слабее, чем на украинском направлении. Все это не создавало дополнительного стимула для развития приказахстанских регионов.

Несмотря на интеграционные усилия объемы торговли НПП с Казахстаном в 2005 и 2016 гг. оказались практически одинаковыми по абсолютному объему и по доле во внешнеторговом обороте регионов. В частности, у Самарской области в 2005 г. оборот с Казахстаном составил 272 млн долл. при его доле во внешней торговле регионе 3,7%, а в 2016 г., соответственно, 318 млн долл и 5,6%. У Челябинской области эти показатели равнялись 1486 млн долл и 23% в 2005 г. и 1413 млн. долл. и 24,6% в 2016 г. У Новосибирской области, наиболее динамичного региона приказахстанского пояса, объем внешней торговли с Казахстаном в 2005 г. составил 282 млн долл., а в 2016 г. - 362 млн. долл. при том, что доля страны во внешнеторговом обороте региона сократилась с 20,3% до 10,7%. Более высокая динамика Новосибирской области среди регионов данного пояса вероятно объясняется тем, что у нее внешнеторговый оборот в целом за 2005 -2015 гг. вырос более чем в 2 раза, в то время как у других регионов он либо сократился, либо рост был незначителен.

Определенную роль в сдерживании роста ВРП в рассматриваемых российских областях сыграла миграция бизнеса в соседние области Казахстана в связи с более благоприятным в них налоговым режимом.

Инертность казахстанского фактора не компенсировалась активным использованием потенциала внутреннего спроса. Этому препятствовала удаленность от Московского региона и инерция сложившейся структуры промышленности. В целом же проблемы с экономическим ростом в

российско-казахстанском порубежье и застой во взаимной торговле отражают замедленных ход модернизации экономики этих преимущественно сырьевых районов, расположенных во внутриматериковых частях России и Казахстана и ее несогласованный характер.

Схожая ситуация наблюдается и у регионов российско-белорусского порубежья. Однако есть и специфика, которая связана с тем, что российские регионы Псковская, Смоленская и Брянская области, удобно располагаясь относительно рынка Московского региона, проигрывают белорусским регионам в активности на этом рынке. В большой мере это связано с масштабной государственной поддержкой РБ своих производителей, в частности сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Сопоставление динамики НПП свидетельствует о том, что влияние фактора соседства на их развитие в период 2005 -2015 гг. было в целом незначительно и кроме того с 2010 г. стало ослабевать по всему периметру, но если в случае Украины это происходило от комбинации геополитических и структурных факторов, то в случае Казахстана, а также и Беларуси, в основном от структурных факторов, от несогласованного хода модернизации экономик в рамках ЕАЭС, растущей роли в ней третьих стран, резкого преобладания межотраслевых связей над внутриотраслевыми. В силу этого место НПП в процессах евразийской интеграции уменьшается.

Для того, что бы интеграция стала весомым фактором регионального развития нужны новые производства и новые товары взаимной торговли. Для этого, в моем представлении, следует переходить к проектному варианту развития ЕАЭС. Усиление проектной составляющей должно иметь и региональное измерение. Пока в деятельности ЕАЭС доминирует национальный уровень и уровень субъектов хозяйствования при отсутствии увязки интеграции с решением проблем развития регионов стран – членов ЕАЭС [8]. Координация стратегий стран для формирования новой специализации в рамках новой индустриализации, должна подкрепляться, в моем представлении, координацией стратегий развития регионов, прежде всего, приграничных. С учетом этого следует создавать ТОРы в сибирских и уральских регионах РФ с ориентацией на рынки Казахстана и всей ЦА, которым нужны товары средней технологической сложности, эффективные в условиях дешевой рабочей силы. Значение российско-казахстанского порубежья как потенциального ядра евразийской интеграции под влиянием происходящих на постсоветском пространстве экономических сдвигов будет возрастать и нужно создавать институциональные и инфраструктурные условия для его полной реализации.

Литература

1. Кузнецова О.В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России. Вестник МГУ. Сер.5. География. 2014. № 2.
2. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России. Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 3. С. 8-21.
3. Содружество независимых государств 1991 - 2015. Стат. сб. МГСК СНГ. М. 2016. С.64.
4. Регионы России. Социально - экономические показатели. 2016. Стат. сборник. М.2016. С. 514-515.
5. Прогноз социально-экономического развития России на 2017 г. и на плановый период 2018- 2019// Министерство экономического развития РФ/[Электронный ресурс] URL:
[ps://docs.google.com/viewer?url=http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9dd9931d-3960-454c-a8db-ac6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9dd9931d-3960-454c-a8db-ac6fc1ab4bfc&embedded=true](https://docs.google.com/viewer?url=http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9dd9931d-3960-454c-a8db-ac6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9dd9931d-3960-454c-a8db-ac6fc1ab4bfc&embedded=true) (дата обращения 24.01.2017).
6. Дмитриев М. Новая формула богатства: как России вырваться из ловушки среднего дохода.
<http://www.rbc.ru/opinions/economics/18/06/2015/5581596d9a794771284d8142>.
7. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. Ред. В.А.Колосов и О.В.Вендина. М. Новый хронограф, 2011. С. 227 -243.
8. Вертинская Т.С. Концептуальные основы развития интеграционных связей на уровне регионов стран-членов Евразийского экономического союза. ИЭ НАН РБ. Минск. Изд. «Право и экономика». 2016. С.9-10.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ В ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В. М. Васюрин

Курский государственный университет, Россия
e-mail: vas.vowan@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены основные аспекты китайской миграции на Дальний Восток России.

Ключевые слова: миграция, фактор миграции, трудовая миграция, Китай, Дальний Восток.

Миграция населения представляет собой сложное социально – экономическое явление, которое связано с различными сторонами хозяйственной и социально – политической жизни общества, формированием и проявлениям тенденций их изменения. Для многих стран и регионов важным фактором социально – экономического развития

становится международной миграция населения, способствующая формированию гибкого рынка труда.

Одной из стран, население которой активно перемещается в Россию, является Китай. В период с 2000 по 2014гг., из Китая в Россию прибыло 37,3 млн. человек. Минимальных значений китайская миграция за этот период достигала в 2005 г., когда в Россию прибыло 432 тысячи человек. Наибольшее число прибывших – в 2014 г., количество прибывших составило – 10,6 млн. человек. В целом за указанный период, китайская миграция в Россию характеризовалась устойчивой тенденцией роста, лишь в отдельно взятых годах сменяясь снижением миграционного потока.

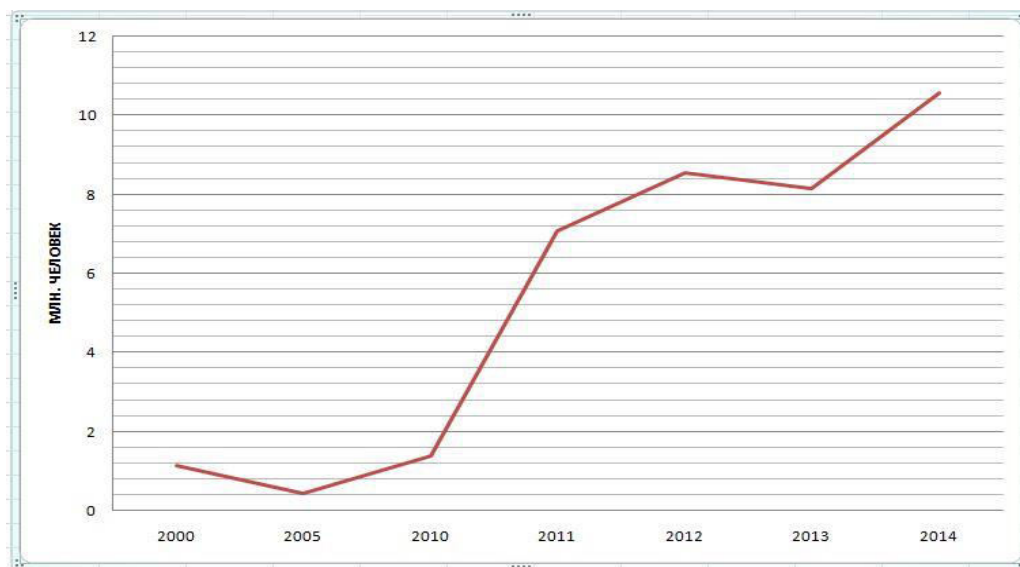

Рис. 1 Количество мигрантов из Китая в Россию (2000 – 2014гг.) [4]

В настоящее время в связи с глубоким демографическим спадом и отсутствием стимула для привлечения жителей европейской части России в восточные территории обостряется проблема недостатка трудовых ресурсов в указанных регионах. Это особенно актуально для Дальнего Востока России. Соседство с Китаем и избыток рабочей силы в нем создает возможности для притока трудовых мигрантов.

Миграционная политика Китая носит многоаспектный характер. Среди факторов китайской миграции можно выделить следующие: географический, демографический, экономический.

Географический фактор является одной из причин китайской миграции на Дальний Восток России. Этот регион обладает удобным географическим положением. Огромная территория в сочетании с крупными транспортными путями (наличие аэропортов, морских портов, крупных железнодорожных магистралей) способствует активному передвижению китайских мигрантов на Дальний Восток. Также к географическим причинам миграции можно отнести и усиление в

последнее время наводнений и засух в Китае, что приводит в том числе, и к гибели значительной части урожая. Так же в результате чрезмерной обработки почв и выпаса скота, вырубки лесных массивов происходит увеличение площади пустынь, тогда как на Дальнем Востоке положение иное.

Демографический фактор – самая главная проблема Китая – перенаселенность. Нужно отметить тот факт, что 54% площади Китая практически непригодна для проживания, а на оставшиеся 46% – приходится 94% населения [1].

В пределах Дальнего Востока наблюдается противоположная ситуация: большая площадь, неравномерная заселенность территории и сокращение численности населения. Так, на Дальнем Востоке в 1990 г. проживало 8,7 млн. человек, а к 2015 г. число жителей сократилось почти на 2 млн., и составило 6,2 млн. человек, тогда как население Китая за этот же период возросло на 208 млн. человек. Соответственно, Дальний Восток является районом, притягательным для трудовых мигрантов из Китая.

Экономический фактор – одна из ключевых причин китайской миграции на Дальний Восток. Он заключается в том, что для нормализации ситуации в сфере занятости в Китае требуется обеспечение большей части населения рабочими местами. По прогнозам численность безработных только в городах Китая к 2020 г. может достигнуть 100 млн. человек. Одним из возможных вариантов решения этой проблемы является поиск работы за пределами государства, что и порождает трудовую миграцию в прилегающие дальневосточные регионы, особенно с северных провинций Китая.

Приток дополнительных трудовых ресурсов будет способствовать улучшению ситуации в экономике. Рабочая сила из Китая характеризуется высокой производительностью труда, ее использование сопровождается развитием отдельных сфер производства, прежде всего строительства и сельского хозяйства [2].

Что касается трудовых мигрантов, то сегодня китайцы представляют собой небольшую их часть прибывающих на Дальний Восток России, особенно в сравнении мигрантами из стран СНГ. В течение 2000 – 2008 гг., общее число прибывших на Дальний Восток России из Китая увеличилось с 493 тыс. до 815 тыс. человек. В 2012 г. отмечается рост данного показателя, который составляет 978 тыс. человек или 120% к уровню 2008 г.

Распределение трудовых мигрантов из Китая в разрезе субъектов Дальнего Востока в 2010 г. отражает приоритет южных районов округа. В целом на 4 южных субъекта района (Хабаровский и Приморский край, Амурская и Сахалинская области) приходится 75 % от общего числа трудовых мигрантов из Китая. Если говорить о географии миграционных потоков между Дальним Востоком России и Китаем, то можно утверждать,

что наибольшая доля иммигрантов из Китая приезжает на Дальний Восток из граничащих с Россией северо – восточных провинций [3].

Показатель численности трудовых мигрантов на Дальнем Востоке России из Китая значительно ниже показателя общего миграционного потока. В целом доля трудовых мигрантов из Китая на Дальний Восток России снижается, что объясняется возросшим потоком мигрантов из стран СНГ.

Таким образом, трудовая миграция из Китая – объективный динамичный процесс. Китайские трудовые мигранты вносят определенный вклад в развитие Дальнего Востока России. Необходимо укреплять сотрудничество России и Китая, в том числе и в миграционной сфере, уделяя внимание законодательному, экономическому и социальному аспектам. Так же важно проводить работу, направленную на повышение уровня квалификации местного населения, так как трудовая миграция должна лишь стимулировать развитие экономики Дальнего Востока России, а не снижать качество и преимущества местных трудовых ресурсов.

Литература

1. Виля В. Г. Перспективы Китайской миграции на Дальнем Востоке. Журнал «Отечественные записки» 2004. № 4. С. 2.
2. Кожирова С. Б. Факторы китайской миграции. Информационно – аналитический журнал «Analytics» 2010. № 58 С. 1 – 2.
3. Мищук С. Н. Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию. Журнал «Экономика региона» 2014. № 2. С. 196.
4. Сайт федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] URL:– <http://www.gks.ru/> (Дата обращения 10.05.17)

ВЫСТАВОЧНО-ЯРМАРОЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ФОРМА ВОЗРОЖДЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Е.Н. Дюканова, А.В. Карякина, И.Е. Требушкова

Курский государственный университет, Курск
e-mail: edyukanova@list.ru, ragngild@gmail.com,
irinatrebushkova@ya.ru

Аннотация. В статье, рассматривается возможность возрождения приграничного сотрудничества Курской и Сумской области посредством выставочно-ярмарочной деятельности. Приведены сведения об исторических традициях Миропольской и Коренской ярмарок. Отмечена готовность содействовать процессу налаживания отношений между

приграничными областями РФ и Украины Ассоциации европейских приграничных регионов.

Ключевые слова: Еврорегион «Ярославна», приграничное сотрудничество, Курская область, Сумская область, Коренская ярмарка, Миропольская ярмарка, Ассоциация европейских приграничных регионов.

География внешнеэкономических связей Курской области охватывает практически все государства СНГ. Для большинства регионов России, одним из приоритетных направлений развития экономики является развитие межрегионального и приграничного сотрудничества. Администрация Курской области рассматривает приграничное сотрудничество как важную составляющую общей политики формирования и упрочения пояса добрососедства по всему периметру границы.

Важным направлением сотрудничества районов-побратимов является выставочно-ярмарочная деятельность. Традиционным становится ежегодное участие и демонстрация районами-побратимами совместных выставочных экспозиций в межрегиональной универсальной оптово-розничной Курской Коренской ярмарке.

История Коренской ярмарки уходит своими корнями в глубину веков. Первое официально засвидетельствованное упоминание о ней относится к 1708 г. А уже в правительственных актах Российской империи за 1824 г. Курская Коренская ярмарка названа в числе трех главных ярмарок России наряду с Нижегородской (Макарьевской) и Уральской (Ирбитской).

Огромное число стекавшегося на ярмарку торгового и посадского люда, крестьян, мастеровых и ремесленников, изобилие и великое разнообразие товаров, многомиллионные обороты делали Коренскую ярмарку знаменитой не только на всю бескрайнюю Российскую империю, но и далеко за ее пределами. Именно Коренская ярмарка прославила в те далекие времена древний Курск в качестве «южных торговых ворот России».

Коренская ярмарка по времени проведения всегда совпадала со знаменитым на всю страну крестным ходом с Чудотворной иконой Божией Матери «Знамение» Курской Коренной [2].

Из местных товаров на ярмарку поступали овощи, мука различных сортов, шерсть, кожи, смушки, заячьи меха, воск, деготь, пенька, овес, сено, деревянная посуда, огромное количество цветных кушаков работы курских крестьянок. Из европейских государств сюда привозились товары из серебра, золота, а также бриллианты. Одного пушного товара на ярмарку прибывало в великолепном разнообразии: соболь, песец, горностаи, куница, лисица, заяц, белка, волк, медведь, норка, барсук, россомаха, рысь, суслик, хорек степной. В торговых рядах продавались

вина, водка, пиво, мед, патока, свежая и соленая рыба, икра. Здесь было изобилие кожаных изделий и приводилось огромное количество лошадей для продажи [3].

Современная Коренская ярмарка проводится в местечке Свобода Золотухинского района Курской области. В 2016 г. ярмарку посетило шесть тысяч участников из России и 20 стран ближнего и дальнего зарубежья. Своим географическим расположением возрождающейся популярностью и экономическим ростом Курская Коренская Ярмарка оправдывает свое историческое название «Южных торговых ворот России».

Курско-сумской еврорегион «Ярославна» образовался в 2007 г. между двумя приграничными регионами России и Украины. Создание Еврорегиона «Ярославна» это одна из форм приграничного сотрудничества между регионами. Главной целью Еврорегиона «Ярославна» являлось содействие устойчивому социально-экономическому развитию, научному и культурному сотрудничеству Курской и Сумской областей, а также совершенствованию инфраструктуры приграничных территорий. На заседаниях Совета еврорегиона «Ярославна» и курско-сумской рабочей группы не однократно отмечался высокий уровень проводимых выставочно-ярмарочных мероприятий.

Всякого рода сотрудничество приостановлено в связи с политическими событиями на Украине. В настоящее время еврорегион продолжает свое существование лишь на бумаге.

С 2007 по 2014 гг. на площадке «Ярославны», были достигнуты положительные результаты во внешней торговле между городами и районами, в обустройстве инфраструктуры границы, культуре и образовании. Еврорегион стал самым успешным в социально-экономическом развитии среди соседских образований России и Украины [5].

За время активного сотрудничества в рамках еврорегиона, Курская область каждый год принимала участие в Миропольской ярмарке, Краснопольского района Сумской области, а украинская сторона в свою очередь в знаменитой Курской Коренской ярмарке.

С 1797 г. Мирополье – заштатный волостного город Суджанского уезда Курской губернии с числом жителей – 9482 чел.

С конца XVII в. в городе каждый год проводилось три ярмарки, а с начала XIX в. – пять. Помимо ярмарок, два раза в неделю собирались базары в числе которых действовал и конный. Мирополье являлся одним из кустарно-торговых центров Курской губернии. С середины 80-х годов XIX века промыслы стали основным занятием миропольцев. Наиболее развитым был кожевенно-сапожный промысел. Развитие ремесел давало стимул оживления торговли [4].

Миропольская ярмарка имела местное значение, удовлетворяя потребности населения близлежащих волостей [5].

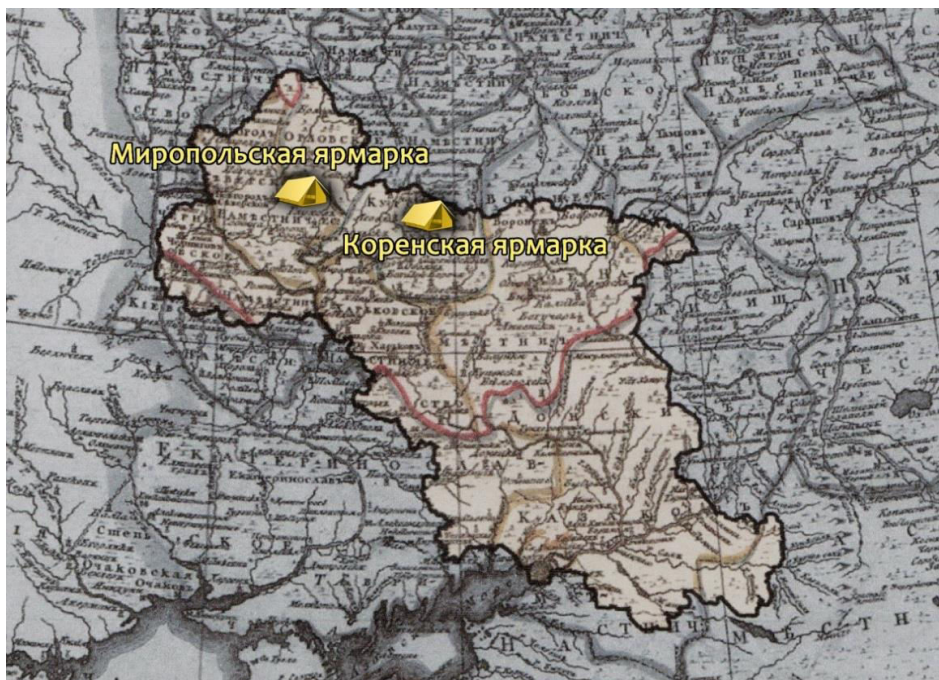

Рис.1. Миропольская и Коронская ярмарки на карте наместничеств Российской империи, в новых границах областей российско-украинского приграничья, 1786 год

На наш взгляд, проведение и взаимопосещение русской и украинской сторонами Коронской и Миропольской ярмарок в настоящий момент, когда приграничное сотрудничество между Курской и Сумской областями фактически прекратилось, могло бы стать новым толчком к возобновлению дружеских отношений в еврорегионе, по крайней мере, в сфере торговли.

За время активного сотрудничества в рамках еврорегиона «Ярославна» внешнеторговый оборот Курской области с Сумской областью вырос в 6 раз и достиг в предшествующем разрыву сотрудничества 2013 г. – 58 млн долл. США. Доля оборота внешней торговли Курской области с Сумской областью во внешнеторговом обороте Курской области с Украиной в том же 2013 г. составляла 12%.

Из Курской области в Сумскую область почти 60% экспортных поставок приходилось на продукцию машиностроительного комплекса (низковольтную и высоковольтную аппаратуру), 40% - изделия из металла.

В структуре импорта Сумской области 64% занимают изделия из металла, 17% – запчасти для сельскохозяйственной техники, двигатели, насосы жидкостные, 11% – химической промышленности.

Общие исторические традиции обуславливают необходимость дальнейшего развития сотрудничества, в том числе и в выставочно-ярмарочной деятельности.

На Коренской ярмарке 2016 г. было подписано десять договоров и протоколов к соглашениям между Курской областью и делегациями из других, в том числе, и зарубежных регионов. В свою очередь вице-президент Ассоциации европейских приграничных регионов Дитер Фризе заявил о готовности содействовать процессу налаживания отношений между приграничными областями РФ и Украины. Его заявление, сделанное еще накануне в рамках Среднерусского экономического форума, было продублировано на открытии Коренской ярмарки.

Итог Курской Коренской ярмарки-2016, наглядно показал, что желание сотрудничать и развивать бизнес куда сильнее сиюминутных конфликтов между государствами [1].

Выставочно-ярмарочные мероприятия являются одним из эффективных способов демонстрации и развития новых разработок и достижений в промышленной, социальной, научной и экономической сфере предприятий, регионов и стран, а также инструментом расширения взаимной торговли – основной формы международного экономического сотрудничества.

Литература

1. Еврорегион «Ярославна» может возродиться. – [Электронный ресурс] URL: <http://chr.mk.ru/articles/2016/07/06/evroregion-yaroslavna-mozhet-vozroditnya.html>. (дата обращения: 16.03.2017).
2. Из истории Курской Коренской ярмарки. – [Электронный ресурс] URL: <http://old-kursk.ru/events/korenaia.html> (дата обращения: 16.04.2017).
3. Степанов В. Курские базары и ярмарки. – [Электронный ресурс]. URL: <http://old-kursk.ru/book/stepanov/fair013.html> (дата обращения: 16.04.2017).
4. Традиция проведения Миропольской ярмарки в Краснопольском районе Сумской области. – [Электронный ресурс] URL: <http://www.brodyaga.org/useful/articles/997/25828/> (дата обращения: 20.03.2017).
5. Шишкарева Т.Н. Коренская и Миропольская ярмарки: история и современное значение в развитии приграничного сотрудничества Курской и Сумской областей // Личность, общество, государство: проблемы прошлого и настоящего: сборник научных статей. 2014. – С. 66-71

УСТОЙЧИВОСТЬ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ВСТРЕЧНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ

А.М. Кирюхин

*Восточно-Европейский институт трансграничных исследований,
Харьков, Украина
e-mail: euroregions@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается целесообразность перехода на иной уровень трансграничного взаимодействия – макрорегиональный, в основе которого лежит географический подход - к совместной макрорегиональной стратегии с согласованием параметров будущего долгосрочного сотрудничества и решением общих проблем через высшие институты управления евразийской и европейской интеграциями – Евразийской и Европейской комиссиями.

Ключевые слова: Устойчивость, интеграция, устойчивое развитие, трансграничный регион, территориальное сотрудничество

Вопросы взаимодействия смежных территорий государств на Европейском континенте стали подниматься с конца 50-х годов прошлого века. Возникло понятие «трансграничного сотрудничества», рациональным стало восприятие государственной границы не только как ограничительной линии, но и как пространства взаимных контактов и согласованного решения повседневных задач развития приграничных территорий. Несмотря на многолетние усилия Ассоциации Европейских приграничных регионов и роста активности первых еврорегионов (в основном, по периметру Бенилюкса), реальное трансграничное сотрудничество началось с 1990 года с появлением общеевропейской программы INTERREG [1]. С этого момента начинается внедрение в практику регионального развития проектов приграничного и межрегионального сотрудничества, интенсивные исследования границ и трансграничных взаимодействий.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что государственные границы в настоящее время оказывают влияние не только на приграничные регионы и их развитие, но и в значительной степени определяют важность политико-географических и экономико-географических подходов к их исследованию и прогнозированию эволюции трансграничных территориальных систем. С одной стороны приграничные регионы рассматриваются как места, где сходятся пространства потоков и пространства местоположений объектов. Здесь происходит борьба смежных государств за контроль над движением потоков от транснациональных сетей и над альтернативными

проявлениями власти [2]. С другой стороны процессы усиления и ослабления границ в Европейском пространстве ясно указывают, что современные границы являются не только политическими маркерами, но и важнейшими политическими и экономическими ресурсами развития. После двух расширений в 2004 и 2007 годах Европейское экономическое пространство характеризуется возросшим уровнем интеграции не только внутри стран ЕС, но и со странами-соседями Восточной Европы (Украиной, Беларусью, Молдовой) и Россией [3].

С 1 января 2015 года начал функционировать Евразийский экономический союз в составе пяти государств [4], что определяет совершенно новую геоэкономическую ситуацию в пространстве общего соседства. Российско-украинское пограничье постепенно и органично входит в орбиту интересов не только двух соседствующих стран, но и становится естественным звеном в общеевропейской системе границ [5,6].

Несмотря на оптимизм «нулевых» годов, в течение которых смежными приграничными регионами Украины и России была выстроена полноценная система приграничного сотрудничества, нами всё же учитывался вариант негативного развития, хотя и как малореальный [7].

В этой связи актуальным является изучение устойчивости трансграничных систем, прежде всего трансграничных регионов с позиций общественной/социально-экономической географии и теории систем.

Основываясь на глобальном подходе к устойчивому развитию, сформулированному Международной комиссией по окружающей среде и развитию ООН, Европейский Союз и страны СНГ активно внедряли и совместно сверяли на Конференциях по окружающей среде и развитию (Рио, 1992, Рио+10, 2002, Рио+20, 2012) свои результаты, а также перспективы движения к более стабильному и процветающему континенту [8].

Вместе с тем, при анализе развития территориальных систем на современном уровне понимания их свойств полиструктурности и полимасштабности, необходимо внедрять новые междисциплинарные подходы. Прежде всего, речь идет об изучении трансграничных регионов, как фокусах пространственного развития больших интеграционных систем, обладающих дополнительными ресурсами за счёт трансграничного сотрудничества.

Трансграничный регион рассматривается нами как динамическая система, состояние которого определяется конечным числом вещественных параметров, а поведение может быть описано системой из конечного числа дифференциальных уравнений. В таком представлении трансграничный регион обладает свойством, заключающемся в способности сохранять достаточно малыми отклонения значений координат возмущенного процесса после действия возмущения от значений тех же координат невозмущенного процесса, если эти

отклонения были достаточно малыми в момент окончания возмущения [9]. Иными словами, близкие по начальным значениям решения остаются близкими для всех промежутков времени.

На основе такого подхода нами разработана теоретическая модель устойчивости трансграничного региона в условиях встречных интеграций – европейской и евразийской в проекции на белорусско-российско-украинское пограничье. Предшествующий подход, основанный на внедрении европейских инструментов трансграничного сотрудничества (еврорегионов, долгосрочных трансграничных экологических и образовательных программ) оказался несостоятельным в условиях конфликта на востоке Украины и вмешательства в его ход глобальных игроков.

Представляется целесообразным переход на иной уровень трансграничного взаимодействия – макрорегиональный, в основе которого лежит географический подход - к совместной макрорегиональной стратегии с согласованием параметров будущего долгосрочного сотрудничества и решением общих проблем через высшие институты управления евразийской и европейской интеграциями – Евразийской и Европейской комиссиями [10].

Для продвижения данного подхода, направленного на стабилизацию и дальнейшее развитие пространства общего соседства, используется опыт и возможности Целевой группы по внешним границам Ассоциации Европейских приграничных регионов (TFEB AEBR).

Литература

1. Gabbe J., von Malchus V. Cooperation between European Border Regions. Review and Perspectives. – Nomos. – 2008. – 137 p.
2. Anderson J, O'Dowd L. 1999. Border, border regions and territoriality: Contradictory meanings, changing significance. *Regional Studies* 33(7): 593–604.
3. Россия – Евросоюз - страны СНГ: экономические и политические отношения на пространстве общего соседства / Под общ. ред. С.П. Глинкиной, Л.Б. Вардомского, Л.С. Косиковой, В.А. Тепермана, Р.Р. Ултанбаева и др. – М.: Институт экономики РАН, НИС, 2007. – 184 с.
4. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства / Глазьев С. Ю., Чушкин В.И., Ткачук С.П. – М.: ООО «ВИКОР МЕДИА», 2013. – 240 с.
5. Фактор соседства в экономическом развитии приграничных регионов стран СНГ / Под ред. проф. Вардомского Л.Б. – М.: ИЭ РАН, - 2010.- 426 с.
6. Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства / Под. ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. – М.: Новый хронограф, 2011. – 352 с.
7. Кирюхин А.М. Российско-украинское пограничье: теоретические подходы к эволюции трансграничных систем // Часопис соціально-економічної географії. Випуск 10 (1). – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – С. 178-182.

8. Устойчивое развитие: Новые вызовы. Учебник для вузов/ Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна, Н.А. Пискуловой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 236 с.
9. Сборник рекомендуемых терминов. Вып. 107. / Теория управления. АН СССР. 1984.
10. Kiryukhin A. Stability of Cross-Border Functional Region in the context of Counter Integrations. Part I. Theoretical and Historical aspects // Regional innovations. N4. – 2016. – P.51-62

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Л.И. Попкова

Курский государственный университет, Курск
e-mail:geopoli@mail.ru

Аннотация. Отличительными особенностями приграничных территорий выступают сочетания различных вариантов взаимодействий, возникших в результате проведения условной линии разграничения. Исследование перемещений линии границы сказалось на распространенности иноязычных топонимов, этническом составе населения, диалектах и говорах. Влияние государственного рубежа рассматривается как фактор, определяющий изменения в населении сопредельных стран, его расселении, культуре, образе жизни.

Ключевые слова: приграничные территории, социально-экономическое развитие, этногеографические особенности.

Существует достаточно много ценных наработок по разным отраслям знаний, в которых рассматриваются вопросы, имеющие непосредственное отношение к нашей теме. Это литературные источники о границах, приграничных регионах, расселении, истории освоения и заселения территории современного приграничья, демографии, миграциях, этногеографии, диалектологии, этнопсихологии. Междисциплинарный подход к исследованию приграничных территорий позволяет судить об их типичности и индивидуальности, особом типе территориального устройства и дифференциации этногеографических характеристик.

Приграничные территории находятся в центре соприкосновения интересов соседних стран. Разделённое условной линией пространство со временем наполняется содержанием, усиливающим контрастность некогда однородной местности. Часто границы разделяют единые в природном отношении территории, что предопределяет необходимость совместных усилий в использовании и охране земельных, биологических, водных ресурсов.

Предпосылками для развития культурных связей становится общность этнического состава населения, сходство языков, диалектов и говоров. Административно-территориальные преобразования, миграционный обмен и межнациональные браки усиливают процессы этнического взаимодействия. В результате в приграничье складывается своеобразная общность с индикаторами этноса, отличными от эталонных: переходный тип говоров, смешанные элементы в культуре, традициях, обычаях.

Выраженность индикаторов государственной идентичности ослабляется по мере удаленности их от центра страны и близостью к территориям с иным этническим составом.

Приграничные регионы обеспечивают реализацию торгово-экономических и социальных связей, эффективность функционирования которых зависит от тесноты взаимодействия. Важным ресурсом приграничного сотрудничества являются различия соседствующих стран и регионов по структуре экономики, уровню и соотношению цен, налоговому и инвестиционному законодательству, доходам населения, что позволяет активно обмениваться соответствующими товарами, использовать институциональные различия в предпринимательской деятельности [4].

Для приграничного пространства характерны глубокие исторические корни, которые привели к «блужданию», смещению границ. Эти территории не всегда обеспечены устойчивыми внутренними связями и внутренним единством, не всегда достаточна скрепляющая основа, слабо развита инфраструктура. Вместе с тем, это районы с богатым людским и экономическим потенциалом, который в условиях приграничности может получить новый импульс для социально-экономического развития.

Соотношение контактной, барьерной и фильтрующей функций определяет потенциал развития, концентрирует у границ различные сферы деятельности. Разделенное государственной границей этногеографическое пространство видоизменяется. Появившееся в виде границы препятствие перераспределяет потоки людей, грузов, информации. Административное российское приграничье отличается угасанием интенсивности социально-экономических процессов.

Согласно модели Д. Хауза [10] ситуация в приграничных районах формируется, под влиянием множественных отношений: на уровне государств; каждого приграничного региона со своей столицей; межгосударственных «прямых» связей; между приграничными районами в пределах каждой страны.

Исследование этногеографического пространства приобретает еще больший интерес после прохождения по его «живому телу» государственной границы, которая начала втягивать в орбиту своего влияния как имеющиеся на территории географические поля, так и

создавать новые, являясь катализатором, стимулом, способствующим формированию своего собственного приграничного пространства.

Административные границы устанавливались не только и не столько на основании диалектологических и этнических различий, но и с учётом тяготения территорий к крупнейшим социально-экономическим центрам и транспортным магистралям.

Э.Б. Алаев [1] в качестве особенностей географического объекта отмечает его участие в формировании географических ландшафтов, а также материальное воздействие на окружающую его территорию, без чего ему отказывается в праве называться географическим объектом. Однако английский географ Д. Хауз [10], рассматривая типологию трансграничных взаимодействий, большое внимание уделяет нематериальным факторам и потокам – политической культуре, выраженной, в том числе, и в коллективных представлениях, системе ценностей, мифах и стереотипах.

Формирование географического пространства обусловлено не только строго объективными условиями и факторами, но и состоянием духа народов и наций, населяющих пространство определенных государств [7]. Анализ географических объектов в рамках осуществления ими не только материальных воздействий на окружающую территорию, обогащает возможности исследования, в том числе путём внедрения новых подходов, в том числе этнопсихологического. Он подразумевает территориальную дифференциацию национального самосознания, интересов и ценностных ориентаций, потребностей и мотивов, этнических стереотипов.

Определение критериев этногеографического пространства проводилось на основе характеристик проживающих здесь жителей, поскольку при легитимации границ практически никогда не удается произвести «деление без остатка». За пределами договорных границ часто остаются нехарактерные для отделенной территории ареалы.

В случае с этническими границами это районы проживания иноэтнотосов, обладающих языковой, культурной, психологической спецификой, учет которой необходим при разработке социально-экономических планов регионального развития. Один из новых теоретических взглядов, сложившихся в лимнологии, предполагает высокую эффективность исследования при изучении границы в тесной связи с проблемами идентичности, что стало одним из важнейших направлений социальной географии.

В качестве основных показателей для определения глубины этногеографического приграничного пространства были выбраны: перемещения границ вследствие административно-территориальных преобразований; распространение иноязычных топонимов; этническая структура населения; диалекты и говоры. Совокупность этих признаков дает достаточно полную картину взаимовлияний, хотя каждый в

отдельности недостаточен для определения глубины этногеографического пространства [8].

Административно-территориальные преобразования являются фактором, влияющим на конфигурацию и структуру приграничного пространства. Многократные, часто недостаточно обоснованные, волевые перекраивания административных границ расшатывают расселенческую и демографическую структуры территории, нарушая эволюционные процессы саморегулирования. И в то же время конечным результатом изменений АДТ явилось совершенствование территориального устройства, в частности, укрепление опорного каркаса.

Границы обладают четкостью лишь на картах. На местности о них напоминают только знаки у магистральных дорог там, где они переходят из одной области в другую. Поселения с характерными топонимическими, этническими, диалектологическими особенностями нигде не вытягивались в линию, которую можно было бы с их помощью принять за границу. Обычно они формировали ареалы разной конфигурации. Может быть поэтому согласованные границы были линиями компромиссными, не лишенными некоторой условности.

Этническая граница не имеет четко выраженной постоянной конфигурации. Этнотрансформационных процессов. В связи с этим меняется и рисунок этнической границы. Она почти никогда не совпадает с государственной.

Административно-территориальные преобразования не только меняли областные границы. Они влекли за собой трансформацию и состава, и сети городов; особо важное значение имело изменение состава главных опорных центров-лидеров, наращивание главных узлов опорного каркаса.

Иноязычная топонимика как характерная черта приграничного ландшафта хорошо отражает результат освоения территории и может служить дополнительным доказательством «размытости» границы. Не всегда совпадая с этническим, топонимический ландшафт все же отмечает следы этносоциальной картины прошлого.

Одной из основных черт приграничного пространства являются особенности национального состава населения, как правило, включающего наличие нескольких этносов, а также формирующейся в ходе этнообъединительных и этноразделительных процессов своеобразной этнической идентичности населения.

Население, живущее в полосе этнической границы или в районах с тесными межэтническими контактами, часто обладает нечетким этническим самосознанием, иногда их происхождение смешанное. Зачастую они не отождествляют себя ни с какой национальностью, и называют себя «местными», «здешними». Тогда целесообразно выделить

«пограничные» группы в качестве самостоятельных этнических общностей, поскольку ни психологический, ни генетический подход не могут помочь в решении вопроса об этнической принадлежности жителей приграничья.

Чрезвычайную важность для приграничных районов представляют лингвогеографические исследования. При выделении диалектов учитывают и внеязыковые, социально-исторические факторы. «Большое значение при выделении диалектов ... имеет этническое и национальное самосознание и оценка «соседей», элементы материальной и духовной культуры, историко-культурные традиции... Обычно предпочтение дается тем языковым признакам ... которые, выделяя большие компактные территории, в то же время, отвечают возможно большему комплексу внеязыковых факторов» [2, с. 306].

Для изучения диалектов анализируются лингвистические карты. При этом учитывается, что при исчезновении политических границ жители соседних территорий, – носители сложившихся на них диалектов, вступали в контакт, осуществляя междиалектное взаимодействие. Первоначальные диалектные границы размывались, а характерные черты могли сдвигаться на соседнюю территорию. Диалектологические карты в определенной мере отражают и миграцию населения в прошлом.

Этнический состав населения, диалекты, сложившиеся в ходе освоения и заселения территории, сформировали в пределах российско-украинского этнокультурного пространства своеобразную этническую идентичность. Этнопсихологи предлагают для её определения исследовать этнические стереотипы. Географическая выраженность их проявилась в оценке влияния типа населенного пункта на формирование этнических стереотипов.

Этногеографическая дифференциация приграничного пространства важна для определения степени вовлеченности территории в зону действия границы, а попытка расчленить этногеографическое порубежье на более простые составляющие наталкивается на его восприятие как тавтологического «приграничья приграничий».

Литература

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Аванесов Р.И. Очерк русской диалектологии. Ч. 1. – М.: Учпедгиз, 1949. – 335 с.
3. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., Наука, 1973. С. 261-262.
4. Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество: механизмы, факторы и тенденции развития // Проблемы приграничных регионов России / Под ред. Ю.Г. Липеца, М.: ИГ РАН, 2004, с. 11-18.

5. Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971, с. 124-125.
6. Левитов Н.Д. Вопросы психологии характера. М., 1956, с. 137.
7. Мироненко Н.С. Страноведение: Теория и методы. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 268 с.
8. Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья: монография. – Смоленск: Универсум, 2005. – 304 с.
9. Сорокин П.А. О так называемых факторах социальной эволюции // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. – 542 с.
10. House J.W. Frontier on the Rio Grande: A Political Geography of Development and Social Deprivation. Oxford, 1982.

КАСПИЙСКИЙ ХАБ КАК ФАКТОР РАСШИРЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДАГЕСТАНА

Э.М. Эльдаров

Дагестанский государственный университет, Махачкала
e-mail: e-garant@bk.ru, geodag@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается экономико-географическая стратегия развития Дагестана с учетом современных тенденций формирования на его Каспийском побережье трансконтинентального торгового узла, который в последние годы приобрел название «Каспийский хаб». Основное внимание уделяется роли и значению Каспийского хаба в преодолении глубокой экономической депрессии горных территорий республики. Приводится бассейновая схема социально-экономического зонирования Дагестана, обеспечивающая кластерное взаимодействие хозяйства его горных районов с формирующимися на морском побережье транспортно-промышленными узлами. В рамках концепции Каспийского хаба дается обоснование параметрического подхода к анализу региональных и континентальных факторов территориальной организации экономики Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, Каспийское море, Каспийский хаб, нефтегазовые месторождения, транспортный коридор, стратегия социально-экономического развития региона, параметрический подход.

Городская сеть Дагестана, в основном тяготеющая к побережью Каспийского моря, сравнительно молода, и ее формирование еще далеко от завершения. В последние десятилетия перспективы урбанизации Приморского Дагестана во многом определяются проектами трансконтинентального торгового пути «Север – Юг» (от Москвы до Тегерана) и освоения месторождений углеводородного сырья в российском и других секторах Каспия. По оценкам специалистов Международной Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), новый торговый путь со

временем превратится в одну из главных транспортных артерий в центральной части Евразии. Перспективная трасса протянется от Тегерана через морские порты Ирана (Энзели) по Каспию до российского порта Оля (Астраханская область) и далее – до Москвы посредством речного, автомобильного и железнодорожного транспорта.

Формирование трансконтинентального торгового пути «Север – Юг». Проекты создания Каспийского транспортно-логистического коридора предусматривают выход на европейские страны (в частности, водным путём Каспий – Волга – Балтика), а в отдаленной перспективе – транзит через Иран до стран Персидского залива. На ключевых участках коридора прогнозируемый объем грузоперевозок оценивается примерно в 10 млн т/год [32].

Развитие транскаспийского торгового пути и освоение месторождений углеводородного сырья в российском и других секторах Каспийского моря (по разным оценкам запасы углеводородного сырья Каспия составляют от 7 млрд до 15–20 млрд т, в том числе в российском секторе – до 2 млрд т) потребует формирования соответствующей береговой инфраструктуры [8]. Транспортировка нефти и других грузов будет осуществляться не только морским путем, но также по железнодорожным и автомобильным трассам вдоль западного побережья Каспия через три российских региона – Дагестан, Калмыкию и Астраханскую область. Это приведет к активизации хозяйственного развития на юге России вдоль сравнительно новой оси «Москва – Волгоград – Астрахань – Махачкала», которая будет конкурировать с традиционным маршрутом транзита грузов «Москва – Ростов-н/Д – Минводы – Грозный – Махачкала».

Потенциал Махачкалинского международного торгового порта. Важнейшее звено в этой транспортной сети – Махачкалинский международный торговый порт (ММТП), который в настоящее время обеспечивает паромную переправу грузов в Россию из портов Ирана, Туркменистана и Казахстана. Это единственный из российских портов на Каспии, акватория которого не замерзает в зимний период. Важно и то, что по сравнению с более северными каспийскими портами он менее подвержен риску прекращения деятельности из морской регрессии [30].

Формирование трансконтинентального коридора в Российской зоне Прикаспия должно предусматривать согласование главных отраслевых и территориальных программ развития Республики Дагестан. Из этих программ к числу приоритетных относятся углубление общероссийской специализации агропромышленного комплекса, новая индустриализация, усиление точек экономического роста, преодоление безработицы, улучшение качества жизни населения и др. [6]. Их реализация во многом зависит от уровня развития производственно-инфраструктурных объектов на всей территории республики. В конечном счёте, такого рода согласовательная экономическая политика должна привести к

формированию региональных хозяйственных кластеров, узлами которых выступят конкретные участки формирующегося транснационального коридора [14].

Надо отметить, что подобный тип территориально-хозяйственного кластерообразования уже даёт свои плоды в Астраханской области. С 1990-х годов темпы социально-экономического развития этого нижневолжского региона характеризуются поступательным ростом. Ныне показатель ВРП по Астраханской области примерно в 3 раза выше, чем по Дагестану и почти в 6 раз выше, чем по Ингушетии. Если до перестройки Астраханская земля по уровню социально-экономического развития отставала от некоторых северо-кавказских республик, то в настоящее время она в лидерах по сводному индексу уровня жизни на Юге России, уступая лишь Кубани [10].

Концепция «Каспийского хаба». С учетом риска дальнейшей регрессии Каспийского моря (за последние 20 лет его уровень упал примерно на один метр), основное внимание российских стратегов от порта Оля переместилось к ММТП. Одновременно с этим стала более четко вырисовываться коммуникационно-сетевая структура так называемого «Каспийского хаба» (от англ. «hub» – центр деятельности, сетевой концентратор), базирующегося на преимуществах географического положения ММТП (рис. 1).

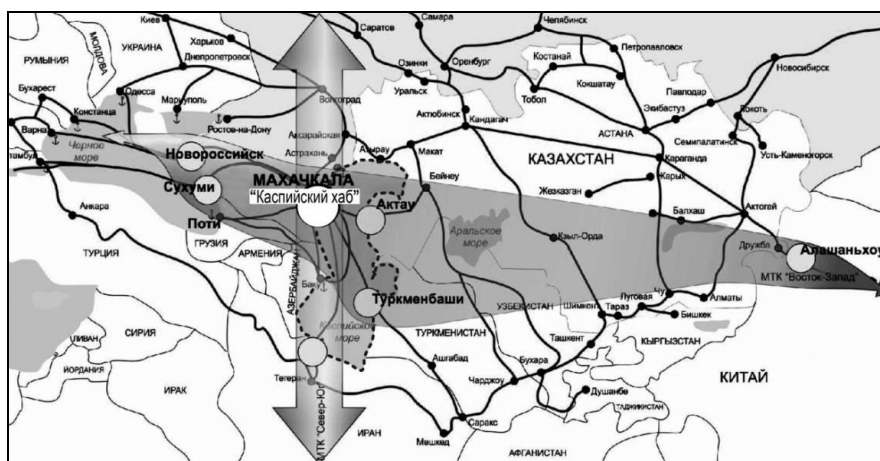

Рис. 1. Экономико-географические «азимуты» Каспийского хаба

Концепция «Каспийского хаба» нацелена на преодоление хронической стагнации российских портов Каспийского бассейна, что особенно заметно на фоне сравнительно быстрого роста объектов портовой инфраструктуры в соседних прикаспийских государствах [18]. Согласно прогнозным положениям «Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 25 года», перспективный объем грузопотока, обрабатываемого на причалах ММТП, составляет 15 млн

тонн, то есть почти в два раза больше современного объема [19]. Пока же возможности порта используются максимум на треть, причем подавляющая часть грузооборота приходится на перевалку нефти. Стагнация ММТП способствовало длительное сохранение за ним статуса ФГУП, из-за чего за контроль над портом на протяжении многих лет боролись различные олигархические структуры [20].

Нынешняя недозагрузка связана, в первую очередь, с дефицитом спроса на услуги порта и доставку на региональные рынки. Сказывается также устаревшая инфраструктура, недостаточное количество подходов и развязок. При этом подчеркивается, что у Астраханского порта и тем более порта Оля, на который в последние два десятилетия упорно делалась ставка, такие перспективы в принципе отсутствуют [12].

Каспийский хаб способен повысить грузооборот не только каспийских портов, но и других портов Юга России, включая Новороссийский. Совместные вложения и сотрудничество по транспорту в рамках Евразийского экономического союза открывают путь от ММТП на восток – к портам Казахстана, Туркменистана и далее по сухопутным трассам к странам Азии.

Строительство новой транскавказской автомагистрали. На схеме Каспийского хаба четко обозначен транспортный путь и в западном направлении от Махачкалы к главному торговому порту Грузии на Черном море в г. Поти. «Сетевые подключения» к Каспийскому хабу с западной стороны способны обеспечить увеличение товарного обмена России не только с Турцией, но и Арменией. Этот путь должен пройти через перевал на главном Кавказском хребте. Речь идет об Аваро-Кахетинской дороге (АКД), строительство которой приведет к переориентации части грузопотока с Военно-грузинской дороги. Эту дорогу еще в середине XIX века считали важнейшим стратегическим объектом на Кавказе. Однако после окончания работ по сооружению железной дороги вдоль Каспийского побережья Кавказа проект АКД был заморожен. Протяженность Аваро-Кахетинской дороги с 25-ю вновь выстроенными мостами и пятью тоннелями составит около 80 километров. Весь путь от Махачкалы до Поти займет 470 километров.

Летом 2014 г. глава Дагестана Р.Г. Абдулатипов, обсуждая на встрече с президентом России В.В. Путиным социально-экономическую ситуацию в Дагестане, сделал акцент на стратегических перспективах строительства Аваро-Кахетинской дороги. На встрече было отмечено, что модель роста на основе увеличения экспорта, в настоящее время находится в тренде расширения российско-грузинских экономических связей. Причем российское направление экспорта имеет определенные преимущества: менее строгие технологические стандарты, чем в ЕС; потребительские привычки; отсутствие или недостаток российского производства по ряду товарных позиций и т.д. Россия также

заинтересована в расширении своего экспорта в Грузию. Принимая во внимание накопленные в прошлом совместные компетенции, это может стать естественным направлением сотрудничества двух стран [21].

АКД способна существенно преобразить жизнь и укрепить экономическую основу отсталых сельских районов, прилегающих к новой транспортной магистрали. В зоне строительства горной автодороги и других объектов – заправок, станций техобслуживания, мотелей, магазинов, кафе и т.д. – будут созданы новые рабочие места, откроются широкие возможности для расширения сети торговых и туристско-курортных учреждений. Отдельный вопрос – создание инфраструктуры приграничной торговли, пунктов погранично-таможенного контроля, складских и терминальных площадок. Улучшится доступность сельскохозяйственного сырья из Грузии и Азербайджана в республику, что будет способствовать развитию перерабатывающих мощностей в Нагорном Дагестане. Для Дагестана важно и то, что проект АКД существенно сократит расстояние от Махачкалы до столицы Грузии и улучшит тем самым взаимодействие двух соседних республик по линии культурных, образовательных и научных связей.

С точки зрения международных экспертов, формирование новых транспортно-промышленных узлов и магистралей вдоль российской зоны Прикаспия и поперек нее (торговый коридор «Запад – Восток» посредством АКД) обеспечит существенный приток в эту зону как отечественных, так и зарубежных инвестиций [32]. Применительно к Дагестану особенно важно создание соответствующих хозяйственных и организационно-правовых механизмов, способствующих направлению этих инвестиций на становление транспортно-промышленных кластеров, связывающих базы инновационного и материально-технического развития в его приморской зоне с переживающими глубокую экономическую депрессию горными территориями [3].

В реализуемой ныне республиканской стратегии подчеркивается, что работа будущего транснационального коридора должна рассматриваться в первую очередь через призму вопросов экономического роста не только приморской полосы, но и всей территории Дагестана. В республике крайне слабо развиты высокоэффективные перерабатывающие производства, что обуславливает в целом низкий уровень доходов и качество жизни населения. В результате сальдо внешней миграции дагестанцев характеризуется хронически отрицательными показателями [2]. Поэтому к числу ключевых экономико-географических задач развития Дагестана относится обоснование такой схемы территориальной организации хозяйства региона, которая бы максимально способствовала росту эффективных и конкурентоспособных производств и, в конечном итоге, повышению уровня жизни местного населения.

Препятствия на пути реализации проекта АКД. Осенью 2014 г. в

высокогорном Шамильском районе Дагестана произошло непредвиденное событие: группа боевиков в масках совершила вооруженное нападение и похищение строителей Аваро-Кахетинской дороги. Злоумышленники сожгли четыре строительных вагончика, а дорожников со связанными руками вывезли по направлению села Кособ, где закрыли в одном из строений и завалили дверь камнями. К утру строителям удалось выбраться и сообщить о случившемся правоохранительным органам [5]. Похитители требовали прекращения строительства дороги из-за того, что она, якобы, открывает возможности для «вторжения российских танков на территорию Грузии». Однако, по мнению вице-президента Аварской национально-культурной автономии Марко Шахбанова, в этом заявлении боевиков отсутствовала элементарной логики, поскольку российские вооруженные силы ныне дислоцируются на территории Южной Осетии, т.е. всего в 40-50 км от Тбилиси [23]. Не известно, насколько глубоко республиканская власть прониклась угрозами «прогрузинско настроенных» диверсантов, но строительство автодороги до границы с Грузией было остановлено.

Позже руководство республики официально заявило о том, что АКД будет доведена до границы с Грузией лишь при наличии соответствующего межгосударственного соглашения [1]. В настоящее время автодорожное строительство в высокогорьях республики продолжается и к тому же весьма успешно, ибо ведется одной из лучших дорожных служб в стране – Агентством по дорожному хозяйству РД. К 2020 г. этой организацией планируется завершить работы по асфальтированию дорог до центров двух самых высокогорных и приграничных с Грузией районов республики – Тляртинского и Цунтинского.

Решение «похоронить» идею создания АКД могло быть определено современными геополитическими стратегиями развития кавказского региона, процесс генерирования которых не обходится без учета тенденции активизации деятельности международной «Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ». Другим словами, мотивацией приостановления строительства автотрассы «Махачкала – Поти» мог послужить интерес заблокировать инициативы ГУАМ, нацеленные именно на развитие Транскаспийского торгового пути рамках концепции «Шелкового пути» [22]. Для ряда российских спецаналитиков, действия этой международной организации строятся в угоду США и направлены на создание «санитарного кордона», отделяющего Россию от ЕС и препятствующего их экономическому сотрудничеству [24; 25]

Формирование горно-равнинных (бассейновых) кластеров. В настоящее время идея о субрегиональных проектах комплексного развития экономико-географических систем приморской и горной зон Дагестана посредством формирования территориально-хозяйственных кластеров, связывающих базы инновационного и материально-технического развития

на побережье республики с переживающими глубокую экономическую депрессию горными территориями, поддержана ведущими специалистами, политиками и учеными республики [11; 17; 28]. Суть этой идеи в том, что возрождающиеся со времен «шёлковых путей» активные торговые контакты между Европой и Азией должны стать «субстратом» для территориально-производственных систем Дагестана, которые подобно «стеблям» и «ветвям» экономического роста вдохнут новую жизнь в крайне запущенные горные районы этой республики [13].

Представленная на рис. 2 схема межрайонных хозяйственных кластеров Дагестана основывается на бассейновом подходе к определению их географических контуров [26]. Первым из таких кластеров (Теречный) с центром в г. Кизляр охватывает Терско-Кумскую низменность, а потому – это целиком равнинный кластер. Второй кластер с центрами в Хасавюрте и Кизилюрте начинается с высокогорий и протягивается вдоль Андийского Койсу от Цумадинского до Казбековского районов – в горной его части, и от Хасавюртовского до морского побережья Терско-Сулакского междуречья – на равнине. Его развитию во многом будет способствовать строящаяся в настоящее время автодорога «Бузнаса-Нух» над Сулакским каньоном, которая существенно улучшит логистику в этом формирующемся горно-равнинном кластере [16].

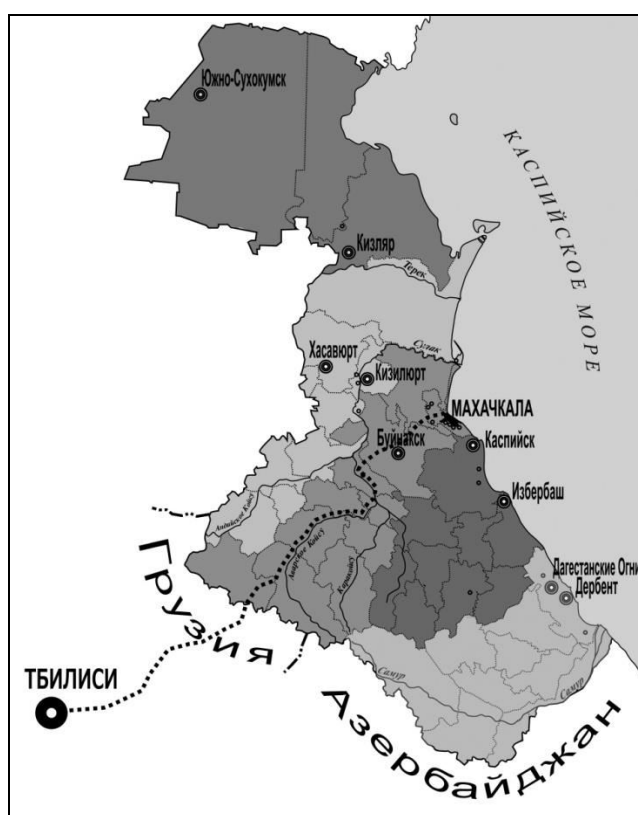

Рис. 2. Бассейновые социально-экономические зоны Дагестана и трасса Аваро-Кахетинской автодороги

Кластерообразующими центрами Сулакской зоны традиционно выступают Махачкала и Буйнакск. В будущем к ним сможет присоединиться и высокогорный транспортно-логистический узел на АКД, сформированный на границе с Грузией. Будет ли это рабочий поселок находится на Вантлишетском или каком-то другом перевале через Главный Кавказский хребет – не так важно; ясно, что темпы его формирования будут стремительными. Кластер складывается из территорий, начиная с высокогорных Тляратинского и Цунтинского районов на юго-западе и заканчивая равнинно-приморским Кумторкалинским районом на северо-востоке [13]. Вообще говоря, в данном случае речь идет о центральном (стержневом) бассейновом регионе республики, способном играть определяющую роль в ее социально-экономическом развитии.

Четвертая зона включает в себя в основном горные даргинские и лакские районы с опорными центрами в приморских городах Избербаш и Каспийск. И, наконец, пятая зона – это Южный Дагестан. Эта зона представляет собой территорию социально-экономического влияния двух приморских городов – Дербент и Дагестанские Огни [7; 15].

Основные выводы. Стратегически важно, чтобы процесс наращивания транспортно-промышленного потенциала в Приморском Дагестане сочетался с настойчивыми протекционистскими мерами по оживлению экономической ситуации в горах, центральной и «локомотивной» из которых, несомненно, выступает реализация проекта АКД. Противоположный же ход развития событий, связанный с сохранением существующей тенденции территориально-хозяйственной изоляции Нагорного Дагестана от экономически прогрессирующего приморья приведет к дальнейшему росту миграционного потока горцев на равнину, депопуляции горных районов, обострению общей экономической, этнокультурной и социально-политической обстановки в республике [4; 27; 29].

В общетеоретическом смысле концепция Каспийского хаба выражает параметрический (прагматико-диалектический) подход к стратегированию территориальной организации населения и хозяйства. В региональном масштабе стратегирования делается упор на сопоставительный анализ высотных (зональных) и бассейновых (азональных) факторов развития территориальных экономических систем Дагестана. При этом высотно-зональные признаки таких систем определяется особенностями географического положения приморской зоны республики, протягивающейся по направлению «Север – Юг» вдоль формирующегося торгово-транспортного коридора. Напротив, бассейновый фактор подчеркивает прежде всего преимущества территориально-хозяйственного развития вдоль речных долин, прорезающих орографические ступени дагестанских гор в основном по

широтному азимуту Каспийского хаба.

Иное параметрическое содержание характеризует Каспийский хаб в пространственном масштабе всей Евразии. На таком уровне экономико-географического анализа меридиональным вектором хаба пересекаются как минимум три природно-климатических пояса Северного полушария – тропический, субтропический и умеренный. Что касается широтных «подключений» к хабу, то они в континентальном масштабе еще более протяженны: фактически от стран тихоокеанского Востока до атлантического Запада [9].

Активизацию Каспийского хаба в очень выгодном для дагестанской экономики широтном, точнее будет сказать – западном направлении, пока трудно прогнозировать. В настоящее время российская власть, делает ставку прежде всего на геополитические и геоэкономические приоритеты развития государства. А потому оно вряд ли поддержит инициативы южных приграничных регионов РФ, в том числе Дагестана, по укреплению всестороннего сотрудничества с участниками пронатовского альянса ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова). Соответственно, вряд ли будет оправданными ожидания успеха и в укреплении бассейновой социально-экономической интеграции административных территорий Дагестана, «локомотивом» которой мог бы служить новый транскавказский торговый путь от Махачкалы до Поти.

Литература

1. Абдуллаев Ш. В Дагестане за четыре года построено 500 километров дорог [Электронное издание] // Кавказ Сегодня. 29.12.2016. URL: http://kavtoday.ru/25604?utm_source=facebook&utm_medium=cpc&utm_campaign=266&utm_term=25604 (дата обращения 20.03.2017)
2. Алиева В.Ф., Гимбатов Ш.М., Эфендиев И.И., Эльдаров Э.М. Современные миграционные процессы в Дагестане // Региональные аспекты социальной политики. – Махачкала: ДГУ, 2004. – С. 84–95.
3. Арухов З.В., Эльдаров Э.М., Эфендиев И.И. Присамурье как объект согласования межгосударственных интересов // Каспий: инвестиционный потенциал и перспективы сотрудничества: Матер. межрег. круг. стола (26 мая 2005 г.). – Махачкала: Миннац РД, 2005. – С. 93–98.
4. Гимбатов Ш.М., Магомедов М.М., Мудуев Ш.С., Эльдаров Э.М. Миграционные процессы в Дагестане. – Махачкала : Минтруд РД, 2005. – 128 с.
5. В Дагестане совершено нападение на строителей Аваро-Кохетинской дороги [Электронное издание] // REGNUM. 26.09.2014. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/1851690.html> (дата обращения 20.03.2017)
6. Гаджиев Н.Г., Рабаданов М.Х., Идзиев Г.И., Эльдаров Э.М. Современные проблемы экономической специализации Дагестана // Финансы и кредит. – 2017. – Том 23. Вып. 2. – С. 110–126.
7. Гаджиева У.А., Гаджиев М.Д. Проблемы реализации продукции сельхозтоваропроизводителей и пути их решения на примере анализа предприятий южной равнинной подзоны Дагестана // Российское предпринимательство. – 2012. – №

5 (203). – С. 111–116.

8. Исмаилов Ч.Н., Эльдаров Э.М. Дагестан в нефтегазохимическом комплексе Каспийского региона // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2009. №4. – С. 142-148.

9. «Каспийский хаб»: «бумажный» ответ рискам для России на Каспии [Электронное издание] // Вся правда. Северо-кавказская редакция EADaily. 04.03.2017. URL: <http://allpravda.info/kaspiyskiy-khab-bumazhnyy-otvet-riskam-dlya-rossii-nakaspii-38072.html> (дата обращения 20.03.2017)

10. Магомаев М.М., Эльдаров Э.М. Доходы и расходы населения: новые тенденции // Региональные аспекты социальной политики. Вып. 9. – Махачкала: ДГУ, 2007. – С. 17–24.

11. Магомедов М.М. Региональные особенности воспроизводства и использования трудового потенциала. – М.: ИЭ РАН, 2001. – 208 с.

12. Минин А. Экономический прорыв «Каспийского хаба» [Электронное издание] // Ast-news.ru. 28.08.2016. URL: <http://ast-news.ru/node/165243> (дата обращения 20.03.2017).

13. Мудуев Ш.С., Эльдаров Э.М. Северный Кавказ и Дагестан: социально-географические проблемы горных регионов. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2002. – 140 с.

14. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года. Закон Республики Дагестан от 15 июля 2011 года №38 (с изменениями на: 12.11.2015) [Электронное издание]. URL: <http://www.sudrf.kodeks.ru/document/412309398> (дата обращения 20.03.2017)

15. Присамурье: водохозяйственные проблемы и перспективы / Отв. ред. И.М. Сайпулаев, Э.М. Эльдаров. – Махачкала, 2003. – 156 с.

16. Расулов Э. Бузнаса нух. Дорога в горы отвоёвывает свои метры [Электронное издание] // Дагестанская правда. 26.08.15. URL: <http://dagpravda.ru/rubriki/ekonomika/27449860/> (дата обращения 10.03.2017).

17. Сельская местность юга России на рубеже веков: проблемы занятости населения / Отв. ред. И.И. Эфендиев, Э.М. Эльдаров. – Махачкала: Изд. Наука-плюс, 2004. – 204 с.

18. Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года (Проект). – Махачкала: Правительство РД, 2011. – 45 с.

19. Стратегия социально-экономического развития территориальной зоны «Прибрежный Дагестан» до 2025 года. – Махачкала: Правительство РД, 2012. – 204 с. URL: <http://www.minec-rd.ru/voprosy-ekonomiki/strategii-razvitiya-territorialnykh-zon-respubliki-dagestan-do-2025-goda> (дата обращения 20.03.2017)

20. Фурщик М. Вверх по течению // Вестник. Северный Кавказ. – 2017. – №2. – С. 40–41.

21. Халилов Х. Аваро-Кахетинская дорога – экономический эффект и стратегические перспективы [Электронное издание] // «МК в Дагестане». 10.07.2014 URL: http://mkala.mk.ru/articles/2014/07/10/avarokakhetinskaya-doroga-ekonomicheskij-effekt-i-strategicheskie-perspektivy.html?fb_action_ids=691514220886478&fb_action_types=og.recommends (дата обращения 20.03.2017)

22. Чечелашвили В. Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ: реальность, возможности и перспективы // Центральная Азия и Кавказ.– 2008. Вып. № 3–4 (57–58). – С. 8–15.

23. Шахбанов М. Аваро-Кахетинская дорога жизни [Электронное издание] // On Kavkaz. 23.06.2015. URL: <https://onkavkaz.com/blogs/18-avaro-kahetinskaja-doroga-zhizni.html> (дата обращения 20.02.2017)

24. Шелкова О. ГУАМ как слепое орудие американских глобалистов [Электронное издание] // News Front. 31.03.2017. URL: <https://news-front.info/2017/03/31/guam-kak-slepoe-orudie-amerikanskih-globalistov-olga-shelkova/> (дата обращения 03.04.2017)
25. Шустов А. Кому нужен новый ГУАМ? [Электронное издание] // NovostiNK. 30.03.2017. URL: <http://novostink.ru/analytics/195902-komu-nuzhen-novyy-guam.html> (дата обращения 02.04.2017)
26. Эльдаров Э. Горы вне закона // Дагестан. – 2016. – №2 (125). – С. 4–8.
27. Эфендиев И.И., Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эльдаров Э.М. Занятость и отходничество сельского населения Дагестана. – Махачкала: Изд. ДГУ, 2008. – 200 с.
28. Юзбеков З.К., Петросянц В.З., Идзиев Г.И., Эльдаров Э.М. Промышленность как ядро морехозяйственного комплекса Дагестана // Труды Географического общества РД. Вып. 31–32. – Махачкала, 2004. – С.86–92.
29. Юсуфов Р.А. Объявляя 2016 год Годом гор, мы преследовали цель сохранения и развития самобытного и многовекового культурного уклада горцев [Электронное издание] // РИА «Дагестан». 16.02.2016. URL: http://www.riadagestan.ru/news/the_government_of_the... (дата обращения 10.03.2017).
30. Eldarov E. M., Holland E. C., Kamilov M-K. B. Oil and Gas Production in the Russian Sector of the Caspian Sea: Public Opinion on Development Paths and Consequences // The Professional Geographer. – 2015. Vol. 67. № 3. – P. 342–350.
31. Holland E.C., Eldarov E.M. «Going away on foot» once again: the revival of temporary labour migration from Russia's Dagestan // Central Asian Survey. – Vol. 31, No. 4, December 2012. – P. 379–393.
32. Vital Caspian graphics. Challenges beyond caviar. – Published by UNEP/ GRID-Arendal, 2006. – 72 p.

ПОЕЗДКИ В РОССИЮ И КИТАЙ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

**А.С. Артемьева, А.М. Васин, Д.С. Елманова, К.Д. Ловягин,
К.В. Ростислав, М.А. Топников, Г.Е. Фомина, А.С. Хусаинова**

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва*

e-mail: ms.victoryart@gmail.com, parker01@yandex.ru,
elmanova@gmail.com, kostas217@mail.ru, k.rostislav@outlook.com,
mikhailtopnikov@gmail.com, fominagalinka@gmail.com,
2017khusainova@gmail.com

Аннотация. Исследование выявляет роль России и Китая как направлений поездок жителей Восточно-Казахстанской области, граничащей с этими странами. С помощью опроса жителей четырёх городов области выяснено, как часто и куда они ездят. Россия остаётся главным направлением поездок. Существует связь между городом проживания респондента, его национальностью и частотой поездок в ту или иную страну.

Ключевые слова: Восточно-Казахстанская область, Россия, Казахстан, поездки, приграничные связи, миграции.

Восточно-Казахстанская область (ВКО) — регион Казахстана, который одновременно граничит с Россией и Китаем. Национальный состав области и экономическая специализация её районов до сих пор несут на себе отпечаток советского прошлого. Но как отразились четверть века независимости Казахстана на взаимоотношениях населения Восточно-Казахстанской области с её соседями?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего, нужно вспомнить историю развития региона. Северные районы современной области в XVIII–XIX вв. были заселены русскими, в 1920-е гг. они были переданы в состав Киргизской АССР (в будущем — Казахской ССР). Северные районы области и после передачи их в состав казахской автономии сохранили тесные хозяйственные связи с российской частью Алтая: промышленный север продолжал динамично развиваться, в отличие от южных территорий ВКО [1]. Регион неоднородный и по национальному составу: север области населяли преимущественно русские, а юг — казахи [2].

Таким образом, развитие Восточно-Казахстанской области, в первую очередь её северной части, было ориентировано главным образом на Россию. После распада Советского Союза независимый Казахстан стал уделять больше внимания своему восточному соседу — Китаю. Многочисленные новости о возникновении различных совместных проектов двух стран, развитии их взаимоотношений позволяют нам предположить, что это соответствующим образом сказывается и на миграционном обмене населения Восточно-Казахстанской области и стран-соседей: возможно, число поездок в Китай уже сравнимо с поездками в Россию? Этот вопрос был изучен в ходе полевых работ, проведённых в рамках зимней экспедиции научного студенческого общества кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

В городах Усть-Каменогорск (31 января 2017 г.), Семей (1 февраля), Риддер (2 февраля) и Зыряновск (3 февраля) проводилось анкетирование местного населения. Респондентам, которые выбирались методом случайной выборки, задавались следующие вопросы.

1. Бываете ли вы в России?
2. Если да, то как часто вы ездите в Россию?
3. Бываете ли вы в Китае?
4. Если да, то как часто вы ездите в Китай?

Число респондентов, необходимых для составления репрезентативной выборки, вычислялось путём деления 500 человек (заранее запланированное общее число респондентов) пропорционально

квадратам численности населения городов. Возведение в квадрат было необходимо для сглаживания значительных различий в населении двух крупных и двух средних городов. Всего в ходе экспедиции было опрошено 487 человек.

В населении Восточно-Казахстанской области мужчины и женщины имеют примерно равные доли — 47,6 и 52,4 % соответственно. Того же соотношения старались придерживаться и участники экспедиции при выборе респондентов (рис. 1).

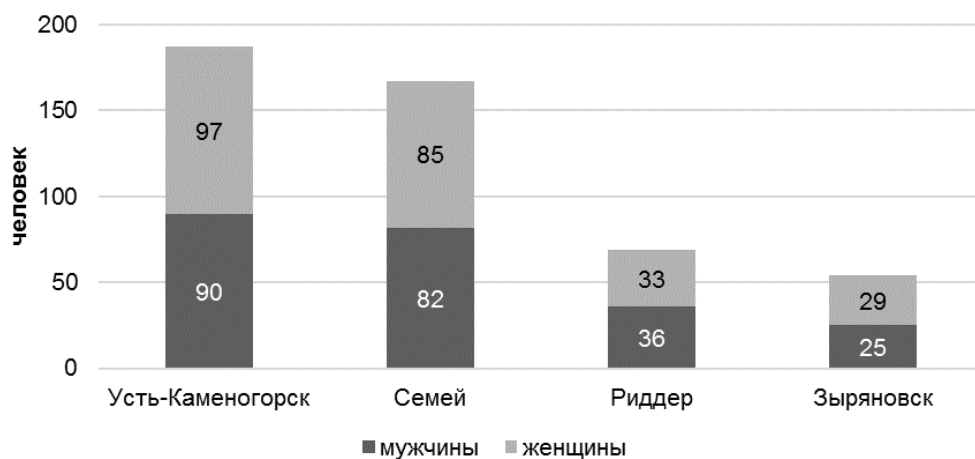

Рис. 1. Половой состав респондентов в городах исследования (на диаграмме подписано число респондентов в каждой из категорий)

Для увеличения репрезентативности выборки дополнительно был учтён критерий национального состава населения выбранных городов (с использованием доступных статистических данных): было определено соотношение в выборке русских и казахских респондентов (рисунок 2).

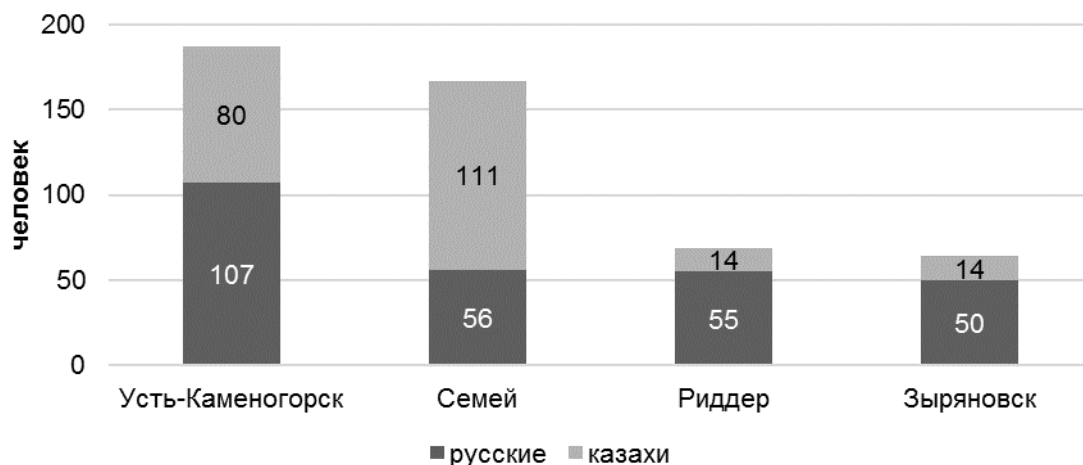

Рис. 2. Национальный состав респондентов в городах исследования (на диаграмме подписано число респондентов в каждой из категорий)

На рис. 3 показан возрастной состав респондентов в каждом из городов, посещённых экспедицией.

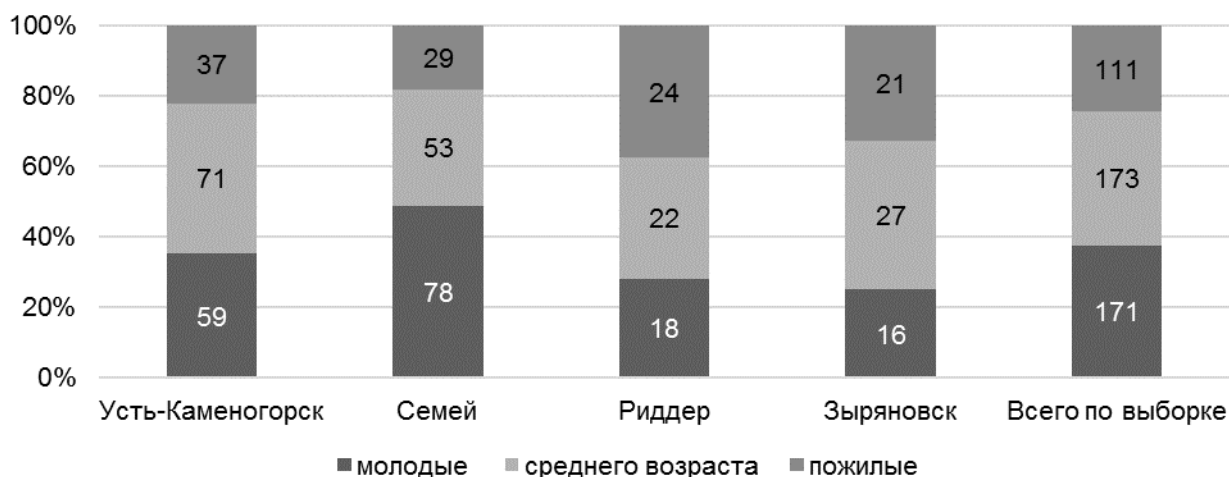

Рис. 3. Распределение респондентов по возрастам (на диаграмме подписано число респондентов в каждой из категорий)

Возрастной состав респондентов отличается от представленного в официальной статистике: в частности, ниже доля людей среднего возраста (рисунок 4). Это связано как со временем проведения опроса (рабочие часы будних дней), так и с неточностью в определении возраста респондентов.

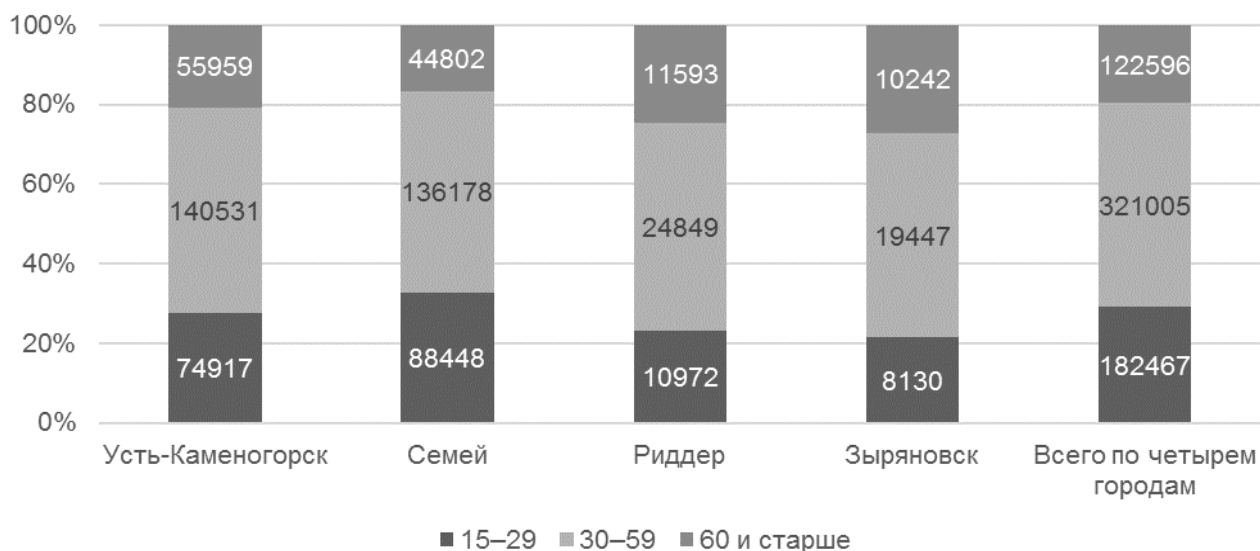

Рис. 4. Распределение городского населения старше 15 лет по возрастам (на диаграмме подписано число человек в каждой из категорий) [2]

Наибольшее число респондентов было опрошено в Усть-Каменогорске, столице Восточно-Казахстанской области (187). Чуть меньше — в Семей (167), который некоторое время назад был столицей Семипалатинской области. Примерно равное число респондентов было опрошено в Риддере (69) и Зырянговске (64). Эти города также сравнивались между собой.

Из 487 респондентов в России бывает 40,7 % (198 чел., рисунок 5). При этом большая часть тех, кто ездит в Россию, делает это чаще одного раза в год (38,4 %, или 76 чел.). В целом же доля тех, кто бывает в России хотя бы раз в год, составляет 65,2 % (129 чел.). Однако почти четверть из числа опрошенных, которые посещают Россию, бывают там редко (23,3 %, или 46 чел.).

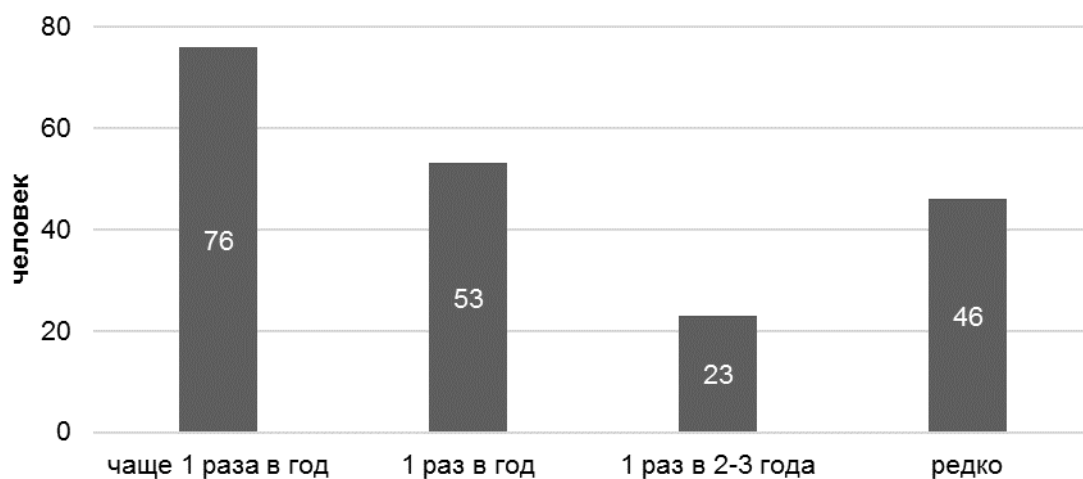

Рис.5. Распределение ответов на вопрос о посещении России

В Китае бывает гораздо меньшая доля опрошенных — 11,1 % (54 чел., рисунок 6). Половина из них редко ездит в Китай: респонденты рассказывали, что выезжали один или два раза за медицинскими услугами и в туристических целях.

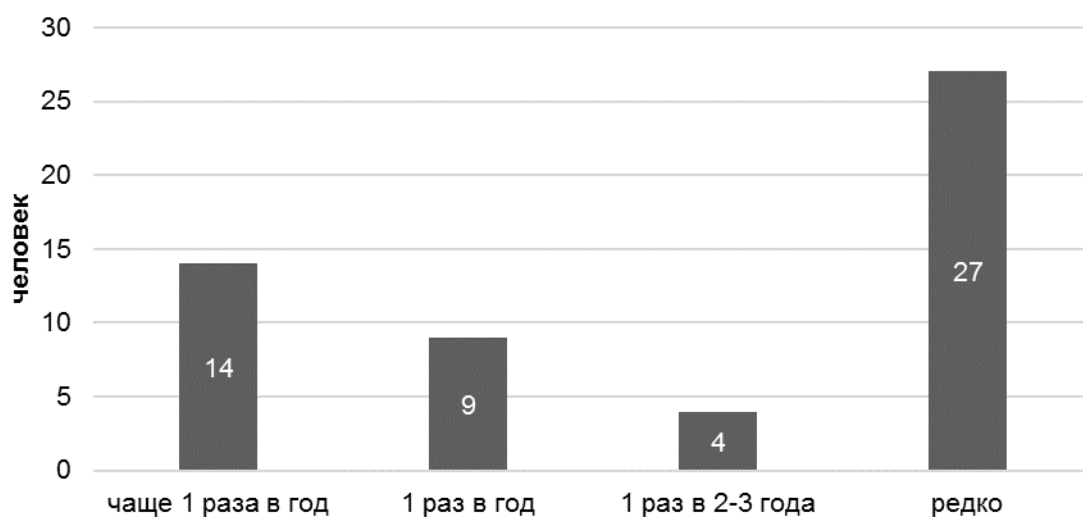

Рис.6. Распределение ответов на вопрос о посещении Китая

Из тех, кто по крайней мере раз в год бывает в Китае (23 человека), почти половина так же часто бывает и в России (10 человек). При этом 11 человек — молодые люди, преимущественно казахи (9 человек из 11), и 10 — люди среднего возраста, распределение по этническому признаку среди них 50/50. Анализ данных опроса приводит к следующим выводам:

поездки в Россию более привычны для местного населения, чем поездки в Китай; а развитие восточного направления сотрудничества затрагивает в большей степени сферу высшего образования, в которой задействованы молодые люди.

Результаты опросов в *Усть-Каменогорске* подтверждают общую картину: большинство поездкам в Китай предпочитают поездки в Россию (рисунок 7). Связи горожан с Россией довольно крепкие: 64 % тех, кто ездит в Россию, совершают поездки, по меньшей мере, раз в год, а половина из них даже чаще.

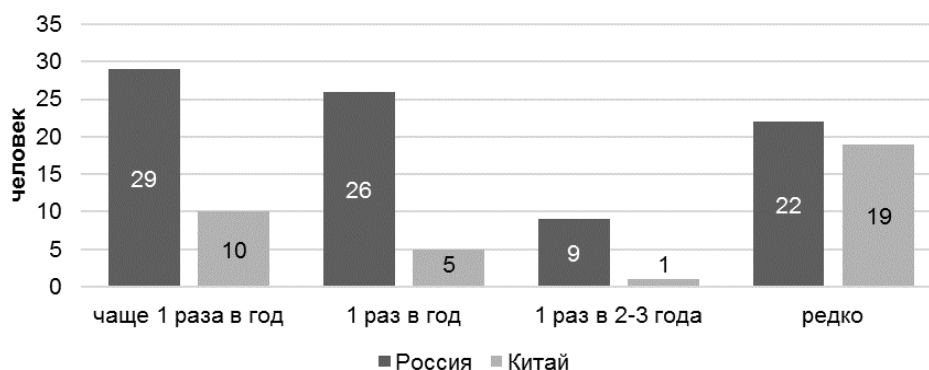

Рис.7. Распределение ответов респондентов из Усть-Каменогорска о посещении стран-соседей

Анализ по этническому признаку показывает, что посещение России русскими более регулярно, чем посещение России казахами, бóльшая доля которых бывает в этой стране редко (рисунок 8). Обратное наблюдается при оценке посещений Китая: более половины казахов, указавших, что они пересекают границу с восточным соседом, делают это чаще одного раза в год, в то время как русские главным образом говорят о редких, однократных посещениях Китая.

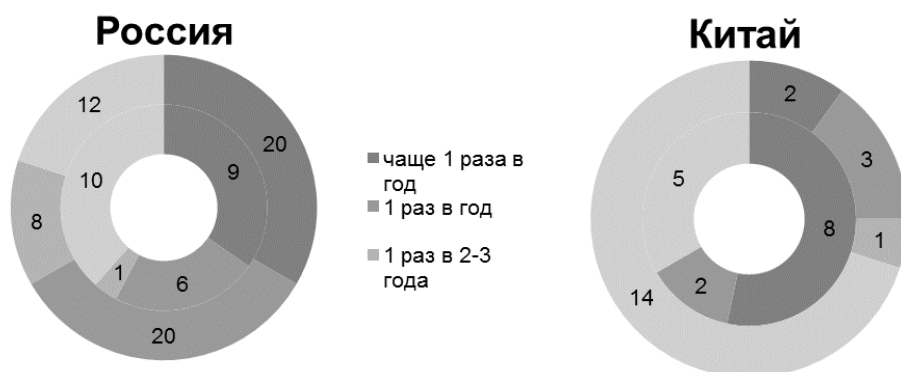

Рис.8. Распределение ответов респондентов из Усть-Каменогорска о посещении стран-соседей по этническому признаку: в центре — казахи, с внешней стороны — русские, человек

В Семее, несмотря на другой этнический состав его жителей, связи с Китаем тоже намного уступают по интенсивности связям с Россией. Кроме того, семейчане в принципе бывают в Китае реже, чем жители Усть-Каменогорска (рисунок 9). Скорее всего, это связано с бóльшим удалением города от китайской границы и может служить признаком более слабых экономических связей с китайским бизнесом.

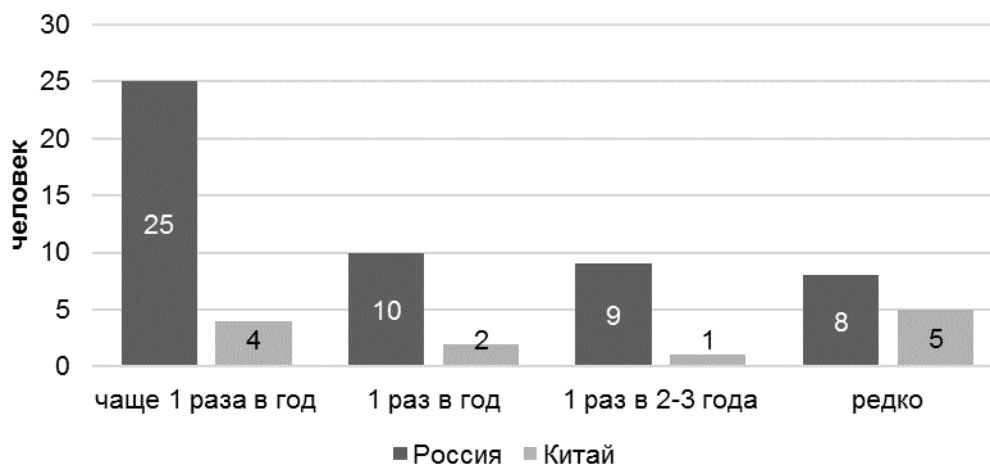

Рис. 9. Распределение ответов респондентов из Семее о посещении стран-соседей

Распределение по частоте поездок в Россию в Семее примерно такое же, как и в Усть-Каменогорске: больше русских, чем казахских респондентов ответили, что посещают Россию чаще одного раза в год (рисунок 10). Китай в целом посещает мало людей, но среди тех, кто ездит туда регулярно, больше русских, чем казахов. Говорить о проявлении тесных связей семейчан обеих национальностей с жителями Китая не приходится.

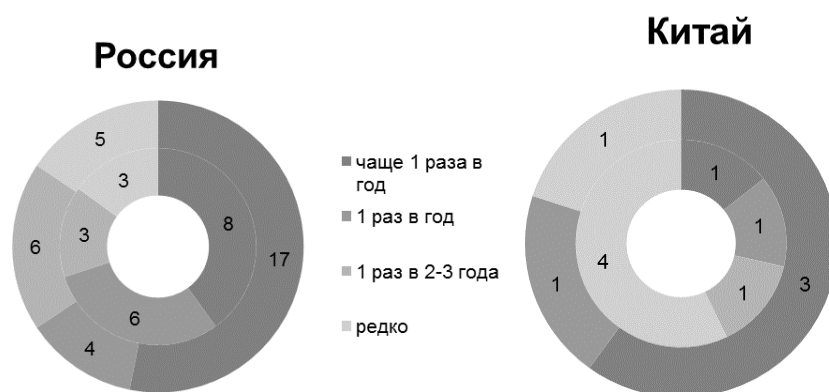

Рис.10. Распределение ответов респондентов из Семее о посещении стран-соседей по этническому признаку: внутренняя часть окружности — ответы казахов, внешняя — русских, человек

Риддер, и Зыряновск — это города «за спиной» Усть-Каменогорска: их основное транспортное сообщение с другими населёнными пунктами как России, так и Казахстана осуществляется преимущественно через Усть-Каменогорск, административный центр Восточно-Казахстанской области. Это должно оставить свой отпечаток и на частоту поездок в Китай как на новое направление выездов за границу.

Только один респондент из *Риддера* ответил, что бывал в Китае (рисунок 11). Основное направление поездок горожан — Россия. Сохраняется примерно то же распределение поездок по частоте — убывание числа ответов от «чаще одного раза в год» до «редко».

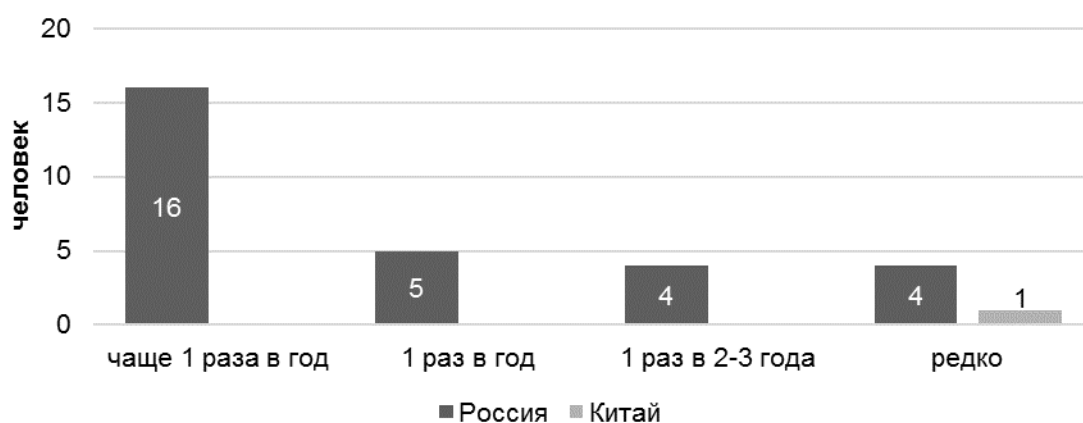

Рис.11. Распределение ответов респондентов из Риддера о посещении стран-соседей

Большинство посещающих Россию — русские жители Риддера (рисунок 12). Казахам среди этой группы мало, и они практически не меняют картину распределения.

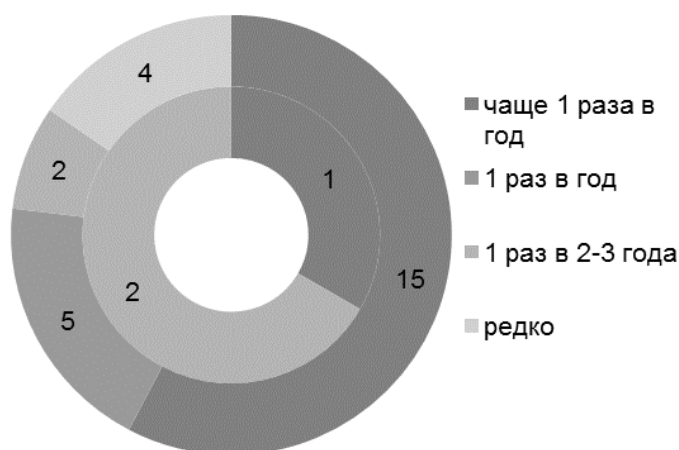

Рис.12. Распределение ответов респондентов из Риддера о посещении России по этническому признаку: внутренняя часть окружности — ответы казахов, внешняя — русских, человек

Однако в *Зыряновске* складывается иная ситуация. Большинство тех, кто вообще бывает в России, приезжают в эту страну редко (рисунок 13).

Распределение, сложившееся в Усть-Каменогорске, Семее и Риддере, в Зыряновске будто «вывернуто» наизнанку. С учётом того, что доли русских как в населении Риддера, так и в населении Зыряновска примерно равны, это указывает на наличие трудностей для совершения поездок, которых нет у прочих респондентов (например, сравнительно низкий уровень жизни). Поездки в Китай здесь также крайне непопулярны.

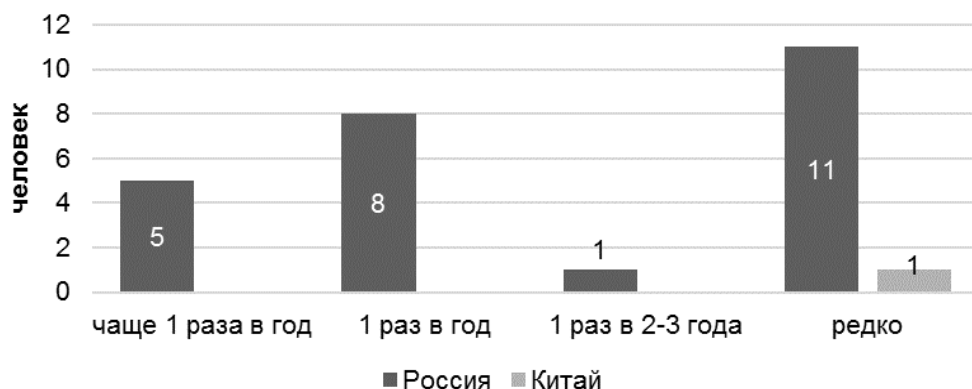

Рис.13. Распределение ответов респондентов из Зыряновска о посещении стран-соседей

Почти половина русских, которые ездят в Россию, совершают поездки редко. Этим Зыряновск также отличается от прочих исследованных городов (рисунок 14). Как и в Риддере, ничего нельзя сказать о режиме посещения зыряновскими казахами России: настолько мала их доля по результатам опроса.

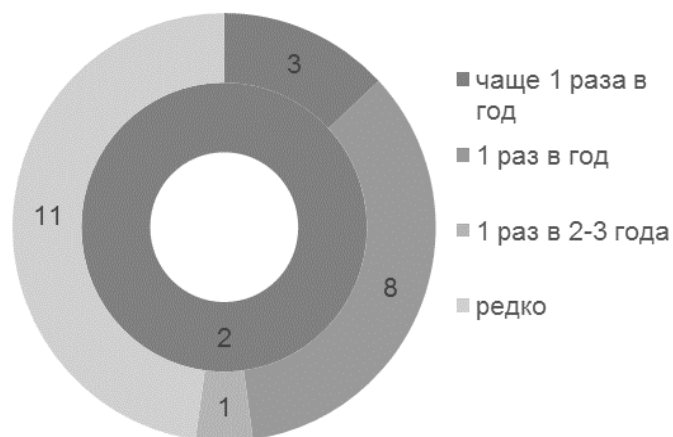

Рис.14. Распределение ответов респондентов из Зыряновска о посещении России по этническому признаку: в центре — казахи, с внешней стороны — русские

Таким образом, предположение о том, что число посещений жителями Восточно-Казахстанской области Китая сравнимо с числом поездок в Россию, не подтвердилось. Анализ опросов показал, что поездки в Россию распространены намного больше, чем поездки в Китай. В трёх городах из четырёх наибольшее число респондентов ответили, что бывают

в России чаще одного раза в год. В целом, население крупных городов региона (Усть-Каменогорска и Семей) существенно более мобильно, чем жители малых городов, особенно Зырянска. И то, что в региональной столице почти пятая часть опрошенных бывала в Китае, говорит о возможности роста поездок в этом направлении.

Литература

1. Всё о Барнауле / Барнаул-справка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://info.barnaul-altai.ru/barnaul/history.php> (дата обращения 30.03.2017).

2. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения 30.03.2017).

АКТУАЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФАНТОМНЫХ ГРАНИЦ

В.А.Колосов

Институт географии РАН, Москва

e-mail: kolosov@igras.ru

Аннотация. Автор показывает актуальность изучения исторических, реликтовых или фантомных границ – бывших межгосударственных рубежей, оказывающих и поныне заметное влияние на идентичность, особенности хозяйства, культурный ландшафт по обе их стороны. Не все фантомные границы одинаково важны, прямой связи между их «возрастом» и сегодняшним значением нет, но большинство из них может быть «актуализировано» в сознании граждан. Один из типов фантомных границ – бывшие фронтиры, рубежи колонизации новых земель крупными государствами. Статья содержит обзор литературы по проблеме фантомных границ, намечает пути и теоретические подходы к их изучению,

Ключевые слова: фантомные границы, фронтир, территориальная идентичность, территориальные структуры, Россия, мир

Введение. Как известно, большинство государств мира – многонациональные. Несовпадение государственных границ с этнокультурными и переделы мира оставили на карте многочисленные «шрамы истории» – несуществующие более рубежи, оказывающие, однако, немалое влияние на жизнь общества.

Картографирование и анализ происхождения и истории государственных границ – один из традиционных подходов в пограничных исследованиях (*border studies*) [7]. Большое внимание в них всегда

уделялось формированию государственной территории, морфологии ее границ в разные периоды. Изучение динамики границ и их устойчивости стало одним из достижений политической географии первой половины XX века. Они тесно связаны с именем выдающегося американского географа Ричарда Хартшорна и его известных публикаций о границах Верхней Силезии [4], в которых он показал влияние существующих и бывших политических границ на культурные особенности территории.

Перекройка государственных границ после Второй мировой войны, а затем процесс деколонизации, в ходе которого на политической карте мира появились десятки новых независимых государств, вызвали новый всплеск интереса к бывшим политическим границам, в том числе доколониальным. Еще примерно через четверть века распад Советского Союза и Югославии в очередной раз возродил интерес к проблеме «справедливых» границ и их изменений. Этой проблеме посвящены исследовательские проекты, исторические карты и атласы [23].

Французский географ Ив Лакост назвал границы историей, запечатленной в пространстве. Как существовавшие в прошлом границы проявляются в культурном ландшафте, как сказывается на их сегодняшней значимости давность потери ими функции разделительных линий между государствами? Почему одни бывшие границы заметнее, чем другие?

Цель настоящей работы – обосновать актуальность, основные направления и теоретические подходы к географическому изучению исторических (фантомных) границ. Автор ставил своей задачей, во-первых, показать высокую значимость фантомных границ в укреплении или конструировании территориальной идентичности, во-вторых, охарактеризовать их взаимосвязь с культурными рубежами, в том числе бывшими фронтами, и влияние на различные сферы деятельности в настоящее время, в-третьих, обобщить теоретические подходы к изучению таких границ и сформулировать основные его задачи. Материалами исследования послужили литературные источники на разных языках и наблюдения, собранные во время поездок в пограничные области России.

Роль в территориальной идентичности. Конфигурация государственной территории – это яркий и емкий образ страны, прочно запечатлевшийся в сознании граждан. После технологической революции в полиграфии в конце 19-го века, сделавшей географические карты доступными для широких слоев населения, абрис государственных границ стал частью национальной идентичности. Контурсы государства становятся своего рода логотипом государства: их помещают на плакаты и карикатуры, широко используют в прессе и школьных учебниках. Как заметил С.Н.Ушакин, «воображение играет ключевую роль в поддержании идеи исторической «незыблемости»... границ национального «тела». ...Идея целостности (воображаемого) тела нации сливается с идеей государственного суверенитета» [26].

Распространению представлений о территории как теле государства, а границе – как его уязвимой «коже» способствовали классические работы Ф.Ратцеля и его последователей - географов, историков и публицистов, в которых государство уподоблялось живому существу, которое появляется на свет, растет и развивается, проходит стадию зрелости, стареет и умирает. Эти труды породили антропоморфические образы государственной территории как живого, обычно женского тела, сливающиеся с представлениями о матери-родине, которую каждый гражданин призван всеми силами защищать от внешних посягательств.

Соответственно, всякое покушение на тело государства – его территорию рассматривается общественным мнением чрезвычайно эмоционально. Особенно болезненно воспринимается раздел государства, сецессия его части или передача соседям участка территории. В развитие метафорической ассоциации государства с человеческим телом утрата его части сравнивается с ампутацией конечности: хотя ее уже нет, человек еще длительное время ощущает ее, страдает от так называемых фантомных болей в ней[3].

По этой аналогии *фантомными* называют границы между государствами, утратившие свои наиболее важные функции, но остающиеся политическими и культурными барьерами, проявляющиеся в различных формах в современной экономической, социальной и политической деятельности. Термин «фантомные границы» используется здесь как синоним реликтовых границ. Однако можно считать фантомные границы особым видом реликтовых, и поныне вызывающими сильные эмоции в общественном мнении и не исчезающими из политического дискурса. В социальных представлениях государственная территория нередко сохраняет уже не существующую конфигурацию. Ее ментальные границы могут не совпадать с реальными. Такие представления отражают ностальгию по утраченным территориям, действительному или мнимому былому величию государства, усиливаемую популярными картографическими изображениями. Например, в Венгрии широко распространяются карты, показывающие ее территорию до Трианонского мирного договора (1920), по которому страна как правопреемник потерпевшей в Первой мировой войне Австро-Венгерской империи лишилась 64% населения и 72% территории, в том числе выхода к морю. Трианонский договор и поныне воспринимается в Венгрии как национальная трагедия.

Подобные далеко не единичные примеры породили так называемую «картографическую озабоченность», возникающую в случае, если часть граждан, в особенности принадлежащих к какому-либо меньшинству, ассоциирует себя с иной, не совпадающей с признанной в международном праве территорией. «Картографическая озабоченность» может быть связана с «картографической агрессией» других государств, особенно

соседних, показывающих на картах старые границы[1]. Так, жителям Курильских островов и японским гражданам, пользующимся соглашением о безвизовых делегациях, в Японии вручаются разговорники с искаженными картами, на которых четыре южных острова Курильской гряды показаны как японские [19].

Политические границы прошлого обычно разделяют территории с разной структурой расселения и хозяйства, а главное, разной идентичностью населения, сохраняя в его глазах определенную легитимность. Нынешняя территория любого государства – продукт длительного исторического развития. Границы одновременно представляют собой *инструмент*, закрепляющий власть некоторой социальной и/или этнической группы над территорией и показывающий ее способность осуществлять экономический, культурный, идеологический и политической контроль над ней, и *отражение* этого контроля [21].

Поэтому дискурс вокруг границ прошлого часто используется различными политическими силами как эффективное средство борьбы за захват власти в государстве путем культивирования реваншизма, призывов к перекройке границ.

Яркое выражение высокого символизма исторических границ – их привлекательность для туристов. Любая государственная граница аттрактивна для туристов, если только вблизи нее стабильна политическая и криминальная обстановка и не разворачивается вооруженный конфликт [14]. На фантомных, исторических границах дополнительным фактором привлекательности выступают связанные с ними исторические события и посвященные им монументы, которые увековечивают память о битвах с захватчиками и национальных героях.

Граница и прилегающие к ней ландшафты приобретают значимость объектов культурного наследия. В качестве примеров можно привести Великую китайскую стену, ставшую самым узнаваемым памятником Китая, или Берлинскую стену – один из главных символов холодной войны[15].

Взаимосвязь с политико-культурным районированием. Таким образом, общее свойство исторических границ – возможность их использования в целях укрепления или конструирования территориальных идентичностей [6]. Как показал Д.Ньюмен, между границами и идентичностью существует диалектическая взаимозависимость [9]. Этот феномен ставит извечный вопрос, что первично – территориальные идентичности или границы. С одной стороны, политические границы разного ранга формируют идентичности. С другой стороны, политические границы часто следуют культурным рубежам. В XX веке логика делимитации европейских границ опиралась на два главных критерия – этнический и исторический [10].

Некоторые страны представляют собой «классические» полигоны для их изучения соотношения между фантомными границами и культурными рубежами. Обширная литература по этой теме посвящена Польше, чья современная территория в результате разделов конца 18-го века состоит из трех частей, находившихся под контролем Российской и Австро-Венгерской империй и Пруссии. Границы между ними до сих пор прослеживаются и в характере хозяйства, и в уровне благосостояния населения, и в нормах организации политической жизни (уважение к закону в Пруссии, традиции парламентаризма в Австро-Венгрии, централизация в самодержавной России).

В моделях, объясняющих устойчивость этих различий, используются два основных подхода – структурный и нормативный. Сторонники первого из них делают акцент на инерционности экономического развития (*path dependence*), связывая, например, отставание восточных («российских») воеводств с исторически сложившейся низкой плотностью инфраструктуры, а опережающие темпы экономического роста западных – с близостью к европейским рынкам. Нормативный подход ориентирован на нормы и ценности, доминирующие в разных частях страны, унаследованные от политических традиций держав, которым польские земли принадлежали в 19-м веке, и сложившиеся также в результате перемещений населения после Второй мировой войны. В итоге «фантомные границы» разделяют ныне зоны с разными типами политической культуры, которые проявляются в географии голосования на общенациональных и местных выборах[6]. Т.Зарыцкий отмечает популярность в последнее время интерпретации электоральных и иных различий на основе «ориенталистских стереотипов». В соответствии с ними всякое наследие Российской империи оценивается исключительно негативно путем противопоставления «прогрессивной» западной цивилизации «отсталой» российской[13].

Другой «полигон» изучения фантомных границ – Украина. Ее современная территория сложилась в результате длительного исторического развития. Предложено множество схем деления страны на историко-культурные регионы. В Украину входят и районы, охватывающие исторический очаг формирования украинского этноса, и земли Северного Причерноморья, и сопредельные территории российского государства, заселенные с разрешения царя беженцами из России и Украины (Слобожанщина). Специфическую часть Украины составлял Крым, переданный в ее состав совсем недавно, в 1954 г. и возвращенный в Россию в марте 2014 г. На макроуровне всегда выделяется Западная Украина, которая до 1939 г. никогда не входила в состав общего с Россией государства.

Глубокая связь между региональной, языковой, этнической и религиозной принадлежностью населения, его электоральными

предпочтениями и геополитическими ориентациями ярко показана многочисленными исследованиями украинских, российских и западных специалистов с использованием как социологических, так и географических методов и статистических моделей[5].

Границы между различными регионами Украины, ставших частями ее территории в разное время, предопределили, в частности, значительные географические различия в распространении украинского и русского языков. С ними тесно связаны политические культуры, благодаря которым исторические границы отражаются на картах голосования. На них страна весьма четко делится на западную и восточную часть по так называемой линии Субтельного (по имени известного канадского исследователя-украиноведа Ореста Субтельного) [11]. Хорошо заметен и рубеж между историческим ядром Украины и землями, отвоеванными Российской империей у Османской империи и Крымского ханства и совместно освоенными переселенцами из украинских и русских земель на юге – бывший фронт: рубеж или, скорее, переходная зона между основной и колонизируемой территорией.

Бывшие фронтиры, связанные с историей формирования и освоения государственной территории, представляют собой фантомные границы во многих странах. Так, история США неразрывно связана с колонизацией Дикого Запада, Турции – пограничья с Ираком и Сирией, Китая – западных районов, населенных монголами, уйгурами и тибетцами, Бразилии – Амазонии, Польши – восточных земель, охватывавших большую часть современной Украины и Белоруссии, где польским магнатам и шляхте принадлежали обширные земли [18].

Польские авторы опубликовали немало работ, в которых обосновываются отличительные черты фронтиров, называемых в польской литературе кресами (окрестностями)[8]. Термины «кресы» был предложен еще в середине 19-м веке крупным польским географом Винценты Полем, который понимал под ним обширные, отдаленные, труднодоступные и политически нестабильные окраинные пространства с пестрой и сложной этнической и религиозной структурой населения. Освоение фронтиров, как правило, порождает множество романтических легенд и мифов, воспевающих пионерный и миссионерский менталитет поселенцев как носителей передовой культуры.

Фронтиры - динамичный феномен: их дальнейшая государственная принадлежность зависела от успехов освоения, в том числе строительства коммуникаций, экономической и культурной политики государства. Внешние рубежи фронтальных зон не были четко определены, отличались высокой проницаемостью и требовали особой заботы, которую в России взяло на себя особое социальное сословие – казаки. Специфические черты кресов - периферийное положение и слабая доступность, суровый климат, низкая плотность и культурная разнородность населения, разреженность

сети городов. Представители доминирующего этноса были сосредоточены главным образом в городах - своего рода культурных эксклавах [8]. Особенности бывших фронтиров наложили отпечаток на сегодняшнюю политическую культуру их жителей. Поселенцы отличались сильной этнической идентичностью и независимостью, утрированным, радикальным «патриотизмом», чувством превосходства над «аборигенами» и культом силы, усугубляемым необходимостью бороться за контроль над креслами с соседними державами.

Необходимость изучения и теоретические подходы. Сформулируем причины, объясняющие необходимость изучения фантомных границ, некоторые подходы и направления их исследования.

Во-первых, многие по историческим меркам сравнительно недавно установленные границы носят явно «искусственный» характер, разделяя районы расселения этнических групп, территории, входившие ранее в состав других государств и/или сходные в экономическом отношении, и т.п. Британские и французские колониальные власти делимитировали 40% современных границ за пределами Европы (в том числе 87% - в Африке), и на 60% их протяженности эти границы не имеют ничего общего с реальными этнокультурными и иными рубежами. Унаследованные от колониальной эпохи границы разделяют ареалы расселения 187 этнических групп. Даже в Европе 19% границ установлены внешними силами. Новые границы нередко вызывают ностальгию по старым, «справедливым» государственным рубежам. В мире существует множество территориальных споров [2]. Процессы глобализации, связанные с определенным нивелированием условий ведения бизнеса и стиранием культурных различий в результате наступления массовой культуры, неминуемо вызывают укрепление этнотерриториальных идентичностей, ведущее к дальнейшей фрагментации политической карты мира в результате деятельности многочисленных сепаратистских движений [20].

Хотя всеобщее признание в мировом сообществе получил принцип мирного разрешения территориальных споров, вовсе не исключены новые вооруженные конфликты. Фантомные границы играют важную роль в мобилизации этнических и иных групп, укреплении или изменении их идентичности, поэтому исследование таких границ и прилегающих к ним территорий служит задачам предотвращения и урегулирования конфликтов мирными средствами.

Во-вторых, границы, унаследованные от прошлого, значимы в государственном строительстве: поскольку они разделяют территории с различающимися идентичностями, их необходимо учитывать при создании или укреплении общей идентичности граждан страны. Кроме того, такие границы обычно служат внутренними административными рубежами.

В-третьих, следует учитывать влияние фантомных границ на многие сферы деятельности – от сельского хозяйства до транспорта. Так, германский географ С. фон Левис показала различия в современной организации и продуктивности сельского хозяйства по обе стороны бывшей границы между Российской и Австро-Венгерской империями, ныне разделяющей Хмельницкую и Тернопольскую области Украины [12]. Изменение государственных границ ставит политических лидеров перед необходимостью избавиться от транзита через соседние страны в сообщении между своими городами через выступы территории соседей, улучшить связи со столицей, а также получить новые выходы на транспортные сети зарубежных стран, в особенности для доступа к морским портам. Однако решение этих задач требует немало времени, и старая граница еще многие годы сказывается на коммуникациях. Благодаря работам С.А.Тархова на примере Румынии [25] и стран бывшего Советского Союза [24] изучен механизм постепенной адаптации железнодорожной сети к государственным границам. Резкое их изменение, например, в результате распада СССР, ведет к образованию «обрубков» старой сети и образованию изолированных сегментов, упрощению топологической структуры, сокращающему возможности хозяйственного маневра.

В-четвертых, фантомные границы, как правило, определяют культурный ландшафт пограничья. Вследствие ограничений хозяйственной деятельности и расселения там лучше сохранились природные ландшафты, поэтому во многих странах, в том числе и в России особо охраняемые природные территории (ООПТ) тяготеют к государственным границам. Нередко ООПТ создаются симметрично по обе стороны границы. Это обстоятельство открывает возможность сотрудничества между соседними странами и регионами и их примирения на этой основе в случае конфликтов (так называемые парки мира). В пограничье сохранились ценные объекты природного и культурного наследия народов России и сопредельных стран, привлекательные для развития туризма, который может стать движущей силой развития многих территорий.

Можно выделить несколько подходов к изучению фантомных границ, обычно сочетающему количественный анализ и качественные методы. Первый, старейший подход – историко-морфологический, предполагающий исследование происхождения границы, изменений ее конфигурации и соотношения с другими границами, в том числе природными, этнокультурными и административными. Морфология фантомных границ – это материальное выражение соотношения экономической, политической и военной мощи соседних стран и их союзов.

Вторая группа подходов – функциональные и структуралистские. Одна из их задач – проследить изменение функций и режима границы, их укрепления и ослабления в разные исторические периоды (в англоязычной литературе – *re-bordering* и *de-bordering*). В структуралистской парадигме в соответствии с теорией социально-территориальных «разломов» (*cleavages*) С.Роккана – Х.Китчелта – Д.Сейлера приграничные территории, лежащие за пределами фантомных границ, рассматриваются как элемент системы «центр – периферия».

Третий подход – геополитический, нацеленный на изучение реального или возможного использования фантомных границ в целях расширения влияния одной из сторон или перекройки политической карты. Этот подход опирается на теории идентичности и национализма и направлен, в частности, на изучение особых пограничных идентичностей, а также теории государственного строительства. В их числе можно назвать, к примеру, теорию «национализации» Карла Дойча, объясняющую попытки государства интегрировать территорию экономическими, политическими и иными средствами. К этому же подходу следует отнести «классические» оценки значимости фантомных границ через изучение глубины различий в электоральном поведении, которые тоже можно рассматривать в контексте политической интеграции (национализации) пространства.

В качестве особого четвертого подхода можно выделить конструктивистский, основанный на «постмодернистских» теориях конструирования пространства и методах, например, анализа политического дискурса, символического капитала (иконографии) и политики памяти.

Заключение. Изучение фантомных границ актуально и в России. Принадлежность в прошлом к иным историко-культурным и политическим регионам оказывает заметное влияние на социальные практики и идентичность жителей Псковской и Калининградской областей, западных районов Карелии, ранее принадлежавших Финляндии, и запада Ленинградской и Мурманской областей. Вхождение ныне российских территорий в состав иных территориальных образований определяет предпочтения в приграничном сотрудничестве (например, в Карелии и Калининградской области). В истории России большую роль сыграли бывшие фронтиры. Это рубежи между историческим ядром страны и Диким полем, которое русские и украинские казаки, а затем другие переселенцы осваивали по мере продвижения к югу границы земель, безопасность которых могла быть обеспечена государством [16]. Это, безусловно, также рубежи освоения территорий на севере и к востоку от Урала, в том числе в современном пограничье с Казахстаном. Бывшие укрепленные линии, ставшие фронтирами после потери ими оборонительных функций, также можно считать фантомными. Сибирская

линия, ныне разделенная границами России и Казахстана, продолжает служить каркасом расселения и осью экономического развития приграничных регионов. За Белгородской чертой сформировался уникальный регион Слобожанщина со специфической русско-украинской идентичностью населения, разделенный сначала административными, а затем государственными границами России и Украины.

Один из центральных вопросов в изучении фантомных границ – почему некоторые из них важнее, чем другие? Очевидно, что более заметны такие границы в тех случаях, когда они совпадают с этническими или этноконфессиональными рубежами, как, например, нынешняя граница между Южным Тиролем (Больцано) и другими провинциями Италии, или бывшие границы Венгрии до Версальского конгресса, или навязаны внешними силами. На заметность фантомных границ, несомненно, влияет глубина разрыва в благосостоянии между разделяемыми ими территориями, политические различия между соседними странами, их участием в экономических и политических союзах (например, между Россией и Финляндией), политика памяти и другие факторы. Во всяком случае, прямой корреляции между давностью потери фантомной границей функций государственной границы и ее сегодняшней ролью нет.

Другие принципиальные проблемы, связанные с фантомными границами – механизм передачи особой политической культуры и идентичности пограничья от поколения к поколению, их устойчивость. Чрезвычайно важны бывшие государственные границы для исторического примирения между странами, пережившими острые конфликты – Германией и Польшей, Финляндией и Россией, Францией и Германией, Чили и Боливией, Парагваем и его соседями и др. Так, решение руководства Финляндии после Второй мировой войны не поднимать «территориальный вопрос» стало основой ее внешней политики и «особых отношений» с Советским Союзом [7]. Необходимы новые исследования, посвященные роли интеграционных процессов в признании общественным мнением сложившихся границ, в том числе свободы передвижения и приграничного сотрудничества, правовых гарантий этнокультурным меньшинствам и др.

Работа выполнена в рамках исследований по проекту РНФ 14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства».

Литература

1. Billé F. Territorial phantom pains (and other cartographic anxieties) *Environment and Planning D: Society and Space* 2013, volume 31, p.163-178.
2. Border disputes. *A Global Encyclopedia*. E.Brunet-Jailly, ed. Santa Barbara, CA: ABC-Clio, 2015.

3. Gorzelak G. Normalizing Polish-German Relations: Cross-Border Cooperation in Regional Development: In: Scott J.W. (ed.): EU Enlargement, Region Building and Shifting Borders of Inclusion and Exclusion, Aldershot: Ashgate, pp.195 – 206
4. Hartshorn R. Geographic and political boundaries in Upper Silesia. *Annals of the Association of American Geographers*, 1933, vol. 23, N 4, pp.195-228; Hartshorn R. Suggestions on the terminology of political boundaries, titles and abstracts of papers. *Annals of the Association of American Geographers*, 1936, vol.26, N 1, pp.38-39.
5. Hesli V., Reisinger W. and Miller A. Political Party Development in Divided Societies: The Case of Ukraine. *Electoral Studies*, 1998, vol.17, N 2, pp.235-256; Kubicek P. Regional Polarisation in Ukraine: Public Opinion, Voting and Legislative Behaviour, *Europe-Asia Studies*, 2000, vol. 52, n 2, pp. 273-294; O'Loughlin J. The Regional Factor in Contemporary Ukrainian Politics: Scale, Place, Space, or Bogus effect? – *Post-Soviet Geography and Economics*, 2001, vol. 42, N 1, pp. 1-33, и др.
6. Jańczak J. Phantom borders and electoral behavior in Poland historical legacies, political culture and their influence on contemporary politics. *Erdkunde*, 2015, vol.69, No 2, pp.125-137.
7. Kolosov V., Scott J.W. Karelia: A Finnish–Russian Borderland on the Edge of Neighbourhood. In: *The EU-Russia Borderland. New Contexts for Regional Cooperation*. Ed. by H.Eskelinen, I.Liikanen and J.W.Scott. London and New York: Routledge, 2012, p.194-221.
8. Koter, 2001, op.cit
9. Newman D. Contemporary Research Agendas in Border Studies: An Overview', in Doris Wastl-Water, ed. *Ashgate Research Companion to Border Studies*. Oxford: Ashgate Publishers, 2011, pp. 33-47.
10. Opiola W. About the Role of the State Border in the Theory of Borderland. *Open Europe: Cultural Dialogue Across Borders. Vol. 2: Historical Collective Memory within Borderlands*, pp.27-35. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2014, pp. 27-35.
11. Subtelny O. *Ukraine: A History*. University of Toronto Press: Toronto, 1988.
12. von Löwis S. Ambivalente Identifikationsräume in der Westukraine: das Phantom der alten Grenzen am Zbruč. *Europa Regional*, 2015, N 3-4, S.148-162.
13. Zarycki T. The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations, *Erdkunde*, 2015, vol. 69, no. 2, pp. 107-124
14. Александрова А.Ю., Ступина О.Г. Туристское регионоведение. Влияние региональной интеграции на мировой туристский рынок. М., 2013; Dallen T.J. *Political Boundaries and Tourism: Borders as Tourist Attractions*. *Tourism Management* 1995, vol. 16, N 7, 525-532.
15. Гринько И.А. «Музейные границы» и формирование новых идентичностей. Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17), с. 149-152
16. Западные окраины Российской империи. Сост. М.Долбилов и А.Миллер. М.:Новое литературное обозрение, 2007.
17. Колосов В.А., Тикунов В.С. Политико-географическое картографирование и геоинформатика: достижения и новые задачи *Известия РАН, сер. геогр.*, №1, 2005, с. 17-23; Колосов В.А. Исследования политических границ с начала XX века до наших дней. *Известия РАН, сер.геогр.*, № 5, 2008, с. 8-20.
18. Полян П. "Обмен населением" Польши и СССР 1944-1946. <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit06.php>. 4 апреля 2013 г
19. Пономарев С. Картографическая агрессия Японии против России. Сахалинское информационно-аналитическое агентство (СИАА), 7 мая 2008 г. <http://siaa.ru/?pg=2&id=155934&type=127&page=26&hd=>

20. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012.

21. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире. Полис (Политические исследования), 2012, N 2 (128). С. 31-46.

22. См., например, Koter M. "Kresy" as a Specific Type of Borderland - It's Origin and Characteristics. *Geographica Slovenica*, 2001, vol. 34, N 1, p.131-148; Sobczynski M. *Polskie doswiadczenia w zakresie badania granic reliktowych i krajobrazu pogranicza. Czas i przestrzeń w naukach geograficznych. Wybrane problemy geografii historycznej*. 2008. <http://hdl.handle.net/11089/3899>; Rykała Andrzej. Ethno-religious heritage of former eastern territories of the Polish-Lithuanian Commonwealth in contemporary Poland. *European Spatial Research and Policy*. 2013, vol. 20, N 1, p. 49-70.

23. См., например, Ширяев Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Чёрная и Литва в картах. Минск: Наука и техника, 1991; Foucher M. *La Bataille des cartes. Analyse critique des visions du monde*. Paris: François Bourin Éditeur, 2011; Grandits H., von Hirschhausen B., Kraft C., Müller D., Serrier T. *Phantomgrenzen im östlichen Europa. Eine wissenschaftliche Positionierung*. Göttingen: Wallstein-Verlag, 2015.

24. Тархов С.А. Трансформация транспортной системы// Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2011. С.107-129.

25. Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск - М.: Универсум, 2005.

26. Ушакин С.Н. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах. Травма: пункты. Сб. статей. Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ¹⁰

К.А. Морачевская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

e-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые последствия государственных интеграционных процессов для экономического развития российско-белорусского приграничья. Раскрыты примеры положительных и отрицательных последствий для различных сфер – внешней торговли, агропромышленного комплекса, малого предпринимательства.

Ключевые слова: интеграция, Таможенный союз, институциональные факторы, российско-белорусское приграничье

¹⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта №16-32-01119.

Изменения, связанные с интеграционными процессами государственного уровня – образованием Таможенного союза в 2010 году и созданием Евразийского экономического союза в 2015 году – должны были, в первую очередь, положительно сказаться на социально-экономическом развитии приграничных территорий. Мировой опыт межгосударственных объединений доказывает, что подобные инициативы часто способствуют увеличению объемов торгового оборота между регионами приграничья, интенсифицирует производственные кооперационные связи между ними, усиливает обмен сырьем и готовой продукцией и т.д. Однако отдельного внимания приграничному взаимодействию в изменившихся институциональных условиях в интеграционной политике России и Беларуси уделено не было. Постепенно стали проявляться негативные процессы, связанные с ужесточившимся соперничеством российских и белорусских производителей на локальных и региональных рынках, с кардинально разной конкурентоспособностью ряда производств по обе стороны границы, с проблемами реэкспорта Беларуси запрещенных для ввоза в Россию отдельных видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия с 2014 года. В данной статье тезисно рассмотрим эти и другие ключевые последствия государственных интеграционных процессов для экономического развития российско-белорусского приграничья.

Институциональный фактор в развитии приграничных территорий исследован для отдельных участков границ как России, так и Беларуси. Правда наибольшее число работ посвящено взаимодействию со странами Евросоюза. Так, например, в работах А.А. Слонимского для западных границ Беларуси изучены институциональные препятствия для трансграничной предпринимательской активности на основе проведенных глубинных интервью с представителями администраций и предпринимателями, выделены положительные и отрицательные эффекты трансграничного предпринимательства для регионального развития [7].

Институциональные ограничения трансграничного сотрудничества проанализированы в экспертном отчете о Программе Польша – Россия 2014-2020 Европейского инструмента соседства для польско-российского порубежья [8]. В перечень препятствий для взаимодействия включены законодательная система, пограничный режим, культурные различия (предубеждения, стереотипы) и разница в уровне экономического развития. Таким образом, наибольшее количество работ, посвященных данной теме, уделяют внимание *ограничениям* институционального фактора регионального развития, а не его стимулам.

Межгосударственной интеграции уделено внимание в работах В.С. Бильчака [3]. Автор, однако, понимает непосредственно под приграничной интеграцией – интеграционные процессы соседствующих стран в целом, а не их наиболее близких к границе территорий. В.С. Бильчак особо

отмечает, что интеграция не должна сводиться к проведению мероприятий по устранению дискриминации для участников хозяйственной деятельности («негативная» интеграция), и подчеркивает важность других направлений взаимодействия («позитивная» интеграция).

Российско-белорусская интеграция и ее влияние на межрегиональное (включая приграничное) сотрудничество рассмотрены в работах ряда авторов. Например, Н.М. Межевичем и Н.А. Росляковой проанализирована концепция Союзного государства и ее место в общей системе евразийских интеграционных проектов [6]. Авторы оценили спектр основных проектов, осуществляемых в рамках Союзного государства, и пришли к выводу, что приграничных территорий при этом касается только один – по обеспечению единой пограничной политики и обустройству пограничных объектов, что относится к внешним границам интеграционного образования.

В исследованиях российско-белорусской интеграции О.В. Бахловой отмечается, что регионы являются проводниками интересов своих стран, способными сыграть роль субъектов развития в рамках интеграционного процесса [1]. Активизация интеграционного взаимодействия еще в конце 1990-х годов положительно повлияла на динамику торгово-экономического межрегионального сотрудничества между Россией и Беларусью. Далее, однако, автор подчеркивает, что приграничные регионы этим процессом были затронуты меньше многих других.

Наибольшее число работ по изучению российско-белорусского приграничья проводится А.П. Катровским и Г.В. Ридевским, особенно для смоленско-могилевского участка границы. В одной из публикаций авторов рассмотрено становление российско-белорусского трансграничного региона после заключения Таможенного союза. А.П. Катровский и Г.В. Ридевский впервые приходят к выводу, что приграничные регионы России и Беларуси развиваются более медленно по сравнению с экономиками своих стран, и до настоящего времени не извлекали ожидаемого эффекта от заключения Таможенного соглашения [4].

Оценка влияния созданного в 2015 году Евразийского экономического союза на приграничные территории также становится актуальной темой исследований. Больше внимание, однако, при этом уделяется российско-казахстанскому приграничью [2, 5]. Вероятно, это связано с относительно новым вектором для постсоветского периода на интеграцию на данном участке границы в сравнении с российско-белорусским.

Одной из ключевых сфер, в которой проявляются изменения институциональных условий, связанных с образованием Таможенного союза, является *внешняя торговля*. В связи с формированием единой нормативно-правовой базы изменилось таможенное законодательство государств-участников. Появились два дополнительных уровня

регулирующие: международные соглашения государств-участников Таможенного союза и решения Комиссии Таможенного союза. Базовым документом, регулирующим таможенные правоотношения в рамках Таможенного союза, стал единый Таможенный кодекс.

Противоречивым аспектом институциональной интеграции в рамках Таможенного союза является т.н. «нетарифное регулирование» внешней торговли. Принципиальная особенность этих мер состоит в том, что они не носят экономического характера. Лицензирование, являющееся основным видом нетарифного регулирования в Таможенном союзе, относится одновременно к разрешительному порядку ввоза и вывоза, то есть мерам неэкономического характера, затрагивающим внешнюю торговлю товарами, и к нетарифному регулированию. В 99% случаев лицензирование установлено в неэкономических целях (для охраны жизни или здоровья граждан, окружающей среды и т.д.). Из-за существующего нормативного регулирования нетарифных мер они не выполняют своей функции, представляя собой скрытые ограничения внешней торговли товарами. Наряду с этим, положительным последствием создания Таможенного союза стало появление единого акта, в котором были систематизированы все лицензируемые товары и порядок выдачи разрешительных документов. Был создан единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз.

Несмотря на позитивные сдвиги в таможенном регулировании внешнеторговой деятельности, часты ситуации с применением нетаможенных барьеров для экспортно-импортной деятельности. Так, в ходе интервью с представителями административных кругов и торгово-промышленной палаты Брянской области, проведенных нами в январе 2017 г., экспертами неоднократно отмечались случаи запрета на ввоз продукции из России в Беларусь по причине их несоответствия дополнительным – внутренним – требованиям Республики Беларусь. Подобные экспортные проблемы имели приграничные предприятия Брянской области по производству синтетических кремнеземов, силикатного кирпича и др.

Проблемную сферу, на развитии которой сказались государственные интеграционные процессы, представляет собой *агропромышленный комплекс и торговля продуктами питания*. Для реализации задач согласованной агропромышленной политики ст. 95 Договора о Таможенном союзе предусмотрено межгосударственное взаимодействие сторон в части государственного регулирования аграрного рынка. Продовольственные рынки государств-участников отличаются большим разнообразием использования экономических и финансовых инструментов, которые, тем не менее, имеют некоторые общие принципы действия. Каждое государство использует индивидуальные программы регулирования продовольственного рынка, которые во многом

обусловлены уровнем социально-экономического развития каждой из стран.

Система активной государственной поддержки сельского хозяйства и пищевой промышленности в Беларуси делает многие виды товаров более конкурентоспособными по сравнению с российскими. Это вызывает экспансию белорусских производителей на российский рынок, наиболее проявляющуюся в крупных городах и в приграничных регионах. В свою очередь, данный факт ухудшает положение российских производителей, особенно находящихся в неустойчивом финансово-экономическом положении в период кризиса (более всего это проявилось в Смоленской области).

Помимо этого, стоит отметить, что белорусская сторона проводит политику ограничения импорта продовольствия со стороны России, что подтверждается обследованием продовольственных магазинов и рынков в приграничье. Если по отдельным группам товаров в некоторых городах приграничья белорусские продукты могут занимать до 50% и более процентов рынка, то российские товары на территории соседнего государства практически не представлены.

Важные преобразования в развитии АПК связаны с введением технических регламентов. Одной из наиболее затронутых институциональными эффектами сфер является переработка молока. С 1 мая 2014 года вступил в силу технический регламент «О безопасности молока и молочной продукции» (ТР ТС 033/2013). Требования к продукции молочной отрасли отражены также и в других документах, например, в регламенте «О безопасности пищевой продукции», действующем с 1 июля 2013 года. Ранее российское законодательство разрешало промышленную переработку молока, полученного от коров, инфицированных лейкозом. Однако с введением технического регламента в настоящее время запрещено направлять на переработку молоко от нездоровых животных, а также из хозяйств, которые являются неблагополучными по лейкозу крупного рогатого скота. По оценкам экспертов, стадо в белорусских приграничных регионах является здоровым на 100%. В то же время в отдельных небольших хозяйствах в российской части приграничья сохраняются коровы, инфицированные лейкозом. Поголовье коров в таких хозяйствах сильно сокращается (например, в отдельных районах Псковской области).

Другим примером являются требования к упаковке и перечню указываемой на ней информации, регулируемые в рамках Таможенного союза. Их корректировка зачастую требует замены готовой партии упаковочных материалов, запас которых всегда имеют крупные производители молочной продукции (например, ТнВ «Сыр Стадодубский» (Стародуб, Брянская область), ОАО «Милкавита» (Гомель) и др.).

Отдельный интерес представляют изменения, произошедшие после августа 2014 года, когда Россия объявила о запрете на ввоз отдельных видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия со стороны стран ЕС, США, Норвегии и др. Реэкспорт в Россию из «нежелательных» стран со стороны Беларуси в отсутствие таможенных границ стал достаточно частым явлением. Однако на экономику именно приграничных территорий это оказало ограниченное влияние.

Для розничной торговли в российско-белорусском приграничье интересным стал период активного падения российского рубля в конце 2014 года. Белорусские граждане активно покупали существенно подешевевшие для них товары (например, бытовую технику, электронику), и беспошлинно ввозили их на территорию своей страны. Отметим, однако, что это помогло и пережить пик кризиса многим торговцам в российской части приграничья.

Сферой, для которой также существенны стали интеграционные процессы государственного уровня, является *малое предпринимательство*. Во всех странах Таможенного союза малое предпринимательство выделяется в качестве приоритета государственного регулирования. В настоящее время основной тенденцией развития налогообложения малого предпринимательства является ее унификация, особенно упрощенная система налогообложения. Важность данной сферы подтверждается и достаточно детальной в сравнении с другими направлениями деятельности системой мер для ликвидации барьеров развития малого предпринимательства. Среди них выделяются: а) барьеры взаимного доступа субъектов предпринимательской деятельности на рынок государств-членов. Под этими барьерами подразумеваются фактические препятствия, которые сохранены в странах Союза в нарушение действующих норм договорно-правовой базы Таможенного союза, Единого экономического пространства, Договора о ЕАЭС; б) изъятия из режима свободного взаимного доступа товаров и услуг (официально принятая и согласованная странами Таможенного союза норма-исключение).

Заметим, что для сферы малого предпринимательства важными стали институциональные изменения последних лет, не связанные с образованием Таможенного союза – Указ Президента Республики Беларусь № 222 от 16 мая 2014 г. «О регулировании предпринимательской деятельности и реализации товаров индивидуальными предпринимателями и иными физическими лицами» и Постановление Совета министров РБ №666 от 6 августа 2015 г. «О внесении дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156». Указанные документы, ужесточившие требования для малого предпринимательства в Беларуси, в ряде случаев способствовали

трансграничному «перетоку» малого бизнеса на территорию российской части приграничья.

Обзор институциональных изменений, связанных, прежде всего, с образованием Таможенного союза, показал, что положительный эффект интеграционных процессов – рост внешней взаимной торговли в российско-белорусском приграничье – дополняется и рядом негативных экономических процессов. Социально-демографические последствия (миграции, изменение уровня жизни населения) при этом не столь существенны и преимущественно сопровождают экономические трансформации на территории, связанные с закрытием/открытием новых предприятий и их разной конкурентоспособностью, в том числе на рынке труда; с поиском предпринимателями новых ниш (в том числе территориальных) для развития малого бизнеса.

Основным препятствием для положительного эффекта от интеграционных процессов государственного уровня в развитии российско-белорусского приграничья остаются различные условия для ведения бизнеса в странах-членах Таможенного союза, неунифицированные системы налогообложения, технического регулирования качества и безопасности товаров, различающиеся системы государственной поддержки отраслей экономики в России и Беларуси, особенно агропромышленного комплекса.

Литература

1. Бахлова О.В. Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции / автореферат дисс. ... докт. полит. наук. М., 2007. 42 с.
2. Башмаков А.А. От приграничного сотрудничества к евразийской экономической интеграции: сборник научных трудов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013. 216 с.
3. Бильчак В.С. Теоретические аспекты приграничного экономического сотрудничества на основе интеграционных процессов // Балтийский регион. 2014. №3 (21). С.83-94.
4. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. №3. С. 128-136.
5. Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В. Российско-казахстанское приграничное экономическое сотрудничество в рамках интеграционных процессов Евразийского экономического союза // Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: материалы международной научной конференции (Грозный, 20–25 сентября 2016 г.) / Под общей ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2016. С. 281-286.
6. Межевич Н.М., Рослякова Н.А. Концепция Союзного государства в общей системе евразийских интеграционных процессов // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. Том 6. Вып. 1(18). С. 62-67.

7. Слонимский А.А. Трансграничное предпринимательское сотрудничество: природа, инновационная активность и вклад в региональное развитие // Белорусский экономический журнал. 2013. №2. С. 102-117.

8. Экспертный отчет о Программе Польша – России 2014-2020 Европейского инструмента соседства / М. Козак, А. Плошай, Я. Рок, М. Сметковский. 2013. 122 с.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.Н. Овсейчик

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь
e-mail: 17etazh.vadim@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается межрегиональное сотрудничество как фактор развития приграничного пространства. В частности, рассмотрены особенности межрегионального сотрудничества Пермского края и его соседей в их приграничных областях. Также, проведена типология муниципальных образований Пермского края и его соседей I-го порядка по уровню социально-экономического развития и перспективности их участия в межрегиональном взаимодействии.

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество, приграничное пространство, региональная политика.

Мировая практика развития приграничных территорий показывает, что любые социально-экономические объекты и территориальные общности людей, размещающиеся вблизи различных рубежей (административных, природных, культурных, экономических и пр.), получают стимулирующий эффект развития, используя выгоды соседского положения. Приграничные территории обладают дополнительными характеристиками и возможностями для активизации их социально-экономической жизни[2].

К сожалению, опыт приграничного сотрудничества в России является достаточно ограниченным в силу того, что большинство государственных границ сформировалось относительно недавно, а практика приграничного межрегионального и межмуниципального взаимодействия лимитируется административными, нормативными и иными причинами. В то же время для таких относительно больших по территории субъектов РФ, как Пермский край использование

приграничного фактора могло бы дать новый импульс для изменения сложившейся ситуации.

Цель работы – изучение территориальных социально-экономических и управленческих возможностей муниципальных образований, расположенных в приграничном пространстве Пермского края, для активизации их развития.

Как известно, существуют различные подходы к определению границ, нас интересует, прежде всего, географический подход. Границы в географии – это линии или переходные полосы, разделяющие смежные географические объекты, отличающиеся хотя бы по одному признаку. Главными функциями географических границ являются барьерная и контактная, преодоление барьерной функции географической границы проходит на нескольких уровнях: преодоление природных преград, этнокультурного барьера, соблюдение законов экономической целесообразности, борьба с техногенным загрязнением окружающей среды, создание законодательной базы и механизмов управления и контроля над трансграничной деятельностью[3][6].

Выделяют несколько видов межрегионального сотрудничества в приграничном пространстве: приграничное и трансграничное взаимодействие. Различия между ними заключается, прежде всего, в масштабах взаимодействия. Выделяются следующие территориальные формы приграничного сотрудничества – трансграничные регионы, еврорегионы, треугольники роста, коридоры развития, а также приморские трансграничные зоны[1][4].

Затрагивая особенности функционального развития приграничного пространства Пермского края, следует отметить, что контактная функция преобладает у административных границ региона с Удмуртской республикой и Башкортостаном, а также у юго-восточной границы со Свердловской областью. Барьерная же функция – с Кировской областью, Республикой Коми и на северо-востоке Свердловской области. Функциональные особенности границы определяют соотношение позитивных и негативных аспектов взаимодействия, среди которых исторические, хозяйственные, этнокультурные связи, степень освоенности территории, а также природный фактор[5].

Для изучения особенностей межрегионального взаимодействия Пермского края и его соседей в их приграничных областях была проведена типология (методом интегральной балльной оценки) по уровню социально-экономического развития. Для балльной оценки приграничных муниципалитетов использовались 5 статистических показателей(за 2015 г.):

1. Протяженность автодорог общего пользования местного значения, находящихся в собственности муниципальных образований на конец года. Использование данного показателя является важным, так как

автомобильный транспорт является основным видом в перевозках грузов и пассажиров в большинстве приграничных муниципалитетов. При этом основную роль в развитии межмуниципального взаимодействия должны играть, прежде всего, дороги местного значения. Особенно, их роль увеличивается в тех приграничных районах, где отсутствуют транспортные полимагистралы и наблюдается слабое хозяйственное взаимодействие.

2. Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) за год. Количество вложенных денежных средств, прежде всего, в средства производства продукции (оборудование, здания, машины, земельная собственность и т.д.) во многом определяет, насколько успешно будут развиваться предприятия данного муниципалитета. Кроме того, инвестиции стимулируют не только экономический рост, но и социальную жизнь территорий (рост числа занятых, повышение уровня доходов населения и т.д.).

3. Показатель «Численность населения» отражает то, насколько заселено то или иное муниципальное образование. Как правило, преимущества в развитии получают территории, где проживает большее количество жителей, что обеспечивает достаточную трудовую ресурсную базу и возможности для диверсификации экономики (через развитие сферы обслуживания).

4. Показатель «Расходы на развитие и поддержку малого и среднего предпринимательства за год» отражает количество денежных средств местного бюджета, затраченных на поддержку предпринимательства, которое и является зачастую главной движущей силой межмуниципального и межрегионального взаимодействия;

5. Ввод в действие жилых домов на территории муниципального образования за год – показывает уровень, прежде всего, социального развития территории. Данный показатель важен для населения муниципальных образований, в т.ч. он корреляционно связан с перспективами экономического роста территории.

Таким образом, было выделено 3 типа муниципальных образований Пермского края и его соседей I-го порядка по уровню социально-экономического развития и перспективности их участия в межрегиональном взаимодействии. Наибольшим потенциалом для участия в межмуниципальном приграничном взаимодействии обладают два муниципальных образования: Чайковский район Пермского края и Завьяловский район Удмуртской Республики. Группа из 10 муниципальных образований (среди них 3 относятся к Свердловской области (Нижнетуринский, Кушвинский и Горноуральский городские округа), по 1 – к Башкирии (Янаульский район) и Удмуртии (городской округ Сарапул) и 5 – к Пермскому краю (Чернушинский, Октябрьский,

Верещагинский, Кудымкарский и Чердынский районы) обладает относительно средним потенциалом в данной сфере, большинство же представленных субъектов слаборазвиты в социально-экономическом отношении, соответственно их потенциал в приграничном сотрудничестве крайне слабый.

Также, на основании проведённого исследования выявлены проблемы межрегионального взаимодействия Пермского края. Среди основных проблем: 1) низкий уровень социально-экономического развития большинства муниципальных образований края; 2) постоянный миграционный отток населения; 3) отсутствие чёткого экономического профиля территории; 4) слабо развитая транспортная сеть между соседними территориями; 5) несбалансированная бюджетная и налоговая политика государства.

В заключение, определены некоторые направления совершенствования региональной политики государства в этом отношении, а именно: 1) проведение политики усиления самостоятельности регионов и муниципалитетов в хозяйственном плане; 2) принятие поправок в налоговое и бюджетное законодательство, чтобы регионы и муниципальные образования получали часть налоговых выисканий в пользу местного и регионального бюджета; 3) повышение ответственности крупного бизнеса перед населением; 4) принятие законодательного акта, который бы чётко определял механизмы такого взаимодействия, полномочия органов власти, подробную нормативную процедуру оформления такого рода взаимодействия; 5) реализация крупных проектов, в том числе и с участием иностранного капитала.

Литература

1. Волынчук А. Б. Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. №4. С. 49–55.
2. Колосов В.А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Сер. географ. 2008. № 5. С. 8–20.
3. Корнеевец В.С. Международная регионализация на Балтике: учеб. пособие. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. 207 с.
4. Корнеевец В.С. Международные транснациональные и трансграничные регионы: признаки, особенности, иерархия // Вестник Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2010. №1. С. 27–34.
5. Лучников А.С., Николаев Р.С. Межрегиональное взаимодействие Пермского края и Удмуртской Республики: современное состояние и направления активизации // Вопросы прикладной и региональной географии: материалы всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2014. С. 101–107.
6. Родоман Б.Б. Основные типы географических границ // Географические границы / под ред. Б.Б. Родомана, Б.М. Эккеля. М., 1982. 128 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ АЭС В ЕВРОПЕ

М.Е.Падалка

Курский государственный университет, Курск
e-mail: m.e.padalka@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросам атомной электроэнергетики Европы. Главное место в работе занимает рассмотрение спорных вопросов приграничного размещения АЭС в данном регионе, а также необходимость грамотного экологического обоснования строительства атомных объектов.

Ключевые слова: атомная энергетика, АЭС.

Решение вопросов развития или ограничения использования атомной энергетики в политике, экономике и социальной сфере не может быть осуществлено без учета экологических аспектов, которые государства и общество предъявляют к функционированию действующих и строительству новых атомных электростанций [1]. Необходима при этом объективная оценка выполнения требований безопасности и исключения рисков на атомном объекте. Зачастую развитию атомной электроэнергетики препятствует – несформированность у населения позитивного отношения к атомной энергетике. В современном мире прислушиваются к мнению общественности по поводу строительства новых энергетических объектов.

Безусловным лидером по количеству атомных реакторов является Франция. Их в стране 58, размещенных на 19 АЭС. Более 75% производимой в стране энергии приходится на атомные электростанции.

Часто в СМИ ошибочно полагают, что большинство АЭС Франции расположены вблизи границ соседних государств. На самом деле всего 3 из 19 находятся на границе с Германией. Две из которых (Фессенхайм, Каттеном) прослужили 30-40 лет и требуют полной модернизации. Между Германией и Францией урегулированы отчасти вопросы по поводу приграничного положения АЭС вблизи границ. Однако Германия после аварии на Фукусиме-1 стремительно решила свернуть свои атомные программы в пользу тепловых и альтернативных электростанций. Планируется вывести из эксплуатации все АЭС до 2022 года. По графику ликвидации оперативно были закрыты 7 электростанций начиная с 2011 года. Но по подсчетам специалистов, ликвидация основной части парка АЭС будет стоить 16 млрд евро. Компания RWE, лидер в стране по производству электроэнергии, назвала другую сумму расходов: от 250 до 300 млрд евро. Затем компания Siemens сообщила, что полная ликвидация объектов и создание новых видов электростанций обойдется в 1,7 трлн

евро. После таких подсчетов наступило затишье в обсуждении перспектив атомной отрасли.

Вопрос об устаревших АЭС постоянно поднимается в Европейском парламенте. Например, по словам депутатов от партии зелёных, «французские АЭС находятся неподалёку от Германии, Бельгии, Швейцарии, Люксембурга. Поэтому речь идёт не только о безопасности Франции, а фактически о безопасности всей Европы. Ведь в случае аварии последствия будут катастрофичны для многих стран».

Премьер-министр Люксембурга в 2015 году поднял вопрос об АЭС «Каттеном», находящейся у самой границы Люксембурга и имеющей длительный срок эксплуатации в 30 лет. Внятного ответа от французской стороны не последовало.

Но правительство Франции намерено продолжать развитие атомной энергетики. Министр экологии Франции считает, что следует заменить устаревшие и отработавшие свой срок АЭС на новые, более совершенные.

Литва и Белоруссия давно спорят между собой по поводу АЭС в Островце. Литовская сторона в очередной раз заявила о несоответствии этого проекта требованиям оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (ОВОС) в рамках международной Конвенции Эспо. Белорусская АЭС в городе Островце расположена всего в 30 километровой зоне от литовской границы. Этот факт совершенно не устраивает литовское правительство. В 2010 году на слушаниях в Вене о строительстве белорусской АЭС шла речь о том, что реализация проекта невозможна из-за отсутствия полного анализа влияния станции на окружающую среду и последствий тяжелых аварий, например, падения самолета. Не была также определена перспектива хранения отработанного ядерного топлива и радиоактивных отходов. Литва вполне может ответить Белоруссии на нежелательную стройку своим новым проектом по строительству АЭС в городе Висагинас. Этот город расположен всего в 2 километрах от границы с Белоруссией. Пока вопрос о строительстве новой АЭС в Литве находится на стадии дебатов [2].

В 2016 году власти приграничных с Бельгией коммун в Германии, Нидерландах и Люксембурге потребовали закрыть второй блок реактора АЭС «Тианж» на территории Валлонии. Соседние государства обеспокоены техническим состоянием станции. Предполагают, что на «Тианж-2» в последнее время имели место инциденты, которые классифицируются как потенциально опасные. Речь идёт о поломках комплектующих, последствием которых часто становилась автоматическая остановка реактора. Состояние корпуса станции вызывает опасения, мониторинговая группа выявила на стенках реактора многочисленные трещины. Федеральное агентство Бельгии по ядерной безопасности никак на протесты не отреагировало. В агентстве продолжают заявлять, что реакторы отвечают самым высоким требованиям безопасности и не

являются источником угрозы. Электростанция «Тианж» эксплуатируется около 35 лет и требует полной модернизации или замены на новую АЭС.

Существуют определенные санитарные нормы строительства атомных объектов, но для каждой страны они принимаются на уровне государственных стандартов. В Европе выявились свои проблемы связанные со строительством АЭС. В таких весьма густонаселенных странах, как Бельгия, Швейцария или некоторых районах Германии и Швеции удобные для постройки территории являлись весьма густонаселенными. Например, в Бельгии находится атомная электростанция Дул. В радиусе 75 км от нее проживает свыше 9 миллионов человек, что превышает население одного из самых густонаселенных городов Европы - Лондона и в случае аварии чревато ужасными последствиями. Во Франции территория позволяет строительство электростанции в менее заселенных районах.

Почти 30% атомных электростанций Европы расположены в приграничной зоне. В среднем расстояние составляет 30-50 км от границ соседних государств. В основном европейские государства, граничащие с АЭС, недовольны устаревшими реакторами, сроком эксплуатации. Если же страны-обладатели атомного объекта проведут полную модернизацию и докажут возмущающейся стороне безопасность своей станции, то недовольных станет гораздо меньше.

В вопросах атомной электроэнергетики очень важна подготовка населения, прежде всего, к грамотной, а не только к эмоциональной оценке политики в области атомной энергетики. Позитивные аспекты атомной энергетики зачастую слабо доводятся до общественности [3]. Мы считаем, что необходимо доводить до населения достоверную информацию об атомных объектах с учетом рисков, связанных с хранением и утилизацией отработанного топлива, освоением месторождений, устранением негативного воздействия на окружающую среду и людей.

Литература

1. Васильев А.С., Шегельман И.Р., Щукин П.О. Экологические аспекты развития атомной энергетики // Инженерный вестник Дона. Петрозаводский государственный университет. 2013. № 3 (26). С.46-
2. Литва и Беларусь разошлись во взглядах в Островце //Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://www.nv-online.info/by/397/politics/66509/> - Загл с экрана. - Яз. рус. (Дата обращения: 29.04.17)
3. Понукалин А.А. Стратегия социального управления развитием атомной энергетики: дисс. канд. социол. наук. Саратов, 2004. 167 с.

РАЗЛИЧИЯ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РЫЛЬСКОГО И ГОРШЕЧЕНСКОГО РАЙОНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИТОГАМ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ VII СОЗЫВА

Е.А. Пьяных

Курский государственный университет, Курск
e-mail:pyanykh1994@mail.ru

Аннотация. В данной работе раскрываются основные черты электоральных предпочтений населения Горшеченского и Рыльского районов Курской области по итогам выборов депутатов Годумы 2016 года.

Ключевые слова: Курская область, население, выборы, электорат, итоги голосования, политическая партия.

Долгое время территория Курской области входила в так называемый «Красный пояс», население которого отдавало большинство своих голосов за коммунистические партии и их представителей. В 21 веке электоральные предпочтения курян на думских выборах изменились. В период с 2000 по 2016 год в России четыре раза проходили выборы в Государственную Думу Российской Федерации. По их итогам как правило абсолютное большинство голосов получала партия «Единая Россия».

Главной целью данной работы является выявление различий в электоральных предпочтениях районов Курской области с разными социально-экономическими условиями.

Для сравнительного анализа были взяты Горшеченский и Рыльский районы Курской области.

Горшеченский район – муниципальное образование в пределах территории Курской области, объединяющее 15 сельских поселений, 1 городское поселение [1]. Район расположен в восточной части области и граничит с территориями Белгородской и Воронежской областей. Плотность населения района на 2016 год составляет 11,7 чел./км². Численность сельского населения 66 %, что является самым высоким показателем среди восточных районов области.

Рыльский район — муниципальное образование на западе Курской области [6]. Рыльский район состоит из одного городского поселения и 16 сельских поселений. Район граничит с Сумской областью Украины. Плотность населения района на 2016 год 21 чел./км². Численность городского населения данного района составляет 51 %, что в свою очередь является самым высоким показателем среди западных районов области.

Выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII созыва состоялись на территории всей России 18 сентября 2016 года в единый день голосования [2].

Активность избирателей на выборах депутатов Государственной Думы в 2016 году на территории Курской области составила около 48 % от общего числа избирателей. Среди областей Центрально-черноземного района данный показатель оказался самым низким.

В целом по Курской области в 2016 году всего 3 партии набрали более 5 % голосов. Это Всероссийские политические партии: «Единая Россия» набравшая практически 53 % голосов от общего числа, Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) набравшая 16 % и политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) которая набрала 13 % голосов. Число проголосовавших за партию «Справедливая Россия» составило не многим менее 5 %. Партии: «Гражданская сила», «Партия роста», «Партия народной свободы», «Гражданская платформа» и экологическая партия «Зеленые» по итогам выборов набрали в своем активе менее процента голосов. Так же следует отметить, что «Патриоты России» набрали чуть более 2,5 %, а политическая партия «Коммунисты России» немногим более 3,5 %.

Исходя из анализа данных по Горшеченскому и Рыльскому районам Курской области об итогах выборов депутатов Государственной Думы Российской Федерации Федерального Собрания седьмого созыва, можно сделать вывод о том, что электоральные предпочтения населения Рыльского и Горшеченского районов довольно значительно отличаются друг от друга. Эти различия хорошо просматриваются при анализе количества голосов, отданных за партии, набравшие более 5% голосов.

Политическая партия «Единая Россия» в Горшеченском районе набрала практически 70 % голосов, тогда как в Рыльском намного меньше, всего около 52 % (рис.1.).

Количество голосов отданное за партию "Единая Россия"

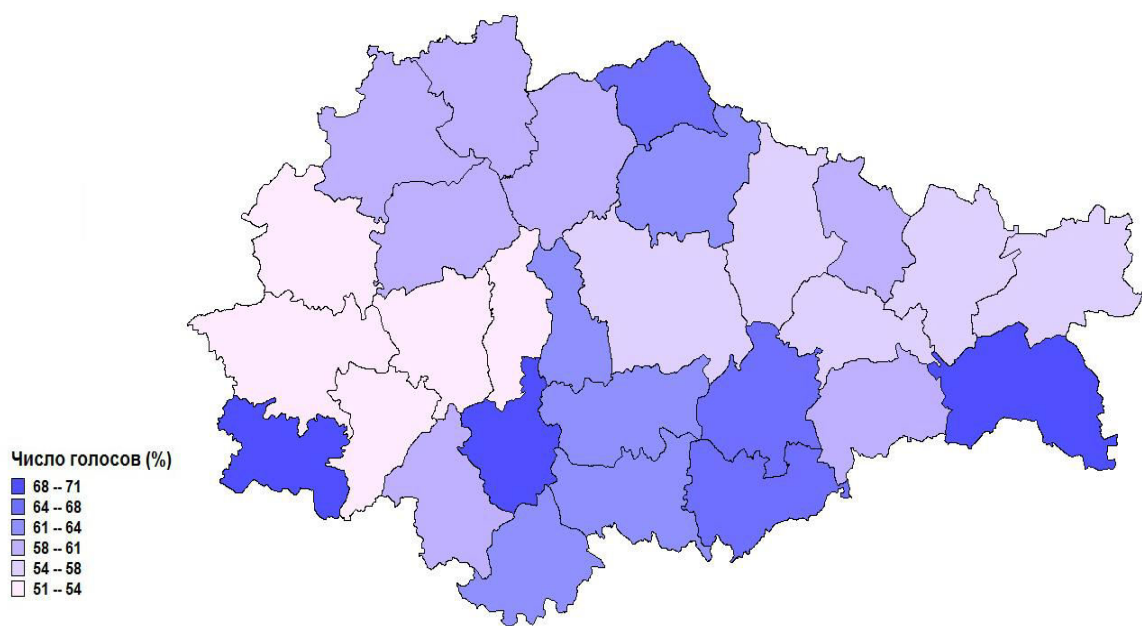

Рис.1. Количество голосов, отданное за «Единую Россию»

Обратная тенденция наблюдается в голосовании за ЛДПР и КПРФ, в Рыльском районе эти партии поддержало большее количество избирателей чем в Горшеченском. За либералов в Горшеченском районе проголосовало примерно 10 % избирателей, а вот в Рыльском практически 15 %. Горшеченцы за Коммунистическую партию Российской Федерации так же отдали меньшее количество голосов – около 10 %, на территории Рыльского района партия набрала более 15 % голосов (рис.2.).

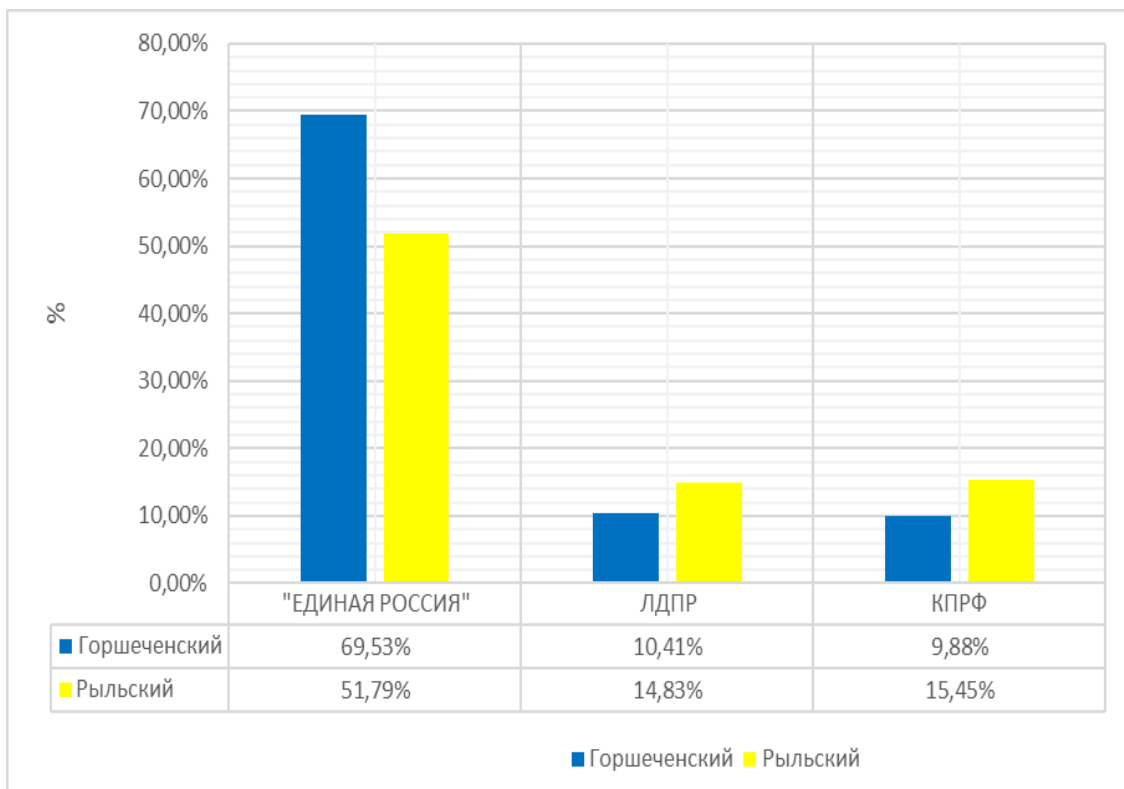

Рис.2. Партии, набравшие более 5 % голосов

Партия «Родина» по Горшеченскому району набрала 0,5 % голосов, в Рыльском немногим более 1 %.

Коммунистическая партия «Коммунисты России» в Рыльском районе получила чуть менее 5 % голосов избирателей, в Горшеченском практически в 2 раза меньше.

Политические партии «Гражданская платформа», ПАРНАС, «Гражданская сила» в обоих районах оказались довольно непопулярными, не набрав даже половины процента.

Партии «Яблоко», «Партия роста», экологическая партия «Зеленые» в Рыльском районе набрали более 0,5 %, но менее 1%. По Горшеченскому району эти партии и партия «Патриоты России» получили менее 0,5 %.

«Российская партия пенсионеров за справедливость» в Горшеченском районе получила поддержку примерно 1% населения, в Рыльском около 1,5 %.

«Патриоты России» в Рыльском районе получили большею поддержку чем в Горшеченском набрав 2 % (рис.3.).

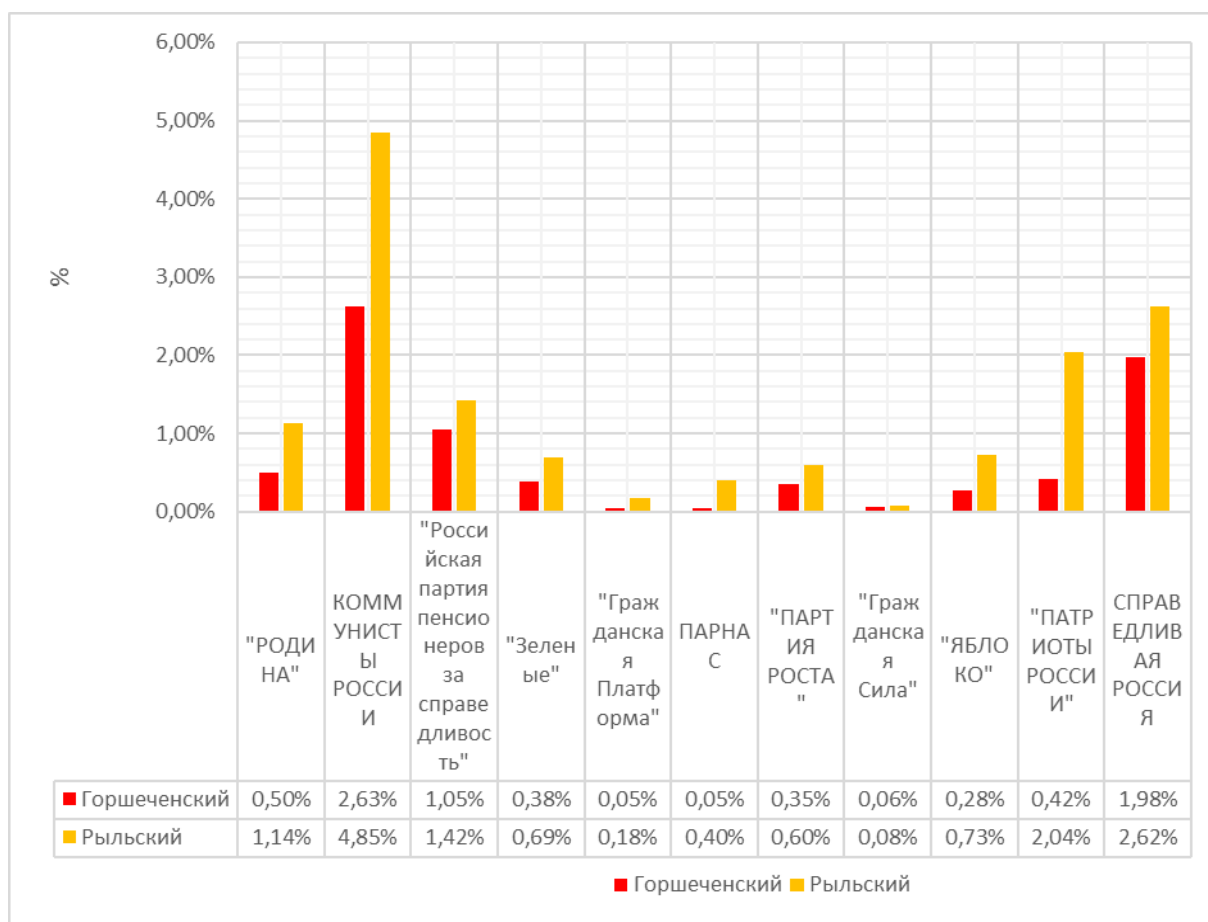

Рис.3. Партии, набравшие менее 5 % голосов

«Справедливая Россия» набрала по Горшеченскому району практически два процента голосов. В Рыльском за данную партию проголосовало 2,5 % населения.

Данная разница в электоральные предпочтения районов главным образом связана с тем, что в пределах сельских территорий, как правило, менее активно ведется предвыборная агитация за партии имеющие более слабые политические позиции. Так же важным фактором является половозрастная структура. Население пенсионного и предпенсионного возраста, которое в Рыльском районе наиболее многочисленно нежели в Горшеченском более консервативно в своих политических взглядах. Более молодое население, как правило, в большей степени подвержено воздействию агитационной деятельности тех или иных политических партий. А многие из них голосуют за «Единую Россию» в виду того, что им не было предоставлено достойной альтернативы.

Литература

1. Администрация Курской области [электронный ресурс] // режим доступа: <http://adm.rkursk.ru/> (дата обращения: 09.02.17).
2. Избирательная комиссия Курской области [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.kursk.izbirkom.ru/> (дата обращения: 03.02.17).

3. Сидоренко А.А. (Ред.) Эволюция электорального ландшафта. 2005 г, 168 с.
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области [электронный ресурс] // режим доступа: <http://kurskstat.gks.ru/> (дата обращения: 11.02.17).
5. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 25.01.17).
6. Муниципальный район «Рыльский район» Курской области [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.rylskraion.ru/> (дата обращения: 19.02.17).

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

В.А. Сапрыка

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, Белгород*
e-mail: sapryka@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены процессы трансформации моделей приграничного взаимодействия в российско-украинском приграничье. Дается концептуальное обоснование приграничного сотрудничества с точки зрения теории регионализма. Выделены особенности развития приграничных территорий, влияние факторов барьерности и контактности на выбор модели приграничного взаимодействия. Определены основные элементы приграничного взаимодействия как системы, определяется их влияние на выбранную модель приграничного взаимодействия.

Ключевые слова: приграничье, модели приграничного взаимодействия, граница

Развитие приграничных регионов заметно отличается от центральных, внутренних регионов страны, что в свою очередь заставляет использовать специфические механизмы и методы управления характерные только для приграничных территорий. Эту особенность развития приграничных территорий отражает множество факторов, так Л.И. Попкова отмечает, что удаленность приграничных регионов от центра ослабляет и государственную идентичность, что на наш взгляд, ведет к усилению барьерной функции границы со стороны «центра»[1].

Рассматривая российско-украинское приграничье в постсоветском хронотопе, стоит отметить, что за относительно небольшой промежуток социального времени отмечается процесс трансформации моделей приграничного взаимодействия. Так, когда-то общее социокультурное пространство было разъединено государственной границей, затем процессы государственного становления привели к использованию форм и

моделей приграничного сотрудничества, таких как еврорегионы, и после 2013 года процессы взаимодействия в приграничных регионах приобрели даже конфликтный характер[2]. Российско-украинское приграничье, имеет большое число признаков отличающих его от приграничных территорий других государств, это касается новообразованных государственных границ, которые ранее рассматривались только как формальные разделительные линии, проведенные для удобства административного управления [3]. Приграничное взаимодействие и сотрудничество является достаточно новым для России элементом внешних связей регионов, именно поэтому данную проблематику нельзя отнести к достаточно изученным. Практика развития и эволюции межрегиональных и приграничных взаимодействий регионов после распада СССР развивалась так быстро, что научная общественность существенно запаздывала с теоретическим осмыслением протекающих процессов, разработкой терминологии и т.д. Даже в настоящий момент в российской научной общественности нет четкого понимания и разграничения таких понятий как межрегиональное взаимодействие, приграничное сотрудничество, приграничное взаимодействие, трансграничное сотрудничество. Копирование европейских подходов, учитывая существенную разницу европейского и российского, а сейчас и евразийского регионализма, не может быть обосновано.

Особенности развития приграничных территорий, влияние факторов барьерности и контактности нашло отражение в нижеперечисленных тезисах:

1. Приграничный регион осуществляет свою деятельность в рамках модели «центр-периферия», каждый регион закодирован на связи с центром. В этом есть свой минус, т.к. на горизонтальные связи другими регионами остается меньше ресурсов.

2. Бюрократизм со стороны чиновников, большое количество ограничений, которые затрудняют социально-экономическое развитие приграничного региона, слабая заинтересованность органов исполнительной власти содействия развитию приграничного сотрудничества.

3. Геополитическая и политическая составляющая, примат национальной независимости в ущерб экономической интеграции.

4. Факторы, стимулирующие развитие конфликтов в приграничных зонах: взаимные или односторонние претензии, возникшие на уровне международных (межгосударственных) отношений.

5. Высшей формой приграничного взаимодействия является приграничное сотрудничество, направленное на всестороннюю интеграцию приграничных регионов.

Основными элементами приграничного взаимодействия как системы, на наш взгляд, будут:

- социальное взаимодействие;
- экономическое взаимодействие;
- геополитическое взаимодействие;
- трансформационное взаимодействие.

Социальное взаимодействие состоит из следующих отношений, возникающих на приграничной территории:

- культурно-бытовых отношений;
- информационно-коммуникационных отношений;
- миграционно-демографических.

Экономическое взаимодействие состоит из отношений:

- отношения в получаемых благах и услугах;
- взаимодействие субъектов хозяйственной деятельности;
- кооперацию производительных сил.

Геополитическое взаимодействие включает в себя:

- политическое взаимодействие;
- нормативно-правовое регулирование;
- взаимодействие «больших пространств» (цивилизаций) на узком

участке границы.

Трансформационное взаимодействие охватывает:

- преобразование природной среды или создания более доступных или преобразованных материальных объектов или их состояний в объекты потребления (материальные блага) и их перемещение;

- преобразования человеческих знаний и создание культурных ценностей и благ, оказание услуг (обучение);

- управление, распоряжение, планирование, организация деятельности людей.

Отмеченные виды приграничного взаимодействия влияют на выбор модели приграничного взаимодействия между регионами, с другой стороны на выбор модели влияют и заинтересованные участники приграничного взаимодействия. Так, население приграничных регионов стремится к максимальному ослаблению барьерной функции границы, тогда как органы государственной власти заинтересованы в безопасности границ, что в свою очередь ведет к ограничению контактной функции.

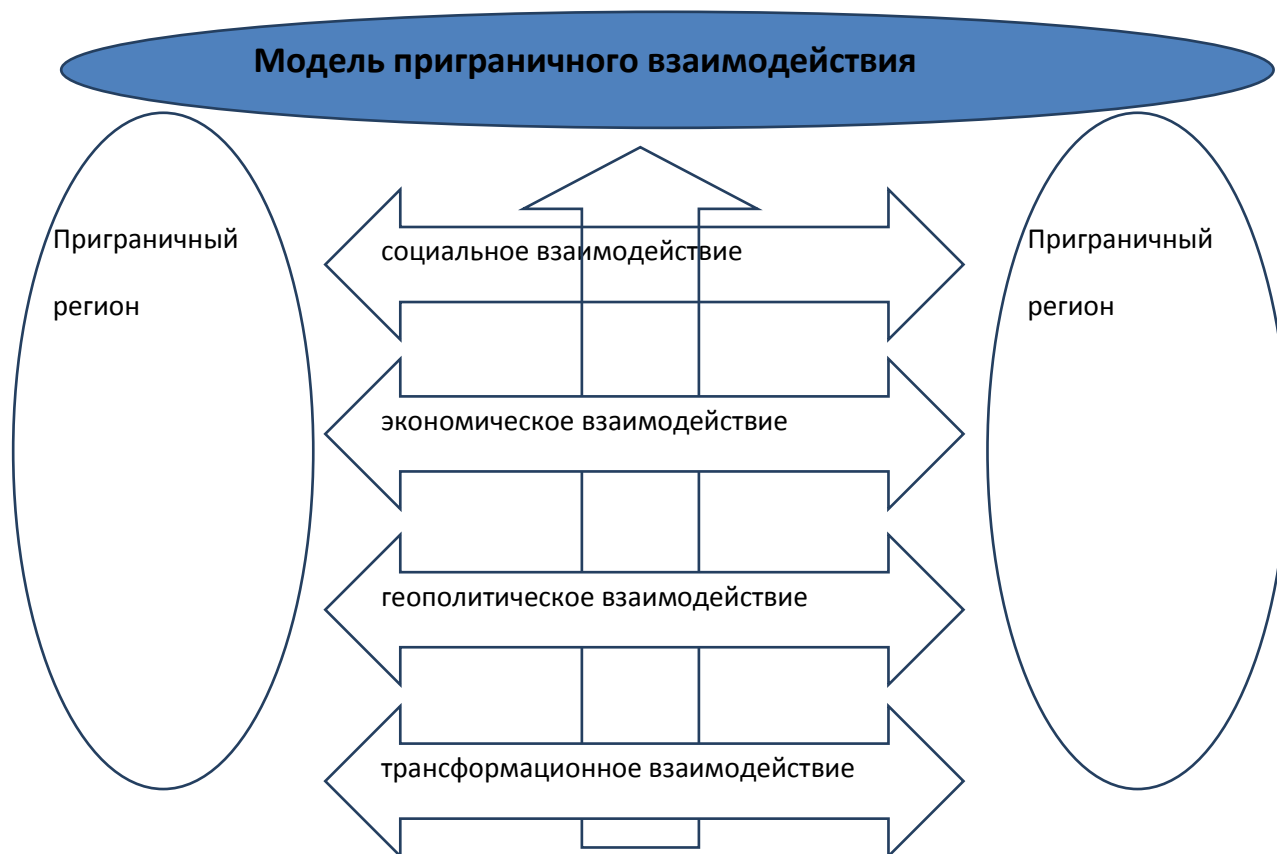

Рис.1. Модель приграничного взаимодействия

В этой связи, избираемые модели приграничного взаимодействия регионов зависят от функции границы, системы государственного управления и местного самоуправления, развития гражданского общества, а так же характера взаимодействия населения. В системе приграничных регионов данные модели приобретают институциональные функции и в дальнейшем они могут превратиться в социальный институт, обеспечивающий планомерное развитие социума с двух сторон границы. Рассматривая процессы трансформации моделей приграничного взаимодействия, стоит отметить, что таким институтом могла стать модель еврорегиона, которая активно внедрялась на всей территории российско-украинского приграничья. Так, возникшая в Украине сеть еврорегионов, основной задачей которых, по мнению А. П. Голикова, П. А.Черномаза, являлось налаживание эффективного межрегионального приграничного сотрудничества Украины как со странами ЕС на западных рубежах, так и с Россией — на восточных, не смогла стать таким институтом. И хотя данная модель формально продолжает связывать приграничные регионы России и Украины, в тоже время мы можем отметить ее консервацию на данном этапе социального времени. Модели приграничного взаимодействия, реализующиеся в приграничье в настоящее время, не

имеют ни формального признания, ни нормативно-правового обеспечения, что естественно связано со сложной социально-политической ситуацией в Украине. С одной стороны, присутствуют модели отчуждения и конфликтности со стороны северо-восточных регионов Украины (Черниговская и Сумская области), модель осторожного соседства (Харьковская область) и модель квазиинтеграции (непризнанные республики ЛНР и ДНР). Однако, отметим, что представленные модели являются неустойчивыми и требуют более тщательного исследования и обоснования.

Таким образом, процесс трансформации моделей приграничного взаимодействия в российско-украинском приграничье продолжается и зависит как от глобальных геополитических факторов, в частности развития европейского и евразийского регионализма, так и от способности населения сохранить уникальный социокультурный ландшафт от разрушающей его барьерной функции границы.

Литература

1. Попкова Л.И. Методика исследования населения приграничных территорий // В сборнике: Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития сборник материалов международной научной конференции. 2016. С. 57-64.
2. Айриян Р. С. Холодная война: прошлое или настоящее? // Новое прошлое / The New Past. 2016. №3 С.160-162.
3. Пастюк А. В. Фронтиры культурно-цивилизационной идентичности приграничных регионов России и Украины // КПЖ. 2015. №4-1 С.436-440.
4. Голиков А. П., Черномаз П. А. Украинско-российский еврорегион «Слобожанщина» как форма межрегиональной интеграции // Евразийская Экономическая Интеграция. 2014. №2 (23) С.85-98.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ РЫНКОВ НА РАЗВИТИЕ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Н.М. Сысоева

*Иркутский научный центр СО РАН, Иркутский государственный
университет, Иркутск
e-mail: syssoeva@oresp.irk.ru*

Аннотация. Современное развитие Байкальского региона обусловлено рядом факторов, среди которых важнейшими являются богатый природный потенциал и близость к странам АТР. В системе внешних рынков регион является поставщиком сырья и полупродуктов, что усугубляется федеральной политикой по наращиванию вывоза углеводородов из региона по экспортным трубопроводам без первичной переработки. Стагнирование перерабатывающих отраслей,

сопровождается оттоком населения, снижает конкурентные преимущества приграничных территорий, разрывая экономическое пространство страны и усиливая автономность Дальнего Востока с его ориентацией хозяйственных связей на Восточную Азию.

Ключевые слова: Байкальский регион, районирование, сырьевая специализация, экономическое пространство, внешние рынки.

Экономическое районирование территории страны, регулирующее пространственные рамки отдельных стратегий или программ, связано со стратегическим планированием и является его информационной основой. Байкальский регион, включающий в себя Иркутскую область, Республику Бурятия и Забайкальский край, впервые стал объектом стратегического планирования в пространственной политике страны в 2009 г., когда создавались Стратегия и Программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона, предполагавшие наращивание экономического потенциала в геополитически важных для страны восточных регионах на основе государственной поддержки инвестиционной деятельности. Программа должна была продолжить предыдущую, «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», куда Иркутская область не входила.

Несмотря на то, что понятие Байкальского региона является сравнительно новым в официально признанном экономическом районировании, территория в сходных границах выделялась и ранее (см. напр., [1]). Само название Байкальского региона в последние годы применялось достаточно часто и было связано с развитием экологических идей в организации хозяйственной жизни [2]. Территория вокруг оз. Байкал стала одним из первых в стране полигонов для разработки программ экологически ориентированного природопользования. Благодаря такой предистории Байкальский регион в системе государственного планирования уже не воспринимался как нечто новое.

Однако принципы объединения Иркутской области с Забайкальем так и не прояснены. Здесь не существует единого хозяйственного комплекса или интенсивных производственных связей – это три разрозненных экономики, которые объединяет только инфраструктура федерального уровня. Энергетика как основа районообразования в советской теории районирования также не является единой ни по источникам генерации, ни по тарифам. Если предположить, что районирование базируется на экологических ограничениях хозяйственной деятельности человека, вызванных выделением Байкальской природной территории на основании Федерального закона «Об охране озера Байкал» [3], тогда в эту зону не попадает Забайкальский край.

По нашему мнению, присоединение Иркутской области к восточным соседям сигнализирует о некоторой смене принципов районирования в

современных условиях. Причина этого присоединения – не тип хозяйственного комплекса, не озеро Байкал, а близость к Азиатско-Тихоокеанскому региону, точнее, к Китаю и Монголии. В названной стратегии территория Байкальского региона, так же как и Дальнего Востока, идентифицирована в системе внешних рынков. Байкальский регион находится на перекрестке транспортных артерий, связывающих западную часть страны и Сибирь с Дальним Востоком, а также Сибирь с южными соседями – Китаем и Монголией.

Иркутская область, которая в советское время была форпостом индустриального продвижения на восток страны в рамках единой хозяйственной системы, теперь превращается в форпост продвижения стран АТР на запад по территории России. Так, в Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востоком Китайской Народной Республики, разработанной в 2009 г., Восточная Сибирь заканчивается Иркутской областью [4].

Смена производственного принципа районирования на рыночный естественна при смене системы хозяйствования, но целью такого районирования в любом случае должно оставаться развитие регионов и национальной экономики, а не соблюдение интересов игроков глобального рынка. Эти задачи экономического и геополитического характера ставились и упомянутой Стратегией. Однако возможности развития регионов в условиях высокой степени зависимости от внешних рынков не являются безусловными.

Риск оказаться сырьевым хинтерландом для растущих экономик АТР существует и для сибирских регионов России, судьбу которых внешний рынок определяет в большей степени, чем внутренний. В связи с этим огромное значение имеет сложившиеся к настоящему времени условия развития Байкальского региона, обусловленные его внутренней интеграцией и конкурентоспособностью в системе мировых рынков. И судьба Байкальского региона как объекта стратегического планирования отражает множество проблем, связанных с формированием пространственной политики государства в современных условиях и обусловленных как местоположением региона, так и общими факторами и тенденциями взаимоотношений с соседними странами.

Субъекты федерации, входящие в Байкальский регион различны по уровню развития. Валовый региональный продукт Иркутской области превышает ВРП Забайкальского края в 4 раза, а Бурятии – в 5 раз. Бурятия и Забайкальский край значительно уступают Иркутской области и по доле промышленности в структуре валового регионального продукта. При этом Бурятия и Забайкальский край являются приграничными территориями, которые всегда имеют преимущество за счет использования ресурсов взаимодействия со смежными областями других государств и чаще всего

опережают в развитии районы, не примыкающие к границе. В Бурятии и Забайкальском крае этот потенциал не используется в полной мере, хотя здесь большее развитие, по сравнению с Иркутской областью, получило малое предпринимательство. Все три субъекта РФ характеризуются сравнительно высоким уровнем оттока населения.

Байкальский регион сегодня и еще многие годы останется регионом преимущественно сырьевой специализации, природно-сырьевой базой для экономически более развитых экономик в стране и за рубежом. Регион обладает не только широким спектром полезных ископаемых, способных обеспечить практически любое комплексное производство с использованием продуктов переработки, но и уникальными запасами отдельных видов минерального сырья, по своему объему и качеству выходящими в лидеры не только в стране, но и в мире. Эта уникальность делает регион заложником общефедеральных программ, связанных с внешней торговлей. Основные связи с глобальными рынками идут от горнодобычи и производств полупродуктов (пиловочник, целлюлоза, рудные концентраты, поливинилхлорид и т.д.) через структуры вертикально-интегрированных корпораций.

При богатстве Иркутской области залежами углеводородов (нефть, конденсат, природный газ) забайкальская часть региона не может рассчитывать на диверсификацию энергетических источников и снижение тарифов. Основные проекты по экспорту углеводородов (Восточная Сибирь – Тихий океан, «Сила Сибири») разработаны и осуществляются в обход Забайкалья, у которого нет других перспективных источников энергоресурсов. При этом расположенный в Иркутской области нефтеперерабатывающий комбинат, снабжающий топливом значительную часть Сибири и Дальнего Востока, использует сырье, поступающее из Западной Сибири и Красноярского края, в то время как собственные месторождения Иркутской области поставляют нефть в магистральный трубопровод на экспорт в страны АТР. Крупнейшее в Сибири Ковыктинское газоконденсатное месторождение, которое будет подключено к газопроводу «Сила Сибири» на втором этапе его строительства, находится всего в 400 км от крупнейшего в Восточной Сибири химического комплекса, расположенного в той же Иркутской области, однако поставка газа для него не входит в планы «Газпрома», хотя подобные проекты разрабатывались областью с советского периода. Природный газ месторождений содержит множество примесей, включая гелий, служащих ценным химическим сырьем, которое по планам «Газпрома» должно перерабатываться на Дальнем Востоке у границы с Китаем на новом газохимическом предприятии.

В Забайкалье остро стоит проблема характера эксплуатации природных ресурсов на предприятиях с китайским капиталом (к примеру, освоение Нойон-Тологойского полиметаллического и Березовского

железорудных месторождений), когда не ясны конечные результаты и выгоды для территории [5]. В числе проблем, которые возникают на данной территории, вследствие сотрудничества с Китаем – экологические, в том числе и на побережье оз. Байкал, где возникают планы создания крупных баз отдыха для граждан из стран Азии.

Для укрепления экономики и устойчивого развития региона необходимо развитие перерабатывающих отраслей, создающих возможности оставления на территории большей доли добавленной стоимости. Однако для вертикально-интегрированных объединений и государственных корпораций предприятия Байкальского региона являются периферийными, и у них нет стремления повышать уровень переработки ресурсов. Собственных источников капитала в регионах нет, и отсутствуют механизмы его накопления.

Слабая интегрированность экономик субъектов Байкальского региона увеличивает шансы на их «раздельное» существование в рамках федеральной пространственной политики. Действующая программа развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2018 г. должна завершить проекты предыдущей программы, которая распространялась только на Забайкалье. В условиях экономической депрессии при проектировании трехлетнего бюджета Министерство финансов предполагает уменьшить финансирование этой программы в 20 раз [6], при этом приоритетные проекты программы относятся к Дальнему Востоку, где формируются территории опережающего развития, призванные активизироваться экономические связи со странами АТР на новой институциональной основе. В системе внешнеполитических связей Байкальский регион сможет удерживать свои позиции только за счет высокоприбыльных ресурсных проектов, которые будут усугублять зависимость территории от конъюнктуры внешних рынков и политических отношений с соседями.

«Раздельное» существование Прибайкалья и Забайкалья в системе стратегического планирования (восприятие Иркутской области как части Ангаро-Енисейского региона) при повышенном внимании федерального центра к Дальнему Востоку может привести к «выпадению» Забайкалья из системы приоритетов национальной пространственной политики и превращению его в сырьевой хинтерланд Китая с соответствующими последствиями для перспектив экономического развития, усиления депрессивных тенденций и оттока населения. Такая потеря Забайкалья приведет к провалу в системе единого экономического пространства и разрушению «моста» между основной частью России и Дальним Востоком. Это существенно усложнит развитие самого Дальнего Востока, увеличив его автономность и усилив его связи не с метрополией, а со странами Восточной Азии, что также может привести к усилению

отрицательной миграции в этом геополитически важном макрорегионе России.

Стратегические задачи, стоящие перед Байкальским регионом, во многом обусловлены географическими факторами и включают следующее:

– повышение внутренней интегрированности экономики для устойчивого развития и укрепления геополитического положения региона в системе внешних рынков, а также для повышения устойчивости межрегиональных связей и единства общенационального экономического пространства в качестве моста между восточной и западной частью страны;

– модернизация и расширение промышленного потенциала с опорой на добывающую промышленность как основной специализации в рамках международного и межрегионального разделения труда; повышение степени переработки добываемого сырья с выходом на расширение специализации; расширение спектра потребительских отраслей промышленности;

– активизация человеческого потенциала территории, расширение возможностей самореализации членов регионального сообщества для прекращения оттока населения и особенно молодежи;

– сохранение природного капитала территории как ее конкурентного преимущества за счет расширения сфер деятельности средозащитного характера и экологически ориентированного природопользования.

Литература

1. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. – М.: «Мысль», 1969. – 336 с.

2. Тулохонов А.К. Байкальский регион: Проблемы устойчивого развития. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма Российской Академии наук, 1996. – 208 с.

3. Об охране озера Байкал: федер. Закон Рос. Федерации от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ // Российская газета – 1999 – 12 мая.

4. Кулешов В.В., Атанов Н.И., Безруков Л.А., Коржубаев А.Г., Малов В.Ю., Санеев Б.Г., Сысоева Н.М. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока . – 2010. – № 6. – С. 62–69.

5. Минерально-сырьевой сектор Азиатской России: как обеспечить социально-экономическую отдачу / под ред. акад. РАН В.В. Кулешова – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. – 352 с.

6. Расходы России застынут на три года // Ведомости. – № 4105. – 29 июня 2016 г.

КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

А.В. Третьяков¹, В.М. Кузьмина²

¹ *Курский государственный университет, Курск*

² *Юго-Западный государственный университет, Курск*

e-mail: Kuzmina-violetta@yandex.ru

Аннотация. Культурное сотрудничество России и Латинской Америки занимает особое место в двусторонних отношениях. Такое взаимодействие всегда укрепляло связи и сближало народы. Контакты в культурной сфере обогащали российско-латиноамериканские отношения, придавали им теплую, дружественную атмосферу. Различие в традициях и географическая удаленность наших стран несколько не отдаляют Россию и страны Латинской Америки друг от друга, а, наоборот, вызывают взаимный интерес и стремление развивать сотрудничество. Большое внимание в двусторонних связях России и Латинской Америки уделяется взаимопроникновению культур, когда жители двух стран имеют возможность практически «из первых рук» познакомиться с культурным наследием, узнать больше об обычаях и традициях, отыскать точки соприкосновения.

Ключевые слова: сотрудничество, страны Латинской Америки, культура.

Между Россией и Латинской Америкой в начале XX в. устанавливались связи в области культуры и искусства. В частности, в Латинской Америке гастролировали такие выдающиеся деятели российского искусства, как певец Ф. Шаляпин и балерина А. Павлова.

Культурные и научные связи России и Бразилии имеют давнюю и богатую историю. Начались они еще раньше, чем были установлены официальные дипломатические отношения между двумя странами, и, в отличие от официальных, никогда не прерывались. За 200-летнюю историю знакомства эти связи вместили в себя научные экспедиции, совместные культурные и научные проекты, выставки и т.д. Свои впечатления и воспоминания о Бразилии оставили такие яркие и значимые в русской культуре и науке фигуры как Г. И. Ланпдорф, А.С. Ионин, Ф.И. Шаляпин, И.Г. Эренбург, Н.И. Вавилов, И.А. Моисеев и др.

Несмотря на географическую отдаленность стран, культурные связи развиваются достаточно активно. Укреплению традиций культурного сотрудничества способствуют проведение в России фестивалей иbero-американской культуры, растущее число артистических коллективов, выезжающих на гастроли в Латинскую Америку, организация там

художественных выставок, недель российского кино, дней российской культуры [1].

Крупными проектами культурного сотрудничества стали открытие в Бразилии первой и единственной пока зарубежной школы Государственного академического Большого театра (город Жоинвиль) и музыкальной школы им. П.И.Чайковского (город Форталеза) при содействии Московской консерватории. В Москве ежегодно проводится фестиваль бразильского кино, в 2013 г. открылся Бразильский культурный центр, где также регулярно проводятся лекции, концерты, семинары и другие мероприятия.

Школа Большого театра имеет стратегическое значение в отношениях между Бразилией и Россией. За 15 лет своего существования, более тысячи учеников репетировали в залах имения размером 6 тысячи квадратных метров, в Joinville. Десятки бразильских студентов уже сделали курс обмена в Москве, в то время как многие танцовщики, преподаватели и русские музыканты побывали в Santa Catarina. В этом году в школе насчитывается 283 студента в 15 бразильских штатах, а так же три аргентинских студента. Из них 95% присуждаются стипендии [2].

Сотрудничество в области культуры - важный инструмент, для того, чтобы расширять взаимное представление и интеграцию между бразильскими и русскими народами. Мы реализовали «Дни Бразилии» в России, которые обладали различной культурной активностью и были превосходно приняты между жителями Москвы и Санкт-Петербурга. В такой же форме, в конце прошлого года, Россия реализовала «Дни России» в Бразилии, в Бразилии, Сан Пабло и Рио-де-Жанейро, с программой высокого качества.

Находится на стадии переговоров договор взаимного учреждения Культурных Центров и исполнительской культурной программы на 2016-2017 года. Мы помним успешный пример установки, в бразильском городе Joinville, единственного филиала Школы Балета Большого театра за пределами России. Во время визита Премьер-министра России Дмитрия Медведева в Бразилию, в феврале 2013, мы подписали договор для участия России в Программе «Наука без Границ», которая имеет значение из-за того, что осуществляет поступления бразильских студентов в академические учреждения за рубежом, и также позволяет нам получать преподавателей и ведущих исследователей из Бразилии. Русское участие в Программе «Наука без границ» открывает новую главу в академическом, воспитательном и научном сотрудничестве между нашими странами [2].

Также Россия и Бразилия сотрудничают в области спорта. Оба государства были выбраны для проведения крупных спортивных мероприятий (Олимпийские и Параолимпийские Игры, Чемпионат мира по футболу). В связи с этим в 2013 г. между правительствами двух государств подписан был Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в

области методов управления и наследия Олимпийских и Паралимпийских игр и чемпионатов мира по футболу ФИФА.

Важный фактор сближения – расширяющиеся гуманитарно-культурные обмены. В России широко известны имена скульптора Антониу Франсиску Лисбоа (Алейжадиньо), художника Кандидо Портинари Портинари Кандидо, бразильского живописца и композитора Эйтора Вила-Лобоса, писателей Машаду ди Асиса, Жоакин Мария. Социально-психологический роман «Записки с того света» (1881), «Кинкас Борба» (1891), «Дон Касмурру» (1899). Рассказы, стихи Жоржи Амаду, архитектора Оскара Нимейера. В России немало почитателей бразильской музыки, карнавала и теленовелл. В свою очередь и бразильцы испытывают неподдельный интерес к многогранной культуре России. Неизменным спросом пользуются переведенные на португальский язык произведения российских классиков. Большие надежды мы возлагаем и на открытые в России - в Краснодаре и Подмосковье школы бразильского футбола.

Российские фольклорные коллективы, известные артисты, певцы и представители творческой интеллигенции традиционно принимают участие в культурной жизни Аргентины. Так, 2015 г. был объявлен Перекрестным годом культуры между Россией и Аргентиной. В рамках Дней российской культуры в Аргентине состоялись выступления оперных звезд Большого и Мариинского театров, ансамбля «Бис-Квит» и шоу-оркестра «Русский стиль», прошли гастроли Московского театра «Et Cetera». Знаковым мероприятием стала Неделя российского кино в Буэнос-Айресе, в ходе которой вниманию публики был представлен ряд ярких современных кинокартин талантливых российских режиссеров. Завершил русские сезоны в Аргентине фестиваль российской культуры «Почувствуй Россию», прошедший в Буэнос-Айресе 5-6 декабря 2015 года [1].

С 10 по 13 февраля 2016 г. в городе Буэнос-Айрес прошел российско-аргентинский спортивно-культурный праздник, организованный при содействии Посольства России, Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо» и Высшего института общественной безопасности Буэнос-Айреса.

Культурное сотрудничество это неотъемлемая часть становления политического, экономического и социального взаимодействия между странами. Различия в менталитете, традициях, а также географическое расстояние между нашими странами несколько не мешает нашему сотрудничеству, а даже наоборот вызывает взаимный интерес, желание прикоснуться к неизведанному. Взаимопроникновение культур играет большую роль в этом аспекте. Большую роль в формировании культурных отношений между Россией и странами Латинской Америки играет деятельность Росзарубежцентра и российского Центра науки и культуры, с помощью которых формируется внешний облик России в странах Латинской Америки.

Литература

1. Кузьмина В.М. Анализ международных ситуаций.-Курск: ЮЗГУ, 2016.-176с.
2. Карачевцева Е.Е., Кузьмина В.М. Становление и развитие науки и национальной культуры в странах Латинской Америки// Межрегиональное и приграничное сотрудничество Материалы международного сборника научных трудов. Белгород, 2016. С. 90-92.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ЕВРОРЕГИОНЕ НЫСА

Цезары Мадры (Cezary Mądry)

Юлия Качмарек-Кхубнайя (Julia Kaczmarek-Khubnaia)

*Институт Социально-Экономической Географии
и Пространственного Управления
Факультет Географических и Геологических Наук,
Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша)
e-mail: cezary@amu.edu.plkhubnaia@amu.edu.pl*

Аннотация. В статье представлен анализ пространственной дифференциации уровня жизни в еврорегионе Ныса в районном разрезе по состоянию на 2014 год. Исследование проводилось на основе статистических данных, которые отражают степень дифференциации показателей, характеризующих население, качество окружающей среды, жилищное строительство, здравоохранение, культуру и туризм, экономику.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, еврорегион, еврорегион Ныса, Польша, Германия, Чехия, уровень жизни.

Введение. Целью публикации является анализ дифференциации уровня жизни населения еврорегиона Нейсе-Ниса-Ныса (еврорегиона Ныса). Пространственный охват исследования включал 14 административных единиц, в том числе 8, принадлежащих Польше, 4 – Чехии и 2 – Германии (табл. 1) по состоянию на 2014 год. В исследовании использованы данные, полученные в статистическом управлении во Вроцлаве, в Чешском статистическом управлении в Либерец (региональном представительстве) и Национальном статистическом управлении Саксонии. В исследовании использованы интегральные коэффициенты, которые в литературе идентифицируются как таксономические измерители уровня жизни, рассчитанные на основе выбранного метода нормализации – процедуры унитаризации [14].

Пространственный охват исследования

Польская сторона	Чешская сторона	Немецкая сторона
Повяты: Болеславецкий Еленегурский Каменногурский Любаньский Львувецкий Згожелецкий Злоторыйский Города: Елэня-Гура	Повяты: Ческа-Липа Яблонец-над-Нисоу Либерец Семили	Повяты: Баутцен Гёрлиц

Источник: собственная разработка.

Терминология. В литературе существует дискурс относительно понятий, связанных с определением условий жизнедеятельности человека. В нём используются такие термины, как условия существования, условия быта, стандарт жизни, качество жизни, общественное благосостояние, уровень жизни, зажиточность, способ жизни, стиль жизни, обиход жизни [10, 17, 26, 27].

Кроме того, мы говорим об общественном развитии, а также рассматриваем конкретные вопросы, связанные с указанными выше, такие как уровень бедности, нищета и т.д. Кроме того, как отмечает Н.В. Зубаревич [26, 27], несходство подходов бывает пространственно дифференцированным, что привело к созданию скандинавских, англо-американских и других школ. В сфере географии чаще всего употребляются понятия уровень и качество жизни. Как определяет Э. Клебба [10], уровень жизни – это состояние удовлетворения индивидуальных потребностей человека, понимаемых и оцениваемых субъективно, а качество жизни рассматривается как объективно существующие возможности удовлетворения потребностей, вытекающие из окружения, в котором человек живёт и работает. В широком значении эти понятия используются как синонимы: как состояние и как возможности удовлетворения потребностей человека. Авторы статьи сознательно усложняют проблему, однако целью этой статьи не является ни обзор, ни дискуссия по содержанию этих понятий. Поэтому в дальнейшей работе они будут использованы в более широком смысле.

Другим направлением дискуссии стал способ измерения тех же величин. Коэффициент, применяемый повсеместно в международных сравнениях, принят ООН как индекс человеческого развития (Human Development Index), способ расчёта которого меняется, однако повсеместно используется в сравнительных исследованиях не только стран, но и областей, в том числе, регионов России [28]. Этот индекс,

несмотря на широкое применение, опирается только на 3-4 показателя, что сужает возможности его интерпретации. Поэтому, для измерения уровня жизни населения используют обычно большее число показателей, группируя их по категориям. Такой метод мы применили в данной работе.

Еврорегиональное сотрудничество – это форма трансграничного взаимодействия, которая характеризуется следующими свойствами [1, 15, 16]:

- высшей степенью институционализации структур сотрудничества (например, Совет еврорегиона, секретариат, рабочие группы);
- многочисленными объединениями со специализированным национальным и международным органом координации трансграничного сотрудничества;
- специфическим характером учреждения еврорегиона при равенстве возможностей как низовых (местных), областных так и правительственных инициатив.

Само понятие еврорегиона определяется по-разному. Выделим две группы определений. В первой делается акцент на трансграничные **«связи»**, **«институционализацию»**, **«сотрудничество»** [1]:

- формальная структура трансграничного сотрудничества, закрепляющая представителей местного и областного уровня, а также в обоснованных случаях экономических и общественных партнёров [20];
- соглашения соседствующих приграничных регионов о трансграничном сотрудничестве;
- местная институционализация трансграничного сотрудничества, с полным признанием государственных границ и законов, действующих в странах, участвующих в создании этого еврорегиона.

В определениях, относящихся ко второй группе, обращается внимание на **«трансграничность пространства»**:

- пространство, пересекающее, как минимум, одну государственную границу, представляющее собой объединение, по крайней мере, двух социально-политических территориальных образований при полицентрическом способе интеграции;

- территории, принадлежащие приграничным регионам двух или более государств, которые входят в состав определенных структур приграничного сотрудничества.

В свою очередь, П. Эбэрхардт [6, 7] отождествляет понятия трансграничного пространства и еврорегиона, указывая, что их главные цели носят политический характер и направлены на европейскую интеграцию.

О.Й. Мартинэз [12] выделяет 4 типа приграничных регионов. Их главные характеристики отражены в табл. 2. Это деление интересно с точки зрения изменения роли межгосударственных границ и их значения

для развития взаимоотношений между соседними сообществами. Рассматривая приведенное выше разделение как континуум, и предполагая интенсификацию взаимоотношений, следовало бы эту типологию модифицировать и признать следующим этапом создание трансграничного региона. Тогда, по мнению авторов настоящей статьи, еврорегион можно рассматривать как один из инструментов модификации приграничного региона в трансграничный.

Таблица 2

Типология и свойства пограничных регионов Мартинэза

Регионы			
Изолированные	Сосуществующие	Кооперирующие	Интегрированные
<ul style="list-style-type: none"> - недостаточно/немного связей между территориями по обеим сторонам границы; - причины изоляции: война, политические расхождения, интенсивный национализм, идейная или религиозная враждебность, культурные, этнические и другие различия; - строгий пограничный контроль; - слабое заселение и обустройство приграничных территорий. 	<ul style="list-style-type: none"> - прекращение пограничного конфликта; - преодоление серьезных психологических препятствий; - стабилизация ситуации на границе способствует началу политических, социальных, экономических, культурных контактов в рамках, установленных законодательством обоих государств. 	<ul style="list-style-type: none"> - отношения и взаимодействия между пограничными пространствами принимают форму симбиоза; - прочное трансграничное сотрудничество жителей и хозяйствующих субъектов; - рост движения населения, товаров, капитала; - сцепление, и даже взаимодействие экономик; - сотрудничеству содействует схожий уровень социально-экономического развития каждой из сторон. 	<ul style="list-style-type: none"> - исчезновение барьеров в торговле и отношениях между людьми; - нет серьезных политических разногласий; - свободное движение капитала, рабочей силы, товаров; - национализм уступает место международной политике мирного сосуществования, наблюдается повышение уровня жизни, добровольный отказ от части своего суверенитета.

Источник: собственная разработка на основании: [4, 5, 13 за: 12].

Общая информация о еврорегионе Ныса. Идея еврорегионов появилась в Западной Европе уже вскоре после окончания Второй Мировой войны. В 1958 г. появился первый еврорегион – EUREGIO в пограничной немецко-голландской зоне. Сегодня этот еврорегион занимает площадь около 13 тыс. км², на которой проживает 3,37 млн жителей.

В Польше еврорегионы начали возникать в 90-х годах. Первым из них был еврорегион Ныса. В настоящее время около 40 % территории Польши находится в границах еврорегионов, а проживает в них около 1/3 населения страны. На рис. 1 показано географическое распределение

отдельных еврорегионов и их польские названия. Особенно наглядна территориальная диспропорция между еврорегионами на западной и южной, а также восточной границе, что стало следствием способа учреждения этих организаций. Меньше всего еврорегионов учреждено по инициативе муниципальных единиц (в Польше гмин), а также местных сообществ. Чаше еврорегионы создавались на областном или правительственном уровнях, поэтому в их состав на польской стороне входят все воеводства. Это генетически разные типы еврорегионов. Т. Борис и С. Панасевич [1] называют их соответственно муниципальной и административно-муниципальной моделью.

Главные цели еврорегионов: социально-экономическое развитие, постоянное улучшение **уровня жизни и быта жителей**, облегчение взаимных контактов между обществами [22].

Рис. 1. Еврорегионы на границах Польши

Источник: <http://www.euroregion-silesia.pl>

Еврорегион Ныса – самый старый в Польше и в Центрально-Восточной Европе. Официально образован 21 декабря 1991 г. под названием еврорегион «Треугольник трёх земель», а 19 марта 1994 г. переименован в «еврорегион Нейсе–Ныса–Ныса» [8]. С инициативой его создания в 1990 г. выступили местные сообщества трёх граничащих между собой единиц: Богатыни (на польской стороне), Либерца (на чешской стороне) и Зиттау (на немецкой стороне). В 2015 г. на территории еврорегиона проживало 1,57 млн человек на площади 12956 км². Эти величины в отдельных странах составляют: чешская часть – 439,6 тыс. человек и 3163 км², немецкая часть – 566,3 тыс. человек и 4507 км², польская часть – 560,4 тыс. человек и 5286 км² [19].

Территории, входящие в состав еврорегиона, характеризуются определёнными сходствами и различиями. К сходствам Х. Ферстэр [9] относит: несбалансированную экономическую структуру из-за преобладания крупных промышленных предприятий, низкую степень продуктивности и инновационности, недостатки в сфере маркетинга и логистики, высокую степень индустриализации, сильное загрязнение окружающей среды, значительный потенциал рабочей силы, наличие вузов, благоприятная обстановка для развития туризма. Различия отдельных составляющих представлены в табл. 3.

Таблица 3

Экономические различия между отдельными частями Еврорегиона Ныса

Немецкая сторона	Польская сторона	Чешская сторона
<ul style="list-style-type: none"> - высокий уровень заработной платы по сравнению с другими регионами и по отношению к достигнутой в настоящее время производительности труда; - сильные позиции профсоюзов; - неурегулированные вопросы землевладения; - существенные различия в уровне экономики и школьного образования по сравнению со всей Саксонией; - стабильно функционирующие банки и кредитные учреждения; - относительно хорошо развитое местное самоуправление, муниципальная и хозяйственная администрация. 	<ul style="list-style-type: none"> - очень низкий уровень заработной платы; - слишком большая доля государства в производственном секторе, розничная торговля преимущественно в частном владении, постепенная приватизация гостиничного бизнеса и общественного питания; - слабо развитые банковские и кредитные учреждения; - производительность примерно на 50 % ниже по сравнению со странами Западной Европы; - эффективное сельское хозяйство и садоводство. 	<ul style="list-style-type: none"> - низкий уровень заработной платы; - конкурентоспособная промышленность по производству стекла, в том числе декоративного; - в редких случаях неурегулированные вопросы собственности; - часто недостаточная помощь при основании новых фирм; - низкая производительность; - очень большое участие государственного сектора; - трудности в трансфере ноу-хау.

Источник: [5 по: 9].

Приоритетными действиями при учреждении еврорегиона Ныса признаны [1]:

- быстрое открытие новых пограничных переходов и реконструкция транспортных коммуникаций для интенсификации хозяйственного, туристического и культурного сотрудничества;

- создание современной телекоммуникационной и компьютерной сети;
- содействие сотрудничеству в сфере развития высшего образования в регионе;
- формирование рекреационных центров и туристического движения как фактора хозяйственного развития;
- создание условий для встреч и контактов населения пограничных зон.

Высочайший приоритет получают трёхсторонние действия, направленные на охрану окружающей среды. Ввиду большого загрязнения этот регион был назван «чёрным треугольником» [23]. С течением времени цели корректировались и расширялись. Например, были приняты меры на региональном уровне, которые привели к вхождению Польши и Чешской Республики в Европейский союз [8]. В свою очередь в принятой *Стратегии развития Еврорегиона Ныса 2014-2020* [25], главными целями признаны:

- определение приоритетов сотрудничества, которые должны получить институциональную поддержку еврорегиона (определённое для всех тематических полей и рабочих групп еврорегиона);
- получение максимально возможного влияния на формирование политики финансирования трансграничного сотрудничества в ЕС на бюджетный период 2014-2020 гг.;
- идентификация ключевых областей для осуществления пилотажных проектов и подготовка их к финансированию.

Эти цели, по-прежнему ориентированы на повышение уровня жизни жителей и продвижение сотрудничества.

Исследовательский метод включает реализацию пяти этапов [см. 24, 14]:

- 1) этап I - выбор диагностических данных, которые в относительном виде создают матрицу географической информации:

$$X = \begin{bmatrix} X_{11} & \dots & \dots & X_{1k} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ X_{n1} & \dots & \dots & X_{nk} \end{bmatrix} (n * k)$$

где:

X_{rj} – числовая ценность статистического свойства «j» в единице (здесь: повяте) «г»

$r = 1, 2, \dots, n$ – номер единицы (здесь: повяты);

$j = 1, 2, \dots, k$ – номер статистического свойства.

- 2) этап II - стандартизация данных:

Выбранные статистические свойства разделились на стимуляторы и дестимуляторы. Стимуляторы характеризуются тем, что их высшая

ценность интерпретирована как высокий уровень жизни, а дестимуляторы тем, что высшей ценностью признаётся низкий уровень жизни. Номинально, данные, которые могут исполнять разные роли, классифицируются как стимуляторы или дестимуляторы после обсуждения и консультаций с экспертами.

Стимуляторы стандартизованы по следующему образцу:

$$Z_{rj} = \frac{X_{rj} - X_{i \min}}{X_{rj \max} - X_{rj \min}},$$

а дестимуляторы:

$$Z_{rj} = \frac{X_{rj \max} - X_{rj}}{X_{rj \max} - X_{rj \min}}$$

где:

Z_{rj} – стандартизованная ценность свойства;

r – номер единицы (здесь: повята);

j – номер статистического свойства;

X_{\min} – минимальная ценность свойства X ;

X_{\max} – максимальная ценность свойства X .

В результате была стандартизована матрица данных.

3) этап III - исчисление частных интегральных коэффициентов. Частичные интегральные коэффициенты показывают среднюю значимость дифференцированных свойств в отдельных единицах (повятах) в делении на виды, которые влияют на общий уровень жизни жителей. Используется следующая формула:

$$Z'_{rj} = \frac{\sum_{j=1}^k Z_{rj}}{k},$$

где:

Z'_{rj} – стандартизованная ценность синтетического коэффициента;

k – число свойств учитываемых в конструкции синтетического коэффициента.

4) этап IV - унитаризация, т.е. исчисление интегрального коэффициента уровня жизни (итогового) по образцу:

$$W_r = \frac{\sum_{j=1}^l Z'_{rj}}{l},$$

где:

W_r – синтетический коэффициент уровня жизни в единице (повяте) r ;

l – число частных интегральных коэффициентов.

4) Этап V - классификация единиц. Подсчитанные синтетические коэффициенты уровня жизни разделились на основании стандартного отклонения по следующим критериям:

Класс А – единицы (повяты) с очень высокой ценностью явления:

$$W_r \geq \bar{Z} + \sigma$$

Класс Б – единицы (повяты) с высокой ценностью явления:

$$\bar{Z} + \sigma > W_r \geq \bar{Z}$$

Класс В – единицы (повяты) со средней ценностью явления:

$$\bar{Z} > W_r \geq \bar{Z} - \sigma$$

Класс Г – единицы (повяты) с низкой ценностью явления:

$$W_r < \bar{Z} - \sigma$$

где:

\bar{Z} - средняя арифметическая

σ – Стандартное отклонение.

Выбор переменных и применение исследовательского метода

На основании анализа литературных источников [см. 2, 10, 11, 3, 21] выбраны показатели, используемые для определения уровня жизни, которые затем были пересчитаны на душу населения, или на 1000 жителей на 1 км², или выражены в %. Их выбор был ограничен доступностью – не все статистические данные собираются по одинаковой методике и публикуются статистическими учреждениями стран, входящих в еврорегион Ныса. Следует отметить, что эти данные не являются полными с точки зрения характеристик уровня жизни. Например, отсутствуют данные о реальных доходах населения по паритету покупательной способности на одного жителя (или домашнее хозяйство). Данные характеризуют 6 аспектов жизни, отражающих её уровень. Показатели делятся на стимуляторы (С) и дестимуляторы (Д). Этот набор представлен в табл. 4.

Таблица 4

Показатели, учтённые в статистическом исследовании, разделённые по аспектам жизни

Население	
X_1 - число разводов на 1000 жителей – Д	
X_2 - численность населения на 1км ² – С	
X_3 - величина отлива населения (эмиграции) на 1000 жителей – Д	
X_4 - число смертей на 1000 жителей – Д	
X_5 - рождаемость живых на 1000 жителей – С	
Качество природной среды	
X_6 - коэффициент лесистости в % – С	
X_7 - площадь вод в га на 1 км ² – С	

Жилищные условия
X_8 - число квартир на 1000 жителей – С
X_9 - полезная площадь квартир в м ² на 1 жителя – С
Охрана здоровья
X_{10} - число врачей на 1000 жителей – С
X_{11} - число больничных коек на 1000 жителей
Культура и туризм
X_{12} - число театров на 1000 жителей – С
X_{13} - число кинотеатров на 1000 жителей – С
X_{14} - число постоянных мест в туристических объектах на 1000 жителей – С
Экономика
X_{15} - уровень безработицы в % – Д
X_{16} - число предприятий связанных с сельским, лесным хозяйством, охотой на 1000 жителей – С
X_{17} - число строительных предприятий на 1000 жителей – С

Источник: собственная разработка.

Из собранных данных была сформирована матрица географической информации (табл. 5), которая затем была подвержена стандартной процедуре выделения стимуляторов и дестимуляторов. В результате, количество точек, включенных в интервал [0, 1], а также различия в стандартизации стимуляторов и дестимуляторов обеспечили условие однородности предпочтений. Благодаря этой процедуре большие значения коэффициента свидетельствуют о высоком уровне жизни, а малые – о низком, безотносительно к характеру номинала.

Реализация III и IV этапов позволила подсчитать частные и окончательные интегральные коэффициенты уровня жизни (табл. 6). На обоих этапах проведена классификация административных единиц (табл. 7). Результаты интегральной классификации представлены в виде картограммы (рис. 2).

Результаты исследований. Проведённое исследование позволяет сформулировать предложения в сфере пространственной дифференциации как частных показателей, так и интегрального итогового коэффициента.

В сфере интегральных частных коэффициентов, показывающих наибольшее пространственное разнообразие, оказались жилищные условия. Диапазон между самыми сильными и самыми слабыми коэффициентами составляет 0,909532. Наиболее сильно развит Гёрлиц, а наиболее слабо – повят Злоторыйский. Относительно высокий частный интегральный коэффициент в этом отношении имеет также повят Баутцен, следовательно, наиболее сильно развиты в том отношении немецкие административные единицы.

Большой охват частных коэффициентов имеет также «культура и туризм» (диапазон составляет 0,834294); «экономика» – 0,826349. В обоих случаях наиболее высокие показатели характерны для чешского повята Семили, а наиболее низкие – польские повяты, соответственно Каменногурский и Злоторыйский.

Незначительные диспропорции обнаруживает частные коэффициенты отражающие показатели аспекта «население». Диапазон в этом случае составляет 0,460497, что наполовину меньше, чем в аспекте «жилищные условия». Это означает, что исследованные сообщества не сильно различаются с точки зрения выбранных критериев, как и в других аспектах. Другими словами, эти сообщества относительно схожи. Различия в этом аспекте были ещё меньше, если исключить дискуссионную переменную X_2 (частное крайних ценностей даёт 11,3), а X_3 – 8,8.

Итоговый интегральный коэффициент характеризуется меньшей дифференциацией, чем частные коэффициенты. Разброс в этом случае составляет 0,372029 между административными единицами с самым высоким (чешский Яблонец-над-Нисоу) и самым низким уровнем жизни (польский повят Злоторыйский). Наименьший диапазон итогового коэффициента по отношению к частным, свидетельствует о том, что административные единицы, обнаруживающие худшую позицию в одних аспектах «компенсируются» его лучшими позициями в других.

Обобщая результаты исследований, можно констатировать следующее. Самый высокий уровень жизни населения достигнут в чешских повятах: Либэрец, Яблонец над Нисоу, Семили. Объясняется это:

- уровнем занятости и состоянием экономики (во всех 3 единицах класс А), что объясняется ролью промышленности и иностранных инвестиций;
- относительно высоким уровнем развития туризма и культуры;
- высокой культурой труда;
- ни по одной из категорий для этих административных единиц не прослеживается низкий уровень жизни.

Высоким уровнем жизни характеризуются немецкие повяты, а также чешские Ческа-Липа и Елэня-Гура. Причины такого положения просматриваются в:

- очень комфортных жилищных (в Германии) условиях, что частично может быть следствием миграции населения к западным землям;
- благоприятных статистических показателей, обусловленных развитием здравоохранения;
- заботе о природной среде;
- программах помощи не только из ЕС, но также и западных земель после воссоединения Германии;
- наиболее низких коэффициентах, содержащихся в категории «население», а также «культура и туризм» из-за снижения туристической привлекательности этих местностей.

Средний и низший уровень жизни населения наблюдается в польских повятах. В этом прослеживаются следующие причины:

- упадок ряда государственных предприятий; ниже, чем в Германии и Чехии культура труда;
- сильная депопуляция;
- недостаток мощных городских центров, что отражается в уровне здравоохранения и культуры;
- продолжающаяся неопределенность относительно статуса западных земель и прав собственности, что привело к нехватке инвестиций и внимания к материальным благам;
- наличие бурогоугольного месторождения в районе Згожельца, сильно влияющего на качество природной среды.

Полученные результаты разрушают сложившиеся в обиходе убеждения о различиях в уровне жизни жителей Чехии, Германии и Польши, особенно в отношении повятов чешских и немецких. Последнее ставит под сомнение эффективность реконструкции и модернизации Восточной Германии. В то же время этот вывод подчеркивает недостатки метода, особенно в ситуации неполных данных, характеризующих качество жизни (отсутствие данных о доходах населения, муниципалитетах и других), которые, вероятно, повысят позиции немецких повятов и уменьшат – польских (с возможным исключением доходов повята Згожеlec из-за угольной шахты). Очевиден недостаток точных данных о количестве людей, фактически проживающих в различных областях. С учетом высоких темпов трудовой эмиграции, расчёт коэффициентов, не учитывающий масштаб оттока населения, принял бы другой вид, повышая позиции польских повятов с наиболее высокими показателями эмиграции. Отдельной проблемой является эффект выравнивания различных аспектов, влияющих на уровень жизни. Остаются спорными категории «занятость и экономика», «жилье» и «здравоохранение», которые не оказывают значительного влияния на качество жизни, как, например, «культура и туризм» или «качество окружающей среды». Восприятие этого влияния переносит дискуссию на

субъективные категории, которые затрагивают понятие уровня жизни в узком смысле этого слова.

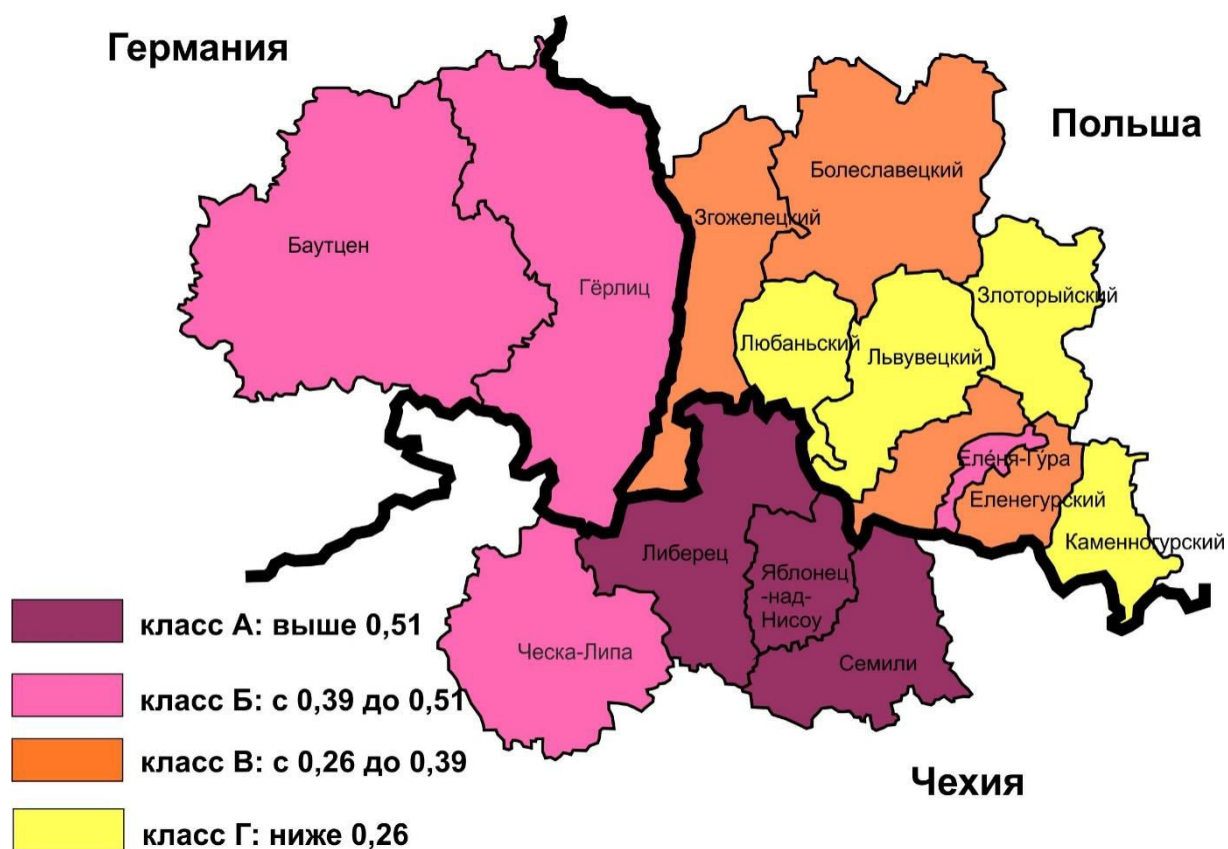

Рис. 2. Уровень жизни населения в повятах еврорегиона Ныса
Источник: собственная разработка.

Таблица 5

Матрица географической информации

Административная единица	Население					Качество природной среды		Жилищные условия		Охрана здоровья		Культура и туризм			Экономика		
	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈	X ₉	X ₁₀	X ₁₁	X ₁₂	X ₁₃	X ₁₄	X ₁₅	X ₁₆	X ₁₇
Елэня-Гўра	2,4	745	1,7	12,1	8	34,6	1,1	429	27,7	3,0	8,0	0,025	0,04	27,3	7,5	0,8	26,3
Болеславецкий	1,9	69	0,7	9	9,2	61,4	0,5	341	26,5	1,3	2,1	0,000	0,01	7,8	8,9	2,0	22,3
Еленегурский	2,1	104	1,4	10,9	7,8	51,2	1,0	375	30,5	1,0	11,8	0,000	0,00	277,4	15,7	1,9	27,7
Каменногурский	1,9	113	1,7	11,9	7,7	39,1	1,0	373	23,9	1,5	8,7	0,000	0,00	8,4	15,6	2,6	22,2
Любаньский	2	131	1,2	11,4	8,6	25,2	1,0	358	25,7	1,1	5,7	0,000	0,04	55,6	17,8	1,7	24,5
Львувецкий	1,8	66	1,2	11,3	8,4	35,6	1,1	354	27,3	1,1	8,4	0,000	0,00	16,4	22,4	2,2	23,3
Згожелецкий	2,4	110	2,2	11,5	8,3	50,2	0,7	366	25,7	1,9	6,5	0,000	0,03	10,0	12,1	1,4	16,1
Злоторьский	1,8	78	1	9,2	8,3	21,5	0,4	346	25,5	1,4	5,2	0,000	0,02	5,0	24,5	3,1	21,0
Ческа-Липа	2,9	96	1,2	9,6	10,3	47,1	2,4	399	21,3	2,5	4,6	0,019	0,04	89,4	7,8	10,0	63,2
Яблонец-над-Нисоу	2,9	224	1	9,5	9,9	55,6	1,5	418	22,1	3,1	5,1	0,022	0,07	112,3	6,7	7,1	83,4
Либерец	2,9	174	1,9	10	10,4	42,4	0,9	410	22,3	4,0	6,1	0,017	0,05	50,2	8,1	9,5	78,5
Семили	2,3	106	0,6	10,7	9,3	37,4	1,0	398	23,5	3,2	6,5	0,027	0,05	197,8	7,8	16,7	71,4
Гёрлиц	1,7	124	5,3	14,7	7,6	35,0	2,8	597	47,4	3,3	7,5	0,004	0,03	36,6	11,8	1,2	10,0
Баутцен	1,7	128	2,5	12,9	8,2	35,0	4,0	528	43,2	3,2	5,8	0,007	0,02	19,1	8,8	1,1	11,0

X₁, X₂, ... - как в таблице 4.

Источник: собственная разработка на основании: [19].

Таблица 6

Частичные и итоговые интегральные коэффициенты

Административная единица	Частные синтетические коэффициенты						Интегральный (итоговый) коэффициент
	Население	Качество природной среды	Жилищные условия	Охрана здоровья	Культура и туризм	Экономика	
Елёня-Гура	0,556324	0,269266	0,294947	0,631415	0,515700	0,392258	0,443318359
Болеславецкий	0,677581	0,521341	0,100503	0,045352	0,058743	0,373075	0,296099146
Еленегурский	0,458103	0,464702	0,243173	0,500000	0,333333	0,267902	0,377868856
Каменногурский	0,439091	0,304068	0,112893	0,413486	0,004156	0,260429	0,255687165
Любаньский	0,530832	0,130046	0,117993	0,191604	0,240791	0,209137	0,236733754
Львувецкий	0,534243	0,275151	0,140434	0,341796	0,013956	0,128764	0,239057325
Згожелецкий	0,390489	0,407829	0,133337	0,367981	0,168424	0,272954	0,290169018
Злоторыйский	0,612829	0,000000	0,090468	0,220956	0,111444	0,098504	0,189033526
Ческа-Липа	0,555109	0,602493	0,113281	0,379177	0,538577	0,747492	0,489355101
Яблонiec-над-Нисоу	0,576260	0,585463	0,166013	0,501136	0,739633	0,797871	0,561062544
Либерец	0,541405	0,339782	0,155198	0,706921	0,504422	0,800320	0,508007957
Семили	0,573561	0,279453	0,154076	0,594803	0,838450	0,924853	0,560866169
Гёрлиц	0,217084	0,507038	1,000000	0,649750	0,259226	0,246230	0,479887968
Баутцен	0,443426	0,668741	0,784831	0,546000	0,179487	0,304167	0,487775455
Диапазон (X_{max}-X_{min})	0,460497	0,668741	0,909532	0,661569	0,834294	0,826349	0,372029018

Источник: собственная разработка.

Таблица 7

Классификация административных единиц

Административная единица	Население		Качество природной среды		Жилищные условия		Охрана здоровья		Культура и туризм		Экономика		Синтетический(окончательный) коэффициент	
	Величина	Класс	Величина	Класс	Величина	Класс	Величина	Класс	Величина	Класс	Величина	Класс	Величина	Класс
Елёня-Гура	0,56	Б	0,27	В	0,29	Б	0,63	А	0,52	Б	0,39	В	0,44	Б
Болеславецкий	0,68	А	0,52	Б	0,10	В	0,05	Д	0,06	Д	0,37	В	0,30	В
Еленегурский	0,46	В	0,46	Б	0,24	В	0,50	Б	0,33	Б	0,27	В	0,38	В
Каменногурский	0,44	В	0,30	В	0,11	В	0,41	В	0,00	Г	0,26	В	0,26	Г
Любаньский	0,53	Б	0,13	Г	0,12	В	0,19	Г	0,24	В	0,21	В	0,24	Г
Львувецкий	0,53	Б	0,28	В	0,14	В	0,34	В	0,01	Г	0,13	Г	0,24	Г
Згожелецкий	0,39	Г	0,41	Б	0,13	В	0,37	В	0,17	В	0,27	В	0,29	В
Злоторыйский	0,61	Б	0,00	Г	0,09	В	0,22	Г	0,11	В	0,10	Г	0,19	Г
Ческа-Липа	0,56	Б	0,60	А	0,11	В	0,38	В	0,54	Б	0,75	А	0,49	Б
Яблонец-над-Нисоу	0,58	Б	0,59	А	0,17	В	0,50	Б	0,74	А	0,80	А	0,56	А
Либерец	0,54	Б	0,34	В	0,16	В	0,71	А	0,50	Б	0,80	А	0,51	А
Семили	0,57	Б	0,28	В	0,15	В	0,59	Б	0,84	А	0,92	А	0,56	А
Гёрлиц	0,22	Г	0,51	Б	1,00	А	0,65	А	0,26	В	0,25	В	0,48	Б
Баутцен	0,44	В	0,67	А	0,78	А	0,55	Б	0,18	В	0,30	В	0,49	Б

Источник: собственная разработка.

Literatura

1. Borys T., Panasiewicz Z., 1998, Panorama euroregionów, Urząd Statystyczny w Jeleniej Górze, Jelenia Góra.
2. Bywalec C., 1991, Zasady i kryteria doboru wskaźników w badaniach społecznych, „Zeszyty Naukowe Akademii Ekonomicznej w Krakowie”, nr 359, Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej w Krakowie, Kraków.
3. Bywalec C., Rudnicki L., 2002, Konsumpcja, PWE, Warszawa.
4. Chojnicki Z., 1998, Uwarunkowania rozwoju regionu transgranicznego. Koncepcje i założenia teoretyczne, [w:] Parysek J.J., Gruchman B. (red.), Studia rozwoju i zagospodarowania przestrzennego, t.2, Akademia Ekonomiczna w Poznaniu, Centrum Badania Gospodarki Regionalne, Poznań.
5. Ciok S., 2004, Pogranicze polsko-niemieckie. Problemy współpracy transgranicznej, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław.
6. Eberhardt P. 1994, Problematyka tzw. euroregionów na wschodnim pograniczu Polski, [w:] Eberhardt P., Miros K. (red.), Węzłowe problemy współpracy transgranicznej, z.5, Biuletyn: Podstawy Rozwoju Zachodnich i Wschodnich Obszarów Przygranicznych Polski, IGiPZ, Warszawa.
7. Eberhardt P. 1996, Problematyka regionów transgranicznych na wschodnim pograniczu Polski, „Przegląd Geograficzny”, t. LXVIII, z.1-2.
8. Euroregiony na granicach Polski 2003, 2004, Urząd Statystyczny we Wrocławiu, Wrocław.
9. Förster H., 1995, Możliwości współpracy transgranicznej na przykładzie „euroregionu Nysy”, [w:] Buchhofer E., Kortus B. (red.), Polska i Niemcy. Geografia sąsiedztwa w nowej Europie, Universitas, Kraków.
10. Klebba E., 1995, Wpływ dojazdów do pracy na kształtowanie się poziomu życia ludności w województwie poznańskim, PTPN, Poznań.
11. Malina A., Zeliaś A., 1997, Taksoomiczna analiza przestrzennego zróżnicowania jakości życia ludności w Polsce w 1994 r., „Przegląd Statystyczny”, z. 1.
12. Martinez O., 1999, The Dynamics of Border Interaction [w:] Schofield C.H. (red.), Global Boundaries. World Boundaries, Vol.1., London-New York.
13. Moraczewska A., 2008, Transformacja funkcji granic Polski, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin.
14. Niemczyk A., 2003, Przestrzenne różnice poziomu życia ludności w Polsce w 2001 r. w świetle procedury unitaryzacji, [w:] Karwowski J. (red.), Regionalne zróżnicowanie jakości życia, Uniwersytet Szczeciński, Szczecin.
15. Palmowski T. (red.), 2007, Pogranicze polsko-rosyjskie. Problemy współpracy transgranicznej z Obwodem Kaliningradzkim, Uniwersytet Gdański, Wydawnictwo BERNARDINUM, Gdańsk-Pełplin.
16. Palmowski T. 2013, Kaliningrd – szansa czy zagrożenie dla Europy bałtyckiej? Monografia społeczno-gospodarcza, Uniwersytet Gdański, Wydawnictwo BERNARDINUM, Gdańsk-Pełplin.
17. Pawełek B., 2004, Definicje poziomu życia ludności [w:] Zeliaś A. (red.), Poziom życia w Polsce i krajach Unii Europejskiej, Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, Warszawa.
18. Pawełek B., Zeliaś A., 1995, Proste metody ważności zmiennych diagnostycznych w badaniach taksonomicznych, „Folia Oeconomica Cracoviensis” 1994-1995, vol. XXXVII-XXXVIII 6.
19. Powiaty w Euroregionie Nysa 2014, 2015, Urząd Satystyczny we Wrocławiu, Czeski Urząd Statystyczny Przedstawicielstwo Okręgowe w Libercu, Krajowy Urząd Statystyczny Saksonii, Wrocław-Liberec-Kamenz.

20. Praktyczny przewodnik współpracy transgranicznej, 1997, Opr. SERG. Wyd. II European Commission, Gronau-Bruksela.
21. Rysz-Kowalczyk B. (red.), 2002, Leksykon polityki społecznej, Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, Warszawa.
22. Stan współpracy euroregionalnej w Polsce, GUS, http://wroclaw.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/wroc/ASSETS_20-30.pdf [30.05.2017].
23. Stasiak A., 1994, Słowo wstępne, [w:] Adamczuk F., Przybyła Z. (red.), Euroregion „Nysa” trzy lata doświadczeń, Podstawy rozwoju zachodnich i wschodnich obszarów przygranicznych Polski, Biuletyn nr 7, Polska Akademia Nauk, Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania, Warszawa.
24. Strahl D. (red.), 1998, Taksonomia struktur w badaniach regionalnych, Ekademia Ekonomiczna, Wrocław.
25. Strategia rozwoju Euroregionu Nysa 2014-2020.
26. Зубаревич Н.В., 2013а, Доходы и уровень жизни населения [w:] Бабурин В.Л., Ратанова М.П. (ред.) Экономическая и социальная география России: География отраслей народного хозяйства России, Книжный дом ЛИБРОКОМ, Москва.
27. Зубаревич Н.В., 2013b, Территориальные различия в доходах и уровне жизни населения [w:] Алексеев А.И., Колосов В.А. (ред.), Россия: социально-экономическая география, Новый хронограф Москва.
28. Романова И.А., Анисимова В.В., Некрасова М.Л., Рововая Т.А., 2014, Дифференциация регионов России по индексу развития человеческого потенциала, [в:] Быков Н.И., Дирин Д.А., Мадры Ц.М. (ред.), Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время, Изд-во Алт. ун-та, том 2, Барнаул.

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ КЛАСТЕРЫ В ПРИГРАНИЧЬЕ

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ КЛАСТЕР «СНЕЖЕТЬСКИЙ» – БУДУЩИЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОГО ТУРИЗМА НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Л.М. Ахромеев, И.В. Шарапаев

Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского, Брянск
e-mail: ahromeev56@yandex.ru, sharaff@list.ru

Аннотация. В статье на основе SWOT-анализа северо-восточной территории Брянской области раскрываются перспективы создания туристско-рекреационного кластера «Снежетьский», как будущего центра культурно-исторического туризма на юго-западе России.

Ключевые слова: туристско-рекреационный кластер «Снежетьский», культурно-исторический туризм, Брянская область, юго-запад России.

Стратегия социально-экономического развития Брянской области на период до 2020 года предполагает создание условий для улучшения качества

жизни граждан, в т.ч. за счет использования её туристско-рекреационного потенциала, а также обеспечения качества и доступности туристских услуг.

Брянщина обладает значительным природным и историко-культурным потенциалом, имеет богатое литературное наследие, что открывает большие перспективы, в первую очередь, для развития познавательного туризма и туристско-экскурсионной деятельности. Кроме того, комфортные природные условия, мягкий климат, отсутствие резких перепадов температур благоприятны для организации лечебно-оздоровительного отдыха и отдельных видов спортивного туризма. Приграничное положение области на стыке трех славянских государств, разнообразие народных традиций, создает условия для развития этнографического и событийного туризма.

Повышение туристской привлекательности региона во многом основано на использовании кластерного подхода с учётом SWOT-анализа возможности и перспектив развития туризма конкретных территорий. В сфере туризма под кластером понимают «сосредоточение в рамках одной ограниченной территории взаимосвязанных предприятий и организаций, занимающихся разработкой, производством, продвижением и продажей туристического продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами» [5]. Основной целью создания туристско-рекреационных кластеров является повышение конкурентоспособности территории на туристическом рынке за счёт синергического эффекта, в том числе: «повышения эффективности работы предприятий и организаций, входящих в кластер, стимулирование инноваций, стимулирования развития новых направлений» [6].

Таким образом, создание туристско-рекреационного кластера фактически определяет позиционирование территории и влияет на формирование имиджа региона.

В ноябре 2014 г. Правительством Брянской области принято решение о создании на территории Дятьковского муниципального района туристско-рекреационного кластера «Хрустальный город». Решение было поддержано Правительством Российской Федерации, которое своим постановлением включило дятьковский проект в федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 гг.)» [3]. Однако на территории области есть и другие территории для формирования кластеров туристско-рекреационных услуг. SWOT-анализ развития туризма в Брянской области позволил выделить ряд перспективных территорий, одной из них может стать территория Брянского и Карачевского муниципальных районов, где перспективно создание туристско-рекреационного кластера «Снежецкий».

При составлении стратегических и маркетинговых планов, SWOT-анализ территорий является важным и необходимым элементом исследований. Аббревиатура SWOT образована от: Strengths – сильные стороны, Weakness – слабость, Opportunities – возможности и Threats – угрозы. Метод SWOT-анализ позволяет произвести анализ сильных и слабых

сторон туристского региона, выявить возможности и угрозы его развития, определить преимущества перед другими регионами (табл).

Таблица

Матрица SWOT-анализа туристско-рекреационного кластера «Снежетьский»

<i>Сильные стороны</i>	<i>Слабые стороны</i>
<p>1. Благоприятное месторасположение региона (близость к Белоруссии и Украине; хорошая транспортная связь с государствами Европы и Азии);</p> <p>2. Наличие достаточных природных ресурсов;</p> <p>3. Благоприятные погодные факторы;</p> <p>4. Благоприятная экологическая среда;</p> <p>5. Наличие достаточных культурно-исторических ресурсов;</p> <p>6. Наличие особо охраняемых природных территорий и объектов;</p> <p>7. Относительно развитая транспортная и туристская инфраструктура;</p> <p>8. Близость территории к центральным регионам России.</p>	<p>1. Сезонность туристического продукта;</p> <p>2. Дефицит объектов размещения и общественного питания;</p> <p>3. Отсутствие парка экскурсионного транспорта;</p> <p>4. Недостаточный уровень сервиса туристских услуг;</p> <p>5. Недостаточная реклама региона на рынке туристских услуг;</p> <p>6. Нехватка квалифицированных гостиничных и туристских кадров;</p> <p>7. Отсутствие достаточного финансирования проектов в области туризма.</p>
<i>Возможности</i>	<i>Угрозы</i>
<p>1. Создание и продвижение нового конкурентоспособного туристского бренда;</p> <p>2. Создание новых рабочих мест в сфере туризма;</p> <p>3. Развитие сети малых средств размещения (небольших гостиниц, гостевых домов) и объектов питания (рестораны, кафе);</p> <p>4. Развитие самозанятости в сфере гостеприимства, туризма и услуг;</p> <p>5. Вовлечение в проект граничащих территорий других субъектов Центральной России;</p> <p>6. Позиционирование территории как центра культурно-исторического туризма на Юго-западе России;</p> <p>7. Увеличение внутреннего и въездного туристского потока в Брянскую область.</p>	<p>1. Общее снижение инвестиционной привлекательности сферы туризма в Брянской области;</p> <p>2. Появление новых конкурентов;</p> <p>3. Изменение нужд и вкусов туристов-потребителей.</p>

Среди *сильных сторон* развития туристско-рекреационного кластера «Снежетьский» особое место занимает близость территории к границам Белоруссии и Украины, что благоприятно сказывается на проведении Международного Фестиваля славянских народов «Три сестры» у «Монумента Дружбы» на границе трех государств, который проходит ежегодно с 1969 г. в конце июня. Международный аэропорт г. Брянска, а также железнодорожные и автомобильные магистрали связывают регион со

странами Западной Европы, Центральной и Передней Азии, что положительно влияет на въездной туризм [2].

Территория туристско-рекреационного кластера обладает богатыми и разнообразными природными ресурсами. Здесь, на западных отрогах Среднерусской возвышенности и по долинам рек, господствуют смешанные леса с участками типичной тайги и широколиственных лесов, на юге встречаются ландшафты северной лесостепи. Река Снежесть и Белобережское водохранилище являются излюбленными местами для туристов выходного дня, любителей рыбной ловли и водных видов отдыха. Мягкий климат способствует развитию туристской деятельности на протяжении большей части года (в тёплое время года – пешие маршруты, рыбалка, различные виды отдыха на воде, туристско-экскурсионная деятельность и пр.; зимой – лыжные прогулки, катание на санках и коньках, охота, рыбалка).

Экологическая ситуация на территории кластера вполне благоприятна для туристско-рекреационной деятельности. Регион достаточно удалён от радиоактивно-загрязнённой зоны; здесь нет крупных промышленных объектов, загрязняющих окружающую среду.

Наличие Государственного природного заказника «Карачевский», «Дендрария им. Б. В. Гроздова» и других ООПТ позволяют развивать познавательный, экологический туризм; активизировать экскурсионную деятельность.

С целью восстановления вольноживущей популяции зубров в Брянской, Орловской и Калужской областях России; сохранения редких видов животных и растений, внесенных в Красные книги Российской Федерации и Брянской области; сохранения биологического и ландшафтного разнообразия и воспроизводства ценных видов охотничьих животных на северо-востоке Брянской области 31 октября 2005 г. на месте Карачевского государственного охотничьего заказника образован Карачевский Государственный природный заказник. На территории заказника распространены «лесные, луговые и сельскохозяйственные угодья, имеющие большое значение для сохранения биологического и ландшафтного разнообразия и воспроизводства ценных видов охотничьих животных. Здесь произрастают пальчатокоренник балтийский, растение, внесенное в Красную книгу Российской Федерации и Брянской области; 5 редких видов растений, внесенных в Красную книгу Брянской области (пальчатокоренник мясо-красный, пальчатокоренник пятнистый, пальчатокоренник Фукса, любка двулистная, касатик сибирский). Территория заказника это место обитания 3 редких видов животных, внесенных в Красные книги Российской Федерации и Брянской области (черный аист, филин, зубр); место обитания 8 редких видов животных, внесенных в Красную книгу Брянской области (кобчик, глухарь, серый журавль, белоспинный дятел, кожан двухцветный, барсук обыкновенный, рысь, соня орешниковая); основное место отёла самок зубров и подрастания телят для большей части вольноживущей брянско-калужско-орловской группировки зубров» [4].

На территории дендрария им. Б. В. Гроздова, в 8 км от г. Брянска, произрастает более 520 видов растений, относящихся к 108 родам 45 семейств. Здесь можно встретить «рябину шведскую, ясень американский, кедр корейский, клён татарский, клён гиннала, розу тупоушковую, пихту сибирскую, ель аянскую, тую западную, лиственницу Сукачёва, бархат, берёзу жёлтую, орех маньчжурский, айву японскую, кизильник блестящий, редкие виды яблонь Китая и Дальнего Востока, гимамелис виргинский – американский родич знаменитого в Закавказье железного дерева. В лесном отделе дендрария имеется несколько небольших питомников, где выращиваются сеянцы интродуцированных растений. Дендрарий является уникальной зелёной лабораторией, своеобразным древоиспытательным и маточным участком, служит центром по интродукции и акклиматизации древесных растений» [1].

В плане развития туристско-рекреационной деятельности регион может позиционировать себя и как центр культурно-исторического туризма на юго-западе России. На его территории размещены мемориальные комплексы «Партизанская поляна» и «Хацунь», памятник воинам-водителям, Николо-Одрин женский монастырь; народные промыслы – «Хохломская роспись» (с. Малое Полпино) и фабрика ёлочных игрушек (г. Карачев).

Мемориальный комплекс «Партизанская поляна», окружённый со всех сторон лесом, был открыт 17 сентября 1969 г., на месте сбора в сентябре 1941 г. партизанских отрядов (автор проекта – брянский архитектор – В. Н. Городков). Комплекс находится в 10 минутах езды от г. Брянска, 2,5 часах от г. Орла и в 4,5 часах от г. Москвы. Центральным монументом комплекса является «Стена памяти» (открыта в 1986 г.), на плитах которой высечены фамилии свыше 8 тысяч погибших партизан. На территории комплекса расположен музей, посвящённый истории партизанского движения, выставка военной техники, а под кронами дубов и сосен расположились партизанские землянки. На берегу р. Снежеть восстановлена партизанская скипидарная мастерская. На мемориальном комплексе горит Вечный огонь.

Мемориальный комплекс «Хацунь» размещается в одном километре от автострады Москва – Киев, в 25 км от г. Брянска. На рассвете 25 октября 1941 г. небольшую деревню Хацунь окружили немецкие каратели. Фашисты согнали всех жителей деревни и беженцев из Брянска в одно место и расстреляли из пулемёта. Было убито 318 человек, а деревня сожжена. Хацунь стала одной из первых жертв фашистского геноцида на русской земле. В 1977 г. было принято решение о создании в Хацуни мемориального комплекса в память о жертвах фашизма. В 2009 г. начались работы по реконструкции мемориала. Открытие обновлённого мемориального комплекса состоялось 25 октября 2011 г. – в день 70-летия хацунской трагедии. Мемориал «Хацунь» включает монументальное здание музея, 28 стел из гранита по количеству районов Брянской области с мемориальными досками и высеченной информацией о жертвах фашизма в каждом из них,

Стену Скорби, могилу мирных жителей с именами расстрелянных в Хацуни, братскую могилу красноармейцев, православную часовню. Центральное место в мемориальном комплексе занимает скульптурная композиция, автором которой является А. Ромашевский. Старик, пытающийся закрыть собою женщину и ребёнка, ребёнок, цепляющийся за юбку матери и мама, понимающая, что спасти своё дитя уже не может... Мемориальный комплекс «Хацунь» – первый в России мемориал в память об уничтоженных фашистами сёлах и деревнях.

На 112-м километре автодороги Орёл-Брянск-Витебск в урочище «Осиновая горка» воздвигнут памятник: у подножия тридцатиметрового пилона фигура солдата-шофёра. Это первый в нашей стране памятник водителям, павшим на дорогах войны. Он был открыт накануне 25-летия освобождения Брянской области от немецко-фашистских захватчиков, 12 сентября 1968 г. «Почти память погибших сигналом» – стоят на трассе предупредительные знаки. И все проходящие машины салютуют тем, кто погиб на дорогах Великой Отечественной войны.

Одной из достопримечательностей кластера «Снежетьский» может стать Николо-Одрин женский монастырь. Официально Николо-Одрин монастырь, как мужской, утверждён в 1697 г. В 1924 г. монастырь был закрыт и лишь спустя 70 лет, 22 мая 1995 г., на месте разрушенной обители был открыт Николо-Одрин женский монастырь.

Славится регион и народными промыслами. В с. Малое Полпино расположен сувенирный цех Журиничского лесхоза. Продукция этого цеха – расписанные «под хохлому» сувенирные изделия, а также полноцветная сувенирная продукция: магниты, зеркальца, брелоки, значки, медали, магниты-прищепки с цветным изображением. Кроме того в цехе печатают изображения (логотипы, текст, фотографии) на любых тканевых поверхностях: футболках, бейсболках, рюкзаках, скатертях, спецодежде, сувенирной продукции (ручках, зажигалках, флэшках, шариках и пр.). Посетители цеха могут проследить все стадии создания сувенирной продукции.

В древнем городе Карачеве есть фабрика по изготовлению ёлочных игрушек. Предприятие работает с 1932 г. Фабрика поставляет свою продукцию не только по всей России, но и в Европу. Все изделия (шарики, шишки, домики, ягодки и другие изделия) изготавливаются из медицинского стекла в ручную. Здесь можно заказать именные новогодние шары, а также нанесение логотипа на игрушки, которые планируется подарить партнёрам или использовать в других рекламных целях.

На территории туристско-рекреационного кластера «Снежетьский» активно может развиваться и оздоровительный туризм. Здесь функционируют Белобережский детский санаторий, санаторий «Снежка», базы отдыха «Жемчужина» и «Рай».

Белобережский детский санаторий расположен в 25 км от г. Брянска и занимает одно из лидирующих мест в предоставлении санаторно-курортных

услуг Брянской области. Территория Белобережского санатория является самой экологически чистой, заповедной зоной отдыха Брянской области. Уникальная природа смешанного леса сочетается с чистейшими лесными реками (Снежень и Велья). Восстанавливать здоровье в санатории можно круглый год, а квалифицированные врачи и медицинские сёстры оказывают консультации и проводят весь необходимый комплекс лечебно-оздоровительных мероприятий.

В 12 км от центра Брянска, на берегу озера, в сосновом лесу расположен санаторий «Снежка». Богатый растительный мир, мягкий климат, насыщенный фитонцидами и другими биологически активными веществами воздух, лесная тишина, минеральная вода с лечебными грязями, качественным лечением, комфортабельным бытом и насыщенным культурным досугом являются фирменным знаком «Снежки». Основными лечебными факторами являются минеральные источники и лечебная сапропелевая грязь, обширные запасы которой имеются на озере Шумовец. Грязь содержит углеводы, кислоты, спирты, смолы и применяется для лечения заболеваний опорно-двигательного аппарата, последствий ранений и других травм спинного мозга, хронических воспалительных процессов органов брюшной полости, гинекологических болезней. Санаторий «Снежка» функционирует круглый год и располагает всем необходимым для отдыха и восстановления здоровья.

Базы отдыха «Жемчужина» и «Рай» расположены в живописных лесных уголках, на берегу озёр. К услугам отдыхающих – уютные деревянные домики или комфортабельные номера со всеми удобствами; номера для романтиков и любителей острых ощущений. На берегу озёр для шашлыков оборудованы беседки с освещением, мангалами, углём и розжигом. На территории баз отдыха проводятся свадебные мероприятия, банкеты, корпоративные вечера, торжества. К услугам отдыхающих бильярд, сауна, бассейны, комнаты отдыха, рестораны, рыбалка и многое другое.

Однако комплексному и всестороннему развитию туристско-рекреационного кластера «Снеженьский» мешают *слабые стороны*, которые необходимо преодолеть. Так сезонность туристического продукта можно преодолеть за счёт развития въездного и внутреннего туризма, путём расширения зимних видов туризма (охота, лыжные прогулки), увеличения мест круглогодичного санаторно-курортного обслуживания. Повышение выпуска рекламной продукции, создание информационной базы, содержащей субъекты туристической деятельности, также повысят привлекательность и имидж кластера на рынке туристских услуг. Подготовка высококвалифицированных кадров в туристской и гостиничной сферах позволит поднять на более высокий уровень обслуживания и сервис рекреантов. Необходима реконструкция и ремонт транспортной составляющей кластера (дороги, создание специализированного автопарка туристических автобусов). Привлечение малого бизнеса к реализации проекта туристско-рекреационного кластера «Снеженьский», с одной

стороны привлечёт дополнительные финансовые ресурсы, с другой стороны, снизит финансовую нагрузку на региональный и муниципальный бюджеты.

Реализация проекта туристско-рекреационный кластер «Снежетьский» открывает новые *возможности*; позволит создать и продвигать новый конкурентоспособный туристический бренд Брянской области. Это увеличит внутренний и въездной туристский потоки в Брянскую область, что будет стимулировать развитие сети малых средств размещения (гостиниц, гостевых домов, домов отдыха, мотелей) и объектов питания (ресторанов, кафе, закусочных). Появятся новые рабочие места, больше местного население будет занято в сфере гостеприимства, туризма и услуг. Регион можно будет позиционировать, как центр культурно-исторического туризма на юго-западе России, с широкими возможностями развития познавательного и экологического туризма. Реализация проекта позволит вовлечь в него граничащие территории других субъектов Центральной России.

Создание туристско-рекреационного кластера любой территории всегда наталкивается на явные и скрытые препятствия (*угрозы*). Таковой угрозой, при создании кластера «Снежетьский», может стать общее снижение инвестиционной привлекательности сферы туризма в Брянской области. Данная угроза основана на предубеждении ряда потенциальных рекреантов в том, что территория Брянской области экологически не безопасный регион, т.к. подверглась радиоактивному загрязнению после аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.). Второй угрозой является изменение нужд и вкусов туристов-потребителей. Переключение их на выездной туризм за пределы Брянской области (Турция, Тунис, Западная Европа, Юго-Восточная Азия, Крым, Черноморское побережье Кавказа и др.). Третья угроза исходит из-за появления новых конкурентов на внутреннем рынке туристских услуг (туристско-рекреационный кластер «Хрустальный город», Национальный парк «Орловское Полесье», Государственный природный биосферный заповедник «Брянский лес» и др.).

Таким образом, проведённый SWOT-анализ развития туристско-рекреационного кластера «Снежетьский» на северо-востоке Брянской области позволяет нам сделать вывод, что при целенаправленной и ресурсно-обеспеченной региональной политике можно нейтрализовать большинство слабых сторон и угроз туристского потенциала региона. Развитие туризма на территории Брянского и Карачевского муниципальных районов будет поддерживать устойчивое развитие экономической, социальной и экологической составляющих федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 гг.)».

Литература

1. Ахромеев Л.М. Охраняемые природные территории и объекты // Природа и природные ресурсы Брянской области. Монография /Под ред. Л.М. Ахромеева. Брянск: Изд-во «Курсив», 2012. С. 292-311.

2. Ахромеев Л.М., Шарапаев И.В. Современное состояние туристской инфраструктуры Брянской области / Вестник Брянского государственного университета. № 4 (2010). Точные и естественные науки. Брянск: РИО БГУ, 2010. С. 84-90.

3. Ахромеев Л.М. Туристско-рекреационный кластер Брянской области «Хрустальный город» //Материалы 2-го круглого стола, посвящённого памяти профессора Юрия Васильевича Поросёнова / Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. С. 20-22.

4. Постановление Администрации Брянской области от 31 октября 2005 г. N 572 «О создании государственного природного биологического заказника областного значения «Карачевский» (с изменениями и дополнениями). Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/24305588/#ixzz4cjo15016>.

5. Саак А.Э., Пшеничный Ю.А. Менеджмент в социально-культурном сервисе и туризме. СПб.: Питер, 2007. 512 с.

6. Севастьянов С.А. Региональное планирование развития туризма и гостиничного хозяйства. М.: Кнорус, 2010. 256 с.

РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ ЦЧР

Е.В. Бирюкова

Курский государственный университет, Курск
e-mail: ekaterina_biryuk@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается туристско-рекреационный потенциал приграничных районов областей ЦЧР. Описаны некоторые наиболее значимые и интересные достопримечательности этих районов. Составленные авторские карты показывают территориальные различия в обеспеченности историко-культурными, природными и этнографическими объектами, которые составляют ресурсную базу для развития туризма.

Ключевые слова: рекреационный потенциал, приграничные районы, историко-культурные достопримечательности, Центрально-Черноземный район.

Важнейшую роль в развитии взаимодействий между сопредельными государствами играют их приграничные регионы. Они традиционно задействованы в трансграничных культурных, туристских и других гуманитарных связях. Приграничные территории часто выступают в качестве туристской дестинации, а государственные границы являются объектом специального туристского интереса [1].

Приграничное сотрудничество все чаще трактуется как один из инструментов улучшения социально-экономической ситуации в регионах. По мнению экспертов Национального института развития современной идеологии, развитие приграничных территорий позволит им восстановить и более эффективно развивать экономические, культурные и гуманитарные связи, использовать налаженные приграничные контакты в механизмах

сотрудничества с соседними странами, а также снизить дотационность регионов.

К тому же, процессы трансграничного сотрудничества являются превентивной мерой для недопущения конфликтов и предпосылкой активизации социально-экономического развития. Последнее особенно актуально в сложившейся политической и экономической ситуации, характеризующей современное состояние российско-украинских отношений [2].

В настоящее время развитие туризма на территории Российской Федерации характеризуется постепенным смещением акцента на внутренний и въездной туризм, в том числе создание туристско-рекреационных кластеров. Первым этапом в формировании приграничного туристического кластера является исследование туристического потенциала приграничной территории.

Три области ЦЧР (Белгородская, Воронежская и Курская) граничат с Украиной. Всего 17 муниципальных районов имеют выход к государственной границе (таб. 1).

Таблица 1

Приграничные районы ЦЧР

Белгородская область	Краснояржский
	Грайворонский
	Борисовский
	Белгородский
	Шебекинский
	Волоконовский
	Валуйский
	Вейделеевский
	Ровенский
Воронежская область	Россошанский
	Кантемировский
Курская область	Хомутовский
	Рыльский
	Глушковский
	Кореневский

	Суджанский
	Беловский

Рассмотрим рекреационный потенциал этих территорий. Туристско – рекреационный потенциал – это совокупность туристско-рекреационных ресурсов, их территориальных сочетаний и условий, способствующих удовлетворению потребностей населения в туристской и рекреационной деятельности [14]. Рекреационные ресурсы – объекты и явления природного и антропогенного происхождения, которые можно использовать в целях отдыха, туризма и лечения [7]. Наличие ресурсов является определяющим фактором для развития туристической деятельности на любой территории. В статье мы рассмотрим основные культурно-исторические и природные рекреационные ресурсы приграничных районов ЦЧР.

ЦЧР – регион с длительной и сложной историей развития. Именно поэтому данная территория располагает большим количеством разнообразных культурно-исторических памятников (рис. 1). Наибольшим их количеством отличаются: Валуйский, Белгородский (с областным центром), Шебекинский, Волоконовский, Грайворонский и Рыльский районы.

Однако, здесь следует учитывать такие факторы как известность, статус, транспортная доступность и сохранность достопримечательностей. К примеру, Усадьба князей Барятинских – Марьино (Рыльский район) является объектом федерального значения, известным далеко за пределами Курской области. В то же время, большинство объектов Валуйского района (210 из 268) – являются памятниками археологии регионального значения, которые известны лишь узкому кругу профессионалов-историков и в ближайшее время не имеют шансов стать полноценными туристическими объектами.

Усадьба И.Т. Викторова (Кореневский район) – малоизвестная достопримечательность. Она построена в стиле средневековых немецких замков. Местные жители прозвали ее «Дворец для любимой», так как с ней связана удивительная история неразделенной любви графа Иосифа Викторова к прекрасной молодой немке.

Рис. 1. Культурно-исторические памятники, охраняемые государством (в разрезе приграничных муниципальных районов ЦФР)*

*составлено автором

Самая необычная достопримечательность исследуемой нами территории находится в селе Головчино Грайворонского района. Это таинственное здание цилиндрической формы, которое не имеет аналогов в мире. Начиная с 2007 года село Головчино Грайворонского района посетили почти 80 тыс. человек, в том числе и туристы из 16 зарубежных стран. Споры о предназначении здания не утихают до сих пор: кто-то нашёл в постройке признаки домашнего театра, высказывались предположения о конюшне, конном манеже и даже о том, что сооружение строилось для масонской ложи. К версии «культового сооружения масонов» склоняется курский архитектор и исследователь дворянских усадеб Елена Васильевна Холодова.

Памятник архитектуры конца 18 века пользуется большой популярностью у эзотериков. По их словам, это необычное место – зона высочайшей положительной биоэнергетики. Мощь энергетического поля эти люди объясняют тем, что круглое здание стоит на пересечении четырёх «точек силы»: Полярной звезды, Тибета, Стоунхенджа и Иерусалима [5]. Известно, что Круглое здание было построено на территории усадьбы Хорватов, но потомок старинного рода Ольга Олеговна Хорват, приглашенная из Канады в 2004 году, также не пролила свет на загадку дома.

Но дом был отреставрирован и используется как разрекламированная туристическая достопримечательность.

Кроме культурно-исторических ресурсов, приграничные районы ЦЧР обладают значительным природным наследием (рис. 2).

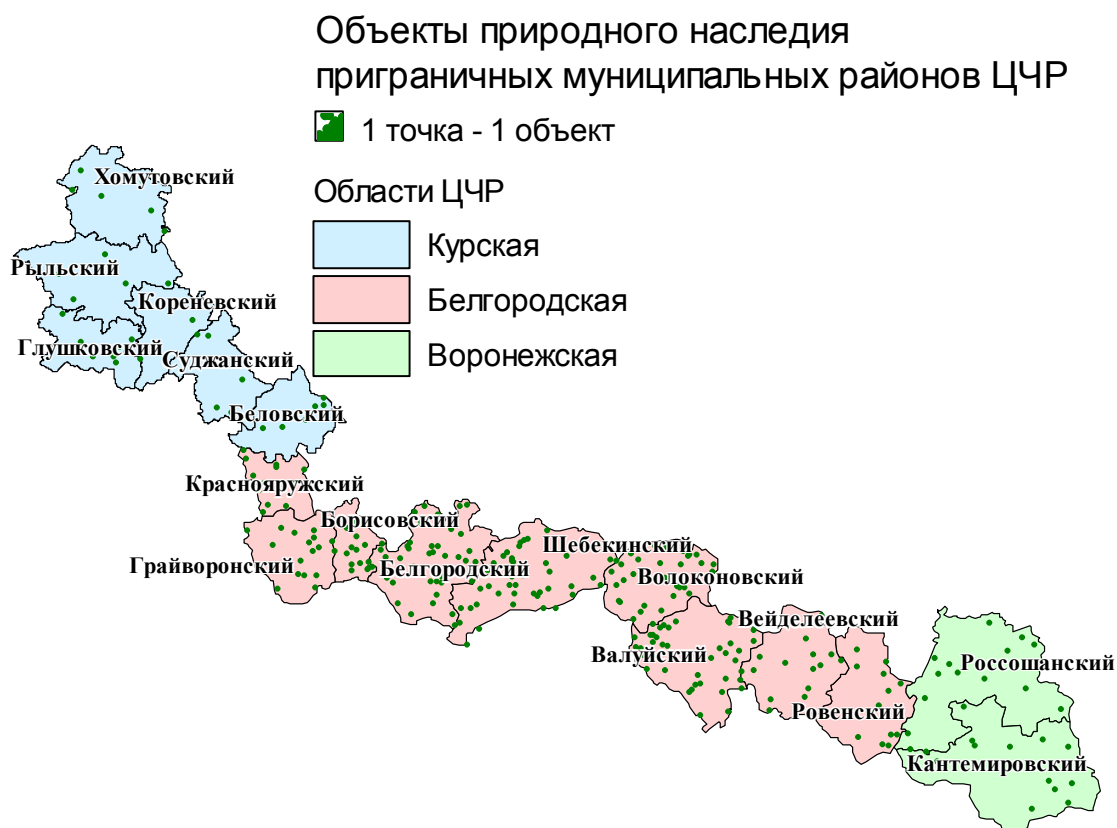

Рис. 2. Объекты природного наследия приграничных муниципальных районов ЦЧР*
*составлено автором

Самым большим количеством природных объектов отличаются Шебекинский, Белгородский и Валуйский районы Белгородской области. В них преобладают памятники природы и заказники.

В Шебекинском районе разработано 3 туристических маршрута экологической направленности:

1. Эколого-познавательный маршрут «Уникальные памятники природы Шебекинского района»;
2. Историко-экологический маршрут по территории Вознесенского и Бежанского сельских поселений;
3. Эколого-рекреационный маршрут в родовое экоселение «Кореньские родники».

Единственным заповедником на данной территории является «Лес на Ворскле» – центральный участок заповедника «Белогорье», который является эталоном нагорной дубравы Среднерусской лесостепи. В XVII веке входил в состав Белгородской оборонительной черты. На территории заповедника есть дубы 250 – 300-летнего возраста высотой до 35 м. Традиционными экскурсионными объектами являются Музей природы, дендрарий и «вековые дубы»[8].

По площади системы ООПТ лидирует Белгородский район (около 15,8 тыс. га). На сегодняшний день в Белгородском районе насчитывается 14 участков особо охраняемых природных территорий. Главным образом они сконцентрированы в пределах города и в его пригородах, образующих зеленое кольцо, составляющее 2600 га. Зеленое кольцо города представлено урочищами «Оскочное», «Монастырский лес», «Городской лес», «Уткина Яруга», «Архиерейская роща», «Сосновка», «Массив», «Пески»[6].

Наибольшей плотностью достопримечательностей (на единицу площади района) отличаются Белгородский, Борисовский, Волоконовский и Валуйский районы Белгородской области (рис. 3)

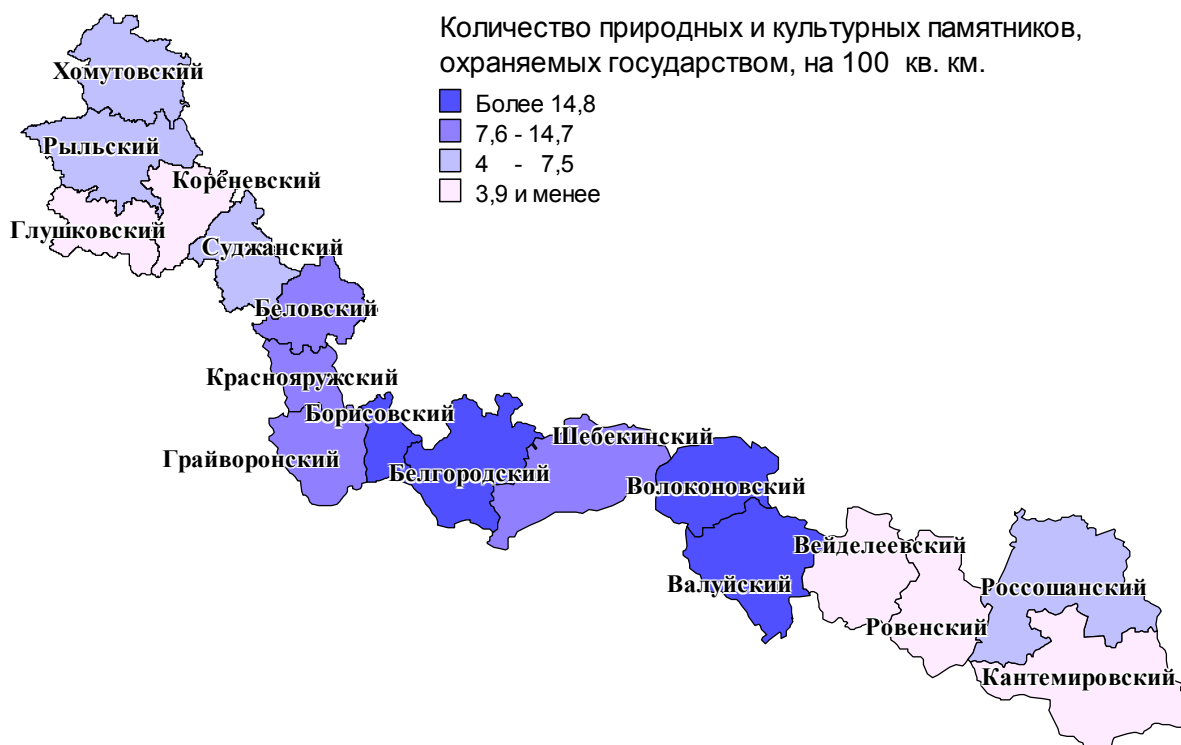

Рис. 3. Количество достопримечательностей на 100 кв. км. территории*

*составлено автором

Особо следует отметить ресурсы для этнографического и сельского туризма. Общие корни обусловили наличие у приграничных районов схожих явлений традиционной культуры населения. В большей степени традиции и обычаи сохраняются в фольклорной памяти людей. Однако, постепенное старение и вымирание сельского населения, влияние СМИ и распространение в общественном сознании новых культурных агентов резко ограничили сферу действия этнокультуры. Одним из наиболее стойких ее элементов остались кулинарные традиции, как в повседневном, так и в празднично-ритуальном варианте (борщ, пироги, крестинная каша, каравай, блины).

Традиционная застройка сел, планирование двора и самого жилья мало изменились за последнее время. Переоборудовать интерьер дома (провести газ, водопровод, канализацию) удастся пока еще не всем, поэтому во многих домах сохраняется печь или плита, грубка[3]. На территории приграничных районов ЦЧР сохранились многие народные промыслы.

Среди районов Курской области наибольшими ресурсами для развития сельского и этнографического туризма обладает Суджанский район. Следует отметить широко известный фольклорный ансамбль «Тимоня», ковроткачество и гончарное ремесло. Однако, данные ресурсы используются недостаточно. На территории района пока нет полноценной инфраструктуры для принятия туристов. В Суджанском районе всего две гостиницы (гостиница «Флагман» в Судже на 15 номеров и гостиница в селе Гuevo, рассчитанная на 50 человек). В Беловском районе сельский туризм начинает развиваться в селе Курочкино, где построен пока 1 дом на 10 человек и разработан сельский тур «Живет в веках российское село».

В Глушковском районе разработана экскурсия «Глушково, от истоков до наших дней». В тур входит экскурсия в краеведческом музее и в центре художественных промыслов. У туристов есть возможность научиться делать глиняные горшки, плести из лозы или ткать. На ферме можно покататься на лошадях, покормить их. Экскурсия охватывает села Званное и Лещиновку. Званное – одно из колоритных мест области, так как находится в близком соседстве с Украиной. В селе ежегодно отмечают праздник Ивана Купалы с песнями, плясками, в национальных костюмах и с прыжками через костер [9].

В Белгородской области в каждом приграничном районе есть объекты сельского и этнографического туризма (рис.4). Наиболее развит туризм в Грайворонском районе. Там построено 4 гостевых дома, 2 экскурсионных усадьбы, зона отдыха, 2 народных мастерских, домашний зоопарк, банно-досуговый комплекс и тематическая выставка «музей чаепития».

Всего в районе более 12 объектов сельского туризма. Самый большой и известный среди них – Туристический комплекс «Лесной Хутор на Гранях», занимающий площадь в 300 га, который находится в 80 км от города Белгорода в окружении лесного массива, богатого ягодами, грибами, целебными травами и чистым лесным воздухом. Гости обладают возможностью познакомиться с укладом сельской жизни, посетив избу-музей народной культуры и крестьянский двор с домашними животными, приняв участие в народных праздниках и обрядах [11].

О развитии туризма говорит и наличие сувенирной промышленности. В лавке «Грайворонский сувенир» продаются изделия традиционных народных промыслов: лоскутная кукла, народные костюмы, рушники, вышитые в ручную, плетеные корзины, изделия из бисера, изделия из соломки и др. В год выручка составляет примерно 300000 рублей.

Рис. 4. Объекты этнографического и сельского туризма в разрезе приграничных муниципальных районов ЦЧР*

*составлено автором

В Белгороде действует Белгородский государственный музей народной культуры, который ежегодно посещают около 60000 человек. Сквозная тема музейной экспозиции - формирование мировоззрения и нравственности человека, взаимосвязь с природой и влияние ее на весь жизненный уклад - особенно ярко выражена в разделе «Календарные и семейно-бытовые обряды». В русской деревне праздники справлялись из года в год, из века в век в определенном порядке, установленном традицией. В Борисовском районе работает музей крестьянского быта «Горница», открытый в 2001 году.

Большие перспективы для развития сельского туризма имеет Шебекинский район. Стоит отметить музей народного творчества села Купино, существующий с 1986 года. 12 залов музея посвящены истории, природе, археологии, этнографии, Великой Отечественной войне, народным ремеслам, старинным детским игрушкам и т.д. В районе 4 сельские усадьбы (родовое поселение «Кореньские родники», усадьба в хуторе Новая Заря, родовая усадьба В. М. Иванова в селе Терновое, усадьба мастера по лозоплетению Ф. М. Степко), несколько баз отдыха и рекреационных зон [10].

Еще одним перспективным направлением для изучаемой приграничной территории является паломнический туризм. Наибольшими ресурсами для развития паломнического туризма обладают Рыльский, Суджанский,

Беловский районы Курской области, Белгородский и Валуйский районы Белгородской области (рис. 5).

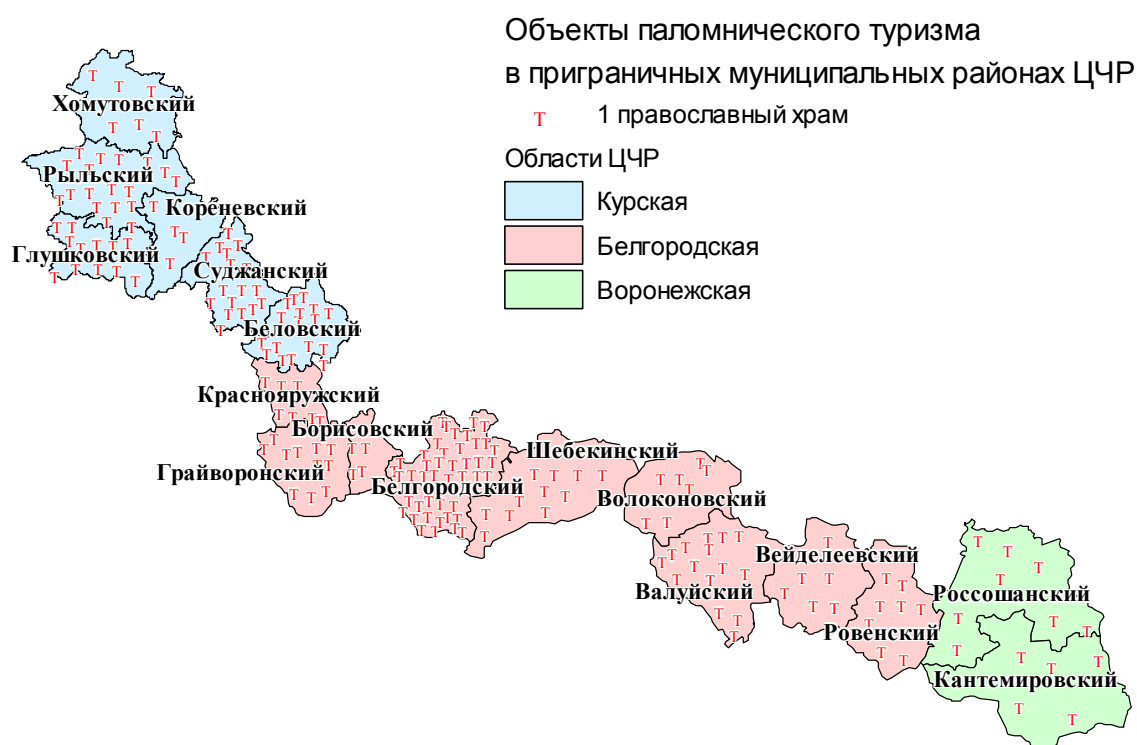

Рис. 4. Объекты паломнического туризма в разрезе приграничных муниципальных районов ЦФР*

*составлено автором

Самые известные и интересные для посещения объекты:

1. Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь, который впервые упоминается в источниках еще в 1505 году (город Рыльск).

2. Горанальский Свято-Николаевский Белогорский мужской монастырь. Обитель была учреждена около 350 лет назад, в 1672 году. (село Горналь, Суджанский район) [4].

3. Церковь Рождества Христова в селе Уланок (Суджанский район). Этот храм построен в традициях Русско-Византийского стиля и освящен в 1862 году. Храм Рождества Христова примечателен своими росписями, выполненными во второй половине XIX века и сохранившимися примерно на 70 %, которые оформлены по сюжетно-повествовательному типу и характеризуются необычным порядком расположения сюжетов – хронологическим, а не в соответствии с годовым литургическим календарём [13].

4. Успенско-Николаевский собор в Белгороде, построенный в 1703 году является самым старым из сохранившихся храмов Белгорода.

5. Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в городе Шебекино, один из новейших храмов Белгородской области и всего Черноземья, построен в 2004 году.

6. Валуйский Успенский Николаевский мужской монастырь, известный своими пещерными храмами и скитами. Первые пещеры появились на этом месте ещё в VI-VII веках, но официальное создание святой обители началось по указу царя Михаила Фёдоровича в 1613 году.

7. Свято-Николаевский собор (Валуйки), который одновременно может вместить до 3000 молящихся и является одним из самых больших храмов не только в Белгородской области, но и во всей России.

Существует несколько разработанных туристических маршрутов для приграничных районов Курской и Сумской областей.

1. Курск – Хомутовка – Калиновка
2. Курск – Рыльск – Глухов
3. Курск – Рыльск – Глушково – Белополье

На данных маршрутах наиболее аттрактивными туристическими объектами являются природные и культурно-исторические места российско-украинского приграничья. В связи с напряженной политической обстановкой между Россией и Украиной данные маршруты сейчас не востребованы, но в дальнейшем, они могут привлечь туристов с обеих сторон [12].

Таким образом, мы рассмотрели ресурсную базу для различных видов туризма приграничных районов ЦЧР. Приграничные районы имеют значительный рекреационный потенциал. Наибольшее количество и разнообразие рекреационных ресурсов в следующих районах: Рыльский, Суджанский, Белгородский, Шебекинский и Валуйский. Перспективы для отдельных видов туризма есть также в Грайворонском (сельский и этнографический туризм), Волоконовском (познавательный туризм краеведческой направленности), Беловском (паломнический туризм), Глушковском (познавательный и экологический туризм краеведческой направленности).

Однако для использования приграничного положения в освоении рекреационного потенциала станет возможным только при наличии политической стабильности в соседнем государстве и нормализации российско-украинских отношений на государственном уровне.

Литература

1. Александрова А.Ю. Роль и влияние границы, пограничности и трансграничности в развитии туризма // Устойчивое развитие туризма: стратегические инициативы и партнерство. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009.- С. 56-67
2. Большаков А. И. Формирование и развитие приграничных туристических кластеров, диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Москва, 2014
3. Бондаренко Г. Б. Современные формы трансляции этнокультурного наследия населения украинско-российского пограничья // Границы, культуры и идентичности Этнология восточнославянского пограничья// Российская академия наук Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва, 2012
4. Горнальский Свято-Николаевский Белогорский мужской монастырь <http://www.gornal.prihod.ru> (дата обращения: 02.03.2017)

5. Грайворон, 2014 <https://www.belpressa.ru/news/news/graj-voron03959/> (дата обращения: 02. 03. 2017)
6. Комарова М.Е. Жукова А.В. Управление качеством городской среды путем развития экотуризма в пригородной зоне агломерации, 2015 <http://www.inter-nauka.com/uploads/public/14283302718039.pdf> (дата обращения: 11. 03. 2017)
7. Мироненко Н. С., Твердохлебов И. Т. Рекреационная география. – М., Изд-во Московского ун-та, 1981 г. С ил., 207 с.
8. Муниципальный район «Борисовский район», 2013 <http://borisovka.ru> (дата обращения: 05. 03. 2017)
9. Отдых в Курской области <http://sarafanradio-kursk.ru/news/main/355.html> (дата обращения: 05. 03. 2017)
10. Путеводитель «Благодатный Шебекинский край» http://www.admsheb.ru/uploads/file/new-455_putevoditel_SHebekino.pdf (дата обращения: 02. 03. 2017)
11. Сведения об объектах сельского туризма, расположенных на территории муниципального образования «Грайворонский район» http://graiturizm.ucoz.ru/dokument/svedeniya_ob_obektakh_selskogo_turizma.doc (дата обращения: 02. 03. 2017)
12. Худякова Т.М., Воинова Н.Е. Туристский потенциал приграничных территорий Курской области //Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации [Текст]: материалы междунар. науч.-практич. конф. (г. Курск, 15–17 мая 2015 г.) /; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2015. – 235 с.
13. Церковь Рождества Христова в селе Уланок <http://ulanok.org> (дата обращения: 11. 03. 2017)
14. Шабалина Н.В. Эволюция представлений о туристско-рекреационном потенциале как основе формирования и развития туристско-рекреационных систем / Н.В. Шабалина, Власов В.С. // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: сб. трудов междунар. научн. конф. - М.: Советский спорт, 2008. - С. 391-399.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТКО-РЕКРЕАЦИОННОГО КЛАСТЕРА В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ

М.М. Вагабов¹, М.Д. Гаджиев², И.И. Эфендиев³

¹*Московский политехнический университет, Москва*

²*Дагестанский государственный университет, Махачкала*

³*Администрация Главы и Правительства Республики Дагестан,
Махачкала*

e-mail: 9162803@mail.ru, e-garant@bk.ru, prd.press@yandex.ru

Аннотация. В последние годы после многолетнего периода своего упадка и стагнации туристско-курортное хозяйство Южного Дагестана стало приобретать устойчивые темпы роста. Прослеживается увеличение потока туристов в Юждаг из других регионов России и зарубежных стран. В статье подчеркивается о необходимости разработки адекватного современным общественным реалиям концепции функционирования и развития в Южном территориальном округе Республики Дагестан туристско-рекреационного кластера. Делается вывод о том, что основу кластерообразования в регионе должны составлять две стратегии развития. Первая определяется

укреплением традиционных связей и отношений туристско-курортной отрасли с сельским хозяйством и этнокультурной составляющей самого южного из приграничных регионов России, которые сложились еще в советское время. Вторая – адаптацией этой отрасли к вновь возникающим потребностям и предпочтениям, характеризующим туристский спрос в масштабе страны и мира в целом.

Ключевые слова: Дагестан, Каспийское побережье, туризм, курортное хозяйство, бренд, туристско-рекреационный кластер.

Южный территориальный округ Республики Дагестан, расположенный на границе Российской Федерации с Республикой Азербайджан, обладает значительным потенциалом для развития многопрофильного и высокоэффективного туристско-рекреационного кластера. Благоприятными условиями и ресурсами характеризуются не только приморская, но и горная зона Южного Дагестана. Данный регион с его пестрой и для жителей равнинной Средней полосы России весьма экзотичной природной и культурно-исторической средой с советских времен считается очень перспективным туристическим и курортным районом страны. Такое мнение подтверждается основными положениями Схемы развития туризма и массового оздоровительного отдыха в Приморской курортной зоне Дагестана, согласно которым южный участок этой зоны – от г. Избербаш до границы с Азербайджаном – со временем должен превратиться в одну из главных общероссийских здравниц с крупнейшими курортно-оздоровительными комплексами в районе Каякентского и Дербентского взморий [2]. Согласно обновленным в самое последнее время положениям Схемы развития туризма и массового оздоровительного отдыха в Приморской курортной зоне Дагестана, южный участок этой зоны – от г. Избербаш до границы с Азербайджаном – со временем превратится в одну из главных общероссийских здравниц с крупнейшими курортными комплексами в районе Каякентского и Дербентского взморий [15]. На каспийских песчаных пляжах Юждага предполагается разместить 8 приморских курортов – Инчхе, Новокаякентский, Аджи, Уллучай, Дарвагчай, Северо-Дербентский, Южно-Дербентский и Рубас. По каждой из этих территориально-рекреационных систем еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг. специалистами Московского института ГИПРОГОР были разработаны проекты детальной планировки. Средняя протяженность береговой полосы спроектированных курортов – от 4 до 6 км (рис. 1).

Рекреационное освоение Каспийского побережья Юждага до сих пор осуществлялось в основном стихийно, в большинстве случаев с нарушением действующих как строительно-планировочных, так и экологических нормативов. По состоянию на 2015 г. в пределах рассматриваемого участка каспийского берега расположены 42 здравницы, в том числе 27 баз отдыха, 6 туристских баз, 3 пансионата, 1 профилакторий санаторного типа, 2 детских оздоровительных и 3 студенческих спортивно-оздоровительных лагеря. Их

суммарная емкость составляет примерно 5,7 тыс. мест, или 34% от емкости всей приморской рекреационной сети Дагестана.

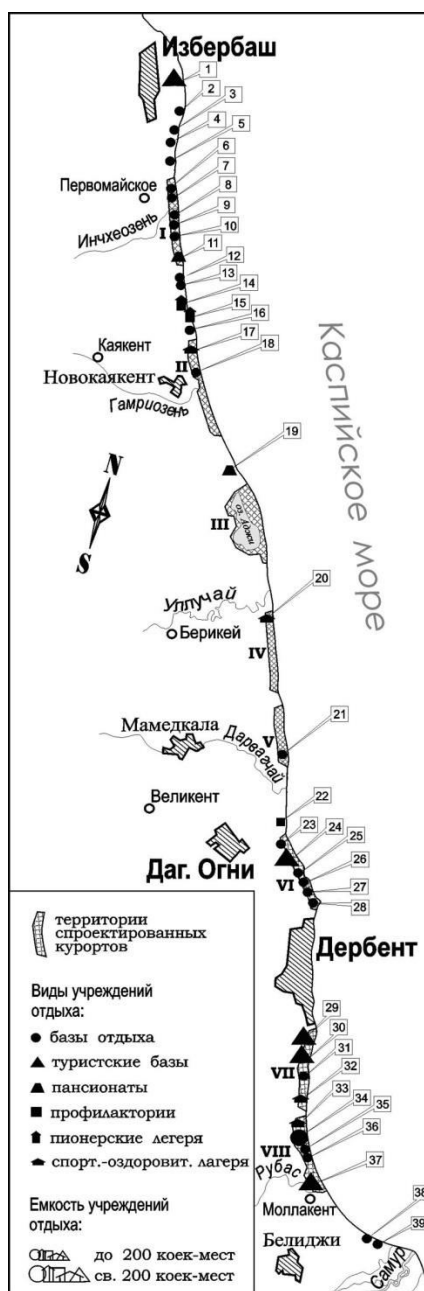

Рис. 1. Приморские учреждения отдыха в Южном Дагестане (номерами отмечены существующие учреждения отдыха)

Спроектированные курорты:

I – Инчхе, II – Новокаякентский,
 III – Аджы, IV – Уллучай, V – Дарвагчай, VI – Северо-Дербентский,
 VII – Южно-Дербентский, VIII – Рубас.

В самой северной части зоны, около г. Избербаш находится 5 учреждений отдыха. Это 4 базы отдыха, принадлежащие предприятиям города и одна туристская база («Прибой») ОАО «Дагестантурист». Южнее,

на взморье Каякентского района, имеется 15 учреждений отдыха, часть из которых принадлежит организациям района и республики. Хозяевами 5-ти из них являются предприятия и учреждения, расположенные в других регионах страны.

Более освоена в рекреационном отношении приморская зона в пределах Дербентского района. В ее пределах расположено 20 учреждений отдыха: 5 туристских и 13 оздоровительных баз отдыха, 1 профилакторий санаторного типа и 3 студенческих спортивно-оздоровительных лагеря. Одновременно здесь может быть размещено до 4 тыс. отдыхающих [8]. Балансовая стоимость фондов рекреационного хозяйства южного участка дагестанского Приморья (постройки для жилья и бытовых нужд, ограждения территорий, пляжные сооружения) на начало 2015 г. составила 8,9 млн долл. США.

Эти суммы были определены в основном с использованием учетных материалов по каждому из владельцев приморскими учреждениями отдыха, а также соответствующих документов из отдела курортного строительства при Минархстрое РД. Во внимание принимались действующие на разные периоды индексы переоценки фондов недвижимости по РФ, которые в последние примерно два десятилетия осуществлялись несколько раз. При оценке стоимости некоторых рекреационных объектов использовался также экспертный метод, опирающийся на усредненный показатель балансовой стоимости всех аналогичных объектов на побережье.

Стоимость фондов рекреации всего южного участка дагестанского побережья сравнительно невелика. Это объясняется тем, что большинство баз отдыха здесь имеют малые размеры, а их жилой фонд представлен главным образом сборно-щитовыми одноэтажными строениями, вместимостью от 8 до 40 коек-мест. 18 баз отдыха имеют емкость от 20 до 40 мест, 10 – от 40 до 100 мест и 5 – от 100 до 200 мест. Выделяется только база отдыха Дербентского консервного комбината с 440 койко-местами. Наиболее крупные учреждения рекреации на побережье Юждага – это турбазы, находящиеся в ведении ОАО «Дагестантурист». Здесь их 5 с суммарной емкостью около 3 тыс. коек-мест.

Из числа последних можно выделить турбазу «Рубас» на 500 туристов, расположенную в 12 км к югу от Дербента. В преддверии окончания туристского бума в Дагестане (конец 1980-х гг.) это учреждение приморского отдыха считалось одним из самых комфортабельных и привлекательных среди прочих здравниц республики. Помимо организации пляжного отдыха, находящимся на этой базе туристам предлагались разнообразные экскурсионные маршруты с посещением древнейшей Дербентской цитадели Нарын-Кала, Табасаранской ковровой фабрики, художественной фабрики в пос.Кубачи, виноградо-винодельческих совхозов в Геджухе и Мамедкале, Хучнинского водопада и других памятников природы, истории и современности Дагестана.

Для достижения более полного и разнообразного рациона питания возле т/б «Рубас» было создано подсобное хозяйство с земельным участком площадью около 20 га для выращивания овощей и фруктов, выстроена малая птицеферма. Вместе с тем для этой турбазы остается злободневным целый ряд гидроэкологических проблем, обусловленных нахождением этой турбазы в самом устье одноименной реки. Это проблемы периодических весенне-летних паводков, размыва речного берега в пределах турбазы, загрязнения зоны морского купания речным выносом, наконец, подтопления хозяйственных площадей в результате современной морской трансгрессии [17].

В целом поток туристов в республику из других регионов России пока невелик. Большинство баз отдыха, ранее принадлежавших предприятиям и учреждениям республики, стали частными владениями. Отдельные фонды приморской рекреации были перепрофилированы.

Серьезно осложнила процесс туристско-рекреационного освоения Дагестанского побережья трансгрессия Каспийского моря, которая началась с конца 1970-х гг. и обусловила активный размыв и подтопление грунтовыми водами приморских территорий. Хотя подъем уровня моря и закончился к 1996 г., процессы береговой абразии еще продолжаются. Размыв песчаных пляжей Каспия происходит из-за зарегулирования практически всех рек этой зоны и интенсивных разработок пляжных песков для строительных нужд, которые ведутся несанкционированно и обусловили заметное ухудшение экологической ситуации в береговой полосе [8; 13]. Ныне фактически все приморские объекты рекреации в южной части Дагестанского побережья подвержены негативному воздействию морской трансгрессии. По существующим прогнозам при достижении уровнем Каспия отметки минус 25 м в зоне подтопления окажутся 3, затопления – 18 и размыва – столько же (18) учреждений отдыха Южного Дагестана.

Дальнейшее развитие рекреационного хозяйства дагестанского Приморья потребует освоения новых участков земель. На побережье Южного Дагестана это может вызвать возникновение сложных проблем, связанных с необходимостью отторжения площадей, занятых виноградниками. Так, по существующему генплану рекреационной застройки Каякентского взморья под селитебные и коммунально-складские помещения должны отойти 80 га виноградных плантаций с. Берикей. Это село по проекту со временем превратится в один из центров хозяйственного обеспечения нескольких приморских курортных комплексов. Сами комплексы планируется огородить от сельхозугодий буферными лесными полосами, служащими преградой для ветров и пылевых потоков [16].

На Теркемейской равнине (междуречье Дарвагчай – Гамриозень) традиционно осуществляется зимний выпас большого поголовья мелкорогатого скота. Поэтому со строительством приморских курортных комплексов может остро встать вопрос об изменении расположения в этой зоне трасс перегона и мест выпаса сельскохозяйственных животных [10; 18].

Хорошие перспективы для развития лечебно-оздоровительной рекреации имеются не только у приморской, но и у горной зоны Юждага. Так, на р. Ахтычай при впадении ее в р. Самур на высоте 1060 м у селения Ахты расположена хорошо известная в Дагестане лечебная местность с выходами 7 источников термальных слабоминерализованных вод. По химическому составу эти воды хлоридно-гидрокарбонатно-натриевые с небольшой минерализацией (1,2 г/л) и малым содержанием сероводорода (до 10 мг/л). Дебит только горячих источников составляет более 250 тыс. л/сут., температура воды до +53°C. Ахтынские минеральные воды идентичны бальнеологическим типам источников Эссентуки, Кисловодска и Пятигорска. Такие воды используются для лечения различных заболеваний.

Ахтынский горный курорт находится в центре крупного садоводческого района и характеризуется благоприятными рекреационно-климатическими условиями. Возле него расположена опытная станция по выращиванию ценнейших сортов косточковых и семечковых фруктов. На базе бросовых термальных вод здесь функционирует парниковое хозяйство, где на протяжении всего года выращиваются овощи [14].

Ахтынские целебные воды используются населением с давних времен. Еще в 1839 г. по распоряжению командования царской армии были построены специальные помещения для оздоровительного отдыха и приема лечебных ванн. С 1958 г. на базе этих минеральных источников стал функционировать детский кардиологический санаторий на 50 коек. Сюда стали съезжаться больные из различных районов Дагестана и Азербайджана. Кстати сказать, Азербайджанское правительство в свое время обращалось с предложением к республиканским властям сдать эту курортную местность в аренду сроком на 20 лет с гарантиями строительства современного курортного комплекса, подведения хорошо обустроенной асфальтированной дороги до сел. Ахты. Однако эти инициативы соседнего государства не были приняты во внимание. Ясно одно, что без помощи крупных инвесторов создать на базе ахтынских целебных источников южно-дагестанский аналог швейцарских курортов будет трудно.

Имеются проекты создания вдоль Самурского бассейна территориальной рекреационной системы типа «туристического конвейера», подобно практикуемому в некоторых горных странах мира [22]. Речь идет о цепи полифункциональных учреждений отдыха от курортов и туристических центров Каспийского побережья до лагерей для горнолыжников и альпинистов в высокогорьях Главного Кавказского хребта.

Очевидно, что со временем возрастет количество паломников из других районов республики и соседних мусульманских стран к святой горе Шалбуздаг. Отличительной особенностью Шалбуздага, в сравнении с другими высочайшими вершинами Дагестана, является то, что она как бы стоит особняком, вздымаясь одинокой пирамидой, увенчанной зубчатой вершиной. Благодаря такому расположению Шалбуздаг производит впечатление самой высокой вершины в южной части Дагестана, хотя

соседние вершины – Базардюзю и Шахдаг – фактически выше. На одном из склонов Шалбуздага расположено самое высокогорное селение в Европе – Куруш (2560 м над уровнем моря). Паломнические восхождения мусульман на вершину этой горы совершаются исстари. Это одна из главных природных святынь исламского мира. Сезон посещения паломниками Шалбуздага начинается с 20-х чисел июля и заканчивается в 20-х числах августа. Важно отметить, что религиозный туризм в последние годы превращается в механизм не только популяризации природно-культурного наследия дестинации, но и поддержания духовно-культурных традиций и процессов на уровне местного социума [11; 19].

В последние годы в Дагестане начинает приобретать популярность кулинарный туризм [4]. И это не случайно: местные блюда и напитки представляют собой весьма пеструю кулинарную мозаику с множеством ярких и необычных деталей. Кулинарное искусство дагестанских народов складывалось на протяжении тысячелетий, вбирая в себя уникальное разнообразие кулинарных традиций жителей Передней Азии и Ближнего Востока и заимствуя кулинарные секреты у тех, кто веками жил и торговал вдоль Великого Шелкового пути.

Богатством и красотой отличаются свадебные церемонии во всем горном Дагестане. Они включают в себя театрализованные представления, изготовление разнообразных национальных блюд. Вообще, использование большого количества праздничных блюд – очень характерная черта дагестанской кулинарии. В процессе их изготовления обычно заняты все, от мала до велика, и это действие зачастую проходит с участием гостей, соседей, родственников. Получается живая этнографическая сцена с демонстрацией сохранившихся исстари способов приготовления всех ингредиентов национальных блюд [1].

Турист на горном маршруте может увидеть процесс перегонки овец, познакомится с древними чабанскими способами приготовления пищи из баранины, со свадебным лезгинским блюдом "бирганд" (запекание барашка в тандыре), сотнями способов приготовления шашлыка. Подлинным открытием для туриста в кулинарном туре может стать мастер-класс по приготовлению многочисленных блюд: от традиционных шашлыков, до супов по древним рецептам с сушеным мясом и колбасами.

Есть здесь что предложить и любителям рыбной кулинарии. Они могут насладиться горной форелью, голавлем, каспийским судаком и лососем, кутумом, кефалью, осетровыми и просто бычками, озерными толстолобиком и морским сазаном. Понятно, что специфика рыбного гастрономического тура во многом будет определяться от характера функционирующие местных приморских и горно-речных рыболовных баз и кемпингов [20].

В традиционных дагестанских блюдах – курзе, чуду, пирогах, кроме обычных мясных начинок, широко используются травы, хальяр, крапива, ботва, черемша, дикий лук и чеснок, а также тыква, кабачок, баклажан.

Поэтому соответствующие гастрономические туры могут быть по вкусу как поклонникам вегетарианской кухни, так и мясоедам [6].

Практически каждое винодельческое предприятие Южного Дагестана имеет дегустационные залы, прекрасные подземные хранилища, и даже собственные музеи с ботаническими садами. Их экскурсоводы могут рассказать об истории местного виноделия, успехах в применении эффективных технологий производства коньяков, вин, шампанского, кагоров. Правда, пока еще ни на одном винодельческом или коньячном заводе не проявлялась заинтересованность в развитии энотуризма [4]. Между тем, проведение энотуров по старейшим винодельческим предприятиям и коньячным заводам Юждага, не имеющим аналогов в России, экскурсии по частным виноградникам, а также непосредственное участие туристов в сборе солнечной ягоды и изготовлении вина – это, несомненно, перспективное направление совершенствования индустрии туризма в республике.

Запоминающимся гастрономическим туром может оказаться тот, который совпадет с периодом сбора в горах абрикосов и персиков. В большинстве районов Южного Дагестана в этот период туристам можно предложить поучаствовать в сборе целебной кураги, растущей на скалистых склонах, и заготовке ее на хранение. В программу могут быть включены экскурсии на консервные предприятия, производящие экологические соки, джемы, компоты, варенья и т.д. Кстати сказать, проблема использования пространственно-временных закономерностей вызревания различных сортов абрикоса в разных высотно-климатических условиях республики (разрыв достигает 2-х месяцев) с целью оптимизации сбыта этой фруктовой культуры в летний туристский сезон активно обсуждалась еще в 1980-е годы [7].

Брендом Южного Дагестана являются уникальные по своим вкусовым качествам сорта яблок. В советское время небольшие партии яблок, выращиваемых в Ахтынском районе, экспортировались в лечебные учреждения ряда зарубежных государств. Именно с тех пор идет молва о непревзойденных вкусовых и экологических качествах выращиваемых в Южном Дагестане косточковых культур. В последнее время в Южном Дагестане ежегодно 30-го октября празднуется День ахтынских яблок.

Лечебно-гастрономические ресурсы альпийских лугов Южно-Дагестанского региона складываются из богатейшего разноцветья лечебных и ароматических трав для чайных сборов. Большой популярностью у местного населения пользуются плодово-ягодные сборы из облепихи, кизила, шиповника, барбариса, боярышника, дикой малины и ежевики, которые широко используются как в быту, так и в народной медицине [9].

В рамках экологических, этнографических и собственно гастрономических туров в горах гостям можно предложить чайные туры, совмещенные с посещением медовых пасек. Здесь туристам будет интересно пройти медовый семинар по всем видам горного меда, производимого в Южном Дагестане.

Таким образом, кулинарный туризм помогает путешественнику открыть дестинацию с совершенно новой стороны. От того, насколько полно и глубоко представлены традиции национальной кухни и виноделия, как гармонично они вписываются в этнокультурную "ткань" региона, будет зависеть общее впечатление туриста о нем. Кулинарию вполне справедливо относят к важнейшим факторам, влияющим на туристские и финансовые потоки, укрепление стабильности и устойчивого развития дестинаций [3; 23]. Поэтому в республике востребована специальная государственная программа, нацеленная на эффективное развитие кулинарного туризма как важнейшего компонента регионального аграрно-туристического кластера [5; 10; 21].

В заключение отметим, что в последние 5-7 лет после примерно четвертьвекового периода своего упадка и стагнации туристско-рекреационное хозяйство Юждага стало приобретать устойчивые темпы роста. Увеличился поток туристов из других регионов России и из-за рубежа. Все это говорит о необходимости обновлении подходов к проектированию и решению текущих проблем формирования туристско-рекреационного кластера Южного Дагестана. При этом основу кластерообразования, на наш взгляд, должны составить две стратегии. Первая из них определяется задачами укрепления традиционных связей и отношений туристско-курортной отрасли с сельским хозяйством и этнокультурной составляющей самого южного из приграничных регионов России, которые сложились еще в советское время. Вторая – вопросами адаптации этой отрасли к тем новым потребностям и предпочтениям, которые ныне характеризуют туристский спрос в масштабе страны и мира в целом.

Литература

1. Абуева Ж.Н. Дагестанская кухня. Махачкала: Изд. дом "Эпоха", 2012. 230 с.
2. Арухов З.С., Эльдаров Э.М., Эфендиев И.И. Присамурье как объект согласования межгосударственных интересов // Каспий: инвестиционный потенциал и перспективы сотрудничества: Матер. межрегион. круглого стола (26 мая 2005 г.). – Махачкала: Миннац РД, 2005. С.93–98.
3. Балынин К.А. Аспекты диверсификации гастрономического туризма // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. Вып. 1. С. 97–108.
4. Вагабов М.М. Выбираем: в Скандинавию или в Дагестан // Проджи. 2014. №1(40). С.152–157.
5. Гаджиев М.Д., Гусейнов А.Г., Эльдаров Э.М. Вопросы моделирования туристических кластеров // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. №4. С. 67–72.
6. Дагестанское блюдо «чуду» [Электронное издание] // Али Аскеров – Энциклопедия Кавказа. 21.01.2016. Режим доступа к журн. URL: <http://tanci-kavkaza.ru/dagestanskoe-blyudo-chudu/> (дата обращения: 20.01.2017)
7. Даниялова Н.В., Эльдаров Э.М. Некоторые проблемы интенсификации плодовоовощного хозяйства Дагестана // Внутрипроизводственные резервы в системе хозяйственного механизма предприятий (объединений). Махачкала: Даг. ФАН СССР. 1981. С. 3–21.

8. Джамирзоев Г.С., Трепет С.А., Эльдаров Э.М. Формирование государственного заповедника в дельте реки Самур // Труды Географического общества РД. Вып. 39. Махачкала, 2011. С.15–24.
9. Как заработать на сборе и продаже лекарственных трав [Электронное издание] // Lady-Biznes.ru. 31.05.2016. Режим доступа к журн. URL: <http://lady-biznes.ru/rabota-na-domu/kak-zarabotat-na-sbore-lekarstvennyh-trav.html> (дата обращения 20.01.2017)
10. Магомедов А.М., Эльдаров Э.М. Проблемы формирования агрорекреационных кластеров в Дагестане // Туризм и региональное развитие: сборник научных статей. Вып. 7. Смоленск: Универсум, 2014. С. 30–32.
11. Овсянников В.П., Якунин В.Н. Религиозный туризм как механизм поддержания духовно-культурных процессов на уровне регионального социума // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 9 (70). С. 107-117.
12. Присамурье: водохозяйственные проблемы и перспективы / Отв. ред. И.М. Сайпулаев, Э.М. Эльдаров. Махачкала, 2003. 156 с.
13. Сайпулаев И.М., Эльдаров Э.М., Эфендиев И.И. Социально-экологические проблемы водохозяйственной деятельности в бассейне реки Самур // Мелиорация и водное хозяйство. 2005. №1. С.26–28.
14. Сельская местность юга России на рубеже веков: проблемы занятости населения / Отв. ред. И.И. Эфендиев, Э.М. Эльдаров. Махачкала: Изд. Наука-плюс, 2004. 204 с.
15. Стратегия социально-экономического развития территориальной зоны «Прибрежный Дагестан» до 2025 года. Махачкала: Правительство РД, 2012. 204 с. Режим доступа к журн. URL: <http://www.minec-rd.ru/voprosy-ekonomiki/strategii-razvitiya-territorialnykh-zon-respubliki-dagestan-do-2025-goda> (дата обращения 20.03.2017).
16. Эльдаров Э.М. Вопросы согласования интересов развития рекреации и виноградарства в Приморском Дагестане // Проблемы морехозяйственного комплексобразования в Дагестане. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. С.104-107.
17. Эльдаров Э.М. Поисковое экономико-географическое прогнозирование рекреационного освоения района (на примере Приморского Дагестана): автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. МГУ. М., 1988. 23 с.
18. Эфендиев И.И., Алиев Ш.М. Вопросы стратегического управления туристскими организациями в условиях рынка // География и туризм. Сб. науч. трудов. Пермь: ПГУ, 2006. С. 249–259.
19. Якунин В.Н. Значение религиозного туризма для популяризации историко-культурного наследия // Вектор науки Тольяттинского госуниверситета. 2013. №1 (23). С. 282-283.
20. Eldarov E.M. , Gadzhiev M.D., Vagabov M.M. Factors of development of fishing tourism in Dagestan // Ponte. 2016. Volume 72. Issue 12. P. 263-269.
21. Eldarov E., Gadzhiyev M., Muduev Sh. Environmental management's clusters in Dagestan // Book of Abstracts International Geographical Union Regional Conference (17-21 August 2015, Moscow, Russia). Moscow, 2015. P. 761.
22. Tourism: Principles and Practice / Ch. Cooper, J. Fletcher, A. Fyall, D. Gilbert, S. Wanhill. London: Pearson Education Limited, 2008. 704 p.
23. Wolf E. Culinary Tourism: The Hidden Harvest. – Kendall: Hunt Publishing, 2006. 59 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ТУРИСТСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н.Е. Воинова, Д.В. Арцыбашев, А.А. Шеставина

Курский государственный университет, Курск
e-mail: dionis-travel@mail.ru, woino@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается туристский потенциал Курской области, как приграничной территории России.

Ключевые слова: туристский потенциал, туристская дестинация, туристские ресурсы, приграничная территория.

Социальная направленность в деятельности российского государства выражается в расширении исследований туристского потенциала приграничных территорий. Большие возможности туризма как отрасли экономики, сферы досуга, средства духовного развития личности, способа сближения и взаимопонимания людей в современном мире. Туризм можно рассматривать как одно из перспективных направлений развития общества. Во многом благодаря туризму растет интерес к различным дестинациям и тем самым удовлетворяются потребности человека в отдыхе, рекреации, досуге, спорте.

Формирование рекреационных потребностей населения начинается с создания положительного имиджа территории. [4, с.113] Формирование положительного имиджа территории позволяет решать разнообразные задачи, главными из которых являются:

- создание уникального туристического продукта, который выделит регион на туристическом рынке и позволит занять свою рыночную нишу;
- разработка регионального туристического бренда;
- сохранение культуры и обеспечение преемственности народных традиций;
- способность повышать образовательный уровень местного населения и гостей.

Создание благоприятного имиджа дестинации является неотъемлемой частью формирования рекреационных потребностей человека. В целом все это может создать условия для активизации культурной, цивилизованной и гуманистической роли туризма.

Курская область, обладающая уникальными природными ресурсами, имеет к тому же удобное географическое положение и выделяется большим количеством историко-архитектурных, этнографических и природных памятников. Курский край, расположенный в центре европейской России, всегда занимал в ее истории особое место. Это связано как со спецификой

экономико-географического положения, так и с особенностями народной культуры и традициями духовной жизни, наличием многочисленных памятников истории, архитектуры, природы.

Когда сюда приезжает любитель путешествовать или просто приезжий, с этим регионом возникают ассоциации с ароматной антоновкой и трелями соловьев, богатейшими запасами железных руд Курской магнитной аномалии, грандиозной Курской битвой, уникальным Центрально-Черноземным биосферным заповедником.

Поэтому неудивительно, что Курская область может привлекать внимание потенциальных туристов, так как на ее территории имеются возможности для развития культурно-познавательного, религиозного, этнографического, экологического, событийного видов туризма.

Объектами туристского интереса в Курской области, которые имеют возможность сформировать рекреационную потребность у туристов, являются культурно-исторические памятники. На сегодняшний день их в области насчитывается свыше 4,5 тысяч. [3]

Среди культурно-исторических памятников можно отметить дворянские усадьбы и парки. Наиболее посещаемыми туристами являются дворцово-парковый ансамбль князей Барятинских «Марьино» в селе Ивановское (Рыльский район). Здесь расположены памятник архитектуры XIII века трехэтажный дворец, аллеи многовековых деревьев, пруд. В Золотухинском районе находится восстановленная в 2015 г. усадьба русского поэта А.А. Фета. В Фатежском районе туристы посещают дом-музей известного русского композитора Г.В. Свиридова.

На территории Курской области расположено много исторических памятников архитектуры. В пригороде Курска (урочище Моква) расположен дворец графа А.И.Нелидова – памятник архитектуры XIX века, в архитектуре дворца использованы стили разных эпох.

В центре Курска внимание туристов привлекают архитектурный комплекс XVII века – палаты бояр Ромодановых, польский костел, выполненный в стиле псевдоготики, дом бывшего Дворянского собрания, дом – музей ученых, деда и внука Ф.А.Семенова и А.Г.Уфимцева. В городе Рыльске сооружен памятник «Колумбу российскому» Г.И.Шелехову.

Особую часть курского туристского потенциала составляют места и памятники периода Великой Отечественной войны 1941-45 гг.. Практически каждый административный район области представляет собой территорию, хранящую следы и факты военных сражений и героического сопротивления русского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Одновременное действие тысяч танков и самоходных орудий с обеих сторон вошедшее в историю как «Курская битва» вызывает огромный интерес у людей не одного поколения. Подвиг саперных частей в Поньровском районе, разминировавших и обезвредивших сотни тысяч противотанковых мин навечно вошли в память людей:

К военно-историческим достопримечательностям области, можно отнести военно-исторический музей командного пункта Центрального фронта, расположенный в местечке Свобода Золотухинского района, единственный в России военно-исторический музей «Юные защитники Родины».

В год 70-летия великой победы советского народа в Великой Отечественной войне на территории Курской области были торжественно открыты два военно-исторических памятника. В Поныровском районе введен в строй уникальный мемориальный комплекс «Героям Северного фаса Курской дуги»

Другой объект – мемориальный комплекс «Поклонная высота 269» северного фаса Курской дуги находится на высоте 269 м Фатежско-Льговской гряды в Фатежском районе. В июле 1943 года здесь располагался командный пункт 70-й армии НКВД, отстоявшей эти высоты перед наступающей 9-й немецкой армией. Мемориальный комплекс установлен с целью увековечения подвига советских воинов, ценой своих жизней не допустивших прорыва немецко-фашистских захватчиков к Курску в июле 1943 года.

Интересными для посещения туристов являются областной краеведческий музей, военно-исторический музей Курской битвы, областной музей археологии, музей истории автомобильного транспорта, музей истории электротранспорта.

Второе привлекательное для туристов направление в Курской области – религиозный и паломнический туризм. До 1917 года на территории Курской губернии было 418 различных храмов, церквей и соборов. Работали монастыри: Курский Знаменский мужской монастырь, Курский Свято-Троицкий женский монастырь, мужской монастырь Рождества Пресвятой Богородицы Коренная Пустынь, Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь. В настоящее время в Курской области действует более 200 храмов и 4 монастыря.

Наибольшей популярностью пользуется маршрут в местечко Свобода, где расположен мужской монастырь Рождества Пресвятой Богородицы Коренная пустынь. Монастырь построен в 16 веке в честь иконы «Знамение» Божьей Матери Курско-Коренной. Возродились крестные ходы перенесения иконы из Коренной пустыни в Знаменский собор г. Курска и приуроченная к ним всемирно известная с 17 века Курская Коренская ярмарка.

Другим паломническим центром области можно считать восстановленный Свято-Николаевский мужской монастырь в городе Рыльске. Впервые он упоминается в письменных источниках в 1505 году. Один из храмов, расположенных на территории монастыря, построен отцом знаменитого мореплавателя Г.И.Шелехова.

Расположенный в центре Курска Знаменский мужской монастырь был учрежден в ознаменование победы курян над польско-литовскими войсками в 1612 г. До наших дней монастырь полностью не сохранился. На его месте в

начале XIX века был построен Знаменский кафедральный собор, который является одним из величественных церковных строений. Во дворе монастыря сохранилась однокупольная Воскресенская церковь – долгое время здесь располагались цеха электроаппаратного завода. В 2016 г. здание передано Курской епархии и ведутся восстановительные работы.

Посетителям Курска будет интересно посещение Сергиево-Казанского кафедрального собора, который был построен в конце XVIII века в честь святого Сергия Радонежского и Казанской иконы Божией Матери. Один из пределов храма посвящен Преподобному Серафиму Саровскому, наиболее почитаемому на Руси святому, уроженцу города Курска.

Привлекательна для туристов природа Курского края. В области свыше 50 памятников природы, представляющих научную и культурную ценность. Это геологические памятники, степи с реликтовыми растениями и луга, леса и лесные культуры, озера и болота, сады и парки. Большинство естественных памятников расположены в поймах и долинах рек, на крутых склонах. Именно берега и склоны рек раскрывают подчас перед людьми геологические и археологические тайны прошлого. В меловых обнажениях на берегах рек Сейм и Псел можно найти остатки обитателей древних морей, а разрушающие овраги иногда дарят людям поистине золотоносные клады. Так, один из самых знаменитых кладов древних золотых украшений, найденный в Курской области, хранится сейчас в Оружейной палате Московского Кремля.

В области имеются также три ботанических заказника и один государственный заповедник. Все это охраняемые территории. Формирование рекреационных потребностей населения может идти через восприятие объектов экотуризма.

Важное место среди объектов экологического туризма занимает Центрально-Черноземный государственный биосферный заповедник имени В.В.Алехина, расположенный в 10 км от Курска. В 2015 г. этот научный центр отметил свое 80-летие. Центрально-Черноземный заповедник является единственным в мире эталоном луговой лесостепи с богатейшими черноземными почвами. В 1979 г. заповедник получил сертификат ЮНЕСКО и был включен в мировую сеть эталонных природных комплексов. В заповеднике произрастают более 900 видов аборигенных видов растений. Такая уникальность вызывает определенный интерес у туристов.

В Курске расположены памятники природы урочище Знаменская роща с уникальным дендропарком, заложенным в XIX веке, урочище Крутой Лог, где произрастают различные породы деревьев, озеро Линево с реликтовой растительностью.

На территории области также можно выделить уникальные объекты природы, которые могут заинтересовать туристов. Одним из них является памятник природы Зоринские болота, расположенные в Обоянском районе. Типы представленных там растений произрастали еще в ледниковую и послеледниковую эпоху. Другой объект уникальности природы это

гладиолусовые луга у села Карыж Глушковского района. Этот редкий для Курской области природный уголок расположен в пойме реки Сейм. Произрастают там дикие гладиолусы.

Объектами промышленного туризма можно назвать карьер Михайловского ГОКа и Курскую АЭС.

Таким образом, Курская область как приграничная территория обладает широким спектром интересных памятников истории и культуры, уникального природно-рекреационного потенциала, сложившихся культурных традиций. Это создает благоприятные предпосылки для формирования положительного имиджа Курской области как туристской дестинации.

Литература

1. География Курской области : Учеб. пособие . / Р. В. Кабанова, М. Р. Кудинова, Л. Б. Соколовский. - Курск : Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1997-
2. Сводный статистический ежегодник Курской области. Курск, 2015. – 308 с.
3. Таранова Ю.В. Формирование имиджа региона в условиях глобализирующегося сетевого общества / Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 5 (64). С. 113-126.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ГОСТИНИЧНОЙ ИНДУСТРИИ Г. ВОРОНЕЖ

О.А. Крутских

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж
e-mail: olj.kru@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние гостиничной индустрии г. Воронежа.

Ключевые слова: гостиница, хостел, номерной фонд, стоимость проживания, гостиничные услуги.

Гостиничный бизнес представляет собой одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений современной экономики и важным звеном его роста. Гостиничная индустрия рассматривается как составная часть туристской сферы и является основой для туристского продукта. Чем более привлекателен с туристской точки зрения регион, тем интенсивнее будет развиваться гостиничный бизнес.

Воронежская область характеризуется разнообразными туристско-рекреационными ресурсами, благодаря которым в регион приезжают туристы, чтобы познакомиться с заповедниками, монастырскими меловыми комплексами, музеями, развлекательными заведениями и пр. В регионе проводятся экономические форумы, благодаря которым определяются

перспективы развития территории и возможные направления инвестиционной привлекательности. В области проходят различные фестивали, театрализованные представления на которые приезжают как участники, так и гости. Для их размещения необходимы предприятия индустрии гостеприимства. Для того, чтобы туризм интенсивно развивался и привлекал посетителей первоочередной задачей перед предпринимателями встал вопрос об обеспечении разнообразными средствами размещения различных категорий граждан. Проанализируем состояние гостиничной индустрии на воронежском рынке недвижимости.

На основании исследования систем бронирования (101 hotels.ru, trivago.ru, booking.com) и интернет сайтов гостиничных предприятий определили, что в городе функционирует 65 гостиниц, отелей и 32 хостела. В анализ гостиничных предприятий не включались небольшие гостиничные номера с баней и сауной, в большей степени выполняющие функции отдыха местного населения и мотели, расположенные в пригородной зоне.

Город Воронеж территориально разделен на 6 административных районов. В Центральном районе находятся все основные объекты досуга, культуры, административные органы власти. Именно в этом районе сосредоточено более 50% гостиниц, которые представлены как вновь построенными, так и имеющие «отельерную» историю. Около 20% гостиниц располагается в Коминтерновском административном районе, расположенном на севере города. Через данный район проходит окружная дорога, связывающая Курскую область с Московским направлением, а также наличием больших площадей для строительства гостиничных комплексов на окраине города. На остальные 4 района приходится менее 30% отелей.

Рассмотрим время строительства гостиниц в городе. В советское время в 80-90 годы XX века было построено 6 гостиниц – пять из них располагались в центре города и одна – «Спутник» на выезде из Воронежа близ областной больницы. Крупнейшей среди построенных была гостиница «Брно», названная в честь города-побратима из Чехословакии и имеющая номерной фонд, превышающий 300 комнат. Кроме нее были «Россия», «Дон», «Строитель», «Воронеж». Все гостиницы («Воронеж» перестала существовать в 1989 году) в настоящее время реконструированы, закуплена новая мебель и сантехника, проведен косметический ремонт, что позволяет им конкурировать с вновь построенными гостиничными комплексами. В сложное перестроечное время до 2005 года в городе не была введена в эксплуатацию ни одна гостиница. За следующие 11 лет XXI века было построено свыше 60 гостиниц. За пятилетний период с 2005 по 2010 годы введено в эксплуатацию 16 гостиниц. Среди них выделялись «Бенефит Плаза Конгресс Отель» на 175 номеров, «Италия» с 73 номерами и «АРТ», имеющий 56 номеров, отвечающая требованиям 5 звезд. Именно «АРТ» стал эталоном стиля интерьера и стандартом качества обслуживания клиентов.

С 2011 по 2013 годы построено 25 гостиниц (отелей), а в 2014-2016 годы – 20. В эти периоды в городе возводились гостиницы международных

брендов Hampton by Hilton on Voronezh, Holiday Inn Express, Ramada Плаза Воронеж Сити центр в общем количестве имеющих более 500 номеров.

В городе Воронеже функционирует сеть отелей «Мир Гостиниц». Это региональная гостиничная сеть, под брендом которой успешно функционируют восемь современных и комфортабельных отелей в различных частях г. Воронежа. Названия отелей говорят сами за себя – «Италия», «Тибет», «Токио», «Норд», «Воронеж», «Украина», «Версаль», «Кубань». Каждая гостиница имеет свой неповторимый стиль, соответствующий названию, позволяющая мысленно перенестись в другие страны и регионы.

Во всех гостиницах города насчитывается более 2900 номеров разной вместимости. Мониторинг воронежских гостиниц показал, что 75% имеют номерной фонд менее 60 комнат, из них более половины гостиничных предприятий располагают менее 20 номерами. Всего 4 гостиницы, а это 6% имеют в своем распоряжении свыше 150 номеров. Следовательно, в Воронеже по международной классификации преобладают малые гостиницы.

Большинство гостиничных предприятий предоставляют услуги, характерные для категории, относящихся к трем звездам. Но также в Воронеже функционируют гостиничные комплексы, в которых посетителям представляют как стандартный набор услуг, так и услуги конференц-залов, бизнес - центров, тренажерных залов, различных видов бань, косметических салонов и пр.

В последние годы в гостиницах стали создавать комфортные условия проживания для людей с ограниченными возможностями. Анализ отелей показал, что лишь 4 гостиницы оборудованы такими номерами и все эти гостиницы имеют значительный номерной фонд и относятся к мировым брендам.

Проанализируем ценовые условия проживания. Стоимость проживания в течение одних суток в двухместном номере в различных отелях варьируют от 2,5 до 5 тысяч рублей. Средняя стоимость одноместного стандартного номера составляет 2000 руб., двухместного – 3500 руб. В одном ценовом сегменте могут быть отели разной категории звездности, что зависит от местоположения отеля, доверия к бренду, ценовой политики и пр. В то же время в городе существуют отели, которые в определенный период могут продать свои услуги за более высокую цену. К примеру, всемирно известный бренд Ramada Plaza имеет самые высокие цены на проживание, составляющие 5000 руб. за двухместный номер.

Анализ показал, что во всех номерах гостиниц имеется душевая кабинка или ванна и санузел. Джакузи находятся в номерах люкс. Как правило, в каждой гостинице предоставляются дополнительные услуги, такие как парковка и автостоянка, заказ такси, прачечная, химчистка и др. Кроме того гостиницы оказывают и дополнительные услуги в области безопасности и связи – кабельное и спутниковое телевидение, телефон, интернет, сейф. Почти во всех гостиницах работает одно или несколько

заведений общественного питания. Так, при 95% гостиницах имеется ресторан или кафе, около 50% располагают баром и лобби баром.

По данным опросов, проводимых аналитическими компаниями, загруженность гостиниц составляет в среднем по городу 55%, с незначительным увеличением в каникулярное время или в период проведения деловых встреч и форумов бизнесменов и производителей.

Кроме гостиниц к предприятиям размещения в городе относятся hostels и апартаменты. Создание hostels началось также в середине 2000 годов. Наибольшее количество введено в эксплуатацию в период с 2013 по 2015 годы. В настоящее время в Воронеже насчитывается более 32 бюджетных гостиниц для одновременного проживания на небольшой территории большого количества клиентов. Около 70% всех hostels также как и отелей находятся в пределах Центрального административного района города. Данный тип гостиниц в основном открывают в 4-5 комнатных квартирах старых домов (как правило) и незначительное количество hostels специально построено на свободной территории.

Для посетителей предоставляются не очень разнообразные услуги, как правило, есть общая кухня для приготовления пищи с небольшой обеденной зоной, в комнатах, стоят двухъярусные кровати, туалет и ванна на отсек или блок.

В городе Воронеже можно встретить hostels различной вместимости. Самый большой номерной фонд (104 комнаты) характерен для гостиницы «Орбита», представляющая собой дом артистов цирка, который функционирует по типу блочной системы как в современных общежитиях. Более половины hostels имеют до 10 номеров разной вместимости: от 16 кроватей до двухместного номера. Стоимость проживания чаще оплачивается не за номер, а за койко-место и составляет приблизительно одинаковую цену (500 руб.) во всех гостиницах данного типа.

Данные гостиницы пользуются большой популярностью у туристических школьных групп, для которых характерно недорогое проживание, совместное размещение, что интересно для подростков и все это дает возможность посещать нашу область из других регионов Центральной России.

Анализ показал, что город Воронеж, в последние годы, увеличил гостиничное хозяйство, как за счет строительства небольших отелей, так и за счет расширения и присутствия иностранных гостиничных корпораций на российском (воронежском) рынке. Благодаря «гостиничному буму» город полностью обеспечил себя различными средствами размещения на разный «вкус и достаток».

Литература

1. Сайт бронирования гостиниц// Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://101hotels.ru> (дата обращения 18.04.2017)

2. Сайт бронирования гостиниц// Электрон. дан. Режим доступа URL: booking.com (дата обращения 17.04.2017)
3. Сайт бронирования гостиниц// Электрон. дан. Режим доступа URL: trivago.ru (дата обращения 17.04.2017)

POSTINDUSTRIAL TOURISM IN POLAND AND CZECH REPUBLIC

M. Lamparska

University of Silesia, Katowice, Poland
e-mail: marzenalamparska@gmail.com

Summary. Europe experiences the development of post-industrial tourism documenting the time of growth of traditional coal basins. Contemporarily, the processes of deindustrialization take place. The material resources of traditional industry are being liquidated – which is expensive, or are adapted for the needs of tourism, which gives a new chance of development for these regions which are by rule in a difficult economic situation. Polish coal basin where many industrial plants and coal mines were closed as a result of restructurizing may serve as an example. Similar processes, although in smaller a scope, occur in the Czech Republic. Some of the industrial objects and coal mines concentrate certain values that predestine them to be included in the group of post-industrial heritage: the Czech and Polish coal mines from the 19th century, or coking plants and steel plants – as Hlubina in Ostrava Vitkovce. The idea of this article is to connect some Czech and Polish objects with one tourist route. The proposed tourist area starts in Czerwionka-Leszczyny and runs to Ostrava, and includes former industrial objects, old mines equipped with steam engines, patronage housing estates, coking plants, as well as mine waste dumps subjected to natural succession of vegetation. Creation of such route will allow to popularize the landmarks of post-industrial heritage for tourists of both countries, as well as will contribute to the development of services based on tourism. The route could become a common training ground for students of polytechnic departments of mining and environment protection, as it illustrates both the former mining technological processes and the processes of renaturalization of dumping grounds.

The visiting sites were selected on the basis of unified criteria such as their age, suitability for tourism and education, as well as because of their originality, authenticity and uniqueness. The proposed tourist route will also connect the Polish Industrial Monuments Route with the monuments and mining museums in Ostrava.

Key words: post-industrial heritage. tourist route, cross border, old mines

Introduction

This paper introduces an idea to create a thematic tourist route in the south-western part of the Upper Silesia coal basin, between Czerwionka-Leszczyny near

Rybnik and Ostrava. The key tourist values will be old mines and mining and post-mining landscapes, steel works, and coking plants.

The goal of creating such a route is to preserve and show tourists places of historical and cultural significance, created as part of the development of traditional industry in this part of the Industrial Region.

I would like to characterize historic buildings in the mines areas, mine shafts, workers' settlements, mining machinery and equipment, reclaimed land (former brown fields) and reclaimed old dumps as tourist attractions.

These sites are very popular with "3E" tourists (3E: environment, education, entertainment). While this type of tourism is relatively new, it is not a small niche.

Why the thematic route?

Thematic routes are very popular trends of post-industrial heritage tourism development in today's world. The popularity of thematic tourist routes has increased over the last two decades, and has shown an enormous potential for tourists, offering intercultural dialogue, and promoting the image of European traditional regions [http://ec.europa.eu/enterprise/sectors/tourism/cultural-routes/index_en.htm]. However, the idea of thematic routes is at least as old as the Grand Tour.

The postindustrial heritage routes encourage tourists to participate in historical and cultural activities raising awareness of our past [www.erih.net]. Established on post-industrial objects and respecting social and cultural principles, the postindustrial heritage routes linking sites represent the „living past”.

There are many places in the Region of Upper Silesia which can be considered milestones of European industrial history. Poland has the "Industrial Monuments Route" which links the Silesian and Polish post-industrial heritage sites [<http://www.zabytkitechniki.pl/en-US>; 9]. However, Poland shares the Upper Silesia Coal Basin with the Czech Republic [8]. Unfortunately, there is no existing international post-industrial tourist route in this area. The route proposed in this article will link landscapes and sites which have left their mark on European industrial history in this part of Europe and this part of the Upper Silesia Coal Basin. The route, running from Czerwionka-Leszczyny in Poland to Ostrava in the Czech Republic, illustrates the development of industry sites in the Czech and Polish parts of the Industrial Region (fig. 1). The route could become a common training ground for learning, as well as research for students of Polish and Czech universities and polytechnic departments of mining and tourism. The route could also stimulate the economic development of the service sector and tourism in both countries.

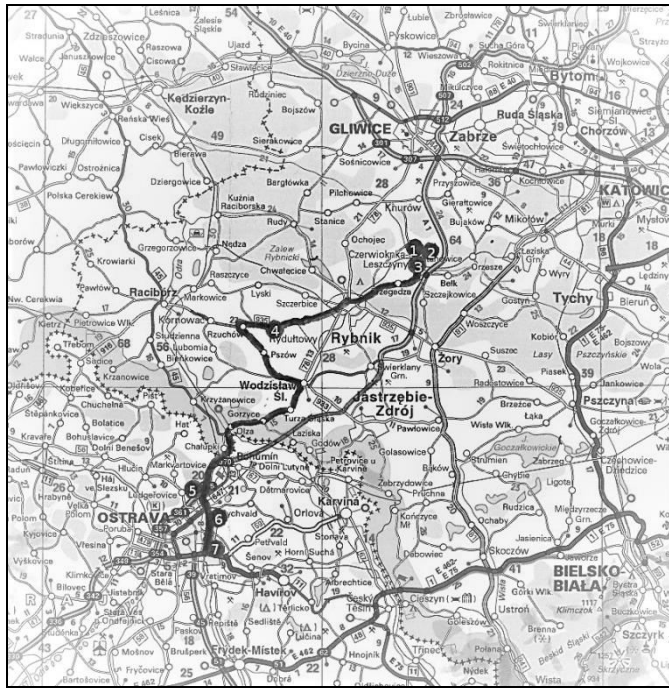

Fig. 1. The route plan: 1. The Dębieńsko coal mine in Czerwionka-Leszczyny, Poland, 2. The old dumping ground in Czerwionka-Leszczyny, Poland, 3. The historic patronage housing estate of the coal mine “Dębieńsko”, 4. The mine “Ignacy” in Rybnik-Niewiadom (Rydułtowy), 5. The Mining Museum, situated on Anselm mine area, Ostrava, Czech Republic, 6. Michal Mine in Ostrava, Czech Republic, 7. Hlubina, Dolní Oblast Vitkovice, Ostrava, Czech Republic

Western countries have for a long time been making efforts to preserve important monuments of the industrial period from demolition and to provide them with new roles in contemporary economies. Outstanding examples of former industrial activity – industrial buildings, areas, and exceptionally landscapes, have in some cases come under international protection as world heritage sites [10].

Brief Introduction for the new ideology of European tourism

Europe, as a continent, is very attractive for tourists – many of the tourist attractions here are classified as classics of the genre, and a large number of them have been tourist attractions since the times of the Grand Tour. There are Greek and Roman ruins, famous European museums, pearls of architecture such as Venice in Italy, Vatican City, and Paris, and their museums and cabarets. All of them have been visited many times since the 18th century [18]. Mines were also among these attractions. We should remember that the 18th century was also the time of the industrial revolution. Back then, tourists admired the achievements of engineering genius in mines.

Modern Europe has once again "given" something new to the world – for example, experience in closing down large-scale traditional industries and the creation of new functional spaces, as well as a new brand of tourist attractions. Nowadays, tourism is becoming an important part of the existence of a multicultural, multi-ethnic society. Dean MacCannell wrote about tourism as "the new world religion" [14]. The altars of this "new religion" are the countless tourist attractions; and pilgrimage, which is a form of worship – the journey to the place

of attraction. However, the essence of the tourist experience is in consumption of the tourist product, which must be novel and original.

These products are mining and post-mining landscapes, underground tour routes, and cultural and entertainment events taking place in the historic halls of the old factories or in underground areas in the old mines. This is an integral part of the material and immaterial heritage which has been shaping up for the past 250 years.

Europe was the cradle of the Industrial Revolution. The legacy of the most radical change in economic history is a crucial element in the continent's identity. Yet, as a result of modern structural changes, many parts of Europe have de-industrialised, leaving unemployment and physical dereliction. Dealing with such sites is expensive, calling for innovative solutions; a redundant plant is rarely viewed as a heritage resource, as industrial history is a common European heritage and the protection of such sites is such a difficult task. It was considered an issue that could be appropriately tackled through co-operation between many partners: financial backers, governments, and even international partners (www.erih.net).

Post-industrial Heritage Tourism

Heritage tourism is a special form of tourism in which tourists explore and commune with the past by experiencing historical artefacts and living environments during their trips (this definition emphasises and characterises a difference in tourist experience in this kind of tourism) [3, 16]. Industrial heritage tourism combines tourist activities and industrial culture relics which present and preserve the historical, technological, social, and architectural values of industrial traditions; In addition, it at the same time can educate and raise tourists' appreciations, bring up nostalgic affections for local sites, project the image of glorious industrial achievements, and revitalize local economy [1].

By stressing the value of the industrial past and present, an industrial area's shift from a site of active production to a tourist attraction may also enhance the local community's sense of identity.

Ryan [15] perceived heritage tourism as a type of alternative tourism where "sustained value creation" aims to benefit communities, environments, businesses and tourists. MacCannell [14] annotated it as "a museumization of work", which he terms "work display", as a post-construction of conventional production culture on marking the death of industrial society.

As industrial heritage culture set for tourism purposes, "work watching" becomes a normative practice, in which both landscape and labour become interpreted and marketed for tourists [19]. These definitions show how important post-industrial heritage tourism is in cultural life of the European society. Post-industrial heritage tourism is developing in Europe. This tourism crosses borders (in Saarland and Lorraine regions there are post-industrial routes). On the Czech-Polish border there are post-industrial monuments that can become the basis for establishing an international tourist route.

The brief history of coal mining in this part of Europe

The history of coal mining in the area has more than 200 years. The oldest mines are: "Ignacy" in Rybnik, „Orlova” colliery and „Azelm” near Ostrava. The mine in Michalkowice is about 150 years old. The mines in Ostrava-Vítkovice and Ostrava-Petřkowice are 150 years old as well. These old mines are no longer operational, but they serve as monuments to old mining. Presently, the Upper Silesian Coal Basin is home to some of the most modern mines in this part of Europe. These are mine "Frydland" in the Czech Republic and mine "Morcinek 1" or "Budryk" in Poland.

In the early nineteenth century the south-western part of the basin was divided between the Austrian Empire and the Kingdom of Prussia. It was a time of rapid development of traditional industries. Coal was the primary energy source which gave an impetus to the development of the mining industry. Further intensification of production was affected by the expansion of railroads in the mid-nineteenth century. These railroads linked the areas of exploitation with export markets in Europe [2, 6]. After World War I, the northern part of the basin was shared by Southern Poland and Czechoslovakia. Coal mining from the basin supplied industrial plants of both regions. In that time, the north-western part of the basin was more important for Polish economy than the southern part. Intensification of the Rybnik coal basin development began after the Second World War. In addition, existing mines were modernized (Coal Mine "Anna-Rydultowy", Coal Mine "Marcel", Coal Mine "Chwałowice", Coal Mine "Jankowice", Coal Mine "Dębiewsko") and several new, very modern, were built (KWK "Morcinek" liquidated in 2002 KWK "Pniówek", KWK "Krupinski," KWK "Zofiówka" and KWK "Borynia-" Coal Mine "May 1", closed down in 2001. The Czech part of the basin (called the Karviná-Ostrava Basin) has gained great economic importance after the establishment of independent Czechoslovakia. A significant part of the energy sector and steel industry sector was based on coal from Ostrava. A large-scale industrialization has changed the image of the entire region [17]. Access to local coal had particular importance for the growing industry. Currently operating mines in the Czech Republic are located in the area of Karwina and Frydek-Mistek. They are: "Karwina Mine" with two establishments. "CSM Mine," "Mine Darkov" mines in Paskov and Frenštát. Nowadays both regions are experiencing similar problems related to landscape changes precipitated by 200 years of mining activity. Issues related to the closure and liquidation of mines are also common, although they affect the Polish part of the basin on a larger scale. Units of mining and post-mining landscapes are commonplace throughout the basin, documenting the various methods of reclaim [<http://www.okd.cz/pl/srodowisko-naturalne/produkcja-skaly-plonnej-i-haldy>]. Development of mining technology and digging methods also had a great impact on the rate of transformation and industrialization of landscape in neighbourhoods of mines in Poland and in the Czech Republic. These changes were mainly visible in:

- high concentration of industrial and residential infrastructure,
- growing density of road infrastructure and
- vanishing or marginalized farmland in favor of dumping grounds.

Methods of work and the project route

In selecting objects that, in the author's opinion, are the most interesting, both indoor and outdoor research was conducted. The outdoor research allowed to assess the diversity of landscape in the presented areas. The indoor research consisted of querying libraries, archives and museums, where various current and archived materials have been studied to enable the reconstruction of these sites' history. Interviews with the curators of museums in Rybnik were conducted, and web pages pertaining to mining in Poland and the Czech Republic were retrieved. A photographic documentation of selected historic buildings located in mining complexes, as well as landscapes, has also been kept.

The selection criteria of those objects are:

- exceptional historical importance in terms of industrial heritage which also offer a high quality visitor experience,
- historical authenticity with symbolic value and (ideally national) importance in Europe's industrial history,
- recounts its history with imaginative interpretation and exhibitions – this includes on-site visits, demonstrations of factory operations,
- illustrates processes of natural reclaim,
- site is a part cultural landscape of this region
- the age of the mine,
- the presence of listed buildings under legal protection,
- the presence of archives, memorial halls, and museums on the site's premises.

In case of old dump areas and old pits, ecological assessments have been used to determine those objects' value in the natural reclaim process, as well as their aesthetics. It was acknowledged that certain dumps have been incorporated into the cultural landscape. The idea and the initial draft of the route have emerged after a series of field exercises organised by geographers of Earth Science Department of the University of Silesia, to Rybnik and Ostrava. It has been directed at the local governments where the mines are located. The proposal has also been presented at an international conference dedicated to historic technological objects in Zabrze, and its abstract was published in “Industrial Patrimony” n. 12, anno VI, 2004, Part II, published by The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage [TICCIH; <http://ticcih.org/>] in Paris. It has also been presented to museums and societies who promote and preserve mining traditions in the Polish part of the Industrial Region.

Characteristics of potential tourist values of postindustrial tourism in the Polish-Czech border area

The first group of objects included in the suggested tourist route is several sites in the direct neighbourhood of coal mine “Dębieńsko” in Czerwionka-Leszczyny (number 1 on Fig. 1). The mine was put into liquidation in 2001, after 102 years of operation. For all that time, the mine has had a tremendous impact on the transformation of landscape of the Czerwionka-Leszczyny region, giving it typically mining-related features. During the earliest period of work, coal had been

mined using open-pit or shallow shaft methods, as outcrops of coal seams, situated in the area of Dębieńsko. The beginnings of the colliery date back to 1853, when Wilhelm Schneider started a mine named "Dubensko". During the Nazi occupation, it belonged to Herman Goering's armaments concern. After World War II, this mine worked as a very important colliery in this region, where coking coal was mined. Currently, after 12 years of inactivity, there are proceedings aimed at reopening the mine. A dip-heading is being built, which will make it possible to access rich coking coal deposits. Buildings on the surface have been modernized; of all 19th-century buildings, only the pithead has been preserved. As it is situated within the area of an operating mining plant, it is only accessible to guided tourist groups.

Another site worth seeing is the old dumping ground in Czerwionka-Leszczyny, where old shafts of mine Dębieńsko were located (number 2 on Fig. 1). The dumps have been present there for over 100 years and are an integral element of the landscape of this part of Czerwionka-Leszczyny.

The dumping ground originally included 5 dumps, deposit tanks and a flat heap. Conical dumps reached the height of 351m above sea level. The relative height of the highest one is about 75 metres. Post mining waste (rock mixed with fine coal fractions) and coal washer tailings were stored there. Deposit tanks collected slush. The contents of hard coal in waste are estimated at 10 to 12%. Pyrite concentrations in the chemical contents of waste reach 0.9%, so the dumps show thermal activity. Currently, two cones are being deconstructed in order to recover coal and obtain building material for roads and highways. The other three cones have been subject to reclamation processes. Trees and shrubs were planted in the 1980s. Research carried out in the recent years suggests continuous natural succession of vegetation on the waste dumps. Lower parts of the dumps are dominated by deciduous trees (including silver birch), and upper parts by black cherry and black locust. There are a few species representing vegetation in the uppermost part of the dumps [20]. Dumps of post-floatation waste and coal washer tailings, which belong to the mine and take up the area of about 100 ha, are also gradually being overgrown with vegetation. Conical dumps have high landscape values, creating specific culminations in the rural landscape of Czerwionka. They have grown into the cultural landscape of the neighborhood, emphasizing the mining nature of this part of region. During periods of barometric depression, gas emissions, mainly of carbon dioxide from carboniferous shales burning inside, are reported in some dumps, even those which are completely overgrown with vegetation. Nevertheless, the dumps are an interesting element among the agricultural and forest landscapes of the Czerwionka region [13].

Mine "Dębieńsko" includes a complex of historic housing estates built for the miners. The historic patronage housing estate of the coal mine "Dębieńsko", in Czerwionka-Leszczyny, is one of several workers' settlements established in Upper Silesia (number 3 on Fig. 1). It was built between 1899 and 1916. The houses there still have their residents. The building material was red brick. The houses have wooden gable roofs and are distinguished by high architectural diversity. The

complex, set on the rectangular plan, consists of about 90 multi-family or public buildings with ridge roofs parallel to the road. Due to its high historic and architectural values, the whole concept has been entered into the register of historic monuments.

Another object which could be included in the suggested route is mine “Ignacy” in Rybnik-Niewiadom (Rydułtowy), (number 4 on Fig. 1). This colliery started operating in 1792, thus being one of the oldest mines in this part of the coal basin. Mines “Sylwester”, “Biertułowy”, “Carolus” and “Laura” were opened in its neighbourhood in years 1834–1870. Between 1922 and 1936, and later between 1939 and 1945, the mine was named “Hoym” to honour the Prussian minister (governor) of the Silesian province, in years 1871–1922 it was named “Hoym-Laura”. From 1936 until 1939, it was called “Ignacy” to honour the Polish President Ignacy Mościcki. Mine “Ignacy” with two shafts: “Głowacki” and “Kościuszko” is now part of Coal Mine “Anna-Rydułtowy”. The story of spatial development of Mine “Hoym-Laura” is a classic case of a “wandering mine”, which transformed into a modern multi-shaft multi-level mine with specialist mining, draining, transporting and sorting functions [2]. Mine “Ignacy” has an origin similar to mines developed in mining centres with centuries-long traditions. An analogous process of mine development can be observed in the region of Kutna Hora in the Czech Republic, where large specialist mines developed in 16th and 17th century, along with the developing industry in the region. These were mines with a well-developed infrastructure for transportation, drainage and ventilation of workings based on the shaft system. In the south-western part of the Upper Silesian Coal Basin, these mines developed during the turn of the 20th century; the best example of this, besides mine “Ignacy”, is mine “Michał” situated in Ostrava Michałkowice [2, 6]). The concept of preservation of mining objects of mine “Ignacy” emerged in the late 1990s. It is an expression of local initiatives created with the development of tourist traffic and economic activation of the region in mind. Shaft “Głowacki” and the water tower are available for guided tours. What is worth particular attention is a steam engine on shaft “Kościuszko”, and another steam machine on shaft “Głowacki”. This complex of shafts and steam machines is over a hundred years old, and includes historic, but still working, technical facilities (fan, diffuser). The complex of buildings has also been preserved, including the lamp room, baths, the shift token room, transformer and compressor buildings, storehouses and the 46-metre-high water tower. The tower was erected on a 306-metre-high above sea level hill and is the highest, and consequently offers the best views in the neighborhood. Mine “Ignacy” with post-mining landscapes varying in age may become a center of tourist traffic which could record the history of hard coal mining, where tourists could learn about the whole technological process of coal exploitation [11, 12].

Ostrava is the third city of the Czech Republic, and in the 19th and 20th centuries was the centre of a heavily industrialised region, similar to that in Silesia to the north [www.okd.cz]. Some of the largest and most touristically interesting industrial companies are located in the city of Ostrava. Located on the former

Anselm Mine (one of the first to be established at the end of the 18th century in what is today the Petřkovice District of Ostrava), the Mining Museum was opened in the early 1990s (number 5 on Fig.1). A unique exhibition of the Mining Museum highlights the evolution of coal mining in the Ostrava-Karvina region, as well as mining technology, and rescue services. In fact, it is the largest exhibition of its kind in the world. With the collection of miner's lamps and hand tools, visitors get a real taste of the hard work and dedication the men of the mines had. The tour includes a view of mining in the original seams with wooden braces, mining machines and conveyor belts. The Mining Museum, opened in 1993 but incorporating collections dating back to 1905, is based in a range of red brick colliery buildings, designed by Viennese architects between 1890 and 1915 [4, 5; www.landekpark.cz].

Michal Mine, which history goes back to 1843, is an extremely valuable authentic industrial site in terms of construction and technical equipment (number 6, Fig. 1). The museum provides visitors with a chance to look over all of the above-ground work areas that a miner would have to go through to get to his shift. The tour includes the dressing rooms, washrooms, registry, dispatching, and most importantly, the machine room, with its original and unique equipment that had worked until 1993, when the mine was permanently closed. The scene, intentionally left intact, without any artificial arrangements being made, gives the impression as if work there has just ended. Some of the rooms in the Museum house also other kinds of temporary exhibitions, often displaying works by foreign artists. Michal Mine underwent several changes. Its appearance was significantly affected by its reconstruction which was completed in 1915. The first electric mining machinery, compressors and rotating converters were put into operation here in 1912. The buildings have been preserved in near-authentic form, as they looked at the turn of the 20th century. Thanks to this, the area was declared a National Cultural Landmark in 1995 [5; www.dul-michal.cz].

The Vitkovice steel works, located in the suburb of the same name near the city center, focuses on metallurgy and machine engineering (number 7, Fig. 1). The Vitkovice Ironworks was built in Ostrava from 1828, following a suggestion made some 18 years earlier by the Scottish engineer John Baildon. Much of its finance was provided by Salomen Mayer Rothschild. The first iron was produced from its blast furnaces in 1832. A rolling mill for rails was completed in 1847, a Bessemer steel plant in 1866, and a tube mill in 1883. There were extensive engineering shops and by-product plants. In 1938 the plant employed 18,860 people, a total that rose to 33,477 by 1944. The blast furnaces were blown out in 1998, and the remaining parts of the business, concerned chiefly with mechanical and constructional engineering, were privatized 2003. Much of the disused plant, the Hlubina Colliery, the coke ovens and blast furnaces along Mistecka Street and the steel plant and rolling mill on Ruska Street, including many 19th century buildings, have been declared a National Cultural Monument, and are in process of conservation. This is one of the most substantial projects of its kind in Europe, comparable with Volklingen or Duisburg-Meiderich. The Vítkovice complex Dolní

Oblast underwent extensive reconstruction. The giant gas container for blast furnace gas (around 70 m wide and 33 m high) has been modified into a concert hall for 1,500 visitors, a gallery, café, etc., based on design by leading Czech architect, Josef Pleskot. Blast Furnace no. 1 has become the start of a tour route, and the sixth energy central office has become an industrial museum (project authored by Václav and Helena Zemánkovi). The expected date of completion of the reconstruction was set for 2015 [www.dolniblastvitkovice.cz].

Conclusions

Restoration of old industrial plants, including mines as historic objects is a very valuable local initiative with trans-local impact and international significance. It activates creative industries, economy and education, especially in border areas. In many European regions, including the Czech Republic and Poland, where a number of industrial plants are put into liquidation because of economic conditions or complete exploitation of deposits, the mining industry is gradually becoming a history for people who live there.

Preserving those objects as tourist attractions is of great importance for tourism, which supports budgets of communities, and also makes visitors familiar with the mining history, tradition and technology, creating at the same time Europe-wide cultural heritage.

The scale of tourist traffic in the objects is not of a uniform character. The objects in the Czech Republic are more popular and more frequently visited by tourists, all thanks to a well-considered marketing strategy. It can be verified through, to mention one thing only, visiting web pages. A part of the Polish objects, especially the ones undergoing revitalizing – as “Ignacy” mine – is also visited by tourists. However, unless all of the places and objects mentioned above are merged into one tourist route and promoted by the Poles and the Czech, it will not bring the desired advantages, just as will not allow to develop integrated, international tourism. This route ought to be incorporated in the ERIH route list.

Bibliography

1. Alonso A.D. O'Neill M., Kim K. In search of authenticity: a case examination of the transformation of Alabama's Langdale Cotton Mill into an industrial heritage tourism attraction // *Journal of Heritage Tourism*, 2010. T. 5(1). P. 33–48.
2. *Dzieła techniki – dobra kultury // Zabytki przemysłu i techniki w Polsce*, 2002. T. 6. Wrocław: Politechnika Wrocławska.
3. Edson G. Heritage: Pride or passion, product or service? // *International Journal of Heritage Studies*, 2004. T. 10(4). P. 333–348.
4. Fragner B. National Report for the Czech Republic // *Industrial Patrimony*. T. 15. Paris, 2006.
5. Hlušikova H. *Technické Památky v Čechách na Moravě a ve Slezsku I-IV*. Praha, 2004.
6. Jaros J. *Zarys dziejów górnictwa węglowego*. Warszawa-Kraków: PWN, 1975.
7. Jureczka J. *Atlas Geologiczno-Złożowy Polskiej i Czeskiej części Górnośląskiego Zagłębia Węglowego. Tekst objaśniający*. Warszawa: PIG, 2005.

8. Jureczka J., Dopita M., Gałka J., Krieger W., Kwarciański J., Martinec P. Atlas Geologiczno-Złożowy Polskiej i Czeskiej części Górnos Śląskiego Zagłębia Węglowego, 1 : 200 000. Warszawa: PIG, 2005.
9. Kaczmarek A., Przybyłko A. Wykorzystanie potencjału przemysłowego i poprzemysłowego na potrzeby turystyki. Przykład Szlaku Zabytków Techniki Województwa Śląskiego // Krajobraz a turystyka. Prace Komisji Krajobrazu Kulturowego, 2010. T. 14. Sosnowiec: WNoZ UŚ. P. 207–228.
10. Kolejka J. Post-industrial landscape: its identification, typology and value // Landscape and landscape ecology. – Ed. Halada L., Baca A., Boltiziar M. – Nitra: Institute of Landscape Ecology, Slovak Academy of Sciences, 2016. P. 75–82.
11. Koncepcja utworzenia muzeum Zabytkowej Kopalni „Ignacy”. – Rybnik-Niewiadom: Zarząd Stowarzyszenia Zabytkowej Kopalni „Ignacy”, 2000.
12. Lamparska-Wieland M., Rybałtowski M. Geoturystyka w rybnicko-ostrawskim zagłębiu eksploatacji węgla kamiennego // Problemy geologiczne górnośląsko-ostrawskiego regionu przemysłowego. Materiały sympozjum polsko-czeskiego. – Sosnowiec, 6–7 października 2003 r. Sosnowiec: WNoZ, 2003. P. 120–126.
13. Lamparska-Wieland M., Waga J. Significance of slag dumping areas in Upper Silesia and West Małopolska landscape // Anthropogenic aspects of landscape transformations, 2002. T. 2. Sosnowiec: University of Silesia. P. 32–35.
14. Mc Cannel D. The Tourist. A new Theory of the Leisure Class. – New York: Schocken Books, 1989.
15. Ryan C. Equity, management, power sharing and sustainability – issues of the „new tourism” // Tourism Management, 2002. T. 23(1). P. 17–26.
16. Timothy D. J., Boyd S. Heritage tourism in the 21st century: Valued traditions and new perspectives // Journal of Heritage Tourism, 2006. T. 1(1). T. 1–16.
17. Uhelné hornictví v ČSSR. Praha: Nakladatelství Profil, 1985.
18. Urry J. The Tourist Gaze. SAGE Publications, 2002.
19. Wanhill S. Mines a tourist attraction: Coal mining in industrial South Wales // Journal of Travel Research, 2000. T. 39(August). T. 60–69.
20. Zajac E., Zarzycki J. Wpływ aktywności termicznej zwałowiska odpadów węgla kamiennego na rozwój roślinności // Annual Set The Environment Protection, 2013. T. 15. P. 1862–1880.

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЫЛЬСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.А. Нелепина, А.В. Саницкий

Курский государственный университет, Курск
e-mail: neab@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности туристско-рекреационного потенциала Рыльского района Курской области, проведен анализ туристской инфраструктуры

Ключевые слова: туризм, туристско-рекреационный потенциал, Рыльский район, Курская область, туристская инфраструктура

Туризм принадлежит к сфере услуг и является одной из крупнейших и динамичных отраслей экономики. Высокие темпы его развития, большие

объемы валютных поступлений активно влияют на различные сектора экономики, что способствует формированию собственной туристской индустрии. Рассмотрим особенности туристско-рекреационного потенциала Рыльского района.

Рыльский район является одним из крупнейших районов Курской области. В районе работают крупные промышленные предприятия, перерабатывающая промышленность. Раскрытие туристско-экскурсионного потенциала Рыльского района дает возможность более широкого привлечения туристов в этот район.

Рыльский район расположен в западной части Курской области, граничит на западе с Сумской областью Украины, на севере – с Хомутовским, на востоке – с Львовским и Кореневским районами, а на юге – с Глушковским районом Курской области. Территория района составляет 1,5 тыс. кв. км или 5,0 % территории области [2]. Административный центр района – г. Рыльск.

Большую лепту в историю района внесли славные сыны Рыльска: первый удельный князь Святослав Ольгович, воевода Шемяка, Колумб Российский Г.И.Шелихов, русский флотоводец А.В.Домбровский, ученые В.В.Мавродин, В.П.Попов, Г.В.Курдюмов, известная актриса К.И.Тарасова и педагог по вокалу Д.Б.Белявская, писатель В.А.Ковалевский, правозащитница С.В.Калистратова, художник Лев Каменев и многие другие [1].

Рыльская земля – родина 11 Героев Советского Союза: Н.А.Сухих, В.М. Фролова, В.Б. Бессонова, М.П.Плотникова, И.М. Матвейцева, В.И. Крюкова, Л.С. Малышева, А.П. Сироткина, И.И. Морозова, Г.К. Комарицкого и В.Ф. Новожилова и Героя России В.П. Клыкова, а также рыльских подпольщиц Шуры Зайцевой и Маши Васильевой [1].

В настоящее время в Рыльском районе расположено 25 православных храмов и скитов и более 14 братских могил и памятников ВОВ, однако всего два памятника природы - это озеро Малино и Клевенский заказник и большое количество памятников археологии [3]. Отообразим на рис. 1 анализ туристических ресурсов Рыльского района.

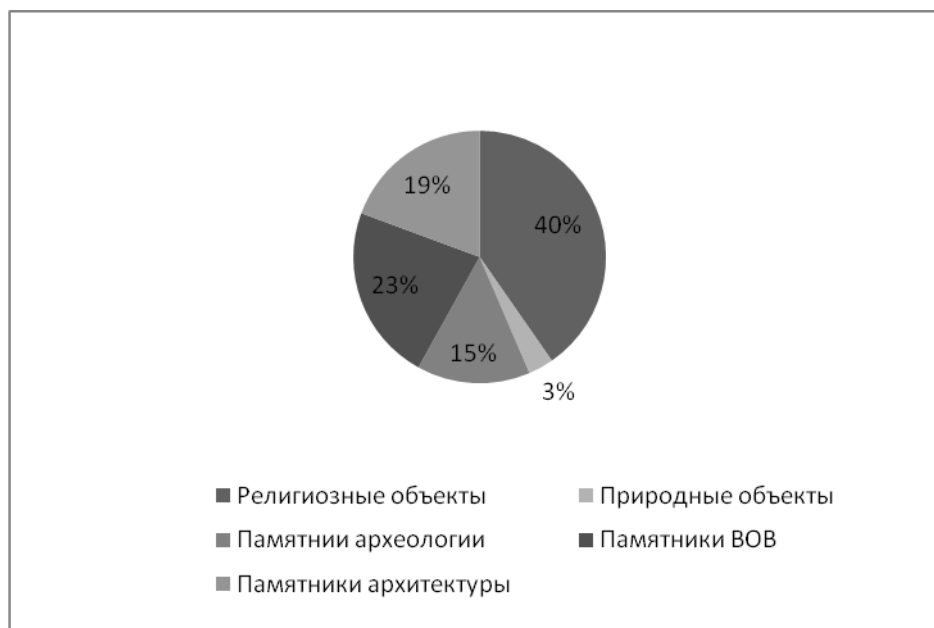

Рис. 1. Анализ туристических ресурсов Рыльского района

Анализ рисунка 1 показал, что большего всего в районе представлено религиозных туристических объектов, на втором месте следуют памятники ВОВ и на третьем памятники архитектуры. В связи с этим можно предположить, что необходимо при разработке экскурсий по Рыльскому району уделять особое внимание посещению археологических памятников и мест связанных с Великой Отечественной войной.

На основе анализа туристических ресурсов Рыльского района нами была выполнена карта туристско-рекреационного потенциала района (см рис. 2).

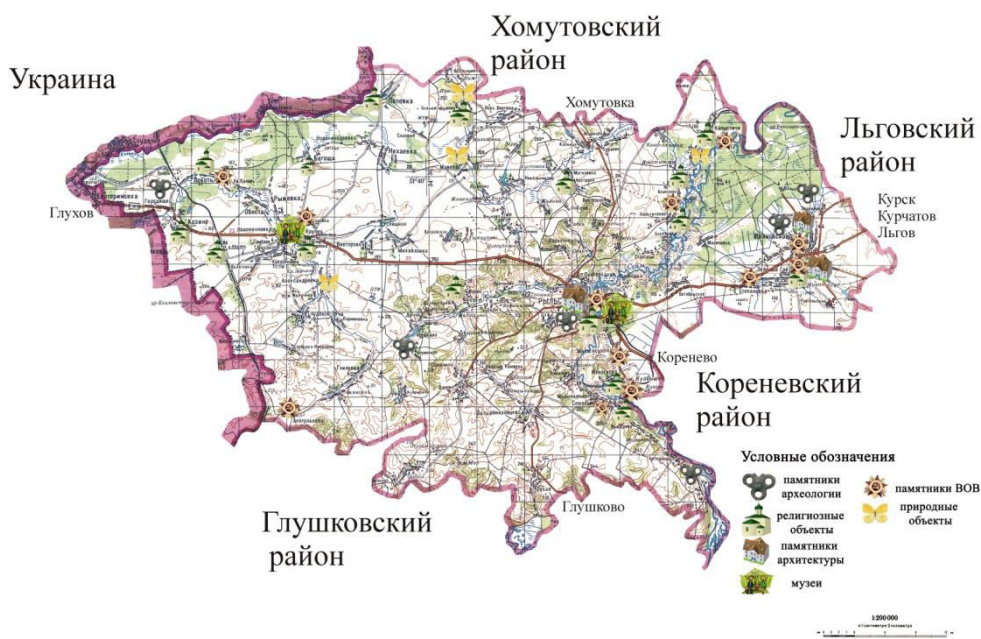

Рис. 2. Карта туристско-рекреационного потенциала Рыльского района

Анализ туристской инфраструктуры показал, что в районе нет туристских фирм, также в районе расположен только один музей, небольшое количество предприятий общественного питания и гостиниц (см рис. 3).

Рис. 3. Анализ туристской инфраструктуры Рыльского района

Средства размещения Рыльского района в основном расположены в городе Рыльск и одна гостиница находится в Пригородной слободке, что же касается предприятий общественного питания, что в районе их расположено 8.

Подведя итогу, отметим, что Рыльский район таит в себе широкие возможности для развития туризма. Очень высокая плотность и концентрация памятников культурного наследия (имеет 70 памятников местного значения, 10 федерального), дающая возможности для экскурсионной деятельности. Достаточно благоприятные природные условия для организации лечебно-оздоровительного отдыха и отдельных видов спортивного туризма. На территории Рыльского района находится большое количество храмов, что обеспечивает развитие религиозного туризма.

Рыльский район Курской области относится к одним из самых перспективных районов для развития туристской индустрии. Район располагает богатыми природно-рекреационными и культурно-историческими ресурсами, что позволяет превратить Рыльский район в один из самых перспективных для туристского освоения.

Литература

1. Официальный сайт администрации города Рыльск //Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://administracia.rylsk.ru/> (дата обращения 10.03.2017)
2. Рыльск// Города России: энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 387 – 559 с.
3. Чалых Н.Н. Рыльск и духовность Рылян. К.: «Пресс-факт», 2001 г. С. 10-20.
4. Чалых Н.Н. Рыльск. История древнейшего города Руси. Рыльск, 2002.

ЭКСКЛАВНОСТЬ И РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

А.Б. Себенцов¹¹, М.В. Зотова¹²

Лаборатория геополитических исследований ИГ РАН, Москва

e-mail: asebentsov@igras.ru, zotova@bk.ru

Аннотация. Эксклавно́сть Калининградской области и выбор стратегии для её частичной компенсации - одно из ключевых направлений дискуссии, как в академической среде, так и среди представителей региональных и федеральных властей. Большинство экспертов уверены, что успешное развитие Калининградской области во многом зависит от успешного международного, в том числе приграничного сотрудничества. В статье анализируется влияние эксклавно́сти на развитие туризма в Калининградской области. Показано, что туризм – одна из немногих сфер, где негативные стороны географического положения – «тотальная пограничность» и изолированность от основной территории страны – могут стать мощным стимулом развития. Эксклавно́е положение создает условия для радикального ослабления визового режима, что должно положительно сказаться на привлечении иностранных туристов.

Ключевые слова: туризм, Калининградская область, эксклав, приграничное сотрудничество, Балтийский регион

Введение. Дискуссия о путях развития экономики Калининградской области в условиях её эксклавно́го положения не прекращается с момента распада СССР. При этом одним из ключевых направлений научной и общественной дискуссии остаются различные подходы к анализу перспектив развития Калининградской области и мерам, которые необходимо для этого предпринять. Индустрию туризма практически все эксперты считают ключевым сектором экономики Калининградской области, который мог бы стать одной из точек роста (Степанова С.В., 2016; Драгилева И.И. и др., 2005; Себенцов А.Б. и др., 2016)

Цель статьи – определить ограничения и перспективы развития въездного туризма в условиях эксклавно́го положения Калининградской области. Исследование основано на материалах двух экспедиций в Калининградскую область (в 2012 и в 2014 гг.), в ходе которых была проведена серия интервью с представителями бизнеса, в том числе туристического, экспертного сообщества, региональных и местных администраций, таможенных служб, религиозных и некоммерческих организаций.

¹¹ Институт географии РАН, лаборатория геополитических исследований, н.с., к.г.н. e-mail: asebentsov@gmail.com

¹² Институт географии РАН, лаборатория геополитических исследований, н.с., к.г.н. e-mail: zotovam@bk.ru

Эксклавность региона оказывает существенное влияние на все стороны жизни Калининградской области, в том числе и на развитие туризма. Как для иностранного, так и для российского туриста, посещение Калининградской области связано с пересечением государственной границы. Пересекать границы приходится и самим калининградцам, если они хотят пройти по Красной Площади в Москве или посетить Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Процесс эксклавизации региона происходил постепенно: в 1990-е гг. его негативное влияние на развитие туризма вообще было минимальным, поскольку свобода передвижения российских граждан практически не изменилась. Для иностранных граждан, наоборот, регион стал открытым для посещения, а для граждан Польши был введен безвизовый режим.

В 2000-е гг., особенно после вступления Польши и Литвы в ЕС, а затем и в Шенгенскую зону, эксклавизация стала сказываться на передвижении как российских, так и иностранных граждан. Если ранее жители Калининградской области могли посещать Польшу и Литву без визы по национальным паспортам, то в 2003 году от них уже стали требовать визу. Для поездок в Россию по железной дороге и автомобильным транспортом были введены специальные транзитные документы. С 2005 г. для сухопутного транзита в Россию необходим загранпаспорт. С 2007 г. визы для посещения калининградцами соседних стран стали платными. В 2012 г. вступило в силу Соглашение между Россией и Польшей о малом пограничном передвижении (МПП), которое облегчило взаимные посещения для жителей Калининградской области и соседних польских регионов. Однако в июле 2016 г. по инициативе польской стороны оно было временно приостановлено и не возобновлено до сих пор.

Динамика и структура туристического потока менялась вместе с изменением режима государственных границ. По данным Министерства по туризму Калининградской области число посетивших эксклав туристов выросло за постсоветский период в 1,5 раза (с 400 тыс. в конце 1980-х гг. до 600 тыс. чел. в 2014 г.) [Себенцов и др., 2016]. Основной прирост общего числа туристов обеспечили российские граждане, доля которых выросла с 68,3% в 1997 г. до 93,7% в 2014 г. (рис. 1). При этом почти половину потока составили жители Москвы (27,9%) и Санкт-Петербурга (22,7%). Как и в советское время, для российских туристов основные цели посещения Калининградской области – лечебно-оздоровительный (48%) и культурно-познавательный туризм (28%) [Себенцов и др., 2016].

Рис. 1. Число туристов, посещающих Калининградскую область [составлено по данным ведомственной статистики УФМС РФ по Калининградской области и Министерства туризма Калининградской области]

После официального открытия области для иностранцев в 1991 г. первыми посещать регион начали так называемые ностальгические туристы - граждане Германии, родившиеся и выросшие на территории бывшей Восточной Пруссии. В конце 1990-х - начале 2000-х к ним добавились их дети и внуки, а также просто любознательные немцы, интересующиеся собственной историей. «Ностальгический туризм» - общий феномен для всего российско-польского и некоторых участков российско-литовского пограничья, где граждане Германии составляют значительную часть потока туристов. В Польше их доля колеблется от 17-25% в Сопоте и Гданьске до 59% в Ольштыне [Tourismin 2014, 2015]. В Литве туристы из Германии помимо столицы страны (74,4 тыс. чел. в 2014 г.) часто выбирают для визита территории Прусской Литвы (Клайпедский уезд - 52,9 тыс. чел., Алитусский уезд - около 8 тыс. чел.) [TourisminLithuania, 2015].

Иностранцы, в отличие от российских туристов, посещают Калининградскую область преимущественно с культурно-познавательными (46%) и деловыми целями (35%). Кроме граждан Германии,

доля которых сохраняется на уровне 60-70% в течение всего постсоветского периода, иностранные туристы прибывают в регион также из Литвы и Польши, но их доля не так велика (в среднем по 3-5% на каждую из стран). Однако жители сопредельных регионов Литвы и Польши, регулярно приезжающие в Калининградскую область за покупками, с личными или деловыми целями, составляют значительный потенциал для увеличения числа иностранных туристов в области.

В 2014 г. через все пункты пропуска на территорию Калининградской области въехало 2 млн 205 тыс. граждан, что на 40 % больше, чем в 2012 г. (рис. 2). При этом $\frac{3}{4}$ иностранцев, прибывших в регион в 2014 г., въехало через пункты пропуска на российско-польской границе. По данным польской статистики, 88% пересечений на российско-польской границе в 2013 г. обеспечили именно польские граждане, которые в 50% случаев использовали карточки местного приграничного передвижения (в октябре 2014 г. гражданам Польши было выдано более 80 тыс. карточек) [Tourism in 2014, 2015]. Около 90% поляков, посещавших Калининградскую область, проживает в 100 км от государственной границы, преимущественно в соседних Варминьско-Мазурском и Поморском воеводствах. Декларируемые гражданами Польши цели вполне позволяют квалифицировать их поездки в качестве туристских: 92,1% пересекают границу с целями шопинга, 5,5% - с туристическими целями, 1,2% - с частными целями, 0,6% - по делам бизнеса. При этом продолжительность поездок 97% иностранцев, приезжающих в область, не превышает одного дня.

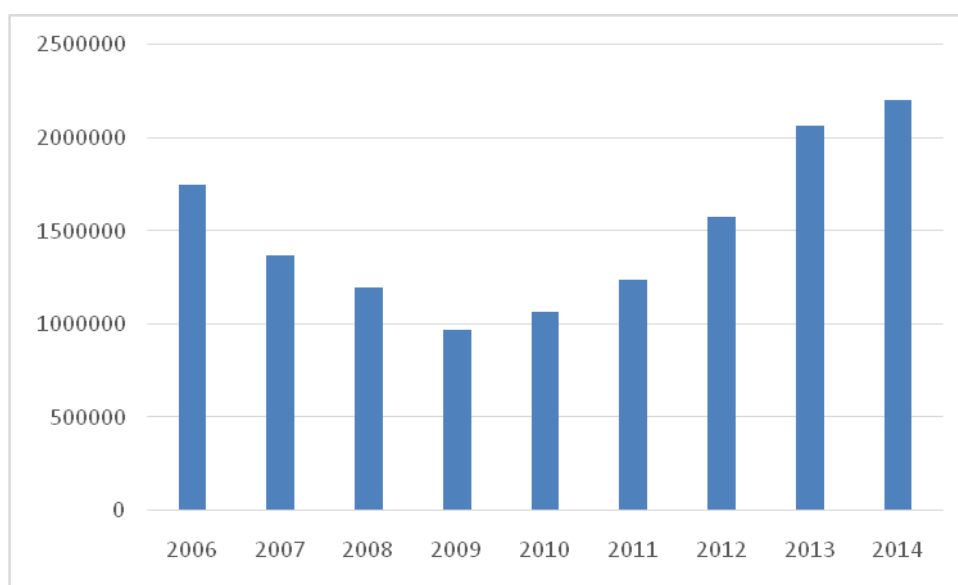

Рис. 2. Число въехавших в Калининградскую область через все пункты пропуска, чел. [ведомственная статистика УФМС РФ по Калининградской области]

Как видно, по формальным признакам эту категорию иностранцев нельзя отнести к категории туристов, поскольку они не останавливаются на ночь. С другой стороны, многие из них попадают под определение

«посетителя»¹³ совершающего туристскую поездку, хотя и очень короткую [Статистика туризма, 2014]. В среднем один такой посетитель в 2013 г. расходовал за одну поездку около 260 злотых (около 2600 руб.), из которых 88% уходило на покупку топлива, около 6% на покупку алкогольных напитков, 2,2% на табак и около 2% на чай, конфеты и кондитерские изделия. Порядка 96% поляков ездят за покупками на расстояние не более 30 км от границы, а значит не доезжают до Калининграда, ограничиваясь посещением ближайшей бензозаправки. При этом 38% поляков, пересекавших границу в 2013 г., ездили в Калининградскую область несколько раз в неделю, а 57,9% - несколько раз в месяц. По данным Федеральной таможенной службы один такой польский посетитель находится на территории Калининградской области от 40 минут до 1,5 часов (столько времени необходимо, чтобы заправиться, купить продукты и вернуться назад в Польшу).

Однако даже постоянно посещающие Калининградскую область жители соседних воеводств Польши не интересуются регионом как потенциальным местом для экскурсионного туризма или отдыха. По мнению Т. Оманьски, руководителя Польского культурного центра в Калининграде, главная причина отсутствия интереса – недостаток информации о привлекательных для туристов событиях в регионе, а также негативные стереотипы, которые по-прежнему сильны в том числе и у жителей приграничных регионов. Проведенный Лабораторией геополитических исследований ИГ РАН в 2013 г. опрос 675 студентов Балтийского федерального университета (Калининград), Гданьского (Польша) и Клайпедского (Литва) университетов показал, что несмотря на введение в 2012 г. режимаМПП, 88% литовских и 68% опрошенных польских студентов никогда не бывали в России, тогда как подавляющее большинство их российских сверстников как минимум один раз посетили соседние страны. У 28% польских студентов Калининград ассоциируется с «бедностью», «низким уровнем жизни», «теневогой экономикой», «контрабандой», «войной», «водкой», «алкоголизмом», «СПИДом», «Сталиным», «холодом», «отсутствием свободы», «СССР», «мафией», «трудовыми лагерями» и т.п. Только у 5% респондентов ассоциации были безусловно положительными, тогда как у 68% - нейтральными [Себенцов, Зотова, 2013].

Для привлечения туристов из соседних польских воеводств необходимо наладить качественную систему информирования о событиях (концертах, фестивалях, распродажах), происходящих в регионе. Большим подспорьем для этого могло бы стать изучение польского опыта по привлечению калининградских туристов. Сегодня практически каждый калининградец может найти информацию об актуальных коммерческих предложениях по отдых и шопингу в соседних воеводствах Польши, собранную в один каталог. К такому каталогу часто прилагается карточка, позволяющая

¹³ Согласно методологии ЮНВТО, посетитель — это путешественник, совершающий поездку в какое-либо место назначения, находящееся за пределами его обычной среды местонахождения, с любой главной целью, за исключением цели трудоустройства на предприятие, зарегистрированное в стране или месте посещения.

получить скидки во всех ресторанах, магазинах и отелях, предоставивших в каталоге свою информацию. Эти каталоги распространяются по почтовым ящикам, во многих калининградских магазинах, заправках, туристских информационных центрах и пунктах пропуска. Частью системы информирования могла бы стать также специальная сертификация заведений на предмет готовности к приёму туристов из Польши (или других стран). Подобный подход хорошо зарекомендовал себя в Поморском и Варминьском-Мазурском воеводствах, где появилась программа сертификации “RussianFriendly Здравствуйте!”, объединяющая объекты, подготовленные к обслуживанию русскоязычных туристов.

Для предоставления дополнительных возможностей туристам, желающим посетить Калининградскую область, Представительство МИД в Калининграде в качестве эксперимента с 1 февраля 2002 г. начало выдавать краткосрочные 72-х часовые визы, которые вклеиваются в паспорт туриста непосредственно в момент пересечения границы. Граждане стран Шенгенской зоны, а также Великобритании и Японии имеют возможности получить визу в одном из трех консульских пунктов, расположенных на границе - в Мамоново (на границе с Польшей), в аэропорту Храброво и в Багратионовске (на границе с Литвой). Получение подобной визы формально связано с необходимостью покупки туристического продукта у одной из шести аккредитованных турфирм. В реальности турфирмы предлагают купить хотя бы страховку, которая вместе с визой обходится в 65 долларов США. Чаще всего услугой «виза на границе» пользуются граждане Германии, Франции, Великобритании, скандинавских стран и Польши.

По словам сотрудников Представительства МИД России в Калининграде, данной возможностью пользуется от 500 до 1500 иностранных туристов в год, поэтому консульские пункты работают только «по звонку» из аккредитованных турфирм. В связи с небольшим спросом на данную услугу и негативным фоном вокруг новых правил оформления шенгенских виз для россиян МИД принял решение прекратить «эксперимент» с 1 января 2015 г. Однако по просьбе правительства региона эксперимент был продлён до 31 декабря 2016 г. Одной из причин непопулярности услуги «виза на границы» является небольшой период её действия. Кроме того, большие неудобства связаны с тем, что визу возможно получить только в рабочие дни и строго с 9:00 до 18:00. В случае отмены или задержки рейса турист рискует надолго застрять в транзитной зоне аэропорта. Для роста популярности данной услуги необходимо расширить практику выдачи виз на границе и срок их действия, так как известно, что иностранные граждане предпочитают приезжать в Калининградскую область на срок не менее 10 дней.

Существуют и другие возможности для безвизового въезда в регион. Так, с 2009 г. безвизовый въезд (не более чем на 72 часа) на территорию региона имеют также граждане иностранных государств в составе туристических групп, прибывших в регион на круизном судне. Однако для

развития круизного туризма существуют серьезные инфраструктурные ограничения - отсутствие специально обустроенных портов. По данным Калининградского отделения Речморфлота, с 2011 по 2013 гг. морской порт Калининграда принял всего лишь 15 круизных судов. В то время как в 2012 г. соседний порт Клайпеды принял 44 круизных лайнера, порт Гдыни - 70 лайнеров.

К числу основных барьеров, препятствующих реализации значительного туристско-рекреационного потенциала области, относятся: транспортная доступность, визовые проблемы, языковой барьер, слабое развитие малого бизнеса, административные барьеры и др. Существенные ограничения на развитие трансграничного туризма в том числе накладывает недостаток двусторонних пунктов пропуска и их перегруженность, а также особый режим пограничной зоны с российской стороны. Принятые Государственной Думой в 2005 г. поправки к закону о государственной границе возродили советские ограничения мобильности и хозяйственной деятельности на приграничных территориях. Первоначально в состав погранзоны попали 35% всех городских поселений региона, в том числе Советск, Багратионовск, а также наиболее привлекательные для туристов приморские курортные города (Светлогорск, Янтарный и Зеленоградск). К 2013 г. площадь погранзоны сократилась почти на 60%, однако в её составе оказались многие районы, которые с самого начала приграничного сотрудничества рассматривались как потенциальные объекты для организации трансграничного туризма: знаменитая Роминтенская (Ромницкая) пуца на границе с Польшей, где уже проложены велодорожки для туристов; Виштынецкое озеро на границе с Литвой, где также согласно последней областной программе развития туризма планируется создать крупную рекреационную зону (проект кластера «Европейский Байкал»). Ослабление режима пограничной зоны могло бы создать условия для реализации давно обсуждавшейся идеи трансграничного туристского маршрута «Европейский велосипедный путь «Железный занавес» [Александрова, Ступина, 2013]. Развитию въездного туризма также препятствуют особые зоны с регламентированным для иностранцев режимом посещения, охватывающие значительные территории области в Нестеровском и Краснознаменском районах, а также в курортных Зеленоградском и Гурьевском. В Балтийском городском округе подобная закрытая зона мешает одному из якорных проектов региона - строительству велодорожек «От косы до косы».

Режим границ тормозит и развитие водного туризма, на который также возлагаются большие надежды. Сам факт прохождения государственных границ по пограничным рекам (Неман, Шешупе и др.), Куршскому и Вислинскому заливам крайне осложняет их использование в целях туризма. До сих пор затруднено сообщение между речными вокзалами Балтийска и Эльблонга, практически отсутствуют необходимые для развития малого судоходства и яхтинга пункты пропуска, не разработаны особые правила пересечения морской границы для яхт. Хотя в 2013 г. был открыт сезонный

пункт пропуска «Рыбачий-Нида», но он работает только на заявительной основе и имеет крайне небольшое число судозаходов (не более 20 за сезон). Одним из способов преодоления пограничных барьеров могло бы стать распространение на владельцев и пассажиров спортивных, парусных и прогулочных судов 72-х часового безвизового режима.

Негативно сказалось на развитии туризма в регионе и отмена летом 2016 г. режима МПП¹⁴ по инициативе польской стороны с формальной ссылкой на обеспечение безопасности для проведения Саммита НАТО в Варшаве и визита Папы Римского.

Режим МПП был успехом российской и польской дипломатии и мог бы стать моделью безвизовой зоны с ЕС. В дополнение к выгодам, связанным с упрощением пересечения границ и торговым обменом, МПП давал возможность построить более близкие отношения с соседями, создавая единое информационное пространство и привлекая интерес и доверие друг к другу. И местные игроки, и научное сообщество высоко оценивали влияние режима МПП с Польшей на развитие Калининградской области (Колосов и др., 2016; Domaniewski, Studzińska, 2016), в том числе благодаря значительному росту пересечений государственной границы и активизации контактов на местном уровне благодаря возможности безвизового пересечения границы. По данным польского культурного и делового центра в Калининграде, около 50% калининградцев приезжали в Польшу по картам МПП. С июля 2012 по июль 2014 г. консульство Польши в Калининграде выдало более 200 тысяч карт. По данным Калининградской областной таможни в 2013 г., число лиц и авто, пересекающих польскую границу увеличилось в 4 раза по сравнению с 2010 г. и даже превысило поток в безвизовый период. С 2015 по 2016 г. поток напротив сократился почти что на треть.

Отмена МПП ограничивает возможность компенсации эксклавного положения региона за счет упрощенного режима пересечения польской границы и удовлетворения потребительских потребностей в соседней стране. Сворачивание проекта негативно отражается на приграничных контактах. В связи с этим в Калининграде должна быть проработана качественная стратегия развития туристической деятельности, включающая организацию эффективной системы продвижения местного продукта и информирования соседей о событиях (концертах, фестивалях, распродажах и пр.), происходящих в регионе. Частью системы информирования могла бы стать также специальная сертификация заведений на предмет готовности к приему туристов из Польши (или других стран).

Еще одним важным механизмом компенсации отмены МПП может стать введение упрощенного порядка оформления однократных обыкновенных деловых, туристических и гуманитарных виз в форме электронного

¹⁴Местное приграничное передвижение (localbordertraffic) – особый режим для жителей приграничья, позволяющий им при получении специального разрешения (карты МПП) посещать соседнее государство сроком не более 30-60 дней за одну поездку и не более 90 дней за полгода

документа (электронных виз), разрабатываемое региональным правительством в качестве поправки в проект федерального закона о Калининградской области. Подобные подходы уже опробованы в некоторых странах. Так, по прибытии на китайский о. Хайнань турист в составе группы не менее двух человек может получить за 30 долларов визу сроком на 21 день. При этом соответствующие службы работают 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Эксклавность региона в данном вопросе может сыграть положительную роль, поскольку турист, приехавший по особой электронной визе, не сможет попасть на основную территорию России, минуя пункты пропуска.

Заключение. Туризм в Калининградской области – одна из немногих сфер сотрудничества, где негативные стороны географического положения – «тотальная пограничность» и изолированность от основной территории страны - могут стать мощным стимулом развития. Эксклавное положение может обеспечить условия для радикального ослабления визового режима, что должно положительно сказаться на привлечении иностранных туристов.

Трансграничные туристические маршруты и историко-культурное наследие Восточной Пруссии должны сыграть важную роль для привлечения иностранных туристов. Ослабление визового режима и развитие приграничного сотрудничества в сфере туризма будут способствовать формированию общего для приграничья трех стран туристического продукта. Ещё одним трансграничным брендом может стать Всемирный путь янтаря, потенциальные туристские маршруты которого также охватывают приграничные территории соседствующих стран.

Отмена режима МПП очевидно негативно скажется на приграничных контактах и приведет к сокращению потока поляков из сопредельных регионов в Калининградскую область. В связи с этим на региональном уровне должна быть проработана качественная стратегия развития туристической деятельности, включающая организацию эффективной системы продвижения местного продукта и информирования соседей о событиях, происходящих в регионе.

Исследование было выполнено в Институте географии РАН при поддержке проекта Российского научного фонда «Российское пограничье: вызовы соседства» №14-18-03621.

Литература

1. Александрова А.Ю., Ступина О.Г. Туристское регионоведение. Влияние региональной интеграции на мировой туристский рынок. М.: 2013, 176 с.
2. Драгилева И.И., Корнеевец В.С. Кропинова Е.Г. Международное сотрудничество и развитие туризма в Калининградской области// Регион сотрудничества. 2005. № 1. С. 11-19
3. Кропинова Е.Г. Международная кооперация в сфере туризма и формирование трансграничных туристских регионов на Балтике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 1. С. 113-119

4. Себенцов А.Б., Зотова М.В. Потенциал ЭГП Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. 2013 №4 (18). С.113-131.
5. Себенцов А.Б. Колосов В.А., Зотова М.В. Туризм и приграничное сотрудничество в Калининградской области // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. №4. С. 64-72.
6. Степанова С.В. Туристский вектор развития приграничных регионов Северо-Запада России // Балтийский регион. 2016. Т.8. №3. С. 147-163
7. Статистика туризма: учебник / коллектив авторов; под ред. А.Ю. Александровой. - М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. 464 с.
8. Tourism in 2014. Statistical information and Elaboratories. Warsaw: Central Statistical Office, 2015. 254 p.
9. Tourism in Lithuania. 2014. Vilnius: Statistical Department of Lithuania. 2015. 124 p.

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В ТУРИЗМЕ И РЕКРЕАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

М.А.Степанов

Курский государственный университет, Курск
e-mail: yondaime-13@mail.ru

Аннотация. Рекреация и туризм – одни из важнейших составляющих хорошего отдыха и восстановления сил человека. Для каждого отдыхающего немаловажным фактором при поездке являются погодные условия, а также климат в регионе прибытия. Благоприятная экологическая обстановка, наличие необходимых природных ресурсов, подходящий климат – все это является одними из ключевых условий для развития туризма. От природно-климатических ресурсов зависит то, какой вид туризма возможен на конкретной территории. Центральное Черноземье имеет возможность развития сразу нескольких видов туризма.

Ключевые слова: природно-климатические ресурсы, туризм, рекреация, экологический рейтинг, биоклимат, Центральное Черноземье.

Климат - один из основополагающих факторов, который определяет насколько целесообразно развитие того или иного вида туризма (например, достаточно ли прогревается вода в водоемах региона в летнее время года для организации пляжного отдыха). Не менее важно воздействие климата на организм человека, что называется биоклиматом. Биоклиматические характеристики имеют несколько параметров, такие как влажность, температура, скорость ветра, инсоляционный режим и др. Биоклиматология крайне подробно рассматривает воздействие каждого параметра на человека.

В связи с сезонной сменой видов отдыха и туризма в биоклиматологии человека применяются разные критерии оценок климата и погоды для зимней и летней рекреационной деятельности. При чем весьма важное значение для определения ценности района приобретает продолжительность периода, благоприятного для целого набора летних и зимних занятий или

еще лучше для тех и других, вместе взятых [1]. В туризме часто применяется оценка биоклимата, разработанная в Центральном институте курортологии (ныне Центр медицинской реабилитации и физиотерапии) в 1988 году И.Ф. Бутьевой.

По этой методике все биоклиматические факторы делятся по степени благоприятности их воздействия на людей:

- раздражающие (неблагоприятные факторы, которые оказывают повышенную нагрузку на здоровье и состояние человека);
- тренирующие (оказывают меньшее воздействие на здоровье и состояние человека, но все же показаны не всем);
- щадящие (благоприятны для всех без исключения отдыхающих, в том числе и больных, проходящих лечение или реабилитацию в санаториях).

При оценке благоприятности климатических условий для организации рекреационной деятельности изучаются комплексно все параметры. В данной статье мы проведем поверхностную оценку биоклиматических и природных ресурсов на примере Центрального Черноземья.

Регион состоит из пяти областей – Курской, Воронежской, Белгородской, Тамбовской и Липецкой. Территория ЦЧР находится на водоразделе, по верхнему течению рек Оки, Дона и Сейма (приток Десны, на котором стоит Курск). Западная часть района (Курская и Белгородская области) находится на Среднерусской возвышенности, средняя (Воронежская, Тамбовская, Липецкая области) – на Окско-Донской низменности. Особенностью современного рельефа является множество оврагов. Главным природным богатством района являются железные руды Курской магнитной аномалии.

Климат района умеренно континентальный, достаточно увлажненный, на юго-востоке региона он более сухой, нередки засухи. Количество годовых атмосферных осадков 400—500 мм в год. Гидрографическая сеть бедна. Единственной крупной рекой является Дон с притоками Воронеж и Северный Донец. Дон только в нижнем течении до Павловска судоходен. Остальные реки мелководны, основное их использование — водоснабжение населения и промышленных предприятий. В настоящее время сложился напряженный водохозяйственный баланс в крупных городах. Лесопокрытая площадь составляет лишь 10% территории района. Леса размещаются в северной части и представлены в основном широколиственными породами. Лесные ресурсы имеют, в основном, почвозащитное, рекреационное значение.

По продолжительности залегания устойчивого снежного покрова в днях ЦЧР имеет показатели в 100-125 дней, что является пограничным значением между тренирующим и щадящим.

Повторяемость дождливых погод в год в % в среднем по Центральному Черноземью составляет 30%, что относится к щадящим значениям.

Для рекреационных целей важна влажность воздуха. Для здорового человека благоприятна относительная влажность в 40—60 %. Среднегодовая влажность в регионе составляет примерно 76 %, в течение года редко опускаясь ниже комфортных для отдыхающих показателей, что позволяет нам отнести показатели влажности к щадящим значениям.

Термический режим ЦЧР по ряду критериев можно охарактеризовать как щадящий:

- продолжительность безморозного периода, когда среднесуточная температура выше 0°С. Он составляет примерно семь месяцев;
- продолжительность периода, который благоприятен для летней рекреации (Т от +15°С) - примерно три месяца;
- продолжительность периода благоприятного для зимней рекреации (Т = от -5°С до -25°С) – примерно четыре месяца;
- продолжительность купального сезона в среднем равна двум месяцам;
- теплоощущение человека зимой равно -16°, летом – ЭТ=+22°, ЭЭТ=+20°.

Инсоляционный режим на территории Центрального Черноземья можно определить как тренирующий (от 1700 до 2000 часов солнечного сияния в год) (рис.1.).

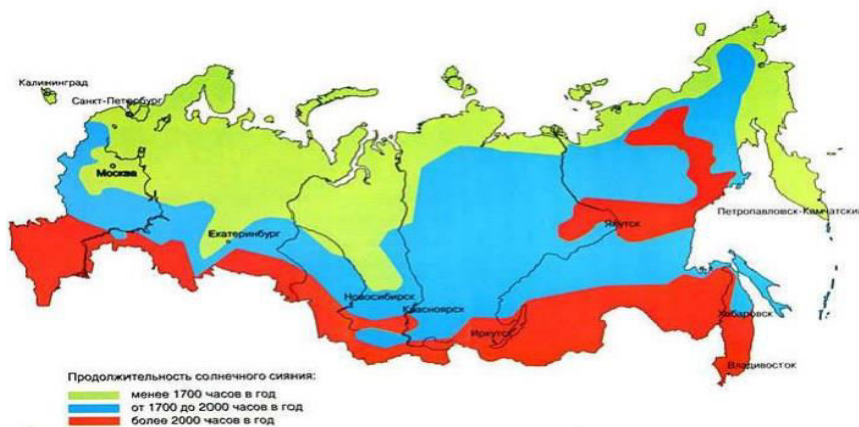

Рис.1. Инсоляционный режим на территории РФ. [2]

В связи с тем, что регион расположен в центре материка и удален от морей, океанов и горных систем, он имеет стабильные показатели атмосферных циркуляций. Параметры атмосферных циркуляций можно назвать щадящими, поэтому отдых в Центральном Черноземье показан как гипотоникам, так и гипертоникам и астматикам. Воздействия ветрового режима на отдыхающих щадящее. Преобладают среднединамические ветра ($V = 1-4$ м/с). Экологическая обстановка играет не менее важную роль, чем климат и природно-ресурсный потенциал территории. Для определения экологической ситуации в Центральном Черноземье будем использовать экологический рейтинг 2016-2017 общероссийской общественной организации «Зеленый патруль» (рис.2).

Рис.2. Экологический рейтинг субъектов РФ за 2016-2017 гг.[3]

Три из пяти областей ЦЧР занимают 1-е, 7-е и 12-е места в рейтинге (Тамбовская, Белгородская и Курская соответственно) из 85 регионов РФ. Воронежская область же занимает 29-е, а Липецкая 36-места (рис.3).

Рис.3. Экологический рейтинг субъектов РФ за 2016-2017 гг.[3]

Экологический рейтинг данных субъектов заметно ниже других областей ЦЧР, но при этом находятся в первой трети среди всех регионов РФ, что позволяет сделать вывод о возможности относительно комфортного и безопасного с экологической точки зрения отдыха на большей части областей Центрального Черноземья.

Подводя итоги, можно сказать, что Центральное Черноземье обладает необходимыми природно-климатическими ресурсами для развития рекреации и туризма на своей территории. В ходе анализа ряда биоклиматических показателей выявлено, что по основным критериям (исключение составил лишь инсоляционный режим, определенный как тренирующий) климат ЦЧР способен оказывать щадящее воздействие на отдыхающих, что делает его благоприятным для рекреационной деятельности. Щадящие показатели биоклимата, а также неплохая экологическая обстановка способствуют лечебного-оздоровительному отдыху в многочисленных санаториях и пансионатах региона. На территории

ЦЧР возможно развивать различные виды туризма, такие как экологический, сельский, религиозный, культурно-познавательный, спортивный (конный, велотуризм, горный пеший и др).

Литература

1. Данилова Н. А. Климат и отдых в нашей стране [Текст] / Н.А. Данилова, // «Мысль».М - 1980. - с. 8.
2. Солнечная инсоляция, таблицы солнечной инсоляции [Электронный ресурс] - Электрон. дан. - URL: http://www.aerkom.ru/netcat_files/userfiles/1/solar.pdf, (дата обращения 08.05.2017).
3. Зеленый патруль [Электронный ресурс] Экологический рейтинг субъектов РФ - Электрон. дан. - URL: <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=295>, (дата обращения 08.05.2017).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭЛЕМЕНТОВ НОВОГО «ЗЕЛЕННОГО КОЛЬЦА» ГОРОДА КУРСКА

О.С. Горбунова, Н.О. Полякова

Курский государственный университет, Курск
e-mail: gorbunovaolyga@mail.ru, natashapolyak@yandex.ru

Аннотация. Расширение границ города обуславливает преобразование структуры «зеленого кольца». Новое «зеленое кольцо» города формируют элементы территорий, ранее находившихся далеко за его пределами. Для определения степени антропогенной нагрузки на элементы «зеленого кольца» необходимо проведение комплексной геоэкологической оценки их состояния.

Ключевые слова: Экологический каркас, «зеленое кольцо» города, геоэкологическая оценка, урочище Крутой лог, урочище Шуклинка.

Город Курск, как и большинство городов России, растет, расширяя свои границы, активно развивая селитебные и иные зоны застройки, за счет преобразования и сокращения площадей «зеленого кольца», элементы которого служат не только защитной зоной города, но и выполняют ряд других важных экологических функций. Для своевременного выявления основных проблем и разработки комплекса мероприятий по их решению и обеспечению устойчивости элементов «зеленого кольца» необходимо проведение геоэкологической оценки их состояния.

Экологический каркас представляет собой набор и пространственное сочетание природных и культурных ландшафтов, обеспечивающих экологическую стабильность территории соответствующего уровня и

предотвращающие потерю биоразнообразия и деградацию ландшафта. К структурным элементам экокаркаса относятся: площадные (ядра каркаса), линейные (экологические коридоры) и точечные элементы и буферные зоны. Структуру экокаркаса города составляют такие элементы как: зеленое кольцо города, межмагистральные клинья, экологические коридоры (водно-зеленый диаметр вдоль рек и водоемов), система рекреационных зон и особо охраняемых природных территорий в городе [1].

Все эти элементы выполняют широкий спектр функций от средостабилизирующих, до рекреационных.

С нашей точки зрения наиболее интересным элементом каркаса является «зеленое кольцо», которое представляет собой выделенные пригородные земли города, образующее защитный зеленый пояс, окружающий или примыкающий к городской территории. Выполнение функционального назначения «зеленого кольца» определяется экологическим состоянием городской среды.

До недавнего времени «зеленое кольцо» города Курска составляли площадные и точечные элементы экологического каркаса, находящиеся по периферии границы города. Крупными элементами «зеленого кольца» выступали такие урочища, как Крутой Лог, Сухое Хмелевое, Моква, Солянка, Знаменская Роща, Боева Дача. Точечными элементами являлись урочища Двенадцатый лог, Сухой лог, Волковы Сосны, Кривец, Цветов лес, Соловьинная Роща и прилегающие к ним садовые участки [2].

За последние несколько лет в связи с разрастанием границ города, добавлением новых микрорайонов изменилась и структура зеленого пояса города. В новое «зеленое кольцо» вошли территории, ранее находящиеся далеко за пределами городской черты – урочище Шуклинка, Горелый лес, и элементы старого «зеленого кольца», кроме Соловьинной Рощи, Знаменской Рощи, Боевой Дачи, которые теперь относятся к внутригородским паркам. Также элементами «зеленого кольца» города Курска являются садовые участки (СТ «Мир», «Курск», «Ветеран»), крупный лесной массив, примыкающий к северо-восточной части города и лесопосадки вдоль транспортных путей, проходящих по периферии границ города (рис. 1).

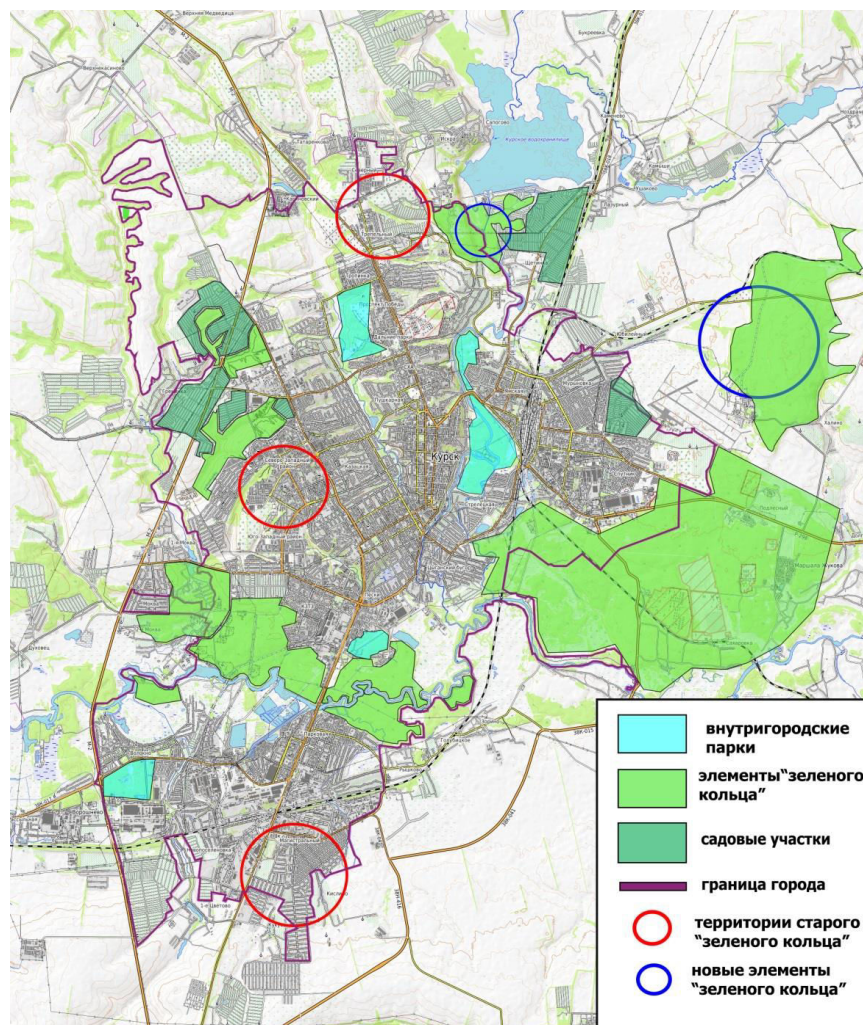

Рис. 1. Элементы «зеленого кольца» города Курска

Как и все другие компоненты городской среды, элементы «зеленого кольца» подвержены антропогенной нагрузке, которая снижает их функциональную значимость для города Курска.

Для выявления степени антропогенного воздействия на «зеленое кольцо» Курска нами была проведена сравнительная геоэкологическая оценка состояния территории входившей в защитный пояс (урочище «Крутой Лог», расположенное на окраине северо-западного микрорайона) и недавно присоединившейся (урочище «Шуклинка», расположенное на окраине «Северного» микрорайона). В ходе комплексной оценки мы провели исследование состояния атмосферного воздуха, почвенного и растительного покрова.

Основным источником воздействия на состояние урочищ является автотранспорт, проходящий по близлежащим трассам. Интенсивные транспортные потоки наблюдаются вдоль западной границы урочища Крутой Лог по Курской объездной дороге (а/д Крым), по прилегающей городской части (ул. Орловская, Гремяченская), а также на территории урочища расположен картодром. Для урочища Шуклинка характерны меньшие потоки, проходящие в основном вдоль южной границы по ул. Фестивальная. Интенсивные

транспортные потоки обуславливают превышение значений ПДУ шума на 20-30 дБ от нормы, защитным барьером от которого для границ города выступают урочища.

Количество загрязняющих веществ в атмосферном воздухе превышает значения ПДК. Это такие газы как CO, SO₂ и NO₂, в зоне высокого содержания которых, растения накапливают их в максимальном количестве, что негативно сказывается на состоянии зеленых насаждений и урочища в целом – наблюдаются такие нарушения как деформация листовых пластин, кроны; повреждение листвы, хвои.

Верхний слой почвенного покрова урочища Крутой Лог, примыкающий к автомагистралям, загрязнен тяжелыми металлами в количествах близких и превышающих ПДК. Превышение ПДК свинца в 2,5 раза отмечается вблизи Объездной, что указывает на негативное влияние выбросов автотранспорта, на состояние почв и зеленых насаждений. Для урочища Шуклинка превышения ПДК по свинцу выявлено не было.

Урочище Крутой Лог относится к территории с высокой степенью деградации, особенно его периферия. Являясь одной из рекреационных зон города, Крутой лог привлекает большое количество отдыхающих. Массовые посещения обуславливают высокую степень вытаптывания, захламление территории бытовым мусором. (Площадь захлавленных участков 10-25 %). Через территорию урочища проходит асфальтированная дорога и множество троп, ведущих к дачным участкам, школам, жилым домам. Вытопанные площадки занимают около 20% территории. Все это приводит к уплотнению почвы, нарушению ее физико-химических свойств и структуры, к ухудшению состояния растительного покрова.

Урочище Шуклинка относится к территории со средней степенью деградации. Для территории урочища характерны несанкционированные рубки лесного массива, захламление бытовым мусором.

Отсутствие элементов благоустройства территории лесопарков обуславливает неорганизованность рекреационных потоков, создает критические нагрузки на отдельные участки лесных массивов, приводит к деградации насаждений.

Для города Курска характерно наличие элементов «зеленого кольца» по всей периферии, которые подвержены разной нагрузке. Наиболее уязвимыми являются объекты, по границам которых проходят крупные автомагистрали, производится расширение границ города, что обуславливает сокращение их территорий.

Для поддержания экологического баланса среды города Курска необходимо проведение комплекса мероприятий по стабилизации состояния элементов «зеленого кольца», такими мероприятиями являются:

1. Проведение регулярных мониторинговых наблюдений.
2. Создание зеленых линейных объектов вдоль транспортных магистралей, проходящих по периферии элементов «зеленого кольца».
3. Введение дополнительных буферных зон в структуру экологического каркаса, которые будут включать многоярусные зеленые насаждения как защитный барьер от различных видов загрязнений.

4. На территориях ООПТ необходимо запретить все виды антропогенной деятельности, за исключением рекреационной в строго отведенном месте.

5. Проводить мероприятия по очистке территорий от бытового и растительного мусора и санитарные рубки территорий «зеленого кольца».

6. Со стороны дач необходимо разместить контейнерные площадки для мусора.

7. Обозначить и выделить озелененные территории общего пользования в новых районах;

8. Присвоить каждому конкретному объекту «зеленого кольца» определенный режим функционального использования его территории.

Литература

1. Колбовский Е.Ю., Морозова В.В. Ландшафтное планирование и формирование сетей охраняемых природных территорий. – Издательство ЯГПУ Ярославль, 2001. — С. 150.

2. Полякова Н.О. Земли поселений: оценка их состояния, создание единого экокаркаса города. – Воронеж, ВГУ, 2012. – 159 с

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ КУРСКОЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Н.Н. Ключев, И.Ф. Петрова, Л.М. Яковенко, С.А. Буланов

Институт географии РАН, Москва

e-mail: klyuev@igras.ru, petrova@igras.ru, larisa.mak.yak@mail.ru,
bulanov@igras.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности эколого-географического положения Курской области – ее расположения относительно экологических опасностей, локализующихся за пределами ее территории. Реальные и потенциальные экологические взаимовлияния Курской и сопредельных областей определяются их геоэкологической сопряженностью. Проанализирована приуроченность границ Курской области к разным типам рельефа. Выделено пять типов участков, различающихся направленностью и потенциалом трансграничного перемещения загрязняющих веществ.

Ключевые слова: эколого-географическое положение, геоэкологическая сопряженность регионов, Курская область, сопредельные регионы, границы, рельеф.

В геоэкологических исследованиях, как правило, основное внимание уделяется состоянию природной среды в изучаемом регионе, то есть внутренним угрозам экологической безопасности. Однако «автономность» регионов, даже малых, нельзя абсолютизировать. Экологические проблемы по самой своей сути не «привязаны» к государственным и административным границам. Антропогенные изменения природы, раз

возникнув в каком-либо месте и природном компоненте, не локализируются в пространстве, а передаются посредством вертикальных и горизонтальных связей вглубь – к другим природным компонентам и вширь – на соседние природные комплексы, в том числе локализующиеся на сопредельных территориях.

Эффективным исследовательским инструментом для определения подверженности региона внешним угрозам выступает предложенная нами ранее концепция эколого-географического положения [4]. При его оценке внимание прежде всего фиксируется на расположении региона относительно «внешних» источников экологической опасности, "каналов" и "барьеров" ее распространения. Под «каналами» распространения экологической опасности понимаются прежде всего водные и воздушные потоки, играющие решающую роль в передаче антропогенных изменений природы вширь - от места к месту. К числу природных факторов передачи изменений по горизонтали относят и миграцию животных.

Существуют и антропогенные каналы распространения экологической опасности - дороги, трассы трубопроводов, по которым могут перемещаться экологически опасные грузы и т.п. Кроме целенаправленной, возможна и «сопутствующая» транспортировка вредных для человека и природы веществ. Так, реален риск распространения радионуклидов из загрязненных территорий людьми, машинами, сельскохозяйственной техникой. Заметим, что в современном мире транспорт является ведущим фактором миграции вещества природы, влекущей за собой значительные экологические последствия.

Распространение антропогенных изменений природы не сводится лишь к перемещению поллютантов. Не связаны с их движением, например, процессы опустынивания, иссушения ландшафтов в результате формирования воронок депрессии подземных вод. Такие воронки, например, вокруг г. Курска и г. Железногорска занимают площади в тысячи квадратных километров.

В качестве препятствий для распространения экологической опасности выступают «барьеры» разной природы - геоморфологические, геохимические, биогеохимические (например, в устьях рек, где благодаря им происходит отложение загрязненных наносов), а также климатические, например, преобладание устойчивых антициклонов. Водоразделы морских и речных бассейнов создают преграды для транспортировки загрязнителей поверхностным и подземным стоком. Крупные линейные положительные формы препятствуют и воздушному переносу.

Возможности миграции, трансформации и аккумуляции загрязнителей зависит от гипсометрического положения региональной системы и ее частей – их положения на водоразделе, склонах разной крутизны или в отрицательных формах рельефа. Так, при прочих равных условиях нижние звенья каскадных ландшафтно-геохимических систем (по М.А. Глазовской) более подвержены антропогенным изменениям.

Важнейшими показателями территориальных единиц при определении их эколого-географического положения является их *сопряженность* с соседствующими регионами. Рассмотрим геоэкологическую связность, сопряженность *Курской области* с сопредельными регионами.

Реальные и потенциальные экологические взаимовлияния Курской и сопредельных областей отражены на рис. 1.

На расстоянии до 40 км от границ области находится Губкинско-Старооскольский промышленный узел и крупные областные центры - Воронеж и Сумы. Атмосферные выбросы этих городов представляют непосредственную угрозу для территории Курской обл. При дешифрировании космических снимков [3], выявилось, что Губкинско-Старооскольский промышленный узел формирует на территории Курской обл. зону хронического загрязнения площадью 25 км², а Железнодорожный промышленный узел формирует 55-километровую загрязненную зону на территории Орловской обл.

Как и другие регионы Среднерусской возвышенности, Курская область занимает благоприятное гидроэкологическое положение. Она находится на главном водоразделе Русской равнины (Днепра, Дона и Оки) и в целом хорошо защищена от импорта водных загрязнений с поверхностным стоком, а сама является крупным их «экспортером».

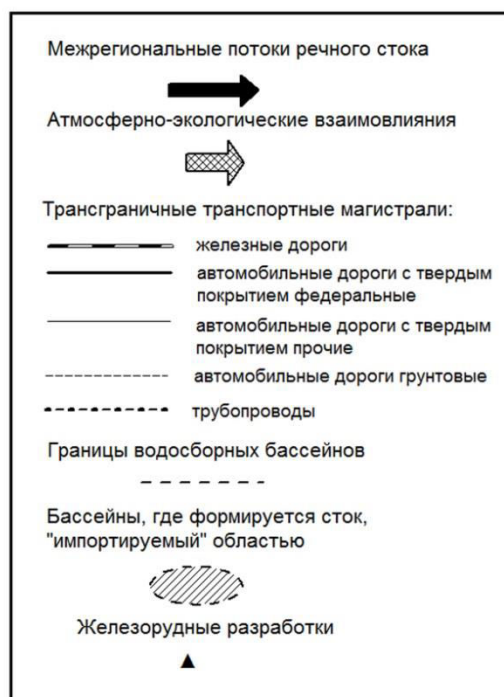
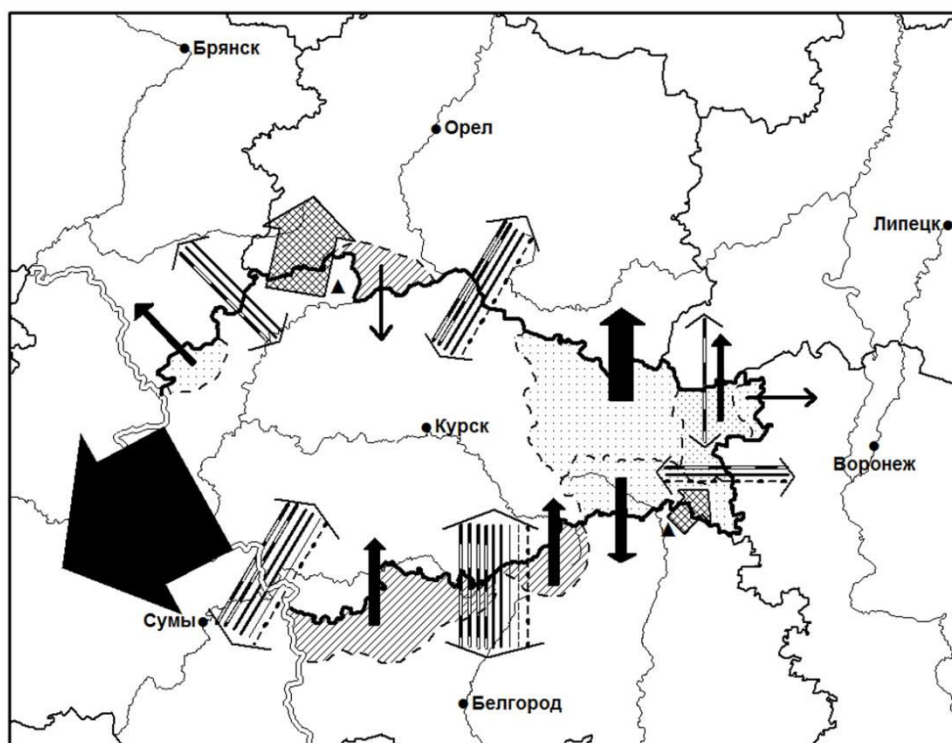

Рис. 1. Реальные и потенциальные экологические взаимодействия Курской и сопредельных областей

Как показано [2], практически отсутствует также возможность миграции загрязняющих веществ и с подземным стоком, формирующимся за пределами Курской области. Последнее обусловлено тем, что изучаемый регион находится в области питания Днепровско-Донецкого артезианского бассейна. Значительная часть атмосферных осадков здесь расходуется на

формирование глубокого регионального подземного стока, не дренируемого местной гидрографической сетью.

Речной сток, формирующийся в области, невелик – его среднемноголетняя величина составляет $3,88 \text{ км}^3$, или $0,13 \text{ м}^3/\text{м}^2$ территории. Водные ресурсы дефицитны в регионе, но 90% из них – «свои», местные, приток обеспечивает лишь 10% суммарных ресурсов поверхностных вод. $\frac{3}{4}$ речного стока и почти все его загрязнения из области поступают в Днепровский бассейн в Сумскую область, 10% - в бассейн Дона (Орловская область).

Рельеф является главным фактором, контролирующим направление трансграничного переноса растворённых веществ и взвешенных наносов водотоками и грунтовыми водами. Проанализируем геоморфологические условия курского пограничья с целью определить условия трансграничного переноса загрязняющих веществ.

Курская область почти полностью находится в пределах Среднерусской возвышенности, занимая её наиболее высокую центральную часть. В геоморфологическом строении выделяются субгоризонтальные и слабонаклонные, редко холмисто-увалистые междуречья, которые чередуются с долинами рек. Междуречья и коренные склоны долин осложнены хорошо развитой овражно-балочной сетью [1]. Границы области проходят практически по всем типичным комплексам ее рельефа. Можно выделить следующие соотношения границы и типа рельефа (рис. 2):

- границу пересекает река или ручей;
- граница пересекает долинный комплекс;
- граница проходит по руслу реки;
- граница проходит по акватории озера, водохранилища;
- граница проходит по тальвегу оврагов и балок;
- граница пересекает междуречные пространства, проходит по склонам долин, оврагов, балок или пересекает их;
- граница пересекает слаборасчлененные междуречные пространства.

Рассмотрим эти участки.

1. Границу пересекает река или ручей, транзит загрязнений в Курскую область или из Курской области.

В Курскую область несут свои воды 1 крупная река (Псел в верхнем течении), 3 средние реки (Чернь, Осмонь, Донецкая Сеймица), 4 малые реки (Сохна, Речица, Буковица, Волфа) и 15 ручьев (временных водотоков).

Из Курской области загрязнения выносят 2 крупные реки (Сейм, Псел), 3 средние реки (Стенега, Обеста, Убля), 5 малых рек (Нетрубейж, Неварь, Кубанка, Белый Немед, Ольшанка) и 15 ручьев (временных водотоков).

2. Более характерна ситуация, когда граница идет по руслу реки, затем река течет по территории Курской области или по территории сопредельных областей.

Рис. 2. Приуроченность границ Курской области к разным типам рельефа

Здесь возможны несколько вариантов, определяющих особенности трансграничного переноса.

При итоговом выносе загрязнений с территории Курской области река может течь: в пределах области, затем на некотором протяжении вдоль границы; за пределами Курской области, затем на некотором протяжении вдоль границы; только вдоль границы. Аналогичные варианты возможны и при импорте загрязнений.

Помимо этого, река, текущая вдоль границы, принимает в себя притоки, собирающие загрязнение как внутри области, так и извне.

3. Граница проходит по тальвегу оврагов и балок, по которым в весенний и иногда в осенний период текут временные водотоки.

4. Граница пересекает чётко выраженный в рельефе долинный комплекс реки, который, как правило, включает в себя русло, пойму и несколько надпойменных террас. Большинство крупных и среднего размера рек течёт из Курской области в сопредельные области. В том же направлении осуществляется трансграничный перенос в пределах долинного комплекса во время половодья и путём транспирации грунтовых вод. Можно выделить также ряд малых водотоков, в основном на южных рубежах, чьё течение и соответствующее направление подземного стока идёт внутрь Курской области.

5. Граница пересекает междуречные пространства, как правило, в приводораздельной их части. Выделяются две основные их разновидности, различающиеся по морфологии, генезису и возрасту формирования.

5а) На крайнем западе (на правом берегу Сейма в районе Рыльска) и на крайнем востоке области (в узкой полосе на границе с Воронежской областью) отмечаются фрагменты холмистой моренной равнины. Здесь преобладают склоны средней крутизны: 2–5°, иногда более, что способствует трансграничному переносу поверхностными водами.

5б) Субгоризонтальные и пологонаклонные междуречья преобладают на остальных рубежах Курской области, за исключением вышеуказанных. Уклон поверхности здесь обычно не превышает 1–2° и направлен, как правило, вдоль границы, которая часто тяготеет к местной водораздельной линии. Поэтому существенного обмена загрязнителями, перемещающимися вместе с поверхностными водами, быть не должно. Иная ситуация складывается с фильтрующимися грунтовыми и подземными водами. Слагающие междуречья лессовидные суглинки субаэрального происхождения и включённые в них погребённые почвенные горизонты доступны для миграции грунтовых и подземных вод. Однако направление их движения не всегда совпадает с уклоном поверхности, потому здесь возможны разные варианты перемещения загрязнений, в том числе и в противоположном уклону поверхности направлении.

Более детально исследованы геоэкологические особенности российско-украинской границы в пределах Курской области (рис.3).

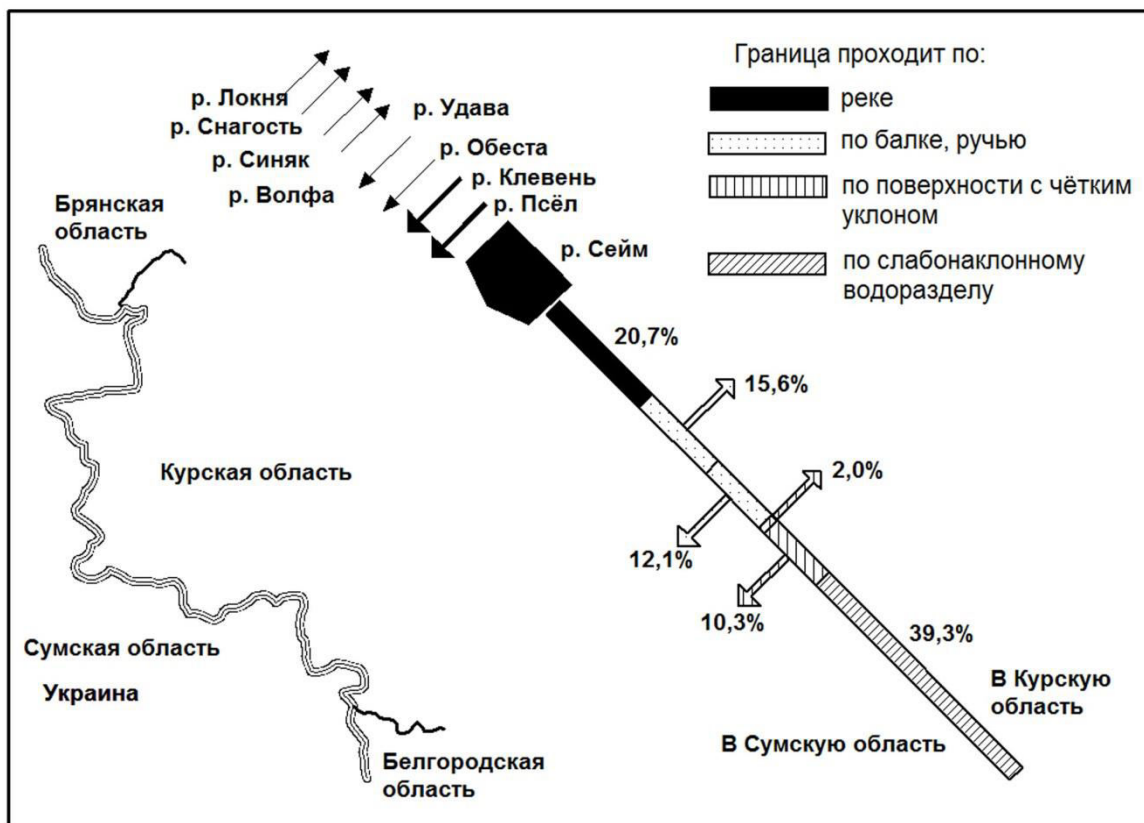

Рис. 3. Геоэкологические особенности российско-украинской границы в пределах Курской области

Поскольку этот участок границы приурочен к склону Среднерусской возвышенности, абсолютные отметки пересекаемых междуречий здесь меньше, чем на других участках её границы: 150–220 м, редко более. Здесь на границе преобладают междуречья по варианту 5а, фрагментарно присутствуют отрезки, приуроченные к холмисто-увалистым междуречьям по варианту 5б. Слаборасчлененные междуречные пространства составляют около 33% границы, склоны оврагов и балок – 16%. Местами граница проходит непосредственно по руслам рек (24%), в том числе более 40 км по руслу р. Клевень, пересекает долины крупных и средних рек (13%). Тальвеги временных водотоков характерны для 14% протяженности границы.

Расчёты приуроченности границ Курской области к разным типам рельефа полезны для выявления направленности и потенциала трансграничного перемещения загрязняющих веществ, «экспорта» и «импорта» загрязнений, переносимых водными потоками.

Исследование в целом подтверждает, что по ряду признаков Курская область может претендовать на статус *«Ключевого региона устойчивого развития»*.

Предпосылки для этого: благоприятное эколого-географическое положение области в верховьях рек Днепровского и Донецкого бассейнов, протекающих далее по засушливым районам России и Украины, условия естественной защищенности от водных загрязнений (а частично - и от воздушных), в целом невысокий для освоенной территории уровень хозяйственной нагрузки на природу, богатый почвенно-климатический потенциал.

Исследование выполнено в рамках Госзадания Института географии РАН по теме «Актуальные тенденции природопользования в российских регионах и их геоэкологическая оценка».

Литература

1. Буланов С.А., Петрова И.Ф. Опыт эколого-геоморфологического анализа граничных условий субъекта Федерации с целью определения характера трансграничного переноса (на примере Курской области) // Геоморфология и картография. Труды 33 Пленума Геоморфологической комиссии РАН. Саратов, 2013. С. 224-228.
2. Долгов С.В. Гидрологические последствия изменений хозяйственной деятельности в Курской обл. // Изв. РАН. Сер. геогр. 2002. № 5. С. 72-82.
3. Зоны хронического загрязнения вокруг городских поселений по республикам, краям и областям РФ. СПб.: ГГИ, 1992. 188 с.
4. Ключев Н.Н. Эколого-географическое положение России // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. №6. С. 15-34.

ЭКОЛОГО-РЕСУРСНЫЙ «ДИССОНАНС» В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Н.Н. Клюев

Институт географии РАН, Москва

e-mail: klyuev@igras.ru

Аннотация. Проведено сопоставление региональных индексов (1990-2014 гг.) производства сельскохозяйственной продукции и индексов используемых ресурсов (посевных площадей, поголовья скота, применения удобрений). Выявлен феномен эколого-ресурсного «диссонанса» в сельскохозяйственной сфере, ведущий к деградации агроландшафтов. Выделены две группы регионов, различающихся экологическими траекториями: 1) регионы ускоренной «примитивизации» сельского хозяйства, где можно ожидать изменений региональных климатических характеристик; 2) регионы Центрального Черноземья, в которых чрезмерная эксплуатация агроландшафтов угрожает их ускоренной экологической деградацией.

Ключевые слова: сельское хозяйство, природопользование, экологические последствия, регионы, пореформенная Россия.

В настоящей статье рассматриваются некоторые реальные и потенциальные экологические последствия постсоветских изменений в аграрной сфере России и ее регионов. К 2015 г. 21 российский регион заметно превысил объем сельскохозяйственного производства 1990 г., 16 регионов достигли или почти достигли его - индекс производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых, естественно, ценах) варьирует от 95 до 105%, а в остальных регионах индекс составляет от 7 до 94%¹⁵. Лидерами являются центрально-черноземные области и республики Северного Кавказа (Дагестан, Кабардино-Балкария), а аутсайдерами – дальневосточные и северные регионы. Однако российские регионы очень неравнозначны по объему аграрного производства. Наибольшие абсолютные потери производства – потери в масштабах страны - наблюдаются не на севере и востоке России (где максимальные относительные потери), а в Московской, Тверской, Нижегородской и Курганской областях. Новая агро-географическая реальность – это изменение сельскохозяйственной специализации. В 1990 г. 65.5% аграрной продукции давало животноводство, а в 2015 г. – только 47.7%. Вследствие этого изменился аграрный профиль российских регионов. В конце 1980-х гг. растениеводство преобладало лишь в нескольких юго-западных районах, ныне доминирует уже почти в половине регионов России [3]. Соответственно, сильно уменьшились (на 15 млн га) площади естественных кормовых угодий – сенокосов и пастбищ.

¹⁵ Здесь и далее, если не указано иное, рассчитано по официальным данным [7 - 11].

За 1990-2015 гг. посевные площади сельскохозяйственных культур сократились на треть от всех посевных площадей 1990 г. В результате изменился характер и масштаб аграрных воздействий на природные компоненты и комплексы, весь облик современных сельских ландшафтов. Так, традиционный для Нечерноземья лесо-лугово-полевой ландшафт в некоторых районах трансформировался в лугово-лесной. Однако в центрально-черноземных областях с середины «нулевых» годов произошел перелом тенденции, и в Курской, например, области посевные площади к настоящему времени уже превышают показатели советского периода. Малое количество сельскохозяйственных животных нарушает гармонию между животноводством, производящим отходы, и земледелием, потребляющим их. Многократное снижение применения удобрений на российских полях – это, в частности, следствие падения поголовья скота: удобрения просто некому производить. Конечно, абстрактная постановка вопроса об оптимальном соотношении животноводства и растениеводства – вне анализа природно-экономических условий конкретных хозяйств – лишена всякого смысла. Однако нельзя не учитывать, что и в дореформенный период, когда поголовья сельскохозяйственных животных было намного больше, аграрная сфера испытывала дефицит органических удобрений. Интенсивное строительство в последнее десятилетие в черноземных областях крупных животноводческих комплексов обостряет давнюю проблему утилизации локализуемых вблизи них крупнотоннажных отходов. Из-за дороговизны транспортировки, нехватки техники и организационных факторов заметно большая часть навозных и пометных стоков не используется в качестве удобрений, а сбрасывается в навозохранилища, пруды-накопители, на очистные сооружения, прилегающие земли и водные объекты. Это, естественно, негативно сказывается на качестве водоемов и водотоков. К началу 1990-х гг. на российских пахотных почвах был создан запас питательных веществ, но ныне баланс безнадежно отрицательный. По России в целом компенсация выноса питательных веществ из почвы с урожаем внесением удобрений составила: азота – 15%, фосфора – 15, калия - 5% [1]. Ухудшение агрохимических свойств почв, их прогрессирующая деградация связана и с резким уменьшением объемов известкования кислых почв (сокращение за 1990-2014 гг. в 16 раз), гипсования солонцовых почв (в 106 раз). Прогрессирующей несбалансированностью отличаются фермерские хозяйства. В структуре их продукции доля животноводства составляла в 1995 г. 32.3%, а в 2015 г. – 21.4%. В отдельных регионах эта доля намного меньше, например, в Курской области – только 6%. В пореформенном сельском хозяйстве наблюдается, на первый взгляд, парадоксальный эффект расхождения индексов производства сельскохозяйственной продукции, с одной стороны, и индексов используемых ресурсов (посевных площадей, поголовья скота, применения органических и минеральных удобрений, техники, электроэнергии и т.п.) – с другой. Если объем производства продукции сельского хозяйства в 2015 г. примерно достиг уровня 1990 г., то

внесение минеральных удобрений составляет лишь 47,7% от этого уровня, органических удобрений – 37,1%, количество тракторов на 1 га – 28,3% и т.д. На единицу продукции расходуется всё меньше ресурсов. На первый взгляд, это интенсификация производства, и она действительно наблюдается в отдельных хозяйствах за счет использования новой техники, технологий, урожайных сортов растений и продуктивных пород скота, институциональных и организационных факторов, реально проявившихся в последнее десятилетие. Так, в сельскохозяйственных организациях надой молока на 1 корову за 1990-2015 гг. возрос с 2731 до 5699 кг, но поголовье коров в них сократилось почти в два раза. Настриг шерсти с 1 овцы снизился с 3.9 до 2.5 кг. Существенная доля аграрной продукции (38.4% в 2015 г.) по-прежнему производится в хозяйствах населения на базе преимущественно физического труда с низким уровнем агротехники. Полевые обследования [2] показали, что крестьянское землепользование в личных подсобных хозяйствах не столь экологично, как это может показаться на первый взгляд. В структуре их посевных площадей доминируют посевы картофеля, что препятствует ведению экологически рационального севооборота. Нарушаются технологии применения удобрений и пестицидов, что ухудшает фитосанитарное состояние агроэкосистем. В целом по стране прирост производства во многом достигается за счет усиления эксплуатации земельных ресурсов, чреватой «проеданием» почвенного плодородия, деградацией почв. В качестве позитивных результатов аграрных реформ некоторые исследователи [6] отмечают увеличение урожайности сельскохозяйственных культур. Однако рост урожайности¹⁶ достигается, в частности, за счет концентрации земледелия на лучших землях, менее продуктивные земли выводятся из хозяйственного оборота. В условиях некомпенсируемого (внесением удобрений) земледелия это чревато быстрым превращением лучших земель в бедленды, в дальнейшем неизбежно перемещение сельского хозяйства на менее плодородные земли, их последующая деградация и т.д. А повторное вовлечение заброшенных земель в оборот потребует затрат, сопоставимых с первоначальным их освоением, поскольку не только, скажем, агро-дерново-подзолистые, но и более плодородные агросерые почвы после забрасывания деградируют по гумидному типу. В лесной зоне в дичающих ландшафтах активно идёт утрата плодородия почв - процессы оподзолевания, осолодевания, элювиально-глеевые и др.

¹⁶ Важным фактором роста урожайности является также некоторое улучшение в последние десятилетия гидротермических условий в сельскохозяйственных районах – своего рода климатическая «гуманитарная помощь» перманентно реформируемой России.

Отмеченное расхождение индексов производства и индекса ресурсов, парадоксальное несоответствие между сокращающимся потоком материальных ресурсов и увеличением выхода сельскохозяйственной продукции (парадокс «затраты – выпуск») назовём *эколого-ресурсным «диссонансом»*, чтобы акцентировать внимание на основном факторе такого несоответствия – ужесточении эксплуатации земельных ресурсов, выступающих важнейшим компонентом экосферы.

Рассмотрим этот своеобразный эколого-ресурсный «диссонанс» в региональном разрезе. Предварительно были рассчитаны обобщённые, интегральные индексы используемых ресурсов за 1990-2014 гг. ($I_{и}$) по следующей формуле:

$$I_{и} = \frac{I_{п} + I_{у} + I_{с}}{3}, \quad (1)$$

где $I_{п}$ – индекс посевных площадей; $I_{у}$ – индекс применения минеральных удобрений; $I_{с}$ – индекс поголовья скота в условных единицах (крупный рогатый скот = 0.6; свиньи = 0.25; овцы, козы = 0.1). Иными словами, интегральный индекс определялся как среднее арифметическое из трех частных индексов используемых ресурсов, которые, на наш взгляд, в решающей мере определяют продуктивность сельскохозяйственного производства.

Минимальными значениями интегрального индекса характеризуются Костромская, Смоленская, Ивановская, Тверская и Калужская области. Так, в Костромской области посевные площади сократились в 3.4 раза, применение минеральных удобрений (на 1 га) – в 12.5, поголовье крупного рогатого скота – в 6 раз. На другом полюсе – Карачаево-Черкесия и Дагестан, где этот индекс превышает 100%, что говорит об увеличении вовлекаемых в оборот факторов производства. Например, поголовье овец в Дагестане возросло в 1.5 раза, в Карачаево-Черкесии – в 1.7 раз.

Обнаружена хорошо выраженная закономерность: чем выше индекс производства, тем больше разность индексов (табл. 1). Чем успешнее - с чисто производственной точки зрения - развивается региональное сельское хозяйство, тем выше ресурсно-экологический «диссонанс».

Таблица 1

Регионы, лидирующие по динамике производства продукции сельского хозяйства за 1990 – 2014 гг.

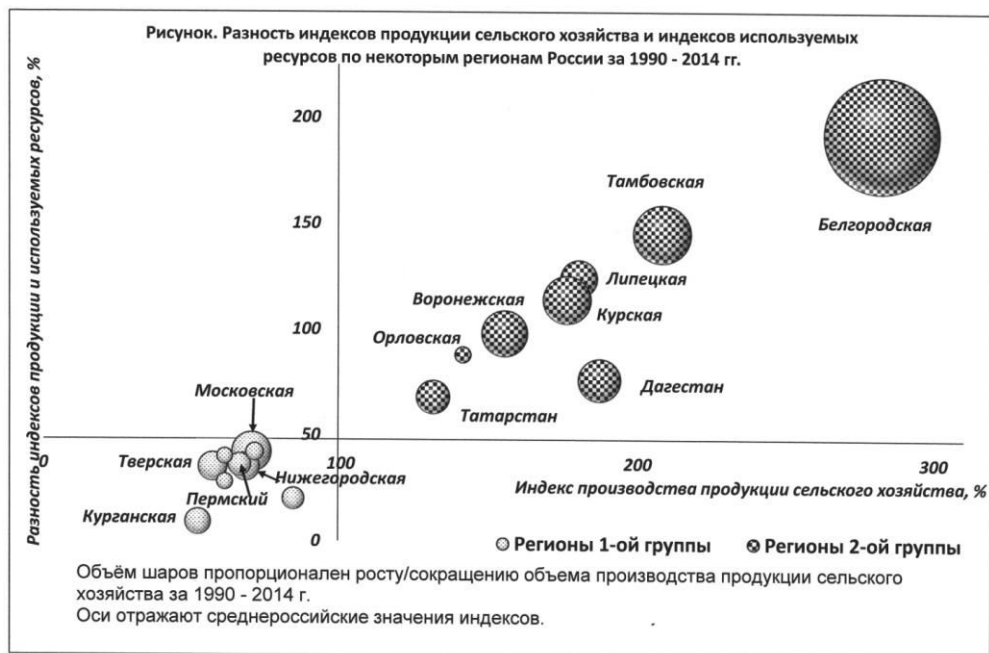
	Индекс производства продукции, %		Прирост производства продукции, % ¹⁷		Разность индексов производства продукции и используемых ресурсов, %
<i>Белгородская обл.</i>	282	<i>Белгородская обл.</i>	2.87	<i>Белгородская обл.</i>	192
<i>Тамбовская</i>	208	<i>Тамбовская</i>	1.45	<i>Тамбовская обл.</i>	145

¹⁷ % от производства продукции сельского хозяйства РСФСР в 1990 г.

обл.		обл.			
Дагестан	187	Курская обл.	1.20	Липецкая обл.	124
Липецкая обл.	180	Воронежская обл.	1.15	Курская обл.	114
Курская обл.	176	Дагестан	1.07	Марий Эл	104
Кабардино-Балкария	164	Липецкая обл.	0.93	Воронежская обл.	98
Воронежская обл.	155	Татарстан	0.84	Новгородская обл.	92
Орловская обл.	141	Орловская обл.	0.42	Орловская обл.	88
Марий Эл	137	Кабардино-Балкария	0.39	Кабардино-Балкария	83
Татарстан	131	Башкортостан	0.38	Пензенская обл.	77

Примечание. Пунктиром выделены регионы, лидирующие по всем трем параметрам.

Выделяются две группы регионов, различающиеся диаметрально противоположными экологическими траекториями – рисунок.

1. Регионы, где велико расхождение индексов и сильный спад производства (Тверская, Нижегородская области, Пермский край и др.), - это районы ускоренной «примитивизации» сельского хозяйства. В них усиливается зависимость аграрной сферы от природных режимов и тенденций и прежде всего от климата. Кроме того, в этих регионах можно ожидать изменений региональных климатических характеристик. А.Н. Кренке [5] было показано, что формирование природно-хозяйственных зон сильно нарушило природно-климатическую зональность. Ренатурализация ландшафтов (в связи с сокращением сельскохозяйственной деятельности и ее примитивизацией) ведет к ренатурализации региональных (зональных) климатических характеристик. Ныне в районах сильного сокращения сельскохозяйственной активности можно ожидать определенных подвижек и в изменениях регионального климата (которые здесь накладываются на изменения климата глобального).

2. В регионах, где большая разность индексов сопровождается ростом производства (Белгородская, Тамбовская, Липецкая, Курская области и др.), наблюдается усиление воздействия на ландшафты. Чрезмерная эксплуатация агроландшафтов Центрального Черноземья и смежных областей угрожает их ускоренной экологической деградацией. Между тем именно лесостепные и степные биомы России в наибольшей степени нарушены хозяйственной деятельностью.

Экологически неблагоприятные изменения происходят в региональных структурах посевных площадей. В черноземных регионах растет доля пропашных культур и чистых паров, провоцирующих эрозию, и сокращается доля почвоулучшающих многолетних трав и бобовых культур. Так, в Тамбовской области за постсоветские годы доля пропашных выросла до 36.5%, что в 3.5 раза превышает норму биологического земледелия, а доля многолетних трав сократилась в 8 раз – до 2.3% (в 10-12 раз ниже нормы биологического земледелия) [4, с.121]. В Курской области за 1990 – 2015 гг. с 52 до 66% возросла доля зерновых культур, которые характеризуются низкой почвозащитной (противоэрозионной) способностью. При этом доля посевов многолетних трав (с высокой противоэрозионной способностью) уменьшилась с 6.5 до 2.6%.

В черноземных регионах многократно выросли посевные площади «почворазрушающего» подсолнечника (табл. 2). Его доля в посевах ряда регионов заметно превышает фитосанитарные нормы. Монокультура – это подвид «биологического оружия». Она ведет к истощению почв, развитию в посевах специфических вредителей и болезней. Особенно неэкологичны в этом отношении фермерские хозяйства. Например, в Ростовской области фермеры почти половину земель занимают подсолнечником при норме 14-15%.

Таблица 2

Посевные площади подсолнечника в отдельных регионах России в
1990 и 2014 гг.

	Посевные площади подсолнечника, тыс. га		Изменение посевных площадей за 1990-2014 гг., %	Доля подсолнечника во всей посевной площади, %		Превышение фитосанитарной нормы, раз	
	1990 г.	2014 г.		1990 г.	2014 г.	1990 г.	2014 г.
Россия	2739	6907	252	2.3	8.8	-	-
Саратовская обл.	355	1068	301	6.4	29.2	-	2.1
Волгоградская обл.	250	601	240	5.4	20.6	-	1.5
Оренбургская обл.	207	553	267	3.7	13.0	-	-
Алтайский край	135	536	397	2.1	9.8	-	-
Ростовская обл.	455	527	116	8.7	12.0	-	-
Самарская обл.	183	518	283	6.8	25.9	-	1.8
Краснодарский кр.	309	453	147	7.9	12.4	-	-
Воронежская обл.	214	450	210	7.2	17.7	-	1.3
Тамбовская обл.	99	386	390	4.8	23.5	-	1.7

Составлена по данным: [10; 11].

Сельское хозяйство базируется на возобновимых природных ресурсах, его всемерное развитие позволяет двигаться в экологически правильном направлении. Однако это справедливо лишь при рациональном использовании агроландшафтов. Исследование показывает, что в отечественной аграрной сфере налицо эколого-ресурсный «диссонанс» - прирост производства в существенной степени обеспечивается чрезмерной эксплуатацией земельных ресурсов, угрожающей их деградацией. Тем самым ставится под угрозу экологическая и продовольственная безопасность страны.

Исследование выполнено по проекту 2.6 Программы Президиума РАН №13.

Литература

1. Изменения окружающей среды и климата: природные и связанные с ними техногенные катастрофы. М.: ИГЕМ РАН, 2007. 200 с.
2. Ключев Н.Н. Новые тенденции природопользования в российских регионах и их экологические последствия // Природопользование в территориальном развитии современной России. Под ред. И.Н. Волковой и Н.Н. Ключева. М.: Медиапресс, 2014. С. 222-239.
3. Ключев Н.Н. Природно-ресурсная сфера России и тенденции её изменения // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 7. С.579-592.
4. Косолапов В.М., Трофимов И.А., Трофимова Л.С., Яковлева Е.П. Агроландшафты Центрального Черноземья. М.: Наука, 2015. 198 с.
5. Кренке А.Н. Антропогенные изменения географической зональности и их влияние на соотношение тепла и влаги в климатической системе // Изв. РАН. Сер. геогр. 1989. №3. С.43-50.

6. Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. М.: Новое изд-во, 2003. 408 с.
7. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 2. М.: Госкомстат, 1998. 797 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели - 2015 г. URL: // http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 07.12.2016).
9. Россия в цифрах, 2016 г. URL: // http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_11/Main.htm (дата обращения: 07.12.2016).
10. Сельское хозяйство России: Стат. сб. /Госкомстат России. М., 1995. 503 с.
11. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России - 2015 г. URL: // http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_38/Main.htm (дата обращения: 07.12.2016).

ОПЫТ МОРФОМЕТРИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ РЕЛЬЕФА ТЕРРИТОРИИ БАСЕЙНА Р. СЕЙМ НА ОСНОВЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ КОХОНЕНА¹⁸

С.В. Харченко^{1,2}, С.С. Мухарамова¹, О.П. Ермолаев¹

¹⁻ *Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань*

²⁻ *Институт географии РАН, Москва*

e-mail: har4enkkoff@rambler.ru, smukhara@gmail.com, oyermol@gmail.com

Аннотация. В работе делается попытка морфометрической классификации рельефа территории в бассейне р. Сейм. В качестве операционных единиц классификации используются речные бассейны 3 порядка по Стралеру-Философову и их межбассейновые пространства. Дается подробное поэтапное описание алгоритма. Используемый метод — построение нейронной сети Кохонена с последующей иерархической классификацией нейронов. Показан пример получаемых результатов. Выделены 5 классов, которые, за вычетом ошибочно выделенных (по причине несовершенства входных данных), можно интерпретировать как морфометрические районы на данной территории.

Ключевые слова: рельеф, речной бассейн, нейронные сети, самоорганизующиеся отображения Кохонена

Проблема автоматизированного картографирования рельефа, в первую очередь, его морфологии, но также и поиск на основе морфометрических параметров границ генетических комплексов — одна из перспективнейших и дискуссионных проблем геоморфологии. Несмотря на то, что, по мнению ряда исследователей, эта проблема окончательно не может быть решена в силу самой природы рельефа (в частности, геоморфологической конвергенции и гомологии), думается, сами попытки ее решения могут много дать теории геоморфологии. Такие попытки непрерывно предпринимаются исследовательскими группами по всему миру с большим или меньшим успехом [1,3,6,7,11 и др.]. Ими используется весь богатый методический

¹⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15–17–10008)

аппарат математики (в основном, мат. статистики) и геоморфометрии. Разнообразие подходов, отсутствие четкого понимания того, как вообще подступаться к этой задаче, отвращает от нее многих специалистов. Однако не исключено, что в разнообразии подходов и методик следует видеть не проблему, а предпосылку к, наконец, успешному решению.

Одним из подходов является использование нейронных сетей. В картографии широкое распространение получили т.н. «самоорганизующиеся карты Кохонена» или «отображения Кохонена» по фамилии финского математика, впервые описавшего этот класс нейронных сетей [9]. Отдельный вопрос — выбор оптимальных операционных единиц классификации (ОЕК). ОЕК — это, своего рода, «атомы» проводящейся классификации, минимальные единицы территории, предполагаемые внутренне однородными. Распространено мнение, что для морфометрических классификаций удачным выбором являются водосборные бассейны низких рангов. Другое возможное решение — классификация по пикселям растров, что, однако, лишает возможности использовать такие статистики, как ранг, стандартное отклонение, минимум, максимум метрик рельефа. В этом случае используются только сами значения пикселей.

В данной работе делается попытка морфометрической классификации рельефа территории бассейна р. Сейм (Украина-Россия) по бассейнам более низкого ранга, примерно соответствующим третьему порядку по системе иерархии водотоков Стралера-Философова [4,12], и их межбассейновым пространствам. Охватываемая в исследовании площадь территории (бассейн р. Сейм) составляет 27 900 км². На этой площади расположено 408 бассейнов третьего порядка и их межбассейновых пространств со средней площадью чуть более 68 км². Именно эти 408 участков использованы в качестве ОЕК.

Для классификации полезными были сочтены следующие метрики рельефа (не все из них использовались в дальнейшем): абсолютная высота, крутизна, общая (тангенциальная) кривизна, «южность» (косинус экспозиции поверхности, взятый со знаком минус), показатель суммарного стока (площадь водосбора для каждой ячейки растра), ТРІ (topographic position index [8,13]), ТRІ (terrain roughness index [10]). Все метрики рассчитаны по сетке 50 м. Исходные данные для расчета — SRTM 1". Следует отметить, что подбор показательных метрик — это, пожалуй, важнейший этап для проведения успешной классификации. И широкое обсуждение репрезентативного набора метрик — уже насущная потребность для специалистов, занимающихся подобными задачами. Для каждой из перечисленных метрик рассчитывались следующие статистики: среднее, размах, минимум, максимум, стандартное отклонение. Все расчеты произведены средствами языка R с привлечением дополнительных пакетов «kohonen», «maptools», «raster», а также пакета «ggplot2» для визуализации результатов.

Использованный алгоритм морфометрической классификации включает в себя следующие этапы:

1) подготовка набора растров на исследуемую территорию, отражающих изменчивость тех морфометрических характеристик рельефа, которые предполагается использовать для классификации (например, высота, крутизна, «южность» и т.д.);

2) подготовка векторного слоя ОЕК (например, речных бассейнов, клеток квадратной сетки, административно-территориальных образований);

3) проверка распределений морфометрических характеристик на близость к нормальному; в случае необходимости — трансформация растров (логарифмическая, степенная, Тьюки) для приведения распределения, по возможности, к около-нормальному;

4) извлечение зональной статистики морфометрических характеристик для «зон» операционных единиц классификации. При этом для разных морфометрических характеристик рассчитываться могут различные статистики. Например, для показателя абсолютной высоты есть смысл рассчитывать среднее значение и размах значений в контурах ОЕК, для крутизны — средний и максимальных уклон и т.д.;

5) «масштабирование» извлеченных характеристик. Т.к. разные метрики рельефа имеют часто несопоставимые характерные значения (допустим, высокое плато с характерными уклонами $0-8^\circ$ и отметками > 1000 м), зональные статистики необходимо привести к виду, где среднее значение будет равняться 0, а стандартное отклонение — 1. В математической статистике эта процедура носит название Z-преобразования, Z-шкалирования или стандартизации;

6) «взвешивание» характеристик. Если исследователь считает, что входные характеристики должны иметь разные роли в процедуре классификации, требуется умножить уже масштабированные ряды значений по каждой метрике на «вес» этой метрики. По умолчанию, «веса» характеристик принимаются равными единице;

7) обучение модели. Создается шаблон для расчета параметров отображения Кохонена в виде сетки с квадратными или гексагональными ячейками с заданными размерами (количеством ячеек). Затем с этим шаблоном итеративно сравниваются все объекты (ОЕК), для каждого из которых находится наиболее похожий на него нейрон (ячейка). После нахождения наиболее похожего нейрона, его положение в сети смещается в сторону точки с координатами, соответствующими значениям (метрикам) данного ОЕК. Таким образом, сеть деформируется, подстраиваясь по реальную структуру данных; близкородственные нейроны группируются рядом друг с другом, и наоборот — ОЕК с сильно отличающимися характеристиками оттягивают соответствующие им нейроны в противоположные стороны.

8) когда модель обучена (и если это сделано на репрезентативной выборке), при добавлении новых объектов можно сразу относить их к тому или иному нейрону. Обычно, для получения более детальной картины используются сети с достаточно большим, намеренно избыточным

количеством нейронов — например, 15*15 или 10*10 ячеек и т.п. Это приводит к тому, что схожие объекты оказываются в разных, хотя и близко расположенных нейронах. Для упрощения работы можно отказаться от такого количества нейронов и классифицировать их, объединив в относительно небольшое кол-во классов / кластеров (например, до 10). Обычно для этого используется иерархическая классификация по методу Уорда или другие аналогичные подходы. Уточним, что здесь и далее термины «класс» и «кластер» понимаются нами как синонимы, хотя на этот счет имеются разные мнения.

9) в результате для каждой ОЕК получаем номер нейрона, с характерными для него параметрами метрик рельефа, а также номер класса более высокого уровня обобщения, к которому отнесен нейрон. По этим данным формируется карта/схема, где методом качественного фона показаны различные ОЕК, отличающиеся номером класса/нейрона, и, следовательно, при удачно подобранных входных метриках — морфологией, а, возможно, и генезисом рельефа (рис.1).

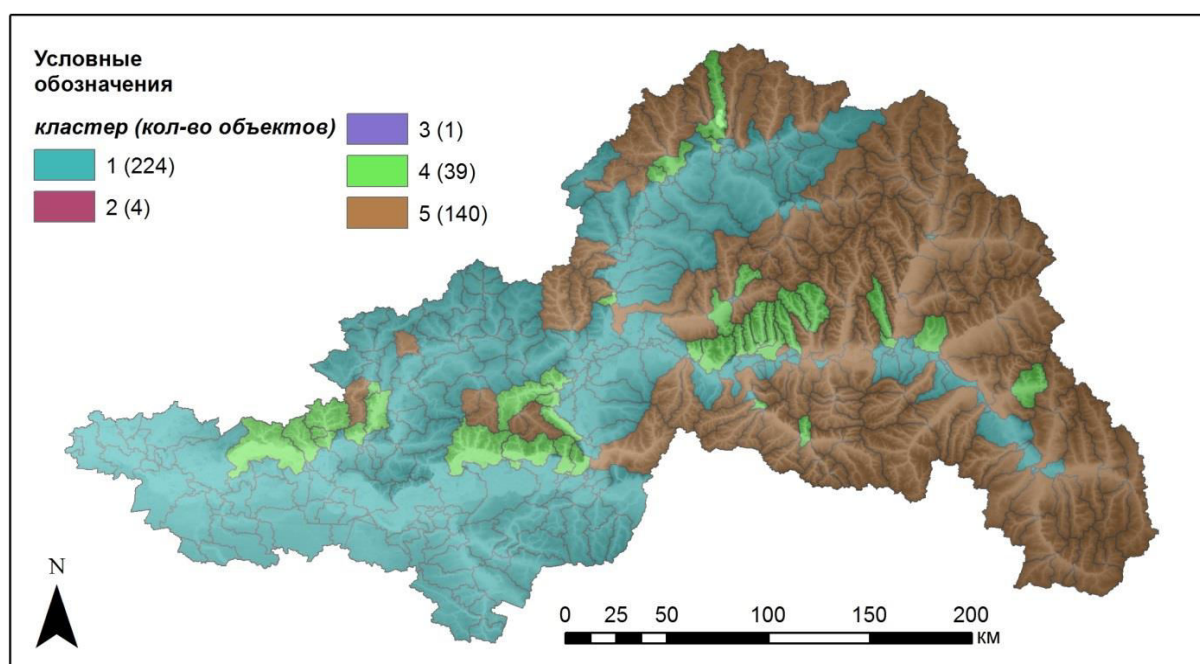

Рис.1. Пример морфометрической классификации рельефа бассейна р. Сейм

В данном примере нами было выделено 5 кластеров. Входными параметрами для классификации были взяты: средняя высота, размах высот и их стандартное отклонение, средняя крутизна, средний суммарный сток, стандартное отклонение общей кривизны и средние значения ТРІ и ТRІ. Количество объектов в выделенных классах сильно отличается. «Необходимость» выделения немногочисленных кластеров обусловлена их сильным отличием от соседних участков. Уменьшая количество кластеров с целью избавиться от немногочисленных и не занимающих значимых площадей кластеров №№ 2 и 3 за счет объединения близкородственных

кластеров, можно попасть в ситуацию, когда объединятся, например, кластеры №№ 4 и 5, а не нужные нам.

Сама структура исходных данных приводит к тому, что возникают такие редкие, но «яркие» по своей специфике кластеры, и устранять их либо же вовсе нет смысла, либо же стоит это делать за счет подбора более корректного пула исходных метрик. Например, кластер №2 — участки небольших межбассейновых пространств, возникающие в случае последовательного впадения притоков в главную реку на небольшом ее отрезке. Как результат, эти участки целиком или почти целиком умещаются в днище долин р. Тускарь, р. Псел и имеют относительно низкие показатели средней высоты, ее размаха и стандартного отклонения, весьма низкие средние уклоны и другие характерные черты, отличающие данный кластер от остальных больше, чем, например, кластеры №№ 4 и 5 отличаются между собой.

Самостоятельной задачей является качественная интерпретация выделенных кластеров, которую можно осуществлять при помощи подложенной цифровой модели рельефа (как на рисунке). Так, к кластеру №1 были отнесены, очевидно, низкие днища долин в верховьях крупнейших рек (рр. Сейм и Свапа), а также пониженные слабо расчлененные междуречья в среднем и нижнем их течении. Кластер № 2 уже был описан нами выше. Кластер №3, целиком состоящий только из одного объекта (межбассейновое пространство в районе г. Курчатов), выделяется аномальными показателями ТРІ, что, в свою очередь, обусловлено наличием крупных сооружений Курской АЭС, которые на цифровой модели рельефа отражаются в виде высоких, крутосклонных холмов на фоне пониженной поверхности днища речной долины. В зависимости от конкретной задачи исследования, такие «антропогенно-обусловленные» кластеры следует либо исключать из анализа, либо, напротив, уделять им повышенное внимание. Кластер №4 — приподнятые, сильно расчлененные бассейны с высокими средними показателями ТРІ и ТRІ, зачастую захватывающие значительные участки днищ долин. Кластер №5 — приподнятые, умеренно расчлененные бассейны с меньшими, нежели в предыдущем кластере, средними показателями ТРІ и ТRІ.

Более детальный анализ позволяет делать рассмотрение соответствующих диаграмм (рис.2). Пять классов, отраженных на рис.1, показаны и здесь теми же цветами.

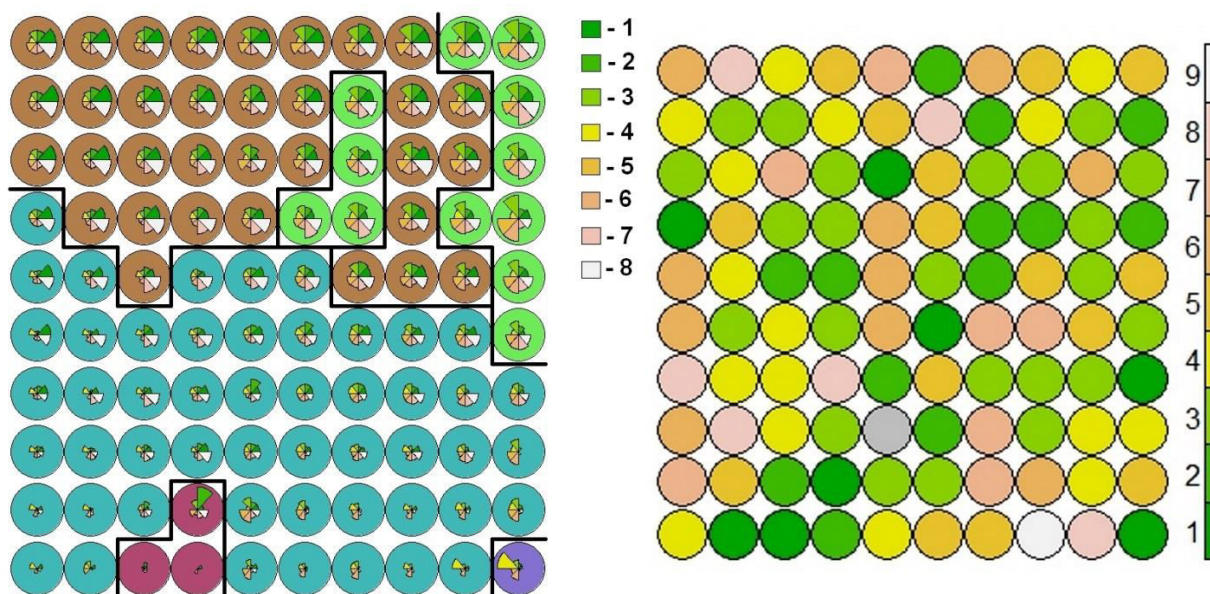

Рис.2. Слева — классифицированная нейронная сеть Кохонена. Для каждого класса показаны характерные относительные значения по 8 метрикам (1–5 — средняя высота, суммарный сток, уклон, ТРІ и ТRІ; 6–7 — стандартное отклонение кривизны и высоты; 8 — размах высот). Справа — количество объектов, отнесенных к каждому из нейронов.

На левой диаграмме для каждого нейрона показаны относительные величины параметров рельефа. Так, например, хорошо видно, что средний ТРІ в классе № 3 для единственного нейрона (см. слева) и единственного объекта в этом нейроне (см. справа) гораздо выше, чем по всем остальным нейронам. Уже, по-видимому, одно это обусловило выделение для него самостоятельного класса. Даже по самому размеру роз-диаграмм хорошо заметны отличия кластеров по относительным значениям метрик. Так, кластер №1 характеризуется относительно небольшими «розами» и, следовательно, невысокими значениями всех показателей. В противоположность ему, большие «розы» характерны для кластеров №№ 4 и 5.

Совершенно очевидно, что этот вариант классификации — лишь один из многих возможных и вряд ли самый удачный из них. Для повышения эффективности этого метода требуется решение еще нескольких сложных задач. Во-первых, определить набор репрезентативных морфометрических характеристик, способных отразить различия в морфологии и генезисе рельефа. Скорее всего, это будут не только классические общераспространенные метрики, но и сложные метрики, например, гармонические (характеризующие периодичность в структуре ЗП) [5]. Возможно, что-то нужно будет заимствовать из теории распознавания образов [2]. В конце концов, если специалист может увидеть на гипсометрической карте друмлины или конечно-моренные гряды, то потенциально может «увидеть» их и компьютер. Во-вторых, нужно определиться с оптимальной операционной единицей классификации — должны ли быть это речные бассейны и, если «да», то какого порядка? Если «нет», то что другое использовать в качестве ОЕК? В-третьих, стоит задача

ориентированного поиска ответов на поднятые выше вопросы. Если решается проблема выделения по различиям морфометрических характеристик генетических типов рельефа, то можно попытаться автоматизировать поиск оптимального решения — делать множество классификаций с разными входными метриками, их статистиками и «весами», разным количеством кластеров, а затем полученные границы по каким-либо формальным критериям сравнивать с желаемым результатом, например, с контурами векторной геоморфологической карты. Набор входных данных и параметров, который позволит получить наилучшее сходство, следует считать наиболее удачным и репрезентативным.

Литература

1. Ермолаев О.П., Селиванов Р.Н. Автоматизированное ландшафтно-экологическое картографирование городских территорий с использованием нейронных сетей // Ученые записки Казанского университета. Естественные науки. — 2010. — Том 152, кн. 4. — С. 52–67.
 2. Иванов В.В., Чалова Е.Р. Опыт систематизации картографических образов геоморфологических объектов // Геоморфология. — 1987. — № 2. — С. 62–66.
 3. Мальцев К.А. Морфометрический анализ рельефа Республики Татарстан средствами ГИС-технологий. Автореферат ... канд. геогр. наук. — Казань: КПФУ, 2006. — 23 с.
 4. Философов В.П. Краткое руководство по морфометрическому методу поисков тектонических структур. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1960. — 68 с.
 5. Харченко С.В. К вопросу о применении гармонического анализа при количественной характеристике рельефа // Геоморфология. — 2017. — № 2. — С. 14–24.
 6. Arrell K.E., Fisher P.F., Tate N.J., Bastin L. A fuzzy c-means classification of elevation derivatives to extract the morphometric classification of landforms in Snowdonia, Wales // Computers & Geosciences. — 2007. — No. 33. — Pp. 1366–1381.
 7. Dikau R., Brabb E.E., Mark R.K., Pike R.J. Morphometric Landform Analysis of New Mexico // Zeitschrift für Geomorphologie, Supplementband. — 1995. — No. 101. — Pp. 109–126.
 8. Gallant J.C., Wilson J.P. Primary topographic attributes // Terrain Analysis: Principles and Applications. — New York: Wiley, 2000. — Pp. 51–85.
 9. Kohonen T. Self-Organizing Maps. — Heidelberg: Springer, 1997. — 260 p.
 10. Riley S.J., De Gloria S.D., Elliot R. A Terrain Ruggedness that Quantifies Topographic Heterogeneity // Intermountain Journal of Science. — 1999. — Vol. 5, No.1-4. — Pp. 23–27.
 11. Seif A. Landform Classification by Slope Position classes // Bull. Env. Pharmacol. Life Sci. — 2014. — Vol 3 [11]. — Pp. 62–69.
 12. Strahler A.N. Quantitative Analysis of Watershed Geomorphology. — Transactions. American Geophysical Union. — 1957. — V. 38, №6 — Pp. 913-920.
- Weiss A.D. Topographic position and landforms analysis. Poster Presentation, ESRI Users Conference, San Diego, CA, 2001.

СРАВНЕНИЕ КАЧЕСТВА АППРОКСИМАЦИИ ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ АЛГЕБРАИЧЕСКИМИ И ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИМИ ТРЕНДАМИ ДЛЯ РАЗНЫХ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ¹⁹

С.В. Харченко^{1,2}, С.Г. Казаков³

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

²Институт географии РАН, Москва

³Курский государственный университет, Курск

e-mail: har4enkkoff@rambler.ru, kazaks@rambler.ru

Аннотация. В работе доказано, что, зачастую, аппроксимация моделей рельефа тригонометрическими трендами оказывается более эффективной, чем в случае использования алгебраических полиномов. Однако это соотношение находится в сильной зависимости от общего характера рельефа.

Ключевые слова: рельеф, алгебраические и тригонометрические полиномы, поверхность тренда

Использование полиномиальной аппроксимации для генерализации цифровых моделей рельефа (ЦМР) широко используется в современной геоморфометрии [4, 6–9]. Немного, однако, работ, где эта техника применяется в собственно морфометрическом анализе. Расчет уравнений алгебраических и тригонометрических трендов позволяет судить о структуре рельефа земной поверхности, его основных чертах, интерпретировать эти черты с позиций структурной геоморфологии и геологии.

В истории развития этого метода в морфометрии рельефа и картометрии нетрудно заметить следующую закономерность: многие авторы (например, А. М. Берлянт [1, 2] и др.) отдавали предпочтение алгебраическим трендам перед тригонометрическими. Считалось, что тригонометрические тренды хорошо описывают земную поверхность только в случаях ярко выраженной периодичности в строении поля высот. А в группе алгебраических почти всегда использовались поверхности тренда, задаваемые ортогональными полиномами, например, полиномами Чебышева. Их явное преимущество, сделавшее данный метод самым популярным средством полиномиальной аппроксимации рельефа, — отсутствие необходимости повторно решать всю систему уравнений для нахождения коэффициентов полинома при повышении его степени. В этом случае необходимо было лишь рассчитать недостающие коэффициенты для новых членов уравнения тренда. Однако и это преимущество не позволяло сильно ускорить процедуру расчета. В классической статье Б. С. Хейфеца [5], автор затрачивает на расчет коэффициентов уравнения полинома четвертой

¹⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-05-00765 а

степени «не более двух часов» для аппроксимации матрицы высот размером всего 5×6 точек.

Вместе с этим, переменными в уравнениях полинома Чебышева являются не сами плановые координаты, а их производные величины, что затрудняет расчет высоты в точке с известными X и Y . Сейчас, когда ручной расчет уравнений тренда ушел в прошлое, не составляет труда получение коэффициентов классических алгебраических полиномов (далее — АП). Они и были использованы в данной работе. С другой стороны, в противовес АП, в работе использовались и тригонометрические полиномы (далее — ТП), а именно ряды Фурье. Представление регулярной матрицы высот в виде двумерного ряда Фурье позволяет охарактеризовать рельеф как сумму гармонических колебаний с различными частотами, направлениями и, главное, амплитудами.

Совершенно очевидно, что качество аппроксимации земной поверхности уравнениями трендов зависит от характера поверхности; проявляются ли в ней свойства, которые успешно описываются алгебраическими или тригонометрическими трендами или же не проявляются. Таким образом, сами показатели качества аппроксимации могут использоваться как своеобразные морфометрические параметры, дающие представление о рельефе участка. При этом рельеф характеризуется сразу для всего участка, а не для какой-либо отдельной точки, как это делают классические, т.н. «локальные» метрики (высота, крутизна, экспозиция, кривизна и др.).

Ключевой задачей данной работы считаем демонстрацию результатов сравнения качества аппроксимации рельефа трендами двух видов и влияния на это качество особенностей рельефа, обусловленных его генетическими отличиями. Для оценки качества использовали показатель RMSR (root mean squares of residuals), рассчитываемый, как и следует из названия, как корень из среднего значения квадрата остатков аппроксимации. Для того чтобы уловить влияние размера матрицы (и, следовательно, многообразия деталей морфологии рельефа), проводили оценку качества аппроксимации для целых матриц, а также отдельно для их четвертых частей: северо-западной, юго-западной, северо-восточной и юго-восточной.

Осуществлялись данные расчеты для четырех участков, расположенных, согласно Геоморфологической карте СССР масштаба 1: 2 500 000, в границах принципиальной различных генетических типов рельефа (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристика исследуемых участков и их ЦМР

№, п/п	географическое положение	ячеек ЦМР	размер ячейки, м	площадь участка, км ²	размах высот, м
1	Прикаспийская низменность	2000*2000	21	1765	27
2	Среднерусская возвышенность	2000*2000	30,9	3769	162
3	северные отроги Смоленско-Московской возвышенности	2000*2000	30,9	3762	111
4	юго-восточные подножия Уральских гор	2000*2000	30,9	3768	168

Участок 1 приурочен к области развития субгоризонтальных аккумулятивных равнин, созданных преимущественно новейшими опусканиями, на рыхлых неоген-четвертичных отложениях. Участок 2 — к области ярусных денудационных равнин, созданных преимущественно новейшими поднятиями. Участок 3 находится в области наклонных, местами ступенчатых структурных и аккумулятивно-денудационных равнин, созданных также преимущественно новейшими поднятиями. Участок 4 расположен в зоне развития денудационных равнин и кражей с преобладанием новейших сводовых и блоковых поднятий. Общий характер рельефа участков показан на рис. 1.

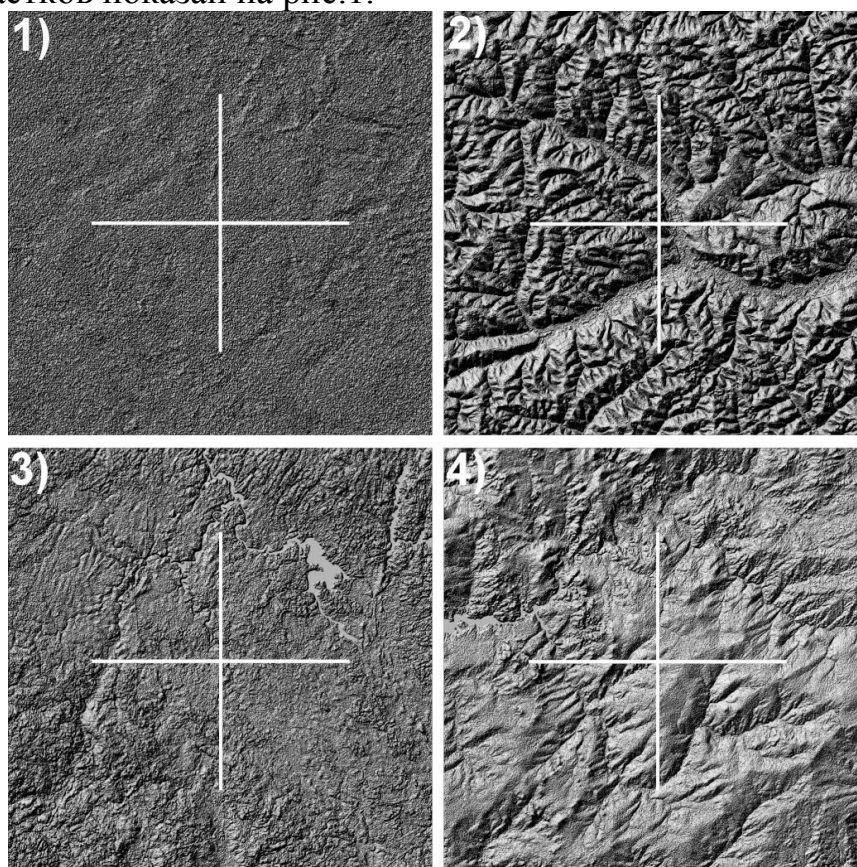

Рис. 1. Рельеф исследуемых участков. 1 – Прикаспийская низменность, 2 – Среднерусская возвышенность, 3 – Смоленско-Московская возвышенность, 4 – Южный Урал.

Сравнение качества аппроксимации проводилось при условии использования уравнений полиномов аналогичной длины. Так, например, поверхность АП второй степени описывается уравнением с шесть коэффициентами (первый из которых отвечает за среднюю высоту участка). Тригонометрическим его аналогом принимался ряд Фурье, включающий постоянную составляющую и колебательные составляющие поля высот, задаваемые пятью важнейшими гармониками (гармониками с наибольшими амплитудами). Таким образом, число членов уравнения в обоих случаях устанавливалось одинаковым.

Результаты расчета RMSL для всех четырех участков целиком и отдельно для их четвертей с использованием двух методов аппроксимации (а — АП, t — ТП) приведены в таблице 2. Нетрудно заметить, что лишь в одном примере аппроксимация рельефа рядами Фурье всегда грубее, чем алгебраическим трендом. Это пример морской аккумулятивной равнины, где действительно трудно выявить четкую периодичность в колебании отметок высот. Вполне ожидаемо, что с повышением степени АП качество аппроксимации возрастает, пусть и незначительно — RMSR снижаются с 1,8 до 1,6 м. Тем удивительнее тот факт, что добавление в уравнение ТП дополнительных гармоник лишь ухудшает качество аппроксимации — RMSR растут от 5,2 до 5,5 м. В среднем качество аппроксимации рельефа субгоризонтальной аккумулятивной равнины ТП в 3,5 раза хуже, чем аппроксимации ее АП. Причем на этом кейсе можно проследить, что масштабный эффект (уменьшение площади → уменьшение числа деталей морфологии рельефа, которые нужно описать одним уравнением → снижение ошибок аппроксимации) проявляется не всегда. Напротив, при описании восточной половины участка (а особенно, юго-восточной четверти) RMSR даже больше, чем при описании всего участка. По-видимому, такая ситуация возникает тогда, когда удельная сложность рельефа с уменьшением охвата как минимум не снижается. В этом случае колебания отметок высот в пространстве распределены как бы случайно, а поле высот представляет собой «белый шум».

Таблица 2

Показатели RMSR (м) в зависимости от участка, вида полинома, площадного охвата и количества членов уравнения

		степени алгебраического полинома (кол-во членов уравнения)																	
		1 (3)			2 (6)			3 (10)			4 (15)			5 (21)			6 (28)		
№, п/п	a t	1,8	1,7	2,1	1,7	1,5	2	1,7	1,5	1,9	1,6	1,4	1,9	1,6	1,4	1,8	1,6	1,4	1,8
			1,5	1,5		1,5	1,4		1,4	1,4		1,4	1,3		1,4	1,3		1,3	1,3
1	a	5,2	3,3	5,3	5,4	3,5	5,5	5,4	3,6	5,6	5,5	3,7	5,7	5,5	3,7	5,7	5,5	3,7	5,7
	t		5,1	7,3		5,2	7,3		5,2	7,4		5,3	7,4		5,3	7,4		5,3	7,4
2	a	33,1	30,1	29,9	31,7	29,9	29,5	31,3	28,4	27,7	31,1	27	27,3	30,8	26,7	26,5	29,8	25,8	25,7
	t		32,3	33		30,6	32		30,2	28,2		28,7	26,5		28,4	25,6		26,9	24,1
3	a	32,4	28,4	28,4	31	26	26,4	29,6	24,6	24,4	28,3	23,3	23,1	27,2	21,9	21,7	26,1	20,6	20,5
	t		30,3	29		28,1	26		26,2	23,3		24,8	21,7		23,6	20,2		22,4	19,2
3	a	18,6	6,3	14,8	13,4	5,9	13,2	12	5,7	11,6	11,9	5,4	9,6	11,5	5,1	8,8	11	4,9	7,8
	t		15,8	7,8		15,8	6,5		11,2	12,1		5,9	9,7		11,1	5,5		8,9	10
4	a	23,4	23,2	18,9	22,9	18,6	16,1	18,9	16,9	14,5	18,7	15,3	12,4	18,1	13,7	11,5	16,8	12,5	11
	t		19,2	17,4		18,7	15,2		17	12,4		13,4	11,9		12,2	10,9		10,5	10,1
4	a	24,4	20,8	20,2	20,8	17,8	16,3	17,5	15	13,1	15,8	13,1	11,2	14,4	11,7	9,8	13,2	10,6	8,8
	t		17,6	19,5		15,2	13,5		12,7	11,3		10,9	9,9		9,8	8,8		9	8,1

Во всех прочих кейсах качество аппроксимации рельефа АП и ТП либо сравнимо, либо же АП даже уступают. На участке № 2 тригонометрические тренды описывают поверхность лучше при степенях АП от 1 до 6. Это, по-видимому, нужно объяснить пресловутой периодичностью поля высот, хорошо проявляющей себя в условиях балочно-долинного расчленения возвышенной эрозионно-денудационной равнины. Поверхность здесь имеет квази-фрактальную структуру, учитываемую гармониками разных частот и амплитуд. Пространственно более «частые» гармоники (задающие долины низких порядков по системе ординации Стралера-Философова [3, 10]) имеют и меньшую амплитуду (глубину вреза форм). Причем, увеличение степени АП не дает такого прироста качества, какое дает добавление новых гармоник, учитывающих еще больше «ритмов рельефа» или, вернее, ритмов в рельефе. Разница в RMSR для полинома 1-й степени составляет 0,7 м в пользу ТП, а для полинома 6-й степени — уже 3,7 м. Уменьшение площади рассмотрения делает ситуацию еще более яркой — эта разница доходит уже до значений в 6 м (2-я степень полинома, юго-восточная четверть участка).

Рельеф участка № 3 устроен следующим образом: юго-западное и северо-восточное приподнятые крылья обусловлены размещением здесь фрагментов гряд конечно-моренных образований. Центр участка занят долиной р. Вазуза и ее притоков. Таким образом, топография всего участка в целом описывается формой по типу гигантской «седловины», которая неплохо задается уже АП 2-й степени. RMSR при переходе от АП 1-й степени снижается сразу от 18,6 до 13,4 м. Дальнейшее усложнение уравнения тренда уже не дает такого скачкообразного прироста качества. В то же время, ТП в разных случаях аппроксимирует реальный рельеф то лучше, то хуже, чем АП. Так, RMSR для полинома с тремя коэффициентами (постоянная составляющая и две важнейшие гармоники) составляет 15,8 м против 18,6 м в случае использования АП. Линейный алгебраический тренд столь неудачно описывает седловинную форму топографии участка, что даже использование лишь двух важнейших гармоник позволяет получить значения RMSR почти на 3 м меньше. Дальше, однако, ситуация меняется, и использование вместо линейного тренда квадратической или кубической поверхности нивелирует разницу в качестве между АП и ТП. Однако, с дальнейшим усложнением уравнений, ТП уже позволяет учитывать неглубокое балочно-долинное расчленение, чего невозможно добиться при использовании АП невысоких степеней.

Если внимательно взглянуть на результаты аппроксимации юго-западной четверти участка № 3, можно заметить, что ошибки его приближения ТП даже выше, чем при аппроксимации участка целиком. Это связано с общим характером рельефа данной четверти, а именно: это равномерно наклоненная к северо-востоку поверхность без выраженных волновых колебаний высот. Аппроксимация ТП очень чувствительна к стационарности «сигнала»; в применении к рельефу это может значить, что величины высот на краях участка должны быть примерно одинаковы. По

этой причине часто перед разложением Фурье над входным «сигналом» проводят процедуру детрендинга. И если неодинаковость высот на краях участка при рассмотрении его целиком оказывается почти не критична, то при рассмотрении монотонно наклоненной юго-западной четверти эффективность использования ТП без предварительного удаления тренда находится под вопросом.

Участок № 4, приуроченный к юго-восточным низкогорьям и предгорьям Уральских гор, характеризуется крупноувалистым, блоковым топографическим расчленением. Гармонические колебания в небольшом числе частот не описывают с приемлемой точностью рельеф участка ($RMSR = 24,4$ м). В то же время, наличие общего наклона поверхности на запад, к долине р. Урал и Ириклинскому вдхр. позволяет при использовании линейного АП добиться $RMSR$ уже 23,4 м. Однако, с усложнением уравнения (при использовании уже пяти гармоник) показатели $RMSR$ при аппроксимации рельефа ТП становятся ниже, чем при использовании АП, и эта тенденция сохраняется, как минимум, вплоть до 6-й степени полинома. При рассмотрении отдельных фрагментов участка оказывается, что уменьшение площади охвата везде приводит к существенному повышению точности.

Подчеркнем основные результаты:

— на примере четырех участков с принципиально различными геоморфологическими условиями показано, что, при одной и той же длине записи уравнения полинома, тригонометрические полиномы в трех случаях из четырех, в целом, лучше описывали реальный рельеф, чем алгебраические полиномы. Это не подтверждает бытовавшее мнение о применимости ТП только для аппроксимации рельефа с ярко выраженной периодичностью;

— для тех участков, где эффективнее поочередно оказывались АП и ТП (участки №№ 3 и 4), первые, как правило, лучше аппроксимировали рельеф при небольшом наборе коэффициентов. С усложнением уравнений в обоих случаях меньшие ошибки начинали давать ТП. Причины этого, по-видимому, в том, что дополнительные гармоники учитывали колебания высоты с большой частотой — эрозионную сеть, в то время как АП низких степеней не в состоянии учесть высокочастотные колебания;

— на эффективность использования ТП и расчет спектральных характеристик рельефа критичное влияние оказывает наличие в «сигнале» (поле высот) четкого линейного тренда. Это влияние может быть столь велико, что оно не нивелируется противоположным влиянием масштабного эффекта (участок № 3);

— гораздо меньшее качество аппроксимации дают ТП (в сравнении с АП) в применении к рельефу субгоризонтальных равнин, где основная часть дисперсии высот задается локальными сверхвысокочастотными колебаниями. По сути, речь идет о т. н. «топографической шероховатости». Интересен тот факт, что в случае работы с цифровыми моделями рельефа

таких участков, исследователь, повышая сложность уравнения ТП, рискует даже снизить качество аппроксимации (участок № 1);

— качество аппроксимации модели рельефа полиномами (выраженное, например, через RMSR) само по себе является особой морфометрической характеристикой земной поверхности, отражающей такие особенности ее структуры, которые нельзя отразить стандартными метриками.

Литература

1. Берлянт А.М. Картографический метод исследования. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 257 с.
2. Берлянт А.М., Перминова В.Н. Разложение поверхностей на составляющие как метод структурно-геоморфологического анализа // Геоморфология. — 1971. — № 3. — С. 78–86.
3. Философов В.П. Краткое руководство по морфометрическому методу поисков тектонических структур. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1960. — 68 с.
4. Флоринский И.В. Точный метод расчета локальных характеристик рельефа // Геодезия и картография. — 2009. — № 4. — С. 19 — 23.
5. Хейфец Б.С. Аппроксимирование топографической поверхности ортогональными многочленами П.Л.Чебышева // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. — 1964. — Вып. 2. — С. 78–86.
6. Chorley R. J. The application of statistical methods to geomorphology // Essays in geomorphology / G. H. Dury. — New York: Elsevier, 1966. — 404 p.
7. Chorley R. J., Haggett P. Trend-Surface Mapping in Geographical Research // Transactions of the Institute of British Geographers. — 1965. — No. 37. — Pp. 47–67.
8. Krumbein W. C. Regional and local components in facies maps // Am. Assoc. Petroleum Geologists Bull. — 1956. — Vol. 40, No.8. — Pp. 2163–2194.
9. Krumbein W. C. Trend-surface analysis of contour-type maps with irregular control-point spacing // J. Geophys. Res. — 1959. — Vol. 64, No.7. — Pp. 823–834.
10. Strahler A.N. Quantitative Analysis of Watershed Geomorphology. — Transactions. American Geophysical Union. — 1957. — V. 38, №6 — Pp. 913–920.

ВЛИЯНИЕ РЕЛЬЕФА НА РЕДУКЦИЮ ТРАНСПОРТНОГО ШУМА В УСЛОВИЯХ НЕБОЛЬШОГО ПРОДОЛЬНОГО УКЛОНА ДОРОЖНОГО ПОЛОТНА (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ, Г.КУРСК)

С.В. Харченко^{1,2}, В.Б. Горин³

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань*

²*Институт географии РАН, Москва*

³*Курский государственный университет, Курск*

e-mail: har4enkkoff@rambler.ru, gorvlad51@mail.ru

Аннотация. На примере Красной площади г. Курска показано, как влияет небольшой продольный наклон поверхности на характер ослабления уровня шума с удалением от дороги в соотношении с ситуацией идеальной плоской поверхности.

Ключевые слова: шум, рельеф, уклон, шумомерная съемка, моделирование

Тема влияния рельефа на распространение транспортного шума относительно нова. За исключением отдельных изданий и ряда статей последней трети прошлого века [1–3], более или менее активно это направление развивается лишь примерно последние десять лет [4,5]. Одним из авторов настоящей работы проводились исследования, позволившие выявить и описать роль рельефа по линиям перпендикуляров к дороге на распространение шума от нее [6,7]. Было показано, что основную часть этого влияния задает общий характер морфологии профиля, соотношение высотного положения источника шума и наблюдателя и т.д. Практически не выясненной до сих пор остается роль рельефа в распространении транспортного шума в условиях, когда дорога проходит вниз по склону, а все перпендикулярные к дороге профили близки к горизонтальным, пусть и разновысотным, линиям. Для решения этой проблемы проводились шумомерные работы на Красной площади г. Курска (рис.1) и последующее компьютерное моделирование.

Основная часть транспортного потока движется здесь в направлении с юга на север по четырем полосам для движения, в противоположную сторону по двум полосам движется почти исключительно общественный транспорт, выезжающий с улицы Ленина, а также частные автомобили с других примыкающих к площади улиц. Интенсивность потока на примыкающих улицах (исключая улицу Ленина) по визуальной оценке примерно на порядок меньше интенсивности основной части потока. По этой причине, в качестве источника шума при моделировании рассматривалась лишь она, а вкладом небольших улиц и переулков пренебрегаем.

Общий характер морфологии участка довольно прост. Генеральное направление уклона — южное, от ул. Ленина к Красной площади и затем местной архитектурной доминанте, Знаменскому собору. В меньшей степени проявляется наклон с запада на восток. Средний продольный уклон в направлении с севера на юг почти в четыре раза больше этого же параметра при движении с запада на восток.

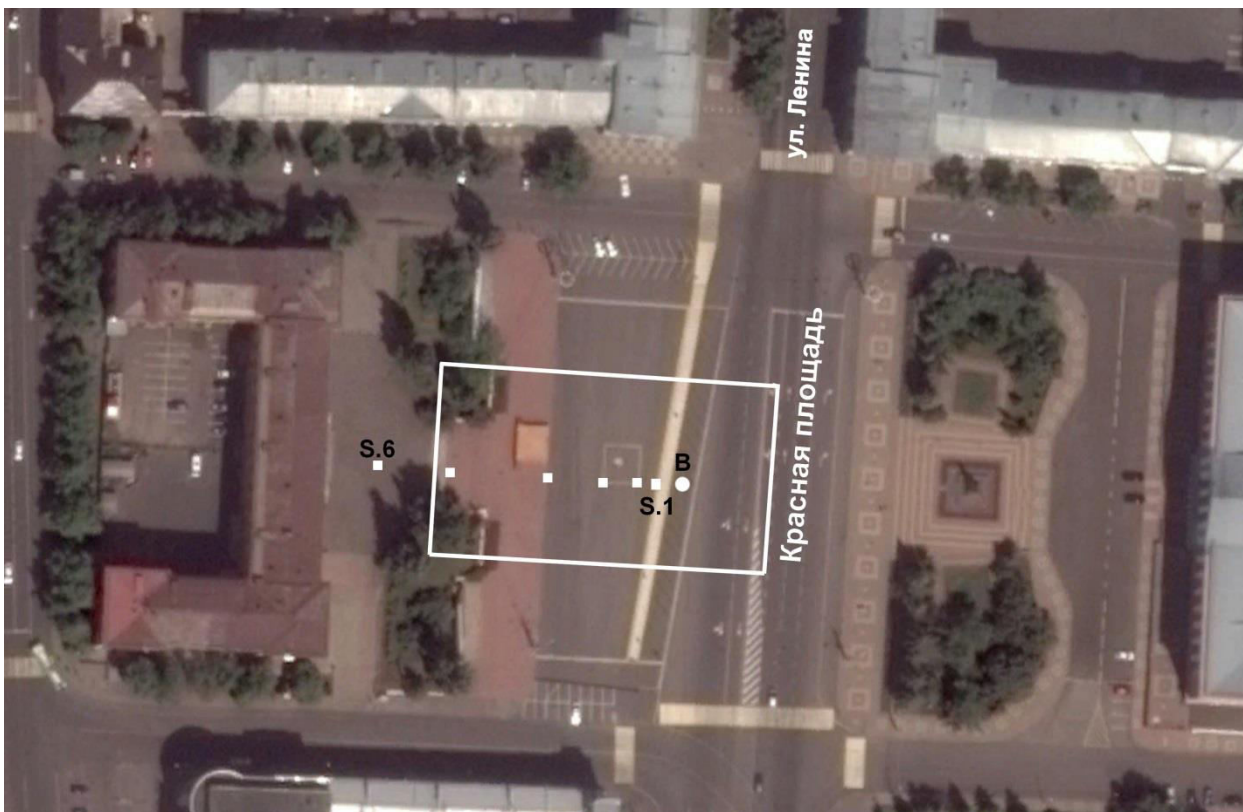

Рис.1. Место проведения работ — Красная площадь г. Курска. Белыми линиями показана граница участка моделирования, пунсонами — шумомерный профиль.

Измерения шума на местности проводились синхронно двумя шумомерами AR844 (II класс точности). Первый из них находился в фиксированном положении на удалении 7,5 м от середины ближайшей полосы дороги, по которой велось движение транспорта. Это положение шумомера традиционно носит наименование «база» (на рис.1. — точка В, на рис. 2 — В.1, В.2 и т.д.). Второй шумомер относился все дальше от «базы» и поочередно фиксировал уровень шума в 6 точках профиля, эти точки называем «станциями» (на рис.1. — квадратные пунсоны, на рис. 2 — S.1, S.2 и т.д.). На рис.2 показаны распределения уровней шума во всех измерениях в 90-процентном доверительном интервале. Хорошо заметно, что медианные значения уровней шума в разных измерениях на базе близки между собой. В то же время, только на первых трех станциях уровни шума оказываются близки между собой, затем они начинают быстро снижаться (с четвертой по шестую станции).

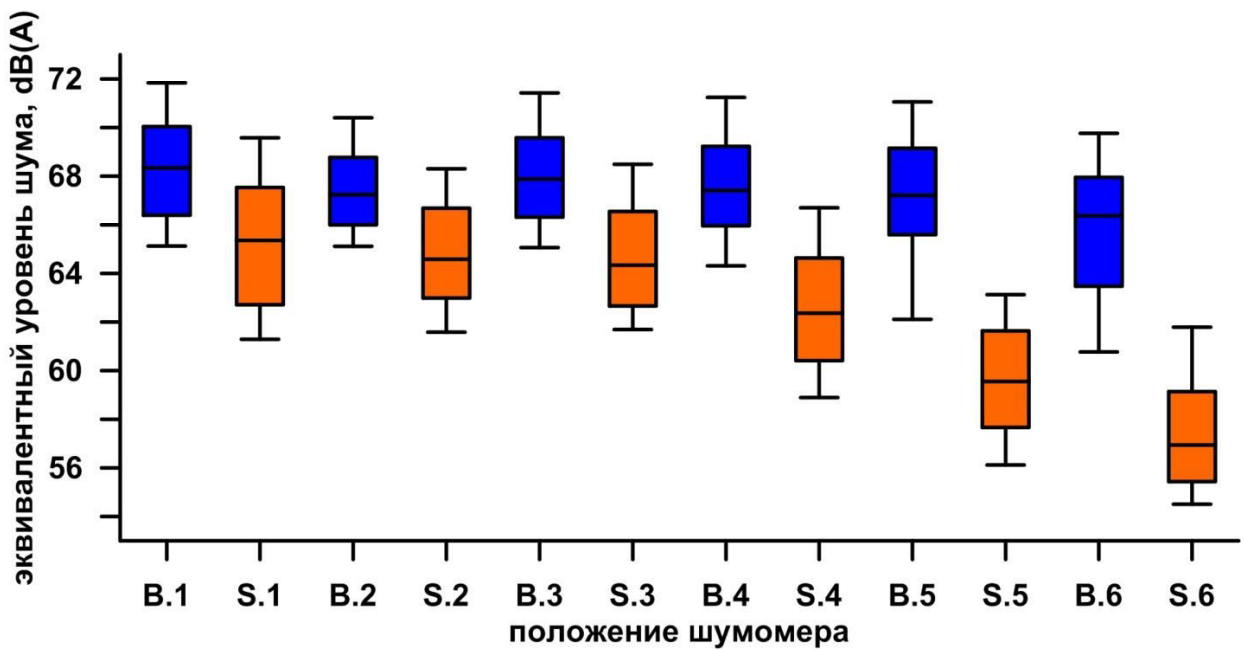

Рис.2. Распределения уровней шума на базе и станциях в разных измерениях

Рассмотрим сопряженные шумомерные и топографические профили (рис.3). При длине профиля 67 м перепад высот немногим превышает 2 м. При этом на первой половине профиля отметки высот (в условной системе) остаются почти неизменными. Примерно на расстоянии 30 м от начала профиля субгоризонтальная площадка переходит в слабонаклонную, а затем и в умеренно крутую. В нижней части рисунка показан график редукции шума, а именно величины снижения уровней шума с удалением от базы. Видно, что, несмотря на почти горизонтальную поверхность, сначала уровни шума убывают интенсивно, а затем, на второй станции, — существенно меньше. Проявления каких-либо закономерностей в этом усмотреть трудно, скорее всего, такой ход графика объясняется просто флуктуациями уровней шума, даваемых второстепенными источниками. Общая закономерность для горизонтальных площадок — сначала интенсивное, а затем более медленное затухание звука — здесь хорошо наблюдается. Можно также заметить, что с переломами топографического профиля (особенно, на удалении 52 м от «базы») связаны слабые переломы шумомерного профиля. На наклонном участке поверхности, «обращенном» к дороге, редукция ослабевает, т.е. шум затухает медленнее, чем должен был бы на плоской поверхности. Это — неоднократно отмечаемый нами ранее эффект шумовой аккумуляции или положительные шумовые аномалии [6,7].

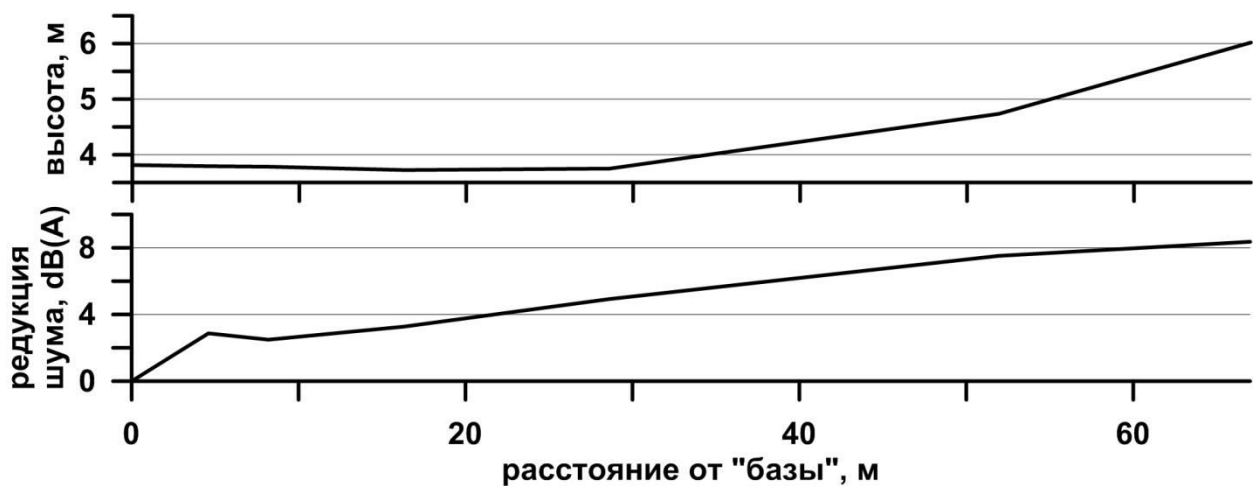

Рис.3. Сопряженные топографический и шумомерный профили

В целом, величины редукиции шума весьма невелики. И это связано именно с характером протяжения источника шума по отношению к общему плану морфологического устройства рельефа. В опубликованных ранее работах описаны случаи, когда на удалении 50-60 м от «базы» редукиция шума по причине пересеченного рельефа составляла не менее 15 dB(A), а чаще всего находилась в диапазоне 20-30 dB(A) [6]. В примере, рассматриваемом в данной статье, она едва превышает 8 dB(A) на удалении 67 м от «базы».

При построении компьютерной модели шумовой обстановки нужно иметь ввиду, что хотя бы общий характер редукиции шума по линии профиля не должен идти вразрез с экспериментальными данными. В этом случае следует признать модель как минимум удовлетворительной. На рис.4 показаны картограммы уровней шума, смоделированных с учетом рельефа и без его учета. Подчеркнем, что на обеих картограммах плотность изобелл (изолиний одинаковых уровней шума) убывает с удалением от источника шума, т.е. по крайней мере основная закономерность — снижение интенсивности ослабления звука с расстоянием — результатами моделирования отражается успешно.

Деление значений одной картограммы на другую в соответствующих точках позволяет оценить именно вклад рельефа в формирование шумовой обстановки (положительные и отрицательные шумовые аномалии). Он невелик и выражается отклонениями уровней шума от номинальных в диапазоне -6,4–2,1%. Т.е. более выражено все же ослабляющее влияние рельефа на распространение шума, менее — усиливающее. Однако в целом это влияние нельзя назвать существенным. На рис.4 можно увидеть, что общий характер хода изобелл весьма схож. Все отличия выражаются в небольшом искажении направления изобелл (левое изображение) относительно номинальной ситуации (правое изображение), особенно на удалении от источника шума, а также в появлении некоторой их случайной «шероховатости».

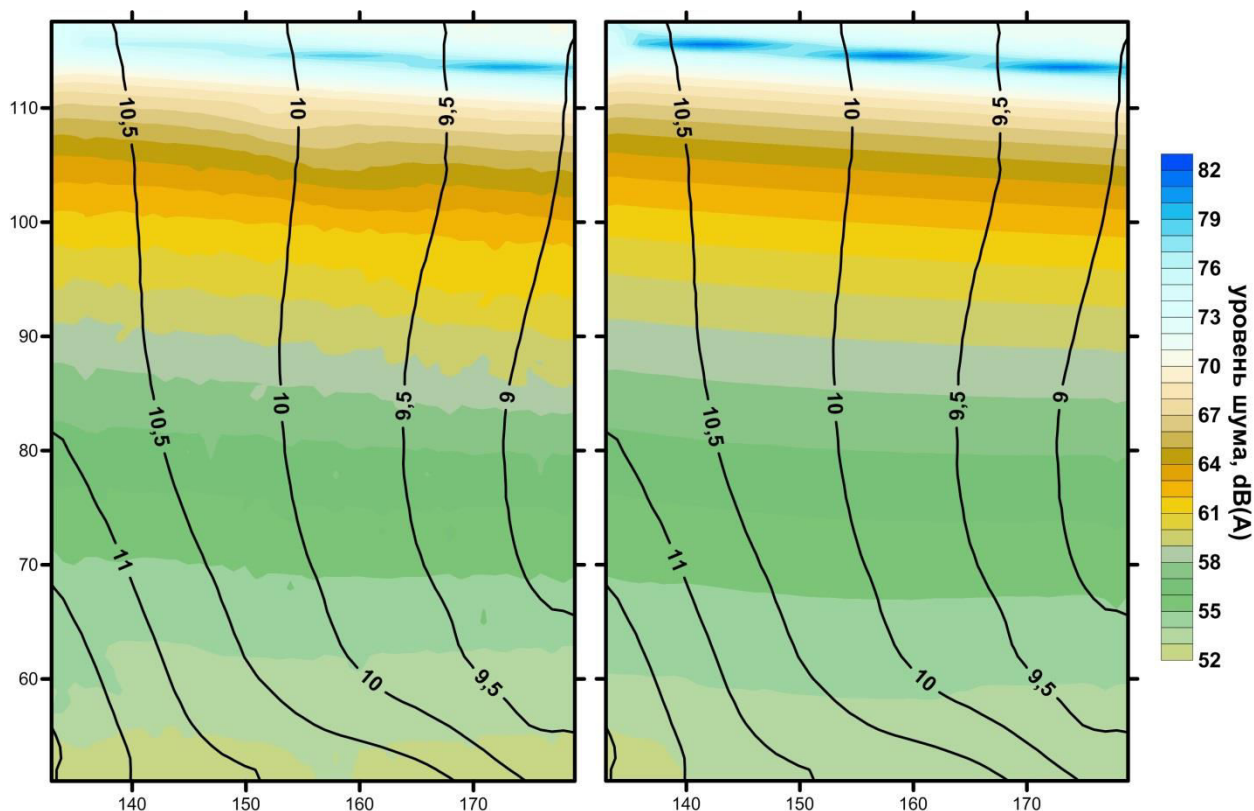

Рис.4. Уровни шума на участке моделирования с учетом рельефа (слева) и без его учета (справа). Черные линии — горизонталы в условной системе высот.

Таким образом, в работе показано, что при положении источника шума (дороги), соответствующем направлению уклона, влияние рельефа на распространение шума в значительной мере нивелируется. Это было доказано совместным применением анализа результатов полевых измерений (вкпе с топографической съемкой), а также компьютерного моделирования. Тем не менее, при необходимости получить высококачественные, подробные результаты, учет рельефа даже при таком пространственном соотношении основных его «граней» и источника шума необходим. Игнорирование рельефа на таких, казалось бы, близких к горизонтальным, площадках вносит погрешность, выражающуюся величинами в несколько процентов от номинального эквивалентного уровня шума.

Литература

1. Rasmussen K. B. On the effect of terrain profile on sound propagation outdoors / K. B. Rasmussen // *Journal of Sound and Vibration*. – 1985. – № 98 (1). – P. 35-44.
2. Rasmussen K. B. Propagation of road traffic noise over level terrain / K. B. Rasmussen // *Journal of Sound and Vibration*. – 1982. – № 82 (1). – P. 51-61.
3. Буадзе В. Методические рекомендации и мероприятия по защите от шума жилой застройки с учетом сложного рельефа местности / В. Буадзе, Г. Овесов, М. Какабадзе. – Тбилиси: ТбилЗНИИЭП, 1981. – 70 с.
4. Сенющенко И. М. Акустические особенности распространения шума в пониженных формах рельефа местности / И. М. Сенющенко // *Известия высших учебных заведений. Строительство*. – 2010. – № 5. – С. 91-99.

5. Сенющенкова И. М. Анализ методов борьбы с транспортным шумом в городах на пересеченном рельефе / И. М. Сенющенкова // Вестник Московского государственного строительного университета. – 2008. – № 4. – С. 134-138.

6. Харченко С. В. Шумовое загрязнение в городах в связи с характером рельефа территории (для ключевых участков в гг. Курск и Тамбов) / С. В. Харченко // Научные ведомости БелГУ. Сер. Естественные науки. – 2015. – № 3 (200), вып. 30. – С. 182-190

7. Харченко С.В. Влияние рельефа городской территории на формирование акустической обстановки: эксперимент и моделирование // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2016. – № 3. – С. 26-34.

К РАЗРАБОТКЕ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЙ СТРАТЕГИИ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ БАССЕЙНА Р. УРАЛ

С.В. Левыкин¹, Ю.М. Нестеренко², И.Г. Яковлев¹, Ю.А. Падалко¹

¹ *ФГБУН Институт степи УрО РАН, Оренбург*

² *Отдел геоэкологии Оренбургского научного центра УрО РАН, Оренбург*
e-mail: stepevedy@yandex.ru

Аннотация. В работе изложены суть и значение проекта Европейской Экономической Комиссии ООН «Изучение трансграничных рек Казахстана: р.Урал и Кигач». Рассмотрены основные итоги его реализации в том числе по разработке совместной Российско-Казахстанской стратегии охраны и использования водных ресурсов бассейна р. Урал способствующий адаптации к современным условиям и геоэкологическим вызовам.

Ключевые слова: стратегия, бассейн р.Урал, трансграничный регион, эффективность водопользования, управление стоком, природоподобные технологии.

Глобальное обострение проблемы пресных вод на планете способствовали развитию международного, прежде всего приграничного сотрудничества по выработке совместных планов и стратегий использования трансграничных рек и их бассейнов. Бассейновые принципы трансграничного сотрудничества особо актуальны для стран СНГ, стран Средней и Центральной Азии.

Европейская Экономическая Комиссия ООН поддерживает развитие международного сотрудничества в бассейнах рек:

- Восточная Европа: Днестр (Молдова – Украина); Неман (Беларусь – Литва);
 - Кавказский регион: Кура (Азербайджан – Грузия);
 - Средняя Азия: Чу, Талас (Казахстан – Кыргызстан); Пяндж, верховья Амударья (Таджикистан – Афганистан);
 - приток Волги Кигач (Казахстан – Россия); Урал (Казахстан – Россия)
- с 2015 года.

Традиции совместного решения экологических проблем реки Урал уходят в советское прошлое. В 1972 году принято постановление Совета Министров «О мерах по предотвращению загрязнений бассейна рек Волги и Урала неочищенными сточными водами». В 1977 г. по инициативе Географического общества СССР учреждён постоянный общественный межреспубликанский комитет по охране, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов бассейна р. Урал. После распада СССР межгосударственные водные отношения регулируется Соглашением от 27 августа 1992 года между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов. На основе этого Соглашения создана и работает Казахстанско-Российская Комиссия.

На основании решения Российско-Казахстанской комиссии по трансграничным рекам (20-21.10 2015, г. Актобе) «О проведении совместных исследований для выработки стратегии адаптации к изменению водности в бассейне реки Урал» в рамках проекта ЕС «Оказание поддержки Республике Казахстан для перехода к модели «зелёной экономики» был выделен подкомпонент: «Управление трансграничными водными потоками на экспертном уровне» на основании чего был разработан и запущен в 2016 году Проект Европейской Экономической Комиссии ООН «Изучение трансграничных рек Казахстана: р.Урал и Кигач».

Проект по реке Урал реализуется на экспертном уровне (два эксперта от России и два эксперта от Казахстана) направлен на изучение и оценку ситуации в бассейне реки Урал для выработки адаптаций к глобальным изменениям, выработке единого стратегического подхода к сохранению и рациональному использованию водных ресурсов на основе дальнейшего развития трансграничного сотрудничества. В конечном итоге разработать совместную стратегию охраны и использования водных ресурсов бассейна р. Урал, способствующую адаптации к глобальным изменениям и развитию зеленой экономики в Казахстане и природоподобных технологий в России. По сути разработанная стратегия будет являться своего рода научным сопровождением деятельности Российско-Казахстанской комиссии.

Реализация проекта осуществляется казахстанским фондом «Центр водных инициатив» при непосредственном участии и поддержке Министерством сельского хозяйства РК с 2016 года. На первой стадии реализации проекта разбит на два этапа. На первом этапе была осуществлена оценка современного состояния водности реки Урал с учетом влияния хозяйственной деятельности на сток и климатических изменений. Ставилась задача выяснить причины значительного снижения водности реки Урал с уточнением роли в этом процессе антропогенного фактора и аридизации климата, а также влияние водохранилищ на динамику стока. Также ставилась задача сближения позиций и выработке совместных подходов к определению и оценкам экологического стока реки Урал. Для решения поставленной цели были проведены исследования ландшафтной динамики и динамики

антропогенного воздействия модельных бассейнов малых рек – притоков реки Урал.

На втором этапе с 2017 года проводится совместная работа по разработке вышеупомянутой стратегии. В целом основной текст стратегии согласован, в том числе с привлечением специалистов из республики Башкортостан и Челябинской области. В настоящий момент идет уточнение и сближение позиций по наиболее важным и актуальным вопросам и проблемам водопользования, воспроизводства и сохранения биологических ресурсов. Результаты совместной работы планируется представить на Международной выставке Экспо-2017 в Астане.

Основные результаты исследований:

Основные исследования были выполнены с использованием полевых исследований, статистического, исторического, аналитического, ландшафтного и геоботанического методов, данных ДЗЗ и ГИС, метода экспертной оценки с привлечением обширных архивных данных, литературных источников и схемы комплексного использования и охраны водных объектов бассейна реки Урал.

В целом были обобщены и уточнены сведения о физико-географических, демографических, социально-экономических и экологических характеристиках реки Урал и его бассейне;

- уточнена динамика годового стока относительно эталонного среднего значения 1936-1954гг. (до освоения целины и сооружения Ириклинского водохранилища) за период 1920-2016гг.

- обобщены и уточнены данные по водопользованию;

- выявлены основные антропогенные воздействия и возможные риски, в том числе и по изучению бассейнов притоков малых рек;

- выделены благоприятные факторы улучшения ситуации и углубления международного сотрудничества. Основные итоги исследований легли в основу общего итогового стратегического документа.

Река Урал третья по длине река Европы (2428 км) с площадью бассейна, порядка 231 тыс. км². Протекает по трем субъектам РФ – Башкортостан, Челябинская и Оренбургская области, основная часть срединного течения располагается в последней. На территорию РФ приходится 1142 км, а площадь водосбора 172 000 км² (рис 1).

Рис. 1. Трансграничный бассейн р.Урал

Река Урал имеет ряд эколого-географических особенностей, прежде всего выраженных в резких колебаниях стока по годам (до 20 раз) и до 1300 раз может колебаться расход воды в течение года. Это практически единственная крупная река юго-востока Европы с незарегулированным средним и нижнем течением, что и является причиной колебаний по годам и сезонам [1,8]. Во второй половине XX века он зарегулирован тремя российскими: Верхнеуральским (72 км², 0,6 км³), Магнитогорским (33,4 км², 0,2 км³) и Ириклинским (260 км², 3,25 км³) водохранилищами. Притоки Урала зарегулированы в Башкортостане (Сакмара) и в Казахстане (Илек). Суть проблемы заключается в том, что Урал стал стремительно мелеть в XXI веке (рис. 2).

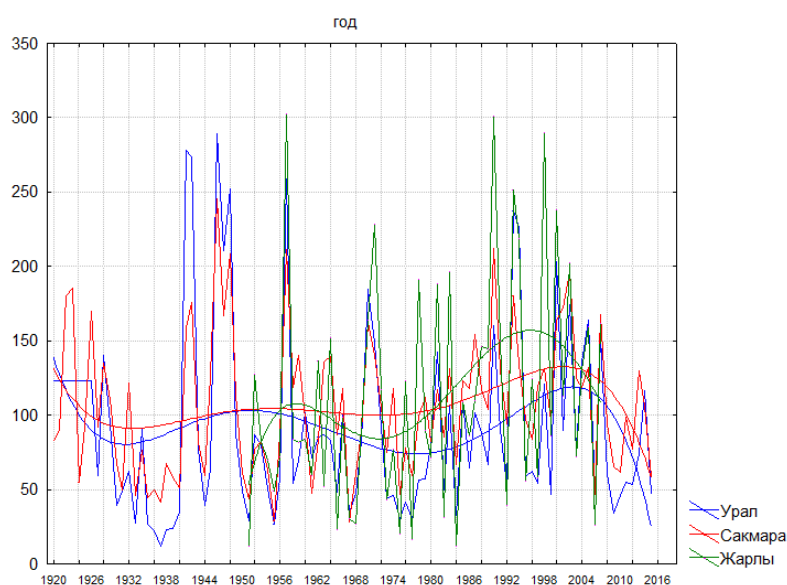

Рис. 2. Годовой сток основных рек в бассейне р. Урал на территории Российской Федерации в процентах от среднего за 1934–1958 гг. (по данным Оренбургского ЦГМС филиала ФГБУ «Приволжское УГМС»)

На данном этапе исследований экспертная группа пришла к совместному заключению, что полностью наполнившиеся водохранилища практически не влияют на величину годового стока, но перераспределяют его в течении сезонов, уменьшая интенсивность весеннего паводка и увеличивая меженный сток. Пока существуют две точки зрения по системной оценке интенсивности весеннего паводка, в большей степени регулируемого водохранилищами. Согласно первой (академик А.А. Чибилев) периодически мощные паводки необходимы для естественной прочистки русла реки от излишних наносов, в том числе эрозионного характера и орошения больших площадей пойм и надпойменных террас. Вторая точка зрения акцентирует внимание больше на негативной эколого-экономической роли больших разливов, обосновывая это подтоплением больших площадей включая сельхозугодия, населенные пункты и т.д., переносом и переотложением большого количества антропогенного мусора. По мере развития проекта будет выработан более консолидированный подход к управлению стоком р.Урал [3,4].

Сегодня при значительном уменьшении водопотребления, особенно в сельском хозяйстве и промышленности, снижение водности р. Урал можно объяснить аридизацией климата маловодного периода (2005-2015 гг.). Основные годовые климатические показатели варьируют не столь значительно, но с мая по июль устанавливается аномально жаркая и сухая погода. Особо яркое проявление длительной засухи было в 2010 г.

Ряд специалистов считают ведущим фактором уменьшения водности Урала заиление основного русла реки вследствие отсутствия дноуглубительных работ еще с советского периода. Дноуглубительные мероприятия предлагают проводить казахские коллеги, однако российские эксперты придерживаются несколько иной позиции. Масштабные работы по углублению и расчистке дна не приведут к желаемым результатам, даже если и будет положительный эффект – то временный. В настоящее время более целесообразно ограничиться уборкой антропогенного мусора, особенно в пределах крупных населенных пунктах.

На величину и распределение годового стока влияет не только прямой забор воды из русла, но и специфика аграрного землепользования в пределах бассейна. Река Урал, являясь в основном классической степной рекой, во многом зависит от соотношения целины, залежи, пашни. Общеизвестно, что массовая распашка степных водосборов приводит к перераспределению годового стока, перевода его из надземного в подземный и заилению русел, прежде всего малых рек, за счет различных видов почвенной эрозии. В развитие выявления ведущих факторов снижения водности р. Урал проведено изучение динамики степных агроландшафтов и антропогенного воздействия на водосборы модельных бассейнов малых рек.

В качестве модельных притоков среднего течения были выбраны водосборы рек Кумак, Урта-Буртя, Илек, Чаган, представляющие типы природопользования на востоке, в центре и на западе Оренбургской области.

Особенности рельефа водосборов малых рек, влияющие на динамические параметры стока и его гидрологический режим, нами изучены с помощью геоинформационного программного обеспечения (MapInfo 11.5 с приложением Vertical Mapper) с построением цифровой модели рельефа водосборов. Также проанализированы величина уклона и экспозиции склонов. Построенная цифровая модель рельефа позволяет визуально представить и оценить значение средних высот и их амплитуду как фактор аккумуляции осадков в холодный период года и высотную зональность водосбора. Крутизна склонов оказывает влияние на скорость добегания осадков до замыкающего створа и развитие водной эрозии на территории бассейна [6,7]. Исследования рельефа были дополнены изучением структуры и динамики ландшафтными методами: соотношение долей пашни, пастбищ и сенокосов в структуре угодий, доля целинных и вторичных степных экосистем, доля и состояние естественных природных ландшафтов; состояние прудов и водохранилищ; наличие и состояние водоохранных зон; население и его динамика; степень антропогенной нагрузки.

Обобщая результаты исследования трёх модельных бассейнов можно заключить, что в целом проведенные исследования показали, что для южных и юго-восточных районов Оренбургской области характерно двукратное и большее сокращение посевных площадей, трёхкратное и более сокращение поголовья скота, что способствует активной самореабилитации степных экосистем, восстановлению почв и естественной оптимизации речного стока [2,5].

Результаты изучения динамики изменений поверхностного стока талых вод с водосборов притоков р.Урал в различных агроклиматических зонах Оренбургской области показали прямую зависимость между коэффициентом стока и долей пашни. Так после распашки целинных и залежных земель в Оренбургской области коэффициент стока уменьшился, практически в два раза с 0,53 до 0,26. Затем в 1990-е гг. в период массового заброса пашни увеличился до 0,48 и начал снижаться с 2000-х гг. по мере возвращения в оборот залежей [3,4]. Характеризуя значение доли пашни в величине весеннего стока необходимо учитывать интенсивность и периодичность обработки почвы в осенний период и долю мягких и твердых залежей, характеризующихся различным травостоем и плотностью почвы. В целом оптимальному весеннему стоку способствует и оптимальный режим степного землепользования, заключающийся в ежегодном изъятии 50-70 % степных травостоев.

Низкая плотность сельского населения, от 2 до 7 чел/км² обуславливает незначительность бытового водопотребления как антропогенного фактора. Увеличение водопотребления можно ожидать только в западной части Оренбургской области в связи с развитием нефтегазодобычи.

В то же время, проведенные исследования позволили выявить ряд антропогенных воздействий и агроэкологических проблем в бассейнах малых

рек притоков р. Урал, общих для российской и казахстанской частей бассейна.

1. Развитие бахчеводства по водосборам левых притоков р.Урал в Оренбургской области, сопровождающееся распашкой целинных земель в т.ч в поймах и надпойменных террасах малых рек, нерегулируемым забором воды на орошение бахчей, загрязнением почвы бахчей плёнкой и иным бытовым мусором, периодическое перемещение бахчей с забросом ранее освоенных и распашкой целинных и залежных земель, в т.ч. в поймах.

2. Высокая концентрация скота у водопоев сохраняющихся в межень, приводящее к стравливанию прибрежной растительности и вытаптыванию берегов.

3. Развитие рекреации в необорудованных местах приводящее к загрязнению берегов и пойм бытовым мусором.

4. Наличие необорудованных сельских свалок, способствующих поступлению в поймы малых рек бытового мусора, в т.ч. полиэтиленовых пакетов и пластиковых бутылок переносимых ветром.

С учетом потребностей крупных городов и специфики развития добывающей промышленности можно констатировать современные негативные антропогенные воздействия способствующие снижению водности, качества воды и ландшафтно-биологического разнообразия:

1. Развитие нефтегазодобывающего комплекса.

2. На фоне снижения общего бытового водопользования (счётчики, экономия воды, и т.д.) увеличение сброса в канализационные стоки синтетических моющих средств, влияние которых на качество воды пока не изучено.

3. Инвазия клёна ясенелистного в пойменные леса.

4. Браконьерский лов рыбы (капроновые сети, электроудочки, острога).

5. Загрязнение, недостаточное развитие либо отсутствие ливневых канализаций в населённых пунктах, что приводит к дополнительному загрязнению водоёмов ливневыми стоками и в ряде случаев к подтоплению населённых пунктов.

6. Заиление русла основных водотоков, в т.ч. продуктами почвенной и береговой эрозии, захламление русел древесными стволами и мусором.

К природным факторам воздействия на водность и сток рек бассейна Урала относим: изменения внутригодового распределения тепла и осадков, флуктуации годовых показателей климата (чередование водных и маловодных лет), а так же активное развитие лимнизации малых водотоков вследствие жизнедеятельности бобров.

Разработанные нами концептуальные предложения по стабилизации экологической ситуации р. Урал и ее улучшению, основанной на принципах взаимного развития человека и природы, объективного сотворчества в проектировании и создании более ценных и продуктивных степных ландшафтов акваландшафтов, обеспечивающих потребности современной

цивилизации и лежащих в русле решения больших вызовов и приоритетных направлений исследований.

Разработка и внедрение природоподобных технологий в степном земле- и водопользовании: прежде всего необходимо поддерживать структуру сельхозугодий близкую к оптимальной путем введения временного моратория на распашку целинных и залежных земель в бассейне р. Урал с упором на развитие адаптивных видов животноводства. Особого внимания заслуживает идея проектной проработки и осуществление совместных Российско-Казахстанских экологических попусков водохранилищ, заключающиеся в синхронизации попусков, воспроизводящих в близкой степени природный экологический сток Урала, обеспечивающий сроки и темпы расхода воды, определенную глубину и температуру воды, способствующую устойчивому расширенному воспроизводству ценных пород рыб, прежде всего осетровых.

На перспективу для увеличения эффективности использования бассейна р.Урал необходимо:

- разработать и внедрить систему управления речным стоком;
- организовать систему мониторинга степного землепользования в ключевых бахчеводческих районах бассейна для уточнения и предотвращения негативного влияния;
- организовать экологический мониторинг развития нефтегазодобывающего комплекса по обе стороны российско-казахстанской границы;
- организовать мониторинг русловых процессов;
- организовать мониторинг динамики популяций бобра и его воздействия на речной сток с разработкой рекомендаций по управлению его численностью;
- провести исследование влияние химизации бытовых стоков на качество воды и биоразнообразие;
- создать систему пограничных гидростов на р.Урал и его трансграничных притоках;
- дноуглубительные работы проводить в рамках рыбохозяйственных проектов, прежде всего по восстановлению осетровых;
- регулярно проводить работы по очистке дна от затонувших древесных стволов и мусора;
- оборудовать наиболее посещаемые рекреантами места, в частности установить контейнеры для сбора мусора.
- оборудовать набережные в пределах областных центров и других крупных населённых пунктов на берегах р. Урал и его основных притоков согласно современным культурным, рекреационным и экологическим стандартам;
- по мере необходимости проводить берегоукрепительные работы;
- регулярно ремонтировать и модернизировать ливневую канализацию.

- разработать систему мероприятий по контролю за инвазивными видами как в пойменных лесах, так и в целом в бассейне р. Урал.

Заключение.

В заключении отметим, что принципиальное увеличение водности р. Урал возможно лишь в двух случаях: реализация масштабных мероприятий по управлению его стоком на глобальном уровне или в смене маловодного периода более водным. Разработанная совместная межгосударственная (между Казахстаном и Россией) стратегия в большей степени должна быть направлена на нейтрализацию негативных процессов постепенным их нивелированием и преодолением. Поиск путей наиболее эффективного водопользования и адаптация к аридности климата в степной зоне.

Результаты проведенных исследований и предложения российско-казахстанских экспертов найдут свое отображение в окончательном варианте стратегии охраны и использования водных ресурсов бассейна р. Урал, которая на основе возрастания взаимодействия человека и природы будет способствовать повышению эффективности использования стока рек в бассейне р. Урал, который остается значительным объектом в рамках развития приграничного сотрудничества во взаимных интересах дружественных государств России и Казахстана. В фундаментальном аспекте актуально дальнейшее углубление совместных исследований и выработка концептуальных подходов о современном представлении об оптимальном стоке, его моделировании и воспроизводстве в виде природоподобных технологий управления стоком степных рек, удовлетворяющих современным потребностям человека и развития природы.

Работа выполнена по темам НИР ИС УрО РАН № ГР АААА-А17-117012610022-5 и по теме НИР Отдела геоэкологии УрО РАН № ГР 15-18-5-9

Литература

1. Геоэкологические проблемы трансграничного бассейна реки Урал: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. чл.-кор. РАН А. А. Чибилёва. – Оренбург : Ин-т степи УрО РАН ; Печ. дом «Димур», 2008. – 140 с.
2. Ландшафтообразующая роль ковыля Лессинга в процессе формирования вторичных степей Заволжско-Уральского региона / С.В. Левыкин, Г.В. Казачков, И.Г. Яковлев, Д.А. Грудинин // Изв. Самар. науч. центра РАН.– 2014. – № 1(4). – С. 1092-1095.
3. Нестеренко Ю.М. Природные воды Южного Урала: Формирование и использование / Ю.М. Нестеренко, М.Ю. Нестеренко. – Екатеринбург: УрО РАН, 2016. – 244 с.
4. Нестеренко Ю.М. Водная компонента аридных зон: экологическое и хозяйственное значение. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 286 с.
5. Новые лессингоковыльные степи XXI века / В.П. Чибилёва, С.В. Левыкин, И.Г. Яковлев, Г.В. Казачков, Д.А. Грудинин, Н.П. Левыкина // Изв. Оренб. гос. аграр. ун-та.– 2015. – № 6. – С. 186-188.
6. Падалко Ю.А. Природные особенности бассейна р. Чаган и их роль в формировании экстремальных водно-экологических ситуаций / Малые реки Казахстанско-

Оренбургского трансграничного региона: Сборник научных статей. – Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М.Утемисова, 2015. С.31-39

7. Сивохиц Ж.Т., Падалко Ю.А. Географо-гидрологические факторы опасных гидрологических явлений в бассейне реки Урал // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2014. – № 6. – С. 53-61

8. Чибилев А.А. Бассейн Урала: история, география, экология. - Екатеринбург: УрО РАН, 2008. - 312 с.

К СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЗОНАЛЬНЫХ СТЕПНЫХ ЭКОСИСТЕМ В ОРЕНБУРГСКО- КАЗАХСТАНСКОМ ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

**С.В. Левыкин, П.В. Вельмовский, И.Г. Яковлев, Г.В. Казачков,
Д.А. Грудинин**

ФГБУН Институт степи УрО РАН, Оренбург
e-mail: stepevedy@yandex.ru

Аннотация. В работе в тезисной форме рассмотрена специфическая проблема сохранения и восстановления ландшафтно-биологического разнообразия степей Северной Евразии на примере Оренбургско-Казахстанского приграничья. На основе полевых исследований выявлены основные закономерности самовосстановления степных экосистем, динамика ресурсов титульных биологических видов степей на постцелинных ландшафтах. Рассмотрены концептуальные подходы к обоснованию и созданию сети степных охраняемых территорий с приоритетом сохранения вторичных лессингоковыльных степей.

Ключевые слова: Оренбургско-Казахстанское приграничье, зональные степные экосистемы, вторичные степи, система ООПТ.

Освоение целинных и залежных земель в восточном секторе степей Евразии во второй половине XX века стало ландшафтной катастрофой для зональных степных экосистем. Основные массивы целины и старых залежей были подняты в полосе ковыльковых степей на южных черноземах и каштановых почвах по обе стороны Российско-Казахстанской границы [8]. Фактически было утрачено ландшафтное ядро восточного сектора степной зоны.

Внутризональные разновидности степей продолжают выступать в качестве основных объектов территориальной охраны степей.

Наиболее крупные участки степных экосистем на суглинистых полнопрофильных почвах, доминировавших в степной зоне, сохранились лишь на территориях военных ведомств, на сельскохозяйственных землях сохранились лишь небольшие фрагменты целины, в отдельных благоприятных случаях происходят активные процессы самовосстановления степных экосистем на залежных землях.

Проведенные исследования показали, что титульные биологические виды степей демонстрируют высокий потенциал самореабилитации. За 10-15 лет покоя на заброшенных пашнях происходят процессы развития вторичных степей. Они активно зарастают ковылем Лессинга (*Stipa lessingiana*), на них возвращаются сурок (*Marmota bobac*) и стрепет (*Tetrax tetrax*). Благодаря этому в последние годы появилась возможность ставить вопрос об организации территориальной охраны на вторичных степях, развившихся на маловостребованных сельскохозяйственных угодьях[7]. Это предложение выглядит особо актуальным на фоне активизации процессов массовой распашки залежных земель в Казахстане.

Вопреки научным прогнозам, земледелие не ушло из южного подтипа сухих степей, а напротив, в последние годы крупные массивы вторичных степей были вновь распашаны в связи с колебаниями мировых цен на зерно и энергоносители, а также реализацией государственных аграрных проектов.

В стратегическом аспекте приоритетом российско-казахстанского сотрудничества в сфере территориальной охраны степей в приграничных районах, на наш взгляд, должно стать приложение усилий и содействие процессам окончательного восстановления полночленных зональных степных экосистем и постановка вопроса об организации ландшафтного оборота и созданием новационных ООПТ с более пластичным режимом сохранения ландшафтно-биологического разнообразия степей. Это также особо актуально в связи с тенденцией к аридизации климата региона особенно в позднее-весенний и ранне-летний период. В рамках подобного подхода охраны степных экосистем возможны такие меры как мораторий на распашку залежей и создание земельного фонда стабилизации и восстановления почвенного плодородия, ландшафтного и биологического разнообразия степей. В Оренбуржье такой фонд может составить порядка 300–400 тыс. га, из них в приграничных районах порядка 200 тыс. га. По существу, этот земельный клин, выделенный для развития непахотного использования степей, стал бы самой малозатратной и эффективной степной охраняемой территорией.

Институтом степи УрО РАН при поддержке Степного проекта ПРООН/ГЭФ/МПР РФ в 2010-2016 гг. был инициирован и реализован ряд проектов направленных на изучение процессов самореабилитации степных экосистем и оценки их природоохранной ценности на постцелинном пространстве Оренбургской области и сопредельных областей Республики Казахстан.

Для проведения исследований были использованы следующие методы: исторический, аналитический, статистический, полевых исследований, ландшафтный и геоботанический, метод ДЗЗ и ГИС, метод экспертной оценки природоохранного значения вторичных степей.

Итогами исследований стало выявление целого ряда закономерностей, факторов и условий формирования вторичных степей на постцелинном пространстве, в т.ч. по восстановлению ареалов и популяций ряда

зонообразующих (титульных) и краснокнижных видов флоры и фауны степей [10].

Был спроектирован и при поддержке Степного проекта ПРООН/ГЭФ/МПР РФ создан пятый участок ГПЗ «Оренбургский» «Предуральская степь» (16 538,34 га) – трансформированный проект «Оренбургская Тарпания», на который был успешно осуществлён выпуск шести лошадей Пржевальского при участии Президента РФ в октябре 2016.

Так же по результатам многолетних полевых и стационарных исследований была разработана принципиальная схема кластера трансграничных российско-казахстанских степных ООПТ в Оренбургско-Казахстанском экорегионе [5] (рис.1).

Рис.1. Принципиальная схема перспективного кластера степных ООПТ. Условные обозначения:

1 – Пятый участок ГПЗ «Оренбургский» «Предуральская степь» по реинтродукции лошади Пржевальского и перспективная буферная территория по развитию адаптивного животноводства ФГУП «Буртинское» РАСХН (55 тыс. га);

2 – Чибендино-Троицко-Хобдинская трансграничная ООПТ по сохранению и восстановлению лессингоковыльных и кальцефитных степей Предуралья (2 участка общей площадью 270 тыс. га)

3 – Айтуарско-Эбитинская ООПТ по сохранению низкогорных, зональных и петрофитных степей Южного Урала. (100 тыс. га, из них 84 тыс. га – природный заказник «Эбита» (РК));

4– Озерно-степная ООПТ по сохранению зональных южноуральско-казахстанских дерновиннозлаковых степей и водно-болотных угодий (280 тыс. га).

В рамках реализации концептуального плана развития приграничного сотрудничества сохранения степных экосистем в Оренбургской области в 2014-2016 гг. было осуществлено проектирование комплексного природного заказника регионального (областного) значения «Троицкий» (37 870 га), расположенного на территории Соль-Илецкого городского округа. Границы спроектированного заказника совпадают с территорией муниципального образования Троицкий территориальный отдел и частично включают в свой состав земли муниципального образования Покровский территориальный отдел, а именно юго-западную его часть (рис. 2).

Основная территория заказника представляет собой целинные кальцефитные и восстановившиеся вторичные лессингоковыльные степи,

компактно расположенные в центральной и южной части т.н. Троицкого выступа, ограниченного на севере рекой Илек, на западе – Западно-Казахстанской областью, на востоке – Актюбинской областью.

Территория заказника расположена в северной части Подуральского плато на водоразделе рек Утва и Большая Хобда в Илек-Хобдинском сыртово-плакорном меловом районе Урало-Илекского округа Общесыртовско-Предуральской возвышенной провинции [9]. На данной территории получили развитие следующие типы местности: придолинно-плакорный, водораздельно-плакорный, водораздельно-увалистый, долинно-балочный.

В геоботаническом отношении территория проектируемого заказника принадлежит к заволжско-казахстанскому географическому варианту дерновиннозлаковых степей, представляющих собой типчаково-ковылковые, типчаково-тырсовые, типчаково-ковыльные, типчаковые степи. Из злаков здесь преобладают *Stipa lessingiana*, *S. capillata*, *S. pennata*, *S. korshinskyi*, *S. kirghisorum*, *Festuca valesiaca*, *Leymus ramosus*. В разнотравье наиболее обычны такие виды как *Tanacetum achilleifolium*, *Galatella villosa*, *G. Tatarica*. Из полукустарничков – *Artemisia austriaca*. Местами в степных сообществах присутствуют кустарники (*Spiraea hypericifolia*, *Caragana frutex*, *C. pumila*) [1].

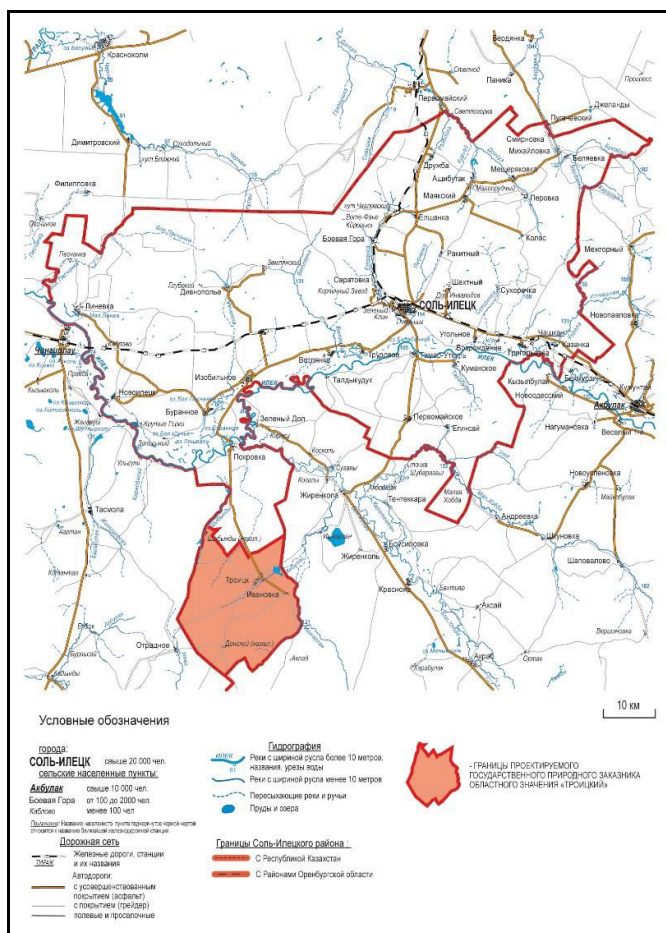

Рис.2. Расположение проектируемого комплексного природного заказника регионального (областного) значения «Троицкий».

Основная природоохранная ценность данной территории заключается с одной стороны в наличии редкой и исчезающей кальцефитной флоры Предуральского плато, уникальных меловых ландшафтов с выходами мела на дневную поверхность, с другой стороны – в сохранившихся эталонных лессингоковыльных степей на полнопрофильных тёмно-каштановых почвах (Донская степь и др.), и высоком потенциале самореабилитации лессингоковыльных степей.

Особую научную и природоохранную ценность, согласно разработанной нами модели степи, представляют собой 20-летние залежи на карбонатных каштановых почвах, на которых сформировались вторичные степи в виде зарослей *Stipa lessingiana* – ковыля Лессинга, среди которых отмечены десятки степных видов растений [6]. Территория заказника уникальна тем, что именно здесь в полной мере сложились наиболее благоприятные факторы и условия для успешного хода процесса демутации, основными из которых являются наличие семенной базы и длительная пахотная передышка [10]. Так как данная территория обладает низким агроклиматическим потенциалом, поля перестали обрабатываться со второй половины 1990-х без предварительной фитомелиорации, тем самым были запущены процессы самореабилитации степей на десятках тысяч гектар, не прерывающиеся уже на протяжении 20 лет. К сожалению массовые степные пожары 2013 года способствовали масштабному перерождению травостоя лессингоковыльно-типчаковых зарослей в житняковые, мониторинг ключевых участков будет продолжен.

В процессе проектирования был изучен Лесокультурный комплекс Троицкой степи, созданный в 1950-1990 гг. Буранной лесомелиоративной станцией. По всему выступу были созданы придорожные и полезащитные лесные полосы, 5 компактных лесокультурных массивов, 7 участков параллельного лесополосного облесения сенокосно-пастбищных угодий, многорядная лесополоса по правобережью ручья Акбулак на общей площади свыше 2000 га. Основная лесокультурная порода – вяз мелколистный (*Ulmus parvifolia*), смородина золотистая (*Ribes aureum*).

Выяснилось, что сохранность и жизнеспособность лесонасаждений снижается на юг по мере снижения востребованности сельхозугодий и нарастания пирогенного фактора. В центральной и южной части Троицкой степи практически все элементы лесомелиоративного комплекса, кроме придорожных лесопосадок и водоохранной лесной полосы вдоль р. Акбулак, в результате усыхания и пожаров уничтожены на 60-80%. Погибшие карагачи оставляют жизнеспособную корневую поросль, при этом все междурядья активно зарастают злаками, прежде всего житняком. Неиспользуемые старые залежи зарастают карагачом, превращаясь в саванноид с полнотой 0,1-0,3. Происходит частичная потеря сельхозугодий, но при этом несколько повышается качество охотугодий.

В настоящее время сформировался компактный малофрагментированный степной массив, практически единственное место в

Оренбуржье где на одной территории встречаются три титульных степных вида: стрепет (*Tetrax tetrax*), дрофа (*Otis tarda*) и сайгак (*Saiga tatarica*). Нами неоднократно отмечались осенние скопления стрепета до 400 голов, выводки дроф в окрестностях с. Троицкое, а в 2014-2016 гг. отмечались единичные заходы сайгака вплоть до данного села. По опросным сведениям местных жителей, на старых житняках, в т.ч. на сенокосах, ежегодно гнездится не менее 3-5 пар дроф.

Территория представляет интерес и в качестве воспроизводственного участка охотничьих видов фауны: заяц-русак, лисица, корсак, барсук, косуля, камышовый кабан. Ключевыми водно-болотными территориями являются Троицкий пруд и пограничная р. Ишкарган, где периодически отмечается гнездование серых гусей и обилие гусеобразных особенно на пролёте. В 1990-е годы отмечались многочисленные популяции дневных хищных птиц, прежде всего степного орла. В настоящее время достоверно обитают курганник (*Buteo rufinus*), степной лунь (*Circus macrourus*), филин (*Bubo bubo*) и степная тиркушка (*Glareola nordmanni*). По данным Охотинспекции обитала перевязка (*Vormela peregusna*).

Восстановлению степного ландшафтного и биологического разнообразия, прежде всего редких и исчезающих видов, способствует маловостребованность территории. В настоящее время используется порядка 2-3 тыс. га под выпас личного скота и ежегодно выкашивается около 1 тыс. га старых посевов житняка и вторичных лессингоковыльных степей.

На территории выявлено 13 видов сосудистых растений, занесенных в Красную книгу РФ и 35 видов сосудистых растений, занесенных в Красную книгу Оренбургской области. Из внесённых в те же Красные книги обнаружено 14 гнездящихся и 8 встречаются на миграциях видов птиц, 14 видов насекомых и паукообразных [2, 3, 4].

На территории проектируемого заказника «Троицкий» располагается 5 объектов историко-культурного наследия (три ландшафтно-археологических памятников федерального и два ландшафтно-исторических памятника регионального значения):

- *Курганный могильник Ивановский 1*. Ландшафтно-археологический памятник федерального значения, курганный некрополь скифо-сарматской эпохи, насчитывающий не менее 2 курганов диаметром от 10 до 26 метров и высотой до 1,5 м;

- *Курганный могильник Ивановский 2*. Ландшафтно-археологический памятник федерального значения, курганный некрополь скифо-сарматской эпохи, насчитывающий не менее 10 курганов диаметром от 10 до 34 метров и высотой до 1,0 м;

- *Курганный могильник Кызылтумпе*. Ландшафтно-археологический памятник федерального значения, курганный некрополь раннего железного века (VI-V вв. до н.э.), насчитывающий не менее 11 курганов диаметром от 8 до 30 метров и высотой до 2,0 м;

- *Некрополь Чибенда 2.* Ландшафтно-исторический памятник регионального (областного) значения, казахский некрополь Нового времени (конец XVIII-XIX вв.);

- *Некрополь Чибенда 1.* Ландшафтно-исторический памятник регионального (областного) значения, казахский некрополь Нового времени (конец XVIII-XIX вв.).

Определённый интерес представляет собой ряд живописных природных каменных изваяний, меловых обнажений и отдельных каменных глыб, в т.ч. по балке Акбулак.

Специфической особенностью проектируемого заказника является его расположение в выступе территории РФ между двумя субъектами РК, что позволяет рассматривать его в качестве осевого сегмента перспективной трансграничной ООПТ, включающей участки Чибендинский (Западно-Казахстанская область) и Хобдинский (Актюбинская область). Представители природоохранных структур сопредельных областей Казахстана ознакомлены с результатами проектирования. Совместная реализация проекта должна способствовать созданию степной ООПТ мирового значения, обеспечивающей устойчивое сохранение оптимума ландшафтно-биологического разнообразия степного Предуралья, миграционных коридоров для сайгака, кабана, косули, водно-болотной дичи в условиях постоянно ужесточающихся санкций за неиспользование сельскохозяйственных земель по целевому назначению.

Запроектированы следующие основные задачи заказника:

- предотвращение уничтожения и нарушения степных экосистем и ландшафтных комплексов;
- восстановление степных экосистем и ландшафтных комплексов;
- поддержание целостности естественных сообществ;
- охрана редких и исчезающих видов растений, занесенных в Красные книги Российской Федерации и Оренбургской области, сохранение их генофонда;
- охрана и проведение мониторинга объектов животного мира, в том числе занесенных в Красные книги Российской Федерации и Оренбургской области;
- разведение степных животных, в том числе хозяйственно ценных видов, прежде всего сурков;
- осуществление экологического мониторинга (организация и проведение мониторинга среды обитания животных и растений);
- проведение научных исследований;
- экологическое воспитание и просвещение населения;
- развитие международного сотрудничества по восстановлению и сохранению степных экосистем в оренбургско-казахстанском приграничье.

В ближайшие годы возможна повсеместная массовая перепашка оставшихся старых залежей, что обуславливает особую актуальность

заказника. Пока возможно сохранение вторичных степей в рамках моратория на распашку, но при активном использовании в качестве сенокосно-пастбищных угодий. Особо следует подчеркнуть, что идея создания заказника поддержана местными властями и населением, т.к. с одной стороны это возможность создания новых рабочих мест, с другой стороны возможно осуществить хотя и сложный, но реальный перевод бывших пахотных угодий в сенокосно-пастбищные, что в значительной степени уменьшит налоговое бремя на владельцев земельных долей.

В настоящее время завершена подготовка эколого-экономического обоснования и актуализация данных о землепользователях, проведено согласование с заинтересованными органами власти, правообладателями земельных участков и иными лицами. В случае положительного решения Государственной экологической экспертизы создание заказника возможно во второй половине 2017 года.

Также ценным степным природоохранным объектом Республики Казахстан в Костанайской области являются массивы старовозрастных залежей с активно формирующимся экосистемным базисом степей, является обнаруженная во время полевых исследований 2009-2016 гг. на землях бывших целинных совхозов от пос. Аралколь на западе до г. Аркалык на востоке области (рис. 3);

- целинных степных эталонов нами не обнаружено за исключением выявленного в 2012 г. степного участка западнее пос. Бидайык. Факт целинности и литогенная основа требуют уточнения. В перспективе здесь возможно создание полноценного природного парка, основной природоохранной ценностью которого станут полностью восстановленные лессингоковыльные степи Северного Казахстана.

Выводы:

1. Одним из приоритетов развития приграничного сотрудничества России и Казахстана становится сохранение и восстановление степей.

2. Оренбургско-Казахстанское приграничье обладает одним из самых высоких потенциалов зональных степных экосистем.

3. Разработанная принципиальная схема сохранения и восстановления ландшафтно-биологического разнообразия степей в Оренбургско-Казахстанском приграничье позволяет в оптимальной степени отразить ландшафтную структуру и степей Предуралья, Южного Урала и Зауралья.

4. Сохранность и жизнеспособность объектов степных лесомелиораций снижается на фоне снижения востребованности сельхозугодий, нарастания пирогенного фактора и прекращения ухода.

5. Предуральское меловое плато можно выделить в качестве одного из ключевых стратегических объектов сохранения биологического разнообразия степей, прежде всего с обитанием таких видов как стрепет, дрофа сайгак.

6. В Костанайской области Казахстана пока сохраняются возможности для создания международного природного парка на базе вторичных лессингоковыльных степей с массовым обитанием сурка и стрепета.

Развитие сотрудничества по сохранению и восстановлению степей в Оренбургско-Казахстанском приграничье будет способствовать диверсификации сельского хозяйства и вовлечение в экономический и аграрный (пастбищный) оборот маловостребованных сельскохозяйственных угодий. Это будет способствовать увеличению ресурсов степной флоры и фауны, что в свою очередь не может не выступать ведущим фактором развития экологического, аграрного и охотничьего туризма.

Работа выполнена по темам НИР ИС УрО РАН № ГР АААА-А17-117012610022-5 и №ГР АААА-А16-116020410172-5

Литература

1. Зоны и типы поясности растительности России и сопредельных территорий. Пояснительный текст и легенда к карте м. 1 : 8 000 000 / Под ред. Г. Н. Огуревой М, 1999 б. 64 с.
2. Красная книга Оренбургской области. – Оренбург: Администрация Оренбургской области, 1998. – 175 с. с.89-97.
3. Красная книга Российской Федерации (животные) / РАН; Гл. редкол.: В. И. Данилов-Данильян и др. - М.: АСТ: Астрель, 2001. - 862 с.
4. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы) / Министерство природных ресурсов и экологии РФ; Федеральная служба по надзору в сфере природопользования; РАН; Российское ботаническое общество; МГУ им. М. В. Ломоносова; Гл. редколл.: Ю. П. Трутнев и др.; Сост. Р. В. Камелин и др. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. - 885 с.
5. Левыкин С.В., Казачков Г.В., Яковлев И.Г., Грудинин Д.А. К проблемам территориальной охраны на трансграничном пространстве России и Казахстана. // Успехи формирования и функционирования сети особо охраняемых природных территорий и изучение биологического разнообразия. Мат-лы междунар. научно-практ. конф., 26-27 февраля 2014 г. в г. Костанай. – Костанай, Костанайский государственный педагогический институт, 2014. – С.29-34.
6. Левыкин С.В. Казачков Г.В. Чибилёва В.П. Современная парадигма целины: распашка новых степей или агровозрождение Нечерноземья? Биосферная значимость и перспективы. // Проблемы региональной экологии. – 2015. - №3. – С. 228-233.
7. Левыкин С.В., Чибилёв А.А., Казачков Г.В., Яковлев И.Г., Грудинин Д.А. / Проблемы восстановления зональных степных экосистем на постцелинном пространстве России и Казахстана // Степной бюллетень. - 2013. - № 37. - С. 5-8.
8. Чибилёв А.А. Стратегия сохранения степных и полупустынных ландшафтов в Российско-Казахстанском приграничном регионе // Изв. РАН. Сер.геогр.– 1999.– № 4.– С. 85-92.
9. Чибилев А.А., Дебело П.В. Ландшафты Урало-Каспийского региона. – Оренбург: ИС УрО РАН, Печатный Дом «Димур», 2006. – 264 с.
10. Чибилёва В.П., Левыкин С.В., Яковлев И.Г., Казачков Г.В., Грудинин Д.А., Левыкина Н.П. Новые лессингоковыльные степи XXI века // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2015. - №6 (56). – с. 186-188.

КЛИМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ РФ И ЕГО ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКОЙ РЕГИОНА

О.П. Лукашова

Курский государственный университет, Курск
e-mail: olga_lukashova@mail.ru

Аннотация. Климат и климатические условия являются жизненно необходимыми сложными комплексами природных ресурсов. Их учет играет важную роль в разработке стратегии устойчивого развития планеты в целом и отдельных ее территорий.

Ключевые слова: климат, климатические ресурсы, экологическая политика

Всю предыдущую историю человечества люди не заботились о сохранности природы, в которой они обитали. Природные процессы были неизмеримо мощнее антропогенных и поэтому быстро стирали с лица Земли следы пребывания народов. Но человечество росло и развивалось, становилось все более сильным и технически вооруженным. И, в конце концов, разрушительные процессы стали мощнее восстановительных. Наступил глобальный кризис природопользования: оказалось, что используемые способы хозяйствования не соответствуют возможностям окружающего мира – ресурсам и емкости природы. Это опасное несоответствие и заставляет нас пересматривать привычные правила жизни и в итоге изменить стиль сложившегося хозяйствования, для того, чтобы не разрушить биосферу, в которой мы обитаем.

Экологическая политика - это система мероприятий, связанных с влиянием общества на природу, совокупность намерений и принципов относительно экологических показателей её деятельности, которая создает основу для разработки конкретных целей и задач. В толковом словаре по охране природы приводится такое определение: «Политика экологическая - это совокупность способов достижения поставленных экологической стратегией целей и задач».[5]

При этом экологическая стратегия определена как совокупность конкретных целей и задач, рассчитанных на реальные возможности и термины их достижения, в сфере охраны окружающей природной среды и использование природных ресурсов.

Климатическая система и климат (климатические условия) являются жизненно необходимыми сложными комплексами природных ресурсов. Они по праву могут быть включены в состав национальных богатств нашей страны и ее отдельных регионов.

Учет климатических ресурсов в ближайшей перспективе при обновлении экономики должен играть более важную роль, чем в прошлом. При их рассмотрении как природных ресурсов, необходимо провести четкое разделение. Климатическая система, как совокупность взаимодействующих друг с другом компонентов - атмосферы, гидросферы, криосферы, деятельного слоя суши и биосферы – и происходящих в них процессов, обуславливает саму возможность существования биосферы и человека и, соответственно, является глобальным универсальным первичным незаменимым (безальтернативным) ресурсом жизнеобеспечения. На фундаментальные физические процессы и законы, определяющие ее функционирование, человеческая деятельность не может повлиять. И в этом смысле климатическая система как процесс является неисчерпаемым в сверхдолгосрочной перспективе природным ресурсом/капиталом и не является предметом экономического анализа.[2]

Однако, человеческая деятельность может влиять (и уже влияет) на состояние компонентов климатической системы, например, на состояние почвы в условиях малоснежных зим, на содержание диоксида серы и углекислого газа в атмосфере, и, соответственно, на результаты функционирования климатической системы, то есть на климатические условия или климат, складывающиеся как в целом на планете, так и в отдельных регионах. Таким образом, компоненты глобальной климатической системы и порождаемые происходящими в них процессами глобальный и региональный климат или климатические условия (вторичные природные ресурсы), сохраняя за собой функцию жизнеобеспечения, становятся под действием антропогенных факторов (человеческой деятельности) исчерпаемыми и/или частично невозобновляемыми в долгосрочной перспективе. Поэтому они становятся предметом рассмотрения экономики природопользования. [2]

Структура интегральных климатических ресурсов Центрально-Черноземного региона представлена в табл. 1.

Таблица 1

Составляющая (% от КРП) интегральных климатических ресурсов
Черноземья

Субъект РФ	строительно-климатические ресурсы	КР коммунального хозяйства	транспортно-климатические ресурсы	биоклиматические ресурсы	агроклиматические ресурсы	энерго-климатические ресурсы	нефтегазовые климатические ресурсы	лесохозяйственные КР	интегральный КРП У.е.
Белгородская	12,2	12,1	10,9	11,5	16,3	12,1	13,6	11,3	12,0
Воронежская	12,7	12,3	11,5	11,5	15,8	10,9	13,7	11,5	11,8
Курская	12,5	12,5	10,4	12,0	16,7	10,0	13,3	12,6	11,8

По приближенной оценке, учет и прямое использование климатических ресурсов могут обеспечить за год в благоприятных районах до 700 млрд. руб. [3]

Очевидно, что изменение климата в той или иной степени будет воздействовать на все три вида климатических ресурсов (ресурсная база, экосистемные услуги по поддержанию устойчивого развития территории и «духовные экологические услуги»). Например, новые болезни, приносимые изменением климата, негативно скажутся на здоровье человека. Новые климатические условия существенно изменят среду функционирования некоторых видов техники и технологий, в первую очередь в сельском хозяйстве, а также в системе тепло- и водоснабжения. Это потребует вовлечения различных дополнительных ресурсов на смягчение последствий изменения климата и адаптацию к ним. Таким образом, воздействие изменения климата на состояние и качество ресурсов человеческой жизнедеятельности будет носить комплексный, многоуровневый, системный характер.

По результатам наблюдений г. Курск по-прежнему не входит в приоритетный перечень городов с неудовлетворительным состоянием атмосферного воздуха. Но по сумме соединений, содержание примесей остается высоким. Наблюдается тенденция к увеличению. Изучение химического состава атмосферных осадков и их кислотности проводятся в г. Курске и г. Фатеже. В г. Курске кислотность атмосферных осадков составляет от 4 до 7,78. Преобладают кислые и слабокислые осадки. Выпадают такие осадки преимущественно в холодное время года. Средняя кислотность - 5,73. Критическая величина кислотности в г. Курске составляет рН - 4 (все данные отражают состояние атмосферного воздуха на 2014 г.).

На степень загрязнения воздуха влияет циркуляция атмосферы. Высокий уровень загрязнения воздуха в области наблюдается при следующих условиях. В холодный период: при распространении на область отрогов Сибирского и Азорского антициклонов, а также в теплом секторе южного циклона; при медленном перемещении на область северо-западных антициклонов, в западной и юго-западной периферии которых создаются неблагоприятные метеорологические условия; при смещении антициклонов с арктическим воздухом, с мощными инверсиями в нижнем слое. В теплый период: при западных и северо-западных антициклональных вторжениях; в условиях стационарных антициклонов и антициклонов, сформировавшихся в теплом воздухе.

Низкий уровень загрязнения воздуха в холодный период характерен для тыловой части циклона и в восточной периферии антициклона. Летом – при северо-западном антициклональном вторжении и циклоническом переносе, сопровождающихся отрицательными аномалиями температуры воздуха.

В последние десятилетия средняя продолжительность процессов, вызывающих повышенное загрязнение воздуха в три раза превышала время

проявления процессов, при которых уровень загрязнения оставался пониженным.[3]

Несомненным успехом современных исследований, проведенных в мире в последние три десятилетия (1995 – 2015 гг) является разработка наиболее вероятных сценариев изменений характеристик глобального климата и наиболее принципиальных их последствий. Ожидаемое глобальное потепление приведет не только к значительным изменениям природной среды, но и к изменениям в сфере экономики.

Исследования современных изменений климата и их последствий приобретают все большее значение. Достоверную информацию в этом плане могут дать математические расчеты по моделям общей циркуляции атмосферы и океана. Рассмотрим основные данные расчетов на примере климатической модели Гамбургского Метеорологического Центра. Модель использует спектральное описание полей метеоэлементов на девятнадцати уровнях в атмосфере. Расчеты проводились по горизонтальным координатам, соответствующим сетке 2,8 x 2,8 градусов по широте и долготе. В модели используются массивы данных по температуре поверхности океана, распределению морского льда и детальной топографии (архивные службы США); информация о растительности земного шара (австралийские исследования). Альbedo океана в модели представляется как функция азимутального угла Солнца (архивы спутниковых данных). В модели учитывается суточная динамика метеоэлементов. Шаг по времени – 24 минуты, а для вычисления потоков солнечной радиации – 2 часа. В модели предусмотрена динамика ледового режима мирового океана в высоких широтах.

В экспериментах с этой моделью восстанавливалась динамика климатической системы в течении 1000 модельных лет, в течении которой климатообразующие факторы оставались неизменными во времени. А после 1000-летнего периода в эксперимент вводились и изменения в климатообразующих факторах. Так, в первом численном эксперименте при расчете климатических вариаций в период с 1860 по 1990 гг. учитывался только рост концентрации парниковых газов, задаваемый согласно имеющимся эмпирическим данным. После 1990 года эквивалентная концентрация парниковых газов – увеличивалась на один процент в год вплоть до конечной даты – 2099 года.

Во втором эксперименте по такой же схеме моделировалось влияние на климатический режим, как повышение концентрации парниковых газов, так и изменение альbedo системы «Земля – атмосфера» и роста содержания сульфатного стратосферного аэрозоля. При этом в расчетах до 1990 года использовались исторические данные о его изменениях, для последующего периода применялся эмиссионный сценарий. Согласно этой модели, чувствительность глобального климата к удвоению эквивалентной концентрации парниковых газов составляет $2,6^{\circ}\text{C}$. [4]

Прогнозирование геоэкологических последствий изменений регионального климата (на примере Курской области) позволяет оценить их экономический эффект. Используя сравнительно-географический метод (по приему аналогий) рассмотрим возможные ландшафтно-климатические изменения при увеличении в ближайшие 10 лет среднегодовой температуры воздуха на 1°C и годового количества осадков на 30 мм по сравнению с современными значениями.

Лесная и луговая фитомасса увеличится, а показатели почвенного покрова (содержание гумуса, азота и фосфора) испытают противоположные изменения. Незначительное уменьшение этих величин, вероятно, связано с повышением их ассимиляции прирастающей фитомассой лесной и луговой растительности, а также увеличением поверхностного стока и инфильтрации. Аналогичная ситуация произойдет и сельскохозяйственными ландшафтами. Но уменьшение веществ в почве будет связано, кроме того, с увеличением их выноса с урожаем. Будет отмечаться тенденция увеличения содержания азота и фосфора в поверхностных водах, что объясняется увеличением поступления этих веществ с поверхностным смывом и инфильтрацией.

Геоэкологические последствия изменения климатических ресурсов нельзя оценить однозначно. Как положительные можно оценить изменения следующих параметров. Увеличивается продуктивность и фитомасса лесного и лугового растительного покрова. Это, вероятно, будет происходить за счет повышения доли широколиственных пород и лугового разнотравья, что приведет к большему геоботаническому разнообразию и увеличению средоформирующих и ресурсоформирующих функций лесных и луговых геосистем.

Повышение урожайности сельскохозяйственной растительности (на примере озимой пшеницы) за счет потепления и увлажнения регионального климата на 1,8 ц/га адекватно такому увеличению за счет увеличения норм внесения минеральных азотных и фосфорных удобрений в 1,2 — 1,3 раза по сравнению с нормами внесения на поля Курской области. Учет этого обстоятельства позволит сэкономить финансовые средства на более рациональном использовании удобрений и уменьшить азотно-фосфорное загрязнение природной среды.[1]

В то же время в связи с увеличением выноса питательных веществ из почвы с урожаем необходимо адекватное внесение удобрений с целью поддержания и повышения почвенного плодородия

Литература

1. Географическое прогнозирование и его значение. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://geographyofrussia.com/geograficheskoe-prognozirovanie-i-ego-znachenie/> (Дата обращения 25.03.2017г)

2. Глобальное изменение климата и экономическое развитие. Учебное пособие. Электронный ресурс. Режим доступа - <http://www.studfiles.ru/preview/3300649/> (Дата обращения 25.03.2017г).

3. Лебедева М.Г., Крымская О.В. Экология региона. Ч.3. Экологическая климатология и климатические ресурсы Центрально-Черноземного региона. Учебное пособие. /Под ред. А.Н.Петина. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 196с.
4. Менжулин Г.В., Петерсон Г.Н., Шамшури В.И. О точности современных сценариев изменения климата./Теория и практика эколого-географических исследований. Под ред. В.В.Дмитриева. С.Пб.: Изд-во «ТИН». – 2006г. – С. 351 – 391.
5. Понятие региональной экологической политики. Электронный ресурс. Режим доступа - http://otherreferats.allbest.ru/ecology/00366987_0.html (Дата обращения 25.03.2017г)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАВЯНИСТЫХ СООБЩЕСТВ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

С.Г. Сапронова, И.П. Балабина

Курский государственный университет, Курск
e-mail: sapronova-sv@rambler.ru

Аннотация. Природно-климатические условия влияют на соотношение экологических групп в травянистых сообществах. В статье приводятся результаты экологического анализа растительного фитоценоза приграничных территорий и обосновывается представленность экологических типов.

Ключевые слова: травянистые сообщества, приграничные территории, экологический анализ, экологический тип.

В настоящее время влияние на флору и растительность антропогенного фактора делает проблему охраны и рационального использования природных ресурсов, сохранения биологического равновесия растительных экосистем весьма актуальной. Изучение экологического состояния травянистого покрова приграничных территорий Курской области необходимо для решения вопросов в области экологии, биологии, охраны природы. Снижение продуктивности сообществ, уменьшение площади сенокосных угодий, изменение их во взаимосвязи с почвенно-климатическими факторами свидетельствует о необходимости изучения фитоценозов на основе разработки теоретических положений по инвентаризации флористического состава, проведению экологического и ряда других анализов.

Для благоприятного произрастания растений необходима совокупность экологических факторов, характерных данному виду, вследствие чего они приурочены к определенным местообитаниям. На становление экологического типа растений влияет вся сумма природных факторов: вода, тепло, свет, почва, человек, животные, растения и многие другие. Кроме того, типы растений формируются в процессе естественного отбора, следовательно, в результате исторического развития. Большинство факторов окружающей среды взаимосвязаны друг с другом и формирование экологических типов растений происходит под действием всех условий окружающей среды.

Объектом исследования явились травянистые фитоценозы приграничных территорий Курской области. В геоботаническом отношении территория принадлежит к подзоне типичной лесостепи, растительный покров которой представлен дубравами, остепненными и пойменными лугами, участками северных луговых степей. Изучаемая территория располагается в благоприятных для развития растений агроклиматических условиях, что положительно сказывается на их уровне биологического разнообразия и продуктивности. Несмотря на то, что в условиях северных лесостепей проведены большие исследования по разработке экологической природы видов [3, 1, 2, 4], экологическая классификация растений лугово-степных фитоценозов разработана недостаточно. Разнообразие экотопов на изучаемой территории позволило избрать для проведения экологического анализа схему [5], введя незначительные дополнения.

В своей работе мы проанализировали приспособленность 94 видов растений, собранных в травянистых фитоценозах приграничья региона к экологическим условиям и выделили следующие экологические типы: мезофиты, настоящие ксерофиты, мезоксерофиты, ксеромезофиты.

В результате нами был получен экологический спектр (рис. 1).

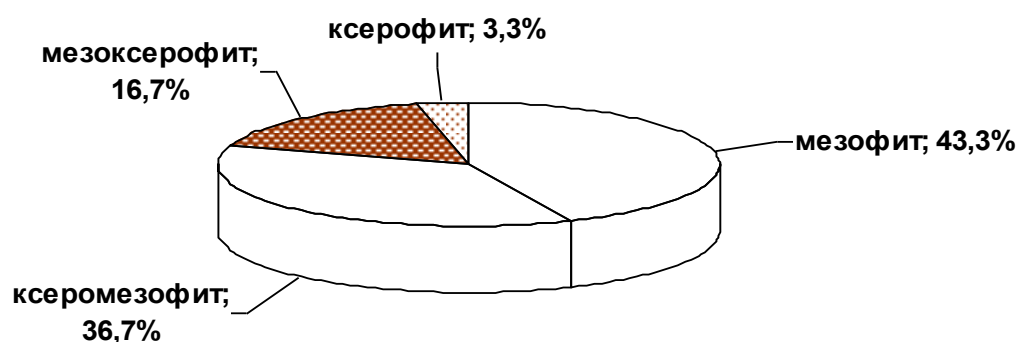

Рис. 1. Представленность экологических типов травянистых растений приграничных территорий

В травянистых сообществах лугово-степных экосистем преобладают мезофиты— 43,3% или 39 видов. Первенство мезофитной группы объясняется климатическими условиями нашей местности. Типичными мезофитами будут лютик едкий (*Ranunculus acris* L.), лисохвост луговой (*Alopecurus pratensis* L.). Из опушечно-лесных сообществ произошла миграция буквицы лекарственной (*Stachys officinalis* (L.) Trevis) и др. Преобладание мезофитов

в изучаемых фитоценозах объясняется наличием в данных экотопах растений из суходольных лугов. Умеренные климатические условия также способствуют выработке форм мезофитной экологической группы. Найдя в засушливых местах благоприятные возможности для вегетации, виды более влажных мест иногда могут даже вытеснять аборигенные растения.

Второе место занимают ксеромезофиты – 33 вида (36,7%). Это растения степных фитоценозов, обитающие обычно в незначительных понижениях рельефа, западинах, опушечных местах, на северных и восточных склонах балок. Данные виды являются представителями степно-луговой эколого-фитоценотической группы. Своим происхождением они связаны с западными более влажными степями (шалфей луговой - *Salvia pratensis* L., нивяник обыкновенный - *Leucanthemum vulgare* Lam., земляника зеленая - *Fragaria viridis* Duch.). В основном – это палеарктические или паннонско-палеарктические виды.

На третьем месте стоят мезоксерофиты – 15 видов (16,7%). Мезоксерофиты - это степные растения относительно ксерофильного характера, нежели ксеромезофиты, распространенные на плакорных участках степи, нередко на остепненных песках, южных склонах балок, остепненных лугах. Они являются представителями лугово-степной эколого-фитоценотической группы, которые происходят в основном из южных степей; растения, выработавшие приспособления для защиты в более жестких условиях, чем типичные мезофиты (лапчатка серебристая - *Potentilla argentea* L., шалфей поникающий - *Salvia nutans* L., резак обыкновенный - *Falcaria vulgaris* Bernh.).

Последнее место в экологическом спектре занимают ксерофиты 3 вида (3,3%). Это растения сухих экотопов с жесткими условиями, иногда каменистыми местами. Своим происхождением они связаны с пустынями и полупустынями, некоторые из них могут быть связаны с меловым субстратом – кальцефиты. Низкая доля участия в экологическом спектре ксерофитов объясняется неблагоприятными фитоценологическими условиями для их развития. Сомкнутость растительного покрова и задернованность многолетниками составляет препятствие для их развития.

Таким образом, экологический анализ травянистых сообществ свидетельствует о том, что в приграничных территориях Курской области сложились благоприятные условия для ксеромезофильных и мезофитных экологических форм, что выявляет луговой характер растительных сообществ.

Литература

1. Голубев В.Н. Основы биоморфологии травянистых растений Центральной лесостепи//Труды Центрально-Черноземного госзаповедника. Воронеж, 1962. Вып. VII. 510 с.
2. Голубев В.Н. Эколого-биологические особенности травянистых растений и растительных сообществ лесостепи. М.: Наука, 1965. –267 с.

3. Дохман Г.И. Лесостепь европейской части СССР. М.: Наука, 1968. –271 с.
4. Падеревская М.И., Буянкова Р.В. Растительный мир//Природа Курской области и ее охрана. Воронеж: Центр.-Черн. книж. изд-во, 1986. Вып. 2. С. 18-33.
5. Ткаченко В.С. О природе луговой степи заповедника «Михайловская целина» и прогноз развития ее в условиях заповедности//Бот. журн. 1984. Т. 69. №4. С. 448-457.

ТРУДНОСТИ ВЫЖИВАНИЯ АМУРСКОГО ТИГРА В ПРЕДЕЛАХ АНТРОПОГЕННО ОСВОЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ УССУРИЙСКОЙ ТАЙГИ

И.С. Семенова

*Российский государственный гидрометеорологический университет
(РГГМУ), Санкт-Петербург
e-mail: is_semenova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме восстановления и сохранения численности амурского тигра на территории Дальнего Востока России.

Ключевые слова: амурский тигр, Дальний Восток, уссурийская тайга, биоразнообразие, биоресурсы.

Дальний Восток России заслуженно славится богатством и разнообразием биоресурсов. Особенно богаты видами, в том числе эндемичными, смешанные муссонные леса южной приграничной части региона. Именно здесь обитает самый крупный из существующих ныне представителей семейства кошачьих – амурский тигр, занесенный в Красную книгу России. Это великолепный зверь, достигающий длины 2,8-3,7 м (вместе с хвостом) и веса до 300 кг (крупные самцы), одно из самых красивых млекопитающих, замечательный охотник, обладающий развитым интеллектом и своеобразным благородством [1]. Неслучайно именно его изображение украшает герб и флаг Приморского края.

До середины XIX в. на Дальнем Востоке успешно выживала и развивалась весьма многочисленная популяция тигров. Дело в том, что в дикой природе у амурского тигра практически нет естественных врагов, а среди пищевых конкурентов, представляющих реальную опасность, можно назвать лишь медведей. Показательно, что коренные народы, населявшие дальневосточные леса, никогда не охотились на тигра, считая его священным животным – хозяином тайги. Так продолжалось до массового освоения человеком этих земель в XIX-XX вв.

С приходом первых переселенцев из центральной России отношение к животному резко изменилось. Долгое время бытовало представление о тигре, как о лютном, ненасытном, чрезвычайно агрессивном, коварном хищнике, которого нужно уничтожать. Для охотников тигр был ценным трофеем. В конце XIX в. ежегодно добывалось до 100 тигров в год. К концу 1930-х гг. общая их численность оценивалась всего в полсотни особей. Тигры единично

встречались лишь в самых удаленных участках девственных лесов. Катастрофическое снижение численности было вызвано массовым сведением лесов, сокращением численности копытных (основной пищи тигров), а также прямым отстрелом. Все эти факторы поставили вид на грань вымирания [2].

Для его спасения потребовались экстренные меры. В 1935 г. в Приморье был организован Лазовский государственный заповедник. Целью его создания была охрана муссонных лесов маньчжурского типа с их уникальной флорой и фауной, неотъемлемой частью которой является амурский тигр. В трудные военные годы (1941-1943) директором заповедника был молодой талантливый ученый Лев Георгиевич Капланов, впервые отважившийся изучать жизнь и повадки тигров в естественной среде обитания. Именно его работы послужили фундаментом научного осмысления роли тигра в экосистеме уссурийской тайги. Его наблюдения существенно поколебали миф о кровожадности и коварстве тигров. Показательно, что человек, бесстрашно ходивший в одиночку по следам тигров, порой приближаясь к их логовам, был убит браконьерами. В 1970 г. его имя было присвоено заповеднику [3].

В 1947 г. отстрел амурских тигров был запрещен, а с 1955 г. даже отлов тигрят для зоопарков осуществлялся единично по специальным лицензиям. СССР стал первой из «тигриных» стран, которая попыталась на законодательном уровне остановить падение численности полосатого хищника. Убийство амурского тигра в Советском Союзе расследовалось так же тщательно и неумолимо, как убийство человека. В результате численность популяции стала устойчиво расти и к началу 1960-х гг. перевалила за сотню. До 1990-х годов существовала государственная программа выплаты компенсаций за погибших домашних животных в случае нападения на них тигра. Все эти меры привели к тому, что численность амурского тигра к началу 90-х гг. XX в. уже составляла 240-250 особей [4].

Распад СССР и глубокий системный социально-экономический кризис, а также геополитические изменения резко ухудшили ситуацию. Над популяцией амурского тигра вновь нависла угроза истребления. Российские и китайские браконьеры принялись массово отстреливать этих прекрасных зверей, не щадя ни самок, ни детенышей. Большая часть добытых таким образом тигров уходила в Китай. Дело в том, что в традиционной китайской медицине в качестве сырья для различных снадобий используются части тела тигра. Ценится все: от костей и внутренних органов и до усов. В Китае популяция амурского тигра давно сократилась до опасных пределов, вид балансирует на грани вымирания, и убийство тигра карается смертной казнью. В России за такое преступление предусмотрен лишь штраф. Неудивительно, что масштабы браконьерского отстрела достигли ужасающих цифр: за одну только зиму 1992-1993 гг. было убито не менее 100 тигров. Таким образом от рук браконьеров погибла почти половина популяции, с большим трудом восстановленной в конце советского периода [2].

Небывалый разгул браконьерства и реальная угроза полного истребления амурского тигра привели к созданию в 1994 г. Специализированной инспекции по охране редких видов животных и растений (Специнспекция «Тигр»). Это было единственное в России подразделение по комплексному сохранению биологического разнообразия. Основными задачами Специнспекции были: борьба с браконьерством, улаживание конфликтных ситуаций между тигром и человеком и передержка тигрят-сирот. При финансовой поддержке российских и международных природоохранных организаций удалось быстро наладить эффективную работу. Широкие полномочия, хорошая техническая оснащенность и высокая квалификация сотрудников сделали отдел «Тигр» грозой браконьеров. В результате численность популяции тигров сначала стабилизировалась, а потом стала медленно расти. Это уникальное подразделение прославилось своей эффективностью не только в России, но и в мире, и было признано образцовым для природоохранных организаций, связанных с тигром [5].

Большой вклад в спасение тигров внесла работа двух реабилитационных центров, где выхаживают больных, раненых тигров и тигрят-сирот. Первый из них – Центр реабилитации диких животных «Утес» был открыт на территории Хабаровского края в трудном 1991 г. и долгое время оставался единственным подобным учреждением не только на Дальнем Востоке, но и во всей стране. Лишь в 2012 г. в Приморском крае появился Центр реабилитации и реинтродукции тигров и других редких животных «Тигр». Сотрудники центров не только выхаживали раненных, больных, ослабленных животных, но и создавали все условия для последующего их возвращения в дикую природу. Выпущенные на волю животные снабжаются ошейниками со спутниковыми GPS/ГЛОНАСС-навигаторами, сигналы от которых позволяют отслеживать их перемещение, а также дают массу информации о жизни тигров в дикой природе [5,6].

Сохранение амурского тигра остается в числе важнейших приоритетов региональной и общегосударственной экологической политики. Основные события и документы, направленные на изучение, поддержание и сохранение амурского тигра в РФ, представлены в таблице.

Таблица

Основные события и документы, направленные на изучение, поддержание и сохранение амурского тигра в РФ [2,7]

Дата	Событие, документ
07.08.1995 г.	Принято Постановление Правительства России №795 «О сохранении амурского тигра и других редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений на территориях Приморского и Хабаровского краев»
24.06.1996 г.	Разработана первая «Стратегия сохранения амурского тигра в России»
2008 г.	Начата Программа изучения амурского тигра на российском Дальнем Востоке, разработанная РАН
2008-2009 гг.	Проведена комплексная экспедиция сотрудников ИПЭЭ РАН в рамках

	Программы «Амурский тигр» на территории Уссурийского заповедника Дальневосточного отделения РАН в Приморском крае
07.2010 г.	Утверждена Национальная стратегия сохранения амурского тигра
11.2010 г.	Состоялся Международный форум по проблемам, связанным с сохранением тигра на Земле (Санкт-Петербург)
2013 г.	РГО учредило автономную некоммерческую организацию – «Центр «Амурский тигр»
28.10.2015 г.	Правительство РФ утвердило Концепцию развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа

Перечисленные меры дали свои результаты. По данным переписи 2015 года численность амурского тигра на территории России составила 480-540 особей (в 2005 г. их было 428-505) [8]. Сравнение итогов тигриных переписей 2005 и 2015 гг. позволяет выявить отрадную закономерность постепенного роста численности популяции амурского тигра. Имеющегося количества особей при благоприятном развитии событий должно хватить для спасения вида от вымирания. Однако постепенное возобновление численности тигров порождает целый комплекс новых проблем. В первую очередь они связаны с нехваткой естественных местообитаний, что неизбежно приводит к конфликтам за территорию и пищевые ресурсы между хищниками и учащению контактов с человеком. Дело в том, что активные лесозаготовки неуклонно сокращают площади лесов, дробят целостные массивы на отдельные фрагменты, затрудняя жизнь обитателей леса, особенно таких крупных и подвижных, как тигр. Помимо прочего дробление популяции неизбежно увеличивает вероятность близкородственных связей, что в свою очередь повышает риск проявления у потомства нежелательных мутаций, подрывающих генофонд вида [9,10].

Тигры ведут одиночный образ жизни, каждый в пределах своего участка, площадь которого может достигать 500 км² у самок и до 1000 км² у самцов. При наличии достаточного количества копытных, служащих основной добычей тигра, хищник обычно не покидает своего ареала. Исключение составляют лишь поиски пары в брачный период, а также путешествия, подчас весьма далекие, одиноких самцов-бродяг, совершаемые, по-видимому, из любопытства [1].

В условиях бескормицы, особенно в конце зимы – начале весны голодные самцы, а иногда и самки с детенышами стремятся к человеческому жилью, где нападают на собак и домашний скот. Таким образом, неумеренная охота на крупных копытных, в том числе и особенно браконьерская, неизбежно провоцирует конфликты с местным населением.

Одна браконьерская вылазка способна уничтожить десятки голов оленей, кабанов, косуль и др. Тигру этого количества хватило бы почти на год (средний тигр съедает в год 50-70 оленей). При этом тигр справедливо считается еще очень «мягким» хищником – он убивает ровно столько животных, сколько может съесть (тигр предпочитает свежее мясо, а мороженым мясом и падалью обычно брезгует, предпочитая голодать). В

местах, где тигр был полностью истреблен или где его численность катастрофически падала, его место на вершине пищевой пирамиды немедленно занимали волки, полностью уничтожившие поголовье копытных [2,4].

Опыт спасения амурского тигра и восстановления его численности лишний раз подтверждает, что спасение вида невозможно без комплексной охраны всей экосистемы, частью которой он является.

Переосвоенность лесов, строительство транспортных магистралей, прокладка инженерных коммуникаций, сельскохозяйственное освоение территорий, рост площади городов и сел и другие проявления антропогенной нагрузки на уссурийскую тайгу заметно усложняют задачу и требуют поиска компромиссных решений, учитывающих долговременные интересы природы и местного населения.

Венчая пищевую пирамиду, амурский тигр регулирует численность крупных копытных, а через них управляет и другими потоками вещества и энергии, круговороты которых поддерживают жизнеспособность экосистемы. Благополучие амурского тигра – залог устойчивого развития уссурийских лесов и сохранения их уникального биоразнообразия.

Литература

1. Амурский тигр — какой он? <http://tigerstrail.ru>
2. Материалы научно-практической конференции «Амурский тигр в Северо-Восточной Азии: проблемы сохранения в XXI веке» (15–18 марта 2010 г., г. Владивосток). Тигр все.pdf <http://csl.isc.irk.ru>
3. Лазовский государственный природный заповедник имени Л.Г. Капланова <http://prim.land/geografiya/lazovskij-gosudarstvennyj-prirodnyj-zapovednik-kaplanova>
4. Дмитриев Ю.Д. Соседи по планете (млекопитающие). – М.: Дет. лит., 1981.
5. Приморская региональная общественная организация «Центр реабилитации и реинтродукции тигров и других редких животных» (ПРОО «Центр «Тигр») <http://www.siberian-tiger.ru/>
6. Центр реабилитации диких животных «Утес» <http://www.animals.hbh.ru>
7. Доклад об экологической ситуации в Приморском крае в 2015 г. – Владивосток, 2016.
8. Первый лесопромышленный портал. Численность популяции амурского тигра за 10 лет стабилизировалась <http://wood.ru/ru/lonewsid-63220.html>
9. Официальный сайт Администрации Приморского края <http://primorsky.ru/news/118943/>
10. Официальный сайт Администрации Хабаровского края. Природные ресурсы <https://khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Razvitie-kрая/147>

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

И.Ю. Сошникова

Курский государственный университет, Курск

e-mail: irina-ozeroва@yandex.ru

Аннотация. Изучение и сохранение особо охраняемых природных территорий, а также уникальных ландшафтов является важнейшей задачей в области экологической политике, особенно это касается территорий, расположенных в приграничных зонах.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, памятники природы, дендрологический парк, Курская область

Памятники природы представляют собой одну из категорий особо охраняемых природных территорий, на которых располагаются редкие в научном, культурном, историко-мемориальном или эстетическом отношении уникальные объекты живой или неживой природы.

Впервые о создании памятников природы в Курской области упоминается в 1966 г. Одним из первых было опубликовано постановление № 361 от 07.07.1977 года «О мерах по обеспечению сохранности памятников природы в области» [2].

На протяжении десятилетий систематически шла работа по пополнению списка памятников природы новыми уникальными для области территориями, а также проводилась инвентаризация имеющихся с целью выявления объектов, которые утратили научную, охранную, эстетическую ценность. Кардинальное изменение в структуре и перечне памятников природы Курской области внесло Постановление Администрации Курской области № 218 «О признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Курской области в сфере организации и функционирования особо охраняемых природных территории регионального значения», которое вышло 6.07.2009 года, согласно которому из 79 объектов свой статус сохранили всего три – Железногорский дендрологический парк в г. Железногорске, памятник природы «Погребенная микулинская палеобалка в карьере Александровского месторождения суглинков» в Курском районе, лечебно-оздоровительная местность «Пушкаро-Жадинское месторождение лечебных торфов» в Кореневском районе.

В настоящее время на территории Курской области расположены 17 памятников природы. Особое положение занимают территории, расположенные в Российско-Украинском приграничье. С юго-западной и западной стороны к Курской области примыкает Сумская область Украины. Государственная граница проходит в Хомутовском, Рыльском, Глушковском, Кореневском, Суджанском и Беловском районах области.

Уникальным районом, в котором располагается значительное количество памятников природы, является Суджанский район. Здесь представлены три ботанических и один ландшафтный памятники природы.

Памятник природы «Урочище «Горналь» расположено в Суджанском районе, в 14,0 км на юго-запад от районного центра г. Суджа, между селами Горналь и Гuevo [1]. Урочище «Горналь» включает в себя комплекс биотопов, характерных для бассейна реки Псёл, и по ряду характеристик является уникальным не только для Суджанского района, но и для всей Курской области в целом. Урочище является одним из мест высокой концентрации редких и охраняемых видов растений и животных Курской области, а для ряда редких видов растений оно является единственным местообитанием в Суджанском районе и во всем бассейне реки Псёл [1].

Помимо высокого биоразнообразия урочище обладает большой культурной и эстетической ценностью. В непосредственной близости от него расположены несколько археологических памятников, в т.ч. Горнальское городище. Рядом находится культурно-исторический комплекс Горнальского Никольского монастыря. Все вместе это образует единый природно-историко-культурный комплекс, который в перспективе может стать одним из центров культурного и экологического просвещения и туризма в Курской области. Основная цель создания памятника природы — сохранение комплекса характерных биотопов долины реки Псёл и обитающих на них редких видов флоры и фауны Курской области.

Памятник природы «Урочище «Болото «Борки» в расположен в Суджанском районе Курской области в левобережной части долины реки Псёл, между населёнными пунктами Борки и Плехово. Площадь его составляет 596,7341 га [1].

Особо охраняемая природная территория представляет собой участок долины левобережья реки Псёл и включает в себя низинные болота, пойменные водоемы и ивняки, черноольшанники, участки надпойменной террасы, частично занятые посадками сосны, склоны долины реки Псёл.

На территории урочища отмечено 3 вида беспозвоночных животных, внесенных в Красную книгу Курской области – богомол обыкновенный, жук-носорог, махаон. Два вида птиц, внесены в Красную книгу Российской Федерации – орлан-белохвост, чернолобый сорокопуд.

Памятник природы «Клюквенное озеро» расположено в Суджанском районе, в 14 км на юго-восток от г. Суджа, в 1 км западнее д. Нижнемахово. Площадь памятника природы составляет 23,6086 га.

Цель создания памятника природы – охрана уникального ландшафтного комплекса, реликтовых видов растений послеледниковой эпохи, бореальных элементов флоры и фауны, видов, включенных в Красные книги России и Курской области [1].

Уникальность памятника природы заключается в произрастании реликтовых видов растений послеледниковой эпохи, а также большого количества редких в Центральном Черноземье бореальных (северных) видов

сосудистых растений и мхов, приуроченных, в основном, к сфагновым болотам. Научное и учебное значение памятника природы заключается в том, что из 187 видов сосудистых растений, выявленных на его территории, 11 видов включены в Красную книгу Курской области и 1 вид – альдрованда пузырчатая внесена в Красную книгу Российской Федерации.

У озера и в прилегающих к нему биотопах из охраняемых видов встречаются серый журавль, соловьиный сверчок, большая белая цапля, малая выпь и другие. Среди насекомых обнаружен богомол обыкновенный, коромысло большое, которые занесены в Красную книгу Курской области, жук-олень — вид, занесенный в Красную книгу Российской Федерации.

Эстетическое значение памятника природы заключается в том, что он является фрагментом уникального ландшафта бореального типа. Такие ландшафты на территории Курской области встречаются крайне редко. Озеро является живописным объектом, дополняющим окружающие природные комплексы.

Памятник природы «Урочище «Меловое» расположено в Суджанском районе Курской области, между хутором Меловой и селом Куриловка. Памятник природы создан с целью сохранения уникального комплекса степной растительности с участками ковыльных степей, являющегося местом обитания редких видов флоры и фауны Курской области, в том числе внесенных в Красную книгу Российской Федерации [1].

На его территории произрастает (обитает) комплекс редких степных видов растений и животных Курской области, нуждающихся в дальнейшем изучении и охране. Памятник входит в единую сеть особо охраняемых степных природных территорий, созданных в рамках международного проекта ПРООН/ГЭФ «Совершенствование системы и механизмов управления ООПТ в степном биоме России». На сегодняшний день это единственный, хорошо сохранившийся участок перистоковыльных степей в Суджанском районе [1].

На территории урочища отмечен 21 вид растений, внесенный в Красную книгу Курской области: лук желтеющий, миндаль низкий, ракатник австрийский, ветреница лесная, ковыль перистый и др., а 2 вида: касатик безлистный, ковыль перистый занесены в Красную книгу России.

Территории памятников природы Курской области являются местом научных исследований магистрантов и аспирантов высших учебных заведений Курской области.

Литература

1. Доклад о состоянии и охране окружающей среды на территории Курской области в 2013 году / Курск, ООО «Мечта», 2014. – С. 55-66
2. Сошникова И.Ю. Особенности почвенного покрова приграничных уникальных природных территорий Курской области // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации». - Курск, КГУ, 2016 г. – С. 64-67.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БЕЛОГО АИСТА (*CICONIA CICONIA*) В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. Чернышев, С.Г. Казаков

Курский государственный университет, Курск
e-mail: kazaks@rambler.ru, planetograph@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется парадоксальное распространение белого аиста на курско-сумском участке российско-украинской границы. Данная территория не вполне пригодна для экологии этого вида орнитофауны, однако численность гнезд аистов ежегодно здесь увеличивается.

Ключевые слова: Белый аист, *Ciconia ciconia*, российско-украинское приграничье, биогеография

Белый аист (*Ciconia ciconia*, L., 1758), относящийся к семейству аистовых (*Ciconiidae*), исторически был одним из видов, сопутствующих поселениям человека, что является относительно редким случаем для большинства птиц отряда аистообразные (*Ciconiiformes*). Несмотря на большую осторожность, типичную для аистообразных, данный вид с большим успехом гнездится в населенных пунктах, используя для гнезда в виде опорной платформы разнообразные типы построек. Исключение составляла дальневосточная популяция, избегающая жилья [1].

Белый аист обитал преимущественно в зоне широколиственных лесов, охватывающих тепло-умеренную (неморальную) часть Евразии. Его интенсивная экспансия на восток-северо-восток в значительной степени объяснялась именно адаптациями к новым местам гнездования в населенных пунктах.

Основные станции обитания вида представляли из себя широкие переувлажненные поймы с чередованием луговин и древесной растительности, где сочеталось оптимальное соотношение площадей для кормовой базы (луга) и мест для гнезда в виде достаточно мощных деревьев.

Использование антропогенных объектов под гнезда позволило виду не зависеть от состояния древесного покрова, а сельскохозяйственные угодья предоставили кормовую базу, сопоставимую с объектами на поймах, так как в спектр питания белого аиста входят мелкие млекопитающие (до сусликов включительно), пресмыкающиеся, земноводные, рыба, многие беспозвоночные.

К середине 50-х годов двадцатого века основными гнездовыми территориями были юго-западные, южные и западные территории СССР. На Украине он доходил до востока Харьковской области, а в РСФСР до г. Орел [1].

Но уже к концу 60-х он стал обычным видом в Курской области, что подтверждали данные проводимых регулярно учетов [2]. Так, количество

гнезд возросло с 12 в 1958 году до 168 в 1978 году. Данная тенденция продолжилась и в дальнейшем, что регулярно подтверждалось как специально проводимыми учетами во время всероссийской переписи белого аиста, так и во время других исследований орнитофауны [4, 5, 6].

При получении данных, сбор и обработка которых координировалась директором ЦЧЗ им. В.В. Алехина А.А. Власовым и доцентом КГУ В.И. Мироновым, за основную единицу при проведении переписи брался административный район, и сравнения проводились именно по данной категории.

Всего по данным переписи было отмечено до 1000 гнезд (929) во всех районах Курской области, с явным преобладанием в западной части (Рыльский, Кореневский, Глушковский районы). Одним из наиболее крупных центров расселения белого аиста считался Рыльский район, особенно поселение аистов в с. Ивановское (Марьино).

Данный факт расселения аиста объяснялся структурой долины реки Сейм, имеющей в нижнем течении идеальные условия для экологии вида: большие поймы с преобладанием луговин, с общей шириной до 3-5 км, и расположением вдоль Сейма большого количества сельских населенных пунктов, а также развитым сельским хозяйством с освоением под пашню до 70% территории.

Полученные данные были обработаны с помощью геоинформационных технологий Казаковым С.Г. (рис. 1), где в качестве территориальной единицы брался не административный район, а конкретный населенный пункт. При анализе распределения поселений, показанных на карте, видна интересная тенденция. В долине Сейма (верхнее и часть среднего течения, расстояние от истока до 242 км), несмотря на ее четкую выраженность, широкие поймы и большое количество населенных пунктов, заселение относительно спорадично. Похожая картина отмечена практически на всем протяжении Свапы, имеющей широкую долину, большую лесистость и заболоченную пойму.

Ожидаемые результаты увеличения численности гнезд отмечены по Пслу от с. Бобрава (верхнее течение, 120 км от истока), и по Сейму ниже по течению г. Льгов (среднее течение 300 - 320 км от истока) до выхода Сейма на Украину.

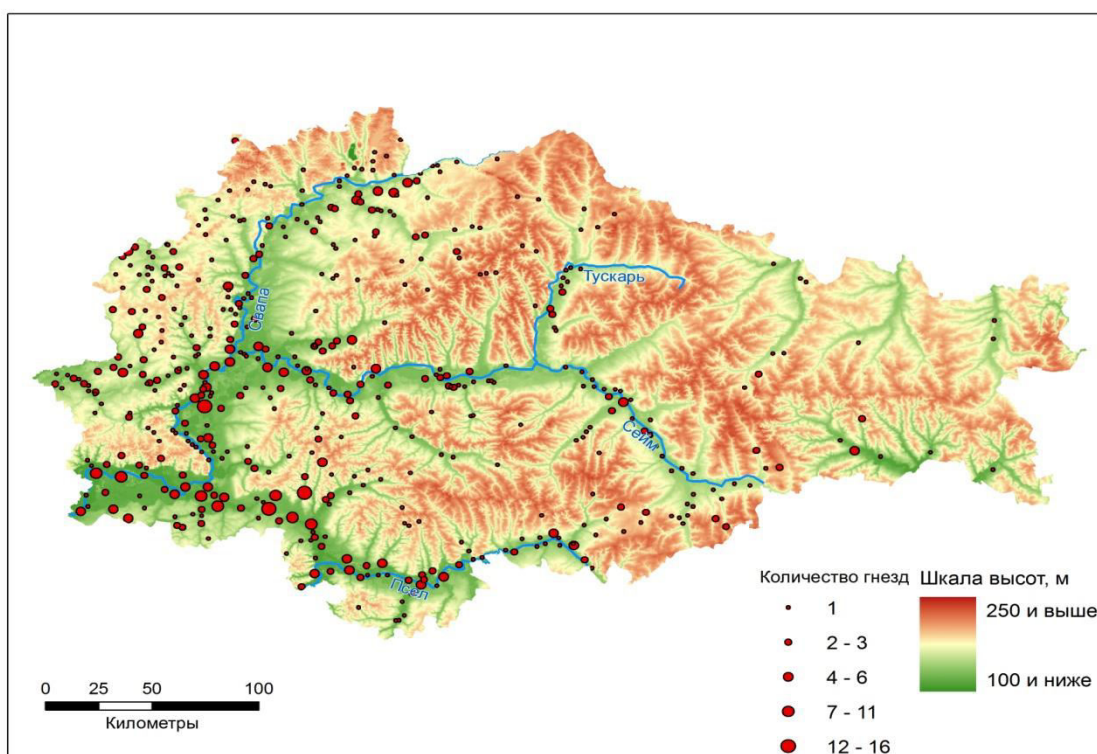

Рис. 1. Карта распределения гнезд белого аиста в Курской области

Но самая высокая численность белого аиста оказалась в административных Суджанском и Кореневском районах Курской области, пограничных с Украиной, причем в значительном удалении от русел Сейма и Псла. Эта концентрация отмечена на месте проходной долины Псла, сформировавшейся в днепровское время (200 - 250 тыс. лет), когда данная территория испытывала сильные тектонические изменения, а вплотную к ее границе подходил сеймский язык днепровского оледенения. С этими процессами связано как подпруживание Псла и его соединение с Сеймом, так и его дальнейший прорыв под воздействием талых вод на междуречье Горналь - Сумы [5].

Сформировавшаяся проходная долина между Сеймом и Пслом имеет сегодня речную сеть системы р. Снагость (левый приток Сейма) и р. Локни (правый приток Псла). Притоки незначительны, имеют узкие поймы и долины, и относительно малоприспособлены для их заселения. Однако, численность гнезд на данной территории возрастает.

При применении метода ординарного кригинга математическое ожидание количества гнезд на данной приграничной территории будет превышать сопредельные участки более чем в два раза (рис. 2).

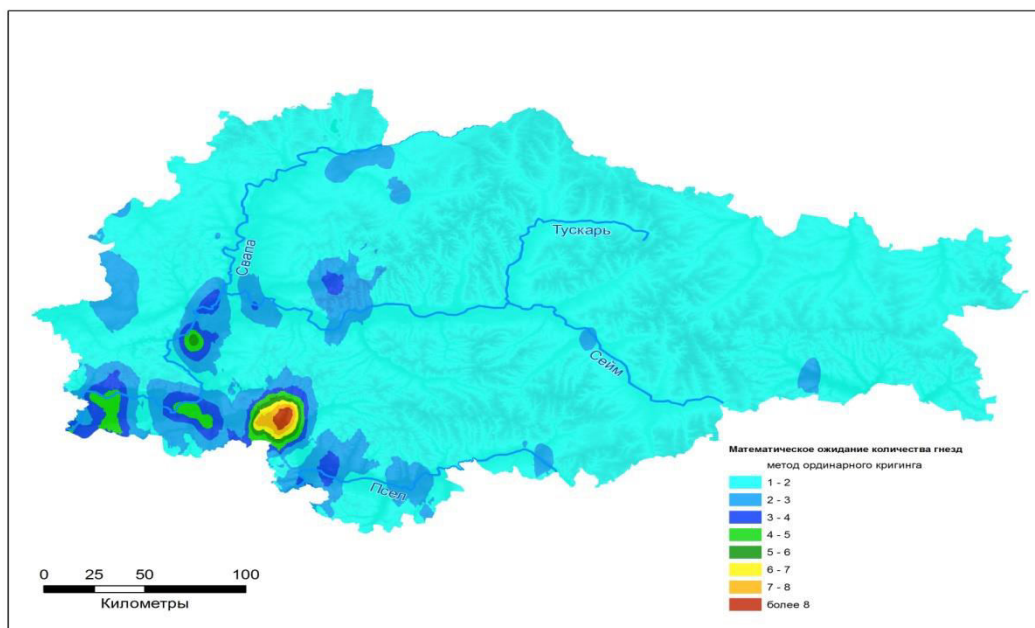

Рис. 2. Математическое ожидание количества гнезд белого аиста в Курской области

Возможным объяснением этого факта может быть расположение юго-восточнее г. Сумы системы нагорно-байрачных, пойменных и притеррасных лесных массивов, чередующихся с открытыми пространствами, идущих вдоль реки Псел, и занимающих общую площадь более 200 км², непосредственно подходящих к границе России. Данная местность оптимально соответствует по экологическим критериям месту обитания белого аиста, откуда при превышении численности и идет его расселение на ближайшие сопредельные территории.

Литература

1. Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР. Т. 1. - М.: Изд - во АН СССР., 1952.
2. Власов А.А., Миронов В.И. Редкие птицы Курской области. Курск, 2008. - 126 с.
3. Рязанцев С.А. Птицы юго-западной части ЦЧО. Изв. Курского общ-ва краеведов. - 1928. - № 4 - 6.
4. Тимонов Е.В., Макаров В.В., Лебедев В.К. Животный мир и его охрана // Природа Курской области и ее охрана. – Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 1986. – Вып. 2.
5. Чернышев А.А., Чернышев А.С. Верхний Псел. Река Псел в Курской и Белгородской областях). - Воронеж: Изв - во ВГУ, 2002. - 111 с.
6. Чернышев А.А. Изучение орнитофауны естественных и антропогенных ландшафтов (на примере Курской области). Воронеж, Изд-во ВГУ, 2004 г. - 190 с.

Научное издание

Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации

Монография

*Под редакцией профессора Л.Б. Вардомского,
профессора Л.И. Попковой,
доцента Цезары Мадры (Познань, Республика Польша)*

Статьи публикуются в авторской редакции

Лицензия ИД № 06248 от 12.11.2001

Подписано в печать 15.05.2017
Формат 60x84/8. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26,4

Тираж 300 экз. Заказ 345.

Издательство Курского госуниверситета
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33